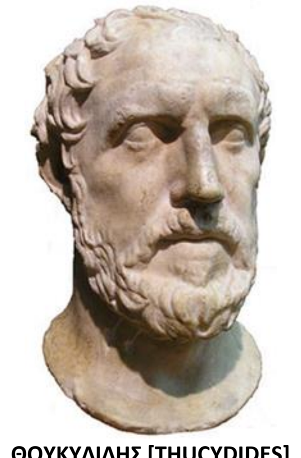
 FRIEDRICH RATZEL (1844 - 1904)	 ΘΟΥΚΥΔΙΔΗΣ [THUCYDIDES] 460 A.C- 400 A.C.	 KARL HAUSHOFER (1869 -1946)

FUNDAMENTA GEOPOLITICAE. FUNDAMENTS OF GEOPOLITICS BY ALEXANDER DUGIN. PROF. DR. DARCY CARVALHO. FEAUSP. UNIVERSITY OF SÃO PAULO. FEAUSP. SÃO PAULO. BRAZIL. STUDIES IN GEOGRAPHY AND GEOPOLITICS. ANNO 2017.

ОСНОВЫ ГЕОПОЛИТИКИ

А. Дугин

http://ratnikjournal.narod.ru/zip/Dugin.Geopolitika.pdf

FUNDAMENTS OF GEOPOLITICS

BY

ALEXANDER DUGIN

ОСНОВЫ ГЕОПОЛИТИКИ. АЛЕКСАНДР ДУГИН

ОСНОВЫ ГЕОПОЛИТИКИ

А. Дугин

Книга 1

От редакции

История и судьба геополитики как науки парадоксальна. С одной стороны, само понятие, кажется, стало привычным, активно используется в современной политике. Множатся геополитические журналы и институ ты. Издаются и переиздаются тексты основателей этой дисциплины, устраиваются конференции, симпозиумы, создаются геополитические комитеты и комиссии.

Но, тем не менее, до сих пор геополитика так и не смогла попасть в разряд конвенциональных общеприз нанных наук. Первые геополитические работы немца Ратцеля, шведа Челлена и особенно англичанина Макиндера встречались научной общественностью в штыки. Классическая наука, наследующая в полной мере гиперкритицистский дух раннего позитивизма, считала, что геополитика претендует на чрезмерные обобщения, а следовательно, есть лишь разновидность "шарлатанства".

В каком-то смысле печальная судьба геополитики как науки была связана и с политической стороной проблемы. Утвердилось мнение, что военные преступления Третьего Райха экспансия, войны, депортации и т.д. были в значительной мере теоретически подготовлены немецкими геополитиками, которые якобы снабдили режим Гитлера псевдонаучной базой. (Имелся в виду, в первую очередь, Карл Хаусхофер, немецкий геополитик, одно время бывший довольно близким к фюреру.)

Однако, германская геополитика на теоретическом уровне по сути ничем не отличалась от геополитики англосаксонской (Макиндер, Мэхэн, Спикмен), французс кой (Видаль де ла Блаш), русской "военной географии"(Милютин, Снесарев) и т.д. Разница заключалась не в специфических воззрениях Хаусхофера, которые были совершенно логичны и адекватны самой дисциплине, а в методах, которыми осуществлялся ряд его геополитических положений. Более того, специфика международной политики Германии 30-х - 40-х годов в ее наиболее отталкивающих проявлениях резко противоречила идеям самого Хаусхофера. Вместо "континен тального блока" по оси Берлин-Москва-Токио нападение на СССР, вместо органицистского (в духе шмиттовской теории "прав народов") понимания доктрины Lebensraum, "жизненного пространства" вульгарные национализм и империализм и т.д. Следует отметить и то обстоятельство, что школа Хаусхофера и его журнал "Zeitschrift fur Geopolitik" никогда не были элементами официальной нацистской системы. Как и многие интеллектуальные группы т.н. "консервативных революцио неров" в Третьем Райхе они вели двусмысленное существование их просто терпели, причем эта терпимость варьировалась в зависимости от сиюминутной политической конъюнктуры.

Однако главной причиной исторического притеснения геополитики является то обстоятельство, что она слишком откровенно показывает основополагающие механиз мы международной политики, которые различные режимы чаще всего предпочитают скрывать за туманной риторикой или абстрактными идеологическими схемами. В этом смысле, можно привести параллель с марксиз мом (по меньшей мере, в его чисто научной, аналитичес кой части). Как Маркс более чем убедительно вскрывает механику производственных отношений и их связи с историческими формациями, так и геополитика разоблачает историческую демагогию внешнеполитического дискурса, показывая реальные глубинные рычаги, влияющие на международные, межгосударственные и межэтнические отношения. Но если марксизм есть глобальный пересмотр классической экономической истории, то геополитика пересмотр истории международных отношений. Это последнее соображение объясняет двойственное отношение общества к ученым-геополитикам. Научное сообщество упорно не допускает

их в свою среду, жестко критикуя, а чаще всего не замечая, при этом властные инстанции, напротив, активно используют геополитические выкладки для выработки международной стратегии. Так, например, обстояло дело с одним из первых геополитиков, подлинным отцом-основателем этой дисциплины сэром Хэлфордом Макиндером. Его идеи не принимались в академических кругах, но сам он прямым образом участвовал в формировании английской политики первой половины XX века, заложив теоретическую основу международной стратегии Англии, перехваченной к середине столетия США и развитой американскими (шире, атлантистскими) последователями Макиндера.

Параллель с марксизмом, на наш взгляд, удачна. Метод может быть заимствован и освоен разными полюсами. Марксистский анализ одинаково важен и для представителей Капитала и для борцов за освобождение Труда. Так же и геополитика: представителей больших государств (империй) она инструктирует в том, как лучше сохранить территориальное господство и осуществить экспансию, а их противники в ней же находят концептуальные принципы революционной теории "националь ного освобождения". Например, Версальский договор был делом рук геополитической школы Макиндера, выражавшей интересы Запада и направленный на ослабление государств Средней Европы и подавление Германии. Немецкий ученик Макиндера Карл Хаусхофер, исходя из тех же предпосылок, развил прямо противоположную теорию "европейского освобождения", которая была полным отрицанием логики Версаля и легла в основание идеологии нарождающегося национал-социализма.

Последние соображения показывают, что даже не будучи принятой в содружестве классических наук, геополитика чрезвычайно эффективна на практике, а ее значение в некоторых аспектах превосходит многие конвенциональные дисциплины.

Как бы то ни было, геополитика сегодня существует и мало помалу завоевывает себе официальное признание и соответствующий статус. Однако и в этом процессе не все гладко. Сплошь и рядом мы сталкиваемся с подменой самого понятия "геополитика" , все более распространенной по мере того, как использование этого термина становится обычным явлением в среде непрофессио налов. Акцент переносится с полноценной и глобальной картины, развитой отцами-основателями, на частные региональные моменты или геоэкономические схемы. При этом изначальные постулаты геополитический дуализм, конкуренция стратегий, цивилизационная дифференциация и т.д. либо игнорируются, либо замалчи ваются, либо вообще отрицаются. Сложно представить себе нечто аналогичное в какой-то иной науке. Что стало бы с классической физикой, если, оперируя с понятиями "массы", "энергии", "ускорения" и т.д., ученые начали бы неявно, постепенно отрицать закон всемирного тяготения, забывать о нем, а потом и просто признали бы Ньютона "не существовавшей в реальности мифологической фигурой" или "темным религиозным фанатиком". Но именно это, mutatis mutandis, и происходит с геополитикой в наши дни.

Цель этой книги изложить основные геополитики объективно и беспристрастно, по ту сторону предвзятых мнений, идеологических симпатий и антипатий. Как бы мы ни относились к этой науке, выносить на ее счет определенное мнение мы можем, только познакомившись с ее принципами, историей и методологией.

ВВЕДЕНИЕ

Дефиниция "геополитики"

Труды многочисленных представителей геополитиче ских школ, несмотря на все их различия и зачастую противоречия, складываются в одну общую картину, которая и позволяет говорить о самом предмете как о чем-то законченном и определенном. Те или иные авторы и словари разнятся между собой в определении основного предмета изучения этой науки и главных методологиче ских принципов. Такое расхождение проистекает из исторических обстоятельств, а также из-за теснейшей связи геополитики с мировой политикой, проблемами власти и доминирующими идеологиями. Синтетический характер этой дисциплины предполагает включение в нее многих дополнительных предметов географии, истории, демографии, стратегии, этнографии, религиоведе ния, экологии, военного дела, истории идеологии, социологии, политологии и т.д. Так как все эти военные, естественные и гуманитарные науки сами по себе имеют множество школ и направлений, то говорить о какой-то строгости и однозначности в геополитике не приходит ся. Но какое же определение дать этой дисциплине, столь расплывчатой и одновременно выразительной и впечатляющей?

Геополитика это мировоззрение, и в этом качестве ее лучше сравнивать не с науками, но с системами наук. Она находится на том же уровне, что и марксизм, либерализм и т.д., т.е. системы интерпретаций общества и истории, выделяющие в качестве основного принципа какой-то один важнейший критерий и сводящие к нему все остальные бесчисленные аспекты человека и природы.

Марксизм[1] и либерализм равно кладут в основу экономическую сторону человеческого существования, принцип "экономики как судьбы". Не важно, что эти две идеологии делают противоположные выводы Маркс приходит к неизбежности антикапиталистической революции, а последователи Адама Смита считают капитализм самой совершенной моделью общества. И в первом и во втором случаях предлагается развернутый метод интерпретации исторического процесса, особая социология, антропология и политология. И, несмотря на постоянную критику этих форм "экономического редукцио низма" со стороны альтернативных (и маргинальных) научных кругов, они остаются доминирующими социальными моделями, на основании которых люди не просто осмысляют прошлое, но и созидают будущее, т.е. планируют, проектируют, задумывают и осуществляют крупномасштабные деяния, прямо затрагивающие все человечество.

Точно так же обстоит дело и с геополитикой. Но в отличие от "экономических идеологий", она основана на тезисе: "географический рельеф как судьба". География и пространство выступают в геополитике в той же функции, как деньги и производственные отношения в марксизме и либерализме к ним сводятся все основопола гающие аспекты человеческого существования, они служат базовым методом интерпретации прошлого, они выступают как главные факторы человеческого бытия, организующие вокруг себя все остальные стороны существования. Как и в случае экономических идеологий,

---

[1] На явную аналогию между геополитикой и марксизмом указывал в 1943 г. Карл Корш в своей книге "Исторические взгляды геополитиков": "(...) новый материализм геополитиков обладает таким же критическим, активистским и идеалистическим (в традиционном смысле слова) характером, каким обладал в ранние периоды т.н. исторический материализм Маркса. ... Как марксизм сегодня стремится к осознанному контролю над экономичес кой жизнью общества, так сегодняшний "хаусхоферизм" может быть определен как попытка политического контроля над пространством ." Цит. по New Essays, 6 т., 1943, стр. 817.

геополитика основана на приближенности, на редукцио низме, сведении многообразных проявлений жизни к нескольким параметрам, но несмотря на заведомую погрешность, всегда присущую таким теориям, она впечатляю ще доказывают свою стройность в вопросе объяснении прошлого и предельную эффективность в организации настоящего и проектировании будущего.

Если продолжать параллель с марксизмом и классической буржуазной политэкономией, можно сказать, что, подобно экономическим идеологиям, утверждающим особую категорию "человек экономический" (homo economicus), геополитика говорит о "человеке пространст венном", предопределенном пространством, сформирован ном и обусловленным его специфическим качеством рельефом, ландшафтом. Но эта обусловленность особенно ярко проявляется в масштабных социальных проявлениях человека в государствах, этносах, культурах, цивилизациях и т.д. Зависимость каждого индивидуума от экономики очевидна и в малых и в больших пропорциях. Поэтому экономический детерминизм понятен и обычным людям и властным инстанциям, оперирующим с большими социальными категориями. По этой причине, быть может, экономические идеологии стали столь популярными и выполняли мобилизационную функцию вплоть до революций, основанных на личной ангажированности в идеологии множества отдельных людей. Зависимость человека от пространства основной тезис геополитики видится лишь при некотором дистанцировании от отдельного индивидуума. И поэтому геополитика не стала несмотря на предпосылки собственно идеологией или, точнее, "массовой идеологи ей". Ее выводы и методы, предметы изучения и основные тезисы внятны лишь тем социальным инстанциям, которые занимаются крупномасштабными проблемами стратегическим планированием, осмыслением глобальных социальных и исторических закономерностей и т.д. Пространство проявляет себя в больших величинах, и поэтому геополитика предназначается для социальных групп, имеющих дело с обобщенными реальностями странами, народами и т.д.

Геополитика это мировоззрение власти, наука о власти и для власти. Только по мере приближения человека к социальной верхушке геополитика начинает обнаруживать для него свое значение, свой смысл и свою пользу, тогда как до этого она воспринимается как абстракция. Геополитика дисциплина политических элит (как актуальных, так и альтернативных), и вся ее история убедительно доказывает, что ею занимались исключительно люди, активно участвующие в процессе управления странами и нациями, либо готовящиеся к этой роли (если речь шла об альтернативных, оппозицион ных идеологических лагерях, отстраненных от власти в силу исторических условий).

Не претендуя на научную строгость, геополитика на своем уровне сама определяет, что обладает для нее ценностью, а что нет. Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины привлекаются только тогда, когда они не противоречат основным принципам геополитического метода. Геополитика, в некотором роде, сама отбирает те науки и те направления в науке, которые представляются ей полезными, оставляя без внимания все остальное. В современном мире она представляет собой "краткий справочник властелина", учебник власти, в котором дается резюме того, что следует учитывать при принятии глобальных (судьбоносных) решений таких как заключение союзов, начало войн, осуществление реформ, структурная перестройка общества, введение масштаб ных экономических и политических санкций и т.д.

Геополитика это наука править.

Теллурократия и талассократия

Главным законом геополитики является утверждение фундаментального дуализма, отраженного в географиче ском устройстве планеты и в исторической типологии цивилизаций. Этот дуализм выражается в противопос тавлении "теллурократии" (сухопутного могущества) и "талассократии" (морского могущества). Характер такого противостояния сводится к противопоставлению торговой цивилизации (Карфаген, Афины) и цивилизации военно-авторитарной (Рим, Спарта). В иных терминах, дуализм между "демократией" и "идеократией".

Уже изначально данный дуализм имеет качество враждебности, альтернативности двух его составляющих полюсов, хотя степень может варьироваться от случая к случаю. Вся история человеческих обществ, таким образом, рассматривается как состоящая из двух стихий "водной" ("жидкой", "текучей") и "сухопутной" ("твердой", "постоянной").

"Теллурократия", "сухопутное могущество" связано с фиксированностью пространства и устойчивостью его качественных ориентаций и характеристик. На цивилиза ционном уровне это воплощается в оседлости, в консерватизме, в строгих юридических нормативах, которым подчиняются крупные объединения людей рода, племена, народы, государства, империи. Твердость Суши культурно воплощается в твердости этики и устойчивости социальных традиций. Сухопутным (особенно оседлым) народам чужды индивидуализм, дух предпринима тельства. Им свойствены коллективизм и иерархичность.

"Талассократия", "морское могущество" представляет собой тип цивилизации, основанной на противоположных установках. Этот тип динамичен, подвижен, склонен к техническому развитию. Его приоритеты кочевниче ство (особенно мореплавание), торговля, дух индивиду ального предпринимательства. Индивидуум как наиболее подвижная часть коллектива возводится в высшую ценность, при этом этические и юридические нормы размываются, становятся относительными и подвижными. Такой тип цивилизации быстро развивается, активно эволюционирует, легко меняет внешние культурные признаки, сохраняя неизменной лишь внутреннюю идентич ность общей установки.

Большая часть человеческой истории развертывается в ситуации ограниченного масштаба обеих ориентаций при глобальной доминации "теллурократии". Элемент Земли (Суша) довлеет над всем ансамблем цивилизаций, а элемент "Вода" (море, океан) выступает лишь фрагментарно и спорадически. Дуализм до определенного момента остается географически локализованным морские берега, устья и бассейны рек и т. д. Противостоя ние развивается в различных зонах планеты с разной интенсивностью и в разных формах.

Политическая история народов земли демонстрирует постепенный рост политических форм, становящихся все более масштабными. Так возникают государства и империи. Этот процесс на геополитическом уровне означает усиление фактора пространства в человеческой истории. Характер крупных политических образований государств и империй выражает дуальность стихий более впечатляюще, выходя на уровень все более и более универсальных цивилизационных типов.

В определенный момент (античный мир) складывает ся довольно устойчивая картина, отраженная в "карте Макиндера". Зона теллурократии устойчиво отождеств ляется с внутриконтинентальными просторами Северо-Восточной Евразии (в общих чертах совпадающими с территориями царской России или СССР). Талассокра тия все яснее

обозначается как береговые зоны евразий ского материка, Средиземноморский ареал, Атлантиче ский океан и моря, омывающие Евразию с Юга и Запада.

Так карта мира обретает геополитическую специфику:

1) Внутриконтинентальные пространства становятся "неподвижной платформой", heartland'ом ("землей сердцевины"), "географической осью истории", которая устойчиво сохраняет теллурократическую цивилизационную специфику.

2) "Внутренний или континентальный полумесяц", "береговая зона", rimland представляют собой пространство интенсивного культурного развития. Здесь очевидны черты "талассократии". Хотя они уравновешиваются многими "теллурократическими" тенденциями.

3) "Внешний или островной полумесяц" представляет собой "неизведанные земли", с которыми возможны только морские коммуникации. Впервые он дает о себе знать в Карфагене и торговой финикийской цивилизации, воздействовав шей на "внутренний полумесяц" Европы извне.

Эта геополитическая картина соотношения талассокра тии и теллурократии выявляется потенциально к началу христианской эры, после эпохи Пунических войн. Но окончательно она приобретает смысл в период становле ния Англии великой морской державой в XVII XIX веках. Эпоха великих географических открытий, начатая с конца XV века, повлекла за собой окончательное становление талассократии самостоятельным планетарным образованием, оторвавшимся от Евразии и ее берегов и полностью сконцентрировавшимся в англосаксонском мире (Англия, Америка) и колониях. "Новый Карфаген" англосаксонского капитализма и индустриализма оформился в нечто единое и цельное, и с этого времени геополитический дуализм приобрел уже четко различимые идеологические и политические формы.

Позиционная борьба Англии с континентальными державами Австро-венгерской империей, Германией и Россией была геополитическим содержанием XVIII XIX веков (+ вторая половина XX века), а с середины нашего столетия главным оплотом талассократии стали США.

В холодной войне 1946 1991 годов извечный геополитический дуализм достиг максимальных пропорций, талассократия отождествилась с США, а теллурократия с СССР.

Два глобальных типа цивилизации, культуры, метаидеологии вылились в законченные геополитические очертания, резюмирующие всю геополитическую историю противостояния стихий. При этом поразительно, что этим формам законченного геополитического дуализма на идеологическом уровне соответствовали две столь же синтетические реальности идеология марксизма (социализма) и идеология либерал- капитализма.

В данном случае можно говорить о реализации на практике двух типов "редукционизма": экономический редукционизм свелся к противопоставлению идей Смита и идей Маркса, а геополитический к разделению всех секторов планеты на зоны, подконтрольные талассокра тии (Новому Карфагену, США) и теллурократии (Новому Риму, СССР).

Геополитическое видение истории представляет собой модель развития планетарного дуализма до максималь ных пропорций. Суша и Море распространяют свое изначальное противостояние на весь мир.

Человеческая история есть не что иное, как выражение этой борьбы и путь к ее абсолютизации.

Таково самое общее выражение главного закона геополитики закона дуализма стихий (Суша против Моря).

Геополитическая телеология

До момента окончательной победы США в холодной войне геополитический дуализм развивался в изначаль но заданных рамках речь шла об обретении талассо кратией и теллурократией максимального пространст венного, стратегического и силового объема. В виду наращивания обеими сторонами ядерного потенциала некоторым геополитикам-пессимистам исход всего этого процесса представлялся катастрофическим, так как, полностью освоив планету, два могущества должны были либо перенести противостояние за пределы земли (теория звездных войн), либо взаимно уничтожить друг друга (ядерный апокалипсис).

Если характер основного геополитического процесса истории максимальное пространственное расширение талассократии и теллурократии для этой дисципли ны очевиден, то его исход остается под вопросом. В этом отношении никакого детерминизма нет.

Следовательно, геополитическая телеология, т.е. осмысление цели истории в геополитических терминах, доходит лишь до момента глобализации дуализма и здесь останавливается.

Но, тем не менее, на чисто теоретическом уровне можно вычленить несколько предположительных версий развития событий после того, как можно будет констатиро вать победу одной из двух систем талассократии.

1-й вариант . Победа талассократии полностью отменяет цивилизацию теллурократии. На планете устанав ливается однородный либерально-демократический порядок. Талассократия абсолютизирует свой архетип и становится единственной системой организации человеческой жизни. Этот вариант имеет два преимущества: Во-первых, он логически непротиворечив, так как в нем можно увидеть закономерное завершение однонаправлен ного (в целом) течения геополитической истории от полной доминации Суши (традиционный мир) к полной доминации Моря (современный мир); а во-вторых, именно это происходит в действительности.

2-й вариант . Победа талассократии оканчивает цикл противостояния двух цивилизаций, но не распространя ет свою модель на весь мир, а просто завершает геополитическую историю, отменяя ее проблематику. Подобно тому, как теории постиндустриального общества доказывают снятость в этом обществе основных противоре чий классической политэкономии (и марксизма), так некоторые мондиалистские теории утверждают, что в грядущем мире противостояние Суши и Моря будет вообще снято. Это тоже "конец истории", но только дальнейшее развитие событий не поддается такому строгому анализу, как в первом варианте.

Оба этих анализа рассматривают поражение теллурократии как необратимый и свершившийся факт. Два другие варианта относятся к этому иначе.

3-й вариант . Поражение теллурократии явление временное. Евразия вернется к своей континентальной миссии в новой форме. При этом будут учтены геополитические факторы, приведшие к катастрофе континен талистские силы (новый континентальный блок будет иметь морские границы на Юге и на Западе, т.е. осуществится "доктрина Монро для Евразии"). В таком случае мир снова вернется к биполярности. Но уже другого качества и другого уровня.

4-й вариант (являющийся развитием предыдущего). В этом новом противостоянии побеждает теллурократия. Она стремится перенести свою собственную цивилизаци онную модель на всю планету и "закрыть историю" на своем аккорде. Весь мир типологически превратится в Сушу, и повсюду воцарится "идеократия". Предвкуше нием такого исхода были идеи о "Мировой Революции" и планетарном господстве Третьего Райха.

Так как в наше время роль субъективного и рационального фактора в развитии исторических процессов как никогда велика, то эти четыре варианта следует рассматривать не просто как отвлеченную констатацию вероятного развития геополитического процесса, но и как активные геополитические позиции, которые могут стать руководством к действиям глобального масштаба.

Но в данном случае геополитика не может предложить никакой детерминистской версии. Все здесь сводится только к набору возможностей, реализация которых будет зависеть от множества факторов, не укладывающихся больше в рамки чисто геополитического анализа.

Rimland и "зоны-границы"

Вся методология геополитического исследования основана на применении принципов глобального геополитического дуализма Суши и Моря к более локальным категориям. При анализе любой ситуации именно планетарная модель остается главной и основополагающей. Те соотношения, которые характерны для общей картины, повторяются и на более частном уровне.

После выделения двух основных принципов талассо кратии и теллурократии, следующим важнейшим принципом является rimland, "береговая зона". Это ключевая категория, лежащая в основе геополитического исследования.

Rimland представляет собой составное пространство, которое потенциально несет в себе возможность быть фрагментом либо талассократии, либо теллурократии. Это наиболее сложный и насыщенный культурой регион. Влияние морской стихии, Воды, провоцирует в "береговой зоне" активное и динамическое развитие. Континентальная масса давит, заставляя структурализиро вать энергию. С одной стороны, rimland переходит в Остров и Корабль. С другой стороны в Империю и Дом.

Rimland не сводится, однако, лишь к промежуточной и переходной среде, в которой протекает противодейст вие двух импульсов. Это очень сложная реальность, имеющая самостоятельную логику и в огромной мере влияющая и на талассократию, и на теллурократию. Это не объект истории, но его активный субъект. Борьба за rimland

талассократии и теллурократии не есть соперничество за обладание простой стратегической позицией. Rimland обладает собственной судьбой и собствен ной исторической волей, которая, однако, не может разрешиться вне базового геополитического дуализма. Rimland в значительной степени свободен в выборе, но не свободен в структуре выбора так как кроме талассо кратического или теллурократического пути третьего ему не дано.

В связи с таким качеством "внутренний полумесяц" часто вообще отождествляется с ареалом распростране ния человеческой цивилизации. В глубине континента царит консерватизм, вне его пределов вызов подвижного хаоса.

"Береговые зоны" самой своей позицией поставлены перед необходимостью давать ответ на проблему, предложенную географией.

Rimland является пограничной зоной, поясом, полосой. Вместе с тем это граница. Такое сочетание подводит к геополитическому определению границы.

В отличие от границ между государствами, геополитика понимает этот термин иначе, отправляясь от изначальной модели, в которой первограницей или архетипом всех границ является конкретное историко-геогра фическое и культурное понятие rimland.

Пространственный объем береговых зон является следствием взгляда на материк извне, "от лица морских пришельцев". Именно для "сил моря" берег является полосой , простирающейся вглубь суши. Для самого материка, берег напротив, это предел, линия.

Граница как линия (а именно так она понимается в международном праве) это рудимент "сухопутной юриспруденции", унаследованный современным правом из древнейших традиций. Это взгляд сугубо сухопутный.

Но взгляд морской, внешний по отношению к материку, видит береговые территории как потенциальные колонии, как полоски земли, которые можно оторвать от остальной континентальной массы, превратить в базу, в стратегическое пространство. При этом береговая зона никогда не становится до конца "своей"; при необходимости можно сесть на корабль и уплыть на родину, на "остров". Полосой же берег становится именно за счет того, что пришельцам с моря небезопасно углубляться внутрь континента только на определенное расстояние.

Так как геополитика совмещает оба взгляда на пространство морской и сухопутный, то в ней rimland понимается как особая реальность, как граница-полоса, причем ее качественный объем зависит от того, какой импульс доминирует в данном секторе сухопутный или морской. Гигантские и вполне судоходные океанические побережья Индии и Китая суть линии, полосы минимального объема. Соответствующие культуры имеют сухопутную ориентацию, и объем береговых полос тяготеет к нулю, к тому, чтобы стать просто концом материка. В Европе и особенно в Средиземноморье береговые зоны суть широкие полосы, уходящие далеко вглубь материка. Их объем максимален. Но в обоих случаях речь идет о геополитической границе. Следователь но, это категория переменная, варьирующаяся, в зависимости от обстоятельств, от линии до полосы.

Такой подход геополитика проецирует и на анализ более частных проблем, связанных с границами. Она рассматривает границы между государствами как "зоны переменного объема". Этот объем его сокращение или расширение зависит от общей континентальной динамики. В зависимости от нее эти зоны меняют форму и траекторию в заданных

пределах. В понятие "геополи тической границы" могут входить целые государства. Например, английская идея "санитарного кордона" между Россией и Германией предполагала создание "ничейной" (полуколониальной и ориентированной на Англию) зоны, состоящей из прибалтийских и восточноевропейских государств. Континенталистская политика России и Германии, напротив, тяготела к тому, чтобы превратить эту зону в линию (Брест-Литовск, Раппало, пакт Риббентроп-Молотов). Талассократы-атлантисты стремились ее максимально расширить, создавая искусственные "прокладочные государства" (etats-tampons).

При этом законченная и совершенная талассократия (Англия, США) применяет в данном случае двойной стандарт: границы собственных Островов талассократы стремятся свести к линии, а береговые зоны Евразии максимально расширить. Для континенталистской геополитики логично использовать точно такой же принцип в обратном направлении: границы Евразии линии, границы Америки полосы.

Аналогия с историческим rimland'ом как "колыбелью цивилизации" показывает важнейшее значение "зон-границ" и в более частных случаях. Свободные от необходимости нести на себе тяжесть географического заряда истории "пограничные зоны" сплошь и рядом направляют свою энергию в культурно-интеллектуальные сферы. И умелое использование этого "легкого" геополити ческого потенциала составляет искусство геополитиче ской стратегии противоборствующих сторон.

При этом именно "морские силы" овладели этим в совершенстве, так как всегда основывались на принципе максимального и скорейшего извлечения пользы из колонизированных территорий. Это отличало их от сухопутных завоевателей, которые после захвата территории сразу же начинали считать ее своей, а, следователь но, не очень спешили выжимать из нее все, что можно.

Геополитика как судьба

Законы геополитики чрезвычайно удобны для анализа политической истории, истории дипломатии и стратегического планирования. Эта наука имеет множество пересечений с социологией, политологией, этнологией, военной стратегией, дипломатией, историей религий и т.д. Косвенно, но подчас очень наглядно, связана она и с экономикой, вплоть до того, что некоторые геополити ки предлагали основать новую науку геоэкономику. Во всяком случае, в некоторых аспектах геополитиче ского метода обращение к экономическим реальностям необходимо.

В настоящий момент при тяготении всех видов наук к синтезу, к слиянию, к созданию новых межнауч ных макродисциплин и многомерных моделей геополитика обнаруживает свое значение как для чисто теоретических исследований, так и для практических шагов в управлении сложными цивилизационными процессами в масштабе планеты или в масштабе отдельных государств или блоков государств. Это наука будущего, основы которой в самом ближайшем времени будут преподаваться не только в специальных высших учебных заведениях учреждениях и академиях, но и в простых школах. С помощью геополитического анализа легко можно осмыслить целые эпохи исторического развития стран и народов. При свойственном нашему времени расширению информационных зон, появление таких простых и наглядных редукционистских методологий неизбежно, так как в противном случае человек рискует окончательно потерять всякие ориентиры в многообраз ном и многомерном хаосе потоков разнородных знаний.

Геополитика бесценное подспорье в вопросах образования. Ее структура такова, что именно она могла бы стать осевой дисциплиной на новом этапе развития школы.

Вместе с тем все более очевидна роль геополитики в широкой социальной сфере. Уровень развития информа ции, активная вовлеченность обычного человека в события, разворачивающиеся на всем континенте, "мондиа лизация" масс-медиа все это выдвигает на первый план пространственное мышление в геополитических терминах, которое помогает "сортировать" народы, государства, режимы и религии по единой упрощенной шкале для того, чтобы смысл даже самых элементарных теле- или радио-новостей был хотя бы приблизительно понятен. Если применить простейшую геополитическую сетку heartland, rimland, World Island к любому сообщению относительно международных событий, сразу же выстраивается некая ясная интерпретационная модель, не требующая дополнительных узкоспециальных знаний. "Расширение НАТО на Восток" при таком подходе означает "увеличение объема rimland в пользу талассократии"; "договор между Германией и Францией относительно создания особых чисто европейских вооруженных сил" "шаг в сторону создания континенталь ной теллурократической конструкции"; "конфликт между Ираком и Кувейтом стремление континентального государства уничтожить искусственное талассократиче ское образование, препятствующее прямому контролю над береговой зоной" и т.д.

И наконец, о влиянии геополитической методологии на внутреннюю и внешнюю политику. Если геополити ческий смысл определенных шагов политических партий и движений, а также властных структур будет оче виден, легко соотнести их с системой глобальных интересов, а, следовательно, расшифровать их далеко идущие цели. Например, интеграция России с европейски ми странами (особенно с Германией) шаг теллурокра тических сил (евразийцев), отсюда автоматически можно прогнозировать усиление "идеократических" ("социалистических") тенденций внутри страны. Напротив, сближение Москвы с Вашингтоном означает подчинение талассократической линии и с неизбежностью влечет за собой позиционное усиление "рыночников" и т.д. Точно так же в свете закономерностей внутренней геополитики можно легко интерпретировать и внутриполитические процессы сепаратизм народов внутри России, двухсторонние или многосторонние соглашения различных административных образований и областей между собой. Каждое событие в свете геополитики приобретает четкий смысл. Этот геополитический смысл не может рассматриваться как ultimo ratio события, но в любом случае он всегда оказывается в высшей степени выразительным и полезным для анализа и прогнозирования.

Отсутствие сегодня какого бы то ни было учебного пособия по этой теме подвигло нас на написание и составление этой книги, которая представляет собой введение в геополитику как науку.

ЧАСТЬ I ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИГЕОПОЛИТИКИ

Глава 1. Фридрих Ратцель Государства как пространственные организмы

1.1 Образование: немецкая "органицист скаяшкола"

Фридриха Ратцеля (1844 1904) можно считать "отцом" геополитики, хотя сам он этого термина в своих трудах не использовал. Он писал о "политической географии". Его главный труд, увидевший свет в 1897 году так и называется "Politische Geographie".

Ратцель окончил Политехнический университет в Карлсруе, где он слушал курсы геологии, палеоонтологии и зоологии. Завершил он свое образование в Хайдельбер ге, где стал учеником профессора Эрнста Гекеля (который первым употребил термин "экология"). Мировоззре ние Ратцеля было основано на эволюционизме и дарвинизме и окрашено ярко выраженным интересом к биологии.

Ратцель участвует в войне 1870 года, куда оправляется добровольцем и получает Железный Крест за храбрость. В политике он постепенно становится убежден ным националистом, а в 1890 году вступает в "Пангерманистскую лигу" Карла Петерса. Он много путешеству ет по Европе и Америке и добавляет к своим научным интересам исследования по этнологии. Он становится преподавателем географии в техническом институте Мюнхена, а в 1886 переходит на аналогичную кафедру в Лейпциге.

В 1876 году Ратцель защищает диссертацию об "Эмиграции в Китае", а в 1882 в Штуттгарте выходит его фундаментальный труд "Антропогеография" ("Antropogeographie"), в котором он формулирует свои основные идеи: связь эволюции народов и демографии с географи ческими данными, влияние рельефа местности на культурное и политическое становление народов и т.д.

Но самой основной его книгой была "Политическая география".

1.2 Государства как живые организмы

В этой работе Ратцель показывает, что почва является основополагающей, неизменной данностью, вокруг которой вращаются интересы народов. Движение истории предопределено почвой и территорией. Далее следует эволюционистский вывод о том, что "государство является живым организмом", но организмом "укорененным в почве". Государство складывается из территориального рельефа и масштаба и из их осмысления народом. Таким образом, в Государстве отражается объективная географическая данность и субъективное общенациональное осмысление этой данности, выраженное в политике. "Нормальным" Государством Ратцель считает такое, которое наиболее органично сочетает географические, демографические и этнокультурные параметры нации.

Он пишет:

"Государства на всех стадиях своего развития рассматрива ются как организмы, которые с необходимостью сохраняют связь со своей почвой и поэтому должны изучаться с

географической точки зрения. Как показывают этнография и история, государства развиваются на пространственной базе, все более и более сопрягаясь и сливаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляе мыми и оживляемыми этим пространством; и описывать, сравнивать, измерять их должна география. Государства вписываются в серию явлений экспансии Жизни, являясь высшей точкой этих явлений" ("Политическая география"[2]).

Из такого "органицистского" подхода ясно видно, что пространственная экспансия государства понимается Ратцелем как естественный живой процесс, подобный росту живых организмов.

"Органический" подход Ратцеля сказывается и в отношении к самому пространству (Raum). Это "простран ство" переходит из количественной материальной категории в новое качество, становясь "жизненной сферой", "жизненным пространством " (Lebensraum), некоей "геобиосредой ". Отсюда вытекают два других важных термина Ратцеля "пространственный смысл" (Raumsinn) и "жизненная энергия " (Lebensenergie). Эти термины близки друг к другу и обозначают некое особое качество, присущее географическим системам и предопределяющее их политическое оформление в истории народов и государств.

Все эти тезисы являются основополагающими принципами геополитики, в той форме, в которой она разовьется несколько позднее у последователей Ратцеля. Более того, отношение к государству как к "живому про странственному, укорененному в почве организму " есть главная мысль и ось геополитической методики. Такой подход ориентирован на синтетическое исследование всего комплекса явлений, независимо от того, принадлежат ли они человеческой или нечеловеческой сфере. Пространство как конкретное выражение природы, окружающей среды, рассматривается как непрерывное жизненное тело этноса, это пространство населяющего. Структура материала сама диктует пропорции конечного произведения искусств.

В этом смысле Ратцель является прямым наследни ком всей школы немецкой "органической" социологии, наиболее ярким представителем которой был Фердинанд Теннис.

1.3. Raum политическая организация почвы

Какими Ратцель видел соотношения этноса и пространства видно из следующего фрагмента "Политиче ской географии":

"Государство складывается как организм, привязанный к определенной части поверхности земли, а его характеристики развиваются из характеристик народа и почвы. Наиболее важными характеристиками являются размеры, местополо жение и границы. Далее следует типы почвы вместе с растительностью, ирригация и, наконец, соотношения с остальными конгломератами земной поверхности, и в первую очередь, с прилегающими морями и незаселенными землями, которые, на первый взгляд, не представляют особого политического интереса. Совокупность всех этих характеристик составляют страну (das Land). Но когда говорят о "нашей стране", к этому добавляется все то, что человек создал,

[2] См. Friedrich Ratzel, "Politische Geographie", 1887, "Einleitung".

и все связанные с землей воспоминания. Так изначально чисто географическое понятие превращается в духовную и эмо циональную связь жителей страны и их истории.

Государство является организмом не только потому, что оно артикулирует жизнь народа на неподвижной почве, но потому что эта связь взаимоукрепляется, становясь чем-то единым, немыслимым без одного из двух составляющих. Необитаемые пространства, неспособное вскормить Государст во, это историческое поле под паром. Обитаемое пространст во, напротив, способствует развитию государства, особенно, если это пространство окружено естественными границами. Если народ чувствует себя на своей территории естествен но, он постоянно будет воспроизводить одни и те же характеристики, которые, происходя из почвы, будут вписаны в него."[3]

1.4 Закон экспансии

Отношение к государству как к живому организму предполагало отказ от концепции "нерушимости границ". Государство рождается, растет, умирает, подобно живому существу. Следовательно, его пространственное расширение и сжатие являются естественными процессами, связанными с его внутренним жизненным циклом. Ратцель в своей книге "О законах пространственного роста Государств" (1901) выделил семь законов экспансии :

1) Протяженность Государств увеличивается по мере развития их культуры;

2) Пространственный рост Государства сопровождается иными проявлениями его развития: в сферах идеологии, производства, коммерческой деятельности, мощного "притяга тельного излучения", прозелитизма.

3) Государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости.

4) Граница это орган, расположенный на периферии Государства (понятого как организм).

5) Осуществляя свою пространственную экспансию, Государство стремится охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны рек, долины и вообще все богатые территории.

6) Изначальный импульс экспансии приходит извне, так как Государство провоцируется на расширение государством (или территорией) с явно низшей цивилизацией.

7) Общая тенденция к ассимиляции или абсорбции более слабых наций подталкивает к еще большему увеличению территорий в движении, которое подпитывает само себя[4].

Неудивительно, что многие критики упрекали Ратцеля в том, что он написал "Катехизис для империалистов". При этом сам Ратцель отнюдь не стремился любыми путями оправдать немецкий империализм, хотя и не скрывал, что придерживался националистических убеждений. Для него было важно создать концептуальный

---

[3] См. Ibidem

[4] См. Friedrich Ratzel "Ueber die Gesetze des raeumlicher Wachstum der Staaten", 1901.

инструмент для адекватного осознания истории государств и народов в их отношении с пространством. На практике же он стремился пробудить "Raumsinn" ("чувство пространства") у вождей Германии, для которых чаще всего географические данные сухой академической науки представлялись чистой абстракцией.

1.5 Weltmacht и море

На Ратцеля в значительной степени повлияло знакомство с Северной Америкой, которую он хорошо изучил и которой посвятил две книги: "Карты североамери канских городов и цивилизации" (1874) и "Соединенные Штаты Северной Америки" (1878 1880). Он заметил, что "чувство пространства" у американцев развито в высшей степени, так как они были поставлены перед задачей освоения "пустых" пространств, имея за плечами значительный "политико-географический " опыт европейской истории. Следовательно, американцы осмысленно осуществляли то, к чему Старый Свет приходил интуитивно и постепенно. Так у Ратцеля мы сталкиваемся с первыми формулировками другой важней геополитической концепции концепции "мировой державы " (Weltmacht). Ратцель заметил, что у больших стран в их развитии есть тенденция к максимальной географи ческой экспансии, выходящей постепенно на планетар ный уровень.

Следовательно, рано или поздно географическое развитие должно подойти к своей континентальной фазе.

Применяя этот принцип, выведенный из американ ского опыта политического и стратегического объедине ния континентальных пространств, к Германии, Ратцель предрекал ей судьбу континентальной державы.

Предвосхитил он и другую важнейшую тему геополитики значение моря для развития цивилизации. В своей книге "Море, источник могущества народов" (1900)[5] он указал на необходимость каждой мощной державы особенно развивать свои военно-морские силы, так как этого требует планетарный масштаб полноцен ной экспансии. То, что некоторые народы и государства (Англия, Испания, Голландия и т.д.) осуществляли спонтанно, сухопутные державы (Ратцель, естественно, имел в виду Германию) должны делать осмысленно: развитие флота является необходимым условием для приближе ния к статусу "мировой державы" (Weltmacht).

Море и "мировая держава" у Ратцеля уже связаны, хотя лишь у позднейших геополитиков (Мэхэн, Макиндер, Хаусхофер, особенно Шмитт) эта тема приобретет законченность и центральность.

Труды Ратцеля являются необходимой базой для всех геополитических исследований. В свернутом виде в его работах содержатся практически все основные тезисы, которые лягут в основу этой науки. На книгах Ратцеля основывали свои концепции швед Челлен и немец Хаусхофер. Его идеи учитывали француз Видаль де ля Блаш, англичанин Макиндер, американец Мэхэн и русские евразийцы (П.Савицкий, Л.Гумилев и т.д.).

Надо заметить, что политические симпатии Ратцеля не случайны. Практически все геополитики были отмечены ярко выраженным национальным чувством, независимо от того, облекалось ли оно в демократические (англосаксонские геополитики Макиндер, Мэхэн) или "идеократические" (Хаусхофер, Шмитт, евразийцы) формы.

---

[5] См. Friedrich Ratzel "Das Meer als Quelle der Voelkergroesse", 1900.

Глава 2. Рудольф Челлен и Фридрих Науманн "Средняя Европа"

2.1 Дефиниция новой науки

Швед Рудольф Челлен (1864 1922) был первым, кто употребил понятие "геополитика".

Челлен был профессором истории и политических наук в университетах Уппсалы и Гетеборга. Кроме того, он активно участвовал в политике, являлся членом парламента, отличаясь подчеркнутой германофильской ориентацией. Челлен не был профессиональным географом и рассматривал геополитику, основы которой он развил, отталкиваясь от работ Ратцеля (он считал его своим учителем), как часть политологии.

Геополитику Челлен определил следующим образом:

"Это -- наука о Государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве"[6].

Помимо "геополитики" Челлен предложил еще 4 неологизма, которые, по его мнению, должны были составить основные разделы политической науки:
экополитика ("изучение Государства как экономической силы");

демополитика ("исследование динамических импульсов, передаваемых народом Государству"; аналог "Антропогеогра фии" Ратцеля);

социополитика ("изучение социального аспекта Государства");

кратополитика ("изучение форм правления и власти в соотношении с проблемами права и социально-экономиче скими факторами")[7].
Но все эти дисциплины, которые Челлен развивал параллельно геополитике, не получили широкого признания, тогда как термин "геополитика" устойчиво утвердился в самых различных кругах.

2.2 Государство как форма жизни и интересы Германии

В своем основном труде "Государство как форма жизни" (1916)[8] Челлен развил постулаты, заложенные в труде Ратцеля. Челлен, как и Ратцель, считал себя последователем немецкого "органицизма", отвергающего механицистский подход к государству и обществу. Отказ от строгого деления предметов изучения на "неодушев ленные объекты" (фон) и "человеческие субъекты" (деятели) является отличительной чертой большинства геополитиков . В этом смысле показательно само название основного труда Челлена.

Челлен развил геополитические принципы Ратцеля применительно к конкретной исторической ситуации в современной ему Европе.

---

6 См. Rudolf Kjellen "Die Staat als Lebensform", 1916.
7 См. Ibidem
8 См. Ibidem

Он довел до логического конца идеи Ратцеля о "континентальном государстве" применительно к Германии. И показал, что в контексте Европы Германия является тем пространством, которое обладает осевым динамиз мом и которое призвано структурировать вокруг себя остальные европейские державы. Первую мировую войну Челлен интерпретировал как естественный геополитический конфликт, возникший между динамической экспансией Германии ("страны Оси") и противодействую щими ей периферийными европейскими (и внеевропей скими) государствами (Антанта). Различие в геополити ческой динамике роста нисходящей для Франции и Англии и восходящей для Германии предопределили основной расклад сил. При этом, с его точки зрения, геополитическое отождествление Германии с Европой неизбежно и неотвратимо, несмотря на временное поражение в Первой мировой войне.

Челлен закрепил намеченную Ратцелем геополитиче скую максиму интересы Германии (= интересы Европы) противоположны интересам западноевропейских держав (особенно Франции и Англии). Но Германия государство "юное", а немцы "юный народ". (Эта идея "юных народов", которыми считались русские и немцы, восходит к Ф.Достоевскому, не раз цитируемому Челленом.) "Юные" немцы, вдохновленные "среднеевропейским пространством ", должны двигаться к континентальному государству планетарного масштаба за счет территорий, контролируемых "старыми народами " французами и англичанами. При этом идеологический аспект геополитического противостояния считался Челленом второстепенным.

2.3 К концепции Средней Европы

Хотя Челлен сам был шведом и настаивал на сближении шведской политики с германской, его геополити ческие представления о самостоятельном интегрирующем значении германского пространства точно совпадают с теорией "Средней Европы" (Mitteleuropa), развитой Фридрихом Науманном.

В своей книге "Mitteleuropa" (1915)[9] Науманн дал геополитический диагноз, тождественный концепции Рудольфа Челлена. С его точки зрения, для того, чтобы выдержать конкуренцию с такими организованными геополитическими образованиями как Англия (и ее колонии), США и Россия, народы, населяющие Централь ную Европу должны объединиться и организовать новое интегрированное политико-экономическое пространство. Осью такого пространства будут, естественно, немцы.

Mitteleuropa в отличие от чистых "пангерманистских" проектов была уже не национальным, но сугубо геополитическим понятием, в котором основное значение уделялось не этническому единству, а общности географи ческой судьбы. Проект Науманна подразумевал интегра цию Германии, Австрии, придунайских государств и, в далекой перспективе, Франции.

Геополитический проект подтверждался и культурными параллелями. Сама Германия как органическое образование отождествлялась с духовным понятием "Mittellage", "срединное положение". Это еще в 1818 году сформулировал Арндт: "Бог поместил нас в центре Европы; мы (немцы) сердце нашей части света".

---

[9] См. Friedrich Naumann "Mitteleuropa", 1915.

Через Челлена и Науманна "континентальные" идеи Ратцеля постепенно приобретали осязаемые черты.

Глава 3. Хэлфорд Макиндер "Географическая ось истории"

3.1 Ученый и политик

Сэр Хэлфорд Дж. Макиндер (1861 1947) ярчайшая фигура среди геополитиков.

Получивший географическое образование, он преподавал в Оксфорде начиная с 1887 года, пока не был назначен директором Лондонской Экономической Школы. С 1910 по 1922 он был членом палаты общин, а в промежутке (1919 1920) британским посланником в Южной России.

Макиндер известен своим высоким положением в мире английской политики, на международные ориента ции которой он весьма значительно повлиял, а также тем, что ему принадлежит самая смелая и революцион ная схема интерпретации политической истории мира.

На примере Макиндера ярче всего проявляется типичный парадокс, свойственный геополитике как дисциплине. Идеи Макиндера не были приняты научным сообществом, несмотря на его высокое положение не только в политике, но и в самой научной среде. Даже тот факт, что почти полвека он активно и успешно участво вал в созидании английской стратегии в международ ных вопросах на основании своей интерпретации политической и географической истории мира, не могло заставить скептиков признать ценность и эффективность геополитики как дисциплины.

3.2 Географическая ось истории

Первым и самым ярким выступлением Макиндера был его доклад "Географическая ось истории"[10], опублико ванный в 1904 году в "Географическом журнале". В нем он изложил основу своего видения истории и географии, развитого в дальнейших трудах. Этот текст Макиндера можно считать главным геополитическим текстом в истории этой дисциплины, так как в нем не только обобщаются все предыдущие линии развития "политической географии", но формулируется основной закон данной науки.

Макиндер утверждает, что для Государства самым выгодным географическим положением было бы срединное, центральное положение. Центральность понятие относительное, и в каждом конкретном географическом контексте она может варьироваться. Но с планетарной точки зрения, в центре мира лежит Евразийский континент , а в его центре "сердце мира" или "heartland". Heartland это сосредоточие континентальных масс Евразии. Это наиболее благоприятный географический плацдарм для контроля надо всем миром.

---

[10] Halford Mackinder "Geographical Pivot of History" in "Geograghical Journal", 1904. Русский перевод в ж-ле "Элементы. Евразийское обозрение", 1996, №7, стр. 26 –31.

Heartland является ключевой территорией в более общем контексте в пределах Мирового Острова (World Island). В Мировой Остров Макиндер включает три континента Азию, Африку и Европу.

Таким образом, Макиндер иерархизирует планетар ное пространство через систему концентрических кругов. В самом центре "географическая ось истории " или "осевой ареал" (pivot area). Это геополитическое понятие географически тождественно России. Та же "осевая" реальность называется heartland, "земля сердцеви ны".

Далее идет" внутренний или окраинный полумесяц (inner or marginal crescent)". Это пояс, совпадающий с береговыми пространствами евразийского континента . Согласно Макиндеру, "внутренний полумесяц" представ ляет собой зону наиболее интенсивного развития цивилизации . Это соответствует исторической гипотезе о том, что цивилизация возникла изначально на берегах рек или морей, т.н. "потамической теории". Надо заметить, что последняя теория является существенным моментом всех геополитических конструкций. Пересечение водного и сухопутного пространств является ключевым фактором истории народов и государств. Эта тема в дальнейшем специально будет развита у Шмитта и Спикмэна, однако, первым вывел эту геополитическую формулу именно Макиндер.

Далее идет более внешний круг: "внешний или островной полумесяц" (outer or insular crescent). Это зона целиком внешняя (географически и культурно) относительно материковой массы Мирового Острова (World Island).

Макиндер считает, что весь ход истории детермини рован следующими процессами. Из центра heartland'а на его периферию оказывается постоянное давление т.н. "разбойников суши". Особенно ярко и наглядно это отразилось в монгольских завоеваниях. Но им предшест вовали скифы, гунны, аланы и т.д. Цивилизации, проистекающие из "географической оси истории", из самых внутренних пространств heartland'а имеют, по мнению Макиндера, "авторитарный", "иерархический", "недемократический" и "неторговый характер". В древнем мире он воплощен в обществе, подобном дорийской Спарте или Древнему Риму.

Извне, из регионов "островного полумесяца", на Мировой Остров осуществляется давление т.н. "разбойни ков моря" или "островных жителей". Это колониаль ные экспедиции, проистекающие из внеевразийского центра, стремящиеся уравновесить сухопутные импульсы, проистекающие из внутренних пределов континента. Для цивилизации "внешнего полумесяца" характерны "торговый" характер и "демократические формы" политики. В древности таким характером отличались Афинское государство или Карфаген.

Между этими двумя полярными цивилизационно-гео графическими импульсами находится зона "внутреннего полумесяца", которая, будучи двойственной и постоянно испытывая на себе противоположные культурные влияния, была наиболее подвижной и стала благодаря этому местом приоритетного развития цивилизации.

История, по Макиндеру, географически вращается вокруг континентальной оси. Эта история яснее всего ощущается именно в пространстве "внутреннего полумеся ца", тогда как в heartland'е царит "застывший" архаизм, а во "внешнем полумесяце" некий цивилизаци онный хаос.

3.3 Ключевая позиция России

Сам Макиндер отождествлял свои интересы с интересами англосаксонского островного мира, т.е. с позицией "внешнего полумесяца". В такой ситуации основа геополитической ориентации "островного мира" ему виделась в максимальном ослаблении heartland'a и в предельно возможном расширении влияния "внешнего полумеся ца" на "полумесяц внутренний". Макиндер подчеркивал стратегический приоритет "географической оси истории" во всей мировой политике и так сформулировал важнейший геополитический закон:

"Тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над heartland`ом; тот, кто доминирует над heartland'ом, доминирует над Мировым Островом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром." ("Демократи ческие идеалы и реальность")[11]

На политическом уровне это означало признание ведущей роли России в стратегическом смысле. Макиндер писал:

"Россия занимает в целом мире столь же центральную стратегически позицию, как Германия в отношении Европы. Она может осуществлять нападения во все стороны и подвергаться им со всех сторон, кроме севера. Полное развитие ее железнодорожных возможностей дело времени." ("Географиче ская ось истории")[12]

Исходя из этого Макиндер считал, что главной задачей англосаксонской геополитики является недопущение образования стратегического континентального союза вокруг "географической оси истории" (России). Следовательно, стратегия сил "внешнего полумесяца" состоит в том, чтобы оторвать максимальное количество береговых пространств от heartland'a и поставить их под влияние "островной цивилизации".

"Смещение равновесия сил в сторону "осевого государства" (России А.Д.), сопровождающееся его экспансией на периферийные пространства Евразии, позволит использовать огромные континентальные ресурсы для создания мощного морского флота: так недалеко и до мировой империи. Это станет возможным, если Россия объединится с Германией. Угроза такого развития заставит Францию войти в союз с заморскими державами, и Франция, Италия, Египет, Индия и Корея станут береговыми базами, куда причалят флотилии внешних держав, чтобы распылить силы "осевого ареала" по всем направлениям и помешать им сконцентри ровать все их усилия на создании мощного военного флота." ("Географическая ось истории")[13]

Самое интересное, что Макиндер не просто строил теоретические гипотезы, но активно участвовал в организа ции международной поддержки Антанты "белому движению", которое он считал атлантистской тенденцией, направленной на ослабление мощи прогермански настроенных евразийцев-большевиков. Он лично консультиро вал вождей белого дела, стараясь добиться максималь ной поддержки от правительства Англии. Казалось, он пророчески предвидел не только Брестский мир, но и пакт Риббентроп-Молотов...

В 1919 году в книге "Демократические идеалы и реальность" он писал:

[11] H.Mackinder "Democratic ideals and reality", New York, 1919.
[12] См. стр. 31 в "Элементы", №7, op. cit.
[13] См. стр. 31 в "Элементы", № 7, op.cit.

"Что станет с силами моря, если однажды великий континент политически объединится, чтобы стать основой непобедимой армады?"[14]

Нетрудно понять, что именно Макиндер заложил в англосаксонскую геополитику, ставшую через полвека геополитикой США и Северо-Атлантического Союза, основную тенденцию: любыми способами препятствовать самой возможности создания евразийского блока, созданию стратегического союза России и Германии, геополитическому усилению heartland'a и его экспансии. Устойчивая русофобия Запада в XX веке имеет не столько идеологический, сколько геополитический характер. Хотя, учитывая выделенную Макиндером связь между цивилизационным типом и геополитическим характером тех или иных сил, можно получить формулу, по которой геополитические термины легко переводятся в термины идеологические.

"Внешний полумесяц" либеральная демократия; "географическая ось истории" недемократический авторитаризм; "внутренний полумесяц" промежуточная модель, сочетание обоих идеологических систем.

Макиндер участвовал в подготовке Версальского договора, основная геополитическая идея которого отражает сущность воззрений Макиндера. Этот договор был составлен так, чтобы закрепить за Западной Европой характер береговой базы для морских сил (англосаксон ский мир). Вместе с тем он предусматривал создание лимитрофных государств, которые бы разделяли германцев и славян, всячески препятствуя заключению между ними континентального стратегического альянса, столь опасного для "островных держав" и, соответственно, "демократии".

Очень важно проследить эволюцию географических пределов heartland в трудах Макиндера. Если в 1904 и 1919 годах (соответственно, в статье "Географическая ось истории" и в книге "Демократические идеалы и реальность") очертания heartland'a совпадали в общих чертах с границами Российской Империи, а позже СССР, то в 1943 году в тексте "Круглая планета и завоевание мира"[15] он пересмотрел свои прежние взгляды и изъял из heartland'a советские территории Восточной Сибири, расположенные за Енисеем. Он назвал эту малозаселенную советскую территорию "Россией Lenaland" по названию реки Лена.

"Россия Lenaland'a имеет 9 миллионов жителей, 5 из которых проживают вдоль трансконтинентальной железной дороги от Иркутска до Владивостока. На остальных территориях проживает менее одного человека на 8 квадратных километров. Природные богатства этой земли древесина, минералы и т.д. практически нетронуты." ("Круглая планета и завоевание мира")[16]

Выведение т.н. Lenaland из географических границ heartland'a означало возможность рассмотрения этой территории как зоны "внутреннего полумесяца", т.е. как берегового пространства, могущего быть использованным "островными" державами для борьбы против "географи ческой оси истории". Макиндер, активно участвовавший в организации интервенции Антанты и "белом движении", видимо, посчитал исторический прецедент Колчака, сопротивлявшегося евразийскому центру, достаточ ным основанием для рассмотрения подконтрольных ему территорий в качестве потенциальной "береговой зоны".

---

[14] См. H.M."Democratic ideals and reality", op. cit.
[15] См. Halford Mackinder "The Round Planet and the winning of the Peace", 1943.
[16] См. Ibidem

3.4 Три геополитических периода

Макиндер делит всю геополитическую историю мира на три этапа[17]:

1) Доколумбова эпоха. В ней народы, принадлежащие периферии Мирового Острова, например, римляне, живут под постоянной угрозой завоевания со стороны сил "сердечной земли". Для римлян это были германцы, гунны, аланы, парфяне и т.д. Для средневековой ойкумены золотая орда.

2) Колумбова эпоха. В этот период представители "внутрен него полумесяца" (береговых зон) отправляются на завоева ние неизвестных территорий планеты, не встречая нигде серьезного сопротивления.

3) Постколумбова эпоха. Незавоеванных земель больше не существует. Динамические пульсации цивилизаций обречены на столкновение, увлекая народы земли во вселенскую гражданскую войну.

Эта периодизация Макиндера с соответствующими геополитическими трансформациями подводит нас вплотную к новейшим тенденциям в геополитике, которые мы рассмотрим в другой части книги.

[17] См. H.M."Democratic ideals and reality", op. cit.

Глава 4. Альфред Мэхэн "Морское могущество"

4.1 Sea Power

Американец Альфред Мэхэн (1840 1914), в отличие от Ратцеля, Челлена и Макиндера, был не ученым, но военным. Он не пользовался термином "геополити ка", но методика его анализа и основные выводы точно соответствуют сугубо геополитическому подходу.

Офицер американских Union Navy, он преподавал с 1885 года Историю военного флота в "Naval War College" в Нью-Порте (Роуд-Айленд). В 1890 году он опубликовал свою первую книгу, ставшую почти сразу же классическим текстом по военной стратегии. "Морские силы в истории (1660 1783)"[18]. Далее следуют с небольшим промежутком другие работы: "Влияние Морской Силы на Французскую Революцию и Империю (1793 1812)"[19], "Заинтересованность Америки в Морской Силе в настоящем и в будущем"[20], "Проблема Азии и ее воздействие на международную политику"[21] и "Морская Сила и ее отношение к войне"[22].

Практически все книги были посвящены одной теме теме "Морской Силы", "Sea Power". Имя Мэхэна стало синонимично этому термину.

Мэхэн был не только теоретиком военной стратегии, но активно участвовал в политике. В частности, он оказал сильное влияние на таких политиков, как Генри Кэбот Лодж и Теодор Рузвельт. Более того, если ретроспективно посмотреть на американскую военную стратегию на всем протяжении XX века, то мы увидим, что она строится в прямом соответствии с идеями Мэхэна. Причем, если в Первой мировой войне эта стратегия не принесла США ощутимого успеха, то во Второй мировой войне эффект был значительным, а победа в холодной войне с СССР окончательно закрепила успех стратегии "Морской Силы".

4.2 Морская цивилизация = торговая цивилизация

Для Мэхэна главным инструментом политики является торговля. Военные действия должны лишь обеспечивать наиболее благоприятные условия для создания планетарной торговой цивилизации. Мэхэн рассматри вает экономический цикл в трех моментах:

1) производство (обмен товаров и услуг через водные пути)

2) навигация (которая реализует этот обмен)

3) колонии (которые производят циркуляцию товарообмена на мировом уровне)[23].

---

[18] См. Alfred Mahan "The influence of Sea Power in histo ry" (1660 -- 1783)", 1890; на русском А.Мэхэн "Влияние морской силы на историю (1660-1783)", М.-Л., 1941.

[19] См. Alfred Mahan "The influence of sea power upon the French revolution and empire (1793 -- 1812)", Boston,1892; А.Мэхэн "Влияние морской силы на Французскую Революцию и Империю (1793 - 1812)", М.-Л., 1940.

[20] См.Alfred Mahan "The Interest of America in Sea Power", 1897.

[21] Alfred Mahan "Problem of Asia and its effects upon international politics",1900.

[22] См. Alfred Mahan " The Sea Power in its relations to the war", Boston, 1905.

[23] См. Alfred Mahan "The influence of Sea Power in history (1660 -- 1783)", op. cit.

Мэхэн считает, что анализировать позицию и геополитический статус государства следует на основании 6 критериев:

1) Географическое положение Государства, его открытость морям, возможность морских коммуникаций с другими странами. Протяженность сухопутных границ, способность контролировать стратегически важные регионы. Способность угрожать своим флотом территории противника.

2) "Физическая конфигурация" Государства, т.е. конфигу рация морских побережий и количество портов, на них расположенных. От этого зависит процветание торговли и стратегическая защищенность.

3) Протяженность территории. Она равна протяженности береговой линии.

4) Статистическое количество населения. Оно важно для оценки способности Государства строить корабли и их обслужи вать.

5) Национальный характер. Способность народа к занятию торговлей, так как морское могущество основывается на мирной и широкой торговле.

6) Политический характер правления. От этого зависит переориентация лучших природных и человеческих ресурсов на созидание мощной морской силы."[24]

Уже из этого перечисления видно, что Мэхэн строит свою геополитическую теорию исходя исключительно из "Морской Силы" и ее интересов. Для Мэхэна образцом Морской Силы был древний Карфаген, а ближе к нам исторически Англия XVII и XIX веков.

Понятие "Морское Могущество" основывается для него на свободе "морской торговли", а военно-морской флот служит лишь гарантом обеспечения этой торговли . Мэхэн идет и еще дальше, считая "Морскую Силу" особым типом цивилизации (предвосхищая идеи Карла Шмитта) наилучшим и наиболее эффективным, а потому предназначенным к мировому господству.

4.3 Покорение мира США manifest destiny

Идеи Мэхэна были восприняты во всем мире и повлияли на многих европейских стратегов. Даже сухопутная и континентальная Германия в лице адмирала Тирпица приняла на свой счет тезисы Мэхэна и стала активно развивать свой флот. В 1940 и в 1941 году две книги Мэхэна были изданы и в СССР.

Но предназначались они в первую очередь Америке и американцам. Мэхэн был горячим сторонником доктрины президента Монро (1758 1831), который в 1823 году декларировал принцип взаимного невмешательства стран Америки и Европы, а также поставил рост могущества США в зависимость от территориальной экспансии на близлежащие территории. Мэхэн считал, что у Америки "морская судьба", и что эта "Manifest Destiny" ("Проявленная Судьба")[25] заключается на первом этапе в стратегической интеграции всего американского континента, а потом и в установлении мирового господства.

---

[24] Ibidem

[25] См. Albert K.Weinberg "Manifest Destiny", Baltimore, 1935.

Надо отдать должное почти пророческому видению Мэхэна. В его время США еще не вышли в разряд передовых мировых держав, и более того, не был очевиден даже их "морской цивилизационный тип". Еще в 1905 году Макиндер в статье "Географическая ось истории" относил США к "сухопутным державам", входящим в состав "внешнего полумесяца" лишь как полуколони альное стратегическое продолжение морской Англии. Макиндер писал:

"Только что восточной державой стали США. На баланс сил в Европе они влияют не непосредственно, а через Россию"[26].

Но уже за 10 лет до появления текста Макиндера адмирал Мэхэн предсказывал именно Америке планетарную судьбу, становление ведущей морской державой, прямо влияющей на судьбы мира.

В книге "Заинтересованность Америки в Морской Силе" Мэхэн утверждал, что для того, чтобы Америка стала мировой державой, она должна выполнить следующие пункты:

1) активно сотрудничать с британской морской державой;

2) препятствовать германским морским претензиям;

3) бдительно следить за экспансией Японии в Тихом океане и противодействовать ей;

4) координировать вместе с европейцами совместные действия против народов Азии[27].

Мэхэн видел судьбу США в том, чтобы не пассивно соучаствовать в общем контексте периферийных государств "внешнего полумесяца", но в том, чтобы занять ведущую позицию в экономическом, стратегическом и даже идеологическом отношениях.

Независимо от Макиндера Мэхэн пришел к тем же выводам относительно главной опасности для "морской цивилизации". Этой опасностью является континенталь ные государства Евразии в первую очередь, Россия и Китай, а во вторую Германия. Борьба с Россией, с этой "непрерывной континентальной массой Русской Империи, протянувшейся от западной Малой Азии до японского меридиана на Востоке", была для Морской Силы главной долговременной стратегической задачей.

Мэхэн перенес на планетарный уровень принцип "анаконды", примененный американским генералом Мак-Клелланом в североамериканской гражданской войне 1861 1865 годов. Этот принцип заключается в блокирова нии вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что приводит постепенно к стратегическому истощению противника. Так как Мэхэн считал, что мощь государства определяется его потенциями становления Морской Силой, то в случае противостояния стратегической задачей номер один является недопущение этого становления в лагере противника. Следовательно, задачей исторического противостояния Америки является усиление своих позиций по 6 основным пунктам (перечислен ным выше) и ослабление противника по тем же пунктам. Свои береговые просторы должны быть под контролем, а соответствующие зоны противника нужно стараться любыми способами оторвать от континентальной массы. И далее: так как доктрина Монро (в ее части территориальной интеграции) усиливает мощь государства, то не следует допускать создания аналогичных интеграционных образований

[26] См. Halford Mackinder "Geographical Pivot of History", op. cit.
[27] См.Alfred Mahan "The Interest of America in Sea Power", op. cit.

у противника. Напротив, противника или соперника в случае Мэхэна, евразийские державы (Россия, Китай, Германия) следует удушать в кольцах "анаконды" континентальную массу, сдавливая ее за счет выведенных из под ее контроля береговых зон и перекрывая по возможности выходы к морским пространствам.

В Первой мировой войне эта стратегия реализовалась в поддержке Антанты белому движению по периферии Евразии (как ответ на заключение большевиками мира с Германией), во Второй мировой войне она также была обращена против Средней Европы, и в частности, через военно-морские операции против стран Оси и Японии. Но особенно четко она видна в эпоху холодной войны, когда противостояние США и СССР достигло тех глобальных, планетарных пропорций, с которыми на теоретическом уровне геополитики оперировали уже начиная с конца XIX века.

Фактически, основные линии стратегии НАТО, а также других блоков, направленных на сдерживание СССР (концепция "сдерживания" тождественна стратегической и геополитической концепции "анаконды") ASEAN, ANZUS, CENTO являются прямым развитием основных тезисов адмирала Мэхэна, которого на этом основании вполне можно назвать интеллектуальным отцом всего современного атлантизма.

Глава 5. Видаль де ля Блаш "Франция против Германии"

5.1 Картина географии Франции

Видаль де ля Блаш (1845 1918) считается основателем французской географической школы. Професcио нальный географ, он был увлечен "политической географией" Ратцеля и строил свои теории, основываясь на этом источнике, хотя многие аспекты немецкой геополитической школы он жестко критиковал.

В своей книге "Картина географии Франции" (1903) он обращается к теории почвы, столь важной для немецких геополитиков:

"Отношения между почвой и человеком во Франции отмечены оригинальным характером древности, непрерывности (...). В нашей стране часто можно наблюдать, что люди живут в одних и тех же местах с незапамятных времен. Источники, кальциевые скалы изначально привлекали людей как удобные места для проживания и защиты. У нас человек верный ученик почвы. Изучение почвы поможет выяснить характер, нравы и предпочтения населения."[28]

Но, несмотря на такое вполне немецкое отношение к географическому фактору и его влиянию на культуру, Видаль де ля Блаш считал, что Ратцель и его последователи явно переоценивают сугубо природный фактор, считая его определяющим.

Человек, согласно де ля Блашу, есть также "важней ший географический фактор", но при этом он еще и "наделен инициативой". Он не только фрагмент декорации, но и главный актер спектакля.

5.2 Поссибилизм

Эта критика чрезмерного возвеличивания простран ственного фактора у Ратцеля привела Видаля да ля Блаша к выработке особой геополитической концепции "поссибилизма " (от слова "possible" "возможный"). Согласно этой концепции, политическая история имеет два аспекта пространственный (географический) и временной (исторический). Географический фактор отражен в окружающей среде, исторический в самом человеке ("носителе инициативы")[29]. Видаль де ля Блаш считал, что ошибка немецких "политических географов" в том, что они считают рельеф детерминирующим фактором политической истории государств. Тем самым, по мнению де ля Блаша, принижается фактор человеческой свободы и историчности. Сам же он предлагает рассматривать географическое пространственное положение как "потенциальность", "возможность", которая может актуализо ваться и стать действительным политическим фактором, а может и не актуализоваться. Это во многом зависит от субъективного фактора от человека, данное простран ство населяющего.

Такой подход был учтен и немецкими геополитиками школы Хаусхофера, которые считали критику де ля Блаша вполне обоснованной и важной. В таком случае, очевидно возрастала роль этнического или расового фактора при рассмотрении политической

---

[28] Vidal de la Blache "Tableau de la Geographie de la France", Paris, 1903.
[29] См. Vidal de la Blache "Principes de geographie humaine", Paris, 1921.

истории государств, а это резонировало с общим всплеском расовой проблематики в Германии 20-х годов.

"Поссибилизм" де ля Блаша был воспринят большин ством геополитических школ как коррекция жесткого географического детерминизма предшествующих геополитических авторов.

5.3 Франция за "Морскую Силу"

Особое внимание Видаль де ля Блаш уделял Германии, которая была главным политическим оппонентом Франции в то время. Он считал, что Германия является единственным мощным европейским государством, геополитическая экспансия которого заведомо блокируется другими европейскими развитыми державами. Если Англия и Франция имеют свои обширные колонии в Африке и во всем мире, если США могут почти свободно двигаться к югу и северу, если у России есть Азия, то Германия сдавлена со всех сторон и не имеет выхода своих энергий. Де ля Блаш видел в этом главную угрозу миру в Европе и считал необходимым всячески ослабить развитие этого опасного соседа.

Такое отношение к Германии логически влекло за собой геополитическое определение Франции как входящей в состав общего фронта "Морской Силы", ориенти рованной против континентальных держав. Позиция де ля Блаша была не единственной среди французских геополитиков, так как параллельно существовало и противоположное германофильское направление, представлен ное адмиралом Лаваллем и генералом Де Голлем.

В 1917 году Видаль де ля Блаш публикует книгу "Восточная Франция", в которой он доказывает исконную принадлежность провинций Эльзас-Лоррэн к Франции и неправомочность германских притязаний на эти области. При этом он апеллирует к Французской революции, считая ее якобинское измерение выражением геополитических тенденций французского народа, стремящегося к унификации и централизации своего Государства через географическую интеграцию. Политический либерализм он также объясняет через привязанность людей к почве и естественное желание получить ее в частную собственность. Таким образом, Видаль де ля Блаш на свой лад связывает геополитические реальности с реальностями идеологическими: пространственная политика Западной Европы (Франции) неразрывно связана с "демократией" и "либерализмом". Через такое уравнение легко сблизить геополитические взгляды де ля Блаша с Макиндером и Мэхэном.

Выбор де ля Блашем "морской ориентации" прекрасно вписывается в эту схему.

Глава 6. Николас Спикмен "Ревизия Макиндера, центральность rimland"

6.1 На службе Америки

Американец голландского происхождения Николас Спикмен (1893 1943) является прямым продолжате лем линии адмирала Мэхэна. Спикмен был профессо ром международных отношений, а позднее директором Института международных отношений при Йельском Университете. Для него, в отличие от первых геополитиков, сама география не представляла большого интереса, а еще меньше волновали его проблемы связи народа с

почвой, влияние рельефа на национальный характер и т.д. Спикмен рассматривал геополитику как важнейший инструмент конкретной международной политики, как аналитический метод и систему формул, позволяющих выработать наиболее эффективную стратегию. В этом смысле он жестко критиковал немецкую геополитическую школу (особенно в книге "География мира"[30]), считая представления о "справедливых или несправедливых границах метафизической чепухой".

Как и для Мэхэна, для Спикмена характерен утилитарный подход, четкое желание выдать наиболее эффективную геополитическую формулу, с помощью которой США могут скорейшим образом добиться "мирового господства". Этим прагматизмом определяется строй всех его исследований.

6.2 Коррекция Макиндера

Спикмен, внимательно изучивший труды Макиндера, предложил свой вариант базовой геополитической схемы, несколько отличающийся от модели Макиндера. Основной идеей Спикмена было то, что Макиндер, якобы, переоценил геополитическое значение heartland'a. Эта переоценка затрагивала не только актуальное положение сил на карте мира, в частности, могущество СССР, но и изначальную историческую схему. Спикмен считал, что географическая история "внутреннего полумесяца", rimland, "береговых зон", осуществлялась сама по себе, а не под давлением "кочевников Суши", как считал Макиндер. С его точки зрения, heartland является лишь потенциальным пространством, получающим все культурные импульсы из береговых зон и не несущим в самом себе никакой самостоятельной геополити ческой миссии или исторического импульса. Rimland, а не heartland является, по его мнению, ключом к мировому господству.

Геополитическую формулу Макиндера "Тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над heartland`ом; тот, кто доминирует над heartland'ом, доминирует над Мировым Островом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром" Спикмен предложил заменить своей "Тот, кто доминирует над rimland доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией держит судьбу мира в своих руках."[31]

В принципе, Спикмен не сказал этим ничего нового. И для самого Макиндера "береговая зона", "внешний полумесяц" или rimland были ключевой стратегической позицией в контроле над континентом. Но Макиндер понимал эту зону не как самостоятельное и самодоста точное геополитическое образование, а как пространст во противостояния двух импульсов "морского" и "сухопутного". При этом он никогда не понимал контроль над heartland в смысле власти над Россией и прилегаю щими к ней континентальными массами. Восточная Европа есть промежуточное пространство между "географической осью истории" и rimland, следовательно, именно в соотношении сил на периферии heartland'a и находит ся ключ к проблеме мирового господства. Но Спикмен представил смещение акцентов в своей геополитической доктрине относительно взглядов Макиндера как нечто радикально новое. На самом деле, речь шла лишь о некоторой нюансировке понятий.

[30] Nicholas Spykman "Geography of peace", 1942.
[31] Ibidem

6.3 Шкала определения могущества

В своих книгах "Американская стратегия в мировой политике"[32] и "География мира"[33] Спикмен выделяет 10 критериев, на основании которых следует определять геополитическое могущество государства. Это развитие критериев, впервые предложенных Мэхэном. Они таковы:

1) Поверхность территории
2) Природа границ
3) Объем населения
4) Наличие или отсутствие полезных ископаемых
5) Экономическое и технологическое развитие
6) Финансовая мощь
7) Этническая однородность
8) Уровень социальной интеграции
9) Политическая стабильность
10) Национальный дух

Если суммарный результат оценки геополитических возможностей государства по этим критериям оказывается относительно невысоким, это почти автоматически означает, что данное государство вынуждено вступать в более общий стратегический союз, поступаясь частью своего суверенитета ради глобальной стратегической геополитической протекции.

6.4 Срединный Океан

Помимо переоценки значения rimland, Спикмен внес еще одно важное дополнение в геополитическую картину мира, видимую с позиции "морской силы". Он ввел чрезвычайно важное понятие "Срединного Океана" "Midland Ocean". В основе этого геополитического представления лежит подчеркнутая аналогия между Средиземным морем в истории Европы, Ближнего Востока и Северной Африки в древности, и Атлантическим океаном в новейшей истории западной цивилизации. Так как Спикмен считал именно "береговую зону", rimland, основной исторической территорией цивилизации, то Средиземноморский ареал древности представлялся ему образцом культуры, распространившейся впоследствии внутрь континента (окультуривание варваров Суши) и на отдаленные территории, достижимые только с помощью морских путей (окультуривание варваров Моря). Подобно этой средиземноморской модели, в новейшее время в увеличенном планетарном масштабе то же самое происходит с Атлантическим океаном, оба берега которого американский и европейский являются ареалом наиболее развитой в технологическом и экономиче ском смыслах западной цивилизации.

---

[32] N. Spykman "America's Strategy in World Politics"(1942).
[33] Op. cit.

"Срединный океан" (Midland Ocean) становится, в такой перспективе, не разъединяющим, но объединяющим фактором, "внутренним морем" (mare internum). Таким образом, Спикменом намечается особая геополитическая реальность, которую можно назвать условно "атланти ческим континентом", в центре которого, как озеро в сухопутном регионе, располагается Атлантический океан. Этот теоретический "континент", "новая Атлантида" связан общностью культуры западноевропейского происхождения, идеологией либерал-капитализма и демократии, единством политической, этической и техноло гической судьбы.

Особенно Спикмен настаивал на роли интеллектуаль ного фактора в этом "атлантическом континенте ". Западная Европа и пояс Восточного побережья Северной Америки (особенно Нью-Йорк) становятся мозгом нового "атлантического сообщества ". Нервным центром и силовым механизмом являются США и их торговый и военно-промышленный комплекс. Европа оказывается мыслительным придатком США, чьи геополитические интересы и стратегическая линия становятся единственными и главенствующими для всех держав Запада. Постепен но должна сокращаться и политическая суверенность европейских государств, а власть переходить к особой инстанции, объединяющей представителей всех "атлантических" пространств и подчиненной приоритетному главенству США.

Спикмен предвосхитил важнейшие политические процессы создание "Северо-Атлантического Союза" (НАТО), уменьшение суверенности европейских держав в послевоенном мире, планетарную гегемонию США и т.д.

6.5 Архитектор американской победы

Основой своей доктрины Спикмен сделал не столько геополитическое осмысление места США как "Морской Силы" в целом мире (как Мэхэн), возможно потому, что это уже стало фактом, сколько необходимость контроля береговых территорий Евразии: Европы, арабских стран, Индии, Китая и т.д. для окончательной победы в дуэли континентальных и морских сил. Если в картине Макиндера планетарная дуальность рассмат ривалась как нечто "вечное", "неснимаемое", то Спикмен считал, что совершенный контроль над rimland со стороны "морских держав" приведет к окончательной и бесповоротной победе над сухопутными державами, которые отныне будут целиком подконтрольны.

Фактически, это было предельным развитием "тактики анаконды", которую обосновывал уже Мэхэн. Спикмен придал всей концепции законченную форму.

Победа США как "Морской Силы" в холодной войне продемонстрировала абсолютную геополитическую правоту Спикмена, которого можно назвать "архитектором мировой победы либерал-демократических стран" над Евразией.

На данный момент представляется, что тезисы Спикмена относительно стратегического верховенства rimland и о важности "Срединного Океана" доказаны самой историей. Но теорию Макиндера о перманентности стремления центра Евразии к политическому возрождению и к континентальной экспансии тоже пока рано полностью отбрасывать.

С другой стороны, некоторые идеи Спикмена (особенно его последователя Кирка, развившего еще более детально теорию rimland) были поддержаны некоторыми европейскими геополитиками, увидевшими в его высокой стратегической оценке

"береговых территорий" возможность заново вывести Европу в число тех стран, которые решают судьбы мира. Но для этого пришлось отбросить концепцию "Срединного Океана".

Несмотря на этот теоретический ход некоторых европейских геополитиков (остающийся, впрочем, весьма двусмысленным), Спикмен принадлежит, без всяких сомнений, к самым ярким и последовательным "атлантистам". Более того, он вместе с адмиралом Мэхэном может быть назван "отцом атлантизма" и "идейным вдохновителем НАТО".

Глава 7. Карл Хаусхофер "Континенталь ный блок"

7.1 Война и мысль

Именно Карлу Хаусхоферу (1869 1946) геополитика во многом обязана тем, что она долгое время рассматривалась не просто как "псевдонаука", но и как "человеконенавистническая", "фашистская", "людоедская" теория.

Карл Хаусхофер родился в Мюнхене в профессорской семье. Он решил стать профессиональным военным и прослужил в армии офицером более двадцати лет. В 1908 1910 годах он служил в Японии и Манчжурии в качестве германского военного атташе. Здесь он познако мился с семьей японского императора и с высшей аристократией.

Слабое здоровье заставило Хаусхофера оставить довольно успешную военную карьеру, и он вернулся в 1911 году в Германию, где и прожил до конца жизни. Он занялся наукой, получив в Мюнхенском университете звание "доктора". С этого времени Хаусхофер регулярно публикует книги, посвященные геополитике в целом, и в частности, геополитике тихоокеанского региона. Первой его книгой была "Дай Нихон"[34], посвященная геополитике Японии.

Через своего ученика Рудольфа Гесса Хаусхофер знакомится с Гитлером сразу после заключения того в тюрьму вследствие неудачного путча. Есть неподтвержденное историками мнение, что Хаусхофер принимал участие в написании "Майн Кампф" в местах, посвященных некоторым геополитическим категориям. Но концептуаль ный анализ показывает существенную разницу между геополитическими воззрениями Хаусхофера и упрощенными расистскими пропагандистскими пассажами Гитлера.

В течение 20 лет начиная с 1924 года Хаусхофер издавал важнейший геополитический журнал, имевший огромное международное значение "Geopolitik", позднее переименованный в "Zeitschrift fur Geopolitik".

Большинство своих текстов он опубликовал именно в этом издании. Отношения Хаусхофера с нацизмом были сложными. В некоторых пунктах его взгляды сближались с взглядами национал-социалистов, в некоторых радикально расходились. В зависимости от периодов нацистского правления и от личных отношений менялась и позиция Хаусхофера в Третьем Райхе.

До 1936 года к нему благоволили (особенно сказыва лась протекция его младшего друга Гесса), позже началось охлаждение. После полета Гесса в Англию Хаусхофер впал в немилость, а после казни его сына Альбрехта по обвинению в участии в покушении на Гитлера в 1944 сам Хаусхофер считался почти "врагом народа".

Несмотря на подобную двусмысленность его положения он был причислен союзниками к "видным нацистам". Не выдержав стольких ударов судьбы и крушения всех надежд Карл Хаусхофер вместе со своей женой Мартой совершили самоубийство в 1946 году.

[34] Karl Haushofer "Dai Nihon", Munich,1913.

7.2 Новый Евразийский Порядок

Хаусхофер внимательно изучил работы Ратцеля, Челлена, Макиндера, Видаля де ля Блаша, Мэхэна и других геополитиков. Картина планетарного дуализма "морские силы" против "континентальных сил" или талассократия ("власть посредством моря") против теллурократии ("власть посредством земли") явилась для него тем ключом, который открывал все тайны международной политики, к которой он был причастен самым прямым образом. (В Японии, например, он имел дело с теми силами, которые принимали самые ответственные решения относительно картины пространства.) Показательно, что термин "Новый Порядок", который активно использовали нацисты, а в наше время в форме "Новый Мировой Порядок" американцы, впервые был употреблен именно в Японии применительно к той геополитиче ской схеме перераспределения влияний в тихоокеанском регионе, которую предлагали провести в жизнь японские геополитики.

Планетарный дуализм "Морской Силы" и "Сухопут ной Силы" ставил Германию перед проблемой геополитической самоидентификации. Сторонники националь ной идеи, а Хаусхофер принадлежал, без сомнения, к их числу, стремились к усилению политической мощи немецкого государства, что подразумевало индустриальное развитие, культурный подъем и геополитическую экспансию. Но само положение Германии в Центре Европы, пространственное и культурное Mittellage, делало ее естественным противником западных, морских держав Англии, Франции, в перспективе США. Сами "талассо кратические" геополитики также не скрывали своего отрицательного отношения к Германии и считали ее (наряду с Россией) одним из главных геополитических противников морского Запада.

В такой ситуации Германии было нелегко рассчиты вать на крепкий альянс с державами "внешнего полумесяца", тем более, что у Англии и Франции были к Германии исторические претензии территориального порядка. Следовательно, будущее национальной Великой Германии лежало в геополитическом противостоянии Западу и особенно англосаксонскому миру, с которым Sea Power фактически отождествилась.

На этом анализе основывается вся геополитическая доктрина Карла Хаусхофера и его последователей. Эта доктрина заключается в необходимости создания "континентального блока" или оси Берлин-Москва-Токио. В таком блоке не было ничего случайного это был единственный полноценный и адекватный ответ на стратегию противоположного лагеря, который не скрывал, что самой большой опасностью для него было бы создание аналогичного евразийского альянса. Хаусхофер писал в статье "Континентальный блок":

"Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных ее народа немцы и русские всячески стремятся избежать междоусобного конфликта, подобного Крымской войне или 1914 году: это аксиома европейской политики."[35]

Там же он цитировал американца Гомера Ли. "Последний час англосаксонской политики пробьет тогда, когда немцы, русские и японцы соединятся ."

Эту мысль на разные лады Хаусхофер проводил в своих статьях и книгах. Эта линия получила название Ostorientierung, т.е. "ориентация на Восток", поскольку предполагала самоидентификацию Германии, ее народа и ее культуры как западного продолжения евразийской, азиатской традиции. Не случайно англичане в период Второй мировой

---

[35] Karl Haushofer "Kontinentalblocke:Mitteleuropa -- Eurasia --Japon" in "Ausgewaehlte Texte zur Geopolitik", Boppard am Rhein, 1979; по-русски в "Элементы"№7, op. cit, стр.32-36.

войны уничижительно называли немцев "гуннами". Для геополитиков хаусхоферовской школы это было вполне приемлемым.

В этой связи следует подчеркнуть, что концепция "открытости Востоку " у Хаусхофера совсем не означала "оккупацию славянских земель". Речь шла о совместном цивилизационном усилии двух континентальных держав, России и Германии, которые должны были бы установить "Новый Евразийский Порядок" и переструк турировать континентальное пространство Мирового Острова с тем, чтобы полностью вывести его из-под влияния "Морской Силы". Расширение немецкого Lebensraum планировалось Хаусхофером не за счет колонизации русских земель, а за счет освоения гигантских незаселенных азиатских пространств и реорганизации земель Восточной Европы.

7.3 Компромисс с талассократией

Однако на практике все выглядело не так однознач но. Чисто научная геополитическая логика Хаусхофера, логически приводившая к необходимости "континенталь ного блока" с Москвой, сталкивалась с многочисленны ми тенденциями иного свойства, также присущими немецкому национальному сознанию. Речь шла о сугубо расистском подходе к истории, которым был заражен сам Гитлер. Этот подход считал самым важным фактором расовую близость, а не географическую или геополитическую специфику. Англосаксонские народы Англия, США виделись в таком случае естественными союзниками немцев, так как были им наиболее близки этнически. Славяне же и особенно небелые евразийские народы превращались в расовых противников. К этому добавлялся идеологический антикоммунизм, замешан ный во многом на том же расовом принципе Маркс и многие коммунисты были евреями, а значит, в глазах антисемитов, коммунизм сам по себе есть антигерман ская идеология.

Национал-социалистический расизм входил в прямое противоречие с геополитикой или, точнее, неявно подталкивал немцев к обратной, антиевразийской, талассо кратической стратегии. С точки зрения последователь ного расизма, Германии следовало бы изначально заключить союз с Англией и США, чтобы совместными усилиями противостоять СССР. Но, с другой стороны, унизительный опыт Версаля был еще слишком свеж. Из этой двойственности вытекает вся двусмысленность международной политики Третьего Райха. Эта политика постоянно балансировала между талассократической линией, внешне оправданной расизмом и антикоммуниз мом (антиславянский настрой, нападение на СССР, поощрение католической Хорватии на Балканах и т.д.), и евразийской теллурократией, основанной на чисто геополитических принципах (война с Англией и Францией, пакт Риббентроп-Молотов и т.д.).

Поскольку Карл Хаусхофер был ангажирован, в некоторой степени, в решение конкретных политических проблем, он был вынужден подстраивать свои теории под политическую конкретику. Отсюда его контакты в высших сферах Англии. Кроме того, заключение пакта Антикоммитерна, т.е. создание оси Берлин-Рим-Токио, Хаусхофер внешне приветствовал, силясь представить его предварительным шагом на пути к созданию полноценного "евразийского блока". Он не мог не понимать, что антикоммунистическая направленность этого союза и появление вместо центра heartland'a (Москвы) полуостровной второстепенной державы, принадлежащей rimland'y, есть противоречивая карикатура на подлинный "континентальный блок".

Но все же такие шаги, продиктованные политическим конформизмом, не являются показательными для всей совокупности геополитики Хаусхофера. Его имя и идеи

полноценней всего воплотились именно в концепциях "восточной судьбы" Германии, основанной на крепком и долговременном евразийском союзе.

Глава 8. Карл Шмитт "Бегемот versus Левиафан"

8.1 Консервативный революционер

Немец Карл Шмитт (1888 1985) известен как выдающийся юрист, политолог, философ, историк. Но все его идеи неразрывно связаны с геополитическими концепциями, и основные его работы "Номос Земли"[36], "Земля и море"[37] и т.д. посвящены именно осмыслению геополитических факторов и их влияния на цивилиза цию и политическую историю.

Карл Шмитт был близок к немецким представителям Консервативной Революции, парадоксальному течению, которое совмещало в себе национально-консервативные и социально-революционные элементы. Судьба Шмитта это судьба его книг, его юридическо-философской школы. Как и у многих других консервативных революцио неров, его отношения с национал-социалистическим режимом были двойственными. С одной стороны, его теории, безусловно, повлияли на нацистскую идеологию. Особенным успехом пользовались его политологические книги "Политическая теология"[38] и "Понятие политического"[39], в которых Шмитт дал развернутую критику либерального права и идеи "правового государства". В этих текстах уже даны очертания всего последующего интеллектуального творчества Шмитта в них заметен предельный политический реализм, стремление освободить политологические проблемы от гуманитарной риторики, сентиментального пафоса, социальной демагогии. Это вполне соответствовало национал-социалисти ческому духу.

Вместе с тем вся концепция Шмитта была основана на фундаментальной идее "прав народа" (Volksrechte), которые он противопоставлял либеральной теории "прав человека". В его понимании всякий народ имел право на культурную суверенность, на сохранение своей духовной, исторической и политической идентичности. Такой же подход был характерен для некоторых национал-социалистов, считающих эту идеологию универсаль ной и применимой для всех народов земли. Но доминирующей линией режима стал именно пангерманизм, основанный на шовинизме и узко националистическом подходе. Поэтому Шмитт, с его теорией "прав народов", подвергался резкой критике, особенно со стороны идеологов СС (в 1936 в органе СС "Schwarze Korps" была опубликована агрессивно угрожающая статья в его адрес).

Идейное формирование Шмитта проходило в той же атмосфере идей "органицистской социологии", что и у Ратцеля и Челлена, но на него повлияли также романтические теории "Света Севера" (Nordlicht), согласно которым социально-политические формы и государствен ные образования коренятся не в механическом функцио нировании атомарных личностей, соединенных в математические конгломераты, но в мифологии, в сакральном мире "стихий и духов"[40]. В теориях Шмитта повсюду наличествует парадоксальное сочетание "политического романтизма" и "строгого рационализма". Отточенный ментальный аппарат служит выражению духовных мифологем.

---

[36] Carl Schmitt "Der Nomos der Erde" , Koeln, 1950.
[37] Carl Schmitt "Land und Meer", Leipzig, 1942.
[38] Carl Schmitt "Politische Theologie", Munchen-Leipzig, 1922.
[39] Carl Schmitt "Das Begriff des Politischen", Berlin-Grunewald, 1928; по-русски Карл Шмитт "Понятие политичес кого" в "Вопросы Социологии", Москва, 1992, том 1, №1
[40] Carl Schmitt "Theodor Daueblers "Nordlicht". Drei Studien ueber die Elemente, den Geiste und die Aktualitaet des Werkes", Muenchen, 1916.

На Нюрнбергском процессе была сделана попытка причислить Карла Шмитта к "военным преступникам" на основании его сотрудничества с режимом Гитлера. В частности, ему инкриминировалось "теоретическое обоснование легитимности военной агрессии". После детально го знакомства судей с сутью дела обвинение было снято. Но тем не менее, Шмитт как и Хайдеггер, Юнгер и другие "консервативные революционеры" стал персоной нон-грата в мировом научном сообществе, и его труды совершенно игнорировались.

Только в 70-е годы благодаря колоссальному влиянию на юридическую мысль некоторых левых, социали стических мыслителей, труды Шмитта стали постепен но реабилитироваться.

В настоящее время он признан классиком политоло гии и юриспруденции.

8.2 Номос земли

Шмитт, совершенно в духе геополитического подхода, утверждал изначальную связь политической культуры с пространством. Не только Государство, но вся социальная реальность и особенно право проистекают из качественной организации пространства.

Отсюда Шмитт вывел концепцию "номоса ". Этот греческий термин "номос" обозначает "нечто взятое, оформленное, упорядоченное, организованное" в смысле пространства. Этот термин близок к понятиям "рельеф" у Ратцеля и "месторазвитие" у русских евразийцев (Савицкий). Шмитт показывает, что "номос" есть такая форма организации бытия, которая устанавливает наиболее гармоничные соотношения как внутри социального ансамбля, так и между этими ансамблями. "Номос" выражение особого синтетического сочетания субъектив ных и объективных факторов, органически проявляющихся в создании политической и юридической систем. В "номосе" проявляются природные и культурные особенности человеческого коллектива в сочетании с окружающей средой.

В книге "Номос земли" Шмитт показывает, каким образом специфика того или иного земного пространства влияла на развившиеся в нем культуры и государства. Он сопоставляет между собой различные исторические "номосы", особенно подчеркивая фундаментальный дуализм между отношением к пространству кочевников и оседлых народов.

Но самый важный вывод из анализа "номоса земли" заключался в том, что Шмитт вплотную подошел к понятию глобального исторического и цивилизационного противостояния между цивилизациями Суши и цивилизациями Моря. Исследуя "номос" Земли, он столкнулся с его качественной, сущностной противоположностью "номосу" Моря. Это привело его к созданию особой геополитической методологии для осмысления политической истории мира.

8.3 Земля и Море

В 1942 году Шмитт выпустил важнейший труд "Земля и Море"[41]. Вместе с более поздним текстом "Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Суши и Моря"[42] это составляет важнейший документ геополитической науки.

Смысл противопоставления Суши и Моря у Шмитта сводится к тому, что речь идет о двух совершенно различных, несводимых друг к другу и враждебных цивилизациях, а не о вариантах единого цивилизационного комплекса. Это деление почти точно совпадает с картиной, нарисованной Макиндером, но Шмитт дает основным ее элементам талассократии (Морская Сила) и теллурократии (Сухопутная Сила) углубленное философское толкование, связанное с базовыми юридически ми и этическими системами. Любопытно, что Шмитт использует применительно к "силам Суши" имя "Бегемот ", а к "силам Моря" "Левиафан ", как напомина ние о двух ветхозаветных чудовищах, одно из которых воплощает в себе всех сухопутных тварей, а другое всех водных, морских.

"Номос" Земли существует безальтернативно на протяжении большей части человеческой истории. Все разновидности этого "номоса" характеризуются наличием строгой и устойчивой легислативной (и этической) формы, в которой отражается неподвижность и фиксированность Суши, Земли. Эта связь с Землей, пространст во которой легко поддается структурализации (фиксиро ванность границ, постоянство коммуникационных путей, неизменность географических и рельефных особенностей), порождает сущностный консерватизм в социальной, культурной и технической сферах. Совокупность версий "номоса" Земли составляет то, что принято называть историей "традиционного общества".

В такой ситуации Море, Вода являются лишь периферийными цивилизационными явлениями, не вторгаясь в сферу "этического" (или вторгаясь эпизодически). Лишь с открытием Мирового Океана в конце XVI века, ситуация меняется радикальным образом. Человечество (и в первую очередь, остров Англия) начинает привыкать к "морскому существованию", начинает осознавать себя Островом посреди вод, Кораблем .

Но водное пространство резко отлично от сухопутно го. Оно непостоянно, враждебно, отчуждено, подверже но постоянному изменению. В нем не фиксированы пути, не очевидны различия ориентаций. "Номос" моря влечет за собой глобальную трансформацию сознания. Социальные, юридические и этические нормативы становятся "текучими ". Рождается новая цивилизация. Шмитт считает, что Новое время и технический рывок, открывший эру индустриализации обязаны своим существованием геополитическому феномену переходу человечества к "номосу" моря.

Так геополитическое противостояние англосаксонского мира "внешнего полумесяца" приобретает у Шмитта социально-политическую дефиницию. "Номос" моря есть реальность, враждебная традиционному обществу. Геополитическое противостояние сухопутных держав с морскими обретает важнейший исторический, идеологиче ский и философский смысл.

8.4 Grossraum

Шмитт разработал еще одну важнейшую геополити ческую теорию теорию "большого пространства " (Grossraum). Эта концепция рассматривает процесс развития государств

[41] Carl Schmitt "Der Nomos der Erde", op. cit.

[42] Carl Schmitt "Die planetarische Spannung zwischen Ost und West", 1959 in "Schmittiana-- III" von prof. Piet Tommissen, Brussel, 1991; по-русски см. Карл Шмитт "Планетарная напряженность между Востоком и Западом" в "Элементы", 1997, № 8.

как стремление к обретению наибольшего территориального объема. Принцип имперской интеграции является выражением логического и естественного человеческого стремления к синтезу. Этапы территориально го расширения государства, таким образом, соответствуют этапам движения человеческого духа к универсализму.

Этот геополитический закон распространяется и на техническую и на экономическую сферы. Шмитт показывает, что начиная с некоторого момента техническое и экономическое развитие государства требует количест венного и качественного увеличения его территорий. При этом не обязательно речь идет о колонизации, аннексии, военном вторжении. Становление Grossraum может проходить и по иным законам на основании принятия несколькими государствами или народами единой религиозной или культурной формы.

По Шмитту, развитие "номоса" Земли должно привести к появлению Государства-континента. Этапы движения к Государству-континенту проходят от городов-государств через государства территории. Появление сухопутного Государства-континента, материкового grossraum'a является исторической и геополитической необходимостью.

В тексте 1940 года "Пространство и Большое Пространство в праве народов"[43] Шмитт так определил "Большое Пространство ": "Сфера планификации, организации и человеческой деятельности, коренящаяся в актуальной и объемной тенденции будущего развития "[44]. Уточняя эту несколько расплывчатую формулировку, Шмитт указывал как на пример волевого создания "Большого Пространства" проведение в жизнь американской доктрины Монро.

Хотя Grossraum можно, в определенном смысле, отождествить с Государством, а точнее, с Империей (das Reich), эта концепция выходит за рамки обычного государства. Это новая форма сверхнационального объединения, основанного на стратегическом, геополитическом и идеологическом факторе.

В отличие от унификационной пангерманистской модели Гитлера и от советского интернационализма Grossraum Шмитта основывается на культурном и этническом плюрализме, на широкой автономии, ограничен ной лишь стратегическим централизмом и тотальной лояльностью к высшей властной инстанции. При этом Шмитт подчеркивал, что создание нового "Большого Пространства" не зависит ни от научной ценности самой доктрины, ни от культурной компетентности, ни от экономического развития составляющих частей или даже территориального и этнического центра, давшего импульс к интеграции. Все зависит только от политической воли, распознающей историческую необходимость такого геополитического шага.

Шмитт в этой доктрине предвосхитил основные линии современной интеграционной политики.

8.5 Тотальная война и фигура "партизана"

Геополитические мотивы различимы у Шмитта практически во всех темах, которые он рассматривает. В частности, он исследовал связь трех концепций "тотальный враг, тотальная война, тотальное государст во". С его точки зрения, "тотальное государство" это

[43] Carl Schmitt "Raum und Grossraum im Volkerrecht", 1940; цит. по Julien Freund "Les lignes de force de la pensee politique de Carl Schmitt" dans "Nouvelle Ecole", № 44,Paris, 1987.
[44] Ibidem

самая совершенная форма государства традиционного типа, т.е. пик развития сухопутного "номоса". Несмотря на возможности исторической эволюции такого государства вплоть до масштабов Grossraum, в нем сохраняется неизменным сущностное качество. "Тотальное государство" исключает принцип "тотального врага" и "тотальной войны", так как представление о противнике, "враге" (а Шмитт придавал огромное значение формулировке понятий "друг"/"враг ", amicus/hostis) оно выстраивает на основании себя самого, а следовательно, выдвигает концепцию "войны форм", в которой действует Jus bellum и участвуют только ограниченные контингенты профессиональных военных. Мирное население и частная собственность, в свою очередь, находятся под охраной закона и устранены (по меньшей мере, теоретически) из хода военных действий.

Либеральная доктрина, которую Шмитт однозначно связывал с Новым временем и, соответственно, с "морской цивилизацией", с "номосом" моря, отрицая "тотальное государство" открывает тем самым дорогу "тотальной войне" и концепции "тотального врага". В 1941 году в статье "Государственный суверенитет и открытое море" он писал:

"Война на суше была подчинена юридическим нормам, так как она была войной между государствами, т.е. между вооруженными силами враждующих государств. Ее рационализация проявлялась в ее ограничении и в стремлении вывести за ее пределы мирное население и объекты частной собственности. Война на море, напротив, не является войной между строго определенными и подчиняющимися юридическим нормативам противниками, так как основывается на концепции тотального врага."[45]

Общая геополитическая картина, описанная Шмиттом, сводилась к напряженному цивилизационному дуализму, к противостоянию двух Grossraum'ов англосак сонского (Англия + Америка) и континентально-евро пейского, евразийского. Эти два "Больших Пространст ва" талассократическое и теллурократическое ведут между собой планетарное сражение за то, чтобы сделать последний шаг к универсализации и перейти от континентального владычества к мировому. При этом Шмитт с пессимизмом относился к возможности свести этот конфликт к какой-то строгой юридической базе, так как цивилизационные макроконцепции обоих "Больших Пространств" основываются на взаимоисключаю щих "номосах" "номосе Земли" и "номосе Моря". Последний разрушительный элемент вносится развитием воздухоплавания, так как "воздушное пространство" еще менее поддается этико-правовой структурализации, нежели морское.

В конце жизни Шмитт сосредоточил свое внимание на фигуре "партизана". Эта фигура, по Шмитту, является последним представителем "номоса" Земли, остающим ся верным своему изначальному призванию вопреки "разжижению цивилизации" и растворению ее юридически -культурных основ. "Партизан" связан с родной землей неформальными узами, и исторический характер этой связи диктует ему основы этики войны, резко отличающиеся от более общих и абстрактных нормативов. По мере универсализации "морской модели" и "торговой этики", которые, естественно, охватывают и сферу военных действий, фигура "партизана", приобретает, по Шмитту, все большее цивилизационное значение, так как "партизан" остается последним действующим лицом истории, которое защищает (всеми средствами) "сухопутный порядок" перед лицом тотального наступления талассо кратии. Отсюда вытекает его почти "сотериологическая" историческая функция.

[45] Carl Schmitt "Staatliche Souveraenitaet und freies Meer" in "Das Reich und Europa", Leipzig, 1941.

Глава 9. Петр Николаевич Савицкий "Евразия Срединная Земля"

9.1 Судьба евразийца

Петр Николаевич Савицкий (1895 1968) пожалуй, первый (и единственный) русский автор, которого, в полном смысле слова, можно назвать геополитиком. По образованию экономист, ученик В.Вернадского и П.Струве. До войны был близок кадетам. После революции эмигрировал в Болгарию, затем переехал в Чехословакию. В 1921 году вместе с князем Н.С.Трубецким возглавил евразийское движение, в котором геополитиче ские факторы играли центральную роль. Именно Савицкий в большей степени из всех евразийцев интересовал ся геополитикой.

Мировоззрение Савицкого, как и большинства других евразийцев, складывалось под влиянием трудов славянофилов, Данилевского и особенно Леонтьева. Это была разновидность революционного славянофильства, сопряженного с центральной идеей особости исторической идентичности "великороссов", не сводимой ни к религиоз ной, ни к этнически славянской сущности. В этом аспекте они были более всего близки к Константину Леонтьеву, сформулировавшему важнейший тезис "славянство есть, славизма нет", т.е. "этническая и лингвистическая близость славянских народов не является достаточным основанием, чтобы говорить об их культурном и характерном единстве". Евразийское движение по набору излюбленных тем и концепций было удивительно близко к немецким консервативным революцио нерам. Так же, как и консервативные революционеры, евразийцы стремились сочетать верность истокам с творческим порывом в будущее, укорененность в русской национальной традиции с социальным модернизмом, техническим развитием и политикой нетрадиционных форм. На этом основано и осторожно позитивное отношение евразийцев к Советскому Государству и к Октябрьской революции.

Несмотря на симпатии к Советам, которые были характерны не только для откровенно просоветского крыла евразийцев (парижский кружок, издававший газету "Евразия"), с которым Савицкий официально порвал отношения, но и для самых умеренных и "консерватив ных" элементов. После взятия советскими войсками Праги в 1945 году, Савицкий был арестован и осужден на 10 лет лагерей. В лагерях он познакомился с сыном поэта Николая Гумилева Львом, который стал его учеником, а впоследствии одним из лучших современных русских этнографов и историков.

В 1956 году Савицкий был реабилитирован и вернулся в Прагу, где и умер спустя 12 лет.

9.2 Россия-Евразия

Основная идея Савицкого заключается в том, что Россия представляет собой особое цивилизационное образование, определяемое через качество "срединности". Одна из его статей "Географические и геополитические основы евразийства" (1933) начинается такими словами "Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться "Срединным Государством"[46].

---

[46] Петр Савицкий "Географические и геополитические основы евразийства" в "Элементы" № 3, стр. 51-54

Если "срединность" Германии, Mittellage, ограничи вается европейским контекстом, а сама Европа есть лишь "западный мыс" Евразии, то Россия занимает централь ную позицию в рамках всего континента. "Срединность" России, для Савицкого, является основой ее историче ской идентичности она не часть Европы и не продолжение Азии. Она самостоятельный мир, самостоя тельная и особая духовно-историческая геополитическая реальность, которую Савицкий называет "Евразией".

Это понятие обозначает не материк и не континент, но идею, отраженную в русском пространстве и русской культуре, историческую парадигму, особую цивилизацию. Савицкий с русского полюса выдвигает концепцию, строго тождественную геополитической картине Макиндера, только абстрактные "разбойники суши" или "центрост ремительные импульсы, исходящие из географической оси истории", приобретают у него четко выделенный абрис русской культуры, русской истории, русской государственности, русской территории. Россия-Евразия у Савицкого предстает в том же свете, как Raum Ратцеля и, еще точнее, Grossraum Шмитта.

Если Макиндер считает, что из пустынь heartland'а исходит механический толчок, заставляющий береговые зоны ("внутренний полумесяц") творить культуру и историю, то Савицкий утверждает, что Россия-Евразия (= heartland Макиндера) и есть синтез мировой культуры и мировой истории, развернутый в пространстве и времени. При этом природа России соучаствует в ее культуре.

Россию Савицкий понимает геополитически, не как национальное государство, но как особый тип цивилизации, сложившейся на основе нескольких составляю щих арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества, православной традиции. Все вместе создает некое уникальное, "срединное" образование, представ ляющее собой синтез мировой истории.

Великороссов Савицкий считает не просто ответвле нием восточных славян, но особым имперским этническим образованием, в котором сочетаются славянский и тюркский субстраты. Этот момент выводит его на важную тему тему Турана.

9.3 Туран

Обращение к Турану в качестве позитивной ориента ции было скандальным для многих русских национали стов. Так, Савицкий косвенно оправдывал монголо-та тарское иго, благодаря которому "Россия обрела свою геополитическую самостоятельность и сохранила свою духовную независимость от агрессивного романо-герман ского мира". Такое отношение к тюркскому миру было призвано резко отделить Россию-Евразию от Европы и ее судьбы, обосновать этническую уникальность русских.

"Без татарщины не было бы России" этот тезис из статьи Савицкого "Степь и оседлость"[47] был ключевой формулой евразийства. Отсюда прямой переход к чисто геополитическому утверждению:

"Скажем прямо: на пространстве всемирной истории западноевропейскому ощущению моря, как равноправное, хотя и полярное, противостоит единственно монгольское

[47] П.Н. Савицкий "Степь и Оседлость" в "На Путях: Утверждение евразийцев", Берлин, 1922, стр. 341-356

ощущение континента; между тем в русских "землепроходцах", в размахе русских завоеваний и освоений тот же дух, то же ощущение континента."[48]

И далее:

"Россия наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии. (...) В ней сочетаются одновременно историческая "оседлая" и "степная" стихия."[49]

Фундаментальную двойственность русского ландшафта ее деление на Лес и Степь заметили еще славянофилы. У Савицкого геополитический смысл России-Ев разии выступает как синтез этих двух реальностей европейского Леса и азиатской Степи. При этом такой синтез не есть простое наложение двух геополитических систем друг на друга, но нечто цельное, оригинальное, обладающей своей собственной мерой и методологией оценок.

Россия-Евразия не сводится целиком к Турану. Она нечто большее. Но в отношении Европы, которая все выходящее за рамки своего "берегового" сознания считает "варварством", самоквалификация русских как "носителей монгольского духа" является провокацией, открывающей историческое и духовное превосходство евразийцев.

9.4 Месторазвитие

В теории Савицкого важнейшую роль играет концепция "месторазвития". Этот термин представляет собой точный аналог понятию Raum, как оно трактуется "политической географией" Ратцеля и немецкой геополити кой (+ Челлен) в целом. В этом понятии отражается "органицизм" евразийцев, точно соответствующий немецкой "органицистской" школе и резко контрастирующий с прагматизмом англосаксонских геополитиков. Если бы Спикмен был знаком с трудами Савицкого, то его негодование относительно "метафизического нонсенса" было еще более сильным, чем в случае с Хаусхофером. Так, Савицкий в тексте "Географический обзор России-Евразии" пишет:

"Социально-политическая среда и ее территория "должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт"[50].

Это и есть сущность "месторазвития", в котором объективное и субъективное сливаются в неразрывное единство, в нечто целое. Это концептуальный синтез. В том же тексте Савицкий продолжает:

"Необходим синтез. Необходимо умение сразу смотреть на социально-историческую среду и на занятую ею территорию"[51].

В этом Савицкий близок к Видалю де ля Блашу. Подобно французскому геополитику, обосновывавшему неделимость Франции единством культурного типа независимо от этнической принадлежности жителей Эльзас-Лор рэн, Савицкий считает, что

---

[48] Ibidem
[49] Ibidem
[50] П.Н.Савицкий "Географический обзор России-Евра зии" в сборнике "Мир России -- Евразия", 1926, стр. 219 -- 232
[51] Ibidem

"Россия-Евразия есть "месторазвитие", "единое целое", "географический индивидуум", одновременно географиче ский, этнический, хозяйственный, исторический и т.д. и т.п, "ландшафт»[52].

Россия-Евразия есть такое "месторазвитие", которое является интегральной формой существования многих более мелких "месторазвитий". Это Grossraum Шмитта, состоящий из целой иерархии меньших Raum'ов.

Через введение понятия "месторазвитие" евразийцы уходили от позитивистской необходимости аналитиче ски расщеплять исторические феномены, раскладывая их на механические системы применительно не только к природным, но и к культурным явлениям. Апелляция к "месторазвитию", к "географическому индивидуу му" позволяло евразийцам избежать слишком конкретных рецептов относительно национальных, расовых, религиозных, культурных, языковых, идеологических проблем. Интуитивно ощущаемое всеми жителями "географической оси истории" геополитическое единство обретало тем самым новый язык, "синтетический", не сводимый к неадекватным, фрагментарным, аналитическим концепциям западного рационализма.

В этом также проявилась преемственность Савицкого русской интеллектуальной традиции, всегда тяготевшей к осмыслению "цельности", "соборности", "всеединства" и т.д.

9.5 Идеократия

Очень важным аспектом теории Савицкого является принцип "идеократии". Савицкий полагал, что евразий ское государство должно строиться, отправляясь от изначального духовного импульса, сверху вниз. А следовательно, вся его структура должна созидаться в согласии с априорной Идеей, и во главе этой структуры должен стоять особый класс "духовных вождей". Эта позиция очень близка теориям Шмитта о "волевом", "духовном" импульсе, стоящим у истоков возникновения Grossraum'a.

Идеократия предполагала главенство непрагматиче ского, нематериального и некоммерческого подхода к государственному устройству. Достоинство "географической личности", по Савицкому, состоит в способности подниматься над материальной необходимостью, органически включая физический мир в единый духовно-созидатель ный импульс глобального исторического делания.

Идеократия термин, который объединяет все формы недемократического, нелиберального правления, основанного на нематериалистических и неутилитарист ских мотивациях. Причем Савицкий сознательно избегает уточнения этого понятия, которое может воплощаться и в теократической соборности, и в народной монархии, и в национальной диктатуре, и в партийном государстве советского типа. Такая широта термина соответствует чисто геополитическим горизонтам евразий ства, которые охватывают огромные исторические и географические объемы. Это попытка наиболее точно выразить интуитивную волю континента.

Очевидно, что идеократия прямо противоположна прагматико-коммерческому подходу, доминировавшему в доктринах Макиндера, Мэхэна и Спикмена. Таким образом, русские евразийцы довели до окончательной ясности идеологические термины, в которых

[52] Ibidem

проявлялось исторически противостояние Моря и Суши. Море либеральная демократия, "торговый строй", прагматизм. Суша идеократия (всех разновидностей), "иерархиче ское правление", доминация религиозного идеала.

Взгляды Савицкого на идеократию резонируют с идеями немецкого социолога и экономиста Вернера Зомбарта, делившего все социальные модели и типы на два общих класса "герои" и "торговцы". На геополитиче ском уровне, термин "герой", "героизм" утрачивает метафорический, патетический смысл и становится техниче ским термином для обозначения юридической и этической специфики идеократического правления.

9.6 СССР и евразийство

Роль Петра Савицкого и, шире, русского евразийства в развитии геополитики как науки огромна. И странно, как мало внимания уделяется этому направлению в западных учебниках. В Савицком мы имеем совершенно сознательного, ответственного и компетентного геополитика, который полноценно и обоснованно выражает позицию heartland'a, причем отталкиваясь от наиболее глубинных русских его областей. Геополитическая доктрина Савицкого это прямая антитеза взглядам Мэхэна, Макиндера, Спикмена, Видаля де ля Блаша и других "талассократов". Причем только в данном случае речь идет о законченном и развернутом изложении альтернативной доктрины, подробно разбирающей идеологические, экономические, культурные и этнические факторы. Если использовать терминологию Карла Шмитта, то Савицкий и евразийцы являются выразителями "номоса Земли" в его актуальном состоянии, последователь ными идеологами "теллурократии", мыслителями Grossraum'a, альтернативного англосаксонскому Grossraum'y.

Сравнение идей русских евразийцев с теориями немецких геополитиков- континенталистов (Хаусхофер, Шмитт и т.д.), которые также пытались построить собственную геополитическую теорию как антитезу стратегии "Морской Силы", показывает, что у немцев в этом направлении пройдена лишь половина пути, а у русских (в первую очередь, у Савицкого) мы имеем дело с законченной и непротиворечивой, полноценной картиной мира. В этом смысле, можно вывести некоторый закон: "Чем ближе воззрения немецких континенталистов к русскому евразийству, чем полнее принимают они Ostorientierung, тем последовательней и логичней их доктрины, эффективней их политические проекты, созданные на геополитической основе".

В этом смысле ближе всего к Савицкому подошли германские национал-большевики в частности, Эрнст Никиш, которые прекрасно осознавали двойственность геополитического положения Германии, чья "срединность" относительна и вторична по сравнению с абсолютной культурной и континентальной "срединностью" русских. Отсюда они делали вывод, что Германия не может претендовать на роль геополитического синтеза, что она должна сделать выбор между юго-западной, славянофоб ской, католической и, в некоторых аспектах, "талассо кратической" (буржуазной) Германией (вместе с Австрией) и северо-восточной германо-славянской, социалисти ческой, русофильской, протестантской и спартанской Пруссией. Никишу принадлежит знаменитый геополитический тезис "Европа от Владивостока до Флессин га", и только такой подход со стороны немцев гармонич но вписывается в последовательное континентальное евразийство. Естественно, что линия австрийского католика, антикоммуниста и славянофоба Гитлера как бы ни пытались корректировать ее некоторые намного более исторически ответственные консервативные революционеры и геополитики не могла не привести к тому, что Германия надолго утратила свое

историческое бытие в результате кошмарного поражения, нанесенно го именно теми силами, "вечный союз" с которыми только и мог обеспечить немцам соучастие в мировом господстве теллурократии.

Советская реальность в геополитическом смысле во многом совпадала с концепциями Савицкого и других евразийцев, хотя об их прямом влиянии на советское руководство достоверных данных нет. Во многом близкие к евразийцам сменовеховцы и национал-большеви ки особенно Николай Устрялов явно влияли на большевиков и особенно на Сталина, хотя никогда не занимали высоких постов и часто оканчивали свою жизнь в лагерях. Часть евразийцев Эфрон, Карсавин и т.д. открыто сотрудничали с СССР, но также благодарно сти не получили. Однако анализ советской внешней политики вплоть до начала перестройки приводит к выводу, что она постоянно следовала именно евразий скому курсу, никогда не заявляя об этом открыто.

И здесь можно лишь строить предположения: либо существовала какая-то неизвестная организация внутри советского режима, которая руководствовалась идеями Савицкого, адаптируя их к актуальным политическим реальностям и облекая в официальную "марксистскую" лексику, либо объективное положение heartland'a вынуждало СССР по инерции делать те шаги, которые должно было бы делать геополитически сознательное континентальное государство Евразия.

Глава 10. Геополитика как инструмент национальной политики

10.1 Планетарный дуализм основной закон геополитики

Подводя итог краткому знакомству с идеями основателей геополитической науки, можно сделать несколько общих заключений.

Несмотря на разнообразие точек зрения мы имеем дело все же с некоей единой картиной мира, которая может быть названа геополитической. Эта картина мира стремится включить в анализ исторических процессов, международных и межгосударственных отношений сразу несколько дисциплинарных подходов географиче ский, политологический, идеологический, этнографиче ский, экономический и т.д. В этом состоит основная характеристика всех геополитических доктрин стремление к междисциплинарному синтезу.

Самой общей и разделяемой всеми геополитиками методологической формулой является утверждение фундаментального исторического дуализма между Сушей, теллурократией, "номосом" Земли, Евразией, heartland'ом, "срединной землей", идеократической цивилизацией, "географической осью истории" с одной стороны, и Морем, талассократией, Sea Power, "номосом" Моря, Атланти кой, англосаксонским миром, торговой цивилизацией, "внешним или островным полумесяцем", с другой. Это можно рассматривать как главный закон геополитики. Вне постулирования этого дуализма все остальные выводы теряют смысл. При всем расхождении в частных аспектах ни один из основателей геополитической науки не ставил под сомнение факта такого противостоя ния. По своей значимости он сопоставим с законом всемирного тяготения в физике.

10.2 Геополитик не может не быть ангажирован

Другой особенностью взглядов основателей геополитики является их неизменная политическая ангажиро ванность. Нет, практически, ни одного геополитика, который был бы отстранен от участия в политической жизни своего государства. Отсюда вытекает очевидная пристрастность всех без исключения. Геополитик, приступая к научным исследованиям, обязательно должен определить свое собственное место на карте геополитиче ских полюсов; от этого будет зависеть тот угол зрения, под которым он станет анализировать все мировые процессы. Во всей истории геополитики мы не встречаем ни одного автора, который был бы безразличен к судьбе своего государства и своего народа, не разделял бы его основной этической и исторической ориентации. Особенно ярко это проявляется на крайних полюсах англосаксонские авторы безукоризненно и однозначно следуют логике и ценностной системе Sea Power, талассокра тии, формулируя свои теории с позиции безоговорочных сторонников атлантизма; русские евразийцы столь же последовательны в своей верности идеалам heartland'а они даже не ставят под сомнение абсолютное этическое и историческое превосходство идеократии и России-Евразии.

Сложнее обстоит дело с французами, у которых есть теоретический выбор самоидентификации либо талассократия, либо теллурократия. В первом случае, следует солидарность с англосаксонским миром, с Sea Power, во втором германофилия. Оба варианта подразумева ют безусловные национальные симпатии. Теоретически обе эти тенденции присутствуют среди французских геополитиков, но наиболее стройную

геополитическую концепцию выработала группа "атлантистов", последовате лей Видаля де ля Блаша, остающегося центральной фигурой в этой области. Его геополитические антиподы Лавалль и Де Голль с теоретической точки зрения значительно ему уступают.

У Германии тоже двойственная ситуация. Если в целом ее геополитическая мысль ориентирована преимущественно континентально и "евразийски", эта ориента ция ограничивается сложным отношением к славянско му миру, к Азии и особенно к России. Это ограничение настолько существенно и попытки Германии волюнта ристски уравнять свое срединно-европейское положение со срединно-евразийским, игнорируя тем самым историческое значение России-Евразии, настолько упорны, что в обеих мировых войнах Германия вынуждена была воевать не только против талассократических держав, но и против своего логического евразийского союзника России (СССР). Можно сказать, что для германской геополитики характерен "неевразийский" континентализм. Такая установка резюмирует в геополитической формуле всю немецкую историю и предопределяет саму структуру германского национального сознания.

Необходимость для геополитика изначально определить собственную позицию на геополитической карте мира и ее поясах (схема Макиндера в этом смысле является предельно ясной иллюстрацией) повлияла на то, что эта наука развивалась почти исключительно у представителей крупных держав, имеющих амбиции стать "мировым могуществом" (Weltmacht), "сверхдержавами", достичь планетарного господства.

Американцы Мэхэн и Спикмен, англичанин Макиндер представляют "островной полумесяц". Они "спикеры" атлантизма, талассократии.

Видаль де ла Блаш (и его школа) представляют атлантистскую Францию. Лаваль и Де Голль склоняются в сторону континентализма, "европеизма", антиатлан тизма. Отсюда их обоюдная германофилия, которая геополитически сближает их несмотря на то, что они принадлежали к двум враждебным лагерям: Лаваль был главой коллаборационистского правительства Виши, а Де Голль главой антифашистской французской армии.

Немцы Ратцель, Хаусхофер, Шмитт отождествляют Германию с осью Суши, теллурократии, и стремятся создать из Германии "Большое Пространство", которое должно противостоять англосаксонской талассократии. К ним примыкает швед Рудольф Челлен, который, однако, мыслит скорее как представитель Средней Европы, германского европейского пространства, а не как "узко-швед ский" националист. Самые радикальные континентали сты Эрнст Никиш, Фридрих Георг Юнгер, Артур Мюллер ван ден Брук и т.д. идут еще дальше и полагают будущее Германии только в стратегической интеграции с евразийской Россией.

Наконец, русские евразийцы (Савицкий, Трубецкой и т.д.) выражают самую законченную версию континента лизма, выражая самую радикальную позицию "номоса" Суши, теллурократии.

Отсутствие хоть сколько-нибудь выдающихся имен среди геополитиков иных стран (хотя такие были и в Италии, Испании, Бельгии, Румынии, Голландии и т.д.) объясняется тем, что второстепенных по масштабу государств основополагающий геополитический дуализм касается лишь опосредованно, их влияние на ход глобального противостояния незначительно, а следовательно, сама сущность геополитики, ее острота, ее актуальность, ее "судьбоносное" измерение для них совершенно не актуальны.

10.3 Судьбы ученых судьбы держав

Гражданство ученых-геополитиков самым прямым образом сказывается на их воззрениях. Здесь связь очевидна. Геополитики, в сущности, это те люди, которые с наибольшей проницательностью и ответственностью способны распознать исторические тенденции глобального развития в пространственной сфере, понять место своего государства и своего народа в этом контексте и сформулировать обоснованный и наиболее эффективный проект будущего. Поэтому так часто они прямо или косвенно воздействуют на мировую историю, которую осуществляют, однако, совсем иные силы, группы, партии, лидеры, действуя под совершенно иными, сиюминутно актуальными лозунгами.

Но интересна и еще одна закономерность. Степень прямого влияния геополитиков на власть, обратная связь между научными разработками и политическим курсом в международных отношениях соответствующих государств резко разнится.

Мэхэн, Спикмен и Макиндер занимали высокие посты в своих государствах, их политическая активность имела самые непосредственные результаты, их прямое влияние на англосаксонскую политику очевидно и огромно. Несмотря на некоторые трения с научным миром своих стран и некоторое (тактическое) замалчивание значения их идей для всей "морской цивилизации" в целом, они пользовались при жизни почетом, им оказывалась всяческая поддержка, их судьба и карьера были показательно удачными.

Иначе обстоит дело с континентальными геополити ками. Видаля де ля Блаша считали лишь географом, стремящимся расширить сферу своих исследований до политического масштаба. Отношение к нему со стороны правительства уважительное, но в целом равнодуш ное, хотя многие практические принципы (особенно изложенные в "Восточной Франции") взяты на вооружение. Он не пользуется таким престижем как англо-аме риканцы, но его теоретическое наследие учитывается.

У немцев особенно у Хаусхофера и Шмитта ситуация уже серьезнее. И в Веймарской республике и при Гитлере отношение к ним меняется волнообразно, переходя от определенного внимания властей к прямым репрессиям. По сравнению с "талассократическими" геополитиками их судьба трагична, их карьеры зигзагооб разны, они в определенные моменты становятся жертвами даже тех режимов, национальные цели которых в общих чертах совпадают с их собственными. Здесь уже не почести и не уважение, но истерическое внимание, чередующееся с гонениями.

У евразийцев картина еще более трагичная. Здесь никакого прямого внимания, ни одного упоминания в официальных источниках, лишь лагеря, ссылки, аресты, преследования при полном игнорировании. И хотя до определенного момента советской истории создается впечатление, что основные решения на международном уровне принимаются последователями Петра Савицкого, сверяющими каждый шаг с публикациями евразийцев, наступает переломный момент 1989 год когда выясняется, что никто в советском руководстве не способен связно объяснить логику традиционной внешней политики, и в результате происходит молниеносное разрушение гигантского евразийского организма, создаваемо го с таким напряжением тремя поколениями, выдержав шими войны, лишения, страдания, непосильные тяготы.

Роль личности геополитиков в смысле их влияния на власть резко сокращается по оси Запад-Восток. С почтением к Мэхэну и Спикмену контрастирует постоянные угрозы Шмитту со стороны СС-овцев и преследования Хаусхофера (его сын был расстрелян), а в еще большей степени лагеря Савицкого и Карсавина. Поражает, что, в конечном итоге,

именно те страны, которые более всего прислушивались к своим геополитикам и ценили их, добились потрясающих результатов и подошли вплотную к тому, чтобы окончательно достичь единоличного мирового господства. Германия же заплатила за невнимание к тезисам Хаусхофера о "континентальном блоке" тем, что на полвека выпала из истории, потерпела чудовищное поражение и впала в политическое небытие. СССР, не обративший внимание на труды наиболее ответственных, глубоких и прозорливых русских патриотов, без боя и сопротивления оказался почти в той же ситуации, что и послевоенная Германия мировое влияние сошло на нет, пространства резко сократились, экономика и социальная сфера превратились в развалины.

Часть II СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ШКОЛЫ (вторая половина XX века)

Глава 1. Общий обзор

Развитие геополитической мысли во второй половине XX века в целом следовало путями, намеченными основоположниками этой науки. История с Хаусхофером и его школой, над которыми висела зловещая тень интеллектуального сотрудничества с Третьим Райхом, заставляла авторов, занимающихся этой дисциплиной искать окольных путей, чтобы не быть обвиненными в "фашизме". Так, американец Колин С. Грэй вообще предложил использовать два слова, для обозначения геополитики: английское "geopolitics" и немецкое "Geopolitik". Первое должно обозначать англосаксонскую и прагматическую версию этого явления, т.е. труды тех авторов, которые преемствуют подход Мэхэна, Макиндера и Спикмена, а второе "континентальный вариант", наследие школы Хаусхофера, учитывающий некоторые "духовные" или "метафизические" факторы. Конечно, это деление весьма условно и служит лишь демагогическим ходом, продиктованным соображениями "политической корректно сти".

Американская и, шире, атлантистская (талассокра тическая) линия в геополитике развивалась практиче ски без всяких разрывов с традицией. По мере осущест вления проектов американцев по становлению "мировой державой" послевоенные геополитики-атлантисты лишь уточняли и детализировали частные аспекты теории, развивая прикладные сферы. Основополагающая модель "морской силы" и ее геополитических перспектив, превратилась из научных разработок отдельных военно-гео графических школ в официальную международную политику США.

Вместе с тем, становление США сверхдержавой и выход на последний этап, предшествующий окончательной планетарной гегемонии талассократии, заставил американских геополитиков рассматривать совершенно новую геополитическую модель, в которой участвовало не две основных силы, но только одна. Причем существовало принципиально два варианта развития событий либо окончательный выигрыш Западом геополитической дуэли с Востоком, либо конвергенция двух идеологических лагерей в нечто единое и установление Мирового Правительства (этот проект получил название "мондиализма" от французского слова "monde", "мир"). В обеих случаях требовалось новое геополитическое осмысление этого возможного исхода истории цивилизаций. Такая ситуация вызвало к жизни особое направление в геополитике "геополитику мондиализма". Иначе эта теория известна как доктрина "нового мирового порядка". Она разрабатывалась американскими геополитиками начиная с 70-х годов, а впервые громогласно о ней было заявлено президентом США Джорджем Бушем в момент войны в Персидском заливе в 1991.

Европейская геополитика как нечто самостоятельное после окончания Второй мировой войны практически не существовала. Лишь в течение довольно краткого периода 1959 1968 годов, когда президентом Франции был "континенталист" Шарль Де Голль, ситуация несколько изменилась. Начиная с 1963 года Де Голль предпринял некоторые явно антиатлантистские меры, в результате которых Франция вышла из Северо-Атланти ческого союза и сделала попытки выработать собствен ную геополитическую стратегию. Но так как в одиночку это государство не могло противостоять талассократиче скому миру, на повестке дня встал вопрос о внутриевро пейском франко-германском

сотрудничестве и об укреплении связей с СССР. Отсюда родился знаменитый голлистский тезис "Европа от Атлантики до Урала". Эта Европа мыслилась как суверенное стратегически континентальное образование совсем в духе умеренного "европейского континентализма ".

Вместе с тем к началу 70-х годов, когда геополитиче ские исследования в США становятся крайне популярными, европейские ученые также начинают включаться в этот процесс, но при этом их связь с довоенной геополитической школой в большинстве случаев уже прервана и они вынуждены подстраиваться под нормы англосаксонского подхода. Так, европейские ученые выступа ют как технические эксперты международных организа ций НАТО, ООН и т.д., занимаясь прикладными геополитическими исследованиями и не выходя за пределы узких конкретных вопросов. Постепенно эти исследова нии превратились в нечто самостоятельное в "региональную геополитику ", довольно развитую во Франции ("школа Ива Лакоста", издателя журнала "Геродот"). Эта "региональная геополитика" абстрагируется от глобальных схем Макиндера, Мэхэна или Хаусхофера, мало внимания уделяет основополагающему дуализму, и лишь применяет геополитические методики для описания межэтнических и межгосударственных конфликтов, демографических процессов и даже "геополитики политических выборов ".

Единственная непрерывная традиция геополитики, сохранившаяся в Европе с довоенных времен, была достоянием довольно маргинальных групп, в той или иной степени связанных с послевоенными националистически ми партиями и движениями. В этих узких и политиче ски периферийных кругах развивались геополитические идеи, прямо восходящие к "континентализму", школе Хаусхофера и т.д. Это движение совокупно получило название европейских "новых правых". До определенно го момента общественное мнение их просто игнорирова ло, считая "пережитками фашизма". И лишь в последнее десятилетие, особенно благодаря просветительской и журналистской деятельности французского философа Алена де Бенуа, к этому направлению стали прислуши ваться и в серьезных научных кругах. Несмотря на значительную дистанцию, отделяющую интеллектуаль ные круги европейских "новых правых" от властных инстанций и на их "диссиденство", с чисто теоретической точки зрения, их труды представляют собой огромный вклад в развитие геополитики. Будучи свободной от рамок политического конформизма, их мысль развивалась относительно независимо и беспристрастно. Причем на рубеже 90-х годов сложилась такая ситуация, что официальные европейские геополитики (чаще всего выходцы из левых или крайне левых партий) были вынуждены обратиться к "новым правым", их трудам, переводам и исследованиям для восстановления полноты геополитической картины.

Наконец, русская геополитика. Официально признан ная "фашистской" и "буржуазной псевдонаукой" геополитика как таковая в СССР не существовала. Ее функции выполняло несколько дисциплин стратегия, военная география, теория международного права и международных отношений, география, этнография и т.д. И вместе с тем, общее геополитическое поведение СССР на планетарной арене выдает наличие довольно рациональ ной, с геополитической точки зрения, модели поведения. Стремление СССР укрепить свои позиции на юге Евразии, в "береговой зоне", проникновение в Африку, дестабилизирующие действия в Южной Америке (призванные внести раскол в пространство, контролируемое Северо-Американскими Штатами по доктрине Монро) и даже вторжение советских войск в Афганистан (для того, чтобы рассечь американскую "анаконду", стремив шуюся приблизить стратегические границы "талассокра тии" вплотную к южным границам "географической оси истории") и т.д. Такая последовательная и геополити чески обоснованная политика СССР указывает на существование какого-то "центра решений", где должны были сводиться воедино

результаты многих традицион ных наук и на основании этого "сведения", "синтеза" приниматься важнейшие стратегические шаги. Однако социальная локализация этого "криптогеополитическо го" центра представляется проблематичной. Есть версия, что речь шла о каком-то секретном отделе советского ГРУ.

Собственно же геополитика развивалась исключитель но маргинальными "диссидентскими" кружками. Самым ярким представителем этого направления был историк Лев Гумилев, хотя он никогда не использовал в своих работах ни термина "геополитика", ни термина "евразийство", и более того, стремился всячески избежать прямого обращения к социально-политическим реальностям. Благодаря такому "осторожному" подходу ему удалось опубликовать даже при советском режиме несколько книг, посвященных этнографической истории.

После распада Варшавского договора и СССР геополитика стала в российском обществе снова актуальный. Отмена идеологической цензуры сделала возможной, наконец, называть вещи своими именами. Не удивитель но, что первыми в возрождении геополитики приняли участие национально-патриотические круги (газета "День", журнал "Элементы"). Методология оказалась настолько впечатляющей, что инициативу перехватили и некоторые "демократические" движения. В скором времени после перестройки геополитика стала одной из популярнейших тем всего русского общества.

С этим связан возросший интерес к евразийцам и их наследию в современной России.

Глава 2. Современный атлантизм

2.1 Последователи Спикмена Д.У. Мэйниг, У.Кирк, С.Б.Коен, К.Грэй, Г.Киссинджер

Развитие американской, чисто атлантистской линии в геополитике после 1945 года в основном представляло собой развитие тезисов Николаса Спикмена. Как сам он начал разработку своих теорий с коррекций Макиндера, так и его последователи, в основном, корректировали его собственные взгляды.

В 1956 году ученик Спикмена Д.Мэйниг опублико вал текст "Heartland и Rimland в евразийской истории". Мэйниг специально подчеркивает, что "геополитические критерии должны особо учитывать функциональную ориентацию населения и государства, а не только чисто географическое отношение территории к Суше и Морю"[53]. В этом явно заметно влияние Видаля де ля Блаша.

Мэйниг говорит о том, что все пространство евразий ского rimland делится на три типа по своей функцио нально-культурной предрасположенности.
"Китай, Монголия, Северный Вьетнам, Бангладеш, Афганистан, Восточная Европа (включая Пруссию), Прибалтика и Карелия пространства, органически тяготеющие к heartland.

Южная Корея, Бирма, Индия, Ирак, Сирия, Югославия геополитически нейтральны.

Западная Европа, Греция, Турция, Иран, Пакистан, Таиланд склонны к талассократическому блоку.[54]"

В 1965 году другой последователь Спикмена У.Кирк выпустил книгу[55], воспроизводящую название знаменитой статьи Макиндера "Географическая ось истории". Кирк развил тезис Спикмена относительно центрального значения rimland для геополитического баланса сил. Опираясь на культурно-функциональный анализ Мэйнига и его дифференциацию "береговых зон" относительно "теллурократической" или "талассократической" предраспо ложенности, Кирк выстроил историческую модель, в которой главную роль играют прибрежные цивилизации, от которых культурные импульсы поступают с большей или меньшей степенью интенсивности внутрь континен та. При этом "высшие" культурные формы и историче ская инициатива признается за теми секторами "внутреннего полумесяца", которые Мэйниг определил как "талассократически ориентированные".

Американец Сол Коен в книге "География и Политика в разделенном мире"[56] предложил ввести в геополитический метод дополнительную классификацию, основанную на делении основных геополитических реальностей на "ядра" (nucleus) и "дисконтинуальные пояса". С его точки зрения, каждый конкретный регион планеты может быть разложен на 4 геополитических составляющие:

1) «внешняя морская (водная) среда, зависящая от торгового флота и портов;

[53] D.W.Meinig "Heartland and Rimland in Eurasian History" in "West Politics Quarterly", IX, 1956 pp. 553-569
[54] Ibidem
[55] W.Kirk "Geographical Pivot of History", Leicaster Universal Press, 1965
[56] S.B. Cohen "Geography and Politics in a divided world", New York, 1963

2) континентальное ядро (nucleus), тождественное "Hinterland" (геополитическому термину, означающему "удаленные от побережья внутренние регионы");

3) дисконтинуальный пояс (береговые сектора, ориентированные либо внутрь континента, либо от него);

4) регионы, геополитически независимые от этого ансамбля.»[57]

Концепция "дисконтинуальных поясов" была подхваче на такими ведущими американскими стратегами, как Генри Киссинджер, который считал, что политическая стратегия США относительно "дисконтинуальных" береговых зон состоит в том, чтобы соединить фрагменты в одно целое и обеспечить тем самым атлантизму полный контроль над Советской Евразией. Эта доктрина получила название "Linkage" от английского "link", "связь", "звено". Чтобы стратегия "анаконды" была до конца успешной, необходимо было обратить особое внимание на те "береговые сектора" Евразии, которые либо сохраняли нейтралитет, либо тяготели ко внутренним пространствам континента. На практике эта политика осуществлялась через вьетнамскую войну, активизацию американо-китайских отношений, поддержку США проамериканского режима в Иране, поддержку националистов-диссидентов Украины и Прибалтики и т.д.

Как и в предшествующие эпохи послевоенная американская атлантистская геополитическая школа постоянно поддерживала обратную связь с властью.

Развитие геополитических взглядов применительно к "ядерной эпохе" мы встречаем у другого представителя той же американской школы Колина Грэя. В своей книге "Геополитика ядерной эры"[58] он дает очерк военной стратегии США и НАТО, в котором ставит планетарное месторасположение ядерных объектов в зависимость от географических и геополитических особенностей регионов.

2.2 Атлантисты выиграли холодную войну

Геополитическое развитие атлантизма к началу 90-х годов достигает своей кульминации. Стратегия "анакон ды" демонстрирует абсолютную эффективность. В этот период можно наблюдать почти "пророческую" правоту первых англосаксонских геополитиков Макиндера и Мэхэна, скорректированных Спикменом.

Распад Варшавского договора и СССР знаменует торжество ориентации атлантистской стратегии, проводив шейся в жизнь в течение всего XX века. Запад побеждает в холодной войне с Востоком. Морская Сила (Sea Power) празднует свою победу над heartland'ом.

Геополитически это событие объясняется так:

Противостояние советского блока с НАТО было первой в истории чистой и беспримесной формой оппозиции Суши и Моря, Бегемота и Левиафана. При этом геополитический баланс сил отражал не просто идеологиче ские, но и геополитические константы.

СССР как heartland, как Евразия, воплощал в себе идеократию советского типа. С географической точки зрения, это было довольно интегрированное "Большое

[57] Ibidem

[58] Colin S. Gray "The Geopolitics of the Nuclear Era", N.Y., 1977

Пространство" с колоссальными природными ресурсами и развитым стратегическим вооружением. Главным преимуществом СССР были "культурно-функциональные" наклонности населения, живущего на его просторах или примыкающего к советской территории, и наличие трудно досягаемых внутриконтинентальных просторов, позволяющих создать надежные оборонные и технологиче ские плацдармы. Кроме того, с двух сторон с Севера и Востока СССР имел морские границы, защищать которые намного легче, чем сухопутные.

За счет централизованной экономики СССР добился товарно-продовольственной автаркии и военного статуса сверхдержавы. По мере возможностей он стремился распространить свое влияние и на другие континенты.

Но у Восточного блока было несколько принципи альных геополитических недостатков. Самый главный заключался в огромной протяженности сухопутных границ. Если с Юга границы совпадали с грядой евразий ских гор, от Манджурии до Тянь-Шаня, Памира и Кавказа, то на Западе граница проходила посредине равнинной Европы, которая была стратегическим плацдармом атлантизма, в то время как центральная его база находилась на западном берегу "Срединного Океана" (Midland Ocean). Но даже в южном направлении горы служили не только защитой, но и препятствием, закрывая путь для возможной экспансии и выход к южным морям.

При этом Восточный блок был вынужден сосредото чить в одном и том же геополитическом центре военно-стратегические, экономические, интеллектуальные, производственные силы и природные ресурсы.

С таким положением резко контрастировало геополитическое положение Запада с центром США. (Это особенно важно, так как положение Западной Европы было в таком раскладе сил весьма незавидным; ей досталась роль сухопутной базы США, прилегающей к границам противоположного лагеря, своего рода "санитарного кордона "). Америка была полностью защищена "морскими границами ". Более того, стратегически интегрировав свой континент, она получила контроль над огромной частью евразийского побережья, rimland. От Западной Европы через Грецию и Турцию (стран - членов НАТО) контроль атлантистов простирался на Дальний Восток (Таиланд, Южная Корея, стратегически колонизированная Япония), и эта зона плавно переходила в Индийский и Тихий океаны важнейшие военные базы на острове Сан Диего, на Филиппинах, и далее, на Гуаме, Карибах и Гаити. Следовательно, все потенциальные конфликты были вынесены за территорию основного стратегического пространства.

При этом атлантисты создали сложную дифференци рованную систему геополитического распределения силовых "ядер". Непосредственно США обеспечивали военно-стратегическую мощь. Интеллектуальные, финансовые и производственные структуры, а также центры разработки высоких технологий сосредоточивались в Западной Европе, свободной от тяжести обеспечения собственной военной безопасности (кроме содержания полиции и чисто декоративных ВС).

Природные ресурсы поступали из экономически малоразвитых регионов Третьего мира, откуда в значитель ной мере приходила и дешевая рабочая сила.

Сохранение статус кво, сложившегося сразу после Второй мировой войны, было наступательной позицией, так как, по предсказаниям атлантистских геополитиков, такая ситуация неминуемо должна была привести к истощению континентального блока,

обреченного на полную автаркию и вынужденного в одиночку развивать все стратегические направления одновременно.

У heartland'a в такой ситуации было только два выхода. Первый осуществить военную экспансию на Запад с целью завоевания Европы до Атлантики. После этого усилия СССР мог бы обеспечить себе спокойные морские границы и промышленно-интеллектуальный и технологический потенциал. Параллельно следовало было предпринять аналогичное усилие и в южном направлении, чтобы выйти, наконец, к теплым морям и порвать "кольцо анаконды" Sea Power. Это жесткий путь, который мог бы привести в случае успеха к стабильному континентальному миру и в ближайшей перспективе к краху Америки, лишенной rimland.

Другой путь заключался, напротив, в уходе СССР и его ВС из Восточной Европы в обмен на уход из Западной Европы сил НАТО и создание единого строго нейтрального Европейского Блока (возможно, с ограничен ным "диссуазивным" ядерным потенциалом). Этот вариант всерьез обсуждался в эпоху Де Голля.

То же самое возможно было осуществить и с Азией. Пойти на отказ от прямого политического контроля над некоторыми Среднеазиатскими республиками в обмен на создание с Афганистаном, Ираном и Индией (возможно Китаем) мощного стратегического антиамериканского блока, ориентированного внутриконтинентально.

Можно было бы, наконец, скомбинировать эти два варианта и пойти мирным путем на Западе и силовым на Востоке (или наоборот). Важно лишь было начать оба этих геополитических действа синхронно. Только в таком случае можно было бы надеяться на изменения планетарного баланса сил из явного позиционного проигрыша Суши к ее выигрышу. Необходимо было любой ценой прорвать "сдерживание " этим термином называли в период холодной войны геополитическую тактику "анаконды".

Но поскольку СССР так и не решился на этот радикальный геополитический шаг, атлантистским державам осталось только пожинать результаты своей строго рассчитанной и геополитически выверенной долговремен ной позиционной стратегии.

От всестороннего перенапряжения автаркийная советская держава не выдержала и пала. А военное вторжение в Афганистан без параллельного стратегического шага в Западной Европе (мирного или немирного) вместо того, чтобы спасти дело, окончательно усугубило ситуацию.

2.3 Аэрократия и эфирократия

Традиционная атлантистская геополитика, полагая в центре своей концепции Sea Power, является "геополитикой моря". Глобальная стратегия, основанная на этой геополитике, привела Запад к установлению планетарного могущества. Но развитие техники привело к освоению воздушного пространства, что сделало актуальным разработку "геополитики воздуха ".

В отличие от "геополитики моря", законченной и вполне разработанной, полноценной "геополитики воздуха" не существует. Фактор воздухоплавания добавляется к общей геополитической картине. Но некоторые соотношения при актуализации воздушной среды и связанных с ней новых типов вооружений стратегической авиации, межконтинентальных ракет и ядерного оружия значительно изменились.

Освоение воздушного пространства в некоторой степени уравняло между собой Сушу и Море, так как для самолетов и ракет разница между этими пространствами не так значительна. (Особенно важным шагом было создание авианосцев, так как это окончательно оторвало воздушные базы от Суши, сделав их независимыми от качества земной поверхности.)

Вместе с тем развитие авиации изменило пропорции планетарного масштаба, сделав Землю значительно "меньше", а расстояния "короче". Вместе с тем ракетостроение и развитие стратегической авиации во многом релятивизировали традиционные геополитические факторы морские и сухопутные границы, внутриконти нентальные базы и т.д.

Перенос вооружений на земную орбиту и стратегиче ское освоение космического пространства были последним этапом "сжатия" планеты и окончательной релятивизации пространственных различий.

Актуальная геополитика помимо Суши и Моря вынуждена учитывать еще две стихии воздух и эфир (космическое пространство). Этим стихиям на военном уровне соответствуют ядерное оружие (воздух) и программа "звездных войн" (космос). По аналогии с теллурократией (власть Суши) и талассократией (власть Моря) эти две новейшие модификации геополитических систем могут быть названы аэрократией (власть Воздуха) и эфирократией (власть Эфира).

Карл Шмитт дал эскизный набросок этих двух новых сфер. При этом самым важным и принципиальным его замечанием является то, что и "аэрократия" и "эфирократия" представляют собой дальнейшее развитие именно "номоса" Моря, продвинутые фазы именно "талассо кратии", так как весь технический процесс освоения новых сфер ведется в сторону "разжижения" среды, что, по Шмитту, сопровождается соответствующими культурны ми и цивилизационными процессами прогрессивным отходом от "номоса" Суши не только в стратегическом, но и в этическом, духовном, социально-политическом смыслах.

Иными словами, освоение воздушной и космической сред есть продолжение сугубо талассократических тенденций, а следовательно, может рассматриваться как высшая стадия сугубо атлантической стратегии.

В данном ракурсе ядерное противостояние блоков в холодной войне представляется как конкуренция в условиях, навязанных "морской Силой" heartland'у, вынужденному принимать условия стратегической позиционной дуэли, диктуемые противоположной стороной. Такой процесс активного "разжижения стихий", сопряжен ный с логикой развития западного мира в технологиче ском и стратегическом смыслах, параллелен наступатель ной позиции атлантистов в их политике отрыва береговых зон от континентального центра в обоих случаях налицо наступательная инициатива одного геополити ческая лагеря и оборонительная реакция другого.

На интеллектуальном уровне это выражается в том, что атлантисты на теоретическом уровне разрабатывают "активную геополитику", занимаясь этой наукой открыто и планомерно.

Геополитика в случае Запада выступает как дисциплина, диктующая общие контуры международной стратегии. В случае же Восточного блока она, не будучи долгое время

официально признанной, существовала и все еще продолжает существовать в качестве "реакции " на шаги потенциального противника. Это была и есть "пассивная геополитика ", отвечающая на стратегический вызов атантизма больше по инерции.

Если в случае ядерного оружия и авиации (в сфере аэрократии) СССР смог ценой напряжения всех внутренних ресурсов добиться относительного паритета, то на следующем этапе, в области эфирократии произошел структурный надлом, и конкуренция в области техноло гий, связанных со "звездными войнами", привела к окончательному геополитическому проигрышу и к поражению в холодной войне.

Для понимания сущности геополитических процессов в ядерном мире и в условиях освоения орбитальных пространств замечание Карла Шмитта о том, что аэрократия и эфирократия являются не самостоятельными цивилизационными системами, но лишь развитием "номоса" Моря, является фундаментальным.

2.4 Две версии новейшего атлантизма

Победа атлантистов над СССР (heartland'ом) означала вступление в радикально новую эпоху, которая требовала оригинальных геополитических моделей. Геополитический статус всех традиционных территорий, регионов, государств и союзов резко менялся. Осмысление планетарной реальности после окончания холодной войны привело атлантистских геополитиков к двум принципиальным схемам.

Одна из них может быть названа "пессимистической" (для атлантизма). Она наследует традиционную для атлантизма линию конфронтации с heartland'ом, которая считается не законченной и не снятой с повестки дня вместе с падением СССР, и предрекает образование новых евразийских блоков, основанных на цивилизацион ных традициях и устойчивых этнических архетипах. Этот вариант можно назвать "неоатлантизмом", его сущность сводится, в конечном итоге, к продолжению рассмотрения геополитической картины мира в ракурсе основополагающего дуализма, что лишь нюансируется выделением дополнительных геополитических зон (кроме Евразии), которые также могут в дальнейшем стать очагами противостояния с Западом. Наиболее ярким представителем такого неоатлантистского подхода является Самуил Хантингтон.

Вторая схема, основанная на той же изначальной геополитической картине, напротив, оптимистична (для атлантизма) в том смысле, что рассматривает ситуацию, сложившуюся в результате победы Запада в холодной войне, как окончательную и бесповоротную. На этом строится теория "мондиализма", концепции Конца Истории и One World (Единого Мира), которая утвержда ет, что все формы геополитической дифференциации культурные, национальные, религиозные, идеологиче ские, государственные и т.д. вот-вот будут окончательно преодолены, и наступит эра единой общечелове ческой цивилизации, основанной на принципах либеральной демократии. История закончится вместе с геополитическим противостоянием, дававшим изначально главный импульс истории. Этот геополитический проект ассоциируется с именем американского геополитика Фрэнсиса Фукуямы, написавшего программную статью с выразительным названием "Конец Истории". Об этой мондиалистской теории речь пойдет в следующей главе.

Разберем основные положения концепции Хантинг тона, которая является ультрасовременным развитием традиционной для Запада атлантистской геополитики. Важно, что Хантингтон строит свою программную статью "Столкновение цивилизаций" (Clash of civilisation) как ответ на тезис Фукуямы о "Конце Истории". Показательно, что на

политическом уровне эта полемика соответствует двум ведущим политическим партиям США: Фукуяма выражает глобальную стратегическую позицию демократов, тогда как Хантингтон является рупором республиканцев. Это достаточно точно выражает сущность двух новейших геополитических проектов неоатлан тизм следует консервативной линии, а "мондиализм" предпочитает совершенно новый подход, в котором все геополитические реальности подлежат полному пересмот ру.

2.5 Столкновение цивилизаций: неоатлантизм Хантингтона

Смысл теории Самуила П. Хантингтона, директора Института Стратегических Исследований им. Джона Олина при Гарвардском университете, сформулированный им в статье "Столкновение цивилизаций"[59] (которая появилась как резюме большого геополитического проекта "Изменения в глобальной безопасности и американские национальные интересы"), сводится к следующему:

Видимая геополитическая победа атлантизма на всей планете с падением СССР исчез последний оплот континентальных сил на самом деле затрагивает лишь поверхностный срез действительности. Стратегический успех НАТО, сопровождающийся идеологическим оформлением, отказ от главной конкурентной коммунисти ческой идеологии, не затрагивает глубинных цивилизационных пластов. Хантингтон вопреки Фукуяме утверждает, что стратегическая победа не есть цивилиза ционная победа; западная идеология либерал-демо кратия, рынок и т.д. стали безальтернативными лишь временно, так как уже скоро у незападных народов начнут проступать цивилизационные и геополитические особенности, аналог "географического индивидуума", о котором говорил Савицкий.

Отказ от идеологии коммунизма и сдвиги в структуре традиционных государств распад одних образований, появление других и т.д. не приведут к автоматиче скому равнению всего человечества на универсальную систему атлантистских ценностей, но, напротив, сделают вновь актуальными более глубокие культурные пласты, освобожденные от поверхностных идеологических клише.

Хантингтон цитирует Джорджа Вейгеля: "десекуля ризация является одним из доминирующих социальных факторов в конце XX века". А следовательно, вместо того, чтобы отбросить религиозную идентификацию в Едином Мире, о чем говорит Фукуяма, народы, напротив, будут ощущать религиозную принадлежность еще более живо.

Хантингтон утверждает, что наряду с западной (= атлантистской) цивилизацией, включающей в себя Северную Америку и Западную Европу, можно предвидеть геополитическую фиксацию еще семи потенциальных цивилизаций:

1) славяно-православная,

2) конфуцианская (китайская),

3) японская,

4) исламская,

5) индуистская,

[59] Samuel Huntington "Clash of civilisations" in "Foreign Affairs", summer 1993, стр. 22-49

6) латиноамериканская

и возможно, 7) африканская[60].

Конечно, эти потенциальные цивилизации отнюдь не равнозначны. Но все они едины в том, что вектор их развития и становления будет ориентирован в направле нии, отличном от траектории атлантизма и цивилиза ции Запада. Так Запад снова окажется в ситуации противостояния. Хантингтон считает, что это практически неизбежно и что уже сейчас, несмотря на эйфорию мондиалистских кругов надо принять за основу реалистиче скую формулу: "The West and The Rest" ("Запад и Все Остальные")[61].

Геополитические выводы из такого подхода очевидны: Хантингтон считает, что атлантисты должны всемерно укреплять стратегические позиции своей собственной цивилизации, готовиться к противостоянию, консолидировать стратегические усилия, сдерживать антиатлантические тенденции в других геополитических образованиях, не допускать их соединения в опасный для Запада континентальный альянс.

Он дает такие рекомендации:
"Западу следует

обеспечивать более тесное сотрудничество и единение в рамках собственной цивилизации, особенно между ее европейской и североамериканской частями;

интегрировать в Западную цивилизацию те общества в Восточной Европе и Латинской Америке, чьи культуры близки к западной;

обеспечить более тесные взаимоотношения с Японией и Россией;

предотвратить перерастание локальных конфликтов между цивилизациями в глобальные войны;

ограничить военную экспансию конфуцианских и исламских государств;

приостановить свертывание западной военной мощи и обеспечить военное превосходство на Дальнем Востоке и в Юго- Западной Азии;

использовать трудности и конфликты во взаимоотноше ниях исламских и конфуцианских стран;

поддерживать группы, ориентирующиеся на западные ценности и интересы в других цивилизациях;

усилить международные институты, отражающие западные интересы и ценности и узаконивающие их, и обеспечить вовлечение незападных государств в эти институты."[62]

Это является краткой и емкой формулировкой доктрины неоатлантизма.

---

[60] Ibidem стр. 25
[61] Ibidem стр. 39
[62] Ibidem стр. 49

С точки зрения чистой геополитики, это означает точное следование принципам Мэхэна и Спикмена, причем акцент, который Хантингтон ставит на культуре и цивилизационных различиях как важнейших геополити ческих факторах указывает на его причастность к классической школе геополитики, восходящей к "органици стской" философии, для которой изначально было свойственно рассматривать социальные структуры и государства не как механические или чисто идеологические образования, но как "формы жизни".

В качестве наиболее вероятных противников Запада Хантингтон указывает Китай и исламские государства (Иран, Ирак, Ливия и т.д.). В этом сказывается прямое влияние доктрин Мэйнига и Кирка, считавших, что ориентация стран "береговых зон", rimland а "конфуци анская" и исламская цивилизации геополитически принадлежат преимущественно именно к rimland важнее, чем позиция heartland'а. Поэтому в отличие от других представителей неоатлантизма в частности, Пола Вольфовица Хантингтон видит главную угрозу отнюдь не в геополитическом возрождении России-Евра зии, heartland'а или какого-то нового евразийского континентального образования.

В докладе же американца Пола Вольфовица (советника по делам безопасности) правительству США в марте 1992 года говорится о "необходимости не допустить возникновения на европейском и азиатском континен тах стратегической силы, способной противостоять США"[63], и далее поясняется, что самой вероятной силой, которая имеется здесь в виду, является России, и что против нее следует создать "санитарный кордон" на основе стран Прибалтики. В данном случае американ ский стратег Вольфовиц оказывается ближе к Макинде ру, чем к Спикмену, что отличает его взгляды от теории Хантингтона.

Во всех случаях, независимо от определения конкретного потенциального противника, позиция всех неоатлантистов остается сущностно единой: победа в холодной войне не отменяет угрозы Западу, исходящей из иных геополитических образований (настоящих или будущих). Следовательно, говорить о "Едином Мире" преждевременно, и планетарный дуализм талассократии (укрепленной аэрократией и эфирократией) и теллурокра тии остается главной геополитической схемой и для XXI века.

Новой же и более общей формулой такого дуализма становится тезис Хантингтона The West and The Rest.

[63] Цит. по "Monde Diplomatique" 1992, ежегодный сборник

Глава 3. Мондиализм

3.1 Предыстория мондиализма

Концепция "мондиализма" возникла задолго до окончательной победы Запада в холодной войне.

Смысл мондиализма сводится к постулированию неизбежности полной планетарной интеграции, перехода от множественности государств, народов, наций и культур к униформному миру One World.

Истоки этой идеи можно разглядеть в некоторых утопических и хилиастических движениях, восходящих к Средневековью и, далее, к глубокой древности. В ее основе лежит представление, что в какой-то кульминаци онный момент истории произойдет собирание всех народов земли в едином Царстве, которое не будет более знать противоречий, трагедий, конфликтов и проблем, свойственных обычной земной истории. Помимо чисто мистической версии мондиалистской утопии существовали и ее рационалистические версии, одной из которых можно считать учение о "Третьей Эре" позитивиста Огюста Конта или гуманистическую эсхатологию Лессинга.

Мондиалистские идеи были свойственны чаще всего умеренным европейским и особенно английским социалистам (некоторые из них были объединены в "Фабиан ское общество"). О едином Мировом Государстве говорили и коммунисты. С другой стороны, аналогичные мондиалистские организации создавались начиная с конца XIX века и крупными фигурами в мировом бизнесе например, сэром Сэсилом Роудсом, организовавшим группу "Круглый Стол", члены которой должны были "способствовать установлению системы беспрепятственной торговли во всем мире и созданию единого Мирового Правительства." Часто социалистические мотивы переплетались с либерал-капиталистическими, и коммунисты соседствовали в этих организациях с представителями крупнейшего финансового капитала. Всех объединяла вера в утопическую идею объединения планеты.

Показательно, что такие известные организации как Лига Наций, позже ООН и ЮНЕСКО были продолжени ем именно таких мондиалистских кругов, имевших большое влияние на мировую политику.

В течение XX века эти мондиалистские организации, избегавшие излишней рекламы, и часто даже носившие "секретный" характер, переменяли много названий. Существовало "Универсальное движение за мировую конфедерацию" Гарри Дэвиса, "Федеральный Союз" и даже "Крестовый поход за Мировое Правительство" (организованный английским парламентарием Генри Асборном в 1946 году).

По мере сосредоточения всей концептуальной и стратегической власти над Западом в США, именно это государство стало главным штабом мондиализма, представители которого образовали параллельную власти структуру, состоящую из советников, аналитиков, центров стратегических исследований.

Так сложилось три основные мондиалистские организации, о самом существовании которых обществен ность Запада узнала лишь относительно недавно. В отличие от официальных структур эти группы пользова лись значительно большей свободой

проектирования и исследований, так как они были освобождены от фиксированных и формальных процедур, регламентирующих деятельность комиссий ООН и т.д.

Первая "Совет по международным отношениям" (Council on Foreign Relations, сокращенно C.F.R). Ее создателем был крупнейший американский банкир Морган. Эта неофициальная организация была занята выработкой американской стратегии в планетарном масштабе, причем конечной целью считалось полная унификация планеты и создание Мирового Правительства. Эта организация возникла еще в 1921 году как филиация "Фонда Карнеги за вселенский мир", и все состоявшие в ней высокопоставленные политики приобщались мондиали стским взглядам на будущее планеты. Так как большинство членов C.F.R. были одновременно и высокопо ставленными дигнитариями шотландского масонства, то можно предположить, что их геополитические проекты имели и какое-то гуманистически-мистическое измерение.

В 1954 году была создана вторая мондиалистская структура Бильдербергский клуб или Бильдербергская группа. Она объединяла уже не только американских аналитиков, политиков, финансистов и интеллектуалов, но и их европейских коллег. С американской стороны она была представлена исключительно членами C.F.R. и рассматривалась как ее международное продолжение.

В 1973 активистами Бильдербергской группы была создана третья важнейшая мондиалистская структура "Трехсторонняя комиссия " или "Трилатераль" (Trilateral). Она возглавлялась американцами, входящими в состав C.F.R. и Бильдербергской группы, и имела помимо США, где расположена ее штабквартира (адрес 345 East 46th street, New York), еще две штаб-квартиры в Европе и Японии.

"Трехсторонней" комиссия названа по фундаменталь ным геополитическим основаниям. Она призвана объединять под эгидой атлантизма и США три "больших пространства", лидирующих в техническом развитии и рыночной экономике :

1) Американское пространство, включающее в себя Северную и Южную Америки;

2) Европейское пространство;

3) Тихоокеанское пространство, контролируемое Японией.

Во главе важнейших мондиалистских групп Бильдерберга и Трилатераля стоит высокопоставленный член C.F.R. крупнейший банкир Дэвид Рокфеллер, владелец "Чэйз Манхэттэн банк".

Кроме него в самом центре всех мондиалистских проектов стоят неизменные аналитики, геополитики и стратеги атлантизма Збигнев Бжезинский и Генри Киссинд жер. Туда же входит и знаменитый Джордж Болл.

Основная линия всех мондиалистских проектов заключалась в переходе к единой мировой системе, под стратегической доминацией Запада и "прогрессивных", "гуманистических", "демократических" ценностей. Для этого вырабатывались параллельные структуры, состоящие из политиков, журналистов, интеллектуалов, финансистов, аналитиков и т.д., которые должны были подготовить почву перед тем, как этот мондиалистский проект Мирового Правительства смог бы быть широко обнародован, так как без подготовки он натолкнулся бы на мощное психологическое сопротивление народов и государств, не желающих растворять свою самобытность в планетарном melting pot.

Мондиалистский проект, разрабатываемый и проводимый этими организациями, не был однороден. Существовало две его основные версии, которые, различаясь по методам, должны были теоретически привести к одной и той же цели.

3.2 Теория конвергенции

Первая наиболее пацифистская и "примиренческая" версия мондиализма известна как "теория конвергенции". Разработанная в 70-е годы в недрах C.F.R. группой "левых" аналитиков под руководством Збигнева Бжезинского, эта теория предполагала возможность преодоле ния идеологического и геополитического дуализма холодной войны через создание нового культурно-идеоло гического типа цивилизации, который был бы промежуточным между социализмом и капитализмом, между чистым атлантизмом и чистым континентализмом.

Марксизм Советов рассматривался как преграда, которую можно преодолеть, перейдя к его умеренной, социал-демократической, ревизионистской версии через отказ от тезисов "диктатуры пролетариата", "классовой борьбы", "национализации средств производства" и "отмены частной собственности". В свою очередь, капиталистический Запад должен был бы ограничить свободу рынка, ввести частичное государственное регулирование экономики и т.д. Общность же культурной ориентации могла бы быть найдена в традициях Просвещения и гуманизма, к которым возводимы и западные демократи ческие режимы, и социальная этика коммунизма (в его смягченных социал-демократических версиях).

Мировое Правительство, которое могло бы появиться на основе "теории конвергенции", мыслилось как допущение Москвы до атлантического управления планетой совместно с Вашингтоном. В этом случае начиналась эпоха всеобщего мира, холодная война заканчивалась бы, народы смогли бы сбросить тяжесть геополитиче ского напряжения.

Важно провести здесь параллель с переходом технологических систем от "талассократии" к "эфирократии": мондиалистские политики начинали смотреть на планету не глазами обитателей западного континента, окруженного морем (как традиционные атлантисты), но глазами "астронавтов на космической орбите". В таком случае их взгляду представал действительно One World, Единый Мир.

Мондиалистские центры имели своих корреспонден тов и в Москве. Ключевой фигурой здесь был академик Гвишиани, директор Института Системных Исследова ний, который являлся чем-то вроде филиала "Трилате раля" в СССР. Но особенно успешной была их деятельность среди крайне левых партий в Западной Европе, которые в большинстве своем встали на путь "евроком мунизма" а это и считалось основной концептуальной базой для глобальной конвергенции.

3.3 Планетарная победа Запада

Теории конвергенции были той идеологической основой, на которую ссылались Михаил Горбачев и его советники, осуществившие перестройку. При этом за несколько лет до начала советской перестройки аналогич ный проект начал реализовываться в Китае, с которым представители "Трехсторонней комиссии" установили тесные отношение с конца 70-х. Но геополитические судьбы китайской и советской "перестроек" были различны. Китай настаивал на "справедливом" распределении ролей и на соответствующих сдвигах в

идеологии Запада в сторону социализма. СССР пошел по пути уступок значительно дальше.

Следуя за логикой американских мондиалистов, Горбачев начал структурное преобразование советского пространства в сторону "демократизации" и "либерализа ции". В первую очередь, это коснулось стран Варшавского договора, а затем и республик СССР. Началось сокращение стратегических вооружений и идеологиче ское сближение с Западом. Но в данном случае следует обратить внимание на тот факт, что годы правления Горбачева приходятся на период президентства в США крайних республиканцев Рейгана и Буша. Причем Рейган был единственным за последние годы президен том, последовательно отказывавшимся участвовать во всех мондиалистских организациях. По убеждениям он был жесткий, последовательный и бескомпромиссный атлантист, либерал- рыночник, не склонный ни к каким компромиссам с "левыми" идеологиями даже самого умеренного демократического или социал-демократического толка. Следовательно, шаги Москвы, направленные на конвергенцию и создание Мирового Правительства со значительным весом в нем представителей Восточного блока, на противоположном полюсе имели самые неблаго приятные идеологические препятствия. Атлантист Рейган (позже Буш) просто использовали мондиалистские реформы Горбачева в сугубо утилитарных целях. Добровольные уступки heartland'а не сопровождались соответствующими уступками со стороны Sea Power, и Запад не пошел ни на геополитические, ни на идеологиче ские компромиссы с самоликвидирующейся Евразией. НАТО не распустился, а его силы не покинули ни Европу, ни Азию. Либерально- демократическая идеология еще более укрепила свои позиции.

В данном случае мондиализм выступил не как самостоятельная геополитическая доктрина, реализовавшаяся на практике, но как прагматически использованный инструмент в "холодной войне", от логики которой, основанной на тезисах Макиндера и Мэхэна, США так и не отказались.

3.4 "Конец Истории" Фрэнсиса Фукуямы

После распада СССР и победы Запада, атлантизма мондиалистские проекты должны были либо отмереть, либо изменить свою логику.

Новой версией мондиализма в постсоветскую эпоху стала доктрина Фрэнсиса Фукуямы, опубликовавшего в начале 90-х программную статью "Конец Истории". Ее можно рассматривать как идейную базу неомондиа лизма.

Фукуяма предлагает следующую версию историче ского процесса. Человечество от темной эпохи "закона силы", "мракобесия" и "нерационального менеджирова ния социальной реальности" двигалось к наиболее разумному и логичному строю, воплотившемуся в капитализме, современной западной цивилизации, рыночной экономике и либерально-демократической идеологии. История и ее развитие длились только за счет нерациональ ных факторов, которые мало помалу уступали место законам разума, общего денежного эквивалента всех ценностей и т.д. Падение СССР знаменует собой падение последнего бастиона "иррационализма". С этим связано окончание Истории и начало особого планетарного существования, которое будет проходить под знаком Рынка и Демократии, которые объединят мир в слаженную рационально функционирующую машину.

Такой Новый Порядок, хотя и основанный на универсализации чисто атлантической системы, выходит за рамки атлантизма, и все регионы мира начинают переорганизовываться по новой модели, вокруг его наиболее экономически развитых центров.

3.5 "Геоэкономика" Жака Аттали

Аналог теории Фукуямы есть и среди европейских авторов. Так, Жак Аттали, бывший долгие годы личным советником президента Франции Франсуа Миттера на, а также некоторое время директором Европейского Банка Реконструкции и Развития, разработал сходную теорию в своей книге "Линии Горизонта".

Аттали считает, что в настоящий момент наступает третья эра "эра денег", которые являются универсальным эквивалентом ценности, так как, приравнивая все вещи к материальному цифровому выражению, с ними предельно просто управляться наиболее рациональ ным образом. Такой подход сам Аттали связывает с наступлением мессианской эры, понятой в иудейско-каб балистическом контексте (подробнее этот аспект он развивает в другой книге, специально посвященной мессианству "Он придет"). Это отличает его от Фукуямы, который остается в рамках строгого прагматизма и утилитаризма.

Жак Аттали предлагает свою версию будущего, которое "уже наступило". Доминация на всей планете единой либерально-демократической идеологии и рыночной системы вместе с развитием информационных техноло гий приводит к тому, что мир становится единым и однородным, геополитические реальности, доминировавшие на протяжении всей истории, в "третьей эре" отступают на задний план. Геополитический дуализм отменяется.

Но единый мир получает все же новую геополитиче скую структурализацию, основанную на сей раз на принципах "геоэкономики ". Впервые концепции "геоэконо мики" предложил развивать историк Фритц Рериг, а популяризировал ее Фернан Бродель.

"Геоэкономика" это особая версия мондиалистской геополитики, которая рассматривает приоритетно не географические, культурные, идеологические, этнические, религиозные и т.д. факторы, составляющие суть собственно геополитического подхода, но чисто экономиче скую реальность в ее отношении к пространству. Для "геоэкономики" совершенно не важно, какой народ проживает там-то и там-то, какова его история, культурные традиции и т.д. Все сводится к тому, где располагаются центры мировых бирж, полезные ископаемые, информационные центры, крупные производства. "Геоэкономика" подходит к политической реальности так, как если бы Мировое Правительство и единое планетар ное государство уже существовали.

Геоэкономический подход Аттали приводит к выделению трех важнейших регионов, которые в Едином Мире станут центрами новых экономических пространств.

1) Американское пространство, объединившее окончательно обе Америки в единую финансово-промышленную зону.

2) Европейское пространство, возникшее после экономиче ского объединения Европы.

3) Тихоокеанский регион, зона "нового процветания", имеющая несколько конкурирующих центров Токио, Тайвань, Сингапур и т.д.[64]

Между этими тремя мондиалистскими пространствами, по мнению Аттали, не будет существовать никаких особых различий или противоречий, так как и экономиче ский и идеологический тип будет во всех случаях строго тождественным. Единственной разницей будет чисто географическое месторасположение наиболее развитых центров, которые будут концентрически структурировать вокруг себя менее развитые регионы, расположенные в пространственной близости. Такая концентрическая переструктурализация сможет осуществиться только в "конце Истории" или, в иных терминах, при отмене традиционных реальностей, диктуемых геополитикой.

Цивилизационно-геополитический дуализм отменяет ся. Отсутствие противоположного атлантизму полюса ведет к кардинальному переосмыслению пространства. Наступает эра геоэкономики.

В модели Аттали нашли свое законченное выражение те идеи, которые лежали в основании "Трехсторонней комиссии", которая и является концептуально-полити ческим инструментом, разрабатывающим и осуществляю щим подобные проекты.

Показательно, что руководители "Трилатераля" (Дэвид Рокфеллер, Жорж Бертуэн тогда глава Европейского отделения и Генри Киссинджер) в январе 1989 году побывали в Москве, где их принимали президент СССР Горбачев, Александр Яковлев, также присутство вали на встрече другие высокопоставленные советские руководители Медведев, Фалин, Ахромеев, Добрынин, Черняев, Арбатов и Примаков. А сам Жак Аттали поддерживал личные контакты с российским президен том Борисом Ельциным.

Несомненно одно: переход к геоэкономической логике и неомондиализму стало возможным только после геополитической самоликвидации евразийского СССР.

Неомондиализм не является прямым продолжением мондиализма исторического, который изначально предполагал присутствие в конечной модели левых социали стических элементов. Это промежуточный вариант между собственно мондиализмом и атлантизмом.

3.6 Посткатастрофический мондиализм профессора Санторо

Существуют более детальные версии неомондиализ ма. Одной из наиболее ярких является футурологиче ская геополитическая концепция, разработанная миланским Институтом Международных Политических Исследований (ISPI) под руководством профессора Карло Санторо.

Согласно модели Санторо, в настоящий момент человечество пребывает в переходной стадии от биполярного мира к мондиалистской версии многополярности (понятой геоэкономически, как у Аттали). Международные институты (ООН и т.д.), которые для оптимистического мондиализма Фукуямы представляются достаточно развитыми, чтобы стать ядром "Мирового Правительства", Санторо представляются, напротив, недейственными и отражающими устаревшую логику двухполярной геополитики. Более того, весь мир несет на себе устойчивый отпечаток "холодной войны", геополитическая

[64] Jack Attali "Lignes d'horizon", Paris. 1990

логика которой остается доминирующей. Санторо предвидит, что такая ситуация не может не кончиться периодом цивилизационных катастроф.

Далее он излагает предполагаемый сценарий этих катастроф:

1) Дальнейшее ослабление роли международных институтов

2) Нарастание националистических тенденций среди стран, входивших в Варшавский договор и в Третьем мире. Это приводит к хаотическим процессам.

3) Дезинтеграция традиционных блоков (это не затрагивает Европы) и прогрессирующий распад существующих государств.

4) Начало эпохи войн малой и средней интенсивности, в результате которых складываются новые геополитические образования.

5) Угроза планетарного хаоса заставляет различные блоки признать необходимость создания новых международных институтов, обладающих огромными полномочиями, что фактически означает установление Мирового Правительства.

6) Окончательное создание планетарного государства под эгидой новых международных инстанций (Мировое Правительство)[65].

Эта модель является промежуточной между мондиалистским оптимизмом Фрэнсиса Фукуямы и атлантистским пессимизмом Самуила Хантингтона.

[65] См. Prof. Carlo Santoro "Progetto di ricarca multifunzionale 1994 - 1995 -- I nuovi poli geopolitici", Milano

Глава 4. Прикладная геополитика

4.1 "Внутренняя геополитика" школа Ива Лакоста

Геополитический ренессанс в Европе связан с деятельностью географа Ива Лакоста, который в 1976 году основал журнал "Геродот", где впервые в послевоенной Европе стали регулярно публиковаться геополитические тексты. Особо следует подчеркнуть, что во главе стоял человек близкий к левым политическим кругам, тогда как до этого момента геополитикой в Европе занимались лишь довольно маргинальные правые, националистические круги.

В 1983 году журнал "Геродот" вводит в название подзаголовок "журнал географии и геополитики", и с этого момента начинается вторая жизнь геополитики, отныне признанной официально в качестве особой политологической дисциплины, помогающей в комплексном анализе ситуации.

Ив Лакост стремится адаптировать геополитические принципы к современной ситуации. Сам Лакост не разделяет ни "органицистского подхода", свойственного континенталистской школе, ни чисто прагматического и механицистского геополитического утилитаризма идеологов Sea Power. С его точки зрения, геополитические соображения служат лишь для "оправдания сопернических устремлений властных инстанций относительно определенных территорий и населяющих их людей"[66]. Это может касаться как международных отношений, так и узко региональных проблем.

У Лакоста геополитика становится лишь инструмен том анализа конкретной ситуации, а все глобальные теории, лежащие в основе этой дисциплины, низводятся до относительных, исторически обусловленных понятий.

Таким образом, Лакост предлагает совершенно новое определение геополитики, фактически новую дисциплину. Это более не континентальное мышление, основанное на фундаментальном планетарном цивилизаци онно-географическом дуализме и сопряженное с глобальными идеологическими системами, но использование некоторых методологических моделей, наличествовавших у традиционных геополитиков в общем контексте, но взятых в данном случае как нечто самостоятельное. Это "деглобализация" геополитики , сведение ее к узкому аналитическому методу.

Такая геополитика получила название "внутренней геополитики" (la geopolitique interne), так как она сплошь и рядом занимается локальными проблемами.

4.2 Электоральная "геополитика"

Разновидностью такой внутренней геополитики является специальная методика, разработанная для изучения связи политических симпатий населения и территории, на которой данное население проживает. Провозвестником такого подхода был француз Андре Зигфрид (1875 1959), политический деятель и географ. Ему принадлежат первые попытки исследовать "внутреннюю геополитику" применительно к политическим симпати ям тех или иных регионов. К нему восходят первые формулировки

[66] Yves Lacoste "Dictionnaire Geopolitique", Paris, 1986

закономерностей, которые легли в основу "электоральной геополитики" новой школы Ива Лакоста.

Зигфрид писал:
"Каждая партия или, точнее, каждая политическая тенденция имеет свою привилегированную территорию; легко заметить, что подобно тому, как существуют геологические или экономические регионы, существуют также политиче ские регионы. Политический климат можно изучать так же, как и климат природный. Я заметил, что несмотря на обманчивую видимость, общественное мнение в зависимо сти от регионов сохраняет определенное постоянство. Под постоянно меняющейся картиной политических выборов можно проследить более глубокие и постоянные тенденции, отражающие региональный темперамент."[67]

В школе Лакоста эта теория получила систематическое развитие и стала привычным социологическим инструментом, который широко используется в политической практике.

4.3 Медиакратия как "геополитический" фактор

Ив Лакост поставил своей задачей привнести в геополитику новейшие критерии, свойственные информаци онному обществу. Наибольшим значением среди информационных систем, прямо влияющих на геополитиче ские процессы, обладают средства массовой информации, особенно телевидение. В современном обществе доминирует не концептуально-рациональный подход, но яркость "образа" ("имиджа"). Политические, идеологические и геополитические воззрения формируются у значительной части общества исключительно на основании телекоммуникаций. Медиатический "образ" является атомарным синтезом, в котором сосредоточены сразу несколько подходов этнический, культурный, идеологический, политический. Синтетическое качество "имиджа" сближает его с теми категориями, которыми традиционно оперирует геополитика.

Информационный репортаж из какой-нибудь горячей точки, о которой ничего не известно, например, жителю капитолии, должен за кратчайшее время представить географический, исторический, религиозный, экономи ческий, культурный, этнический профиль региона, а также расставить акценты в соответствии с узко заданной политической целью. Таким образом, профессия журналиста (особенно тележурналиста) сближается с профессией геополитика. Масс-медиа в современном обществе играют уже не чисто вспомогательную роль, как раньше, но становятся мощнейшим самостоятельным геополитическим фактором, способным оказывать сильное влияние на исторические судьбы народов.

4.4 История геополитики

Существует еще одно направление в рамках общего процесса "возрождения" европейской геополитики история геополитики. Оно не является в полном смысле слова геополитическим, так как ставит своей задачей историческую реконструкцию этой дисциплины, работу с источниками, хронологию, систематизацию, библиографические данные и т.д. В некотором смысле, это "музейный подход", не претендующий ни на какие выводы и обобщения применительно к актуальной ситуации. Такая историческая линия

[67] Andre Siegfried "Tableau politique de la France de l'Ouest sous la Troisieme Republique", Paris, 1913

представлена, в первую очередь, трудами Пьер-Мари Голлуа и таких авторов, как Эрве Куто-Бегари, Жерар Шальян, Ганс-Адольф Якобсен и т.д..

В рамках этой инициативы публикуются и переизда ются тексты исторических геополитиков Макиндера, Мэхэна, Челлена, Хаусхофера и т.д.

Такого рода исторические исследования часто публикуются во французском журнале "Геродот" и новом итальянском геополитическом журнале "Limes", издавае мом Лучо Карачоло и Мишелем Коренманном при участии того же Лакоста.

4.5 "Прикладная геополитика" не геополитика

Прикладная или "внутренняя геополитика", развиваемая Ивом Лакостом, а также другими крупными специалистами, Мишелем Коренманном, Поль-Мари де ля Горс и т.д., характерна для современной европейской политологии и сознательно избегает концептуаль ных обобщений и футурологических разработок. В этом принципиальное отличие всего этого направления, особенно развитого во Франции и Италии, от собственно атлантистских и мондиалистских школ, находящихся в США и Англии.

Прикладная геополитика сохраняет с исторической, довоенной геополитикой гораздо меньше связей, нежели атлантизм и мондиализм, не говоря уже о "континента листской" традиции. Это чисто аналитическая, политологическая, социологическая методика и не более того. Поэтому между ней и планетарными глобальными проектами собственно геополитиков следует делать различие. В сущности, речь идет о двух дисциплинах, которые сближает только терминология и некоторые методы. Игнорируя геополитический дуализм, считая его либо преодоленным, либо несущественным, либо просто выходящим за кадры основного предмета изучения, "прикладная геополитика" перестает быть геополитикой в собственном смысле этого слова и становится лишь разновидностью статистико-социологической методики.

Реальные же геополитические решения и проекты, связанные с судьбой Европы и народов, населяющих ее, разрабатываются в иных инстанциях, связанных со стратегическими центрами атлантизма и мондиализма. Так, проект европейской интеграции был выработан исключительно усилиями интеллектуалов, сотрудничавших в "Трехсторонней комиссии", т.е. в мондиалистской сверхнациональной организации, не имеющей ни строгого юридического статуса, ни политической легитимности. Француз Жак Аттали развивал свои геополитические теории, основываясь на данных именно этой организации, членом которой он являлся, а не на основании "приклад ной" геополитики современной европейской школы.

Глава 5. Геополитика европейских "новых правых"

5.1 Европа ста флагов. Ален де Бенуа

Одной из немногих европейских геополитических школ, сохранивших непрерывную связь с идеями довоенных немецких геополитиков-континенталистов, являются "новые правые". Это направление возникло во Франции в конце 60-х годов и связано с фигурой лидера этого движения философа и публициста Алена де Бенуа.

"Новые правые" резко отличаются от традиционных французских правых монархистов, католиков, германофобов, шовинистов, антикоммунистов, консерваторов и т.д. практически по всем пунктам. "Новые правые" сторонники "органической демократии", язычники, германофилы, социалисты, модернисты и т.д. Вначале "левый лагерь", традиционно крайне влиятельный во Франции, посчитал это "тактическим маневром" обычных правых, но со временем серьезность эволюции была доказана и признана всеми.

Одним из фундаментальных принципов идеологии "новых правых", аналоги которых в скором времени появились и в других европейских странах, был принцип "континентальной геополитики". В отличие от "старых правых" и классических националистов, де Бенуа считал, что принцип централистского Государства-Нации (Etat- Nation) исторически исчерпан и что будущее принадле жит только "Большим Пространствам". Причем основой таких "Больших Пространств" должны стать не столько объединение разных Государств в прагматический политический блок, но вхождение этнических групп разных масштабов в единую "Федеральную Империю " на равных основаниях. Такая "Федеральная Империя" должна быть стратегически единой, а этнически дифференци рованной. При этом стратегическое единство должно подкрепляться единством изначальной культуры.

"Большое Пространство", которое больше всего интересовало де Бенуа, это Европа. "Новые правые" считали, что народы Европы имеют общее индоевропейское происхождение, единый исток. Это принцип "общего прошлого ". Но обстоятельства современной эпохи, в которой активны тенденции стратегической и экономической интеграции, необходимой для обладания подлинным геополитическим суверенитетом, диктуют необходимость объединения и в чисто прагматическом смысле. Таким образом, народы Европы обречены на "общее будущее ". Из этого де Бенуа делает вывод, что основным геополитическим принципом должен стать тезис "Единая Европа ста флагов"[68] .

В такой перспективе, как и во всех концепциях "новых правых", ясно прослеживается стремление сочетать "консервативные" и "модернистские" элементы, т.е. "правое" и "левое". В последние годы "новые правые" отказались от такого определения, считая, что они "правые" в такой же степени, в какой и "левые".

Геополитические тезисы де Бенуа основываются на утверждении "континентальной судьбы Европы". В этом он полностью следует концепциям школы Хаусхофера. Из этого вытекает характерное для "новых правых" противопоставление "Европы " и "Запада ". "Европа" для них это континентальное геополитическое образование, основанное на этническом ансамбле индоевропейского происхождения и имеющее общие культурные корни. Это понятие традиционное. "Запад", напротив, геополитиче ское и историческое понятие, связанное с современным миром, отрицающее этнические и духовные традиции,

[68] Alain de Benoist "Les idess a l'endroit", Paris, 1979

выдвигающие чисто материальные и количественные критерии существования; это утилитарная и рационалисти ческая, механицистская буржуазная цивилизация. Самым законченным воплощением Запада и его цивилиза ции являются США.

Из этого складывается конкретный проект "новых правых". Европа должна интегрироваться в "Федеральную Империю", противопоставленную Западу и США, причем особенно следует поощрять регионалистские тенденции, так как регионы и этнические меньшинства сохранили больше традиционных черт, чем мегаполисы и культурные центры, пораженные "духом Запада". Франция при этом должна ориентироваться на Германию и Среднюю Европу. Отсюда интерес "новых правых" к Де Голлю и Фридриху Науманну. На уровне практической политики начиная с 70-х годов "новые правые" выступают за строгий стратегический нейтралитет Европы, за выход из НАТО, за развитие самодостаточного европейско го ядерного потенциала.

Относительно СССР (позже России) позиция "новых правых" эволюционировала. Начав с классического тезиса "Ни Запад, ни Восток, но Европа", они постепенно эволюционировали к тезису "Прежде всего Европа, но лучше даже с Востоком, чем с Западом". На практиче ском уровне изначальный интерес к Китаю и проекты организации стратегического альянса Европы с Китаем для противодействия как "американскому, так и советскому империализмам" сменились умеренной "советофи лией" и идеей союза Европы с Россией.

Геополитика "новых правых" ориентирована радикаль но антиатлантически и антимондиалистски. Они видят судьбу Европы как антитезу атлантистских и мондиали стских проектов. Они противники "талассократии" и концепции One World.

Надо заметить, что в условиях тотальной стратегиче ской и политической доминации атлантизма в Европе в период холодной войны геополитическая позиция де Бенуа (теоретически и логически безупречная) настолько контрастировала с "нормами политического мышления", что никакого широкого распространения получить просто не могла. Это было своего рода "диссиденство" и, как всякое "диссидентство" и "нонконформизм", имело маргинальный характер. До сих пор интеллектуальный уровень "новых правых", высокое качество их публика ций и изданий, даже многочисленность их последовате лей в академической европейской среде резко контрастируют с ничтожным вниманием, которое им уделяют властные инстанции и аналитические структуры, обслужи вающие власть геополитическими проектами.

5.2 Европа от Владивостока до Дублина. Жан Тириар

Несколько отличную версию континенталистской геополитики развил другой европейский "диссидент" бельгиец Жан Тириар (1922 1992). С начала 60-х годов он был вождем общеевропейского радикального движения "Юная Европа".

Тириар считал геополитику главной политологиче ской дисциплиной, без которой невозможно строить рациональную и дальновидную политическую и государст венную стратегию. Последователь Хаусхофера и Никиша, он считал себя "европейским национал-большеви ком" и строителем "Европейской Империи". Именно его идеи предвосхитили более развитые и изощренные проекты "новых правых".

Жан Тириар строил свою политическую теорию на принципе "автаркии больших пространств". Развитая в середине XIX века немецким экономистом Фридрихом Листом,

эта теория утверждала, что полноценное стратегическое и экономическое развитие государства возможно только в том случае, если оно обладает достаточ ным геополитическим масштабом и большими территориальными возможностями. Тириар применил этот принцип к актуальной ситуации и пришел к выводу, что мировое значение государств Европы будет окончатель но утрачено, если они не объединяться в единую Империю, противостоящую США. При этом Тириар считал, что такая "Империя" должна быть не "федеральной" и "регионально ориентированной", но предельно унифицированной, централистской, соответствующей якобинской модели. Это должно стать мощным единым континен тальным Государством-Нацией. В этом состоит основное различие между воззрениями де Бенуа и Тириара.

В конце 70-х годов взгляды Тириара претерпели некоторое изменение. Анализ геополитической ситуации привел его к выводу, что масштаб Европы уже не достаточен для того, чтобы освободиться от американской талассократии. Следовательно, главным условием "европейского освобождения" является объединение Европы с СССР. От геополитической схемы, включающей три основные зоны, Запад, Европа, Россия (СССР), он перешел к схеме только с двумя составляющими Запад и евразийский континент. При этом Тириар пришел к радикальному выводу о том, что для Европы лучше выбрать советский социализм, чем англосаксон ский капитализм.

Так появился проект "Евро-советской Империи от Владивостока до Дублина"[69]. В нем почти пророчески описаны причины, которые должны привести СССР к краху, если он не предпримет в самое ближайшее время активных геополитических шагов в Европе и на Юге. Тириар считал, что идеи Хаусхофера относительно "континентального блока Берлин-Москва-Токио" актуальны в высшей степени и до сих пор. Важно, что эти тезисы Тириар изложил за 15 лет до распада СССР, абсолютно точно предсказав его логику и причины. Тириар предпринимал попытки довести свои взгляды до советских руководителей. Но это ему сделать не удалось, хотя в 60-е годы у него были личные встречи с Насером, Чжоу Эньлаем и высшими югославскими руководителями. Показательно, что Москва отвергла его проект организа ции в Европе подпольных "отрядов европейского освобождения" для террористической борьбы с "агентами атлантизма".

Взгляды Жана Тириара лежат в основе ныне активизирующегося нонконформистского движения европейских национал-большевиков ("Фронт Европейского Освобож дения"). Они вплотную подходят к проектам современ ного русского неоевразийства.

5.3 Мыслить континентами. Йордис фон Лохаузен

Очень близок к Тириару австрийский генерал Йордис фон Лохаузен. В отличие от Тириара или де Бенуа он не участвует в прямой политической деятельности и не строит конкретных социальных проектов. Он придерживает ся строго научного подхода и ограничивается чисто геополитическим анализом. Его изначальная позиция та же, что и у национал-большевиков и "новых правых", он континенталист и последователь Хаусхофера.

Лохаузен считает, что политическая власть только тогда имеет шансы стать долговечной и устойчивой, когда властители мыслят не сиюминутными и локальны ми категориями, но

[69] Jean Thiriart "L'Empire Eurosovietique de Vladivistok jusque Dublin", Brussell, 1988

"тысячелетиями и континентами". Его главная книга так и называется "Мужество властвовать. Мыслить континентами"[70].

Лохаузен считает, что глобальные территориальные, цивилизационные, культурные и социальные процессы становятся понятными только в том случае, если они видятся в "дальнозоркой" перспективе, которую он противопоставляет исторической "близорукости". Власть в человеческом обществе, от которой зависит выбор исторического пути и важнейшие решения, должна руководствоваться очень общими схемами, позволяющим найти место тому или иному государству или народу в огромной исторической перспективе. Поэтому основной дисциплиной, необходимой для определения стратегии власти, является геополитика в ее традиционном смысле оперирование глобальными категориями, отвлекаясь от аналитических частностей (а не "внутренняя" прикладная геополитика школы Лакоста). Современные идеологии, новейшие технологические и цивилизационные сдвиги, безусловно, меняют рельеф мира, но не могут отменить некоторых базовых закономерностей, связанных с природными и культурными циклами, исчисляемыми тысячелетиями.

Такими глобальными категориями являются пространство, язык, этнос, ресурсы и т.д.

Лохаузен предлагает такую формулу власти:
"Могущество = Сила х Местоположение"
Он уточняет:
"Так как Могущество есть Сила, помноженная на местопо ложение, только благоприятное географическое положение дает возможность для полного развития внутренних сил."[71]

Таким образом, власть (политическая, интеллекту альная и т.д.) напрямую связывается с пространством.

Лохаузен отделяет судьбу Европы от судьбы Запада, считая Европу континентальным образованием, временно подпавшим под контроль талассократии. Но для политического освобождения Европе необходим простран ственный (позиционный) минимум. Такой минимум обретается только через объединение Германии, интегра ционные процессы в Средней Европе, воссоздание территориального единства Пруссии (разорванной между Польшей, СССР и ГДР) и дальнейшего складывания европейских держав в новый самостоятельный блок, независимый от атлантизма. Важно отметить роль Пруссии. Лохаузен (вслед за Никишем и Шпенглером) считает, что Пруссия является наиболее континентальной, "евразийской" частью Германии, и что, если бы столицей Германии был не Берлин, а Кенигсберг, европейская история пошла бы в ином, более правильном русле, ориентируясь на союз с Россией против англосаксонских талассократий.

Лохаузен считает, что будущее Европы в стратегиче ской перспективе немыслимо без России, и наоборот, России (СССР) Европа необходима, так как без нее геополитически она незакончена и уязвима для Америки, чье местоположение намного лучше, а следовательно, чья мощь рано или поздно намного опередит СССР. Лохаузен подчеркивал, что СССР мог иметь на Западе четыре Европы: "Европу враждебную, Европу подчинен ную, Европу опустошенную и Европу союзную". Первые три варианта неизбежны при сохранении того курса европейской политики, которую СССР вел на протяжении "холодной войны". Только стремление любой ценой сделать Европу "союзной и дружественной" может исправить фатальную геополитическую ситуацию СССР и стать началом нового этапа геополитической истории - этапа евразийского.

[70] Jordis von Lohausen "Mut zur Macht. Denken in Kontinenten", Berg, 1978
[71] Ibidem

Позиция Лохаузена сознательно ограничивается чисто геополитическими констатациями. Идеологические вопросы он опускает. Например, геополитика Руси боярской, России царской или Советского Союза представля ет для него единый непрерывный процесс, не зависящий от смены правящего строя или идеологии. Россия геополитически это heartland, а следовательно, какой бы в ней ни был режим, ее судьба предопределена ее землями.

Лохаузен, как и Тириар, заранее предсказал геополитический крах СССР, который неизбежен в том случае, если он следовал бы своему обычному курсу. Если у атлантистских геополитиков такой исход рассматривался как победа, Лохаузен видел в этом, скорее, поражение континентальных сил. Но с тем нюансом, что новые возможности, которые откроются после падения советской системы, могут создать благоприятные предпосыл ки для создания в будущем нового евразийского блока, Континентальной Империи, так как определенные ограничения, диктуемые марксистской идеологией, были бы в этом случае сняты.

5.4 Евразийская Империя Конца. Жан Парвулеско

Романтическую версию геополитики излагает известный французский писатель Жан Парвулеско. Впервые геополитические темы в литературе возникают уже у Джорджа Оруэлла, который в антиутопии "1984" описал футурологически деление планеты на три огромных континентальных блока "Остазия, Евразия, Океания". Сходные темы встречаются у Артура Кестлера, Олдоса Хаксли, Раймона Абеллио и т.д.

Жан Парвулеско делает геополитические темы центральными во всех своих произведениях, открывая этим новый жанр "геополитическую беллетристику ".

Концепция Парвулеско вкратце такова[72]: история человечества есть история Могущества, власти. За доступ к центральным позициям в цивилизации, т.е. к самому Могуществу, стремятся различные полусекретные организации, циклы существования которых намного превышают длительность обычных политических идеологий, правящих династий, религиозных институтов, государств и народов. Эти организации, выступающие в истории под разными именами, Парвулеско определяет как "орден атлантистов" и "орден евразийцев". Между ними идет многовековая борьба, в которой участвуют Папы, патриархи, короли, дипломаты, крупные финансисты, революционеры, мистики, генералы, ученые, художники и т.д. Все социально-культурные проявления, таким образом, сводимы к изначальным, хотя и чрезвычайно сложным, геополитическим архетипам.

Это доведенная до логического предела геополитиче ская линия, предпосылки которой ясно прослеживают ся уже у вполне рациональных и чуждых "мистицизму" основателей геополитики как таковой.

Центральную роль в сюжетах Парвулеско играет генерал Де Голль и основанная им геополитическая структура, после конца его президентства остававшаяся в тени. Парвулеско называет это "геополитическим голлизмом". Такой "геополитический голлизм" это французский аналог континентализма школы Хаусхофера.

[72] Jean Parvulesco "Galaxie GRU", Paris, 1991

Основной задачей сторонников этой линии является организация европейского континентального блока "Париж Берлин Москва". В этом аспекте теории Парвулеско смыкаются с тезисами "новых правых" и "национал-большевиков".

Парвулеско считает, что нынешний исторический этап является кульминацией многовекового геополитическо го противостояния, когда драматическая история континентально-цивилизационной дуэли подходит к развязке. Он предвидит скорое возникновение гигантской континентальной конструкции "Евразийской Империи Конца", а затем финальное столкновение с "Империей Атлантики". Этот эсхатологический поединок, описываемый им в апокалиптических тонах, он называет "Endkampf" ("Финальная Битва"). Любопытно, что в текстах Парвулеско вымышленные персонажи соседствуют с реальными историческими личностями, со многими из которых автор поддерживал (а с некоторыми поддержи вает до сих пор) дружеские отношения. Среди них политики из близкого окружения Де Голля, английские и американские дипломаты, поэт Эзра Паунд, философ Юлиус Эвола, политик и писатель Раймон Абеллио, скульптор Арно Брекер, члены оккультных организаций и т.д.

Несмотря на беллетристическую форму тексты Парвулеско имеют огромную собственно геополитическую ценность, так как ряд его статей, опубликованных в конце 70-х, до странности точно описывает ситуацию, сложившуюся в мире лишь к середине 90-х.

5.5 Индийский океан как путь к мировому господству. Робер Стойкерс

Полной противоположностью "геополитическому визионеру" Парвулеско является бельгийский геополитик и публицист Робер Стойкерс, издатель двух престижных журналов "Ориентасьон" и "Вулуар". Стойкерс подходит к геополитике с сугубо научных, рационалистических позиций, стремясь освободить эту дисциплину от всех "случайных" напластований. Но следуя логике "новых правых" в академическом направлении, он приходит к выводам, поразительно близким "пророчествам" Парвулеско.

Стойкерс также считает, что социально-политические и особенно дипломатические проекты различных государств и блоков, в какую бы идеологическую форму они ни были облачены, представляют собой косвенное и подчас завуалированное выражение глобальных геополитических проектов. В этом он видит влияние фактора "Земли" на человеческую историю. Человек существо земное (создан из земли). Следовательно, земля, пространство предопределяют человека в наиболее значительных его проявлениях. Это предпосылка для "геоистории".

Континенталистская ориентация является приоритет ной для Стойкерса; он считает атлантизм враждебным Европе, а судьбу европейского благосостояния связыва ет с Германией и Средней Европой[73] . Стойкерс сторонник активного сотрудничества Европы со странами Третьего мира и особенно с арабским миром.

Вместе с тем он подчеркивает огромную значимость Индийского океана для будущей геополитической структуры планеты. Он определяет Индийский океан как "Срединный Океан", расположенный между Атлантическим и Тихим. Индийский океан расположен строго посредине между восточным побережьем Африки и тихоокеан ской зоной, в которой расположены Новая Зеландия, Австралия, Новая Гвинея, Малайзия, Индонезия, Филиппины и Индокитай. Морской контроль над Индийским океаном является ключевой

[73] Robert Steukers "La Russie, L'Europe et L'Occident" dans "Orientation" № 4 nov.-dec. 1983

позицией для геополитического влияния сразу на три важнейших "больших пространства" Африку, южно-евразийский rimland и тихоокеанский регион. Отсюда вытекает стратегический приоритет некоторых небольших островов в Индийском океане особенно Диего Гарсия, равноуда ленного от всех береговых зон.

Индийский океан является той территорией, на которой должна сосредоточиться вся европейская стратегия, так как через эту зону Европа сможет влиять и на США, и на Евразию, и на Японию, утверждает Стойкерс. С его точки зрения, решающее геополитическое противостояние, которое должно предопределить картину будущего XXI века, будет разворачиваться именно на этом пространстве.

Стойкерс активно занимается историей геополитики, и ему принадлежат статьи об основателях этой науки в новом издании "Брюссельской энциклопедии".

5.6 Россия + Ислам = спасение Европы. Карло Террачано

Активный геополитический центр континенталистской ориентации существует и в Италии. В Италии после Второй мировой войны больше чем в других европейских странах получили распространение идеи Карла Шмитта, и благодаря этому геополитический образ мышления стал там весьма распространенным. Кроме того, именно в Италии более всего было развито движение "Юная Европа" Жана Тириара, и соответственно, идеи континентального национал-большевизма.

Среди многочисленных политологических и социологических "новых правых" журналов и центров, занимающихся геополитикой, особый интерес представляет миланский "Орион", где в течение последних 10 лет регулярно публикуются геополитические анализы доктора Карло Террачано. Террачано выражает наиболее крайнюю позицию европейского континентализма, вплотную примыкающую к евразийству.

Террачано полностью принимает картину Макиндера и Мэхэна и соглашается с выделенным ими строгим цивилизационным и географическим дуализмом. При этом он однозначно встает на сторону heartland'а, считая, что судьба Европы целиком и полностью зависит от судьбы России и Евразии, от Востока. Континентальный Восток это позитив, атлантический Запад негатив. Столь радикальный подход со стороны европейца является исключением даже среди геополитиков континен тальной ориентации, так как Террачано даже не акцентирует особо специальный статус Европы, считая, что это является второстепенным моментом перед лицом планетарного противостояния талассократии и теллурократии.

Он полностью разделяет идею единого Евразийского Государства, "Евро-советской Империи от Владивостока до Дублина", что сближает его с Тириаром, но при этом он не разделяет свойственного Тириару "якобинства" и "универсализма", настаивая на этно-культурной дифференциации и регионализме, что сближает его, в свою очередь, с Аленом де Бенуа.

Подчеркивание центральности русского фактора соседствует у Террачано с другим любопытным моментом: он считает, что важнейшая роль в борьбе с атлантизмом принадлежит исламскому миру, особенно явно антиаме риканским режимам: иранскому, ливийскому, иракскому и т.д. Это приводит его к выводу, что исламский мир является в высшей степени выразителем континенталь ных геополитических интересов. При этом он рассмат ривает в качестве позитивной именно "фундаменталист скую" версию Ислама.

Окончательная формула, которая резюмирует геополитические взгляды доктора Террачано, такова:

Россия (heartland) + Ислам против США (атлантизм, мондиализм)[74]

Европу Террачано видит как плацдарм русско-исламско го антимондиалистского блока. С его точки зрения, только такая радикальная постановка вопроса может объективно привести к подлинному европейскому возрожде нию.

Сходных с Террачано взглядов придерживаются и другие сотрудники "Ориона" и интеллектуального центра, работающего на его базе (проф. Клаудио Мутти, Мауриццио Мурелли, социолог Алессандра Колла, Марко Баттарра и т.д.) К этому национал-большевистскому направлению тяготеют и некоторые левые, социал-демократические, коммунистические и анархистские круги Италии газета "Уманита", журнал "Нуови Ангулациони" и т.д.

[74] Carlo Terracciano "Nel Fiume della Storia" in "Orion", Milano, №№ 22 -- 30, 1986 -- 1987

Глава 6. Неоевразийство

6.1 Евразийская пассионарность Лев Гумилев

Самым ярким учеником евразийца Савицкого был знаменитый русский ученый историк Лев Николаевич Гумилев. Собственно геополитические темы он в своих трудах не затрагивал, но его теория этногенеза и этнических циклов явно продолжает линию "органицистско го" подхода и отчасти "географического детерминизма", которые составляют сущность геополитики уже у Ратцеля, Челлена, Хаусхофера и т.д.

Особенно важны исследования Гумилева в отношении древних периодов этнической карты Евразии, степи, кочевых народов и их цивилизаций. Из его трудов складывается совершенно новое видение политической истории, в которой евразийский Восток выступает не просто как варварские земли на периферии цивилизации (приравненной к западной цивилизации), но как самостоятельный и динамичный центр этногенеза, культуры, политической истории, государственного и техниче ского развития. Запад и его история релятивизируются, евразийская культура и созвездие евразийских этносов обнаруживаются как многомерный и совершенно не изученный мир со своими шкалой ценностей, религиоз ными проблемами, историческими закономерностями и т.д.

Гумилев развивает и доводит до логического предела общеевразийскую идею о том, что этнически великороссы, русские представляют собой не просто ветвь восточных славян, но особый этнос, сложившийся на основе тюркско-славянского слияния. Отсюда косвенно вытекает обоснованность русского контроля над теми евразийскими землями, которые населены тюркскими этносами. Великорусская цивилизация сложилась на основе тюркско-славянского этногенеза, который реализовался на географическом плане как исторический альянс Леса и Степи. Именно геополитическое сочетание Леса и Степи составляет историческую сущность России, предопреде ляя характер ее культуры, цивилизации, идеологии, политической судьбы.

Гумилев, вслед за Шпенглером и Тойнби, выделяет циклы цивилизаций и культур, а также соответствую щих этносов. С его точки зрения, этно-культурные образования нации, государства, религиозные общины во всем подобны живым организмам. Они проходят периоды рождения, юности, зрелости и старения, а потом исчезают или превращаются в т.н. "реликты". В этом снова явно заметно влияние "органицистской философии", общей для всех континенталистских геополитических школ.

В высшей степени интересны теории Гумилева относительно причин этногенеза, т.е. рождения народа или государства. Для описания этого процесса он вводит термин "пассионарности" или "пассионарного толчка»[75]. Это необъяснимый синхронный всплеск биологической и духовной энергии, который внезапно приводит в движение вялотекущее историческое существование "старых" народов и культур, захватывая различные сложившиеся этнические и религиозные группы в динамическом порыве пространственной, духовной и технической экспансии, что приводит к завоеваниям и сплавлению разнородных остаточных этносов в новые активные и жизнеспособные формы. Высокая и полноценная пассионарность и динамический процесс этногенеза ведут в нормальном случае к возникновению особого суперэтноса, который соответствует не

[75] Л.Гумилев "Этногенез и биосфера земли ", Ленинград, 1990

столько национально-государ ственной форме политической организации, сколько империи.

Пассионарность постепенно убывает. На смену "пассеизму" (для Гумилева это позитивная категория, которую он приравнивает к "героизму", к этическому стремлению к бескорыстному созиданию во имя верности национальной традиции) приходит "актуализм", т.е. озабоченность лишь настоящим моментом в отрыве от традиции и без оглядки на судьбу будущих поколений. В этой фазе происходит "пассионарный надлом" и этногенез входит в отрицательную стадию консервация и начала распада. Далее следует "футуристическая" фаза, в которой доминирует тип бессильных "мечтателей", "фантазеров", "религиозных эскапистов", которые утрачивают веру в окружающее бытие и стремятся уйти в "потустороннее". Гумилев считает это признаком окончательного упадка. Этнос деградирует, суперэтносы распадаются на составляющие, империи рушатся.

Такая ситуация продолжается вплоть до нового "пассионарного толчка", когда появляется новый свежий этнос и провоцирует новый этногенез, в котором переплав ляются остатки старых конструкций. Причем некоторые этносы сохраняются в "реликтовом" состоянии (Гумилев называет их "химерами"), а другие исчезают в динамике нового этногенетического процесса.

Особенно важно утверждение Гумилева относительно того, что великороссы являются относительно "свежим" и "молодым" этносом, сплотившим вокруг себя "суперэтнос" России-Евразии или евразийской Империи.

Из евразийства Гумилева напрашиваются следующие геополитические выводы (которые он сам не делал по понятным политическим соображениям, предпочитая оставаться строго в рамках исторической науки).

1) Евразия представляет собой полноценное "месторазвитие", плодородную богатейшую почву этногенеза и культурогене за. Следовательно, надо научиться рассматривать мировую историю не в однополярной оптике "Запад и все остальные" (как это свойственно атлантистской историографии), а в многополярной, причем северная и восточная Евразия представляют собой особый интерес, так как являются альтерна тивным Западу источником важнейших планетарных цивилизационных процессов. В своих трудах Гумилев дает развернутую картину тезиса Макиндера о "географической оси истории" и наделяет эту ось конкретным историческим и этническим содержанием.

2) Геополитический синтез Леса и Степи, лежащий в основе великорусской государственности, является ключевой реальностью для культурно-стратегического контроля над Азией и Восточной Европой . Причем такой контроль способствовал бы гармоничному балансу Востока и Запада, тогда как культурная ограниченность западной цивилизаций (Лес) при ее стремлении к доминации, сопровождающейся полнейшим непониманием культуры Востока (Степи), ведет лишь к конфликтам и потрясениям.

3) Западная цивилизация находится в последней нисходя щей стадии этногенеза, являясь конгломератом "химериче ских" этносов . Следовательно, центр тяжести обязательно переместится к более молодым народам.

4) Возможно также, что в скором будущем произойдет какой-то непредсказуемый и непредвиденный "пассионарный толчок", который резко изменит политическую и

культурную карту планеты, так как доминация "реликтовых" этносов долго длиться не может.

6.2 Новые русские евразийцы

Сам Гумилев не формулировал геополитических выводов на основании своей картины мира. Это сделали его последователи в период ослабления (а потом и отмены) марксистской идеологической цензуры. Такое направление в целом получило название "неоевразийства ", которое имеет, в свою очередь, несколько разновидно стей. Не все они наследуют идеи Гумилева, но в целом его влияние на эту геополитическую идеологию колоссально.

Неоевразийство имеет несколько разновидностей.

Первое (и самое основное и развитое) представляет собой законченную и многомерную идеологию, которую сформулировали некоторые политические круги национальной оппозиции, противостоящие либеральным реформам в период 1990 1994 годов. Речь идет о группе интеллектуалов, объединившихся вокруг газеты "День" (позже "Завтра") и журнала "Элементы"[76].

Это неоевразийство основывается на идеях П.Савицкого, Г.Вернадского, кн. Н.Трубецкого, а также идеолога русского национал-большевизма Николая Устрялова. Анализ исторических евразийцев признается в высшей степени актуальным и вполне применимым к настоящей ситуации. Тезис национальной идеократии имперского континентального масштаба противопоставляется одновременно и либеральному западничеству, и узкоэтниче скому национализму. Россия видится как ось геополитического "большого пространства", ее этническая миссия однозначно отождествляется с империостроительст вом.

На социально-политическом уровне это направление однозначно тяготеет к евразийскому социализму, считая либеральную экономику характерным признаком атлантистского лагеря. Советский период российской истории рассматривается в сменовеховской перспективе как модернистическая форма традиционного русского национального стремления к планетарной экспансии и "евразийскому антиатлантистскому универсализму". Отсюда "прокоммунистические" тенденции этой версии неоевразийства.

Наследие Льва Гумилева принимается, но при этом теория пассионарности сопрягается с учением о "циркуляции элит" итальянского социолога Вильфреда Парето, а религиоведческие взгляды Гумилева корректиру ются на основании школы европейских традиционали стов (Генон, Эвола и т.д.).

Идеи традиционалистов "кризис современного мира", "деградация Запада", "десакрализация цивилизации" и т.д. входят важным компонентом в неоевразийство, дополняя и развивая те моменты, которые были представлены у русских авторов лишь интуитивно и фрагментарно.

Кроме того, досконально исследуются европейские континенталистские проекты (Хаусхофер, Шмитт, Никиш, "новые правые" и т.д.), за счет чего горизонты евразий ской доктрины распространяются и на Европу, понятую как потенциально континентальная

[76] Francoise Thome "Eurasisme et Neo-Eurasisme" dans "Commentaire", ete 1994, № 66.

сила. Это мотив совершенно чуждый историческим евразийцам-эмигрантам, которые писали основные произведения в ситуации, когда США еще не имели самостоятельного геополитиче ского значения, и тезис о различие Европы и Запада еще не получил должного развития. Неоевразийство, внимая европейским континенталистам, признает стратеги ческую важность Европы для геополитической законченности и полноценности евразийского "Большого пространства", особенно учитывая то, что именно фактор неустойчивого разделения геополитической карты Европы привел к поражению СССР в "холодной войне".

Другой особенностью неоевразийства является выбор исламских стран (особенно континентального Ирана) в качестве важнейшего стратегического союзника. Идея континентального русско-исламского альянса лежит в основе антиатлантической стратегии на юго-западном побережье евразийского материка. На доктринальном уровне этот альянс обосновывается традиционным характером русской и исламской цивилизаций, что объединяет их в противостоянии антитрадиционному, светско-прагмати ческому Западу.

В этом направлении неоевразийства картина всех геополитических проектов применительно к актуальной ситуации достраивается до своей полноты, так как и идеологически, и стратегически, и политически, и позицион но, неоевразийский проект представляет собой наиболее полную, непротиворечивую, законченную и исторически обоснованную противоположность всем разновидностя ми западных геополитических проектов (как атлантист ских, так и мондиалистских).

Мондиализм и атлантизм выражают две разновидно сти геополитической идеологии крайнего Запада. Европеизм и умеренный континентализм европейских геополитиков представляет собой промежуточную реальность. И наконец, неоевразийство "Дня" и особенно "Элементов" выражает радикально антизападную точку зрения, смыкающуюся со всеми остальными альтернативными геополитическими проектами от европейского национал-большевизма до исламского фундаментализма (или исламского "социализма") вплоть до национально-осво бодительных движений во всех уголках Третьего мира.

Другие разновидности неоевразийства менее последовательны и представляют собой адаптацию всего комплекса вышеназванных идей к меняющейся политиче ской действительности: либо речь идет только о прагматическом экономическом "евразийстве", призванном воссоздать экономическое взаимодействие бывших республик СССР (проект президента Казахстана Н.Назарбае ва), либо об обосновании экспансионистских тезисов ("великодержавный" проект В.Жириновского), либо о чисто риторическом взывании к "евразийской общности" для сохранения единства русских и национальных меньшинств (в большинстве своем этнических тюрок и мусульман) в составе РФ (проект некоторых деятелей правительства Б.Ельцина), либо о чисто историческом интересе к наследию кружка Савицкого, Трубецкого, Сувчинского, Карсавина и т.д. в эмиграции. Но все эти версии с необходимостью искусственны, фрагментарны, непоследовательны и не могут претендовать на самостоя тельную и серьезную геополитическую идеологию и методологию. Поэтому подробнее останавливаться на них не имеет особого смысла.

Заметим только, что любые апелляции в евразийству и Евразии, какой бы ограниченный смысл ни вкладыва ли бы в эти понятия те, кто их используют, прямо или косвенно отсылают именно к тому неоевразийскому проекту, который выработан в кругах оппозиции и оформлен в работах авторов "Дня" и "Элементов", так как только в этом контексте употребление слова "евразийст во" оправдано и преемственностью русской

геополитиче ской школы, и соотнесенностью с общим веером геополитических проектов планетарного масштаба, существующих вне России.

6.3 К новой биполярности

Неоевразийство, помимо своего интеллектуального наследия и общих принципов континентальной геополитики, стоит перед лицом новейших проблем, поставлен ных в форме последних геополитических проектов Запада. Более того, это геополитическое направление приобретает значение именно в той мере, в какой оно способно не просто объяснить геополитически логику происходящих исторических событий, но выработать связный футурологический проект, способный противостоять проектам Запада.

Победа Запада в "холодной войне" концептуально означает окончание биполярного и начало однополярного мира. При этом если чистые атлантисты (Хантингтон) предполагают, что эта однополярность будет относитель ной выигравший Запад (The West) будет вынужден постоянно улаживать нарастающие межцивилизацион ные конфликты со "всем остальным миром" (The Rest) то мондиалисты (Фукуяма, Аттали) видят беспроблемную доминацию Запада надо всей планетой как нечто уже случившееся. Даже самый конфликтный вариант профессора Санторо предполагает, в конце концов, установление Мирового Правительства.

Это проекты геополитических победителей, обладающих сегодня неоспоримыми преимуществами и стратегической инициативой, с которыми необходимо считаться в высшей степени. Все они сходятся в одном: на планете рано или поздно должен восторжествовать универсализм западного типа, т.е. атлантистская, талассо кратическая система ценностей должна стать доминирующей повсеместно. Двухполюсный мир времен холодной войны считается полностью преодоленным. Евразии и евразийству в такой картине просто нет места. Все это логично и вытекает напрямую из работ первых англосаксонских геополитиков, стремившихся всемерно ослабить силы Суши, подорвав их могущество и сдерживая их развитие разнообразными стратегическими методами особенно стратегией "анаконды", т.е. жестким контролем над все большими и большими секторами rimland.

Неоевразийство не может, оставаясь самим собой, признать правомочности такого положения дел и обречено на то, чтобы искать возможности обратить все эти процессы вспять. И начинает оно с самого центрального вопроса с вопроса об однополярности. Однополярность (доминация атлантизма в любых формах как в чистом виде, так и через мондиализм) обрекает Евразию как heartland на историческое небытие. Неоевразийство настаивает на том, что этой однополярности следует противостоять.

Осуществить это можно только через новую биполярность .

Это требует пояснения. Есть точка зрения, что после окончания противостояния США СССР мир сам по себе перейдет к многополярному устройству возвысится Китай, демографические процессы выведут исламские страны в разряд геополитически центральных, тихоокеанский регион заявит о своей конкурентоспособно сти с Европой и Америкой и т.д. Все это возможно, но здесь не учитывается, что такая новая многополярность будет проходит под знаком "атлантистской системы ценностей", т.е. будет представлять собой лишь территори альные разновидности талассократической системы, и никак не подлинную геополитическую альтернативу. Вызов Запада, рынка и либерал-демократии универсален. После победы heartland'a все попытки народов и

государств следовать каким-то иным путем, кроме западно го, лишились основной опоры. И просоветские режимы, и все "неприсоединившиеся" страны, настаивавшие на "третьем пути", существовали лишь за счет биполярно сти, за счет зазора, существовавшего между Западом и Востоком в их позиционной геополитической борьбе. Современный победивший Запад отныне будет диктовать идеологические и экономические условия всем, кто станет претендовать на роль развитого региона. Поэтому любая многополярность при сохранении статус кво будет фиктивной и мондиалистской.

Это неплохо осознают западные стратеги, прекрасно понимающие, что главной геополитической задачей Запада на данном этапе является недопущение самой возможности формирования масштабного геополитического блока континентального объема, который мог бы быть по тем или иным параметрам сопоставим с силами атлантизма. Это является главным принципом военно-по литической доктрины США, что сформулировано в докладе Пола Вольфовица. Иными словами, Запад более всего не хочет возврата к биполярности. Это было бы для него смертельно опасно.

Неоевразийство, исходя из интересов "географической оси истории", утверждает прямо противоположное Западу. Единственным выходом из сложившейся ситуации может стать лишь новый биполяризм, так как только в этом направлении Евразия смогла бы обрести перспективу подлинной геополитической суверенности. Только новая биполярность сможет впоследствии открыть путь такой многополярности, которая выходила бы за рамки талассократической либерал-демократической системы, т.е. истинной многополярности мира, где каждый народ и каждый геополитический блок смог бы выбирать собственную систему ценностей, имеет шанс осуществить ся только после освобождения от глобальной атланти стской доминации через новое планетарное противостоя ние.

При этом важно, что евразийский континентальный блок не может стать простым воссозданием Варшавско го пакта. Распад прежней геополитической континен тальной конструкции необратим и коренится в самой его структуре. Новый континентальный альянс должен либо включить в себя всю Европу до Атлантики и несколько важнейших секторов южного побережья Евразии Индию, Иран, Индокитай и т.д., либо обеспечить дружественный нейтралитет этих же пространств, т.е. вывести их из-под контроля атлантизма. Возврат к старому биполяризму невозможен по многим причинам в том числе и по идеологическим. Новый евразийский биполяризм должен исходить из совершенно иных идеологических предпосылок и основываться на совершенно иных методиках.

Эта теория "нового биполяризма" достаточно развита в неоевразийских проектах, являясь теоретическим обоснованием для всех нонконформистских геополитических теорий Европы и Третьего мира. Как heartland объективно является единственной точкой, способной быть плацдармом планетарной альтернативы талассократии, так неоевразийство представляет собой единственную теоретическую платформу, на основе которой может быть разработан целый веер планетарных стратегий, отрицающих мировую доминацию атлантизма и его цивилизаци онной системы ценностей: рынка, либеральной демократии, светской культуры, философии индивидуализма и т.д.

ЧАСТЬ III РОССИЯ И ПРОСТРАНСТВО

Глава 1. Heartland

Россия, со стратегической точки зрения, представляет собой гигантскую континентальную массу, которая отождествляется с самой Евразией. Россия после освоения Сибири и ее интеграции однозначно совпала с геополитическим понятием Heartland, т.е. "Центральной Земли" континента. Макиндер определял русское Большое Пространство как "Географическую Ось Истории". Географически, ландшафтно, лингвистически, климатически, культурно и религиозно Россия является синтетическим единением евразийского Запада и евразийского Востока, причем ее геополитическая функция не сводится к суммированию или опосредованию западных и восточных тенденций. Россия есть нечто Третье, самостоятельное и особое ни Восток, ни Запад. Культурно осмыслявшие "срединное" положение России русские евразийцы говорили об особой культуре "Срединной Империи", где географические и геополитические противоположности снимаются в духовном, вертикальном синтезе. С чисто стратегической точки зрения, Россия тождественна самой Евразии хотя бы потому, что именно ее земли, ее население и ее индустриально-технологическое развитие обладают достаточным объемом, чтобы быть базой континентальной независимости, автаркии и служить основой для полной континентальной интеграции, что по геополитиче ским законам должно произойти с каждым "островом", в том числе и с самим "Мировым Островом" (World Island), т.е. с Евразией.

По отношению к России-Heartland все остальные евразийские государства и земли являются прибрежными , Rimland. Россия это "Ось Истории", поскольку "цивилизация" вращается вокруг нее, создавая свои наиболее броские, выразительные и законченные формы не в своем животворном континентальном истоке, но в "береговой зоне", в критической полосе, где пространство Суши граничит с пространством Воды, моря или океана. Со стратегической точки зрения, Россия является самостоя тельной территориальной структурой, чья безопасность и суверенность тождественны безопасности и суверенно сти всего континента. Этого нельзя сказать ни об одной другой крупной евразийской державе ни о Китае, ни о Германии, ни о Франции, ни об Индии. Если по отношению к своим береговым соседям или к государствам иных "Островов" или континентов Китай, Германия, Франция, Индия и т.д. могут выступать как континенталь ные силы, то по отношению к России они всегда останутся "береговыми полосами", Rimland, со всеми соответ ствующими стратегическими, культурными и политиче скими последствиями. Только Россия может выступать от имени Heartland с полным геополитическим основанием. Только ее стратегические интересы не просто близки к интересам континента, но строго тождественны им (по меньшей мере, на актуальном этапе развития техносферы дело обстоит именно так).

Глава 2. Проблема Rimland

Отношение России к соседним континентальным цивилизациям романо-германской на Западе и трем традиционным цивилизациям на Востоке (исламской, индуистской и китайской) имеет, по меньшей мере, две плоскости, которые ни в коем случае нельзя смешивать между собой, так как это неизбежно приведет к множеству недоразумений. Во-первых, культурно-исторически сущность России, ее духовное самоопределение, ее

"идентичность", безусловно определяются формулой "ни Восток, ни Запад" или "ни Европа, ни Азия, но Евразия" (по выражению русских евразийцев). Россия духовно есть нечто Третье, нечто самостоятельное и особое, что не имеет выражения ни в терминах Востока, ни в терминах Запада. На этом уровне высшим интересом России является сохранение любой ценой ее уникальности, отстаива ние ее самобытности перед вызовом культуры Запада и традиции Востока. Это не означает полного изоляцио низма, но все же ограничивает спектр возможных заимствований. Исторический реализм требует от нас мужественного признания того, что утверждение "своего", "нашего" всегда идет параллельно отрицанию "чужого", "ненашего". И утверждение и отрицание являются фундаментальными элементами национальной, культурной, исторической и политической самостоятельности народа и государства. Поэтому отрицание и Запада и Востока в культурном плане является историческим императивом для независимости России. В этом вопросе, естественно, могут быть самые различные нюансы и дискуссии признавая самобытность, некоторые считают, что лучше открыться больше для Востока, чем для Запада ("азиатское направление"), другие наоборот ("западники"), третьи предпочитают полный отказ от всякого диалога ("изоляционисты"), четвертые предполагают равномерную открытость в обе стороны (некоторые направления "неоевразийства").

На стратегическом и чисто геополитическом уровнях ситуация совершенно другая. Так как Россия-Евра зия на настоящем историческом этапе в качестве своего планетарного оппонента имеет не столько "береговые цивилизации", Rimland, сколько противолежащий "Остров", атлантистскую Америку, то важнейшим стратегическим императивом является превращение "береговых территорий" в своих союзников, стратегическое проникнове ние в "прибрежные" зоны, заключение общеевразийско го пакта или, по меньшей мере, обеспечение полного и строгого нейтралитета как можно большего числа Rimland в позиционном противостоянии заатлантическо му Западу. Здесь стратегической формулой России однозначно должна быть формула "и Восток и Запад", так как только континентальная интеграция Евразии с центром в России может гарантировать всем ее народам и государствам действительный суверенитет, максимум политической и экономической автаркии. На стратегиче ском уровне сегодня актуально одно- единственное противопоставление: либо мондиализм (общепланетарная доминация американизма и атлантизма), либо континен тализм (деление планеты на два или более Больших Пространства, пользующихся политическим, военным, стратегическим и геополитическим суверенитетом). Rimlands необходимы России, чтобы стать действитель но суверенной континентальной геополитической силой. В настоящий момент, при актуальном развитии военных, стратегических и экономических технологий, никакого иного, неконтинентального, суверенитета просто не может быть: всякие "этнократические", чисто "изоляцио нистские" проекты решения государственной проблемы России в стратегической сфере дают результат строго соответствующий мондиалистским планам по тотально му контролю над планетой и по полной стратегической, политической и экономической оккупации Евразии и России.

Очевидно, что перенесение культурно-исторической проблематики России на стратегический или геополити ческий уровень (т.е. наделение формулы "ни Восток, ни Запад" сугубо геополитическим смыслом) есть не что иное, как политическая диверсия , направленная на стратегическую дезориентацию внешнеполитического курса России. Что бы ни лежало в основе "узко-этнических", "расово-националистических", "шовинистических" моделей русской государственности невежество, наивность или сознательная работа против своего народа и его независимости, результатом является полное тождество с мондиалистскими целями. Не превратив Россию в "этническую резервацию", США не смогут получить полного контроля над миром.

Проблема Rimland ставится именно таким образом только сегодня, когда за спиной у нас остается вся стратегическая история биполярного мира и планетарной холодной войны СССР и США. Во времена пика политиче ской активности русских евразийцев стратегическая ситуация была совершенно иной, и в будущее могли заглянуть совсем немногие. Поэтому некоторые геополитиче ские проекты евразийцев следует рассматривать с осторожностью. В частности, проблема Rimland трактовалась ими скорее в культурном, нежели в стратегическом аспекте. Все это необходимо учитывать для того, чтобы Россия могла выработать серьезную и обоснованную геополитическую программу, реалистичную и перспектив ную, во главу угла которой следует поставить главный геополитический императив независимость, суверенность, самостоятельность, автаркию и свободу Великой России.

Глава 3. Собирание Империи

Одним из главных постулатов геополитики является утверждение о том, что геополитическое положение государства является намного более важным, нежели особенности политического устройства этого государства. Политика, культура, идеология, характер правящей элиты и даже религия рассматриваются в геополитической оптике как важные, но второстепенные факторы по сравнению с фундаментальным геополитическим принципом отношением государства к пространству . Часто (особенно у нас в России) такая специфика геополитики как науки считается чуть ли не "цинизмом" или даже "антинациональным" подходом. Это, конечно же, совершенно неверно. Просто геополитика отнюдь не претендует на то, чтобы быть единственной и высшей инстанцией в определении государственных и политических интересов нации. Геополитика это одна из нескольких базовых дисциплин, позволяющих адекватно сформули ровать международную и военную доктрину государства наряду с другими, не менее важными дисциплинами. Как физика, для того чтобы быть точной наукой, должна абстрагироваться от химии и ее законов (это отнюдь не означает, что физика отрицает химию), так и геополити ка для того, чтобы быть строгой дисциплиной, должна оставлять в стороне иные, негеополитические, подходы, которые могут и должны приниматься во внимание при окончательных заключениях в отношении судьбы государства и народа наряду с геополитикой.

Одним из насущнейших геополитических требований России является "собирание Империи". Как бы мы ни относились к "социализму", СССР, Восточному блоку, странам Варшавского договора и т.д., как бы ни оценивали политическую и культурную реальность одной из двух сверхдержав, с геополитической точки зрения, существо вание Восточного блока было однозначно позитивным фактором для возможного евразийского объединения, для континентальной интеграции и суверенитета нашего Большого Пространства. Именно геополитическая логика заставила бельгийского теоретика Жана Тириара говорить о необходимости создания "Евро-советской империи от Владивостока до Дублина". Только Восточный блок мог стать основой объединения Евразии в Империю, хотя разделение Европы и непоследовательность советской политики в Азии были серьезными препятствиями для осуществления этой цели. По мнению многих современных геополитиков, распад СССР был в значительной мере обусловлен именно его стратегической уязвимостью на западных и восточных рубежах США контролиро вали Rimland Запада и Востока настолько умело и последовательно, что, в конечном итоге, они и не допустили континентальной интеграции и способствовали распаду самого Восточного блока. Конец двуполярного мира это стратегический удар по Евразии, удар по континен тализму и возможному суверенитету всех евразийских государств.

Императив геополитического и стратегического суверенитета России заключается в том, чтобы не только восстановить утраченные регионы "ближнего зарубежья", не только возобновить союзнические отношения со странами Восточной Европы, но и в том, чтобы включить в новый евразийский стратегический блок государства континентального Запада (в первую очередь, франко-герман ский блок, который тяготеет к освобождению от атлантистской опеки проамериканского НАТО) и континен тального Востока (Иран, Индию и Японию).

Геополитическое "собирание Империи" является для России не только одним из возможных путей развития, одним из возможных отношений государства к простран ству, но залогом и необходимым условием существова ния независимого государства, и более того независи мого государства на независимом континенте .

Если Россия немедленно не начнет воссоздавать Большое Пространство, т.е. возвращать в сферу своего стратегического, политического и экономического влияния временно утраченные евразийские просторы, она ввергнет в катастрофу и саму себя, и все народы, проживаю щие на "Мировом Острове".

Ход возможных событий легко предвидеть. Если Россия выберет какой-то иной путь, нежели "путь собирания Империи", континентальную миссию Heartland начнут брать на себя новые державы или блоки государств. В таком случае, просторы России будут основной стратегической целью для тех сил, которые объявят себя новой "цитаделью Евразии". Это совершенно неизбежно, так как контроль над континентом немыслим без контроля над пространством "географической оси Истории". Либо Китай предпримет отчаянный бросок на Север в Казахстан и Восточную Сибирь, либо Срединная Европа двинется на западно-русские земли Украину, Белоруссию, западную Великороссию, либо исламский блок постарается интегрировать Среднюю Азию, Поволжье и Приуралье, а также некоторые территории Южной России. Этой новой континентальной интеграции избежать невозможно, так как сама геополитическая карта планеты противится ее однополярной, атлантистской ориентации. В геополитике вполне правомочен сакральный закон "свято место пусто не бывает". Причем, к экспансии на русские земли другие евразийские блоки подтолкнет отнюдь не "территориальный эгоизм" или "русофобия", но неумолимая логика пространства и геополитическая пассивность России. В сфере континентальной стратегии глупо ожидать того, что другие народы остановятся перед территориальной экспансией на русские земли только из уважения к "самобытности русской культуры". В этой сфере действуют лишь силовые территориальные импульсы и позиционные преимущества. Даже сам факт колебания в вопросе незамедлительного "собирания Империи" является уже достаточным вызовом, достаточным основанием для того, чтобы альтернативные геополити ческие Большие Пространства двинулись в русские пределы. Это, естественно, вызовет реакцию русских и повлечет за собой жуткий и бесперспективный внутриевра зийский конфликт; бесперспективный потому, что он не будет иметь даже теоретически позитивного решения, так как для создания нерусской Евразии необходимо полностью уничтожить русский народ, а это сделать не только непросто, но фактически невозможно, как показывает история. С другой стороны, такой конфликт проложит линию фронта между соседними государствами континен тальной и антиатлантистской ориентации, а это лишь усилит позицию третьей силы, т.е. США и их коллег по мондиалистским проектам. Отсутствие действия это тоже своего рода действие, и за промедлением в "собирании Империи" (не говоря уже о возможном отказе от геополитической экспансии России) неминуемо последует большая евразийская кровь. События на Балканах дают страшный пример того, что может произойти в России в несравнимо более грандиозном масштабе.

Воссоединение евразийских территорий под покровительством России как "оси Истории" сегодня сопряжено с определенными трудностями, но они ничтожны перед лицом тех катастроф, которые с неизбежностью грядут в том случае, если это "собирание Империи" не начнется немедленно.

Глава 4. Теплые и холодные моря

Процесс "собирания Империи" должен изначально ориентироваться на дальнюю цель, которой является выход России к теплым морям. Именно благодаря сдержива нию русской экспансии на южном, юго-западном и северо-западном направлениях, атлантистской Англии удавалось поддерживать свой контроль над всеми "береговыми пространствами", окружающими Евразию. Россия геополитически являлась "законченной" державой на Востоке и Севере, где ее политические границы совпадали с естественными географическими границами евразийско го материка. Но парадокс заключался в том, что эти побережья прилегают к холодным морям, что является непреодолимым барьером для развития мореходства в той степени, в какой это позволило бы всерьез конкурировать на морях с флотами Западного Острова (Англии, а позднее Америки). С другой стороны, восточные и северные земли России никогда не были достаточно освоены в силу природных и культурных особенностей, а все проекты по интеграции русской Азии от предложен ных доктором Бадмаевым последнему Императору до брежневского БАМа по какой-то странной закономерности рушились под воздействием спонтанных или управляемых исторических катаклизмов.

Как бы то ни было, выход к холодным морям Севера и Востока должен быть дополнен выходом к теплым морям Юга и Запада, и только в этом случае Россия станет геополитически "законченной". За это, собствен но, и велись многочисленные русско-турецкие войны, плоды которых, однако, пожинали не турки и не русские, а англичане, обескровливающие две последние традицион ные империи из трех (третья Австро- Венгрия). Последним рывком к жизненно необходимому России Югу была неудачная экспансия СССР в Афганистан. Геополитическая логика однозначно показывает, что России обязательно придется туда вернуться снова, хотя гораздо лучше было бы прийти верным союзником, защитни ком и другом, нежели жестоким карателем. Только тогда, когда южными и западными границами России станет береговая линия, можно будет говорить об окончательном завершении ее континентального строительст ва. При этом не обязательно речь должна идти о завоеваниях, экспансии или аннексиях. Прочный антиатлан тический паритетный стратегический союз с континен тальными европейскими и азиатскими державами был бы достаточен для достижения этой цели. Выход к теплым морям может быть получен не только путем кровопролитной войны, но и путем разумного мира, выгодного для геополитических интересов всех континенталь ных держав, так как проект евразийской стратегической интеграции даст возможность всем этим державам стать реально суверенными и независимыми перед лицом альтернативного им атлантического Острова, объединенно го, в свою очередь, стратегической доктриной Монро. Проливы и теплые моря были недоступны для России тогда, когда столь очевидного атлантического фактора, как США, угрожающего интересам всей Европы и всей Азии, еще не существовало, и различные державы материка оспаривали друг у друга первенство в противостоянии Англии и лидерство в деле территориального стратегическо го объединения. Реализация доктрины Монро в Америке высветила всю геополитическую значимость России, и поэтому союз с Россией стал самоочевидным императи вом для всех реалистичных геополитиков материка в каких бы политических формах он ни воплощался в зависимости от обстоятельств. Угроза мондиализма и атлантистского глобализма

теоретически открывает России выход к теплым морям через сам собой напраши вающийся союз Heartland и Rimland против заокеан ских оккупантов.

ЧАСТЬ IV ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ

Глава 1. Необходимость радикальной альтернативы

В нашем обществе сегодня представлены два принципиальных проекта относительно русского будущего. Они в той или иной степени затрагивают все аспекты национальной жизни экономику, геополитику, междуна родные отношения, этнические интересы, промышлен ную структуру, хозяйственный уклад, военное строитель ство и т.д.

Первый проект принадлежит радикальным либералам, "реформаторам", которые берут в качестве примера западное общество, современный "торговый строй", и полностью подписываются под проектами о "конце истории", развитыми в знаменитой одноименной статье Фрэнсиса Фукуямы. Этот проект отрицает такие ценности, как народ, нация, история, геополитические интересы, социальная справедливость, религиозный фактор и т.д. В нем все строится на принципе максимальной экономической эффективности, на примате индивидуализма, потребления и "свободного рынка". Либералы хотят построить на месте России новое, никогда еще не существовавшее исторически общество, в котором установятся те правила и культурные координаты, по которым живет современный Запад и, в особенности, США. Этот лагерь может легко сформулировать ответ на любые вопросы относительно того или иного аспекта российской действительности исходя из уже существующих на Западе моделей, пользуясь западной либеральной терминологией и юридическими нормами, а также опираясь на разработанные теоретические структуры либерал-ка питализма в целом. Эта позиция еще некоторое время назад почти доминировала идеологически в нашем обществе, да и сегодня именно она является наиболее известной, так как совпадает в целом с общим курсом и принципиальной логикой либеральных реформ.

Второй проект русского будущего принадлежит т.н. "национально-патриотической оппозиции", которая представляет собой разнообразную и многоликую политиче скую реальность, объединенную неприятием либераль ных реформ и отказом от либеральной логики, проповедуемой реформаторами. Эта оппозиция является не просто национальной и не просто патриотической она является "розово-белой", т.е. в ней доминируют представители коммунистов-государственников (во многом отошедших от жесткой марксистско-ленинской догматики) и сторонники православно-монархического, царистского типа государственности. Взгляды обоих компонентов "объединенной оппозиции" довольно значитель но различаются, но сходство есть не только в определе нии "общего врага", но и в некоторых ментальных, идеологических клише, разделяемых и теми и другими. Более того, патриотическая "оппозиция" в подавляющем своем большинстве состоит из деятелей доперестроечной системы, которые привносят элементы сугубо советской ментальности даже в "белые", "царистские проекты", к которым чаще всего они не имели никакого историче ского, семейного или политического отношения до начала перестройки, прекрасно чувствуя себя в брежневской реальности. Как бы то ни было, оппозиционный проект можно назвать "советско-царистским", так как он основан на некоторых идеологических, геополитических, политико-социальных и административных архетипах, которые объективно сближают между собой советский и досоветский период (по меньшей мере, в рамках XX века). Идеология патриотов намного более противоречива и путана, чем логичные и законченные конструкции либералов, и поэтому она часто проявляется не в форме законченной концепции или доктрины, а фрагментарно, эмоционально, непоследовательно и отрывочно. И все же этот гротескный конгломерат из перемешанных советско-царистских ментальных обломков обладает

некоторой целостностью, которую, однако, иногда не просто рационально структурировать.

Оба этих проекта и либеральный и советско-цари стский являются сущностно тупиковыми для русского народа и русской истории. Либеральный проект вообще предполагает постепенное стирание национальных особенностей русских в космополитической эре "конца истории" и "планетарного рынка", а советско-царистский силится возродить нацию и государство именно в тех исторических формах и структурах, которые, собствен но, и привели постепенно русских к краху.

По ту сторону и либерализма "реформаторов" и совето-царизма "объединенной оппозиции" назревает насущная потребность в "третьем пути", в особом идеологиче ском проекте, который был бы не компромиссом, не "центризмом" между теми и другими, но совершенно радикальным новаторским футуристическим планом, порывающим с безысходной дуалистической логикой "либо либералы, либо оппозиция" где, как в лабиринте без выхода, мечется нынешнее общественное сознание русских.

Следует разрубить гордиев узел и утвердить истинную альтернативу, противостоящую и тем и другим. На карту поставлена великая нация, ее интересы, ее судьба.

Глава 2. Что такое "русские национальные интересы"?

2.1 У русских сегодня нет Государства

В настоящей политической ситуации невозможно, строго говоря, рассуждать о "стратегических перспекти вах России". Тем более невозможно предлагать какие-либо проекты относительно внешней и внутренней политики России, поскольку главный вопрос что такое Россия сегодня? остается не только не решенным, но и не поставленным всерьез.

Стремительные перемены всего политического, геополитического, идеологического и социального уклада, происшедшие в бывшем СССР, полностью опрокинули все существовавшие правовые и политические критерии и нормы. Распад единой социалистической системы и позже советского государства создал на бывших советских территориях поле совершенной неопределенности, в котором нет более ни ясных ориентиров, ни строгих юридических рамок, ни конкретных социальных перспектив. Те геополитические структуры, которые образовались "автоматически", по инерции после распада СССР, случайны, преходящи и предельно неустойчивы. Это касается не только отделившихся от Москвы республик, но, в первую очередь, самой России.

Для того, чтобы строить планы относительно "интересов государства", необходимо иметь ясное представле ние, о каком именно государстве идет речь. Иными словами, это имеет смысл при наличии четко выявленного политического субъекта. В настоящей ситуации такого субъекта в случае русских нет.

Существование России, понятой как Российская Федерация (РФ), явно не удовлетворяет никаким серьезным критериям при определении статуса "государства". Разброд в оценках статуса РФ в международной политике ярко свидетельствует именно о таком положении дел. Что такое РФ? Наследница и правопреемница СССР? Региональная держава? Мононациональное государство? Межэтническая федерация? Жандарм Евразии? Пешка в американских проектах? Территории, предназначен ные к дальнейшему дроблению? В зависимости от конкретных условий РФ выступает в одной из этих ролей, несмотря на абсолютную противоречивость таких определений. В какой-то момент это государство с претензией на особую роль в мировой политике, в другой это второстепенная региональная держава, в третий поле для сепаратистских экспериментов. Если одно и то же территориально-политическое образование выступа ет одновременно во всех этих ролях, очевидно, что речь идет о какой-то условной категории, о некоей переменной величине, а не о том завершенном и стабильном политическом феномене, который можно назвать государством в полном смысле этого слова.

РФ не является Россией, полноценным Русским Государством. Это переходное образование в широком и динамическом глобальном геополитическом процессе и не более того. Конечно, РФ может стать в перспективе Русским Государством, но совершенно не очевидно, что это произойдет, и также неочевидно, следует ли к этому стремиться.

Как бы то ни было, о "стратегических интересах" такого нестабильного и временного явления, как РФ, невозможно говорить в долгой перспективе, и тем более нелепо пытаться сформулировать "стратегическую доктрину РФ", основываясь на сегодняшнем положении дел. "Стратегические интересы РФ" могут проясниться только после того как появится,

сложится и определится политический, социальный, экономический и идеологи ческий субъект этих интересов. Пока же этого не произошло, любые проекты в данном направлении окажутся сиюминутной фикцией.

РФ не имеет государственной истории, ее границы случайны, ее культурные ориентиры смутны, ее политический режим шаток и расплывчат, ее этническая карта разнородна, а экономическая структура фрагментарна и отчасти разложена. Данный конгломерат лишь результат развала более глобального геополитического образования, фрагмент, вырванный из целой картины. Даже для того, чтобы на этом остове Империи создать нечто стабильное, понадобится настоящая революция, аналогичная революции младотурков, создавших из фрагмен та Османской Империи современную светскую Турцию (хотя здесь снова всплывает вопрос а стоит ли к этому стремиться?).

Если РФ не является Русским Государством, то не является таковым и СНГ. Несмотря на то, что практически все территории стран СНГ (за редким исключени ем) входили в состав Российской Империи, а следовательно, некогда были частью Русского Государства, на сегодняшний момент страны СНГ имеют достаточную степень автономии и де юре числятся независимыми политическими образованиями. В отношении этих стран можно утверждать (и с еще большим основанием) то же, что и в отношении РФ эти образования не обладают никакими серьезными признаками подлинной государственности, лишены атрибутов фактической суверенности и представляют собой скорее "территориальный процесс", нежели стабильные и определенные геополитиче ские единицы. Даже если отвлечься от возрастающего национализма стран СНГ, который часто ориентирован антирусски, из противоестественных, нестабильных и противоречивых самих по себе фрагментов не возможно сложить гармоничной картины. Бельгийский геополитик Жан Тириар привел по этому поводу одно точное сравнение. "СССР был подобен плитке шоколада, с обозначенными границами долек-республик. После того, как дольки отломлены, их уже недостаточно сложить вместе, чтобы восстановить всю плитку. Отныне этого можно добиться только путем переплавки всей плитки и новой штамповки".

"Стратегические интересы РФ" та же пустая фигура речи, что и "стратегические интересы стран СНГ". К "стратегическим интересам русских" это имеет весьма косвенное отношение.

2.2 Концепция "постимперскойлегитимности"

Несмотря на несуществование Русского Государства в полном смысле, определенные правовые принципы действуют на всем постсоветском пространстве, на чем и основывается как западная реакция на те или иные действия РФ, так и сиюминутная логика шагов российско го руководства. Именно эти принципы, на первый взгляд, удерживают РФ и, шире, СНГ от тотального хаоса. Речь идет о доктрине "постимперской легитимности". Для того, чтобы понять сущность сегодняшних геополитиче ских процессов в Евразии, необходимо кратко изложить основные тезисы данной концепции.

"Постимперская легитимность" является совокупностью правовых норм, тесно связанных с непосредствен но предшествующей фазой политического развития региона, т.е. с "имперской легитимностью" ("legacy of empire"). Империя (по меньшей мере, "светская" либеральная или социалистическая) чаще всего руководству ется при территориальном устройстве своих колоний сугубо административными и экономическими признака ми, не учитывая ни этнические, ни религиозные, ни национальные факторы. Административные границы в рамках Империи довольно произвольны, так как они заведомо представляют

собой условные барьеры, созданные лишь для удобства централизованного контроля метрополии. Империя в период своего существования заставляет остальные державы признать свою внутреннюю административную систему как легитимную. Но при распаде Империи всегда возникают "зоны правовой неопределенности", так как прекращает существовать та структура, которая юридически регулировала статус своих составных частей.

В процессе "постколониальных" преобразований была сформулирована международно-правовая концепция, которая легла в основание классификации правомочно сти и неправомочности постимперских территориально -политических образований. Это концепция "постимпер ской легитимности". Смысл ее сводится к тому, что несмотря на отсутствие Империи как целого ее чисто административные составляющие получают полноценный правовой статус независимо от того, удовлетворяет ли данное образование критерию полноценного государства или нет. В основе такого подхода лежит светская либеральная идея относительно произвольности любого государственного образования как исторической случайно сти. По этой логике этнический, религиозный, культурный и социальный компоненты являются малозна чимыми и несущественными, так как население понимается здесь как простая совокупность экономико-стати стических единиц. В этом сказывается инерция "имперского", "колониального" подхода, привыкшего считать "колонии" и "провинции" чем-то второстепенным и несущественным, "дополнительным" в рамках общего контекста.

Как правило, "постимперские образования" никогда (или почти никогда) не становятся полноценными государствами и продолжают существовать в качестве экономико-политических придатков бывшей (или новой) метрополии. Почти всегда правящая элита в них является прямой наследницей (часто ставленницей) колониальной администрации, экономика целиком зависит от внешних факторов, а политико-социальный уклад подстраивается под модель бывшего центра. Сохранение такой "постимперской легитимности" часто приводит к тому, что один и тот же автохтонный этнос населяет территории разных постимперских государств, а в рамках одного государства проживает несколько этнических и религиозных групп. Фактически относительный баланс интересов поддерживается в таких случаях только апелляцией ко внешнему фактору чаще всего к явной или скрытой мощи бывшей метрополии (или того развитого государства, которое может прийти ей на смену). Весьма показательно, что на последних этапах "освобожде ния" Африки Панафриканский конгресс постановил применять во всех вновь образованных государствах как раз принцип "постимперской легитимности", хотя многие большие африканские народы в частности, банту, зулусы и т.д. оказались проживающими сразу в двух или трех государствах. Это было сделано под предлогом избежания этнических, межплеменных и религиозных войн. На самом деле, речь шла о стремлении руководи телей постимперской администрации сохранить свои искусственные элиты у власти, не допустив создания в процессе национального подъема новых представителей органичной национальной иерархии. Учитывая стратегическую и социально- экономическую отсталость Африки и отсутствие свежих и жизненных государственных традиций, этот подход сработал довольно успешно.

Принцип "постимперской легитимности" сегодня прикладывается и к странам, возникшим на развалинах СССР. В бывших "союзных республиках" почти повсеместно у власти находятся наследники "колониальной администрации", отсеки разломленной на части единой управленческой структуры, сформировавшейся целиком в имперском советском контексте. Эта элита отчуждена от национально-культурных традиций своих народов и ориентирована по инерции на сохранение экономико-по литической зависимости от метрополии. Единственным исключением является Армения, где логика "постимпер ской

легитимности" была нарушена (в случае Нагорного Карабаха), и где, соответственно, сугубо национальные политические силы имеют больший вес, чем во всех остальных странах СНГ. Кроме того, Армения единствен ная моноэтническая республика из стран СНГ.

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что принцип "постимперской легитимности" играет на руку РФ и Москве, так как создает предпосылки для сохранения влияния РФ в "ближнем зарубежье" и упрощает политико-экономические отношения с географическими соседями. Но на самом деле все обстоит несколько сложнее. Как и в случае "деколонизации" стран Третьего мира, распад Империи ослабляет геополитическое могущество метрополии, и часть колоний и доминионов переходят под неявный контроль другой, более сильной державы, которая использует систему "постимперской легитимности" в своих собственных целях. Яркий пример тому США, фактически захватившие под свое влияние большинство бывших английских, испанских, португальских, французских и голландских колоний в ходе процесса "деколонизации". Таким образом, на смену постсоветской "колониальной администрации" в странах СНГ может прийти (и приходит) иная "колониальная администрация", использующая в своих целях уже существующие искусственные структуры.

С другой стороны, "постимперская легитимность" и саму РФ ставит в один ряд с другими странами СНГ, коль скоро в данном случае полностью игнорируются национально-культурные, религиозные и этнические интересы русского народа, попадающего под абстрактные нормы "постимперского", чисто административного права и разбросанного по чуждым псевдогосударственным и квазинациональным образованиям. Останки имперской администрации в рамках РФ (партийно-бюрократический аппарат) оказываются столь же чуждыми национально му контексту русских, что и в других республиках, так как сама система Империи была построена на иных, чисто административных и экономических, а не национальных и культурных принципах. Русские, "освободившись" от республик, не получают свободу и самостоятельность, но теряют значительную часть своей национальной общности, сохраняют зависимое положение от остатков прежней номенклатуры и вдобавок подвергаются новой опасности попасть под влияние внешних политических сил более могущественных держав. Эта последняя опасность была не столь близкой в период существования Империи, но в качестве простой "региональной державы" РФ подвергается ей в полной мере.

Все эти соображения заставляют поставить под сомнение полезность в нынешних условиях принципа "постимперской легитимности", так как это в значительной степени противоречит русским национальным интересам.

Но какими же критериями следует руководствовать ся в определении того, что является "русскими национальными интересами"? Кого взять в качестве главного субъекта , в отношении которого можно было бы определить, что выгодно, а что невыгодно? В каких категори ях следует осмыслять сегодня Россию ?

2.3 Русский народ – центр геополитической концепции

Развал Советской Империи, хрупкость и государст венная несостоятельность новых политических образований на ее территории (включая РФ) заставляют искать более конкретную категорию для понимания "русских национальных интересов". Единственной органичной, естественной, исторически укорененной реальностью в этом вопросе может быть только русский народ.

Русский народ это историческая общность, имеющая все признаки полноценного и стабильного политического субъекта. Русский народ объединен этнически, культурно, психологически и религиозно. Но не только это является главным основанием для постановки его в центр геополитической концепции как субъекта политической и социальной стратегии. Русский народ, в отличие от многих других народов, сложился как носитель особой цивилизации , имеющей все отличительные черты самобытного и полноценного планетарно-историче ского явления. Русский народ та цивилизационная константа, которая служила осью в создании не одного, а многих государств: от мозаики восточнославянских княжеств до Московской Руси, Петровской Империи и Советского блока. Причем эта константа и определяла преемственность и связь между образованиями, столь различными политически, социально, территориально и структурно. Русский народ не просто давал этническую базу для всех этих государственных формаций, он выражал в них особую цивилизационную идею, не похожую ни на какую другую. Не государство сформировало русскую нацию. Напротив, русская нация, русский народ экспериментировал в истории с различными типами государственных систем, по-разному выражая (в зависимости от обстоятельств) специфику своей уникальной миссии.

Русский народ безусловно принадлежит к числу мессианских народов. И как у всякого мессианского народа, у него есть универсальное, всечеловеческое значение, которое конкурирует не просто с иными национальными идеями, но с типами других форм цивилизационного универсализма. К.Леонтьев и русские евразийцы довольно полно развили эту идею.

Независимо от смут, переходных периодов и политических катаклизмов русский народ всегда сохранял свою мессианскую идентичность, а следовательно, всегда оставался политическим субъектом истории. После очередного государственного потрясения одна и та же древняя и могущественная русская сила создавала новые политические конструкции, облекая свой духовный порыв в новые геополитические формы. Причем, как только государственные конструкции развивались до критической черты, за которой брезжила окончательная утрата связи политической формы с национальным содержани ем, наступали кризисы и катастрофы, вслед за чем начиналось новое геополитическое и социальное строитель ство, облечение цивилизационной миссии русского народа в новые образы и политические конструкции.

И на нынешнем переходном периоде именно русский народ должен быть взят в качестве главного политиче ского субъекта, от которого и следует откладывать шкалу геополитических и стратегических, а также социально-экономических интересов России. Русский народ и есть сегодня Россия, но не как ясно очерченное государство, а как геополитическая потенция, реальная и конкретная с одной стороны, но еще не определившая свою новую государственную структуру ни ее идеологию, ни ее территориальные пределы, ни ее социально-поли тическое устройство.

Тем не менее "потенциальная Россия" сегодня имеет гораздо больше фиксированных характеристик, нежели эфемерные РФ или СНГ. Эти характеристики связаны напрямую с той цивилизационной миссией, в осуществ лении которой состоит смысл бытия русского народа.

Во-первых, русский народ (= Россия), без сомнения, ответственен за контроль над северно-восточными регионами Евразии. Этот русский "Drang nach Osten und Norden" составляет естественный геополитический процесс русской истории в последние века, который не прекращался ни при каких политических катаклизмах. Макиндер называл

Россию "геополитической осью истории", и это совершенно справедливо, так как русский народ действительно традиционно тяготел к цивилизационно му освоению всех тех внутриконтинентальных евразий ских пространств, которые расположены в самом центре материковой массы. Отсюда можно заключить, что стратегические интересы русских неотделимы от просторов Северо-Восточной Евразии. В этом заключается фундаментальный принцип при определении реальных перспектив геополитики России (русского народа).

Во-вторых, русский народ (= Россия) наделен особым типом религиозности и культуры, которые резко отличаются от католико-протестантского Запада и от той постхристианской цивилизации, которая там развилась. В качестве культурной и геополитической антитезы России следует брать именно "Запад" как целое, а не просто одну из составляющих его стран. Современная западная цивилизация является универсалистски ориентированной: во всех ее отсеках существует особое культурное единство, основанное на специфическом решении главных философских и мировоззренческих проблем. Русский универсализм, фундамент русской цивилизации, радикально отличается от Запада во всех основных моментах. В некотором смысле, это две конкурирующие, взаимоисключающие друг друга модели, противополож ные полюса. Следовательно, стратегические интересы русского народа должны быть ориентированы антиза падно (что проистекает из императива сохранения русской цивилизационной идентичности), а в перспективе возможна и цивилизационная экспансия.

В-третьих, русский народ (= Россия) никогда не ставил своей целью создание моноэтнического, расово однородного государства. Миссия русских имела универсальный характер, и именно поэтому русский народ планомерно шел в истории к созданию Империи, границы которой постоянно расширялись, охватывая все больший и больший конгломерат народов, культур, религий, территорий, регионов. Считать планомерный и ярко выраженный "экспансионизм" русских исторической случайностью абсурдно. Этот "экспансионизм" составля ет неотъемлемую часть исторического бытия русского народа и тесно сопряжен с качеством его цивилизационной миссии. Эта миссия несет в себе некий "общий знамена тель", который позволяет русским интегрировать в свою Империю самые различные культурные реальности. Однако "общий знаменатель" имеет свои особенности и применим только к тем народам, которые имеют определен ную историческую специфику и культурное содержание, тогда как остальные народы (в частности, некоторые нации Запада) остаются глубоко чуждыми русскому универсализму (что исторически проявляется в неустойчи вости и даже противоречивости русского политического влияния в Европе).

В-четвертых, русский народ (= Россия) исходит в своем бытии из еще более глобальной, "сотериологической" перспективы, которая в пределе имеет общеплане тарное значение. Речь идет не о безграничном расширении "жизненного пространства" русских, но об утверждении особого "русского" типа мировоззрения, который акцентирован эсхатологически и претендует на последнее слово в земной истории. Это высшая сверхза дача нации как "богоносного народа".

Следовательно, теоретически нет на планете такого народа, такой культуры или такой территории, чья судьба и чей путь были бы безразличны русскому сознанию. Это проявляется в непоколебимой вере русских в финальное торжество Правды, Духа и Справедливости, причем не только в рамках русского государства, но и повсюду. Лишить русских этой эсхатологической веры равнозначно их духовному оскоплению. Русским есть дело до всего и до всех, и поэтому в последнем счете интересы русского народа не ограничиваются ни русским этносом, ни Русской Империей, ни даже всей Евразией. Этот

"трансцендентный" аспект русской нации необходимо учитывать при разработке будущей геополитической стратегии.

Очевидно, что в нынешних условиях и при общепринятых западных, светских, количественно-либеральных нормах юридического подхода не существует никакой объективной возможности не только правовым образом закрепить статус "русского народа" как самостоятельно го политического субъекта, но даже ввести в юридический и дипломатический обиход такой термин, как "народ". Современное международное право (копирующее в основных чертах римское право) признает в качестве полноценных политических субъектов только государство и индивидуума .

И поэтому есть кодекс "прав государств" и "прав человека", тогда как само понятие "прав народа" отсутст вует. Это неудивительно, так как светский и количественный подход не может принимать в расчет такие культурные духовные категории, как этнос, народ и т.д. Сходное количественное отношение характеризовало и советский строй, и "демократический" мир. А так как русский народ в актуальный период пребывает на территории, где действуют либо "постимперские", либо либерально-демократические принципы легитимности, ни о каком автоматическом признании политического статуса "народа" не может быть и речи. Следовательно, логика выяснения и защиты "русских национальных интересов" требует серьезных изменений в существующей юридической практике, и более того, радикального пересмотра этой практики в национальном ключе.

Такая трансформация была бы невозможна, если бы речь шла о каком-то одном народе, слаборазвитом и технологически не оснащенном. В случае русских это, к счастью, не так. Сегодня у нас еще сохраняется возможность довольно независимых от остального мира политических преобразований, так как наличие у России стратегических видов вооружений позволяет в определенной степени противостоять давлению Запада. И здесь все зависит лишь от политической воли и решимости тех лиц, которые возьмут на себя ответственность за судьбы России и русского народа.

Как бы то ни было, первым шагом к выявлению "национальных интересов русского народа" является признание этого народа самостоятельным политическим субъектом , имеющим право самому решать, что ему выгодно, а что нет, и предпринимать в соответствии с этим геополитические, социально-экономические и стратеги ческие шаги.

Глава 3. Россия немыслима без Империи

3.1 Отсутствие у русских "государства-нации"

Россия никогда не была аналогом тех "государств -наций", которые характерны для Европы нового времени и модель которых была спроецирована на Азию и Третий мир в целом в колониальную и постколониаль ную эпоху.

"Государство-нация" основывается на административ ном единстве и бюрократическом централизме, которые и формируют политическую общность, созданную государством и теснейшим образом связанную с государст вом. Вне всяких сомнений, впервые модель "государст ва-нации" сложилась в абсолютистской Франции, а потом была закреплена в якобинской революционной модели. "Государство-нация" изначально имело подчеркнуто светскую природу и представляло собой в первую очередь политическое единство. В такой концепции термин "нация" понимался как "совокупность граждан", а не как "народ" или "народы" в органическом, "холист ском" смысле. Такой тип государства основан на этническом, конфессиональном и сословном нивелировании населения, на утверждении во всем обществе сходных юридических и процессуальных нормативов, не принимаю щих в расчет ни региональные, ни религиозные, ни расовые особенности. Номинально "государство-нация" может быть и монархическим, и демократическим, и социалистическим. Существенным элементом является в нем не специфика политического устройства, а понимание государства как административно- централистской инстанции, поставленной надо всеми социально-этнически ми и культурно-религиозными различиями. Следует подчеркнуть, что "нация" в данном случае имеет чисто и исключительно политический смысл, резко отличающий ся от того, который вкладывают в это понятие национа листы.

"Государство-нация" исторически возникло в Европе в период окончательного распада имперского единства в результате уничтожения последних останков имперской системы, сохранившихся в форме феодальных региональ ных структур. "Государство-нация" по сути своей сопряжено с доминацией профанических, буржуазных ценностей, сводящих качественные социальные различия к упрощенной количественной административной структуре. "Государство-нация", как правило, управляется не "божественной идеей" (как теократия или Священная Империя), не "героической аристократической личностью" (как феодальная система), но "диктатурой закона" ("номократией"), что дает огромную власть правоведам и юридической бюрократии. Фактически, "государство-нация" является наиболее удобной для управления и наиболее количественно упорядоченной политической реальностью, так как все неколичественные, "нерациональные" факторы в ней сведены к минимуму.

В русской истории "государства-нации" так и не возникло. Когда в Европе начиная с XVIII века стала укореняться именно эта модель, Россия отчаянно сопротив лялась ей любыми путями. Царистский режим стремился сохранить максимально нетронутым именно имперскую структуру, хотя некоторые уступки европейскому образцу делались постоянно. Несмотря на проевропей ские петровские реформы Российская Империя сохраняла и теократические элементы и аристократический принцип, а перевод иереев и представителей знати в разряд государственных бюрократов никогда не осуществился на практике до конца (в отличие от стран Западной Европы). Национальная стихия противилась такому перерождению Империи в "государство-нацию", что порождало регулярно волны спонтанной или сознательной реакции как со стороны народа, так и со

стороны элиты. Даже при одном и том же государе в России часто менялись реформистские и реакционные настроения, и от либеральных реформ часто обращались к мистическим реставрационистским проектам (ярче всего это проявилось в царствовании Александра I, основателя Священного Союза).

Лишь в начале XX века Россия вплотную подошла к реализации "государства-нации" по европейскому образцу. Однако и на этот раз процесс был сорван революци онным всплеском, вобравшим в себя (пусть неосознан но) глубинный национальный протест против такого типа государственного устройства, в котором не было бы места проявлению духовной народной миссии. За модернистической риторикой большевизма русские смутно распознали свои собственные эсхатологические идеалы торжество Идеи, Справедливости, Правды. Советское государство воспринималось народом как строительство "Новой Империи", "царства Света", "обители духа", а не как создание наиболее рационального устройства администрирования и управления количественными единицами. Трагизм и фанатизм большевистских катаклиз мов был вызван именно "идеальностью" задачи, а отнюдь не неспособностью к более "гуманной" и менее затратной организации людских ресурсов.

СССР не стал "государством-нацией", он был продолжателем сугубо имперских национальных традиций, облеченных в экстравагантные внешние формы и противопоставленных позднейшей царистской модели, скатывающейся к обычному буржуазному обществу, к "диктатуре закона". Советская Империя, как и любая политическая конструкция, знала три этапа "революцион ный этап" построения уникальной системы (Ленин юность), стабильный этап укрепления и расширения державы (Сталин зрелость) и этап развала и одряхления (Брежнев старость). Причем именно позднебрежнев ский период породил политико-административную структуру, ближе всего напоминающую бюрократический централизм типичного "государства-нации". В перестройку жизненный цикл всей этой советской формации закончился. Вместе с этим закончился и очередной этап национальной истории русского народа.

Важно отметить, что в русской истории существует такая закономерность: когда дело доходит до превраще ния России в "государство-нацию", следуют катастро фы, и на новом витке нация находит очередной (подчас довольно экстравагантный) способ ускользнуть от казалось бы неминуемой трансформации. Русские стремятся любой ценой избежать такого поворота событий, поскольку их политическая воля несовместима с узкими нормативами рационального и усредненного количественного существования в рамках бюрократически эффективного механизма. Русские готовы идти на немыслимые жертвы и лишения, лишь бы реализовывалась и развивалась национальная идея, великая русская мечта.

А границы этой мечты нация видит, по меньшей мере, в Империи.

3.2 Русские народ Империи

Не моноэтническое государство, не государство-нация, Россия почти изначально была потенциально имперским государством. Начиная с объединения славянских и угро- финских племен под Рюриком и до гигантских масштабов СССР и территорий под его влиянием русский народ неуклонно шел по пути политической и простран ственной интеграции, имперостроительства и цивилиза ционной экспансии. При этом следует подчеркнуть, что русская экспансия имела именно цивилизационный смысл, и отнюдь не была утилитарной погоней за колониями или банальной борьбой за "жизненное простран

ство". Не нехватка этого "жизненного пространства" и не экономическая необходимость подвигала русский народ все более расширять свои границы на Восток, на Юг, на Север, на Запад. Недостаток земли никогда не служил истинной причиной русского империостроитель ства. Русские расширялись как носители особой миссии, геополитическая проекция которой состояла в глубинном осознании необходимости объединения гигантских территорий евразийского материка.

Политическая целостность евразийского пространст ва имеет для русской истории совершенно самостоя тельное значение. Можно сказать, что русские чувству ют ответственность за это пространство, за его состояние, за его связь, за его цельность и независимость. Макиндер справедливо считал Россию главной сухопут ной державой современности, которая наследует геополитическую миссию Рима, Империи Александра Великого, Чингисхана и т.д. Это "географическая ось истории", которая просто не может не осуществлять своего геополитического предназначения независимо от внешних и преходящих факторов.

Русский народ настолько связан с геополитической реальностью, что само пространство, его переживание, его осознание, его духовное восприятие сформировало психологию народа, став одним из главнейших определений его идентичности, его сути.

Реальное земное пространство не является чисто количественной категорией. Климат, ландшафт, геология местности, водные пути и горные хребты активно участвуют в формировании этнического и, шире, цивилизаци онного типа. С точки зрения геополитики, цивилизация и ее специфика вообще строго детерминированы географией и с необходимостью подчиняются особым качественным законам. Русские сухопутный, континенталь ный, северно-евразийский народ, при этом культурная специфика нации такова, что ее "душа" максимально предрасположена к "открытости", к осуществлению "интегрирующей" функции, к тонкому и глубинному процессу выработки особой материковой, евразийской общности.

Культурный фактор является естественным дополнением чисто геополитической предопределенности России. Геополитическая миссия осознается на культурном уровне, и наоборот, культура осмысляет, оформляет и активизирует геополитический импульс. Пространство и культура две важнейших составляющих русского народа как народа-империостроителя по преимуществу. Не кровь, не раса, не административный контроль и даже не религия сделали из части восточных славян особую, ни с чем не сравнимую общность русский народ. Его сделали именно бескрайние евразийские просторы и предельная культурная, душевная открытость. Под знаком "пространства и культуры" были переосмыслены и этнические, и политические, и этические, и религиозные аспекты. Русские сложились, развились и вызрели как нация именно в Империи, в героике ее построения, в подвигах ее защиты, в походах за ее расширение. Отказ от империостроительной функции означает конец существования русского народа как исторической реальности, как цивилизационного явления. Такой отказ есть национальное самоубийство.

В отличие от Рима (первого Рима), Москва, Россия имеют в своем имперском импульсе глубинный телеологический, эсхатологический смысл. Гегель развил интересную концепцию, что Абсолютная Идея в эсхатологи ческой ситуации должна проявиться в окончательном, "осознанном" виде в форме прусского государства. Однако в планетарном масштабе Пруссия, и даже Германия, взятые отдельно, геополитически недостаточны для того, чтобы к этой концепции можно было бы относиться всерьез. Россия же, Третий Рим, и религиозно, и культурно, и пространственно, и стратегически прекрасно соответствует

подобному телеологическому взгляду на сущность истории и явно стремится исполнить именно эту миссию. Абсолютная Идея Гегеля в случае России есть духовный корень русского имперостроительства, тяготеющего к цивилизационному освоению континента- Ев разии. Нелепо прикладывать столь серьезные гегелевские критерии к "государству- нации", которое заведомо предполагает рядом с собой другие "государства-нации" со своими собственными целями, мифами и интересами. Сообщать такой относительной структуре качество абсолютной значимости довольно абсурдно. Но в случае гигантской Империи, основанной на специфических, во многом парадоксальных, а в чем-то и не совсем проясненных принципах совершенно другое дело, и не случайно древние Империи назывались "Священными Империями": качество "святости" сообщалось им исполнением особой духовной миссии, предначертательно прообразующей "Империю Конца", континентальное Царство Абсолютной Идеи.

Русский народ шаг за шагом двигался именно к этой цели. На каждом этапе расширения своего государства русские переходили на очередную ступень мессианского универсализма сначала сплотив восточных славян, потом включив в себя тюркский поток степей и Сибири, затем двинувшись на Юг, в пустыни и горы, и образовав, наконец, гигантский политический блок, контролирующий в советский период, буквально, полмира. Если осознать, что русский народ в своей сущности и есть этот имперостроительный процесс, волевой геополити ческий вектор создания "государства Абсолютной Идеи", то станет совершенно очевидным, что существование русского народа напрямую зависит от продолжения этого процесса, от его развития, от его интенсификации. Урезав или подавив этот вектор, мы поразим русских в самое сердце, лишим их национальной идентичности, превратим их в исторический рудимент, сорвем глобальный телеологический, эсхатологический планетарный процесс.

3.3 Ловушка "региональной державы"

Русский народ со своей цивилизационной и геополитической миссией традиционно являлся (и является) серьезной преградой для повсеместного распространения на планете сугубо либеральной модели западного образца. И царистский, и советский режимы, повинуясь неумолимой национальной логике, препятствовали культурно-политической экспансии Запада на Восток и особенно вглубь евразийского континента. Причем серьезность геополитического противостояния всегда отражалась в том, что Россия федерировала в себе и вокруг себя разные страны и народы в мощный стратегический имперский блок. Именно в качестве континентальной Империи Россия участвовала в мировой политике и отстаива ла свои национальные и цивилизационные интересы.

В настоящее время, после распада СССР, Запад стремится навязать России другую геополитическую функцию, превратить Россию в такую политическую структу ру, которая была бы неспособна напрямую участвовать в мировой политике и иметь широкую цивилизацион ную миссию. В докладе Пола Вольфовица американско му конгрессу в 1992 году однозначно утверждается, что "главной стратегической задачей США является недопущение создания на территории бывшего Советского Союза крупного и самостоятельного стратегического образова ния, способного проводить независимую от США политику". Именно исходя из такой насущной потребности Запада России была предложена роль "региональной державы ".

"Региональная держава" это современная геополитическая категория, которая характеризует крупное и довольно развитое государство, чьи политические интересы, однако, ограничены лишь областями, непосред ственно прилегающими к ее территории

или входящими в ее состав. Региональными державами считаются, к примеру, Индия, Иран, Турция, Пакистан, Китай и т.д. Специфика региональной державы состоит в том, что она имеет больший политический вес, чем обычное рядовое государство, но меньший вес, чем сверхдержава или Империя. Иными словами, региональная держава не имеет прямого влияния на планетарную цивилиза цию и глобальные геополитические процессы, подчиняясь в основных стратегических линиях балансу сил более мощных Империй. В то же время региональная держава имеет определенную свободу по отношению к своим непосредственным (более слабым) соседям и может оказывать на них политическое и экономическое давление (естественно, лишь в тех случаях, когда это не противоречит интересам сверхдержав).

Статус "региональной державы", предложенный (навязываемый) сегодня России Западом, для русской нации равнозначен самоубийству. Речь идет о том, чтобы искусственно и под сильным внешним воздействием обратить вектор русской национальной истории вспять, в обратную сторону, оборвать связный процесс геополити ческого становления русских как Империи. Россия как региональная держава будет являть собой отказ от того глубинного импульса нации, который лежит в основе ее высшей и глубиннейшей идентичности. Потеря имперского масштаба для русских означает конец и провал их участия в цивилизации, поражение их духовной и культурной системы ценностей, падение их универсалистских и мессианских чаяний, обесценивание и развенчание всей национальной идеологии, оживлявшей многие поколения русского народа и дававшей силы и энергию для подвигов, созидания, борьбы, преодоления невзгод.

Если учитывать специфику национальной имперской самоидентификации русских, становится совершенно очевидно, что принятие статуса "региональной державы" Россией не может стать последней линией обороны. Удар, наносимый тем самым по национальному самосознанию русских, будет в таком случае настолько сильным, что дело не ограничится рамками РФ или аналогичным территориальным пространством. Потеряв свою миссию, русские не смогут найти сил, чтобы достойно утвердить свою новую, "умаленную" идентичность в "региональ ном государстве", так как утверждение этой идентично сти невозможно в состоянии того аффекта, который логически возникает при утрате нацией имперского масштаба. Следовательно, процессы дезинтеграции, скорее всего, продолжатся и в "региональной державе", и нарастающей волне регионального и религиозного сепаратизма обездоленные русские уже ничего не смогут противопоставить.

Даже для того, чтобы зафиксировать "региональный статус" постимперской России, необходимо будет пробудить мощную волну национализма, причем национализ ма совершенно нового, искусственного, основанного на энергиях и идеях, ничего общего не имеющих с традиционной и единственно подлинной и оправданной русской имперской тенденцией. Можно сравнить это с малым, "светским" национализмом младотурков, которые на развалинах Османской Империи создали через "национальную революцию" современную Турцию, "региональную державу". Но национализм младотурков, не имел ничего общего с геополитическим и религиозным национализмом Османской Империи, и фактически, нынешняя Турция и духовно, и этнически, и культурно является совершенно другой реальностью, нежели турецкая Империя начала века.

То же самое, если не хуже, грозит и России, причем скорее всего попытки укрепиться как "региональная держава", отказавшаяся от цивилизационной миссии и универсалистских ценностей, вызовут к жизни политиков "младоросского" типа (по аналогии с младотурками), которые, весьма вероятно, будут исповедовать особую сектантскую идеологию, ничего общего не имеющую с магистральной линией русской национальной идеи. Такой русский "неимперский" национализм, светский и искусственный, будет

геополитически играть лишь на руку Западу, так как он закрепит за Россией "региональный" статус, приведет к иллюзорной и кратковременной внутренней стабилизации и одновременно заложит базу для будущих внутрироссийских этнических и религиозных конфликтов. Но если у Турции есть две или три крупные этнические общности, способные активно противиться младотурецкому централизму, то в РФ проживают сотни народов, прекрасно уживавшихся в имперской модели, но никак не вписывающихся в рамки "малого русского национализма". Вывод очевиден: Россия постепен но втянется в бесконечную цепь внутренних конфликтов и войн, и, в конце концов, распадется.

Это будет закономерным результатом утраты русскими своей имперской миссии, так как этот процесс не может ограничиться относительным урезыванием территорий и с необходимостью должен дойти до своего логического предела до полного уничтожения русской нации как исторического, геополитического и цивилизационного субъекта.

3.4 Критика советской государственности

Последней по счету формой имперской организации русского народа был СССР и зависевший от него геополитический ареал (страны Варшавского договора). В советский период сфера влияния русских расширилась географически до немыслимых ранее пределов. Освоение земель и военные походы включили в геополитическую зону русских огромные территории.

В пространственном смысле такая экспансия, казалось бы, должна представлять собой высшую форму русской государственности. И невозможно отрицать того факта, что осевой конструкцией советской Империи был именно русский народ, воплотивший свой специфиче ский универсализм (по крайней мере, частично) в советскую идеологическую и социально-политическую модель.

Сегодня, на первый взгляд, представляется, что перспектива подлинного русского национального развития в нынешних условиях должна была бы совпадать с реставрацией СССР и воссозданием советской модели и советской государственности. Это отчасти верно и логично, и в данном случае неокоммунистическое движение, ратующее за воссоздание СССР, более близко к пониманию геополитических интересов русского народа, отчетливее и яснее представляет сущность его стратегических и цивилизационных стремлений, чем некоторые неонационалистические круги, склоняющиеся к "младороссской" (по аналогии с "младотурецкой") модели "малого", "урезанного", "этнического" национализма. Безусловно, геополитический реставрационизм неокоммунистов оправдан, и их национализм более органичен и "национален", нежели романтические и безответственные по форме (и подрывные по результатам) узконационалистические проекты славянофильского, православно-монархического или расистского крыла патриотов. Если бы выбор лежал между воссозданием СССР и построением моноэтнического или даже монокультурного великоросского государства, то в интересах русского народа логичнее и правильнее было бы выбрать проект СССР.

Однако причины распада СССР и крах советской Империи нуждаются в объективном анализе, который ни в коем случае не может быть сведен к выявлению внешнего (враждебного) и внутреннего (подрывного) влияния, т.е. к "теории заговора". Внешнее давление либерально -демократического Запада на СССР было действительно огромно, а деятельность "подрывных элементов" внутри страны крайне эффективна и слажена. Но оба эти фактора стали решающими только в такой ситуации, когда существование

советской Империи вошло в стадию внутреннего кризиса, имеющего глубокие и естественные причины, коренящиеся в самой специфике советского строя и советской системы. Без понимания этих внутренних причин распада и их анализа любые попытки реставра ции СССР (и тем более создания Новой Империи) окажутся тщетными и бесперспективными. Более того, любая чисто инерциальная консервативность в этом вопросе может лишь еще ухудшить положение дел.

Выявим несколько факторов, приведших Советский Союз к геополитическому и социально-экономическому краху.

Во-первых, на идеологическом уровне за все время существования социалистического режима сугубо национальные, традиционные, духовные элементы так и не были введены в общий комплекс коммунистической идеологии. Будучи во многом национал-коммунистической де факто, она никогда не трансформировалась в таковую де юре, что препятствовало органичному развитию русско-советского общества, порождало двойной стандарт и идеологические противоречия, подтачивало ясность и осознанность в осуществлении геополитических и социально-политических проектов. Атеизм, материализм, прогрессизм, "просвещенческая этика" и т.д. были глубоко чужды русскому большевизму и русскому народу в целом. На практике эти заимствованные из марксизма положения (кстати, и в самом марксизме являющиеся довольно произвольными элементами некоей данью старомодному позитивистскому гуманизму в стиле Фейербаха) были осознаны русскими коммунистами в ключе народно-мистических, подчас неортодоксальных эсхатологических чаяний, а не как рационалистические плоды западно- европейской культуры. Однако идеология национал-большевизма, которая могла бы найти более адекватные, более русские термины для нового социально -политического строя, так и не была сформулирована. Следовательно, рано или поздно ограниченность и неадекватность такой идеологически противоречивой конструкции должна была сказаться негативным образом. Особенно это дало о себе знать в позднесоветский период, когда бессмысленный догматизм и коммунистическая демагогия окончательно задавили всякую идеологическую жизнь в обществе. Такое "застывание" правящей идеологии и упорный отказ от введения в нее органичных, национальных и естественных для русского народа компонентов, вылились в крах всей советской системы. Ответственность за это лежит не только на "агентах влияния" и "антисоветчиках", но, в первую очередь, на центральных советских идеологах как "прогрессивного", так и "консервативного" крыла. Советскую Империю и идеологически и фактически разрушили коммунисты . Воссоздавать ее в той же форме и с той же идеологией сейчас не только невозможно, но и бессмысленно, так как даже гипотетически при этом будут воспроизведены те же предпосылки, которые уже один раз привели к разрушению государства.

Во-вторых, на геополитическом и стратегическом уровне СССР был неконкурентоспособен в долгой перспективе для сопротивления атлантистскому западному блоку. С точки зрения стратегии, сухопутные границы являются намного более уязвимыми, чем морские, причем на всех уровнях (количество пограничных войск, стоимость военной техники, использование и размеще ние стратегических вооружений и т.д.) После Второй мировой войны СССР оказался в неравном положении по сравнению с капиталистическим блоком Запада, сгруппировавшимся вокруг США. У США была гигантская островная база (американский континент), полностью подконтрольная и окруженная со всех сторон океанами и морями, защищать которые не составляло большого труда. Плюс к этому США контролировали почти все береговые зоны на Юге и Западе Евразии, создавая гигантскую угрозу для СССР и оставаясь при этом практически вне досягаемости для потенциальных дестабили зационных акций Советского Союза. Разделение Европы на Восточную (советскую) и Западную (американ скую) только

осложнило геополитическое положение СССР на Западе, увеличив объем сухопутных границ и поставив вплотную к стратегическому потенциальному противнику, причем в ситуации пассивной враждебно сти самих европейских народов, оказавшихся в положении заложников в геополитической дуэли, смысл которой им был неочевиден. То же самое имело место и на южном направлении в Азии и на Дальнем Востоке, где СССР имел непосредственных соседей или контроли руемых Западом (Пакистан, Афганистан, дохомейнист ский Иран) или довольно враждебные державы несовет ско- социалистической ориентации (Китай). В этой ситуации СССР мог приобрести относительную устойчивость только в двух случаях: либо стремительно продвинувшись к океанам на Западе (к Атлантике) и на Юге (к Индийскому океану), либо создав в Европе и Азии нейтральные политические блоки, не находящие ся под контролем ни у одной из сверхдержав. Эту концепцию (нейтральной Германии) пытался предложить еще Сталин, а после его смерти Берия. СССР (вместе с Варшавским договором), с геополитической точки зрения, был слишком большим и слишком маленьким одновременно. Сохранение статус кво было на руку только США и атлантизму, так как при этом военные, индустриаль ные и стратегические потенции СССР все больше изматывались, а мощь США, защищенного острова, все возрастала. Рано или поздно Восточный блок неизбежно должен был рухнуть. Следовательно, воссоздание СССР и Варшавского блока не только почти невозможно, но и не нужно, потому что это даже в случае (практически невероятного) успеха приведет лишь к возрождению заведомо обреченной геополитической модели.

В-третьих, административное устройство СССР основывалось на светском, чисто функциональном и количественном понимании внутригосударственного деления. Хозяйственный и бюрократический централизм не принимал в расчет ни региональных, ни тем более этнических и религиозных особенностей внутренних территорий. Принцип нивелирования и сугубо экономической структурализации общества привел к созданию таких жестких систем, которые подавляли, а в лучшем случае "консервировали" формы естественной национальной жизни различных народов, в том числе (и в большей степени) самого русского народа. Территориальный принцип действовал даже тогда, когда номинально речь шла о национальных республиках, автономиях или округах. При этом процесс регионально-этнической нивелировки становился все более отчетливым по мере "старения" всей советской политической системы, которая к своему последнему этапу все больше склонялась к типу советско го "государства-нации", а не Империи. Национализм, который во многом способствовал созданию СССР на первых этапах, в конце стал чисто отрицательным фактором, так как чрезмерная централизация и унификация стали порождать естественные протест и недовольство. Атрофия имперского начала, окостенение бюрократиче ского централизма, стремление к максимальной рационализации и чисто экономической продуктивности постепенно создали из СССР политического монстра, потерявшего жизнь и воспринимающегося как навязанный насильно тоталитаризм центра. Некоторые коммунисти ческие тезисы буквально понятого "интернационализма" во многом ответственны за это. Следовательно, и этот аспект советской модели, оперирующий не с конкретны ми этносом, культурой, религией, а с абстрактными "населением" и "территорией" возрождать не следует ни в коем случае. Напротив, следует как можно скорее избавиться от последствий такого количественного подхода, чьи отголоски так трагично сказываются сегодня в вопросе Чечни, Крыма, Казахстана, Карабахского конфликта, Абхазии, Приднестровья и т.д.

В-четвертых, экономическая система в СССР основывалась на таком "длинном" социалистическом цикле, что постепенно отдача общества конкретному человеку перестала ощущаться вовсе. Предельная социализация и детальный контроль государства надо всеми экономи ческими процессами, вплоть до самых мельчайших, а также

делегирование функций перераспределения лишь централизованной, чисто верхушечной, инстанции порождали в обществе климат социального отчуждения, апатии, незаинтересованности. Социализм и все его преимущества становились неочевидными, незаметными, отходили на задний план перед гигантской конструкцией бюрократически-государственной машины. Человек и конкретный коллектив терялись перед абстракцией "общества", и цикл социалистического распределения утрачивал связь с реальностью, превращался в необъяснимую, отчужденную и внешне произвольную логику бездушной машины. Не сам социализм ответственен за такое положение дел, но та его версия, которая исторически сложилась в СССР, особенно на поздних его этапах, хотя истоки такого вырождения следует искать уже в самой доктрине, в самой теории. Тоталитарный госсоциализм лишил экономику гибкости, людей энтузиазма и ощущения соучастия в созидательном процессе, способство вал привитию паразитического отношения к обществу, которое абсолютизировалось сегодня в мафиозно-либе ралистском настрое. За этот постсоветский эксцесс также ответственны коммунисты, которые оказались неспособны реформировать социализм применительно к национальной стихии и поддерживать в нем достойную жизнь.

Эти четыре основных аспекта бывшей советской модели являются главными факторами краха советской государственности, и именно они ответственны за распад советской Империи. Совершенно естественно, что при гипотетическом воссоздании СССР в этом отношении следует сделать радикальные выводы и в корне уничтожить те причины, которые уже один раз исторически обрекли великий народ на государственную катастрофу.

Однако, если восстановление СССР будет проходить под знаменами идеологии, отказавшейся от материализ ма, атеизма, тоталитаризма, государственного социализ ма, советского геополитического пространства, административного устройства, интернационализма, централизма и т.д., то правомочно ли вообще говорить об "СССР" или "советском государстве", о "коммунизме", "реставрации" и т.д.? Не будет ли правильнее назвать это созданием "Новой Империи"?

3.5 Критика царистской государственности

Сегодня все чаще можно услышать призывы к возврату к царской, монархической модели. Это довольно закономерно, так как дискредитация советизма заставляет русских обратиться к тем формам государственно сти, которые существовали до коммунистического периода русской истории. Эта модель имеет некоторые позитивные и некоторые негативные стороны. Независимо от невероятной трудности реставрации докоммуни стической государственной системы, этот проект обсуждается все более и более серьезно.

Учитывая историческую логику геополитического развития русской нации, имеет смысл говорить о поздних периодах правления Романовых, когда Россия вышла на рубежи своего максимального территориального имперского объема.

Наиболее позитивным в данном проекте является идеологическая основа царской России, где (пусть номинально) декларировалась верность национальному духу (Народность), религиозной истине (Православие) и традиционному сакральному политическому устройству (Самодержавие). Однако, по справедливому замечанию русских евразийцев, уваровская формула (Православие, Самодержавие, Народность) была в последние периоды царской России скорее идеалистическим лозунгом, нежели реальным

содержанием политической жизни и социального устройства. Русское Православие, потрясенное светскими реформами Петра, в этот период довольно далеко отстояло от идеала "Святой Руси", будучи фактически подчиненным государственному контролю и во многом утратив свой сакральный авторитет и гармоничность православной симфонии. Потеряв духовную независимость, Русская Церковь была вынуждена идти на компромисс со светской властью, воплощенной в подчиненном царю Синоде, и тем самым была ограничена в свободе подлинного исповедания неземных Истин.

Самодержавие, со своей стороны, все более утрачива ло сакральное значение, вовлекаясь в решение чисто политических задач, подчас забывая о своей высшей миссии и религиозном предназначении. Хотя десакрализа ция царской власти никогда, вплоть до отречения последнего Императора, не доходила в России до уровня той пустой пародии, в которую превратились европейские монархии, в первую очередь, французская и английская, все же влияние Европы в этой области было очень велико.

И наконец, "Народность" знаменитого лозунга была скорее чисто декларативной, а сам народ пребывал в глубоком отчуждении от политической жизни, что проявилось, к примеру, в повальном безразличии к Февральской и позднее Октябрьской революциям, радикально разрушившим монархическую модель.

Прямая апелляция в наших условиях к реставрации этой триады, скорее всего, приведет к восстановлению того худосочного и в большей степени демагогического компромисса, который на практике скрывался за этими тремя принципами в позднеромановскую эпоху (в которую они и были, кстати, сформулированы). Более того, учитывая отсутствие однозначных претендентов на российский престол, нестабильное и неопределенное состояние нынешней Православной Церкви, а также абстракт ное значение термина "народность" (под которым часто понимают лишь поверхностный, фольклорный стиль или вовсе подделку под народ фантазирующих интеллиген тов), нетрудно предвидеть, что возврат к уваровской идеологии станет еще большей пародией, чем предреволюционный царский режим.

Царистская модель имеет кроме того серьезнейший геополитический изъян, точно так же приведший Российскую Империю к краху, как и СССР на семьдесят лет позднее.

Возврат к царистской и, следовательно, в целом "славянофильской" геополитике, таит в себе страшную угрозу. Дело в том, что в последние полвека царствования Романовых внешнюю политику правящего дома определяли не евразийские традиции Александра Первого и перспективы континентального Священного Союза (основанного на альянсе России и держав Средней Европы), но проанглийские и профранцузские проекты, ради которых Россия втягивалась в самоубийственные конфликты на стороне своих естественных геополитических противников и против своих естественных геополитиче ских союзников. Поддержка сербских требований, безответственный миф о "Босфоре и Дарданеллах", вовлеченность в европейские антигерманские интриги французских масонов все это заставляло Россию выполнять политическую роль, не только ей не свойственную, но прямо для нее губительную. Пытаясь на славянофильской основе обосноваться в Восточной Европе и постоянно втягиваясь в конфликт со среднеевропейскими державами (природными союзниками России), царский режим планомерно подтачивал основы русского государства, прямолинейно вел Россию к геополитическому самоубийству. К этому же относятся и турецкие войны, и война с Японией. Парадоксально, но кажется, что Россия стремилась наилучшим образом услужить атланти стским интересам прогрессистской Франции и колониально- капиталистической Англии вместо того, чтобы выполнять свою естественную

евразийскую миссию и искать союза со всеми сходными (и политически и духовно) консервативными и имперскими режимами. Славянофильская геополитическая утопия стоила России Царя, Церкви и Империи, и только приход евразийски ориентированных большевиков спас тогда страну и народ от тотальной деградации, от превращения в "региональ ную державу".

Попытка следовать такой позднеромановской, "славянофильской" линии в наших условиях не может не привести к схожему результату. И даже сама апелляция к дореволюционной России несет в себе потенциально самоубийственные политические мотивы, намного более опасные для русского народа, нежели проекты советской реставрации.

Есть еще один фактор, который является крайне опасным в случае монархических тенденций. Речь идет о той капиталистической форме экономики, которая была присуща России на рубеже XIX-XX веков. Хотя это было вариацией национального капитализма, ограниченного государственными, социальными и культурными рамками, а не "диким" свободным рынком, эффект экономиче ского отчуждения, свойственный любому капитализму, был крайне силен. Русский буржуа прочно занял место государственной и военной аристократии, духовного сословия, потеснив чиновничество и служащих. Этот тип русского буржуа (довольно отличный от представителей традиционного, докапиталистического, феодального купечества) фактически противостоял культурным, социальным и этическим нормам, которые являлись сущностью системы русских национальных ценностей. Воспринявший уроки английского экономического либерализ ма, почувствовавший вкус финансовых и биржевых спекуляций, ловко использующий экономическую неэффек тивность все еще скованной кодексом чести русской аристократии, русский буржуа вышел на передний план русской политической жизни, прекрасно вписавшись в общую картину лубочной монархической псевдопатриархальности, утратившей все свое жизненное, сакральное содержание. Именно русские капиталисты (причем очень часто националистической, "черносотенной" ориентации) стали первыми проводниками английского и французского влияний в России, естественными агентами той атлантистской торговой модели, которая развилась и оформилась в англосаксонском и французском обществах.

Позднеромановский государственный строй это сочетание десакрализированно-монархического фасада, самоубийственной славянофильской геополитики и атлантистски ориентированного рыночного капитализма. Во всех случаях национальная риторика была лишь ширмой и фигурой речи, за которой стояли политико-соци альные тенденции, не просто далекие от истинных интересов русского народа, но прямо противоположные этим интересам.

Еще один элемент этой модели является довольно сомнительным это принцип губернского администра тивного деления Российской Империи. Хотя на практике это не мешало свободному развитию народов, входивших в состав Российской Империи, и в нормальном случае русские только помогали этносам образовать и развить свою специфическую культуру, юридическое непризнание культурно-этнических и религиозных автономий, некоторый жесткий государственный нивелирующий централизм были не лучшими методами вовлечения наций в единодушное и свободное континентальное империостроительство. Элементы "государства-нации" проявились в последние периоды Романовых точно так же, как и в последние десятилетия СССР, и эффект этого был весьма схожим отчуждение этносов от Москвы (Санкт-Петербурга) и русских, сепаратистские настроения, всплеск "малого национализма" и т.д. И как ответная

реакция следовало вырождение великой русской мессианской воли в банальный национал-шовинизм.

В монархической России позитивной была именно культурно-религиозная сторона, номинальная верность сакральным традициям, память об идеале Святой Руси, Священном Царстве, о Москве Третьем Риме. Православная Церковь как оплот догматической Истины, симфония Самодержавия, осознание исторической миссии богоносного русского народа суть духовные символы истинной Русской Империи, которые имеют архетипиче скую, непреходящую ценность, которую, однако, следует очистить от формализма, демагогии и фарисейского налета. Но противоестественная геополитика, податливость к капитализации, недооценка этнического и религиозного фактора у малых внутриимперских народов, антигерманская, антияпонская и антиосманская ориентация Империи поздних Романовых все это должно быть осознано как тупиковый политический путь, не имеющий ничего общего с подлинными интересами русского народа, что и было доказано историческим крахом этой модели.

3.6 К новой Евразийской Империи

На основании предшествующих соображений можно сделать определенные выводы касательно перспективы грядущей Империи как единственной формы достойного и естественного существования русского народа и единственной возможности довести до конца его историче скую и цивилизационную миссию.

1. *Грядущая Империя не должна быть "региональ ной державой" или "государством-нацией "*. Это очевидно. Но следует особенно подчеркнуть, что такая Империя никогда на сможет стать продолжением, развитием региональной державы или государства-нации, так как подобный промежуточный этап нанесет непоправимый ущерб глубинной национальной имперской тенденции, вовлечет русский народ в лабиринт неразрешимых геополитических и социальных противоречий, а это, в свою очередь, сделает невозможным планомерное и последовательное, логичное импеpостроительство.

2. *Новая Империя должна строиться сразу именно как Империя, и в основание ее проекта должны уже сейчас быть заложены полноценные и развитые сугубо имперские принципы.* Нельзя отнести это процесс к далекой перспективе, надеясь на благоприятные условия в будущем. Для создания великой Русской Империи таких условий не будет никогда, если уже сейчас народ и политические силы, стремящиеся выступать от его имени, не утвердят сознательно и ясно своей фундаменталь ной государственной и геополитической ориентации. Империя не просто очень большое государство. Это нечто совсем иное. Это стратегический и геополитический блок, превосходящий параметры обычного государства, это Сверхгосударство. Практически никогда обычное государство не развивалось в Империю. Империи строились сразу как выражение особой цивилизационной воли, как сверхцель, как гигантский мироустроительный импульс. Поэтому уже сегодня следует определенно сказать: не Русское Государство, но Русская Империя. Не путь социально-политической эволюции, но путь геополитиче ской Революции.

3. *Геополитические и идеологические контуры Новой Империи русских должны определяться на основе преодоления тех моментов, которые привели к краху исторически предшествующих имперских форм.* Следователь но, Новая Империя должна: быть не материалистической, не атеистической, не экономикоцентристской;

a) иметь либо морские границы, либо дружественные блоки, на прилегающих континентальных территори ях;

b) обладать гибкой и дифференцированной этнорели гиозной структурой внутреннего политико-администра тивного устройства, т.е. учитывать локальные, этнические, религиозные, культурные, этические и т.д. особенности регионов, придав этим элементам юридический статус;

c) сделать участие государства в управлении экономикой гибким и затрагивающим только стратегические сферы, резко сократить социальный цикл, добиться органического соучастия народа в вопросах распределения;

(Эти первые четыре пункта вытекают из анализа причин краха Советской Империи.)

d) наполнить религиозно-монархическую формулу истинно сакральным содержанием, утраченным под влиянием светского Запада на романовскую династию, осуществить православную "консервативную революцию", чтобы вернуться к истокам подлинного христианского мировоззрения;

e) превратить термин "народность" из уваровской формулы в центральный аспект социально-политического устройства, сделать Народ главной, основополагающей политической и правовой категорией, противопоставить органическую концепцию Народа количественным нормам либеральной и социалистической юриспруденции, разработать теорию "прав народа";

f) вместо славянофильской геополитики обратиться к евразийским проектам, отвергающим антигерманскую политику России на Западе и антияпонскую на Востоке, покончить с атлантистской линией, замаскированной под "русский национализм";

g) воспрепятствовать процессам приватизации и капитализации, а также биржевой игре и финансовым спекуляциям в Империи, ориентироваться на корпоратив ный, коллективный и государственный контроль народа над экономической реальностью, отбросить сомнитель ную химеру "национального капитализма";

h) вместо губернского принципа перейти к созданию этнорелигиозных областей с максимальной степенью культурной, языковой, экономической и юридической автономии, строго ограничив их в одном в политиче ском, стратегическом, геополитическом и идеологическом суверенитете.

(Эти пять пунктов вытекают из критики царистской модели.)

Строители Новой Империи должны активно противостоять "младоросским" тенденциям в русском национа лизме, стремящимся к закреплению за Россией статуса "государства-нации", а также со всеми ностальгически ми политическими силами, содержащими в своих геополитических проектах апелляцию к тем элементам, которые уже приводили Империю к катастрофе.

Существование русского народа как органической исторической общности немыслимо без империостроитель ного, континентального созидания. Русские останутся народом только в рамках Новой Империи.

Эта Империя, по геополитической логике, на этот раз должна стратегически и пространственно превосхо дить предшествующий вариант (СССР). Следовательно, Новая Империя должна быть евразийской, великокон тинентальной, а в перспективе Мировой.

Битва за мировое господство русских не закончилась.

Глава 4. Передел мира

4.1 Суша и море. Общий враг

Новая Империя, которую предстоит создавать русскому народу, имеет свою внутреннюю геополитическую логику, вписанную в естественную структуру географи ческого пространства планеты.

Основной геополитический закон, сформулированный яснее всего Макиндером, гласит, что в истории постоянным и основным геополитическим процессом является борьба сухопутных, континентальных держав (с естественной формой идеократического политического устройства) против островных, морских государств (торгового, рыночного, экономического строя). Это извечное противостояние Рима Карфагену, Спарты Афинам, Англии Германии и т.д. С начала XX века это противостояние двух геополитических констант стало приобретать глобальный характер. Морским, торговым полюсом, втягиваю щим в свою орбиту все остальные страны, стали США, а сухопутным полюсом Россия. После Второй мировой войны две сверхдержавы окончательно распределили цивилизационные роли. США стратегически поглотили Запад и прибрежные территории Евразии, а СССР объединил вокруг себя гигантскую континентальную массу евразийских пространств. С точки зрения геополитики как науки, в холодной войне нашло свое выражение древнее архетипическое противостояние Моря и Суши, плутократии и идеократии, цивилизации торговцев и цивилизации героев (дуализм "героев и торгашей", по выражению Вернера Зомбарта, автора одноименной книги).

Распад Восточного блока, а затем и СССР нарушил относительный геополитический баланс в пользу атлантизма, т.е. Западного блока и рыночной цивилизации в целом. Однако геополитические тенденции представля ют собой объективный фактор, и упразднить их волюнтаристическим, "субъективным" способом не представ ляется возможным. Тенденции Суши, континентальные импульсы не могут быть отменены в одностороннем порядке, и следовательно, создание новой сухопутной, восточной, континентальной Империи является потенциальной геополитической неизбежностью.

Атлантический, морской, торговый полюс цивилиза ции сегодня, безусловно, предельно силен и могуществе нен, но объективные факторы делают континентальную реакцию Востока практически неотвратимой. Сухопут ная Империя потенциально существует всегда и ищет лишь удобных обстоятельств, чтобы реализоваться в политической реальности.

На ясном осознании этой геополитической неизбеж ности должна строиться Новая Империя. В этой Империи естественной ключевой функцией будут обладать именно русские, так как они контролируют те земли, которые являются осевыми в евразийской континенталь ной массе. Новая Империя не может быть никакой иной, кроме как Русской, поскольку и территориально, и культурно, и цивилизационно, и социально-экономически, и стратегически русские естественно и органично соответ ствуют этой планетарной миссии и идут к ее осуществ лению на всем протяжении своей национальной и государственной истории. Русские земли Макиндер называл "географической осью истории", т.е. тем пространством, вокруг которого создавалась береговая цивилизация Евразии (отождествляющаяся часто с "цивилизацией" вообще) под влиянием диалектического противостояния морских (внешних) и сухопутных (внутренних) культурно-политических импульсов. Какой-то другой народ или какая-то другая страна

сможет выступать в роли полюса евразийской континентальной Империи, только захватив контроль над совокупностью русских земель, а для этого необходимо выполнить практически невероятное условие уничтожить русский народ, стереть с лица земли русскую нацию. Так как это представляется маловероятным, русским надо признать, осознать и взять на себя в очередной раз сложную роль центра Евразий ской Империи.

В основу геополитической конструкции этой Империи должен быть положен фундаментальный принцип принцип "общего врага". Отрицание атлантизма, отвержение стратегического контроля США и отказ от верховенства экономических, рыночно-либеральных ценностей вот та общая цивилизационная база, тот общий импульс, что откроют путь прочному политическому и стратегическому союзу, создадут осевой костяк грядущей Империи. Подавляющее большинство евразийских государств и народов имеют континентальную, "сухопутную" специфику национальной истории, государст венных традиций, экономической этики. Подавляющее большинство этих государств и народов воспринимает американское политическое и стратегическое влияние как непосильное бремя, отчуждающее нации от их историче ской судьбы. Несмотря на все внутренние цивилизаци онные, религиозные и социально-экономические различия евразийских держав между собой у них есть прочный и непоколебимый "общий знаменатель" неприязнь к тотальности атлантистского контроля, желание освободиться от заокеанской опеки того Торгового Строя, который усиленно насаждается США, оплотом "морской" цивилизации.

Различия в региональных интересах евразийских государств, в религиозной, этнической, расовой и культурной ориентации все это немаловажные факторы, с которыми нельзя не считаться. Однако о них можно говорить всерьез и полновесно только тогда, когда исчезнет удушающее экономическое и стратегическое влияние "общего врага", навязывающего ту модель, которая чужда практически всем и христианам, и социали стам, и мусульманам, и национал-капиталистам, и буддистам, и коммунистам, и индуистам. Пока же доминирование США сохраняется, все внутриевразийские конфликты и противоречия носят искусственный характер, так как подобное выяснение отношений имеет смысл лишь при отсутствии более глобального фактора, который, на практике, организует и контролирует эти конфликты с целью поддержать в Евразии разобщенность и дробление. В этом смысле все "региональные державы" в Евразии логически служат интересам атлантистов, так как, будучи не в состоянии оказать им масштабное сопротивление (а это возможно только в имперском стратегическом контексте), они целиком зависят от единственной Сверхдержавы и направляют свою энергию на соседей только с санкции заокеанских властителей.

"Общий враг", атлантизм, должен стать связующим компонентом новой геополитической конструкции. Эффективность этого фактора не подлежит сомнению, а все доводы против этого соображения либо наивно не учитывают объективной серьезности и тотальности атлантистской доминации, либо сознательно отвлекают геополитическое внимание от единственной ответственной и реалистической перспективы в пользу второстепенных региональных проблем, вообще не имеющих никакого решения без учета глобальной расстановки сил.

Евразии предопределено географическое и стратегиче ское объединение. Это строго научный геополитический факт. В центре такого объединения неминуемо должна стоять Россия. Движущей силой объединения неизбеж но должен быть русский народ. С этой миссией полностью гармонирует и цивилизационная миссия русских, и их универсалистский идеал, и логика исторического становления нации и государства. Новая Евразийская Империя вписана в географическую и политическую предопределенность

мировой истории и мировой геополити ки. Спорить с этим обстоятельством бессмысленно. Интересы русского народа неотделимы от построения такой континентальной конструкции.

Евразийская геополитика Новой Империи не просто географическая абстракция или выражение гипотетиче ской воли к безграничной экспансии. Ее принципы и основные направления учитывают и геополитические константы, и актуальную политическую ситуацию, и реально существующие международные тенденции, и стратегический баланс сил, и экономико-ресурсные закономер ности. Поэтому евразийский имперский проект несет в себе одновременно несколько измерений культурное, стратегическое, историческое, экономическое, политиче ское и т.д. Важно с самого начала подчеркнуть, что в том или ином "осевом" геополитическом альянсе при создании Империи речь идет о совершенно разной степени интеграции в зависимости от уровня. В одном случае может быть культурное или этническое сближение, в другом религиозное, в третьем экономическое. Эти вопросы имеют в каждом конкретном случае особое решение. Единственной универсальной интегрирующей реальностью в будущей Евразийской Империи станет категорический императив стратегического объединения , т.е. такого геополитического альянса, который позволит по всем стратегическим направлениям эффективно противостоять атлантическим влияниям, американскому геополитическому давлению и политико-экономическому диктату.

Стратегическое объединение континента, о котором идет речь, должно обеспечить контроль над морскими границами Евразии по всем сторонам света, континен тальную экономическую, промышленную и ресурсную автаркию, централизованное управление евразийскими вооруженными силами. Все остальные аспекты внутриевразийской интеграции будут решаться на основании гибких, дифференцированных принципов в зависимости от каждого конкретного случая. Это фундаментальное соображение необходимо постоянно иметь в виду, чтобы избежать необоснованных сомнений и возражений, могущих возникнуть в том случае, если вместо стратегиче ского объединения кто-то ошибочно посчитает, что дело касается политического, этнического, культурного, религиозного или экономического объединения. Кстати, такую подмену с необходимостью будут вполне сознательно осуществлять представители "малого национа лизма" всех народов, упрекая евразийцев и континен тальных имперостроителей в том, что они хотят растворить свои этносы, религии, культуры и т.д. в новой "интернационалистской утопии". Евразийский проект никоим образом не ведет к нивелировке наций, напротив, он исходит из необходимости сохранения и развития идентичности народов и культур, только при этом в нем речь идет не о безответственных романтических грезах "малых националистов" (которые на практике приводят лишь к шовинизму и самоубийственным этническим конфликтам), но о серьезном и объективном понимании актуаль ной ситуации, где достичь этой цели можно лишь при условии радикального подрыва мирового влияния атлантистского Запада с его рыночной, либеральной идеологией, претендующей на мировое господство.

Теперь остается лишь выяснить специфику этого континентального проекта, учитывая те негативные факторы, которые сорвали в предшествующие периоды осуществление этого грандиозного цивилизационного плана.

4.2 Западная ось: Москва Берлин. Европейская Империя и Евразия

На Западе Новая Империя имеет прочный геополитический плацдарм, которым является Средняя Европа.

Средняя Европа представляет собой естественное геополитическое образование, объединенное стратегически, культурно и отчасти политически. Этнически в это пространство входят народы бывшей Австро-Венгерской Империи, а также Германия, Пруссия и часть польских и западно-украинских территорий. Консолидирующей силой Средней Европы традиционно является Германия, объединяющая под своим контролем этот геополитиче ский конгломерат.

Средняя Европа по естественно-географическим и историческим соображениям имеет ярко выраженный "сухопутной", континентальный характер, противостоящий "морским", "атлантическим" пространствам Западной Европы. В принципе, политическое влияние Средней Европы может распространяться и южнее в Италию и Испанию, чему было много исторических прецедентов. Геополитической столицей Средней Европы логичнее всего считать Берлин как символ Германии, являющейся, в свою очередь, символом и центром всего этого образова ния. Только Германия и немецкий народ обладают всеми необходимыми качествами для эффективной интеграции этого геополитического региона исторической волей, прекрасно развитой экономикой, привилегирован ным географическим положением, этнической однородностью, сознанием своей цивилизационной миссии. Сухопутная и идеократическая Германия традиционно противостояла торгово-морской Англии, и специфика этого геополитического и культурного противостояния заметно затронула европейскую историю, особенно после того, как немцам удалось наконец создать свое собствен ное государство.

Англия геополитически является наименее европейским государством, чьи стратегические интересы традиционно противоположны среднеевропейским державам и, шире, континентальным тенденциям в Европе. Однако параллельно усилению роли США и захвату ими практически полного контроля над английскими колониями стратегическая роль Англии значительно уменьшилась, и сегодня в Европе эта страна выступает, скорее как экстерриториальная плавучая база США, чем как самостоятельная сила. Как бы то ни было, в пределах Европы Англия является наиболее враждебной континенталь ным интересам страной, антиподом Средней Европы, а следовательно, Новая Евразийская Империя имеет в ее лице политического, идеологического и экономического противника. Вряд ли будет возможно волевым образом переломить цивилизационный путь этой специфической страны, создавшей в свое время гигантскую торгово-ко лониальную империю чисто "морского" типа и столь способствовавшей появлению всей современной западной цивилизации, основанной на торговле, количестве, капитализме, спекуляции и биржевой игре. Это совершенно нереально, и поэтому в евразийском проекте Англия станет с неизбежностью "козлом отпущения", так как европейские процессы континентальной интеграции будут с необходимостью проходить не просто без учета английских интересов, но даже в прямой противоположности к этим интересам. В данном контексте немалую роль должна сыграть европейская и, шире, евразийская поддержка ирландского, шотландского и уэлльского национализ ма, вплоть до поощрения сепаратистских тенденций и политической дестабилизации Великобритании.

Другим противоречивым геополитическим образова нием является Франция. Во многом французская история носила атлантистский характер, противостоящий континентальным и среднеевропейским тенденциям. Франция была основным историческим противником Австро-Венгерской Империи, всячески поддерживала раздробленное состояние немецких княжеств, тяготея к "прогрессизму" и "централизму" антитрадиционного и противоестественного типа. Вообще, с точки зрения подрыва европейской континентальной традиции, Франция всегда была в авангарде, и во многих случаях французская политика отождествлялась с самым агрессивным атлантизмом. По крайней

мере, так дело обстояло до тех пор, пока США не взяли на себя планетарной функции главного полюса атлантизма.

Во Франции существует и альтернативная геополитическая тенденция, восходящая к континентальной линии Наполеона (которого еще Гете воспринимал как вождя сухопутной интеграции Европы) и ярко воплотив шаяся в европейской политике де Голля, искавшего альянса с Германией и создания независимой от США европейской конфедерации. Отчасти эта же линия вдохновляла и франко-германские проекты Миттерана. Как бы то ни было, гипотетически можно представить себе такой поворот событий, что Франция признает верховен ство фактора Средней Европы и добровольно пойдет на соучастие в геополитическом европейском блоке с антиамериканской и континентальной ориентацией. Территория Франции является необходимым компонентом евразийского блока на Западе, так как от этого напрямую зависит контроль над атлантическим побережьем, и соответственно, безопасность Новой Империи на западных рубежах. Франко-германский союз в любом случае является главным звеном евразийской геополитики на континентальном Западе при том условии, что приоритет ными здесь будут интересы Средней Европы, именно ее автаркия и геополитическая независимость. Такой проект известен под названием "Европейской Империи". Интеграция Европы под эгидой Германии как основа такой Европейской Империи идеально вписывается в евразий ский проект и является наиболее желательным процессом в деле более глобальной континентальной интеграции.

Все тенденции к европейскому объединению вокруг Германии (Средней Европы) будут иметь положитель ный смысл только при соблюдении одного фундамен тального условия создания прочной геополитической и стратегической оси Москва Берлин. Сама по себе Средняя Европа не обладает достаточным политическим и военным потенциалом для того, чтобы получить действительную независимость от атлантистского контроля США. Более того, в нынешних условиях трудно ожидать от Европы подлинного геополитического и национального пробуждения без революционного воздействия русского фактора. Европейская Империя без Москвы и, шире, Евразии не только не способна полноценно организовать свое стратегическое пространство при дефиците военной мощи, политической инициативы и природных ресурсов, но и в цивилизационном смысле не имеет ясных идеалов и ориентиров, так как влияние Торгового Строя и рыночных либеральных ценностей глубоко парализовало основы национального мировоззрения европейских народов, подорвало их исторические органические системы ценностей. Европейская Империя станет полноценной геополитической и цивилизационной реальностью только под воздействием новой идеологиче ской, политической и духовной энергии из глубин континента, т.е. из России. Кроме того, только Россия и русские смогут обеспечить Европе стратегическую и политическую независимость и ресурсную автаркию. Поэтому Европейская Империя должна формироваться именно вокруг Берлина, находящегося на прямой и жизненной оси с Москвой.

Евразийский импульс должен исходить исключительно из Москвы, передавая цивилизационную миссию (при соответствующей адаптации к европейской специфике) русских Берлину, а тот, в свою очередь, приступит к европейской интеграции по принципам и проектам, вдохновленным глубинным геополитическим континенталь ным импульсом. Залог адекватности Европейской Империи заключается в однозначном преобладании русофиль ских тенденций в самой Германии, как это понимали лучшие немецкие умы от Мюллера ван ден Брука до Эрнста Никиша, Карла Хаусхофера и Йордиса фон Лохаузена. И как продолжение такого геополитического русофильства остальная Европа (и в первую очередь, Франция) должна следовать германофильской

ориента ции. Только при таких условиях западный вектор Евразийской Империи будет адекватным и прочным, стратегически обеспеченным и идеологически последователь ным. Но следует признать, что никакое иное объедине ние Европы просто невозможно без глубинных противоречий и внутренних расколов. К примеру, нынешнее объединение Европы под американским, натовским контролем очень скоро даст почувствовать всю свою геополити ческую и экономическую противоречивость, а следовательно, оно неминуемо будет или сорвано, или приостановлено, или спонтанно приобретет неожиданное, антиамериканское (и потенциально евразийское) измерение, которое предвидел Жан Тириар.

Важно сразу подчеркнуть, что объединение Европы вокруг Германии должно учитывать крупные политиче ские просчеты предыдущих попыток, и в первую очередь, провал эпопеи Гитлера и Третьего Райха. Геополитическое объединение Европы вокруг Средней Европы (Германии) ни в коем случае не должно подразумевать этнической доминации немцев или создания централи зованной структуры якобинского толка в виде гигантского Немецкого Государства. По словам Тириара, "главная ошибка Гитлера в том, что он хотел сделать Европу немецкой, в то время, как он должен был стремиться сделать ее европейской ". Этот тезис остается совершенно актуальным и на сегодняшнем этапе, и вообще может относиться ко всем неоимперским процессам, в том числе и в России. Европейская Империя, организован ная вокруг Германии, должна быть именно европейской , свободной от этнической и лингвистической доминации какого-то одного народа. Чтобы быть геополитическим сердцем Европы, Германия должна приобрести сверхна циональный, цивилизационный, собственно имперский характер, отказавшись от противоречивых и невыполнимых попыток создания расово однородного "государ ства- нации". Европейские народы должны быть равными партнерами в строительстве западного плацдарма Евразии и адаптировать общий имперский импульс к своей собственной национальной и культурной специфике. Европейская Империя должна не подавлять европейские нации, не подчинять их немцам или русским, но, напротив, освобождать их из-под гнета количественной, потребительской, рыночной цивилизации, пробуждать их глубинные национальные энергии, возвращать их в лоно истории как самостоятельных, живых и полноцен ных политических субъектов, чья свобода будет гарантирована стратегической мощью всей Евразии.

Создание оси Берлин-Москва как западной несущей конструкции Евразийской Империи предполагает несколько серьезных шагов в отношении стран Восточной Европы, лежащих между Россией и Германией. Традицион ная атлантистская политика в этом регионе основыва лась на макиндеровском тезисе о необходимости создания здесь "санитарного кордона", который служил бы конфликтной буферной зоной, предотвращающей возможность русско-германского союза, жизненно опасного для всего атлантистского блока. С этой целью Англия и Франция стремились всячески дестабилизировать восточно-европейские народы, внушить им мысль о необходимости "независимости" и освобождения от германского и русского влияний. Кроме того дипломатический потенциал атлантистов любыми способами стремился укрепить русофобские настроения в Германии и германо фобские в России, чтобы втянуть обе эти державы в локальный конфликт по разделу сфер влияния на промежуточных пространствах в Польше, Румынии, Сербии, Венгрии, Чехословакии, Прибалтике, на Западной Украине и т.д. Ту же линию преследуют и нынешние стратеги НАТО, выдвигая идею создания "черноморско - балтийской федерации" государств, которая была бы непосредственно связана с атлантизмом и потенциально враждебна как России, так и Германии.

Создание оси Берлин-Москва предполагает первым делом срыв организации в Восточной Европе "санитарного кордона" и активную борьбу с носителями русофобии в Германии и

германофобии в России. Вместо того, чтобы руководствоваться региональными интересами в зоне обоюдных влияний и поддерживать в одностороннем порядке политически и этнически близкие народы этого региона, Россия и Германия должны все спорные вопросы решать совместно и заранее, выработав общий план перераспределения географии влияния в этом регионе, а затем жестко пресекать все локальные инициативы восточноевропейских наций по пересмотру русско-герман ских планов. При этом главное, к чему надо стремить ся, это категорическое устранение всякого подобия "санитарного кордона", заведомое развеяние иллюзий промежуточных государств относительно их потенциальной независимости от геополитически могущественных соседей. Необходимо создать непосредственную и ясную границу между дружественными Россией и Средней Европой (Германией), и даже в перспективе создания единого стратегического блока по оси Берлин-Москва эта граница должна сохранять свое геополитическое значение как лимит культурной, этнической и религиозной однородности, чтобы заведомо исключить этническую или конфессиональную экспансию на пограничных пространст вах. Русско- украинские, русско-прибалтийские, русско-румынские, русско-польские и т.д. отношения должны изначально рассматриваться не как двухсторонние, но как трехсторонние с участием Германии. То же самое касается и отношений между Германией и восточно-ев ропейскими странами (народами); они также должны носить тройственный характер с обязательным участием русской стороны (и с исключением во всех случаях постороннего, атлантистского, американского вмешатель ства). Например, немецко-украинские отношения должны с необходимостью быть немецко-русско-украински ми; немецко- прибалтийские немецко-русско-прибал тийскими; немецко-польские немецко-русско- польски ми и т.д.

Ось Москва-Берлин поможет решить целый комплекс важнейших проблем, с которыми сталкиваются сегодня и Россия и Германия. Россия в таком альянсе получает прямой доступ к высоким технологиям, к мощным инвестициям в промышленность, приобретает гарантиро ванное соучастие Европы в экономическом подъеме русских земель. При этом экономической зависимости от Германии ни в коем случае не наступит, так как Германия будет соучаствовать в России не как благотвори тельная сторона, а как равноправный партнер, получающий взамен от Москвы стратегическое прикрытие, гарантирующее Германии политическое освобождение от доминации США и ресурсную независимость от энергических резервов Третьего мира, контролируемых атлантизмом (на этом и основан энергетический шантаж Европы со стороны США). Германия сегодня экономи ческий гигант и политический карлик. Россия с точностью до наоборот политический гигант и экономиче ский калека. Ось Москва-Берлин излечит недуг обоих партнеров и заложит основание грядущему процветанию Великой России и Великой Германии. А в дальней перспективе это приведет к образованию прочной стратеги ческой и экономической конструкции для создания всей Евразийской Империи Европейской Империи на Западе и Русской Империи на Востоке Евразии. При этом благосостояние отдельных частей этой континентальной конструкции послужит процветанию целого.

Как предварительные шаги в деле образования оси Москва-Берлин имеет смысл тщательно очистить культурно-историческую перспективу взаимных отношений от темных сторон прошлой истории русско-германских войн, которые были следствием успешной подрывной деятельности атлантистского лобби в Германии и России, а не выражением политической воли наших континенталь ных народов. В этой перспективе целесообразно вернуть Калининградскую область (Восточную Пруссию) Германии, чтобы отказаться от последнего территориального символа страшной братоубийственной войны. Для того, чтобы это действие не стало бы восприниматься русскими как очередной шаг в геополитической капитуляции, Европе имеет смысл предложить России другие территориальные аннексии или иные формы расширения стратегической зоны влияния,

особенно из числа тех государств, которые упрямо стремятся войти в "черномор ско-балтийскую федерацию". Вопросы реституции Восточной Пруссии должны быть неразрывно связаны с территориальным и стратегическим расширением России, и Германия, помимо сохранения в калининградской области российских военных баз, должна со своей стороны способствовать дипломатически и политически усилению стратегических позиций России на Северо-западе и Западе. Страны Прибалтики, Польша, Молдавия и Украина как потенциальный "санитарный кордон" должны подвергнуться геополитической трансформации не после реституции Пруссии, а одновременно с ней, как элементы одного и того же процесса окончательного фиксирования границ между дружественными Россией и Средней Европой.

Слова Бисмарка "на Востоке у Германии врага нет" должны вновь стать доминантой немецкой политической доктрины, и обратная максима должна быть принята и русскими правителями "на Западных рубежах, в Средней Европе у России есть только друзья". Однако для того, чтобы это стало реальностью, а не только благопожеланиями, необходимо добиться того, чтобы именно геополитика и ее законы стали главной базой для принятия всех существенных внешнеполитических решений и в Германии и в России, так как только с этой точки зрения необходимость и неизбежность теснейшего русско- немецкого союза могут быть осознаны, поняты и признаны тотально и до конца. В противном случае апелляция к историческим конфликтам, недоразумениям и спорам сорвет всякую попытку создания прочной и надежной базы жизненно важной оси Москва- Берлин.

4.3 Ось Москва Токио. Паназиатский проект. К евразийской Трехсторонней комиссии

Новая Империя должна иметь четкую стратегию относительно своей восточной составляющей. Поэтому восточные пределы Евразии для этой Империи обладают такой же стратегической значимостью, как и проблемы Запада.

Исходя из основополагающего принципа "общего врага", Россия должна стремиться к стратегическому альянсу именно с теми государствами, которые более других тяготятся политическим и экономическим давлением атлантистской сверхдержавы, имеют историческую традицию геополитических проектов, противоположных атлантизму, и обладают достаточной технологической и экономической мощью для того, чтобы стать ключевой геополитической реальностью нового блока.

В этой перспективе совершенно безусловной представ ляется необходимость максимального сближения с Индией, являющейся нашим естественным геополитическим союзником в Азии и по расовым, и по политическим, и по стратегическим параметрам. После деколонизации Индия стремилась избежать любыми средствами вхождения в капиталистический блок и фактически возглав ляла движение "неприсоединившихся стран", искавших в узком "ничейном" геополитическом пространстве возможностей придерживаться политики "Третьего Пути" с нескрываемой симпатией к СССР. Сегодня же, когда в России отменена жесткая коммунистическая догматика, препятствий для теснейшего сближения с Индией вообще не существует.

Индия сама по себе континент. Сфера ее геополити ческого влияния ограничивается, однако, Индостаном и небольшой зоной в Индийском океане, расположенной южнее полуострова. Индия с необходимостью станет стратегическим союзником Новой Империи, ее юго-восточ ным форпостом, хотя при этом надо учитывать, что индийская

цивилизация не склонна к геополитической динамике и территориальной экспансии, а кроме того, индуистская традиция не имеет в себе универсального религиозного измерения, и поэтому важную роль эта страна может играть лишь в ограниченной части Азии. Одновременно, довольно слабое экономическое и техноло гическое развитие этой страны не позволяет опереться на нее в полной мере, а следовательно, никаких проблем Новой Империи альянс с ней на данном этапе не решит. Индия сможет служить стратегическим форпостом Евразии, и на этом ее миссия фактически исчерпывается (если не брать во внимание ее духовную культуру, знакомство с которой может способствовать выяснению важнейших метафизических ориентиров Империи).

Индия важный союзник Евразии, но не главный. На роль подлинного восточного полюса Евразии претендуют в сегодняшнем мире две геополитические реальности это Китай и Япония. Но между этими странами существует глубинный геополитический антагонизм, имеющий долгую историю и соответствующий типологии двух цивилизаций. Следовательно, Россия должна выбрать что-то одно. Проблема не может ставиться таким образом: и Китай и Япония одновременно. Здесь необходим выбор.

На первый взгляд, Китай представляет собой сухопутную континентальную массу, его цивилизация носит традиционный авторитарный (неторговый) характер, и само сохранение коммунистической идеологии при проведении либеральных реформ в современном Китае, казалось, должно было бы окончательно способствовать выбору именно Китая, в противовес капиталистической, островной Японии. Однако, история показывает, что именно Китай, а не Япония, геополитически являлся важнейшей базой англосаксонских сил на евразийском континенте, тогда как Япония, напротив, поддержива ла союз с центрально-европейскими странами противоположной ориентации.

Для того, чтобы понять этот парадокс, следует внимательно посмотреть на карту и отметить на ней географию двух последних мировых войн. В северном полушарии можно условно выделить четыре геополитические зоны, соответствующие главным участникам мировых конфликтов (странам или блокам государств). Крайний Запад, атлантизм, объединяет США, Англию, Францию и несколько других европейских стран. Эта зона обладает совершенно определенной геополитической ориентацией, однозначно тождественной "морской", "карфаген ской" линии мировой истории. Это пространство максимальной цивилизационной активности и источник всех антитрадиционных, "прогрессивных" преобразований.

Вторая зона Средняя Европа, Германия, Австро-Венгрия. Это пространство, непосредственно прилегаю щее к атлантистскому блоку с Востока, с геополитиче ской точки зрения, обладает всеми признаками антиатлантистской, континентальной, сухопутной ориентации и географически тяготеет к Востоку.

Третья зона это собственно сама Россия, лежащая в центре тяжести континента и ответственная за судьбу Евразии. Сухопутная и нелиберальная, "консерватив ная" сущность России очевидна.

И наконец, четвертой зоной является тихоокеанский ареал, где центральной ролью наделена именно Япония, развивающаяся быстро и динамично и обладающая при этом жесткой системой традиционалистских ценностей и ясным пониманием своей геополитической роли. При этом Япония ориентирована сущностно антизападно и антилиберально, так как ее ценностная система представляет собой нечто прямо противоположное идеалам "прогрессивного" атлантистского человечества.

Западный мир (атлантизм) в лице своих самых глубоких идеологов (Макиндер, Мэхэн и т.д.) прекрасно понимал, что самой большой угрозой для планетарного атлантизма являлась бы консолидация всех трех зон Евразии от среднеевропейской до тихоокеанской с участием и центральной ролью России против англо-саксонского и французского "прогрессизма". Поэтому основной задачей атлантистских стратегов было противопоставить три евразийские зоны своим непосредствен ным соседям и потенциальным союзникам. И русско-германские и русско-японские конфликты активно провоцировались именно атлантистами, действовавшими как внутри евразийских правительств, так и извне, используя дипломатические и силовые рычаги. Противники атлантизма начиная с Хаусхофера окончательно пришли к выводу, что эффективное противостояние атлантизму возможно только при отвержении навязываемой трем евразийским зонам логики, т.е. при категорическом отказе русских от германо- и японофобии, а японцев и немцев от русофобии, к каким бы историческим прецедентам сторонники этих "фобий" ни прибегали.

При этом именно Япония как символ всего тихооке анского пространства обладает в этих антиатлантист ских проектах первостепенной значимостью, так как стратегическая позиция Японии, динамика ее развития, специфика ее ценностной системы делают ее идеальным партнером в планетарной борьбе против цивилизации Запада. Китай же, со своей стороны, не играл в этой геополитической картине особой роли, будучи лишен вначале политической независимости (английская колонизация), а потом геополитической динамики. Лишь в период активного маоизма проявилась в самом Китае сугубо почвенная, евразийская тенденция, когда возобладали проекты "крестьянского социализма", всекитай ского национализма и ярко выраженной советофилии. Но такое состояние продлилось очень недолго, и Китай под предлогом несогласия с развитием советской модели снова вернулся к исполнению сомнительной геополити ческой функции дестабилизации дальневосточных интересов Евразии и нагнетанию конфликтов с Россией. Нет никаких сомнений, что начатая с 80-х годов китайская перестройка была окончательным поворотом от маоистского периода к проатлантистской модели, что должно было бы окончательно закрепить разрыв Китая с СССР и его ориентацию на Запад. При этом "атлантизация" современного Китая прошла гораздо более успешно, нежели в России, так как экономический либерализм без политической демократизации позволил бесконфликтно поставить Китай в зависимость от западных финансо вых групп, сохраняя тоталитарную систему и видимость политической самостоятельности. Либерализм был насажден в Китае тоталитарными методами, и именно поэтому реформа удалась в полной мере. К политической власти партийной олигархии добавилась экономическая власть той же олигархии, успешно приватизировавшей народную промышленность и национальные богатства и сплавившейся с интернациональной космополитической элитой Торгового Строя. Экономические успехи Китая представляют собой довольно двусмысленную реальность, так как они достигнуты ценой глубинного компромисса с Западом и не сочетаются ни с какой ясной геополити ческой концепцией, которая могла бы служить залогом политической самостоятельности и независимости. Скорее всего, новый либеральный Китай, имеющий рядом с собой двух серьезных конкурентов экономически мощную Японии и стратегически мощную Россию снова, как уже много раз в истории, вернется к чисто атланти стской функции на Дальнем Востоке, соединив для этого политическую диктатуру и потенцию капиталистиче ского развития. Более того, с чисто прагматической точки зрения, стратегический альянс России с Китаем для создания единого блока немедленно оттолкнет от русских Японию и, соответственно, снова сделает враждебным тот ключевой тихоокеанский регион, от участия которого в общем евразийском проекте зависит конечный геополитический успех противостояния Суши и Моря.

В Новой Империи восточной осью должна быть ось Москва Токио. Это категорический императив восточной, азиатской составляющей евразийства. Именно вокруг этой оси должны складываться основные принципы азиатской политики Евразии. Япония, являясь самым северным пунктом среди островов Тихого океана, находится в исключительно выгодной географической точке для осуществления стратегической, политической и экономической экспансии на Юг. Федерация тихооке анского пространства вокруг Японии было основной идеей т.н. "паназиатского проекта", начавшего реализовывать ся в 30-е 40-е годы и прерванного лишь из-за поражения стран Оси в войне. К этому паназиатскому проекту необходимо вернуться сегодня, чтобы подорвать экспансию американского влияния в этом регионе и лишить атлантистов в целом их важнейших стратегиче ских и экономических баз. Согласно некоторым футурологическим прогнозам, в будущем тихоокеанский ареал станет одним из важнейших центров цивилизации в целом, и поэтому борьба за влияние в этом регионе является более чем актуальной это борьба за будущее.

Паназиатский проект является центром восточной ориентации Новой Империи. Альянс с Японией жизненно необходим. Ось Москва Токио вопреки оси Москва Пекин является приоритетной и перспективной, открывающей для континентального имперостроительства такие горизонты, которые,наконец, сделают Евразию геополитически завершенной , а атлантистскую империю Запада это предельно ослабит, а возможно, и разрушит окончательно.

Антиамериканизм японцев, прекрасно помнящих ядерный геноцид и ясно осознающих позор политической оккупации, длящейся уже несколько десятилетий, не вызывает сомнений. Принцип "общего врага" здесь налицо. В книге американца Серджа Фридманна "грядущая война с Японией" (книга так и называется "Coming war with Japan") представляется неизбежной. Экономи ческая война Японии с США уже идет. У России, строящей Евразийскую Империю, не может быть лучшего союзника.

Ось Москва Токио решает также ряд важнейших проблем в обеих странах. Во-первых, Россия получает в союзники экономического гиганта, оснащенного высокоразвитой технологией и огромным финансовым потенциалом. Однако у Японии отсутствуют политическая независимость, военно-стратегическая система, прямой доступ к ресурсам. Все, чего не хватает Японии, в изобилии есть у России, а все, чего не хватает русским, в избытке есть у японцев. Объединив усилия в деле построения континентальной Империи, японцы и русские смогли бы в кратчайшие сроки создать небывало могущественный геополитический центр, охватывающий Сибирь, Монголию, саму Японию и в перспективе весь тихоокеанский регион. В обмен на стратегическую защиту и прямой доступ к евразийским ресурсам Япония могла бы быстро и эффективно помочь русским в технологиче ском развитии и освоении Сибири, заложив остов самостоятельного регионального организма. Японская технологическая и финансовая помощь решила бы множество проблем в России.

Кроме того, Россия с Японией вместе могли бы переструктурировать и дальневосточную часть континенталь ной Евразии. Показательна в этом отношении постоянно возрастающая интенсивность монгольско-японских контактов, основанных на единстве происхождения, расовой близости и духовно-религиозном родстве. Монголия (возможно, даже Внутренняя Монголия и Тибет, находящиеся в настоящее время под китайской оккупацией), Калмыкия, Тува, Бурятия образуют евразийский буддистский анклав, который мог бы послужить прочным соединяющим элементом между Россией и Японией, дать промежуточные звенья оси Москва Токио. С одной стороны, эти регионы тесно и неразрывно связаны с Россией, а с другой культурно и расово близки Японии.

Буддистский блок мог бы играть важнейшую роль в создании прочной геополитической конструкции на Дальнем Востоке, которая была бы континенталь ным звеном тихоокеанского паназиатского союза. В случае обострения отношений с Китаем, которое неизбежно произойдет при начале реализации оси Москва Токио, буддистский фактор будет использоваться как знамя национально-освободительной борьбы народов Тибета и Внутренней Монголии за расширение собственно евразийских, континентальных пространств в ущерб проатлантистскому Китаю.

Вообще говоря, Китай имеет все шансы стать геополитическим "козлом отпущения" при реализации паназиатского проекта. Это может быть осуществлено как при провоцировании внутрикитайского сепаратизма (тибетцы, монголы, мусульманское население Синьцзяна), так и при игре на региональных противоречиях, а также при активной политической поддержке антиатланти стских, сугубо континентальных сил потенциального буддийского (и даосского) лобби внутри самого Китая, что в перспективе может привести к утверждению такого политического режима в самом Китае, который будет лоялен Евразийской Империи. Кроме того, следует предложить Китаю особый вектор региональной геополити ки, направленный строго на Юг к Тайваню и Гонконгу. Экспансия в южном направлении компенсирует отчасти утрату политического влияния Китая на Севере и на Востоке.

Китай в восточных регионах Новой Империи следует уподоблять на Западе не Англии, но Франции, так как в отношении его Евразийская Империя будет руководствоваться двумя критериями в случае активного противодействия евразийскими проектам с Китаем придется обращаться как с геополитическим противником со всеми вытекающими отсюда последствиями, но если удастся создать внутри страны мощное прояпонское и прорусское одновременно политическое лобби, то в перспективе и сам Китай станет полноценным и равноправ ным участником континентального проекта.

Ось Москва Токио вместе с западной осью Москва Берлин создаст такое геополитическое пространство, которое прямо противоположно главной модели атлантистских идеологов, чьей высшей инстанцией стал сегодня "Трилатераль", "Трехсторонняя комиссия". "Трехсторонняя комиссия", созданная американскими кругами высшего политического истэблишмента, предполага ет в качестве новой конфигурации планеты стратегиче ское объединение трех геополитических зон, точно соответствующих трем геополитическим элементам из четырех, о которых мы говорили выше. Три стороны этой комиссии, которая стремится выполнять функции "Мирового Правительства", соответствуют:

1) американской зоне (США, крайний Запад, чистый атлантизм),

2) европейской зоне (континентальной Европе, Средней Европе, но под эгидой Франции и Англии, а не Германии)

3) тихоокеанской зоне (объединенной вокруг Японии).

"Трилатераль", таким образом, стремится сконструи ровать такую геополитическую модель, в которой собственно Евразия (=Россия) будет окружена с двух сторон надежными геополитическими партнерами США, т.е. три зоны из четырех, объемлющих северные регионы планеты, попадают под прямой контроль США. При этом между потенциальным евразийским противником атлантистов (Евразией) и самим центром атлантизма (США) находятся два служебных геополитических пространст ва (Европа и Япония). Важно заметить, также, что перестройка в Китае в начале 80-х годов была начата именно с подачи представителей "Трехсторонней комиссии", которые стремились окончательно вернуть Китай в русло атлантистской политики.

Евразийский проект предлагает нечто прямо противоположное планам "Трилатераля". Новая Империя есть анти-Трилатераль, его обратная, перевернутая модель. Это объединение трех геополитических зон с центром в России, ориентированных против Америки. По той же самой логике, согласно которой США стремятся геополитически удержать Европу и Японию под своим контролем, понимая все стратегические выгоды для американского могущества в такой расстановке сил, Россия при строительстве Новой Империи должна всячески стремиться к созданию прочного стратегического союза с Европой и Японией, чтобы достичь собственной геополитической стабильности, мощи и гарантировать политическую свободу всем евразийским народам. В принципе, речь может идти о создании своей евразийской "Трехсто ронней комиссии" с русским, европейским и японским отделениями, в которой будут участвовать, однако, не политики атлантистского и проамериканского толка, а интеллектуальные и политические лидеры националь ной ориентации, понимающие геополитическую логику актуального положения дел в мире. При этом, естественно, в отличие от "Трилатераля" атлантистского, евразийская "Трехсторонняя комиссия" должна иметь в качестве главного представителя Европы не француза, а немца.

Учитывая стратегическую необходимость японского фактора в евразийском проекте, становится совершенно ясно, что вопрос о реституции Курил не является препятствием для русско-японского альянса. В случае Курильских островов, как и в случае Калининградской области, мы имеем дело с территориальными символами Второй мировой войны, альянсы и весь ход которой был полным триумфом атлантистов, расправившихся со всеми своими противниками одновременно путем крайнего истощения СССР (при навязывании ему такой геополитической позиции, которая не могла в перспективе не привести к перестроечному развалу) и прямой оккупации Европы и Японии. Курилы напоминание о нелепой и противоестественной братоубийственной бойне русских и японцев, скорейшее забвение которой является необходимым условием нашего обоюдного процвета ния. Курилы надо вернуть Японии, но это должно осуществляться в рамках общего процесса новой организа ции евразийского Дальнего Востока. Кроме того, реституция Курил не может быть осуществлена при сохране нии существующего расклада политических сил в России и Японии. Это дело лишь евразийских, имперострои тельно ориентированных политиков, которые смогут полноценно отвечать за истинные национальные интересы своих народов. Но понимание геополитической необходимости реституции Курил у евразийской элиты должно присутствовать уже сейчас.

4.4 Ось Москва Тегеран. Среднеазиатская Империя. Панарабский проект

Политика Евразийской Империи в южном направле нии также должна ориентироваться на твердый континентальный альянс с той силой, которая удовлетворяет и стратегически, и идеологически, и культурно общей евразийской тенденции антиамериканизма. Принцип "общего врага" и здесь должен быть решающим фактором.

На Юге Евразии существует несколько геополитиче ских образований, которые могли бы теоретически выступать в роли южного полюса Новой Империи. Так как Индию и Китай следует отнести к зоне Востока и связать с перспективой паназиатской интеграции, то остается только исламский мир, простирающийся от Филиппин и Пакистана до стран "Магриба", т.е. Западной Африки. В целом вся исламская зона является естественно дружественной геополитической реальностью по отношению к Евразийской Империи, так как исламская традиция, более политизированная и модернизирован ная, чем

большинство других евразийских конфессий, прекрасно отдает себе отчет в духовной несовместимости американизма и религии. Сами атлантисты рассматри вают исламский мир в целом как своего потенциального противника, а следовательно, Евразийская Империя имеет в его лице верных потенциальных союзников, стремящихся к единой цели подрыв и в перспективе полное прекращение американской, западной доминации на планете. Было бы идеально иметь интегрированный исламский мир как южную составляющую всей Евразийской Империи, простирающуюся от Средней Азии до Западной Африки, религиозно единую и политически стабильную, основывающую свою политику на принципе верности традиции и духу. Поэтому в дальней перспективе Исламская Империя на Юге ("новый халифат") может стать важнейшим элементом Новой Евразии наряду с Европейской Империей на Западе, Тихоокеанской на Востоке и Русской в Центре.

Однако в настоящий момент исламский мир крайне разобщен и внутри него существуют разнообразные идеологические и политические тенденции, а также противоположные друг другу геополитические проекты. Самыми глобальными являются следующие течения:

1) иранский фундаментализм (континентального типа, антиамериканский, антиатлантистский и геополитически активный),

2) турецкий светский режим (атлантистского типа, акцентирующий пантюркистскую линию),

3) панарабизм, проповедуемый Сирией, Ираком, Ливией, Суданом, отчасти Египтом и Саудовской Аравией (довольно разноплановые и противоречивые проекты в каждом конкретном случае),

4) саудовский ваххабитский тип фундаментализма (геополитически солидарный с атлантизмом),

5) разнообразные версии "исламского социализма" (Ливия, Ирак, Сирия, модели близкие к панарабизму "левого" толка).

Сразу ясно, что чисто атлантистские полюса в исламском мире, будь они "светскими" (как в случае Турции) или исламскими (в случае Саудовской Аравии), не могут выполнять функции южного полюса Евразии в глобальном проекте континентальной Империи. Остается "иранский фундаментализм" и "панарабизм" (левого толка).

С точки зрения геополитических констант, приорите том в этом вопросе обладает, безусловно, Иран, так как он удовлетворяет всем евразийским параметрам это крупная континентальная держава, тесно связанная со Средней Азией, радикально антиамериканская, традиционалистская и акцентирующая одновременно "социальный" политический вектор (защита "мустазафов", "обездоленных"). Кроме того, Иран занимает такую позицию на карте материка, что создание оси Москва Тегеран решает огромное число проблем для Новой Империи. Включив Иран в качестве южного полюса Империи, Россия мгновенно достигла бы той стратегической цели, к которой она шла (неверными путями) несколько столетий выход к теплым морям. Этот стратегиче ский аспект отсутствие у России такого выхода был главной козырной картой атлантистской геополитики еще со времен колониальной Англии, которая полностью контролировала Азию и Восток, пользуясь именно отсутствием у России прямого доступа к южным берегам континента. Все русские попытки выйти в Средиземно морье через Босфор и Дарданеллы были стремлением к соучастию в политической организации прибрежных

районов Евразии, где безраздельно властвовали англичане, легко пресекавшие любые попытки русской экспансии через контроль над этой береговой зоной. Однако, даже если бы России удалось это осуществить, атлантистский контроль над Гибралтаром всегда оставался бы препятствием для действительно крупномасштабных морских операций и не дал бы России подорвать английское могущество. Только Иран, континентально примыкающий к России и выходящий непосредственно в Индийский океан, и тогда и теперь мог и может быть радикальным решением этой важнейшей геополитической проблемы. Получив стратегический доступ в первую очередь, военно-морские базы на иранские берега, Евразия будет в полной безопасности от стратегии "кольца анаконды", т.е. от реализации традиционного атлантистского плана по "удушению" континентальных просторов материка через захват прибрежных территорий по всей протяженно сти Евразии, и особенно на Юге и Западе.

Создание оси Москва Тегеран разом рассекает "анаконду" в самом уязвимом месте и открывает России безграничные перспективы к приобретению все новых и новых плацдармов внутри и вовне Евразии. Это самый существенный момент.

С другой стороны, существует проблема бывшей советской Средней Азии, где сегодня конкурируют три геополитические тенденции "пантюркизм" (Турция, атлантизм), "ваххабизм" (Саудовская Аравия, атлантизм) и "фундаментализм" (Иран, антиатлантизм). По вполне понятным причинам "панарабизма" среди тюркоязычных в большинстве своем народов Средней Азии быть не может. Наличие же параллельно с этим мощной прорусской ориентации также следует принимать в расчет, но трудно себе представить, каким образом эти исламские регионы с пробуждающимся национальным самосозна нием смогут снова примкнуть к России бескровно и безболезненно. Совершенно очевидно, что среди "непромос ковских" тенденций Новая Империя может опираться только на проиранскую ориентацию, которая выведет этот регион из-под прямого или косвенного контроля атлантистов. Одновременно с этим прочная ось Москва Тегеран снимет все противоречия между русофильст вом и исламизмом (иранского типа), сделает из них одну и ту же геополитическую тенденцию, ориентирован ную и на Москву и на Тегеран одновременно. Параллельно с этим такая ось автоматически означала бы прекращение гражданского конфликта в Таджикистане и Афганистане, которые подпитываются только за счет геополитической неопределенности этих образований, раздираемых противоречиями между исламско-иранским фундаменталистским вектором и тяготением к России. Естественно, на фоне такого противоречия обостряются и мелко -этнические трения, а также облегчается деятельность атлантистских "агентов влияния", которые прямо или косвенно (через Турцию и Саудовскую Аравию) стремятся дестабилизировать внутриазиатские пространства в их ключевых центрах.

Иран геополитически и есть Средняя Азия, точно так же, как Германия есть Средняя Европа. Москва как центр Евразии, ее полюс, должна в рамках Новой Империи делегировать Тегерану миссию наведения "иранского мира" (Pax Persica) на этом пространстве, организацию прочного среднеазиатского геополитического блока, способного противостоять атлантистскому влиянию во всем регионе. Это означает, что будет резко прерваны пантюркистская экспансия, а также финансово-политическое вторжение саудитов. Традиционно враждебный и Турции и Саудовской Аравии Иран выполнит эту функцию гораздо лучше, чем русские, которые решат свои геополитические проблемы в этом сложном центре только с помощью стратегической поддержки иранской стороны. Но здесь, как и в случае с Германией, речь не должна идти о создании Иранской Империи или об иранизации Средней Азии. Следует говорить о создании "Среднеази атской Империи", которая на федеральных началах смогла бы интегрировать различные народы, культуры и этносы в единый южный геополитический блок, создав, тем самым,

стратегически однородное, но этнически и культурно многообразное исламское образование, неразрывно связанное с интересами всей Евразийской Империи.

В вопросе оси Москва Тегеран важное место занимает армянский вопрос, так как он традиционно служит центром дестабилизации в Закавказье. Надо заметить, что армяне арийский народ, ясно осознающий свою иафетическую природу и родство с индоевропейскими народами, особенно азиатскими т.е. с иранцами и курдами. С другой стороны, армяне народ христианский, их монофизитская традиция вписывается именно в общий настрой Восточной Церкви (хотя она и признана Православием еретическим течением), и геополитическая связь с Россией осознается ими очень живо. Армяне занимают земли крайней стратегической значимости, так как через Армению и Арцах лежит путь из Турции в Азербайджан и далее в Среднюю Азию. В оси Москва Тегеран Ереван автоматически становится важнейшим стратегическим звеном, дополнительно скрепляющим Россию с Ираном, и отрезающим Турцию от внутриконти нентальных пространств. При возможной переориента ции Баку с Анкары на Тегеран в общем проекте Москва Тегеран быстро разрешится и карабахский вопрос, так как все четыре стороны будут жизненно заинтересо ваны в немедленном установлении стабильности в столь важном стратегическом регионе. (В противном случае, т.е. при сохранении протурецкой ориентации Азербай джана, эта "страна" подлежит расчленению между Ираном, Россией и Арменией.) Почти то же самое относится и к другим регионам Кавказа Чечне, Абхазии, Дагестану и т.д., которые будут оставаться зонами конфликтов и нестабильности только при столкновении в них геополитических интересов атлантистской Турции с евразийской Россией. Подключение сюда иранской геополитической линии мгновенно лишит содержания видимость столкновения между "исламом и православием" на Кавказе, которую пытаются придать конфликтам в этой области турецкие и российские "агенты влияния" атлантизма, и восстановит мир и гармонию.

В данном проекте переустройства Средней Азии следует заметить, что русские этнические интересы смогут быть защищены наилучшим образом, так как Среднеазиатская Империя будет строиться не на основании искусственных политических конструкций, фиктивной "постимперской легитимности", но на основании национальной однородности, что предполагает мирный переход под прямую юрисдикцию Москвы всех территорий Средней Азии (особенно Казахстана), компактно заселенных русскими. А те территории, этнический состав которых спорен, получат особые права на основании русско-иранских проектов в пределах той или иной Империи. Следовательно, путем евразийского геополитиче ского проекта русские смогут добиться того, что представляется целью "малого (этнического) национализма", но что сам этот национализм выполнить никогда не сможет.

Важно учитывать также необходимость навязывания Турции роли "козла отпущения" в этом проекте, так как интересы этого государства на Кавказе и в Средней Азии вообще приниматься в расчет не будут. Более того, вероятно, следует акцентировать поддержку курдского сепаратизма в самой Турции, а также автономистские требования турецких армян, в целях вырвать этнически близкие Ирану народы из-под светско-атлантистского контроля. В качестве компенсации Турции следует предложить или развитие на южном направлении в арабский мир через Багдад, Дамаск и Эр-Рияд, либо провоцировать проиранских фундаменталистов в самой Турции на кардинальное измерение геополитического курса и на вхождение в дальней перспективе в Среднеазиат ский блок под антиатлантистским и евразийским знаком.

Ось Москва Тегеран является основой евразийско го геополитического проекта. Иранский ислам наилучшая версия ислама для вхождения в континенталь ный блок, и именно эта версия должна быть приоритет но поддержана Москвой.

Второй линией евразийского альянса с Югом является панарабский проект, который охватывает часть передней Азии и Северную Африку. Этот блок также жизненно важен для континентальной геополитики, поскольку эта зона является стратегически важной в вопросе контроля над юго-западным побережьем Европы. Именно поэтому английское, а позже американское присутст вие в этом регионе является историко-стратегической константой. Контролируя Ближний Восток и Северную Африку, атлантисты традиционно держали (и держат) континентальную Европу под политическим и экономиче ским давлением.

Однако интеграцию панарабского проекта с общей Евразийской Империей следует доверить сугубо европейским силам, вернувшись к проектам Евроафрики, представляющей собой, с чисто геополитической точки зрения, не два континента, а один. Европейская Империя, жизненно заинтересованная в максимально глубоком проникновении на юг африканского континента, должна в перспективе полностью контролировать, опираясь на панарабский блок, Африку вплоть до Сахары, а в будущем постараться стратегически внедриться на весь африкан ский материк. В перспективе Евроафрики Средиземное море не является подлинным "морем", но лишь внутрен ним "озером", не представляющим собой ни преграды, ни защиты от атлантистского влияния. За пределом арабской Африки следует разработать подробный полиэтни ческий проект, который помог бы переструктурировать черный континент по национально-этническому и культурному признаку, вместо того противоречивого постколониального конгломерата, который представляют собой современные африканские государства. Нюансиро ванный панафриканский (неарабский) национальный проект смог бы стать геополитическим дополнением к плану панарабской интеграции.

Учитывая, что модель чисто иранского фундамента лизма вряд ли сможет стать универсально приемлемой в арабском мире (во многом, за счет специфики шиитской, арийской версии иранского ислама), панарабский проект должен стремиться к созданию самостоятельного антиатлантистского блока, где приоритетными полюсами стали бы Ирак, Ливия и освобожденная Палестина (при определенных условиях также Сирия), т.е. те арабские страны, которые яснее других осознают американскую опасность и радикальнее других отвергают рыночно-ка питалистическую модель, навязываемую Западом. При этом в панарабском проекте "козлом отпущения" станет, в первую очередь, Саудовская Аравия, слишком укорененная в атлантистской геополитике, чтобы доброволь но войти в панарабский блок, дружественный Евразии. В отношении Египта, Алжира и Марокко дело обстоит несколько иначе, так как правящие проатлантистские силы в этих государствах не выражают национальных тенденций, не контролируют до конца ситуацию и держатся лишь на американских штыках и американских деньгах. При начале панарабской освободительной войны на достаточно интенсивном уровне все эти режимы падут в один час.

Но необходимо четко понять, что наиболее гармонич ная конструкция панарабского пространства дело не столько России, сколько Европы, Средней Европы, Германии, а еще точнее, Европейской Империи. Россия (точнее, СССР) вмешивалась в арабские проблемы лишь тогда, когда она сама в одиночку представляла собой евразийское государство перед лицом американизма. При наличии мощной европейской базы евразийской ориента ции, т.е. после создания оси Москва Берлин, эту функцию следует делегировать Берлину и Европе в целом. Непосредственной заботой России в исламском мире должен быть

именно Иран, от союза с которым зависят жизненные стратегические и даже узко этнические интересы русских.

Иран, контролирующий Среднюю Азию (включая Пакистан, Афганистан и останки Турции или "Турцию после проиранской революции") вместе с Россией, является центром приоритетных интересов Москвы. При этом следует употребить традиционное влияние России среди "левых" режимов панарабской ориентации (в первую очередь, Ирак и Ливия) для сближения арабских стран с Ираном и скорейшего забвения искусственного и инспирированного атлантистами ирано-иракского конфликта.

4.5 Империя многих Империй

Новая Империя, построение которой отвечало бы глобальной, планетарной цивилизационной миссии русского народа, есть сверхпроект, имеющий множество подуровней. Эта Новая Империя, Евразийская Империя, будет иметь сложную дифференцированную структуру, внутри которой будут существовать различные степени взаимозависимости и интегрированности отдельных частей. Совершенно очевидно, что Новая Империя не будет ни Русской Империей, ни Советской Империей..

Основным интегрирующим моментом этой Новой Империи будет борьба с атлантизмом и жесткий отпор той либерально-рыночной, "морской, "карфагенской" цивилизации, которую воплощают сегодня в себе США и планетарные политические, экономические и военные структуры, которые служат атлантизму. Для успеха этой борьбы необходимо создание гигантского геополитического континентального блока, единого стратегически . Именно единство стратегических континентальных границ будет главным интегрирующим фактором Новой Империи. Эта Империя будет единым и неделимым организмом в военно-стратегическом смысле, и это будет накладывать политические ограничения на все внутренние подимпер ские формирования. Все блоки, которые будут входить в состав Новой Империи, будут политически ограничены в одном категорическое запрещение служить атлантистским геополитическим интересам, выходить из стратегического альянса, вредить континентальной безопас ности. На этом и только на этом уровне Новая Империя будет целостным геополитическим образованием.

На следующем, более низком, уровне Новая Империя будет представлять собой "конфедерацию Больших Пространств" или вторичных Империй. Из них сразу следует выделить четыре основных Европейская Империя на Западе (вокруг Германии и Средней Европы), Тихоокеанская Империя на Востоке (вокруг Японии), Среднеазиатская Империя на Юге (вокруг Ирана) и Русская Империя в Центре (вокруг России). Совершенно логично, что центральная позиция является в таком проекте главной, поскольку именно от нее зависит территори альная связанность и однородность всех остальных составляющих гигантского континентального блока. Кроме того, отдельные самостоятельные Большие Простран ства будут существовать и помимо указанных блоков Индия, панарабский мир, панафриканский союз, а также, возможно, особый регион Китая, чей статус пока трудно определить даже приблизительно. Каждая из вторичных Империй будет основываться на особом расовом, культурном, религиозном, политическом или геополитическом интегрирующем факторе, который в каждом случае может быть разным. Степень интеграции самих Империй будет также переменной величиной, зависящей от конкретной идеологической базы, на которой та или иная Империя будет создаваться.

Внутри этих вторичных Империй также будет действовать конфедеративный принцип, но уже применитель но к более мелким этническим, национальным и региональным

единицам к тому, что, с большим или меньшим приближением, можно назвать "страной" или "государством". Естественно, суверенитет этих "стран" будет иметь существенные ограничения в первую очередь, стратегические (вытекающие из принципов всей континентальной Новой Империи), а во вторую, связанные со спецификой тех Больших Пространств, в состав которых они войдут. И в этом вопросе будет применен принцип предельно гибкой дифференциации, учитываю щий исторические, духовные, географические, расовые особенности каждого региона.

Великороссы, к примеру, могут рассматриваться как отдельный народ или даже "страна" в рамках Русской Империи, наряду с украинцами, белорусами, возможно, сербами и т.д., но в то же время все они будут тесно связаны с юрисдикцией славянско-православного типа, воплощенной в специфической государственной системе. Одновременно Русская Империя будет зависеть от Евразийской Империи, Новой Империи, стратегические интересы которой будут поставлены выше национально - расовых и конфессиональных интересов восточных православных славян.

То же самое можно сказать, к примеру, и о французах, которые останутся народом или "страной" в рамках Европейской Империи наряду с немцами и итальянца ми, связанными с ними общей европейской имперской традицией, христианской религией и принадлежностью к индоевропейской расе. Но сама Европейская Империя, в свою очередь, будет подчиняться стратегическим императивам всей великоконтинентальной Новой Империи.

Так же дело будет обстоять и в Средней Азии, и на тихоокеанском пространстве, и в арабском мире, и в черной Африке, и в Индии и т.д.

При этом на глобальном уровне строительство планетарной Новой Империи главным "козлом отпущения" будет иметь именно США, подрыв мощи которых (вплоть до полного разрушения этой геополитической конструк ции) будет реализовываться планомерно и бескомпро миссно всеми участниками Новой Империи. Евразий ский проект предполагает в этом отношении евразий скую экспансию в Южную и Центральную Америку в целях ее вывода из -под контроля Севера (здесь может быть использован испанский фактор как традиционная альтернатива англосаксонскому), а также провоцирова ние всех видов нестабильности и сепаратизма в границах США (возможно опереться на политические силы афро-американских расистов). Древняя римская формула "Карфаген должен быть разрушен" станет абсолют ным лозунгом Евразийской Империи, так как он вберет в себя сущность всей геополитической планетарной стратегии пробуждающегося к своей миссии континента.

Конкретика в выяснении статуса того или иного народа, той или иной "страны", той или иной "Империи Больших Пространств" в рамках общего континенталь ного блока станет актуальной только после геополитического объединения, после создания необходимых осей, и лишь тогда евразийские народы и государства смогут решать свои внутренние проблемы совершенно свободно , без давления со стороны атлантистских сил, которые принципиально заинтересованы только в одном не допустить в Евразии мира, гармонии, процветания, независимости, достоинства и расцвета Традиции.

Глава 5. Судьба России в имперской Евразии

5.1 Геополитическая магия в национальных целях

Русские национальные интересы могут быть рассмот рены на нескольких уровнях на глобальном, общепланетарном, геополитическом, цивилизационном (об этом речь шла в предыдущих разделах) и на узконацио нальном, конкретном, социально-политическом и культурном (об этом речь пойдет в данной части). Как соотносятся между собой макропроекты континентального имперостроительства и этническая линия русского народа? Об этом кое-что было уже сказано. Здесь же следует рассмотреть эту проблему более подробно.

"Имперостроительская ориентация", "континента лизм", "евразийство" все эти термины и соответст вующие проекты часто отпугивают тех русских, которые слабо знакомы с символизмом русской истории, не вникают в смысл исторических тенденций нации, привыкли оперировать банальными бытовыми клише при осмыслении того, что такое народ и каковы его интересы. Это порождает множество недоразумений среди самих националистов, провоцирует пустые дискуссии и бессодержательные полемики. На самом деле, специфика русского национализма состоит как раз в его глобально сти он связан не столько с кровью, сколько с пространством, с почвой, землей. Вне Империи русские потеряют свою идентичность и исчезнут как нация.

Однако реализация евразийского плана ни в коем случае не должна привести к этническому размыванию русских как "осевого" этноса Империи. Великороссы нуждаются в поддержании и своей этнической идентично сти, без чего центр континента потеряет свою цивилиза ционную и культурную определенность. Иными словами, в рамках самой наднациональной геополитической Империи должны существовать особые нормы (в том числе и юридические), которые обеспечивали бы русским сохранение этнической идентичности. Специфика Новой Империи должна состоять в том, что при центральной роли русских в деле геополитической интеграции это не должно сопровождаться "русификацией" нерусских территорий, поскольку такая "русификация", с одной стороны, извратит смысл Империи, сведя ее до уровня гигантского "государства- нации", а с другой стороны, растворит русскую общность в иной национальной среде.

В отношении русского народа в рамках континенталь ного блока следует подчеркнуть, что его роль будет не "изоляционистской" (вопреки проектам "малого национализма") и не этноэкспансионистской (вопреки "этническим империалистам" и, отчасти, славянофилам). Из двух этих проектов надо взять отдельные стороны, отбросив другие. На уровне стратегическом речь действи тельно пойдет об "экспансионизме", но не этнического, а геополитического характера, что заведомо исключает любые формы русского или славянского расизма. На чисто этническом уровне, напротив, должен реализоваться в той или иной степени "изоляционистский" вариант, при отбрасывании изоляционизма политического и государственного. Русские будут существовать как единая национальная общность в пространстве сверхнациональ ного имперского комплекса. Этническая реальность будет консолидироваться в пределах народа, а сверхэтни ческая миссия будет выражаться в пределах Империи. Только при таком сочетании можно достичь одновременно и сохранения здорового национального ядра и максимального расширения геополитического влияния. Иными словами, национальный фактор будет определяться исходя из совершенно нового сочетания этнического и политического, которого не было ни в одном из предшествующих этапов национально-

государственной истории русских. Этническая однородность существовала на Руси лишь на ранних этапах государственности в пределах довольно ограниченных территорий. Царистская модель была основана на принципе определенной "русификации", а Советы, расширяя геополитические пределы России, напротив, пренебрегали этническим качеством русского народа. В Новой Империи эти факторы должны выступить в новой пропорции, соответствующей современным геополитическим и этнографическим условиям, а также необходимой для установления стабильного этнополи тического равновесия в русском народе.

Русские в Новой Империи выступают одновременно в двух ролях:

1) как один из больших народов, являющихся политическими субъектами Федеративной Империи Наций,

2) как инициатор континентальной интеграции в эту Федеративную Империю Наций.

Следовательно, русские оказываются в привилегированном положении, так как, с этнической стороны, будучи одним из нескольких более или менее равных этнических компонентов Империи, они геополитически становятся в центре всего политического процесса. Такая двойная функция позволяет в ходе осуществления одного и того же имперостроительного действия одновремен но увеличить свое внеэтническое влияние и консолиди ровать внутриэтнические силы. Имперостроительство является единственным способом сохранить, усилить и объединить русский этнос, не прибегая при этом к межнациональным конфликтам, войнам, пересмотру политических границ. Все политические границы Евразии в процессе построения Новой Империи будут постепенно отменены как политические рубежи, и вместо них возникнут естественные, органические этнические границы, не имеющие того строго разделительного значения, как это имеет место в случае границ государственных. Эти этнические границы не будут иметь ничего общего с тем, что понимается под словом "граница" в современной ситуации, так как они будут проходить по этнокультурно му, конфессиональному признаку, не предполагающему политической доминации над меньшинствами уже по той причине, что эти этнообразования не будут иметь полноценного политического суверенитета, будучи ограниченными стратегическими интересами всей Империи, которая, в свою очередь, жизненно заинтересована в поддержании в своих пределах мира и гармонии. Иными словами, русские в рамках такой Империи не обретут своего национального государства как политического выражения этнической общности, но обретут националь ное единство и гигантское континентальное государст во, в управлении которым они получат центральную роль.

Уже само выдвижение такого проекта сразу снимает угрозу тех потенциальных конфликтов, которые зреют в силу разделенности русских в настоящее время по различным новорожденным "государствам" в рамках СНГ. Имперостроительный вектор мгновенно переводит проблему соотношения русских и казахов в Казахстане, или русских и украинцев на Украине, или русских и татар в Татарстане в совершенно иную, нежели этническая, плоскость. Это соотношение перестает быть политико-госу дарственной проблемой, которая может разрешиться только при нанесении определенного политико- территориаль ного ущерба той или иной стороне (к примеру, этническое деление Казахстана, сепаратизм в рамках РФ, военное подавление Чечни, конфессиональное и националь ное дробление Украины, проблема Крыма и т.д.), и становится вопросом сосуществования различных этносов в рамках единого политического пространства. А в таком случае этническая консолидация, скажем, русских в Казахстане с русскими в пределах РФ не будет рассматри ваться как подрыв политического суверенитета

"казахского национального государства" в пользу "русского национального государства", а станет органичным культурно-этническим процессом, не ущемляющим, но и не возвышающим ни одну из сторон по той причине, что никакого "казахского национального государства" или "русского национального государства" просто не будет существовать. Советская модель в чем-то была схожа с этим проектом, но с одной важной оговоркой понятие "этноса" рассматривалось в ней как некий рудимент, как исторический атавизм, лишенный к тому же статуса внутриполитического субъекта. В рамках Новой Империи, напротив, этнос, не имея прямого государственного выражения, будет признан главной политической ценностью и верховным юридическим субъектом во всех внутриимперских вопросах.

Резюмируя это вопрос, можно сказать, что операции с глобальными геополитическими проектами, на первый взгляд, не имеющими никакого отношения к достижению узкоэтнических целей русских, на самом деле, приведут к наилучшему удовлетворению и этих конкретных национальных целей. Отказываясь от недостаточного и слишком малого ("русское государство в рамках РФ"), не пытаясь путем завоеваний и аннексий увеличить это малое в кровопролитной, братоубийственной войне, предлагая народам Евразии строительство континентально го блока на равных условиях, русские смогут приобрести то большое и достойное их, что в противном случае останется навсегда недостижимой мечтой.

Отказавшись от этнического государства, мы обретем единство народа и Великую Империю. В нынешних условиях только таким образом и никак иначе можно не только спасти русский народ от политической немощи и этнического вырождения, пробудить его во всем его грандиозном объеме для планетарных свершений и воздать ему наконец то, что он на самом деле заслуживает.

5.2 Русский национализм. Этническая демография и Империя

Русский народ, в узко этническом смысле, находится в тяжелом демографическом положении. В далекой перспективе это грозит страшными последствиями как для самой нации, так и для будущей Империи, поскольку замещение русских как основного носителя континен тального объединений какой-то иной нацией неминуемо приведет к отклонению континентального блока от своей естественной цивилизационной миссии, породит хаос и конфликты в Евразии, лишит геополитическую структуру важнейшего культурно-политического компонента.

Такое слабое демографическое положение русских особенно тревожно в сравнении с демографическим ростом евразийского Юга, который, напротив, бурно развивается в количественном смысле. Если эти тенденции будут сохраняться в существующей пропорции, неизбежно произойдет вытеснение русских с центральных позиций в Империи, размывание однородности нации и либо поглощение этноса в море южных народов, либо его превращение в реликтовый остаток, достойный существо вания лишь в резервации. К этому следует добавить отсутствие компактного заселения русскими значительных евразийских пространств, контролируемых ими лишь политически и административно. Этот последний фактор может послужить причиной нарушения этнического баланса в Евразийской Империи и подтолкнуть бурно развивающиеся в демографическом смысле народы Юга к национальной экспансии на русские территории (особенно это касается Сибири и Дальнего Востока).

Эту проблему следует решать немедленно, но при этом надо особенно подчеркнуть, что ее решение должно не предшествовать созданию Империи и не следовать за этим созданием. Реализация геополитических планов с самого начала обязана синхронно сопровождаться действия ми, направленными на демографический рост русских и на их этническую перегруппировку с целью компактно освоить полноту "жизненного пространства" нации. Достичь этой цели можно исключительно политическими методами, которые должны и привести непосредственно к искомому результату и предопределить экономические меры в этой области.

Политическое решение может быть только одно выдвижение на первый план концепций русского национализма . Этот национализм, однако, должен использо вать не государственную, а культурно-этническую терминологию с особым ударением на такие категории как "народность" и "русское православие". Причем этот русский национализм должен иметь совершенно современ ное звучание и избегать любых попыток прямой реставрации тех форм, которые исторически себя исчерпали. Именно национализм народнического, этнического, этико-религиозного типа, а не "государственность" и не "монархизм" должны быть приоритетными в данной ситуации. Следует внушить всем русским основную идею, что личная самоидентификация каждого отдельного человека есть второстепенная, производная величина от самоидентификации национальной. Русские должны осознать, что, в первую очередь, они являются православными, во вторую русскими и лишь в третью людьми. Отсюда и иерархия приоритетов как в личной, так и в общественной жизни. Выше всего православное самосозна ния нации как Церкви, затем ясное понимание неделимости, целостности, тотальности и единства русского этнического организма, состоящего не только из живущих, но и из предков и грядущих поколений, и лишь потом, в последнюю очередь, переживание конкретной личности как самостоятельной атомарной единицы.

На практике осуществление такого национализма в политике должно означать тотальное воцерковление русских и превращение всех культурных институтов в продолжение Единой Церкви, не в организационно-админи стративном, но в духовном, интеллектуально-этическом плане. Такое воцерковление должно лишить культуру и науку их профанической оторванности от бытийных основ, вовлечь их в процесс духовного домостроительства, превратить прагматическое и децентрализированное техническое развитие в реализацию центрального промыслительного завета Церкви, в подчиненный инструмента рий сверхматериального плана. Лишь таким радикаль ным образом русские могут быть реально возвращены в лоно Церкви, которая лежит в основе их исторического национального бытия и которая в основных чертах сформировала то, что в самом высоком смысле называется Русским. Именно тотальная реставрация православного мировоззрения со всеми вытекающими из него последст виями способна вернуть народ к его духовному истоку. Всякое относительное возрождение Церкви как узкокон фессиональной, религиозной структуры, всякая ограничивающаяся культами и внешней обрядностью реставрация будут недейственны. Воцерковлению в рамках русского национализма подлежат не индивидуумы, но вся русская культура, наука, мысль вместе взятые. Только таким образом коллективному самосознанию нации будет придана духовная вертикаль, которая, в свою очередь, превратит проблему демографического роста в некое духовное задание на основе православной этики, запрещающей, например, контрацепцию и аборты.

Следующий уровень это собственно этническое самосознание, представление о народе как о едином теле и единой душе. Причем бытие этого единого организма должно пониматься как нечто сверхвременное, не ограниченное ни пространственными, ни временными категориями. Русский национализм должен апеллировать не только к настоящему нации, но и к ее прошлому и ее будущему, взятым одновременно, как

совокупность единого духовного существа. Это "существо" великий русский народ в его сверхисторической тотальности должно осознаваться каждым русским и узнаваться в самом себе. Факт принадлежности к русской нации должен переживаться как избранничество, как невероятная бытийная роскошь, как высшее антропологическое достоинство. Пропаганда этой национальной исключитель ности (без малейшего налета ксенофобии или шовиниз ма) должна стать осью политического воспитания народа. В первую очередь, демографический всплеск будет обеспечен идеологически, культурно, этически. Народу следует внушить мысль, что рождая русского ребенка, каждая семья участвует в национальной мистерии, пополняя духовное и душевное богатство всего народа. Дети должны пониматься как общенациональное достояние, как физическое выражение внутренней энергии великого народа. Русский ребенок должен пониматься вначале именно как русский , а потом уже как ребенок.

Учитывая тяжелое демографическое состояние сегодняшнего дня, начать национальную пропаганду надо как можно быстрее и использовать при этом любые политические и идеологические методы. При этом необходимо до предела нагнести националистические тенденции, спровоцировав драматическое и быстрое пробужде ние великого и мощного этноса.

Надо заметить, что никакие экономические меры сами по себе никогда не дадут положительного демографи ческого результата без соответствующего религиозно-эти ческого и идеологического обеспечения. Демографический спад можно остановить до нуля, а затем спровоцировать обратный процесс только с помощью соответствующей идеологии, которая сосредоточила бы основное внимание на изменении сознания народа, на преображении его мышления, на внедрении в повседневную сферу сотен и тысяч символов, явно или неявно ориентирующих людей на национальные интересы. В рамках русского этноса русский национализм должен быть единственной и тотальной идеологией, могущей иметь свои различные версии и уровни, но всегда остающейся постоянной во всем, что касается постановки категории "нации" над категорией "индивидуальности". В конечном счете, должен быть выдвинут радикальный лозунг: "нация все, индивидуум ничто".

Эта политическая ориентация на национализм должна быть подкреплена и мерами чисто экономического характера, так как для осуществления национальной цели необходимы также чисто материальные инструмен ты. Будет оказана поддержка матерям, многодетным семьям, обеспечены социальные условия содержания работающим мужчиной большой семьи. Но этот экономи ческий компонент будет иметь эффект только при условии доминации национальной идеологии, которая должна не просто экономически поддержать демографический рост русских, но в целом сориентировать экономику в сугубо национальном ключе, поставить материальные интересы этноса выше индивидуальных интересов личности. Иными словами, экономическая поддержка рождаемо сти является частным случаем общей тенденции в экономике, которая вся в целом должна выводиться как раз из национальных интересов, а не из индивидуали стических эгоистических мотиваций или утопических абстракций.

Обращение к националистической идеологии, на первый взгляд, казалось, должно было бы спровоцировать этнические конфликты, ухудшить межнациональные отношения русских с соседними этносами, породить множество неразрешимых противоречий. Так бы, действи тельно, и произошло, если бы русский национализм распространял свои претензии на государственность в классическом смысле этого понятия. В русском национали стическом православном государстве вряд ли захотели бы жить представители других этносов и конфессий. Но жить рядом с русским православным народом,

исповедующим национальную идеологию, в рамках единой континентальной Империи, объединенной геополитически и стратегически, но гибкой и дифференцированной во внутреннем устройстве, напротив, не представляет никаких затруднений для кого бы то ни было, так как всегда будет наличествовать высшая инстанция, перед лицом которой этно-религиозные общины имеют равный статус и которая руководствуется беспристрастными принципами имперской гармонии и справедливости. Проект Новой Империи на этническом уровне заключается именно в том, что не только у русского народа должна восторжествовать и утвердиться ярко выраженная националь но- религиозная идеология, но это относится и ко всем остальным народам, которые войдут в состав Империи. Таким образом, возникнет конгломерат "позитивных национализмов" с общим знаменателем вертикалью имперской ориентации.

Важно, что только таким образом самый радикаль ный русский национализм сможет реализоваться в полной мере, так как основные преграды для его развития в таком случае будут устранены ни один из соседних народов не почувствует себя униженным или подавлен ным русской нацией, так как культурно-этнические и конфессиональные границы между народами Империи не будут иметь никакого политического значения. Русские будут жить в своей национальной реальности, татары в своей, чеченцы в своей, армяне в своей и т.д. даже в том случае, если речь будет идти об этнических анклавах или национальных меньшинствах среди иного народа. Национализм, свободный от проблемы государственности и границ, только укрепит взаимопонимание наций, предоставив им как свободу контактов друг с другом, так и свободу этнической изоляции.

Для выживания русского народа в нынешних трудных условиях, для демографического взлета русской нации, для улучшения ее тяжелейшего положения в этническом, биологическом и духовном смыслах необходимо обращение к самым радикальным формам русского национализма , без чего все технические или экономиче ские меры останутся бессильными. Но этот национализм будет возможен лишь в органичном единстве с принципом геополитической континентальной Империи.

5.3 Русский вопрос после грядущей Победы

Видимо, с теоретической точки зрения, следует рассмотреть то положение русских, в котором они окажутся после возможной победы Евразийской Империи над атлантизмом. Конечно, это настолько далекая перспектива, что всерьез разбирать те проблемы, которые возникнут в таком случае, сейчас почти бессмысленно. Однако надо учитывать, что коллапс атлантизма может произойти почти мгновенно на любом этапе евразийско го империостроительства, поскольку геополитическая устойчивость Запада основана исключительно на правильном и умелом оперировании с геополитическими категориями, а отнюдь не на реальной индустриальной, экономической или военной мощи. Атлантистская конструк ция на деле является крайне хрупкой, и стоит только выбить из нее одну из стратегических осей, к примеру Среднюю Европу, Тихоокеанский ареал или евразийский континентальный Юг, как рухнет все гигантское здание атлантизма, столь могущественного и устойчивого на первый взгляд. В тот момент, когда геополитическая стратегия "Трехсторонней комиссии" будет хотя бы в некоторой степени блокирована альтернативным евразийским проектом, можно ожидать серьезного сбоя в функционировании всего атлантистского комплекса, причем далее события могут разворачиваться стремительно и обвально, как это было в случае с распадом Советской Империи и ее сателлитов. Поэтому, хотя победа над атлантизмом и является крайне далекой перспективой, следует сформулировать несколько тезисов, относительно положения русских в гипотетическом постатлантистском мире.

В первую очередь, следует подчеркнуть, что геополитическое поражение США поставит перед самой Евразийской Империей множество проблем. В этот момент исчезнет тот главный фактор, который лежит в основе проекта геополитического объединения наций и народов в Новую Империю исчезнет принцип "общего врага". Эта консолидирующая энергия потеряет свое значение, и даже сам смысл дальнейшего существования Евразий ской Империи будет поставлен под сомнение. В такой ситуации может начаться переход от нового двуполяр ного устройства мира Евразия против Атлантики к многополярной модели. При этом необходимо акцентировать тот факт, что многополярная модель станет возможной только после победы над атлантизмом, и никак не ранее. Пока атлантизм как сила, претендующая на универсальность, существует, ни о каком многопо лярном устройстве не может идти и речи. Лишь в рамках Новой Империи, в рамках глобального евразийско го проекта и в ходе стратегического противостояния атлантизму могут сложиться объективные предпосылки для возникновения более или менее сбалансированной многополярности и никак не до этого. Зародыши многополярности сформируются лишь при реализации той дифференцированной имперской модели, которая утвердит статус политического субъекта за некоторыми органиче скими, культурно-духовными категориями народ, этнос, религия, нация вопреки ныне существующей доминирующей системе, где речь идет только о правовом статусе государств и отдельных личностей ("права человека"). "Столкновение цивилизаций" (по выражению Хантингтона) в многополярном мире будет реальностью только в том случае, если эти цивилизации смогут утвердиться и отвоевать себе право на существование в контексте антиатлантистского стратегического альянса. В настоящее же время есть только одна "цивилизация" атлантистская, западная, либерально-рыночная, противостоящая всем остальным историческим органическим культурным моделям.

Крах атлантизма поставит народы Новой Империи, ее отдельные сектора перед серьезной проблемой: сохранять ли дальше геополитическое единство или закрепить крупные цивилизационные блоки внутри Империи как самостоятельную геополитическую реальность? Но в любом случае национальные различия народов и конфессий выдвинутся при этом на первый план.

В таком случае, наилучшим вариантом было бы сохранение имперской структуры как наиболее гармонич ной системы разрешения всех внутренних противоречий. По аналогии с некогда существовавшей доктриной Jus Publicum Europeum, т.е. "Гражданского Европейского Закона", общего для всех народов Европы, Евразийская Империя в постатлантическую эпоху могла бы основываться на сходной, но расширенной доктрине Jus Publicum Euroasiaticum. Утратив свое военно-стратеги ческое значение, имперский континентальный комплекс мог бы выступать в качестве высшей юридической инстанции, что сняло бы напряжение между евразийскими нациями, связь которых после победы над "общим врагом" неминуемо ослабнет. Такой выход был бы идеальным.

Но можно предполагать и распад континентального единства и образование на евразийских пространствах нескольких цивилизационных блоков русско-славян ского (шире православного), европейского, дальневосточ ного, среднеазиатского, исламского и т.д. Соотношение каждого из них с остальными, и даже их границы и структуры, сейчас, естественно, невозможно предвидеть. Однако в такой гипотетической перспективе в проект устройства русской нации уже сегодня должна быть заложена модель, учитывающая в отдаленном будущем (и только после конца атлантизма) самостоятельное участие русских в мировой истории, вернувшейся к своему органическому и естественному ходу после длительного периода атлантистской аномалии. В таком случае русской нации надо быть готовой и к созданию своей собственной государственности или

к формированию более широкого естественного этно-государственного образования, скрепленного единством традиции, культуры, религии, судьбы. Вопрос о русском государстве может встать в полной мере, но это относится исключительно к постевразийскому периоду, который сам по себе проблемати чен и гипотетичен.

Но уже в настоящий момент русские должны бросить все силы на национальную консолидацию, духовное, культурное и религиозное возрождение народа, на его окончательное становление и полноценное пробуждение с тем, чтобы в будущем (если потребуется) он смог отстоять свою национальную Истину не только от врагов, но и от союзников по имперостроительству, обладающих своим собственным исторически предопределенным национальным мировоззрением. Русские не просто должны сохранить свою идентичность в имперском контексте, они должны ее утвердить, раскалить и предельно углубить. И в дальней перспективе после краха атлантизма русским надо быть готовыми к отстаиванию своей собственной цивилизационной миссии, к защите своего универсального промыслительного национального пути.

Как бы то ни было, русские в любом случае окажутся на стратегически центральном месте в евразийском имперском пространстве, и следовательно, в вопросе цивилизационных приоритетов Империи в постатлантистский период (если Империя все же сохранится) они окажутся в привилегированном положении. Следовательно, в какой-то степени вся эта Империя будет связана с Русской Идеей, которая, действительно, эсхатологична и универсальна по определению, слита с гигантскими пространствами и космическим чувством. Если же континентальный блок станет распадаться на составляющие, русские, восстановившие свои силы благодаря национа листическому периоду и энергичному процессу имперостроительства, окажутся снова в геополитически выгодном положении, занимая центральную позицию среди освобожденных народов и государств континента, что сделает возможное Русское Государство, Русскую Империю, устойчивой и стабильной геополитической реальностью, основанной на прочной национальной почве.

Обе эти возможности следует учитывать уже сегодня.

Глава 6. Военные аспекты Империи

6.1 Приоритет ядерного и межконтинентального потенциала

В военно-стратегическом смысле Новая Империя может быть реально создана лишь при условии сохране ния ядерной мощи бывшего СССР, а также всех видов стратегических и космических вооружений в руках евразийского блока. Это главное условие не только для дееспособности грядущего континентального образования, но и для самого его создания, так как интеграция государств и "больших пространств" вокруг России, утверждение главных осей Евразии реализуются лишь при наличии у Москвы стратегического потенциала, который будет основным гарантом серьезности всего проекта. Именно сохранение стратегического баланса между атлантизмом (НАТО) и Россией (военно- стратегической наследницей СССР и полюсом нового евразийского блока) делает политические планы Новой Империи серьезными и практически достижимыми.

В настоящий момент стратегический потенциал бывшего СССР еще сохраняет свою пропорциональную сопоставимость с НАТО в сфере ядерного вооружения, атомных подводных лодок, некоторых военно-космиче ских программ, в вопросе стратегической авиации. Как только этот баланс однозначно сместится в пользу атлантистов, евразийская Империя станет невозможной, Россия окончательно превратится в простую "региональную державу", а следовательно, резко сократит свою территорию и масштабы влияния. После этого никакие геополитические оси и политические проекты не смогут ничего изменить. Лишь на данном этапе, пока расклад сил "холодной войны" в стратегической сфере еще не изменился необратимо, геополитика и политика России действительно имеют решающее значение и континенталь ный вес. Фактически, возможность свободного и независимого геополитического проектирования напрямую зависит от сохранения стратегической сопоставимости русского и атлантистского потенциалов. Как только эта пропорция резко нарушится, Россия превратится из субъекта геополитики в ее объект . В этом случае русским останется лишь лавировать в навязанной извне ситуации, выбирая роли и приоритеты в сущностно "не своей" игре.

Такое положение дел делает евразийский проект напрямую связанным с качеством и потенциалом русской (бывшей советской) армии. И автоматически из этого можно сделать вывод армия в таких условиях ни в коем случае не должна зависеть от сиюминутной политической ситуации в Москве. Напротив, само качество армии (естественно, в первую очередь, в вопросе стратеги ческих вооружений) является основой всей русской политики, ее осью, а следовательно, структура армии должна предопределять общие контуры этой политики, утверждать сугубо политические ориентиры. Пока стратеги ческий баланс в какой-то мере сохраняется, армия будет оставаться важнейшим фактором русской политики, так как сам политический статус страны, ее вес, ее возможности и ее будущее в такой ситуации напрямую зависит именно от ВС.

В данный момент в русской армии под давлением атлантизма происходит очень опасный процесс переориентации всей военной доктрины с континентально-со ветской структуры на регионально-локальную. Это означает, что в качестве "потенциального противника" России начинают рассматриваться более не США и страны НАТО, но пограничные с Россией страны, а также внутренние регионы РФ, могущие обратиться к сепаратизму. Такой поворот новой военной доктрины фактически полностью противоположен единственно разумной, с геополитической точки зрения, позиции ВС, так как "потенци

альными противниками" в данном случае становятся именно те страны, которые логически должны были бы стать естественными "союзниками" русских. Иными словами, "потенциальные союзники" рассматриваются в роли "потенциальных противников", а главный геополити ческий "потенциальный противник" России атланти ческий блок вообще сбрасывается со счетов.

Военный вопрос находится в прямой зависимости от геополитического выбора. Если Россия мыслит свое будущее как Империя, как интегратор и полюс нового континентального блока, ее ВС должны с необходимостью приоритетно ориентироваться на ядерное и стратегиче ское вооружение в ущерб более локальным формам вооружения. Основные военные действия в имперском плане будут развиваться в перспективе "войны континен тов", и следовательно, особую роль приобретают межконтинентальные ракеты (в первую очередь, с ядерными боеголовками), стратегическая авиация, авианосцы и атомные подводные лодки, а также все формы космических военных программ, разрабатывавшихся как альтернати ва СОИ. Приоритет именно таких видов вооружений как нельзя лучше способствовал бы континентальной интеграции и делал бы альянс с Россией привлекательным и фундаментальным для остальных евразийских блоков и стран. Именно такие виды вооружения напрямую связаны с возможностью России разыгрывать геополитиче скую карту на уровне континента, а следовательно, на более конкретном плане решать попутно и экономиче ские проблемы на основе сотрудничества с развитыми регионами Средней Европы и Японией. Не следует забывать, что именно ядерный фактор, преподанный США как "гарант защиты Запада и демократии от советского тоталитаризма", был основным движущим мотором американской экономики в послевоенный период, когда экономические сильные, но военно-политически слабые страны Запада (и Япония) были вынуждены субсидировать американскую экономику и промышленность в обмен за стратегическую опеку Pax Americana. В некотором смысле, Россия уже в настоящий момент может предложить нечто аналогичное как Европе, так и Японии, с тем дополнением, что в интересах России способствовать политическому созреванию этих двух "потенциальных Империй", а не ослаблять и жестко контролировать их, как это имеет место в случае американской, атлантической доминации. Даже на чисто прагматическом уровне, преодоление экономического кризиса в России возможно только при активном геополитическом использовании стратегического фактора и соответствующих видов вооружений. Чтобы получить "больше хороших товаров", проще не перепрофилировать ВПК на изготовление кастрюль, а продолжать и интенсифицировать изготовле ние авианосцев и атомных подводных лодок. При соответствующем политическом обеспечении несколько подводных лодок могут принести России целые страны с развитой промышленностью, причем сугубо мирным путем, тогда как перестроив военные заводы на выпуск стиральных машин, Россия нанесет себе непоправимый экономический ущерб.

Перепрофилирование армии в целом на "региональ ный" манер означает развитие всех нестратегических, обычных видов вооружения. Если провести такую военную реформу разумно и последовательно (во что в наших условиях верится с трудом), то русские получат эффективную мобильную армию, готовую к боевым действиям в континентальных условиях и способную решать успешно и беспроблемно военные конфликты масштаба Афганистана, Таджикистана или Чечни. Неэффективность советских войск в локальных конфликтах, которую можно было наблюдать в афганской войне и в перестроеч ных конфликтах, была результатом стратегического приоритета в строительстве ВС СССР, который ориентиро вался на глобальный ядерный конфликт, а не на локальные войны малой и средней интенсивности. Это закономерно. Перестройка в армии с приоритетом "региональной ориентации", т.е. выбор в качестве основной цели именно успешные военные действия в рамках "войн малой и средней интенсивности",

неминуемо приведет к разрушению стратегических вооружений, так как ни одна армия сегодня, даже в самой богатой и развитой экономически стране к примеру, США не способна эффективно проводить свое строительство сразу в двух направлениях стратегическом и региональном. (Недееспособность американцев в локальных конфликтах была уже не раз продемонстрирована начиная с Вьетнама и кончая Югославией и Сомали.) Поэтому, на первый взгляд, "позитивное" преобразование армии, якобы отвечающее духу времени, в далекой перспективе означает конец стратегической безопасности русских, потерю каких-либо серьезных гарантий территориальной целостности РФ и полную невозможность каким-то образом улучшить свое геополитическое состояние в будущем.

Русские национальные интересы заключаются сегодня в том, чтобы любой ценой сохранить свой стратеги ческий потенциал на межконтинентальном уровне, т.е. остаться "сверхдержавой", хотя и в урезанном, редуциро ванном варианте. Для обеспечения этого условия можно пожертвовать всем идти на любые политические, геополитические, экономические и территориальные компромиссы. При сохранении стратегического потенциала любая сегодняшняя уступка будет пересмотрена в пользу русских завтра. Пока все остается по-прежнему, все политические шаги российского руководства в пользу Запада остаются теоретически обратимыми.

Судьба русских и их грандиозного будущего заключается сегодня не в том, сколько русских оказались вне РФ, и не в том, какое у нас политическое или экономиче ское положение в данный момент, а в том, будет ли у нас достаточный уровень вооружений для того, чтобы военным образом отстоять свою независимость от единственного и естественного "потенциального врага" России от США и североатлантического блока. Все остальные вопросы вытекают отсюда. На этом же основывает ся и однозначное определение того, возможна ли еще реализация глобального евразийского имперского проекта или уже нет.

6.2 Какие ВС нужны великой России?

Иерархия развития военного комплекса в перспекти ве создания Евразийской Империи ясно вытекает из основных геополитических положений:

1) Приоритетом пользуются космические виды вооружений, которые имеют такой потенциальный масштаб территориального воздействия, что традиционные формы обеспечения военной безопасности государства или блока государств перед ними отступают, полностью теряя эффективность и значение. Разработки русского варианта СОИ имеют здесь центральное значение. Также крайне важны разработки "атмосферического" оружия и эксперименты с неортодоксальными типами вооружений, связанными с воздействием на психический компонент человека. Эта затратная и наукоемкая сфера вооружений, практически неприменимых при этом в локальных конфликтах, на самом деле, является самой главной осью подлинной безопасности государства и нации. Без этих исследований и соответствующих результатов, народ оказывается практически незащищенным перед лицом "потенциального противника", и все вопросы "независимо сти", "суверенитета" и "геополитических проектов" отпадают сами собой.

2) Далее следует ядерное оружие на воздухоносите лях ракетный потенциал и стратегическая авиация. Эта межконтинентальная сфера вооружений, нацеленная на потенциальный конфликт с атлантистским полюсом, создает постоянную угрозу тем регионам, которые надежно защищены морскими границами от всех остальных

форм военного вторжения. Неслучайно, именно развитие советского ракетостроения вызвало такую панику в свое время в США, и именно успехи в этой области позволили СССР и Варшавскому договору просуществовать так долго после Второй мировой войны, несмотря на предельно невыгодную геополитическую ситуацию с сухопутными границами. Только межконтинентальные виды вооружений делали СССР в некотором приближении "континентом", что давало определенные основания для стратегического паритета с настоящим континентом США.

3) Следующим уровнем важности надо считать ВМФ. Этот вид вооружений так же, как и межконтинентальные ракеты и стратегическая авиация, призван выполнять глобальные военные задачи при столкновении с "потенциальным противником" N1 США. При этом в перспективе создания континентального блока ВМФ России должен стать отправной точкой для создания гигантской системы стратегических портов как на Юге, так и на Западе (чего Россия и СССР были традиционно лишены). Авианосцы и атомные подводные лодки играют в этом первостепенное значение. ВМФ должен структурно ориентироваться на ведение боевых действий в морских условиях и в прибрежных зонах, т.е. в пространстве максимально удаленном от сухопутной базы. Это должно стать приоритетной формой боевых действий в потенциальном военном конфликте, так как основной императив успешной стратегии заключается, как известно, в ведении боевых действий либо на территории потенциального противника, либо на нейтральной территории. При этом заранее надо предусмотреть геополитическую и стратегическую специфику адаптации существующей модели ВМФ к условиям южных морей и океанов, а также к западной Атлантике. Черноморский флот и флот балтийский рано или поздно утратят свое значение для России как Империи, поскольку они являются важными стратегическими пунктами только для "региональной державы", становление которой уже само по себе равносильно для России стратегическому самоубийству.

Поэтому контроль над Индийским океаном и Атлантикой гораздо важнее для континентального блока, чем второстепенные порты, легко замыкающиеся проливами или узким перешейком между Балтикой и Северным морем. ВМФ в целом должен ориентироваться, скорее, на дальневосточные и североморские образцы, аналоги которых Россия должна быть готова воспроизвести, когда придет время, в Индии, Иране и Западной Европе, так как именно эти территории являются подлинными геополитическими границами имперской (а не региональной!) России.

4) Сухопутные войска имеют в имперской перспективе наименьшее значение и призваны играть скорее роль "внутренних войск", чем действительно важной стратегической величины. В реальном межконтинентальном конфликте сухопутные войска должны исполнять лишь вспомогательную функцию этим и определяется их место в иерархии военного строительства. Единственным исключением являются в данном вопросе воздушно-десантные войска и спецназ, которые в силу своей мобильности и несвязанности с сухопутными континентальными базами могут принимать активное участие в серьезных межконтинентальных операциях. Соответственно, ВДВ надо наделить приоритетом перед иными сухопутными секторами армии.

Такая структура ВС России и будущей Новой Империи в общих чертах воспроизводит сугубо советскую модель армии в послевоенный период. Последняя явилась результатом естественного геополитического процесса, который яснее всего осознавался именно

армейским руководством, дававшим адекватный ответ на саму геополитическую логику истории, в то время как политические и идеологические клише не позволяли партийным руководителям СССР поступать в согласии с единственной, само собой напрашивавшейся, логикой государственного и стратегического развития Советского Государства. Перспектива геополитического и стратегического экспансио низма вписана в саму основополагающую структуру географического положения России, и именно армия понимала это полнее и отчетливее других. Поэтому ВС СССР в общем смысле двигались в совершенно правильном направлении и в определении "потенциального противника", и в выборе приоритетов развития тех или иных видов вооружений, и в техническом оснащении армии новейшими технологиями. При этом, однако, чрезмерное идеологическое давление и общее обветшание позднесо ветского общества сказались и на ВС, которые, казалось, мгновенно забыли о своей собственной логике и своих собственных интересах (совпадающих с национальными интересами всех русских в вопросе свободы и безопасно сти нации), и частные погрешности отвлекли внимание от основных стратегических вопросов.

Актуальная перестройка армии, исходящая из концепции "Россия региональная держава", фактически переворачивает ту иерархию, которая должна существо вать в Новой Империи и которая существовала в общих чертах в ВС СССР.

В "региональной" армии РФ приоритет отдается сухопутным войскам, хотя ВДВ также несколько выделены из остальных родов войск.

Далее следует ВМФ, причем конверсия и сокращение осуществляются, в первую очередь, за счет авианосцев и атомных подводных лодок, а вокруг Черноморского флота, практически лишенного стратегической значимости, поднимается скандал между Москвой и Киевом, вообще не имеющий никакого исхода, так как изначальные термины и цели в корне неверны.

Еще меньше внимания уделяется авиации и ракетостроению, а стратегическая авиация и межконтиненталь ные ракеты вообще уничтожаются. Параллельно реализуется отказ от ядерного оружия.

Программы развертывания космических видов вооружения, совершенно излишних в региональных конфликтах, замораживаются и свертываются, поскольку в узко "региональной" перспективе они представляют собой только гигантскую и бессмысленную статью расходов госбюджета, не имеющую никакого оправдания.

Сравнив две модели приоритетов армейского строительства, мы видим, что они представляют собой две противоположности.

Одна армия (первый континентальный вариант) предназначена для защиты континентального блока, Евразии, России в ее истинном геополитическом объеме от "потенциального противника", которым были и остаются США и атлантистский блок. Такая армия ориентирована на обеспечение подлинных интересов русских и является гарантом национальной независимости и свободы. Кроме того, такая армия позволяет эффективно реализовать глобальный евразийский проект, который только и способен сделать геополитическое положение России в мире стабильным и безопасным, а также решить важнейшие экономические проблемы.

Вторая армия ("регионального" типа) нужна России, понятой только как РФ и заинтересованной лишь в решении локальных и внутренних политических проблем. Такая

армия не может быть подлинным гарантом национальной безопасности. Ее изначальная установка на потенциальный конфликт с соседними странами и народами заставляет русских постоянно находится в ожидании удара со стороны "враждебного соседа" ("бывшего братского народа"). Ее структура лишает русских возможности вступления в адекватные геополитические отношения со Средней Европой и Японией, так как ее будет явно недостаточно, чтобы в перспективе защитить эти геополитические образования от потенциальной агрессии США. Более того, такая структура заставляет русских относить всех трех участников будущих геополитических осей Евразии Берлин, Тегеран, Токио к "потенциальным противникам", и соответственно, провоцирует такое же отношение этих стран к России. И совершенно неважно, что армейская структурная перестройка будет сопровождаться пацифистскими уверениями. В геополитике а она стоит выше чисто политических соображений при принятии самых ответственных решений характер вооружений той или иной страны говорит гораздо выразительнее, чем официальные и неофициальные заявления дипломатов и политических лидеров.

Глава 7. Технологии и ресурсы

7.1 Технологический дефицит

Одна из причин поражения СССР в холодной войне заключается в его серьезном технологическом отстава нии по сравнению со странами противоположного геополитического лагеря. Дело в том, что технологический скачок атлантистов был обеспечен эффективным распределением ролей среди стран участниц НАТО. С одной стороны, США концентрировали в себе сугубо военный, стратегический полюс, предоставляя другим капиталистическим странам развивать торговый, финансо вый и технологический аспект, не заботясь о непосредст венных инвестициях "новых высоких технологий" в военно-промышленный комплекс. США часто лишь использовали готовые высокие технологии применительно к своему ВПК, а создавались и разрабатывались они в Европе, Японии и других странах. Страны, находившиеся под "опекой" США, платили патрону "технологическую дань" за геополитическую протекцию. СССР, со своей стороны, радикально централизировал все технологиче ские разработки почти исключительно в рамках своего ВПК, что делало исследования и новейшие проекты более сложным делом они как бы изначально готовились в централизированном административном организме и ориентировались на планово поставленные цели, а это резко сужало сферу технологического новаторства. Иными словами, на одну и ту же централизованную структуру ложились сразу две задачи огромное напряжение по созданию планетарного военного стратегического комплекса и технологическое обеспечение этого комплекса вместе с развитием наукоемких производств в параллельных сферах. Вся область высоких технологий, информационных программ, вычислительной техники и т.д. была строго связана с ВПК, и это лишало ее необходи мых подчас гибкости и независимости. Можно предположить, что при отсутствии у США таких геополитиче ских "вассалов", как Франция, Англия, Германия, Япония, Тайвань, Южная Корея, и т.д., их технологический уровень был бы значительно ниже актуального.

Технологическое отставание СССР было неизбежным. И сегодня русские в полной мере переживают последст вия неудачи СССР в этой области, так как с каждым днем усугубляется зависимость русской промышленно сти и экономики от западных патентов, ноу -хау и т.д. А между тем, определенный уровень технологической развитости совершенно необходим для любого государства, стремящегося иметь вес в международной политике и обладать эффективной, конкурентоспособной внутренней экономической структурой. Если же говорить об имперской перспективе русской нации, то высокий технологи ческий уровень тем более необходим для обеспечения всех стратегических и геополитических факторов, на которых покоится всякая геополитическая и экономиче ская экспансия. Итак, ставится вопрос: двигаясь в каком направлении, русские смогли бы наверстать упущенное и преодолеть технологическое отставание, унаследованное от СССР, при том, что в настоящее время оно не уменьшается, а наоборот возрастает (утечка мозгов, сокращение государственного финансирования научной деятельности, конверсия, упадок и перестройка в ВПК и т.д.)?

Есть три гипотетические возможности. Первая заключается в том, что Россия отказывается от всех своих геополитических претензий на самостоятельность, полностью капитулирует перед атлантизмом, и в качестве "награды" за послушание дозированно получает из рук американцев доступ к некоторым "высоким технологи ям", несколько устаревшим и не представляющим собой стратегических секретов. Этот путь фактически был опробован на примере некоторых стран Третьего мира, которые таким образом

действительно смогли совершить экономический, финансовый и промышленный скачок (т.н. "азиатский" или "тихоокеанский тигр"). В случае России США будут гораздо более осмотрительны, чем в отношении стран Европы или Третьего мира, так как геополитический и исторический масштаб России настоль ко велик, что экономическое процветание и технологиче ский рывок может в какой-то момент снова сделать ее мощным "потенциальным врагом" США. Естественно ожидать, что доступ русских к "высоким технологиям", даже на условиях полной капитуляции и тотального демонтажа стратегических аспектов ВПК, будет всячески тормозиться и саботироваться. Этот путь представ ляется тупиковым.

Второй путь, свойственный сторонникам "малого национализма", заключается в том, чтобы предельным усилием внутренних ресурсов совершить технологический скачок без помощи посторонних сил. Это предполагает предельную, почти тоталитарную, мобилизацию всего народа и резкое ухудшение отношений с Западом. Если при этом все ограничится объемом РФ и Россией, понятой как "региональная держава", то подобные попытки обречены на провал, поскольку возникнут те же самые проблемы, что и в случае СССР русские должны будут одновременно и защищать себя от сверхдержавы в качестве "потенциального противника" и сами развивать такие тонкие сферы, как исследования в области высоких технологий. Поскольку с этим не справился стабиль ный и строго организованный СССР, то кризисная, дестабилизированная РФ с этим не справится и подавно. К тому же в данном случае придется вводить элементы "тоталитаризма", что с неизбежностью вызовет глубокий внутренний протест. Значит, и этот путь следует отбросить.

Последний вариант заключается в том, что высокие технологии заимствуются у развитых европейских и азиатских стран (но не у США) в обмен на стратегический альянс и доступ к русским ресурсам. Здесь есть все шансы на успех, причем такой путь сохранит у русских определенную независимость от США и в то же время позволит избежать перенапряжения нации, диктатуры и жестких мер. Хотя подобный процесс незамедлительно вызовет ярость со стороны США, угрозы России и, самое главное, своим "неверным вассалам", некоторые страны могут пойти на это в случае, если стратегическая мощь России еще будет сопоставима с американской, а русская идеология не будет откровенно империалистической (или коммунистической). Кроме того, высокие технологии в данном случае будут обменены на важнейший для Германии, Японии и других развитых стран компонент ресурсы, доступ к которым во всем мире жестко контролируют США. Русские ресурсы, Средняя Азия, Сибирь и т. д. являются жизненно важными именно для этих стран, поскольку США в целом в этом вопросе довольно независимы. Полезные ископаемые, сырье, источники энергии плюс мощная стратегическая военная протекция эта совокупность вполне может склонить некоторые развитые страны пойти на теснейшее сотрудничест во в сфере высоких технологий и предоставить в распоряжение русских самые высшие достижения в этой области (вместе с инсталляцией и организацией производ ства). В перспективе же постепенно наладилось бы и национальное направление в этих вопросах, но в любом случае начальный толчок здесь необходим.

Этот третий путь целиком и полностью вписывается в общий евразийский проект, являясь его конкретизаци ей на более практическом уровне. Фактически, он означает, что создание геополитической оси Берлин Москва Токио есть не просто политико- географический план, но и наилучшее решение проблемы технологического отставания русских.

7.2 Русские ресурсы

Россия является естественным поставщиком ресурсов в другие страны. Такое положение дел имеет довольно долгую историю и стало, во многом, определяющим фактором в геополитическом статусе России. Рассмот рим подробнее геополитическое значение экспорта ресурсов и роль ресурсного обеспечения в целом.

В глобальном распределении ресурсов на планете существует некоторое неравенство две зоны из четырех развитых секторов Севера имеют доступ к ресурсам и способны обеспечить в случае необходимости ресурсную автаркию (США и Россия), а две испытывают острый ресурсный дефицит (Европа и Япония). Таким образом, в значительной степени контроль над двумя небогатыми ресурсами зонами определяется взаимоотношениями с двумя остальными. При этом есть и еще одна особенность США стремится контролировать ресурсы колониальных или полуколониальных территорий и с их помощью влиять на развитые страны. Собственные ресурсы США стараются сберечь для самих себя и расходуют их крайне бережно, хотя в случае необходимости для США не составит большой проблемы создать для самих себя ресурсную автаркию и без колониальной стратегии в этой области. Россия же традиционно манипулирует экспортом собственных ресурсов. Это различие в позиции двух держав имеет, и с той и с другой стороны, как плюсы, так и минусы. США постоянно имеет неприкос новенным стратегический запас, но одновременно колониальные ресурсные базы всегда теоретически имеют шанс выйти из-под контроля. Россия, со своей стороны, может быть уверена в ресурсном обеспечении, поскольку ресурсы находятся на ее территории, но вместе с тем, экспортируя их, она тратит всегда собственные стратегические запасы.

Такое объективное положение дел в перспективе создания континентального блока может быть использова но на благо русских следующим образом. На начальном этапе Россия может предложить потенциальным партнерам на Востоке и Западе свои ресурсы в качестве компенсации за обострение отношений с США, которое неминуемо произойдет уже на первых этапах реализации евразийского проекта. Это будет возможным еще и потому, что с Европой и Японией может быть установле на прямая сухопутная связь, не зависящая от того морского и берегового контроля, который является главным козырем в геополитической стратегии атлантизма. Естественно, такой экспорт не будет односторонней помощью, так как этот процесс должен быть вписан в общий геополитический план, предполагающий активное финансовое и технологическое участие Европы и Японии в стратегическом развитии самой России, а кроме того, существенное расширение ее политических и оборонных рубежей на Востоке и Западе.

В перспективе же следует ориентироваться на вытеснение США из Африки, с Ближнего Востока и тихооке анского региона с соответствующим перераспределени ем богатых ресурсами территорий в пользу евразийских партнеров и самой России. Этот план является прямой противоположностью "плана анаконды" со стороны атлантистов, который предусматривает жесткий контроль США именно над южно-евразийскими, африканскими и тихоокеанскими пространствами в целях недопущения организации автаркийных экономических зон для своих геополитических конкурентов. Когда удастся загнать "анаконду" атлантизма обратно на американский континент, весь "бедный Юг" Евразии станет естественным дополнением более развитого евразийского Севера. Арабская нефть, африканские полезные ископаемые и ресурсы тихоокеанских пространств смогут поступать непосредст венно в страны евразийского блока, минуя США. В таком случае, Россия сможет не только начать копить ресурсы для себя самой, но и получит новые ареалы в южном направлении. Евразийская Европа двинется на Юг, чтобы стать Евроафрикой, а Япония установит в Тихом океане тот "новый порядок",

который она планировала осуществить в 30-е годы. Сама же Россия, используя тот технологический опыт, которая она либо уже имеет, либо приобретет за период снабжения ресурсами своих технологически развитых партнеров по блоку (на первом этапе континентального строительства), сможет принять активное участие в разработке новых месторождений в Средней и Восточной Азии и постепенно заморозит те месторождения, которые жизненно необходимы для обеспечения ее собственного стратегического будущего.

В вопросе ресурсов план создания "анти-Трилатера ля" (блок Берлин Москва Токио) и в близкой и в далекой перспективах представляется в высшей степени реалистичным, так как переходный период для Западной и Восточной оси (для Берлина и Токио), которые испытают на себе жесточайшее давление США, будет смягчен ресурсными возможностями России, способной на переходном периоде своим экспортом полезных ископаемых создать все условия, необходимые для полноценного политического и стратегического возрождения Европы и Японии. А после этого и сами эти "большие простран ства" смогут усилить свою экономическую и политиче скую экспансию по направлению Север Юг. Особенно важно, что Россия за этот переходный период сможет, в свою очередь, получить эффективное технологическое оснащение для разработок месторождений и апробировать, двигаясь по наилегчайшему пути, развитую методологию и технические модели, поставленные с европейского Запада и японского Дальнего Востока. А этот фактор в перспективе значительно усилит стратегическую автаркию русских независимо от того, как повернутся события в дальнейшем.

Естественно, что в настоящий момент проблема русских ресурсов решается как угодно, только не так, как это было бы выгодно России. Русские сегодня продают ресурсы по демпинговым ценам, за фиктивные деньги и иностранные товары, причем либо непосредственно США, либо при их посредничестве (американские монополь ные компании или ТНК, неявно контролируемые атлантистами) странам Западной Европы. В качестве альтернативы "националисты" выдвигают вообще неосущест вимое требование совсем прекратить экспорт ресурсов и полностью оставить для России и их разработку и их потребление. Последний проект потребует такого напряжения всех национальных сил, что может реализоваться только в условиях политической диктатуры, что почти невероятно в настоящей ситуации. Здесь дело обстоит так же, как и в случае высоких технологий. Только "третий путь" ни ресурсный экспорт в пользу США, ни полный отказ от какого бы то ни было экспорта может быть реальным выходом в нынешней ситуации.

И снова все упирается в политическую необходимость скорейшего создания континентального евразийского блока.

Глава 8. Экономические аспекты "Новой Империи"

8.1 Экономика "третьего пути"

Промышленная перестройка в России назрела. В том, что говорят "реформаторы" о неизбежности экономиче ских преобразований в России, есть значительная доля истины. Советская система, хотя и была до определен ной степени эффективной и конкурентоспособной, постепенно стала настолько негибкой и застывшей, что просто не могла не рухнуть, и, к великому сожалению, под ее обломками были похоронены многие эффективные и позитивные аспекты социализма как такового.

Логика экономических преобразований в России, начатая в перестройку, основывалась на дуалистическом подходе к экономике. С одной стороны, имелась существующая модель жесткого централистского государствен ного социализма, "тотальный дирижизм", когда государство вмешивалось в малейшие нюансы производства и распределения, подавляя любые частные инициативы и исключая все рыночные элементы. Такая структурная жесткость не только делала всю экономическую систему громоздкой и неповоротливой (отсюда постепенный проигрыш в конкуренции с капитализмом), но и извращала основной принцип социализма, предполагающий эффективное соучастие общества в экономическом процессе. В экономико-философских рукописях Маркса есть предупреждение о подобном вырождении социалистической системы, которое может быть охарактеризовано как "отчуждение при социализме".

Критика такой централизованной экономики, однако, очень быстро перешла в противоположную крайность, т.е. к абсолютной апологетике либерально-капиталисти ческой системы с ее "законами рынка", "невидимой рукой", "свободой торговли" и т.д. От сверхцентрализации либеральные реформаторы (пусть только в теории) решили перейти к сверхлиберализму. Если советский социализм на поздних своих этапах ослаблял государст венную автаркию в ее конкуренции с противостоящим геополитическим блоком, то рыночные реформы повлекли за собой настоящее разрушение этой автаркии, что не может быть квалифицировано иначе как "предательство национальных интересов". Реформы были необходимы, но дуалистическая логика либо советский социализм, либо капиталистический либерализм с самого начала поставила вопрос в совершенно неверной плоскости, поскольку спор приобрел чисто теоретический характер, и соображения геополитической автаркии России были отодвинуты при этом на задний план. Предложенные либеральные преобразования в стиле программ "Чикаго бойз" и теорий фон Хайека нанесли экономике сокрушитель ный удар. Однако и реставрационистские экономические программы, на которых настаивала в той или иной мере "консервативная" оппозиция, были немногим лучше. В обоих случаях речь шла о полемике между двумя утопическими абстрактными моделями, в которых вопрос "национальных интересов русских" стоял где-то на втором или даже третьем плане.

Это было вполне логично, так как советские экономи сты в силу специфики своего образования привыкли иметь дело только с двумя экономическими моделями догматическим советским социализмом (который они до поры до времени защищали) и либеральным капитализ мом (который они до поры до времени критиковали). Обе эти модели в той форме, в которой они изучались и разрабатывались, никогда не соотносились с таким критерием как "геополитические интересы страны", так как эта тема (хотя и в другой форме) была приоритетом армейских и идеологических структур (особенно ГРУ и КГБ). Перенеся основной акцент на экономику , лидеры перестройки

вынесли вопрос о "национальной и государственной безопасности и мощи" за скобки. И как только это произошло, страна попала в ловушку неправильно сформулированной проблемы, любое решение которой в заданных терминах было заведомо тупиковым.

Строго говоря, народ должен был выбирать не между либерал-капитализмом и советским социализмом, а между либерал-капитализмом, советским социализмом и особой экономической доктриной, сочетающей элементы рынка и элементы планирования, подчиняясь главному императиву национального процветания и государст венной безопасности ("третий путь"). Этот "третий путь" в экономике отнюдь не компромисс, не синкретическое сочетание разнородных элементов двух других экономи ческих моделей, а законченная и самостоятельная доктрина, имеющая долгую историю и множество примеров реализации на практике. Однако об этом "третьем пути" практически не упоминалось в рамках обществен ных споров вообще. Результат упорного отказа от серьезного рассмотрения такого варианта налицо: разрушен ная и ослабленная страна, разваленная экономика, возрастающая паразитическая зависимость России от ВМФ и Международного Банка, распад хозяйственных и промышленных связей и т.д. На данный момент нет ни социализма, ни рынка, и вряд ли что-то можно поправить, оставаясь в рамках той логики, которая стала доминирующей при решении важнейших экономических вопросов.

"Третий путь" в экономике не тождественен ни шведской, ни швейцарской модели вопреки тому, что думают некоторые политики, начинающие отдавать себе отчет в тупиковости сложившейся ситуации. Ни Швеция, ни Швейцария не являются полноценными геополитически ми образованиями и не обладают серьезным стратегиче ским суверенитетом, а следовательно, гигантская часть государственного, промышленного и военного сектора, необходимого для обеспечения реальной автаркии, в этих государствах вообще отсутствует. Некоторый компромисс между социально ориентированной структурой общества и рыночной экономикой в этих странах действительно достигнут, но здесь речь идет о сугубо искусственной модели, которая смогла сложиться именно за счет полной деполитизации этих стран и сознательного отказа от активной роли в геополитическом раскладе сил в Европе. Россия никогда не сможет стать по своим масштабам "второй Швецией" или "второй Швейцарией", так как само ее геополитическое положение обязывает к активной роли; нейтралитет в данном случае просто невозмо жен. Следовательно, обращаться к таким примерам бессмысленно.

Второй иллюзией, характерной для тех, кто интуитивно ищет моделей "третьего пути" для России, является Китай и его реформы. Однако и в этом случае имеет место "обман зрения", объяснимый отсутствием объективной информации о сущности и ходе китайских реформ. Китайские экономические преобразования лишь внешне походят на модель "третьего пути". На самом деле, речь идет о трансформации общества, в целом похожего на советское, в чисто либеральный строй, но без демократических преобразований в политике, т.е. при сохранении тоталитарного контроля правящей элиты над политической ситуацией. Речь идет о том, что политиче ский тоталитаризм коммунистической номенклатуры плавно переходит в экономический, монопольный тоталитаризм той же самой номенклатуры, которая при этом стремится с самого начала отсечь всякую возможность экономической конкуренции снизу. Одна модель "общества отчуждения" плавно переходит в другую модель "общества отчуждения", а политическая эксплуатация незаметно превращается в экономическую эксплуатацию одной и той же социальной группы.

Показательно, что такой тип реформ был разработан именно "Трехсторонней комиссией", чьи представители уже с начала 80-х годов договорились с китайской номенклатурой о

включении Китая в перспективе в мондиалистскую зону влияния с предоставлением ему статуса "региональной державы". Во многом этот ход атлантистов был обусловлен стратегией "холодной войны" против СССР, но одновременно и стремлением поддержать традиционного конкурента Японии на Дальнем Востоке и ограничить экономическую экспансию последней.

Подлинный "третий путь" в экономике нашел свое классическое воплощение в работах Фридриха Листа, сформулировавшего принципы "экономической автаркии больших пространств". Эта теория исходит из факта неравномерности экономического развития капиталисти ческих обществ и из логического следствия экономиче ской колонизации более "богатыми" странами более бедных; причем для "богатых" в таких условиях "свободная торговля" выгодна, а для "бедных" наоборот. Отсюда Лист сделал вывод, что на определенных этапах экономического развития общества нужно прибегать к протекционизму, дирижизму и таможенным ограничениям, т.е. к ограничению принципа "свободы торговли" на межнациональном уровне, для того, чтобы достичь уровня национальной и государственной независимости и стратегического могущества. Иными словами, для Листа было очевидно, что экономика должна быть подчинена национальным интересам, и что всякая апелляция к "автономной логике рынка" является лишь прикрытием для экономической (а впоследствии и политической) экспансии богатых государств в ущерб более бедным, и последующее порабощение последних. Такой подход сразу ставит четкие границы, в каких должен действовать "рыночный" принцип, а в каких "социалистический". Интересно, что и Ратенау, автор германского "экономиче ского чуда", и Витте, и Ленин, и даже Кейнс, формулиро вали свои экономические принципы исходя как раз из доктрины Фридриха Листа, хотя при этом использовал ся язык более близкий либо к чисто капиталистической, либо коммунистической лексике.

Экономическая иерархия, выстраиваемая Листом, может быть сведена к простой формуле: те аспекты хозяйственной жизни, которые по масштабам сопоставимы с интересами частного лица, индивидуума, должны управляться рыночными принципами и основываться на "частной собственности". Речь идет о жилье, небольшом производстве, малых земельных владениях и т.д. По мере возрастания значения того или иного вида хозяйст венной деятельности, форма производства должна приобретать черты коллективного владения, поскольку в данном случае "частная собственность" и индивидуальный фактор могут войти в противоречие с коллективными интересами; здесь должен действовать "кооперативный" или "корпоративный" критерий. И наконец, экономиче ские сферы, напрямую связанные с государством и его стратегическим статусом, должны контролироваться, субсидироваться и управляться государственными инстанциями, так как речь идет об интересах более высокого уровня, нежели "частная собственность" или "коллективная выгода". Таким образом, в подобном экономиче ском укладе не элиты, не рынок и не коллектив определяют хозяйственный, промышленный и финансовый облик общества он формируется на основе конкретных интересов конкретного государства в конкретных исторических условиях, и соответственно, в данной модели не может принципиально существовать никакой догмати ки по мере изменения геополитического статуса государства и в силу исторических и национальных условий пропорции между объемом этих трех ступеней хозяйст венной иерархии могут значительно меняться. К примеру, в мирное время и в эпоху процветания частный сектор вместе с коллективным могут возрастать, а государственный сокращаться. И наоборот, в сложные периоды национальной истории, когда под удар поставлена независимость всего народа полномочия государст венного сектора увеличиваются за счет некоторых коллективных хозяйственных образований, а те, в свою очередь, теснят частное предпринимательство.

Очень интересно, что именно модель Фридриха Листа использовалась исторически развитыми капиталистиче скими странами в кризисные моменты. Так, даже США, радикальные защитники принципа "свободы торговли", периодически прибегали к протекционистским мерам и государственным субсидиям в промышленный сектор, когда наступали периоды "экономической депрессии". Именно таким периодом был этап реализации New Deal, когда американцы почти буквально вопроизвели принципы Листа, хотя и подав их в смягченном варианте Кейнса, автора теории "экономической инсуляции", что, в целом, есть не что иное, как новое название для теории "экономической автаркии больших пространств". Кстати, сам Лист долгое время жил в США и наблюдал процесс капиталистического строительства на ранних фазах. На основании этих наблюдений он и сформулиро вал основные принципы своей теории применительно к Германии. Но, конечно, наиболее грандиозные результа ты дала реализация доктрины Листа в национал-социа листической Германии, когда его идеи были претворены в жизнь тотально и без всяких либеральных или марксистских поправок.

Доктрина экономики "третьего пути" имеет еще один важный аспект соотношение финансового и производственного факторов. Очевидно, что ранний капитализм и социализм советского типа ставили основной акцент на развитии производства, отводя финансовой системе второстепенную, подчиненную роль. Развитый капитализм, напротив, тяготеет к доминации финансового капитала над производством, которое, в свою очередь, становится второстепенным моментом. Доминация принципа "труда" рано или поздно приводит к политическо му насилию, доминация "капитала" к насилию экономическому. В первом случае труд автономизируется и отрывается от конкретных ценностей, во втором автономизируются деньги, также теряя связь с ценностью и превращаясь в кредитно-процентную фикцию. "Третий путь" настаивает на жестоком связывании труда и ценности (к примеру, золотых запасов и, шире, ресурсов), отводя сфере потребления и циркуляции товаров подчиненную, второстепенную, чисто инструментальную роль. Такое сочетания труда и ценности диктуется в данном случае теми же соображениями обеспечения "националь ного могущества" и государственного суверенитета, что и вся структура этой экономической доктрины. Можно упрощенно выразить эту идею формулой "ни роскошь, ни нищета", "довольствование разумным минимумом". Это означает более гибкий и свободный подход к труду, нежели при советском социализме, но большую ограниченность возможностей личного обогащения, чем при капитализме. Такая модель позволяет нации не зависеть в стратегических областях от других государств и экономических систем, но в то же время лишает трудовой процесс принудительного характера и связывает его с материальным эквивалентом.

Именно такой вариант экономики "третьего пути" является единственной альтернативой в нынешней России, противостоящей одновременно и безудержному либерализму и реставрационистским проектам неокоммунистов, не желающих серьезно корректировать устаревшие и оказавшиеся неэффективными догмы. Если бы не мгновен но возникающие ассоциации с гитлеровским режимом, можно было бы назвать данный проект "социализмом национального типа". Уже сам факт выдвижения теории Листа (развитой, впрочем, такими знаменитыми экономистами, как Сисмонди, Шумпетер, Дюмон и т.д.) в контексте нынешней экономической ситуации в России был бы большим достижением, так как здесь можно найти ответы на наиболее насущные вопросы и разом покончить с тупиковым дуализмом "реформаторов и антиреформаторов". Более того, позитивные стороны и либеральных преобразований и сохранившихся еще от социализма структур могли бы быть прекрасно задейство ваны в этот экономический проект. Но все это даст положительный эффект только в контексте осознанного и теоретически проработанного доктринального корпуса, а не в качестве прагматических ходов, совершаемых от случая к

случаю. Экономика "третьего пути" должна иметь свое однозначное политическое выражение, сопоставимое с "партией либералов" или "партией коммунистов". Всякий инерциальный центризм, прагматизм и компромисс будут заведомо обречены на поражение. Фридрих Лист и его идеи должны стать такими же символами, как Адам Смит и Карл Маркс. "Третий путь" нуждается в таких носителях этой идеологической догмы, которые были бы сопоставимы по подготовленности, убежденности и информированности с либералами и коммунистами. Принципы экономики "третьего пути" столь же строги и однозначны, как и принципы двух других идеологий. Из них естественным и органичным образом можно вывести все необходимые вторичные следствия и приложения.

Экономическая тенденция "третьего пути", принцип "автаркии больших пространств" предполагает максимальный объем того национально-государственного образования, где применяется эта модель. Лист настаивал на невозможности осуществить эти теории в государст вах с недостаточным демографическим, ресурсным, индустриальным и демографическим объемом, так как автаркия в таком случае будет простой фикцией. На этом основании он в свое время выдвинул императив "Zollverein", "таможенной интеграции", которая была призвана объединить Германию, Пруссию и Австрию в единый промышленно-финансовый блок, так как только в таком пространстве можно было говорить об эффективной конкуренции с развитыми колониальными державами того времени Англией и Францией.

На современном этапе эталоном суверенного государства являются США и то политико-экономическое пространство, которое входит в состав доктрины Монро, т.е. континентальная совокупность Северной и Южной Америки, контролируемых США. Очевидно, что полноценно конкурировать с таким трансатлантическим "большим пространством" сегодня может только его континенталь ный аналог в Евразии. Следовательно, экономика "третьего пути" уже в своей теории предполагает геополитическую интеграцию, в которой субъектом выступает не "государство-нация", а современный аналог Империи. В противном случае произойдет либо перенапряжение сил нации (причина развала СССР), либо попадание в зависимость от более могущественного и независимого соседа (Европа, Япония и т.д.). Такое соображение показывает, что при всей логичности и самодостаточности этой теории, успех ее реализации напрямую зависит от более общего геополитического проекта, т.е. от начала созидания Новой Империи. Только в таком масштабе и таком объеме "третий путь" в экономике даст максимальные результаты. Кроме того выдвижение такой экономиче ской модели станет наилучшим теоретическим знаменателем для всех потенциальных участников континен тального блока, так как даже либеральные авторы (к примеру, Мишель Альбер в книге "Капитализм против капитализма") подчеркивают фундаментальное отличие "рейнско-ниппонской" модели (имеющей многие черты экономики "третьего пути") от англосаксонской. Если на этот путь станет и Россия, евразийская цепь замкнет ся самым естественным образом. В таком случае можно будет выдвинуть новую версию Zollverein, соответст вующую нынешним геополитическим условиям проект "евразийской таможенной интеграции", который только и может сегодня составить серьезную конкуренцию атлантистскому блоку и привести народы Евразии к процветанию.

8.2 Экономический регионализм

В основе советской экономики был заложен принцип централизма. Высшая инстанция принятия всех важных, менее важных и совсем неважных решений находилась в Москве, откуда поступали регламентации и директивы. Такой централизм делал экономику

неповоротливой, не способствовал развитию региональной инициативы, сдерживал естественный рост экономического потенциала областей. Кроме того, советская экономика повсюду репродуцировала стандартный образец устройства производственно- финансовых отношений, не учитывая ни региональные, ни этнические, ни культурные особенности разных областей или округов. Такая жесткая система была одной из причин отставания и экономиче ского краха советизма.

Либералы, пришедшие на смену коммунистам, несмотря на свои теоретические проекты, по сути сохранили старое положение дел, только отныне централизм был не плановым, а рыночным. Но, как и прежде, основные экономические решения осуществляются централизован но, и главные экономические пути проходят через Москву, где либеральное правительство жестко контролирует общий ход реформ в регионах. Одна форма абстрактно го репродуцирования повсюду заданной схемы сменилась иной формой, но принцип централизма в экономической структуре остался прежним. Кстати, во многом провал рыночных преобразований объясняется именно таким инерциальным централизмом, когда московские правительственные чиновники стремятся жестко контролиро вать экономическое развитие регионов.

Трезвый анализ такого положения дел и сопоставле ние российской ситуации с наиболее развитыми экономическими системами (в первую очередь, рейнско-нип понского типа) приводят к выводу о необходимости радикально отойти от такого экономического подхода и обратиться к хозяйственной модели, строящейся на сугубо региональной, областной, локальной основе. Хозяйственная взаимосвязь всех регионов СССР между собой была искусственно созданной конструкцией. Эта взаимосвязь, основывавшаяся более на планово-волюнтари стских методах, нежели на принципах максимальной эффективности, часто сдерживала автономное развитие региональной экономики. Свою роль в этом играл и план, возведенный в абсолют. С обрывом такой общей сети и приходом к власти либералов многие сектора промышленности были вообще предоставлены сами себе и обречены на деградацию и вымирание, и весь акцент был сделан на приоритетном развитии ресурсодобывающих отраслей, продукты которых можно было незамедлительно продать за рубеж. И западные товары, полученные монопольными псевдорыночными структурами либералов Москвы, снова централизованно распределялись по регионам. Таким образом, региональная экономика пострада ла еще больше, а ее зависимость от центра с уходом коммунистов парадоксальным образом только возросла.

Реализация планов "экономики третьего пути" должна основываться на совершенно иных методах. Централизм здесь должен быть в первую очередь стратегиче ским и политическим , но ни в коем случае не экономи ческим, так как максимального экономического эффекта Империя сможет достичь только тогда, когда все ее составляющие будут иметь экономическую автономию и развиваться в наиболее свободном и естественном ключе. Как в контексте всего континентального проекта в целом, каждая его часть должна стремиться к тому, чтобы быть максимально самостоятельной и самодостаточ ной на своем уровне, так и в рамках России следует создать предельно гибкую региональную экономику, построенную не на учете интересов центра или плановых требований, но на максимально органичном развитии тех экономических потенций, которые более всего соответст вуют данному региону. Безусловно, стратегические аспекты экономики ресурсы, стратегическое сырье, ВПК должны иметь централизованное руководство, но в других отраслях промышленности, а также в вопросах финансирования, областям должна быть дана максималь ная степень свободы.

Исходя из культурных, этнических, религиозных, географических, климатических и т.д. условий конкретного региона следует предельно дифференцировать не только экономическую или промышленную ориентацию, но и сам экономический уклад. Вплоть до того, что на территории Империи могут возникнуть области с разным экономическим порядком от максимально-рыночного до почти коммунистического. Те народы, которые отвергают банковскую систему (мусульмане), должны сконструировать свои финансовые модели, исключающее процентное финансирование промышленности, тогда как в других регионах, напротив, банки могут развиваться и процветать. Самое главное в этом проекте достичь такого уровня, когда каждый регион или область станут самодостаточными в удовлетворении самых насущных потребностей жителей в первую очередь, речь идет о жилье, пропитании, одежде и здоровье. При этом следует вначале добиться именно региональной автономии в обеспечении самым необходимым, и лишь потом строить проекты по повышению жизненного уровня, по совершенствованию технологий, техническому и промышлен ному развитию. Каждый регион должен обладать упругой и гибкой системой самообеспечения, чтобы в любой момент и при любых обстоятельствах и возможных кризисах иметь гарантии достойного минимума для всего населения, независимо от межрегиональных отношений или экономической ситуации в центре.

Стратегический глобальный аспект экономики должен рассматриваться в полном отрыве от региональных структур, работающих на самообеспечение населения. Состояние этого населения ни в коем случае не должно зависеть от приоритетного развития в данном регионе той или иной стратегической отрасли. Иными словами, должен соблюдаться принцип "необходимый жизненный минимум есть всегда и независимо ни от чего", а концентрация усилий региона на той или иной стратегической глобальной отрасли может проходить только при контроле за сохранением самостоятельных хозяйственных структур, никак не соприкасающихся с этой отраслью. В таком случае перепрофилирование того или иного вида производства, отказ от устаревших или неэффективных производств, территориальное перемещение предприятий или переориентация на выгодный во всех отношениях импорт никак не будут влиять на общий жизненный уровень региона, который будет изначально и принципи ально гарантирован.

В компетенции центра останется только стратегиче ское производство и планирование, которые будут реализовываться не как ось экономики, но как наложение некоей глобальной суперструктуры на уже существующую автономную хозяйственную региональную сеть, при этом обе сферы не должны никак влиять друг на друга. Получение жилья, социальная защита или обеспечение продуктами питания ни в коем случае не могут зависеть от экономической эффективности промышленного или стратегического предприятия, расположенного в данной области (как это имеет место сейчас). Следует добиться такой хозяйственной самостоятельности отдельных регионов, вплоть до самых мелких, что все наиболее насущные экономические проблемы должны решаться в отрыве от участия населения в стратегическом производстве. Этот принцип должен стать доминантой в вопросах стратегического планирования, которое с неизбежностью будет существовать на государственном уровне, даже в условиях самой широкой экономической свободы.

Регионализм надо спроецировать и на финансовую систему, взяв, к примеру, опыт региональных и земельных банков в Германии, где малые финансовые структу ры, часто ограниченные одной или несколькими деревнями, демонстрируют чудо эффективности в развитии хозяйства, так как в таком объеме крайне облегчен контроль за займами (что делает излишней службу фиска), и объем ссуд, процентов и сроки возврата определяются исходя из конкретных органичных общинных условий и представляют собой не количественный, абстрактно-ме ханический, но жизненный, этический элемент хозяйст

вования. В целом же региональная финансовая система может иметь самую оригинальную форму, адаптируясь к логике этнокультурного и географического пейзажа. Самое главное при этом избежать централизации капитала, предельно рассредоточить его по автономным региональным финансовым структурам, заставить его служить хозяйству, а не наоборот, ставить хозяйство в зависимость от него.

Можно даже ввести две параллельные и непересекаю щиеся финансовые системы, две "валюты": одну предназначенную для обустраивания стратегической общеимперской сферы, другую для региональных нужд. В первом случае будет иметь место строгое государственное планирование, основанное на специфических принципах финансирования и производства, в другом региональный рынок и региональный финансовый фонд. Капитал государственный и капитал областной. Частная собственность должна быть атомарной составляю щей именно областного, регионального капитала, в то время как государственный капитал в принципе не должен иметь с частной собственностью никакой общей меры. Только в таком случае будет проведена строгая грань между государственным, общественным и личным, а следовательно, устойчивость, гибкость внутренней структуры и автаркия Империи будут максимальны.

В целом же экономика должна руководствоваться основополагающим принципом предельный стратегический централизм плюс предельный региональный плюрализм и "либерализм ".

Глава 9. Заключение

Предпринятая попытка набросать в самых общих чертах континентальный проект, выделить самые глобальные и осевые моменты евразийской геополитики для России и русского народа, безусловно, нуждается в самом обстоятельном развитии, что потребует колоссальной работы по уточнению, аргументации, иллюстрации различных моментов и аспектов данной темы. Для нас, однако, было предельно важно представить самый приблизитель ный вариант той единственной модели геополитического будущего русского народа, которая по ту сторону заведомо тупиковых путей смогла бы вывести его на планетар ный и цивилизационный уровень, соответствующий его миссии, его национальным, духовным и религиозным претензиям. Многое в этом проекте может показаться новым, необычным, непривычным, даже шокирующим. Но необходимость затронуть все важнейшие аспекты будущего нации заставили нас пренебречь разъяснениями, опровержениями возможной критики, уйти от долгих цитат, перечисления имен и колонок с цифрами. По мере необходимости все это будет сделано. Пока же важнее всего указать общие контуры "третьего пути", того единственного пути, который может вывести наш великий народ и наше великое государство из бездны хаоса и падения к сияющим высотам Русских Небес.

ЧАСТЬ V ВНУТРЕННЯЯ ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ

Глава 1. Предмет и метод

1.1 Внутренняя геополитика России зависит от ее планетарной функции

Геополитический анализ внутрироссийских геополитических проблем не может быть осуществлен без учета более общей, глобальной картины места России в геополитическом ансамбле. Лишь постоянно имея в виду планетарную роль и значение России, можно эффективно и непротиворечиво разбирать и описывать ее внутреннюю геополитическую структуру. В отличие от европейской школы «внутренней геополитики» (Ив Лакост и т.д.), тяготеющей к изоляции локальных и региональных проблем от учета диспозиции сил в планетарном масштабе, в случае России нельзя абстрагироваться от ее мирового значения, а следовательно, все частные, внутренние ее проблемы адекватно формулируются (не говоря уже об их решении) только в рамках более общего, интегрального геополитического поля.

Россия не просто одна из стран материка. Она категория, принадлежащая к базовым принципам всей геополитики. Россия heartland, «географическая ось истории», Суша. Россия есть Евразия. Такое ее значение не зависит от блоков, идеологии, политической ориента ции, специфики режима: континентальность ее историческая, географическая и геополитическая судьба. В случае России вопрос не может ставиться о выборе между «атлантизмом» и «евразийством». Она есть евразий ская сила и не может не быть таковой. Отказ от исполнения Россией своей роли в ансамбле планеты возможен только в случае ее полного географического уничтоже ния, так как в случае отказа русского государства исполнять эту миссию при сохранении евразийской континен тальной массы все равно рано или поздно с необходимо стью возникнет новое политическое образование в тех же границах, которое возьмет на себя функции «географической оси истории». Пока же Россия существует, она остается осью евразийского вектора в планетарном масштабе.

Этот характер и предопределяет угол рассмотрения ее внутренних геополитических проблем. Эти проблемы стоят только в следующем ключе: каким образом и на каких естественных (или искусственных) предпосыл ках сохранить максимальный геополитический объем России, по возможности увеличить его, распределив все внутренние геополитические факторы так, чтобы наилучшим образом обеспечить возможность планетарной геополитической экспансии?

Такая постановка проблемы уже сама по себе ставит условия анализа необходимо акцентировать и приоритетно исследовать:

1) возможности центростремительных тенденций регионов;

2) возможности расширения пространственного влияния центра на периферию и за ее пределы.

Это предполагает четкое выделение двух базовых критериев понятий геополитического центра и геополитической периферии. Соотношения между ними и составляют сущность исследования внутренней геополитики России.

1.2 Внутренняя геополитика и военная доктрина

Военно-промышленный комплекс играет огромную роль в геополитической организации российских пространств, так как во многих (особенно малозаселенных) территориях именно к военным городкам и базам привязаны гражданские поселения. С этим же связано и размещение важнейших центров промышленности, также сопряженных с нуждами т.н. «оборонной промышленности». От модели военной доктрины зависит вся геополитическая конфигурация России.

Эта военная доктрина, в свою очередь, имеет два компонента. Политическая ориентация руководства (которая может меняться в зависимости от внутри- и внешнеполитических факторов) и геополитические констан ты, устанавливающие те рамки, в которых возможны вариации политического курса. Этот второй компонент (геополитическое положение России) однозначно утвержда ет континентальное значение ВС России, ориентацию на то, что главным «потенциальным противником» России является именно атлантистский блок. А это автомати чески влечет за собой континентальную ориентацию всей военной доктрины, безусловный приоритет стратегиче ских видов вооружений, ориентированность на глобальный конфликт планетарного масштаба. При этом совершенно не важно, каким будет политическое оформление режима. Совершенно не обязательно геополитическая конфронтация будет дублироваться идеологической конфронтацией. Это зависит от конкретной ситуации и может влиять на вербальное оформление политического кур са, смягчающего или, напротив, акцентирующего геополитическое противостояния, сохраняющееся при любых обстоятельствах. Не претендуя на конечную формулу военной доктрины, геополитика задает ее рамки, нарушение которых немедленно влечет за собой тотальный социально-политический кризис и территориальный распад государства.

Даже в случае полного идеологического взаимопони мания с атлантизмом, военная доктрина России все равно должна определять в качестве потенциального противника номер 1 именно США и западный лагерь, и только исходя из этого принципа строить всю структуру ВС. А это, в свою очередь, будет влиять на общую структуру внутренней геополитики России в более широком смысле.

Военная доктрина России должна быть абсолютно евразийской. Только в таком случае и под таким углом зрения можно ответственно анализировать внутреннюю геополитику России и намечать приоритетные вектора развития. Без этого любой анализ предскажет лишь катастрофическую деградацию российских регионов, территориальный распад, цепную реакцию разрушения и геополитического самоликвидаторства. Теоретически такого поворота событий нельзя исключить, и современная «военная доктрина» РФ, не упоминающая среди «потенциальных противников» США и блок НАТО, но включающих их в число потенциальных геополитических союзников России по евразийскому блоку, дает для этого множество оснований. Однако исходя из более общей исторической и географической перспективы, следует рассматривать это состояние как «временную аномалию», которая будет скоро устранена при любом политическом режиме как эксцесс сложного переходного периода. Возможно описать сценарий «геополитики катастроф», который выделил бы фазы распада «географической оси истории». Но такая позиция должна более интересовать атлантический лагерь, и поэтому вполне естественно, если подобные модели изучаются геополитиками талассо кратических держав. Русская геополитика, которая не может не быть евразийской, должна, соответственно, ориентироваться на позитивные перспективы, анализируя актуальную и будущую ситуацию, исходя из нормальных исторических и геополитических законов развития континентального и цивилизационного дуализма. А в этом случае следует сделать допуск

(даже если в данный момент это еще не так), что «военная доктрина» России соответствует общей континентальной логике и базируется на строгих геополитических константах.

Это обстоятельство следует иметь в виду в ходе дальнейшего изложения.

1.3 Центр и периферия

Исторический центр heartland'a не является постоянной географической величиной. Нынешняя столица России Москва наследует одновременно линию славянских столиц (Киева, Владимира) и линию степных ставок Чингиза. Будучи геополитическим синтезом Леса и Степи, Россия имеет сразу две историко-геополити ческих традиции, совокупность которых и лежит в основе своеобразия русского пути.

Петербургский период также был сопряжен с территориальной экспансией, хотя балтийское расположение Санкт-Петербурга воплощает в себе европейскую ориентацию государства, «геополитическое западничество». В петербургский период территориальная экспансия русских была менее органична и более искусственна, чем раньше. Характер синтеза был не столь очевиден, хотя многие евразийские народы Азии и Сибири приняли власть «белого царя» исходя из древнейших континентальных традиций.

Москва географически более всего отвечает евразий ской миссии России. Она равноудалена от всех основных географических зон, составляющих своеобразие русского ландшафта. Расстояния до полярного севера, восточно-европейского запада, степного и субтропического юга и таежного востока приблизительно одинаковы. Поэтому «нормальной» (с геополитической точки зрения) евразийской столицей, континентальным центром следует считать именно ее. В этом отношении нынешнее положение дел совпадает, в целом, с геополитическими константами. Москва естественная столица heartland'a.

Беглый картографический анализ России вместе с тем сразу же обнаруживает в таком положении некоторую асимметрию. Дело в том, что за Уралом (который не является, впрочем, никакой естественной внутрироссий ской границей за счет малой высоты гор и однородности климата с обоих сторон хребта) довольно однородная таежная зона распространяется на тысячи километров вглубь Сибири, превращая, таким образом, Москву в центр лишь «европейской России». Такой чисто количествен ный взгляд уравновешивается, однако, другими геополитическими соображениями.

Во-первых, Сибирь не представляет собой того климатического и рельефного структурного многообразия, какое характеризует доуральскую Россию. С этой точки зрения, все это гигантское пространство есть лишь диспропорциональное растяжение восточного ландшафта, масштаб которого намного превосходит зональную картину собственно России. Таким образом, в ландшафт ном смысле гигантский пространственный объем сводится к ограниченному климатическому качеству.

Во-вторых, точно такая же диспропорция наличеству ет и на демографическом уровне. За Уральским хребтом живет такое же количество населения, которое характерно для каждой из ярко выделенных природой ландшафтных зон европейской России.

В-третьих, освоение этого региона с точки зрения коммуникаций, городов, связи и т.д. также несопоставимо с его пространственным объемом.

Поэтому в актуальной ситуации геополитическая роль Сибири не может рассматриваться пропорционально ее пространству. Это особое, «резервное пространство», которое представляет собой последнюю «неосвоенную» как следует часть евразийского материка.

Таким образом, с учетом особого качества Сибири, Москва действительно отождествляется с геополитиче ским центром «географической оси истории». Заметим: именно неосвоенность Сибири (особенно Восточной Сибири) заставили Макиндера в его поздних работах включать «Lenaland», т.е. пространство, лежащее восточнее от реки Лена, в особое геополитическое образование, не принадлежащее, строго говоря, heartland'у.

Но уже Шпенглер отметил тот момент, что Сибирь представляет собой географическое пространство, роль которого может проясниться постепенно и оказаться решающей в историческом процессе. Он предвидел, что именно из Сибири сможет развиться особая уникальная культура, которая положит конец «упадку Запада» и его «фаустианской» цивилизации. Эту же идею поддержи вали и русские «азийцы», крайнее ответвление евразий цев, считающих, что Восток (Азия) важнее не только Запада, но и самой Евразии (так, в частности, полагал В.Иванов и некоторые «тихоокеанисты», Pazifiker, хаусхофе ровской школы Курт фон Бекман и т.д.). Таким образом, в далекой перспективе, которая предполагает изменение демографического и информационного состояния развития Сибири и ее уравнивание с остальными русскими (или европейскими) регионами, можно предположить, что географическое положение Москвы утратитсвою центральность, и геополитический центр Евразии сместится к востоку.

Но в данный момент это следует учитывать, лишь как футурологическую перспективу. (Подробнее об этом в главе о русском Востоке).

От центра (Москвы) можно провести лучи к различным областям периферийных российских земель. Эти лучи не являются отрезками, так как их длина не фиксирована. Центробежные и центростремительные силы воздействуют на регионы с переменной величиной, зависящей от многих исторических факторов. Кроме того, физические расстояния от геополитического центра (Москвы) не всегда соответствуют «геополитическим расстояниям». Эти расстояния зависят не только от количественной, но и от качественной стороны связей, от самостоятельности региональных образований, их формы, их культурно-этнической специфики.

Можно свести все эти лучи, сходящиеся к центру, к четырем основным категориям или «внутренним осям»:

1) Москва -Восток

2) Москва -Запад

3) Москва -Север

4) Москва -Юг

С другой стороны, соответствующие периферийные пространства представляют собой «зоны» или «полосы», каждая из которых обладает специфическими характери стиками и особой структурой. Эти полосы можно назвать, соответственно, «русский Восток», «русский Запад», «русский Север» и «русский Юг». Определение «русский» имеет в

данном случае не этнический, но геополитиче ский смысл, подчеркивающий связь региона с централь ной «континентальной осью» Москвой.

Главным содержанием темы «внутренней геополити ки» России будет выяснение геополитической структуры этих четырех «периферийных зон» и качества и характера «лучей», связывающих их с центром. Структура зон будет подробнее разобрана в следующих главах. Характер лучей, в самых общих чертах, можно рассмотреть сейчас.

1.4 Внутренние оси («геополитические лучи»)

Четыре геополитические луча связывают Москву с периферией «русского пространства». Эти лучи имеет разное качество.

Их можно разделить на две пары лучи Москва Запад и Москва Юг, с одной стороны, и лучи Москва Восток и Москва Север, с другой.

Первые два луча, с геополитической точки зрения, «незакончены», «открыты». Они упираются в сложную геополитическую систему значительного территориального объема, которая отделяет континентальную массу России от идеальной границы береговой линии. Южная и Западная границы России, с геополитической точки зрения, представляют собой широкие пояса, отделяющие центральную часть от береговой линии. В этом отношении эти два луча представляют собой наиболее уязвимые для России направления, и вся геополитическая динамика по этим осям является крайне напряженной, сложной, имеющей множество уровней и измерений.

Оси Москва Запад и Москва Юг сочетают в себе как внутренне-, так и внешнеполитические аспекты, так как здесь регионы собственно России-Евразии плавно переходят в зоны, находящиеся под контролем других государств, и некоторые из этих государств принадлежат к противоположному планетарному блоку, к лагерю талассократии.

Вторые два луча: оси Москва Север и Москва Восток резко отличаются от первой пары. Здесь граница России совпадает с береговой линией, «государств-про кладок» не существует, и поэтому политическая динамика в этих направлениях исчерпывается внутриполитиче скими темами. На Севере и на Востоке Россия имеет законченные геополитические границы. И главной задачей в данном случае является сохранить статус кво.

Более того, Север и Восток именно за счет океаниче ских границ являются резервными и прекрасно защищенными тылами «географической оси истории», где в критические моменты всегда можно создать дополнитель ные пространственные платформы для геополитического и стратегического переструктурирования.

Разница между осями «Запад" и "Юг» и осями «Север» и «Восток» не является следствием исторической случайности. Сам географический ландшафт, а позже этническая и культурная карта соответствующих регионов представляют собой матрицу, которая по мере течения политической истории заполнялась конкретным государственным содержанием. На западных и южных окраинах России и на смежных территориях соседних стран сложились развитые соцветия культур, государств и этносов, со своими политическими и духовными традиция ми, государственностью и т.д. Это зона, одной своей стороной входящая в rimland. Здесь активно развиты объективные и

искусственные предпосылки для «сепаратизма», а тот, в свою очередь, в планетарном масштабе отождествляется с талассократической стратегией.

Север и Восток России, напротив, крайне ландшафтно однородны, и неплотно населены народами, не имеющими развитых политических и государственных традиций или давно утративших историческую инициативу имперостроительства (к примеру, алтайские тюрки, буряты и т.д.). Здесь у Москвы доступ к морям свободный, но и качество морей соответствующее. Они мало судоходны, холодны, значительную часть года покрыты льдами, оторваны от центральной части за счет плохих коммуникаций, их порты малоразвиты. Определенные стратегические преимущества компенсируются соответствую щими недостатками.

Две пары лучей дают полную геополитическую симметрию. Протяженность северных и восточных берегов России сопряжена с демографической разряженностью, коммуникационной неразвитостью. Западные и южные границы сухопутны, густо заселены, ландшафтно разнообразны и представляют собой объемные полосы значительной площади.

Геополитические отношения центра с периферией в России, таким образом, разделяются на два вида чисто внутренние оси с океаническими линейными граница ми (Север, Восток) и полувнутренние оси с сухопутными границами «полосного» («зонального») качества (Запад, Юг). Динамика «Юг и Запад» подразумевает вступление в сферу международных отношений, дипломатию и т.д. Динамика «Север и Восток» ограничивается внутрипо литическими проблемами. Однако чисто геополитический подход делает эту картину, в некоторой степени, относительной. Там, где в данный момент находится «незави симое» государство, геополитик видит «будущую провинцию», и наоборот, береговая часть территории одного государства в какой-то момент может стать береговым плацдармом альтернативной геополитической силы (т.е. новым «суверенным» государством).

Лучи, идущие из центра к периферии, «импульсы континентальной экспансии», сталкиваются постоянно с противоположным силовым давлением. Атлантический блок стремится ограничить центробежную энергию Москвы, используя «сепаратистские» тенденции окраинных народов или соседних государств, базируясь при этом на тех береговых зонах, которые уже находятся под уверенным контролем талассократии. На Юге и на Западе это противодействие вполне различимо в конкретной политической реальности. На Севере и Востоке противодей ствие менее очевидно и наглядно. Но, тем не менее, оно существует в виде стратегического военного присутствие атлантистов в океанической береговой зоне (особенно ядерные подводные лодки), и в определенные критические периоды может выражаться в прямом политиче ском вмешательстве во внутрироссийские дела и поддержку (или провокации) сепаратистских настроений этнических и культурных меньшинств.

Глава 2. Путь на север

2.1 Модель анализа

Геополитический луч Москва Север в большом приближении распадается на целый спектр лучей, расходящихся от единого центра по всей протяженности побережья Северного Ледовитого Океана. Мы получаем, таким образом, усложненную модель, в которой возникают три проблемы:

1) соотношение секторов Севера между собой;

2) соотношение их с Центром (Москвой);

3) соотношение с другими областями русского пространства (Югом, Востоком, Западом)

Геополитический анализ дробится сразу на несколько секторов и проблем. При этом основная задача состоит в том, чтобы, по возможности учитывая региональную специфику и детали, не потерять из виду общего комплекса «внутренней геополитики России» и еще более широкого планетарного контекста.

Геополитический императив Центра в отношении Севера заключается в максимально возможном укреплении стратегического контроля над этими областями. Учитывая малозаселенность территорий, расположенных засеверным полярным кругом, и отсутствие развитых политических и государственных традиций этносов, там проживающих, культурно-политические аспекты здесь отступают на второй план. Наиболее важной стороной становятся военный контроль за побережьем (военные, военно-воздушные и военно-морские базы), информацион ное сообщение, энергоснабжение и обеспечение продоволь ственного и жилищного достатка.

2.2 Геополитический характер русской Арктики

Климатический характер северных территорий предполагает точечное, а не «полосное», его заселение. Отсюда возрастает роль центров, приобретающих важнейшее значение и становящихся, до некоторой степени, эквивалентом того, что в иных районах определяется как «территория». Это тождество «центра» и «территории» на Севере максимально, так как промежуточные просторы не просто малопригодны для жилья, но смертельно опасны тундра, холод, отсутствие селений, путей и т.д.

Таким образом, геополитически Север это система точек, расположенных в арктической зоне, созвездие дискретных поселений, разбросанных по довольно однородному (климатически и рельефно) пространству. Подавляющее большинство северных земель представляет собой тундру, т.е. северную пустыню с редкой растительно стью (лишайники). Это зона вечной мерзлоты.

Характер северного пространства в чем-то близок «водной стихии». В нем границы между территориями не имеют практически никакого серьезного значения, так как контроль над той или иной землей не дает никаких особенных преимуществ. Учитывая малозаселенность, автоматически снимается и вопрос о «конкуренции за кочевья» у оленеводческих народов.

Население Севера представляет собой разнообразие древнейших евразийских этносов, обитавших на этих территориях в течение тысячелетий без особой культурной, миграционной или этнической динамики. Любопытно, что именно на севере западной границы России проходит деление и по этническому признаку: север Европы Скандинавию, Германию, Данию вплоть до Англии, Ирландии и Исландии населяют «развитые» народы индоевро пейского происхождения (молодые этносы); а начиная с Финляндии и Карелии и вплоть до Чукотки русский Север заселен этносами, намного более древними и архаическими, чем население европейского Севера (угры, архаичные тюрки и палеоазиаты чукчи, эскимосы и т.д.). Причем, по мере движения на восток вдоль побережья Северного Ледовитого океана архаичность этносов возрастает. Более молодые индоевропейцы (или тюрки), динамично передвигаясь по наиболее обитаемым частям Евразии, волнами «сдвигали» автохтонов к северу.

С запада на восток: после карелов и финнов (все же довольно активно участвовавших в современной истории, хотя и на вторых ролях) более архаичные ненцы и коми, потом ханты и манси, долганы, эвенки, а далее чукчи и эскимосы. Огромный сектор Восточной Сибири занимает Якутия (Саха), но собственно якуты (одно из ответвления тюрков) живут гораздо южнее северного полярного круга, а сам север области почти необитаем.

От угров до эскимосов пространство русского Севера демонстрирует нам исторические временные срезы цивилизации.

Понятие «русский Север» представляет собой трапецию, повторяющую очертания Евразии в целом. К западу она сужается, к востоку расширяется. На русско-фин ской границе эта территория захватывает приблизительно 10 градусов по меридиану, а Чукотка с Камчаткой покрывают уже 20 градусов. Но это пространственное расширение мало влияет на геополитический характер тер ритории; и по демографическим признакам, и по степени освоения, и по качеству коммуникаций и частоте поселений эта географически расширяющаяся к востоку трапеция дает зеркальную картину, так как «узкий» западный фланг северного сектора освоен и заселен больше, чем противоположный восточный фланг.

Если Сибирь является геополитическим «резервом» России, то Север, и особенно сибирский Север, является «резервом» самой Сибири, будучи самым удаленным от цивилизации регионом Евразии. Это ледяная неизведанная земля, формально описанная в картах, но не представляющая никакого исторического знака, не имеющая никакого глобального культурного измерения (по меньшей мере, в обозримых исторических пределах доступно го изучению прошлого). Такое положение странно контрастирует с той ролью, который «север» играет в мифологиях многих народов. Там он наделяется качеством «великой прародины», «обетованной земли», «древнего рая». В данный исторический момент это скорее нечто противоположное холодное, неприветливое, враждебное людям, отчужденное пространство с редкими вкраплениями искусственных очагов цивилизации.

2.3 Север + Север

Административно большинство северных земель являются автономными округами РФ, кроме Карелии, Коми и Якутии, которые имеют более самостоятельный политический статус (республики). Политически области расположены так (с запада на восток): Карелия, северней Мурманская область, Архангельская область, республика Коми и

ненецкий автономный округ, Ямало-Ненец кий автономный округ, таймырский (Долгано-Ненецкий автономный округ), северные сектора Якутии, Чукотский автономный округ, Магаданский край, Корякский авто номный округ и Камчатка.

Сходство геополитического качества всех этих территорий является достаточным основанием для того, чтобы они могли образовать некоторый территориально-стра тегический блок на основе определенных интеграцион ных структур. Все эти области сталкиваются с типологически близкими проблемами; их развитие проходит по одинаковым траекториям. Это естественное сходство, столь выпукло проявляющееся даже при самом беглом геополитическом анализе, показывает необходимость определенной консолидации. Эта консолидация, своего рода пакт «Арктических земель», может иметь несколько уровней от духовно-культурного до практического и экономического.

Можно изначально наметить общие направления такого блока.

Его культурной базой может стать сугубо евразий ская теория переосмысления традиционной цивилизации как позитивной модели социального устройства, сохранившего память о космических пропорциях. Это означает, что архаизм народов Севера (неразвитость, отстава ние, примитивность и т.д.), является не минусом, но духовным плюсом. Древние этносы не только не подлежат «перевоспитанию» и включению в «современную цивилизацию», а, напротив, нуждаются в том, чтобы условия их существования максимально соответствовали их традиции. Причем забота об этих традициях частично должна быть переложена и на государство, стремящееся обеспечить себе стратегический контроль над этими землями.

Параллельно этому следовало бы взять на вооружение «мифологический» аспект Севера как древнейшей родины человечества, и проект «духовного возрождения Севера» приобрел бы в таком случае достойный исторический масштаб. При этом акцент следовало бы сделать на сезонной специфике арктического года полярном дне и полярной ночи, которые считались индусами и древними персами «сутками богов». Существование в арктических условиях (общее для всего евразийского Севера) возвращает человеческое существо в условия особого космического ритма. Отсюда духовно-терапевтическое значение арктических зон.

На материальном уровне и особенно применительно к условиям существования мигрантов с Юга, т.е. в большинстве своем русских, следует сплотить усилия всех северных центров в разработке оптимальных моделей городов и селений с учетом климатической специфики. В данном аспекте требуется применение новейших технологий нетрадиционных источников энергии (солнечная энергия, ветровые электростанции и т.д.), строитель ных ноу-хау для вечной мерзлоты, системы коммуника ций и транспорта, развитие межрегионального авиатран спорта и т.д. Изначальным должен быть проект общего арктического развития, выработки единой и наиболее эффективной формулы, которая позволила бы в кратчайшие сроки модернизировать поселения, сделать их существование более динамичным и взаимосвязанным.

Учитывая важность этой проблемы, логично было бы предоставить ее решение самим арктическим областям, обеспечив государственную поддержку всему проекту в целом из центра. Выработка «арктической формулы» дело самих северян.

Так как Север это геополитический «резерв резервов» России, то следует готовить его регионы к возможной активной миграции населения с Юга. Это касается другой стороны проблемы нового заселения Севера. Рано или поздно, учитывая демографические

процессы, это станет необходимым, и лучше уже сейчас начать создавать для этого структурные предпосылки.

Особо следует выделить военный аспект. Север является гигантской стратегической военной зоной России, важнейшим поясом ее безопасности. Здесь сосредоточе ны многие ракетные базы и базы стратегической авиации; Мурманск и Архангельск являются крупнейшими в России военно-морскими базами. Такое положение не следствие произвола идеологического противостояния двух лагерей в эпоху холодной войны. Стратегическое значение Севера в военном смысле сохраняется для России в любом случае, так как речь идет о соблюдении интересов Евразии, heartland'а. Смысл военного присутствия на Севере России вытекает из континентального характера структуры российских ВС и из естественного осознания себя континентальным лагерем, противостоя щим «силам моря». Основное значение этих военных объектов защита береговой зоны от возможных морских и воздушных вторжений и обеспечение в случае необходимости нанесения ядерного удара по американ скому континенту через Северный полюс. Это кратчайшее расстояние от России до территории США. По этой же причине данная территория является приоритетной зоной развития противоракетной обороны.

В настоящее время Север дает огромный процент в общем промышленном продукте России. При этом не учитывается его центральное значение в военно-промыш ленном комплексе. Многие полезные ископаемые в частности, соль, никель и т.д. добываются преимуще ственно в приарктических областях. Но между такой промышленной развитостью Севера и отставанием в других областях развития существует огромный зазор. Геополитическая логика требует активного выравнивания ситуации. Причем удобнее всего сделать это именно в рамках «Арктического пакта». В таком случае следовало бы обозначить столицу (или несколько столиц) Севера, в которой сосредоточился бы интеллектуально-тех нологический потенциал, куда свелись бы основные эко номические, финансовые и инженерные рычаги. Это дало бы Северу значительную независимость от центра, свободу от контроля в деталях, резервы для гибкого регионального развития и быстрой промышленно-экономиче ской реакции.

На всех этих уровнях ясно выступает необходимость интеграции Севера. Это важно в духовном, этническом, культурном, военно-стратегическом, промышленном, социальном, финансовом плане. Результатом такой многоуровневой интеграции (пока существующей лишь потенциально) стало бы создание совершенно новой геополитической реальности, в которой значительное повышение автономности и региональной самостоятельности не ослабляло бы стратегической связи с центром. Освоение Севера стало бы путем в будущее, плацдармом совершенно нового (основанного на геополитике) понимания пространства в долгосрочной перспективе.

Северная Земля из бесплодной пустыни снова превратилась бы в полярный рай, укрепив планетарный вес континента и создав модель общества «евразийского будущего», основанного на сочетании традиции и развития, верности корням и технологической модернизации.

2.4 Север + Центр

Первый подход к геополитическому анализу Севера (Север + Север) основан на выделении «полярной трапеции» в единый связный регион, который можно рассмат ривать как самостоятельную пространственную фигуру. Такое видение Севера позволяет выработать наиболее гибкую модель его развития, так как самой устойчивой

геополитической конструкцией является та, которая состоит из самодостаточных автаркийно-автономных (в ограниченном смысле) элементов. Но даже подобная относительная автаркия требует определенного территориального масштаба. «Трапеция» русского Севера отвечает всем необходимым условиям для того, чтобы сложиться в самостоятельное внутрироссийское «большое пространство». Более того, такая интеграционная автономия может в значительной мере компенсировать неизбежный для государства стратегический централизм.

Второй геополитический подход заключается в анализе системного функционирования по оси Центр Север. Эта ось была и во многом до настоящего времени остается единственной и главной в административной организации северных территорий. Отдельные регионы и центры Севера были напрямую подчинены Москве, которая контролировала все основные вектора развития этих территорий. Такой однозначный централизм не позволял максимально эффективно развивать внутренние геополитические потенции Севера, заведомо делал специализацию регионов однобокой и ориентированной на масштаб всей страны. Это позволяло поддерживать режим строгого централизма, но значительно тормозило вскрытие внутренних возможностей.

Геополитическая логика подсказывает, что вопрос соотношения Центра и Периферии (а в нашем конкретном случае, Москвы Севера) должен заведомо делиться на две составляющие:

1) строгий централизм в сфере макрополитики и стратегической подчиненности;

2) максимальное раскрепощение внутренних возможностей за счет предельной культурной и экономической автономии.

В иных терминах: стратегический централизм + культурно-экономический регионализм.

Для выработки наиболее эффективной модели такого геополитического распределения ролей снова встает вопрос о «столице Севера», которая могла бы выполнять роль промежуточной инстанции между Центром и всеми областями. К этой точке сходились бы все военные связи от баз, военных частей, портов и т.д. Кроме того, здесь могло бы находиться «правительство Севера», гибкая инстанция политической координации всех частей «полярной трапеции», подчиняющаяся непосредственно Москве, но выступающая перед ней от лица всего Севера. Это мог бы быть «парламент народов Севера» и соответствую щие исполнительные структуры. При этом важнее всего было бы достичь гармоничного сочетания военного руководства с региональными представителями, так как централистский характер стратегического контроля сопрягался бы в таком случае с выражением региональной воли северных земель. Тандем военного представителя Москвы с гражданским представителем «народов Севера» в такой геополитической столице мог бы стать идеальным прообразом наиболее эффективной и оператив ной, гибкой, но крепко связанной с центром организации всего евразийского пространства. При этом межэтниче ские и культурные трения между народами Севера в таком интеграционном процессе будут минимальными по историческим и географическим причинам дробности и мозаичности расселения и малочисленности этносов.

Именно на Севере следует опробовать эту модель реорганизации пространства, основанную на чисто геополитических предпосылках. В данном случае все условия для такого проекта налицо принадлежность всех регионов Севера к России, территориальная и демографи ческая разряженность, назревшая потребность в переструктурализации промышленно-экономических систем, часть из которых выпала из общей системы националь ного «распределения труда», демографический кризис, критическое положение

с народами Севера, распад энергоснабжающих систем и коммуникаций, необходимая реформа ВС и т.д.

Отношение Москва Север напрямую зависит от общей интеграции северных регионов в единый блок и еще по одной причине. Россия имеет широтную географи ческую структуру, она вытянута вдоль параллели. Основные тенденции ее развития имели именно широтную динамику. На интеграции пространств вдоль широт строилось русское Государство. По этой причине основные коммуникации и системы связей внутри России складывались в согласии с этой моделью. Особенно наглядно широтный процесс выразился в освоении Сибири и «рывке к Океану». Поэтому устойчивость внутренней структуры России напрямую зависит от полноты и динамики широтной интеграции. Если брать Россию в целом, то для ее континентальной стратегической полноценности необходимо развитие по оси Север-Юг. Это касается в первую очередь экспансии за ее пределы, так как любая геополитическая организация пространства по вертикали дает максимальную степень стратегической автаркии. Но в пределах самой России такая полная автаркия совершенно нецелесообразна. Здесь, напротив, следует настаивать на предельном стратегическом централизме, на взаимосвязи региональных пространств с Центром. Поэтому можно сформулировать геополитический закон: внутри России приоритетной является интеграцион ная ось Запад-Восток, вовне России ось Север-Юг. (Более нюансированнро этот закон формулируется так: жестко этнически и политически контролируемые Россией и русскими пространства требуют широтной интеграции, тогда как внутрироссийские земли, компакт но заселенные иными этносами с фиксируемыми исторически традициями политического сепаратизма, напротив, нуждаются в интеграции по меридианальному признаку.) Динамика вдоль меридиана делает политиче ское образование независимым от соседей слева и справа. Это нужно для страны в целом, но излишне для отдельных секторов этой страны. Динамика вдоль параллели, напротив, жестко связывает Центр с периферией; это полезно для внутриполитической организации государства, но приводит к конфликтам и дисбалансу на межгосударственном уровне.

На основании этой закономерности следует настаивать именно на широтной интеграции Северных регионов, учитывая их принадлежность к единой климатиче ской и рельефной зоне, а не чисто географическую (и даже в некоторых случаях этническую) близость их к иным (южным, восточным или западным) областям. Широтное объединение Севера будет способствовать его культурно-экономическому развитию, но препятствовать созданию предпосылок для потенциального политического и стратегического суверенитета. Только такая структура решит проблемы Центр Периферия в максимально позитивном, с геополитической точки зрения, ключе.

2.5 Финский вопрос

Единственной международной проблемой, связанной с русским Севером, является проблема Карелии (и Финляндии). Карельский этнос близок к финскому и связан с ним культурно-историческим единством. Если исходить из логики широтной интеграции, карельский вопрос представляется, на первый взгляд, аномалией. Здесь возможны два подхода.

Первый заключается в том, чтобы абсолютизировать геополитически карело-финскую границу и предложить Карельской республике интегрироваться по оси Север-Юг с исконно русскими регионами вокруг Онежского озера, Ладоги. Такой вектор развития противоестественен и к нему следует прибегать только в самом худшем случае, так как искусственный разрыв этнического единства по административной линии чисто

политической границы никогда не дает геополитической устойчивости региону. Дело усугубляется еще и тем, что карело-финская граница представляет собой легкопроходимый лесной и болотистый рельеф и имеет огромную протяженность; надежно защищать такую границу крайне сложно, громоздко и дорого.

Второй подход предполагает создание карело-финской геополитической зоны, культурно и отчасти экономически единой, но представляющей собой стратегическую опору евразийского Центра. В европейских языках наличествует термин «финляндизация», появившийся в ходе холодной войны. Под ним понимают номинально нейтральное государство с капиталистической экономикой, но стратегически склоняющееся к СССР, т.е. к heartland'у. Финляндия как государство есть в высшей степени неустойчивое и далекое от автаркии образование, естественным и историческим образом входящее в геополитическое пространство России. Это проявлялось на самых разных этапах истории. Центр мог бы пойти на широкую автономию карело-финского объединения с единственным условием стратегический контроль над Ботническим заливом и размещение евразийских пограничных войск на финско-шведской и финско-норвеж ской границе. Протяженность границы сократилась бы вдвое при том, что финско-шведская и финско-норвеж ская границы рельефно гораздо менее однородны и легкопроходимы, чем карело-финская. Кроме того, Россия получила бы возможность контроля над Балтикой с Севера.

Второй подход является во всех отношениях предпочтительным, и именно такая тактика должна использоваться континентальным Центром во всех этнически и культурно смешанных зонах на границах государства. Расколотое этническое единство автоматически означает нестабильность пограничной зоны, неустойчивость границ. Атлантистский противник рано или поздно попытается взять на вооружение это обстоятельство, чтобы провести этническую интеграцию в своих целях т.е. усилить контроль над rimland'ом и ослабить heartland. Поэтому континентальные силы должны активно и наступательно пользоваться аналогичной тактикой и не страшиться уступать культурный и даже экономический суверенитет пограничным народам в обмен на стратеги ческое присутствие и политическую лояльность.

Когда устойчивых границ нельзя добиться путем прямой военной или политической экспансии, следует применять такой промежуточный гибкий вариант, которым в антиевразийском смысле постоянно и с успехом пользуется талассократия.

2.6 Север и Не-Север

Специфика географии арктического побережья русской Евразии сводит проблему соотношения регионов Севера с другими регионами к более упрощенной формуле Север Юг, так как широтные проблемы (а именно, с Западом) возникают только в случае Карелии. Единствен ным исключением является проблема Якутии, которая стоит здесь особняком, так как Якутия имеет, хотя и крайне искусственную, но все же исторически фиксируе мую традицию политического сепаратизма. Этот аспект отражается и в позднейшей классификации Макинде ром Евразии, где он выделил «Lenaland», «землю реки Лена», а Якутия (Саха) составляет ось этого региона, простирающегося от моря Лаптевых до Амурской области и Алтая на юге. Но случай Якутии надо рассматри вать особо.

Начнем с западной части «северной трапеции». Здесь выделяются Кольский полуостров, Мурманск и Карельская республика. Вместе с Финляндией все это составляет единый

географический и геополитический сектор, который эффективнее всего было бы интегрировать в самостоятельную и законченную систему, в которой стратегическим приоритетом и качеством военного центра решений обладала бы Мурманская область и сам Мурманск, а карело-финское пространство было бы наделено широким культурно-экономическим суверенитетом. В этом случае Мурманскую область можно было бы увеличить за счет северных областей Финляндии финской Лапландии. Баланс между Мурманском (стратеги ческой проекцией Москвы) и карело-финским простран ством был бы конкретным выражением евразийского обустройства континента примером «новой финляндизации» в условиях, складывающихся после окончания «холодной войны».

Дальнейшее движение на юг этого блока мы рассмот рим в главе, посвященной русскому Западу. Надо заметить, что в любом случае основополагающей стратегиче ской осью в данном случае будет ось Мурманск Москва.

Далее: Архангельский край. Здесь следует сделать исключение из общего правила и обозначить важность интеграции не только по широте Север Север, но и по меридиану. Дело в том, что Архангельский край расположен строго над центрально-европейской частью России, а следовательно, сама идея возможного суверенитета этого вертикального сектора от Белого моря до Черного в отношении России в целом исключается, так как этот регион и есть собственно Россия. Поэтому Архангельск и архангельский край находятся в той стратегической позиции, которая более всего отвечает принципу стратегической интеграции Севера в интересах Центра. Ось Москва Архангельск единственная из всего спектра внутренних «геополитических лучей» представ ляет собой не просто военно-стратегическую конструк цию. Здесь необходимо добиться максимальной и разноплановой интеграции с Югом, вплоть до Москвы, постараться создать плавный переход от (относительно) густонаселенных районов Вологодской области к точечным поселениям Поморья. Миграция русского населения на Север, его активное освоение, развитие и преображение должно начинаться именно с Архангельска. Этот крупнейший порт находится в наиболее выигрышной позиции в сравнении со всеми остальными населенными пунктами Севера, поэтому логичнее всего именно Архангельск выбрать в качестве «столицы Арктического пакта». Развитие оси Москва Архангельск должно быть всесторонним и приоритетным. От качества и динамики этой единственной (из всего Севера) меридианальной интеграции будет зависеть состоятельность и эффективность всего «Арктического пакта».

Восточнее в зону Севера входит два административ ных образования Ненецкий автономный округ и Республика Коми. Интеграция этих пространств между собой не имеет никаких противопоказаний, особенно при учете незначительной заселенности Ненецкого автономного округа. Близость к Архангельску позволяет активнейшим образом и приоритетно развивать этот регион в рамках общего проекта. Особым значением обладает освоение островов Новая Земля и Земля Франца Иосифа. Эти арктические земли обладают колоссальным стратегическим значением в контексте межконтинентального противостояния. Это наиболее близкие к полюсу, а соответст венно, и к США, русские территории, которые использу ются как военно-стратегические базы. Как и в случае с Карелией и Мурманском, самые северные пространства контролируются преимущественно военными, тогда как южнее более развита гражданская администрация. Весь регион в целом имеет центром Воркуту, к которой сходятся основные коммуникации и пути сообщения.

Воркута крупный промышленный и стратегический центр, который расположен недалеко и от Ямало-Нене цкого округа, где нет аналогичного по масштабу центра. Следовательно, Воркута могла бы контролировать и гигантскую территорию побережья Карского моря

вплоть до устья Енисея и бассейна устья Оби. В этой области Ямало-Ненецкий округ географически близок к Ханты-мансийскому округу, и оба они входят в единый геополитический сектор.

Особо следует подчеркнуть, что южная граница «Северной трапеции» в случае Республики Коми имеет очень важное геополитическое значение. В данном случае интеграционные процессы этого северо-уральского региона с остальным Уралом (и северным Поволжьем) не только малоцелесообразны, но откровенно вредны, так как юго- западнее (за Коми-пермяцким округом) расположен Татарстан, где сепаратистские тенденции имеют долгую историю. Будучи помещенным в середину русских земель, Татарстан не представляет особой опасности, но во всех аналогичных случаях «сепаратистская логика» заставляет искать выхода к морям или иностранным территориям, и любые интеграционные процессы по вертикали в данном случае рано или поздно могут оказаться крайне опасными. Здесь следует пойти обратным путем (нежели в случае Архангельской области) и попытаться максимально оторвать весь северо- уральский регион и соседние с ним сектора на востоке и западе от Поволжья и Урала. В данном случае «северная трапеция» должна быть строго отделена от всего континентального пространства, расположенного южнее.

Еще восточнее лежат земли Енисейского бассейна, которые административно приходятся на Таймырский и Эвенкийский автономные округа и на северную часть Красноярского края бывший Туруханский край. В этой области выделяется Норильск, который может быть определен в качестве центра для всего этого гигантского региона. В данном случае меридианальная динамика по оси Север-Юг не исключается, так как Южная Сибирь от Омска до Байкала густо заселена русскими, и интегра ция в этом направлении особой опасности представлять не может. Весь этот блок лежит на промежуточной территории, где заканчивается зона более или менее равномерного заселения территории и начинается собственно «Lenaland» Макиндера, «ничейная земля». Это зона и все более восточные территории представляют собой гигантскую континентальную пустыню, безжизненную тундру на севере и непроходимую тайгу на юге. Это «потенциальное пространство». С юга оно частично освоено и русскими и древними тюрко-монгольскими народами с относительно развитой политической культурой. Но на самом Севере оно представляет собой «no man land». Такое положение нельзя изменить быстро и одним рывком, а, следовательно, гигантский регион с центром в Норильске еще определенное время будет представлять собой «внутреннюю границу» континентальной России на северо-востоке, стратегический форпост Центра на Севере. Это логически подводит к необходимости особо развивать именно Норильск, который обладает чрезвычайно важным геополитическим значением. На него ложится функция контроля над Таймыром (и островом Северная Земля) на севере и бассейном Енисея на юге, а кроме того, от этой точки должна начинаться зона менее широкого, т.е. более точечного, узконаправленного контроля Центра над «дальним Северо-востоком» Евразии, над Lenaland.

Lenaland Макиндера включает в себя Якутию, Чукотку, Камчатку, Магаданский край, Хабаровский край, Амурскую область и Приморский край, остров Сахалин и Курилы. Все пространство делится на две геополитические области фрагмент «северной трапеции», с одной стороны, и Южная Якутия, Приамурье, Приморский край и южная половина Хабаровского края, с другой. Оба пространства качественно совершенно разные. Южная часть, особенно побережье Охотского и Японского морей, относительно плотно заселена, имеет древние политические традиции, является местом проживания довольно активных евразийских этносов. С точки зрения техниче ского развития и, одновременно, в климатическом смысле, этот южный сектор представляет собой продолжение Южной Сибири.

Полной противоположностью является северная часть Lenaland. Это самая неразвитая и «дикая» часть Евразии, гигантский материковый пласт, с зачаточной инфраструктурой и практически без населения. Единствен ным крупным центром всего региона является Магадан, но он представляет собой порт, очень слабо связанный с необъятными континентальными просторами Колымы, Северной Якутии. Анадырь на Чукотке так же не является центром в полном смысле слова и так же не связан с континентом. Данный сектор отдельный материк, блестяще защищенный морскими границами, обладающий многочисленными полезными ископаемыми, но при этом совершенно не развитый и не освоенный, находящийся в потенциальном состоянии. Эта часть Сибири вынесена за рамки истории, и именно к ней в большей степени относится футурологическое пророчество Шпенглера относительно «грядущей сибирской цивилизации». Этот уникальный сектор Старого Света, еще не сказавший своего слова в истории цивилизаций и никак не проявивший своей геополитической функции.

Такая неразвитость этого региона объясняется на основании т.н. «потамической теории цивилизации», согласно которой культурное развитие региона происходит гораздо быстрее в тех случаях, когда русла основных рек в нем расположены не параллельно друг другу, но пересекаются. Сибирь (особенно Восточная) класси ческое подтверждение этого принципа, так как в ней все крупные реки текут в одном направлении, не пересека ясь. Однако запаздывание в развитии не есть чисто негативная характеристика. Историческое отставание помогает накопить (на основании рационального осмысле ния истории других территорий и наций) важнейший исторический опыт. Это при определенных обстоятель ствах может стать залогом небывалого взлета.

Северная половина lenaland, с точки зрения чисто географической, предполагает рассмотрение в качестве единого геополитического комплекса. И здесь встает очень важный вопрос. Вокруг какого центра сможет сложиться это грядущее геополитическое образование? Какой ориентации оно будет придерживаться? Сам факт сомнения Макиндера относительно того, причислять или нет lenaland к «географической оси истории», указывает на возможность альтернативных решений ситуации. Этого достаточно для того, чтобы континентальная стратегия уделила данному сектору особое внимание.

Ясно, что задачей максимум является включение этой области в «Арктический пакт» под контролем Центра (Москвы) и корреляция с другими, вторичными центрами Северного пояса. Но здесь возникают два препятст вия:

1) отсутствие в центре этого региона какого-то крупного стратегического пункта, вокруг которого можно было бы выстраивать интеграционные системы;

2) осевое положение Якутии (Республика Саха) в этом регионе, что особенно осложняется наличием у якутов пусть номинального, но исторически фиксируемого «сепаратизма».

В данном случае соотношение северной половины «арктической трапеции» с Югом впервые приобретают действительно драматический характер, так как Якутия обладает таким стратегическим местонахождением, которое дает все предпосылки для превращения в самостоятельный регион, независимый от Москвы. Это обеспечивается и протяженной береговой линией, и меридианальной структурой территорий республики, и ее технической оторванностью от остальных сибирских регионов. При определенном стечении обстоятельств именно Якутия может стать основной базой атлантистской

стратегии, отправляясь от которой талассократия переструк турирует тихоокеанский берег Евразии и попытается превратить его в классический rimland, подконтрольный «морскому могуществу». Повышенное внимание атлантистов к тихоокеанскому ареалу и в высшей степени показательное выделение Макиндером Lenaland в особую категорию, а затем включение этой территории в зону rinmland'а в картах атлантистов Спикмена и Кирка все это свидетельствует о том, что при первом удобном случае весь этот слабо связанный с центром регион антиконтинентальные силы попытаются вывести из-под евразийского контроля.

В этой связи следует предпринять следующие меры:

1) Резко ограничить юридически политический суверенитет Якутии.

2) Разделить Якутию на два или несколько регионов, причем важнее всего административно отделить регион побережья моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря от континентального бассейна реки Лена. Важно также максимально увеличить зону, отделяющую границы Якутии от тихоокеанского побережья и усилить стратегиче ский контроль над этими береговыми зонами.

3) Установить над всей этой территорией специаль ный жесткий контроль представителя Москвы.

4) Организовать промышленно-финансовую интегра цию Якутии в неякутские регионы, сделать область максимально зависимой от Центра или от его проекций на Севере и на Юге Сибири.

Названные шаги предполагают такую реорганизацию этой территории, которая создала бы здесь совершенно новую геополитическую конструкцию новый центр и новые радиальные связи. Иными словами, не дожидаясь реорганизации Lenaland по атлантистскому сценарию, пока эта область остается в составе России, следует немедленно перейти к строительству континентальной Lenaland по евразийскому образцу.

Проблема соотношения Север и Юг имеет для данного сектора особое решение здесь не просто следует ограничить контакты по этой оси, но заново реорганизо вать все северное пространство, оторвав его полярные и береговые зоны от континентальных пространств Якутии. Это не только превентивный геополитический ход, это геополитическая атака, позиционная война за Lenaland, за будущую Сибирь, за ее континентальную, евразийскую судьбу. Пока этот вопрос может иметь внутриполитическое значение. Нельзя допускать, чтобы он приобрел международное значение и стал внешнеполитиче ским.

2.7 Резюме

Северный пояс евразийского материка, входящий в Россию, представляет собой важнейшую геополитическую реальность, значение которой будет неуклонно возрастать по мере развития общепланетарной динамики. При этом особенно важен этот регион для утверждения Россией своего глобального геополитического статуса статуса «географической оси истории».

Только при определении атлантизма, талассократии как своего основного геополитического противника вся система Севера приобретает реальное стратегическое наполнение. При отказе от признания геополитического дуализма на уровне военной доктрины или международной политики вся эта тема мгновенно теряет смысл. При этом

неизбежна не только быстрая деградация русского Севера, но и в дальнейшей перспективе его дробление и даже отторжение отдельных регионов от России.

Общий ритм геополитических процессов в настоящее время таков, что вопрос геополитической реорганизации Севера в соответствии с вышеперечисленными геополитическими константами является в высшей степени актуальным, насущным делом. Даже для того, чтобы сохранить статус кво, необходимо немедленно начать геополитическую реорганизацию всех этих пространств.

Судьба России напрямую связана с геополитической судьбой Севера. Этот закон является базой ее грядущей геополитики.

Север это будущее, это судьба.

Глава 3. Вызов Востока

3.1 «Внутренний Восток» (объем понятия)

Разбирая геополитические проблемы русского Востока применим тот же метод, что и в случае Севера, разделив вопрос на три составляющих:

1) Центр - Восток

2) Связи секторов Востока между собой

3) Связи этих секторов с другими регионами и геополитическими зонами России.

Но прежде следует определить, что понимать под «Русским Востоком». Надо сразу подчеркнуть разницу между Востоком как чисто географическим понятием и Востоком культурным, цивилизационным, историческим. Так, в культурный Восток принято включать все территории Северной Африки, Ближнего Востока, Передней Азии, Средней Азии вплоть до Пакистана и дальше к Филиппинам (исламский мир) и Индию, тогда как к Китаю и Индокитаю, а также к странам тихоокеанского региона принято применять понятие «Дальний Восток». С позиции России, географически все это представляет собой Юг, простирающийся от далекого магрибского Запада до тихоокеанского Дальнего Востока.

С другой стороны, в рамках самой России «Востоком» являются совершенно иные географические и геополитические реальности это территория, простирающаяся от Поволжья (Татария) через Урал, Сибирь, вплоть до Тихого океана. Эта геополитическая категория может быть названа «русским Востоком» или «внутренним Востоком». Изучая внутреннюю геополитику России, следует взять в качестве «Востока» именно это второе понятие, «внутренний Восток», географические территории, лежащие к Востоку от Центра (Москвы).

В таком случае, Кавказ и Средняя Азия попадут в категорию «Юга» и будут рассмотрены в соответствую щей главе.

Учитывая, что мы рассматриваем внутреннюю геополитику России как «открытую систему», не совпадаю щую с административными границами РФ, исходя из метода «геополитических лучей», выделение геополитиче ских зон зачастую приходится на территории соседних государств, в том случае, если налицо геополитическое, этническое и географически-ландшафтное единство. По этой причине во «внутренний Восток» России следует включать как Южный Урал, так и Северный Казахстан от Актюбинска до Семипалатинска приблизительно по 50-й широте. Кроме того, Монголия, Синьцзян и Манчжурия геополитически входят в сектор Юга по отношению к России. Следовательно, вся Южная Сибирь, Алтай, Тува, Бурятия, Приамурье и Приморье (плюс южная половина Хабаровского края) входят в полосу «внутреннего Востока» вместе с центрально-сибирскими регионами, расположенными южнее «северной трапеции».

Так, «внутренним Востоком» следует считать прямоугольник, простирающийся от Казани и Урала до Тихого океана.

3.2 Пояс «русской Сибири» (структура)

Климатически русский Восток резко отличается от Севера. Это зона с умеренным континентальным климатом. В Поволжье и на Урале, а также в Сибири и Приморье преимущественно расположена лесная зона. От Северного Казахстана до Байкала идет сужающийся клин степей. Алтай и Приамурье массивы невысоких гор. Большинство территорий довольно плотно заселено и представляет собой благоприятные для проживания и хозяйствования рельефы.

Этнический состав внутреннего Востока России таков: подавляющее большинство представляют собой русские, рассеянно проживающие в национальных республиках и компактно в большинстве Сибирских земель. Можно выделить несколько этнических зон, совпадаю щих в общих чертах с соответствующими автономиями и республиками.

В Поволжье расположен Татарстан, довольно монолитное этно-национальное образование, сохраняющее традиции политической самостоятельности и определенно го соперничества с Россией. Это наиболее уязвимый (с точки зрения сохранения целостности России) регион, так как национальное самосознание татар очень развито. Самым важным фактором, делающим проблему «татарского сепаратизма» все же второстепенной, является географическое месторасположение Татарстана в середине континентального пространства без морских границ или соседства с нерусским государством. Пока такая геополитическая ситуация сохраняется, это не представля ет особой опасности для России. Но в любом случае историческая традиция татар требует повышенного внимания к этому региону и проведения такой политики Центра в отношении Казани, благодаря которой геополитическая система Татарстана была бы связана с чисто русскими регионами (возможно, не прилегающими территориально). При этом, напротив, интеграционным процессам с Башкирией, Удмуртией, Мордовией и Мари-эл следует препятствовать. Кроме того, имеет смысл акцентировать территориальное деление Татарстана по культурно-этническим признакам, так как татары этнос составной и по расовым и по культурно-религиозным факторам. Имеет смысл также поощрять русскую миграцию в эту республику.

Татары тюрки и мусульмане, а это делает их геополитической частью тюрко-исламского мира. В этом отношении Центр сталкивается с проблемой, которая представляет собой доминанту всей геополитики Юга (о чем пойдет речь в соответствующей главе). Совершенный отрыв Татарии от этой реальности невозможен ни путем ассимиляции, ни путем активной географической изоляции. Поэтому «татарский вопрос» входит как отдельная статья в более широкую проблему Россия и ислам. Общим знаменателем при решении всех аналогичных ситуаций является поиск геополитического баланса интересов «географической оси истории» и исламского мира. В этом отношении антиатлантизм является во всех без исключения случаях общим знаменателем, позволяю щим основать долговременный планетарный альянс. В случае Татарстана следует особенно акцентировать естественный континентальный характер татарской нации, чья историческая судьба неразрывно связана с Евразией, а при отождествлении геополитики Евразии с геополитикой России в настоящих условиях, сознательный и добровольный союз является более глубоким императивом, нежели этно-конфессиональные различия.

Шире, евразийская держава Россия основана на сочетании славянского и тюркского элементов, которые и дали собственно великоросский этнос, ставший осью «континентального государства», отождествившегося с heartland'ом. Поэтому и в дальнейшем эти два этноса славяне и тюрки (+ угры и монголы) остаются столпами евразийской геополитики. Их будущее в развитии политической и этнической интеграции,

а поэтому акцентировка этнокультурных различий, и особенно стремление придать этим различиям политическую форму, противоречат логике исторической судьбы и русских и татар. Эта тема должна стать осью отношений Москвы и Казани, и не исключено, что для этого потребуется создание особого «геополитического лобби», выражающего интересы Евразии еще и политически (или метаполитически).

Почти те же самые соображения применимы и к Башкирии, расположенной южней Татарстана. В ней также проживает тюркский этнос, исповедующий ислам. Единственное отличие в том, что у башкир нет столь проявленной сепаратистской традиции и столь развитого национального самосознания, как у татар, которые были наиболее активным и «передовым» этносом во всем Поволжье. По этой причине татаро-башкирские связи никак не могут способствовать геополитической стабиль ности в этом секторе «внутреннего Востока» России, и Центр должен сделать все возможное, чтобы интегриро вать Башкирию в южно-уральские регионы, заселенные русскими, и оторвать ее от ориентации на Казань. При этом имеет смысл акцентировать своеобразие сугубо башкирской культуры, ее уникальности, ее отличия от других тюркско-исламских форм. Укрепление геополитиче ских связей Татарии с Башкирией предельно опасно для России, так как южная административная граница Башкирии пролегает недалеко от Северного Казахстана, который (при самом неудачном развитии геополитической ситуации) теоретически может стать плацдармом тюркско-исламского сепаратизма. В этом случае heartland'у грозит самое страшное быть разорванным тюркским (протурецким, т.е. проатлантическим) клином прямо посередине материкового пространства. В этом смысле, ориентация Татарии на юг, попытки интеграции с Башкирией, и даже сближение Башкирии с Оренбургской областью, являются крайне негативными тенденциями, которым континентальная политика Центра должна помешать любой ценой. Башкирии следует укреплять широтные связи с Куйбышевым и Челябинском, а меридианальные контакты с Казанью и Оренбургом следует, напротив, ослаблять.

Далее, от Южного Урала (Челябинска) до Краснояр ска тянется полоса земель, активно заселенных и освоенных русскими. С запада на восток явно вырисовыва ется геополитическая ось, которая исторически соответ ствовала пути покорения русскими Сибири: Челябинск Омск Новосибирск Томск Кемерово Красноярск Иркутск. Весь этот пояс представляет собой развитую промышленную зону, а такой город, как Новосибирск, является еще и крупнейшим интеллектуаль ным центром. При этом в этническом смысле это почти чисто русская зона. Сходная ситуация повторяется и с восточной стороны Байкала, где вдоль Байкало-Амур ской магистрали от Читы до Хабаровска и далее, южнее к Владивостоку, расположено как бы продолжение той же полосы, начинающейся на Южном Урале. Единственным отклонением является Бурятия, территориаль но окаймляющая Байкал с севера и разрывающая непрерывность в остальном однородного пояса «русской Сибири».

Строго южнее этого сугубо русского пояса пролегает параллельная зона со значительной примесью тюркского (восточнее монгольского) населения. Она начинается в Северном Казахстане, от Актюбинска доходит по территории Казахстана до Семипалатинска и Усть-Каменогорска и продолжается на российской территории на Алтае (колыбели тюркского этноса), в Хакасии, Туве и Бурятии. При этом от Алтая до Забайкалья (Чита) этот тюркско-монгольский пояс ландшафтно и в значительной степени этнически плавно переходит в Монголию, никакой очевидной географической границы с которой на самом деле не существует. С геополитической точки зрения, весь этот нижний пояс входит составной частью в стратегическое пространство «русской Сибири», и поэтому его следует рассматривать как продолжение «русского Востока» на юг. Единственным исключением является фрагмент китайской территории (Китайская Манчжурия),

расположенный от восточной границы с Монголией до реки Уссури. Исходя из логики, он должен был бы стратегически контролироваться Россией, так как в противном случае он неизбежно станет поводом для позиционных коллизий между «геополитической осью истории» и территориями, геополитически входящими в rimland, а Китай несомненно относится к категории rimland (в этом ни у кого из геополитиков никогда не было и тени сомнений).

В отношении названной полосы «русской Сибири» справедлив один и тот же геополитический принцип: весь этот территориальный сектор необходимо активно интегрировать в единое геополитическое поле, причем приоритетным направлением здесь будет широтная интеграция по длинной оси Челябинск Хабаровск (меридианальная короткая ось Хабаровск Владивосток является продолжением этой линии в особом геополитическом секторе). Все это пространство гигантской протяженности составляет главное стратегическое преимущество России как подлинно евразийской державы. Благодаря этому южно-сибирскому коридору Россия получает возможность накрепко связать регионы Центра с тихоокеанским побережьем, обеспечив тем самым потенциальную магистраль полноценного освоения Сибири и окончательного выхода Москвы в Тихий океан. Это полоса является рычагом управления всей Евразии, включая Европу, так как организация высокотехнологической континентальной связи от Дальнего Востока до Дальнего Запада позволяет таким образом переструктуриро вать планетарную реальность, что талассократический контроль над океанами извне потеряет свое ключевое значение. Ресурсы Сибири свяжутся в перспективе с высокими технологиями континентальной Европы и развитой Японии, и когда это сможет осуществиться, планетарной доминации талассократии наступит конец.

Широтная интеграция Сибири (ось Челябинск Хабаровск) является наиважнейшим стратегическим преимуществом, которое есть только у России. С освоения этой области может начаться вся геополитическая история будущего, и в этом случае пророчества Шпенглера оправдаются.

В более узком, «внутреннем», смысле развитие интеграции «русской Сибири» дает возможность расширению геополитического контроля и по меридиану. Южный «тюрско-монгольский» пояс будет связываться с более северными сугубо русскими территориями, при том, что максимально широкая этнокультурная автономия будет сопровождаться экономической интеграцией и стратегической доминацией русской оси Челябинск-Влади восток. Причем в этот процесс должны включаться такие разнородные в административном смысле образова ния, как Казахстан, автономные округа и республики на территории РФ, Монголия и, возможно, некоторые районы китайской Манчжурии.

Вместе с этим аналогичный меридианальный вектор предполагается и в северном направлении, где ситуация отличается лишь тем, что автохтонное нерусское население гораздо более разряжено, политически менее развито и не имеет свежего исторического опыта политического суверенитета. В Ханты-Мансийском и Эвенкском округах, а также в Хабаровском крае предел северного расширения пояса «русской Сибири» устанавливается параллельным процессом внутренней интеграции «северной трапеции». Эта интеграция в отличие от сложной геополитической функции «русской Сибири» (ось Челябинск Хабаровск), которая имеет три вектора развития (широтный, северный и южный) и сталкивается в ряде случаев со сложившимися и довольно самостоя тельными политическим формами (государствами), имеет простой чисто широтный характер. Поэтому оба геополитических процесса будут развиваться в разном ритме, а следовательно, конкретная результирующая граница между развитием «русской Сибири»

на север и общей интеграцией «северной трапеции» будет зависеть от непредсказуемых факторов.

Все эти геополитические вектора развития не являются по сути чем-то новым и неожиданным, так как они оказываются лишь продолжением масштабных исторических процессов движения России на восток и становления евразийской державы. Русский путь к Тихому Океану не случаен, и территории русского освоения Сибири также следуют ясной географической логике. Этот путь соответствует рельефной границе Леса и Степи, на геополитическом синтезе которых основано само Русское Государство. По «опушке» северных таежных лесов, граничащих со степью (или лесостепью), двигались русские освоители Сибири, оседая на наиболее пригодных для жилья и сельского хозяйства землях. От Челябинска до Байкала этот ландшафтный сектор представляет собой сужающийся клин. А от Байкала до тихоокеанского побережья это сплошная зона северных лесов, постепенно и незаметно переходящих в леса тропические. При этом увеличивается процент нагорий и горных массивов.

Эта зона от Байкала до устья Амура снова возвраща ет к проблеме «Lenaland», которая уже вставала тогда, когда мы разбирали якутский сектор «северной трапеции».

3.3 Позиционная битва за Lenaland

Как и в случае Якутии (при анализе геополитики русского Севера), при подходе к Восточной Сибири, простирающейся восточнее Енисея, мы сталкиваемся с целым рядом геополитических проблем. Забегая вперед, заметим, что в третий раз столкнемся со сложностями и тогда, когда дойдем до разбора самого восточного сектора «евразийского Юга».

Уже с чисто географической точки зрения, за Байкалом начинается серьезное изменение рельефа по сравнению со всеми более западными секторами Евразии. Там, между континентальными лесами на севере и тропическими (горными) лесами на юге, обязательно пролегали зоны степей, что создавало естественную симметрию, с выделением центральной области, первого (степного) периферийного круга и пограничных рельефов тропических лесов и гор. Эта картина сохраняется от Молдавии до Алтая, севернее степная прослойка просто пропадает. В случае Восточной Сибири, мы имеем дело с совершенно новым геополитическим и ландшафтным регионом, требующим иных позиционных решений. Параллельно неожиданному ландшафтному «вызову» (плавный переход континентальных лесов в тропические на фоне гор, сопок и холмов) обнаруживается и крайне неудачная этнополитическая картина наличие в регионе нескольких внутренних и внешних национальных образований, чья геополитическая лояльность России не так очевидна. На фоне крайне слабого заселения всей области Lenaland русскими геополитическая картина становится крайне тревожной.

Во-первых, территория Бурятии. Она нарушает непрерывность собственно русского сибирского пояса, выдаваясь далеко на север от озера Байкал. Буряты ламаисты, и в критические моменты русской истории они пытались основать на своей территории независимое теократическое государство, ориентированное на Монголию и Тибет. Само по себе это еще не дает оснований для беспокойства, но здесь возникает и новая проблема территориальная близость южных границ Якутии к северным границам Бурятии. Якуты принадлежат к тюркской группе, значительно христианизированы, но часто сохраняют и древние шаманские традиции. При этом некоторые группы исповедуют и ламаизм. При наличии выхода Якутии к морю и границы Бурятии с Монголией все это представляет

собой опасность появления потенциального геополитического блока, который имел бы больше предпосылок для относительной геополитической самостоятельности, чем Татарстан или некоторые северокавказские народы, сепаратизм которых очевиден. Если добавить к этому близость тихоокеанского берега, крайне слабо заселенного русскими, то опасность удваивается за счет возможного контроля талассократии над береговыми зонами (или секторами зон, потенциальными коридорами из Lenaland'а к Тихому океану). И наконец, дело еще больше усугубляется тем, что юг Якутии от северо-восточной границы Китая отделяет довольно тонкая полоска Амурской области, что дает основания для открытия прямого геополитического коридора от южных китайских берегов Индийского океана до моря Лаптевых на Севере.

Все эти потенциальные геополитические конфигура ции крайне настораживают. Нет сомнений, что подобная картина не может не представляться крайне заманчивой атлантистским стратегам, так как богатейшая землями, ресурсами и уникальная в смысле стратегических возможностей Lenaland оказывается в весьма уязвимом, с геополитической точки зрения, положении, и любое ослабление российского контроля над этим регионом может незамедлительно вызвать необратимое отторжение гигантского куска евразийского материка от самой географической оси истории. Для предотвращения этих событий недостаточно просто усилить военный контингент, расположенный на Дальнем Востоке или в Приамурье. Необходимо предпринять масштабные геополитические шаги, так как речь идет ни больше ни меньше как о потенциальной позиционной войне. На что следовало бы обратить особое внимание:

1) Важно усилить стратегическое присутствие представителей Центра на юге Якутии. Это достигается через направленную миграцию и планомерную «колониза цию» земель народами из более западных регионов.

2) Следует осуществить то же самое с землями, лежащими к северу от озера Байкал. В таком случае опасные границы будут раздвинуты.

3) Одновременно необходимо усиленно осваивать север Иркутской области и всю Амурскую область, осуществляя план целенаправленной «колонизации» этих территорий.

Эти три меры надо подкрепить усилением военного присутствия в означенной зоне и активизацией стратегического, экономического и технологического расширения к западу и к востоку. Все это призвано сгладить опасное сужение «русского пояса».

4) Следует активизировать позиционное давление на северо-восточный Китай, предпринять превентивное давление на эту область, которое изначально предупредило бы любое геополитическое поползновение Китая к северному расширению.

5) Необходимо максимально укрепить демографиче ски и стратегически сектор, расположенный между городами Благовещенск Комсомольск-на-Амуре Хабаровск, чтобы создать здесь массивный щит от потенциальной талассократической (с моря) или китайской (с суши) геополитической агрессии.

6) Все эти меры важно подкрепить максимальной активизацией русско-монгольских отношений, так как бесплодная и мало привлекательная в иных отношениях Монголия для геополитики этого региона представляет ся ключевой и важнейшей территорией. Массивное военное присутствие России вдоль всей монгольско-китай

ской границы, и особенно на ее восточной части, минимализировало бы геополитический риск отторжения Lenaland.

Напомним, что геополитика Севера предполагала сконцентрировать особые усилия в этом же секторе только с севера, с побережья Ледовитого океана. Соединение обоих геополитических стратегий и их параллельное осуществление позволит России заложить позиционную основу на далекое будущее, когда важность этих земель будет настолько очевидной, что от контроля над ними будет зависеть планетарное значение Евразии в целом.

Геополитическая битва за Lenaland должна начинать ся уже сейчас, хотя широкое внимание к этому региону будет привлечено позже. Но если не заложить правильной геополитической и стратегической модели изначаль но, разрешить конфликт после того, как он начнется, будет гораздо сложнее, а может быть, это окажется невыполнимым.

В геополитике основные сражения выигрываются задолго до того, как они переходят в открытую форму политического или международного конфликта.

3.4 Столица Сибири

Проект интеграции Сибири ставит вопрос о географи ческом центре этого процесса, т.е. о той точке, которая смогла бы стать полномочным представителем Москвы за Уралом и выполнять функцию притяжения для всех остальных регионов. На эту роль более всего подходит Новосибирск, который не просто является крупнейшим городом всей Сибири, но и важнейшим интеллектуаль ным центром общероссийского масштаба.

От Новосибирска западная ось идет к Екатеринбургу, столице Урала, а Восточная к Иркутску, далее Хабаровску и Владивостоку. На Новосибирск, таким образом, падает важнейшая функция связи всего «русского пояса Сибири», в котором он является главным звеном. Ось Москва Новосибирск становится важнейшей силовой линией «внутренней геополитики» России, тем главным «лучом», по которому осуществляется взаимообратный процесс обмена центробежными энергетическими потоками из Центра и центростремительными от периферии.

Уральский регион с центром в Екатеринбурге имеет смысл замкнуть на Москву непосредственно, а не делать из него промежуточную инстанцию в сообщении между центральной частью России и Сибирью. Геополитиче ская позиция Новосибирска настолько важна, что этот город и прилегающие к нему регионы должны обладать особым статусом и особыми полномочиями, так как именно отсюда должны расходиться вторичные геополитиче ские лучи по всей Сибири к северу, югу, востоку и западу.

Исключение из такой вторичной централизации имеет смысл сделать только для Приморского края и южных секторов Хабаровского края. Это совершенно особая зона, жестко связанная с проблематикой Lenaland и позиционной борьбой за контроль над ней. В этом отношении особый статус должен быть предоставлен Хабаровску и Владивостоку, и их следует напрямую связать с Москвой (как и Екатеринбург).

Для взаимодействия с «северной трапецией» удобно организовать дополнительные стратегические оси Новосибирск Норильск и Хабаровск Магадан. Таким образом Восток будет стратегически сопряжен с Севером.

Восток, как и Север, представляет собой плацдарм геополитики будущего. Здесь лежит судьба Евразии. При этом благоприятный климат «русской Сибири» делает ее более предрасположенной к тому, чтобы именно отсюда начинать грандиозный проект создания новой континентальной модели. Здесь должны быть построены новые города и проложены новые магистрали, освоены новые земли и месторождения и созданы новые военные базы. При этом важно изначально закладывать в проект гармоничное сочетание двух начал рельеф, ландшафт, этнокультурный фактор, наконец, экологию, с одной стороны, и технические и стратегические критерии, с другой. Архаичные традиции следует соединить с новейшими технологичными разработками. Надо учитывать места древнейших стоянок человека в этих землях и соотносить с ними выбор для развития производств и военных баз.

Такая логика приводит к открытой перспективе появления в Сибири нового центра, пока не проявленного и не задуманного. И по мере развития всего русского Востока, по мере актуализации Тихого океана как «океана будущего» не исключено, что встанет вопрос и о переносе столицы всей Евразии именно в эти земли в небывалую и еще не существующую блистательную столицу Нового Тысячелетия.

Придет время, когда Москва утратит свое «срединное» значение, станет недостаточной в геополитическом смысле, слишком «западной». И тогда вопрос о Новой Столице в Сибири получит не просто общегосударствен ное, но общеконтинентальное, общемировое значение.

Однако нельзя ни на мгновение упускать из виду, что такая перспектива возможна только при выигрыше позиционной борьбы за Lenaland, без чего геополитическое возрождение Евразии немыслимо.

Глава 4. Новый геополитический порядок Юга

4.1 «Новый геополитический порядок» Юга

Геополитика южных регионов (как и западных) связана с планетарной миссией России-Евразии в еще большей степени, нежели проблемы Севера и Востока. Если даже при рассмотрении Севера и Востока, принадлежа щих геополитически ко внутрироссийским территориям, внешнеполитический фактор возникал постоянно, то в случае разбора проблематики Юга (равно как и Запада) говорить только о «внутренней геополитике» России просто не имеет смысла, так как все внутрироссийские реальности настолько связаны здесь с внешнеполитиче скими, что их разделение просто невозможно без того, чтобы полностью не нарушить строгость общей геополитической картины.

В отношении Юга у «географической оси истории» есть только один императив геополитическая экспансия вплоть до берегов Индийского океана. Это означает центральность и единственность меридианального развития, однозначную доминацию оси Север Юг. С геополитической точки зрения, все пространство, отделяющее российскую территорию от южной береговой линии Евразии, является полосой, чью площадь необходимо свести к нулю. Сам факт существования rimland'a, который является не линией, но полосой, есть выражение талассократического воздействия, противоположного базовому импульсу континентальной интеграции. Если rimland Евразии на севере и востоке России сведен к нулевому объему, и континент здесь является геополитиче ски законченным (единственно, что остается это сохранять позиционное статус кво, заранее предупреждая возможность превращения линии в полосу под воздейст вием талассократического импульса), то rimland на юге (и западе) представляет собой открытую проблему. На востоке и севере у России rimland актуальная линия, но потенциальная полоса, а на юге и западе наоборот актуальная полоса, но потенциальная линия. В первом случае основным императивом является оборона и защита, сохранение, консервация положения вещей и предупредительные геополитические ходы. Во втором случае речь идет, напротив, об активно наступательной геополитике, об экспансии, суммарно «оффенсивной» стратегии.

На Юге всей Евразии Россия должна установить «новый геополитический порядок», исходя из принципа общеконтинентальной интеграции. Поэтому все сложившиеся политические образования Юга исламские страны, Индия, Китай, Индокитай следует заведомо рассматривать как театр континентальных позиционных маневров, чья окончательная задача заключается в том, чтобы стратегически жестко соединить все эти промежуточ ные регионы с евразийским Центром с Москвой.

Отсюда вытекает концепция «открытых лучей», идущих от Центра к периферии, которые не останавливают ся на собственно российских границах, но должны быть проведены вплоть до южного океанского берега. Те отрезки «лучей», которые приходятся на российские территории, являются актуальными, на те страны, которые стратегически солидарны с Россией полуактуальны ми, а на те государства, которые следуют собственному геополитическому пути или (в худшем случае) входят в зону прямого атлантистского контроля потенциаль ными. Общая логика евразийской геополитики в этом направлении сводится к тому, чтобы вся протяженность лучей стала актуальной или полуактуальной.

На этом основании все побережье евразийского континента от Анатолии до Кореи следует рассматривать как потенциальный «русский Юг».

4.2 Зоны и горы-границы

Императив геополитической экспансии в южном направлении предопределяет и структуру композиции тех областей, которые входят в административные границы России или в состав союзных с Россией государств (СНГ). Поэтому анализ периферии актуальных и полуактуаль ных геополитических лучей не должен ни на мгновение отвлекаться от изначальной тенденции, диктуемой законами геополитики.

«Русским Югом», в более ограниченном смысле, являются следующие зоны:

1) Север Балканского полуострова от Сербии до Болгарии;

2) Молдавия и Южная и Восточная Украина;

3) Ростовская область и Краснодарский край (порт Новороссийск);

4) Кавказ;

5) Восточное и северное побережье Каспия (территория Казахстана и Туркмении);

6) Средняя Азия, включающая Казахстан, Узбекистан, Киргизию и Таджикистан;

7) Монголия.

Над этими зонами континентальный стратегический контроль установлен. Но все они должны рассматри ваться как базы дальнейшей геополитической экспансии на юг, а не как «вечные» границы России. С геополитической точки зрения, наличие береговых полос, не подконтрольных heartland'у, является постоянной угрозой сокращения даже тех территорий, которые в данный момент соединены с Центром Евразии довольно крепко. Распад СССР и появление самостоятельных политичес ких образований на базе бывших союзных республик дает впечатляющий пример того, как отказ от экспансии вовне, к южным берегам континента (вывод советских войск из Афганистана) неминуемо влечет за собой откат надежных границ Москвы далеко на север, вглубь континента. Но ослабление континентального присутствия никогда не порождает вакуум или усиления сувереците та «освободившихся» территорий, так как их провинци альный статус заведомо исключает их геополитическую автаркию. На место теллурократического влияния Москвы автоматически приходит талассократическое влияние атлантизма (в той или иной форме).

Следовательно, структура всего внутреннего пояса «русского Юга» должна изначально рассматриваться как потенциальный наступательный плацдарм.

Однако дело осложняется тем, что практически все пограничные территории приходятся на горные (часто высокогорные) районы.

На севере Балканского полуострова это Балканские горы, восточнее Кавказ, далее хребет Копетдаг и Гиндукуш, потом Памир, Тянь-Шань, Алтай. Горный рельеф южный границы России-Евразии, который во многом предопределил всю историю Востока, в настоящий момент является одним из важнейших геопо литических козырей атлантизма. Древние индоевропей цы делили весь евразийский Восток на две составляю щие северный Туран

(все, что выше евразийской гряды гор) и южный Иран (лежащий ниже этой гряды). Фактически, это деление строго соответствует современ ным геополитическим терминам heartland (Туран) и rimland (Иран). Спустя несколько тысячелетий южный фронт России ставит ту же геополитическую проблему, которая была характерна для диалектики отношений "степные кочевники против оседлых землепашцев Персии".

Но в данном случае ситуация кардинально изменилась в том смысле, что к степному Турану добавился оседлый славянский северный Лес, сбалансировав и зафиксировав динамику туранских кочевников. Оседлые индоевропейцы (славяне) замкнули степь с севера культурными формами, во многом повторявшими архетипы иранского юга. Россия как Евразия, как синтез Леса и Степи качественно превосходит Туран, а следовательно, проблема Ирана (шире нерусской Средней Азии) приобретает иной цивилизационный и геополитический смысл. Особенно это проявляется с момента Исламской революции в Иране, которая радикально порвала с атлантистской талассократической политикой шахского режима.

Все эти геополитические аспекты предполагают необходимость в радикально новом подходе к проблеме «евразийских гор», которые должны утратить функцию стратегической границы, стать не преградой на пути континентальной интеграции, но мостом к ней.

Потребность в изменении функции гор на юге России (и ее стратегического ареала) является столпом будущей евразийской геополитики. Без такой предваритель ной операции Евразия никогда не добьется действитель ного мирового господства, более того, никогда даже не приблизится к подлинному равноправному диалогу с талассократией.

4.3 Балканы

Поскольку большинство южных земель России и ее стратегического ареала приходится на земли, расово, культурно и религиозно отличные от цивилизации русских (кроме Балкан и Украины), то геополитически оси должны быть строго меридианальны. Отсюда вывод: следует способствовать всем вертикальным (долготным) интеграционным процессам и препятствовать всем горизон тальным (широтным), т.е. в сфере, этнически и политически отличной от собственно русских пространств, следует применять принцип прямо противоположный принципу, доминирующему в условиях этно-культурной однородности.

Наметим основные формы геополитической структу ры «русского Юга» (в широком смысле), поочередно рассматривая все локальные геополитические системы с запада на восток.

Балканский полуостров. Здесь существует четыре особые зоны:
а) боснийско-хорватская (самая западная и атланти чески ориентированная, чистый rimland);

б) сербская (расположенная восточнее и явно евразийски ориентированная);

в) болгарская (еще более восточная, имеющая элементы «левантийской версии rimland'а» наиболее ясно эта модель представлена Турцией и континентально го евразийского синтеза);

г) греческая (православная, но входящая в атланти стский блок).

«Новый геополитический порядок» (континентальный и евразийский) в этой области (как и повсюду) основан на поощрении всех интеграционных процессов по оси Север Юг. Это означает, что следует максимально содействовать укреплению связей Белград Афины и София Афины. Так как весь регион Балкан представля ет собой мозаичную и крайне сложную конфигурацию, проект общеславянской южной федерации, состоящей из Сербии, Болгарии, Македонии, Черногории и Сербской Боснии, который был бы теоретически идеальным решением, вряд ли осуществим в ближайшее время. Более того, он предполагает опасный процесс широтной интеграции, которая в таких сложных этнически регионах является всегда проблематичной. Вспомним, к примеру, ожесточенные балканские войны начала века между православ ными государствами Сербией, Болгарией и Грецией и постоянно встающую проблему Македонии, являющейся
«яблоком раздора» внутри потенциально континенталь ных и евразийских православных держав. Поэтому пример средневековой Сербской «империи» Неманичей может быть взят в качестве позитивной геополитической парадигмы. Более того, все значительные успехи Греции в глобальных геополитических проектах (в частности, завоевания Александра Великого) питались энергиями, идущими с севера Балкан македонская династия, а ранее дорийский тип индоевропейской Спарты. В рамках малой модели всего Балканского полуострова сербы (и, отчасти, болгары) являют собой евразийский импульс, выступают как носители идеи heartland'а. Расположен ная южнее Греция геополитически растянута между этим северным континентальным импульсом и устойчивой исторической идентификацией с rimland'ом. Поэтому все объединительные интеграционные проекты Греции с севером Балкан могут способствовать усилению в Греции внутриконтинентальных импульсов, что могло бы основываться на конфессиональной близости с Православ ной Россией.

Если в далекой перспективе можно представить себе общую Балканскую Федерацию, евразийски ориентиро ванную, то геополитическую программу минимум можно сформулировать как создание неправильного ромба София Москва Белград Афины (и снова София), в котором из Центра исходят два луча русско-сербский и русско- болгарский, а сходятся они в Афинах. При этом вопрос Македонии мог бы быть решен за счет предостав ления ей особого статуса, чтобы снять камень преткновения между всеми тремя православными балканскими и потенциально евразийскими (в разной степени) государствами. Отсюда логически вытекает насущный интерес Москвы в проблеме Македонии.

Если посмотреть на всю картину с противоположной точки зрения, с позиции атлантистов, сразу же станет очевидным, что для талассократии важно придать всем геополитическим процессам прямо противоположный характер.

Во-первых, для «морской силы» важно поддержать проатлантистские силы на севере Балкан (хорваты и мусульмане), а кроме того, оторвать Сербию и Болгарию от геополитического союза с Грецией. Для этого удобнее всего использовать Македонию, которая сможет разрушить все континентальные проекты в этом регионе. А если подключить Турцию к болгарской проблеме, т.е. способствовать улучшению турецко- болгарских отношений в ущерб болгарско-русским, то вся евразийская континентальная политика здесь потерпит поражение. Это надо учитывать геополитикам Евразии.

4.4 Проблема суверенной Украины

Далее встает украинский вопрос. Суверенитет Украины представляет собой настолько негативное для русской геополитики явление, что, в принципе, легко может спровоцировать вооруженный конфликт. Без черноморского побережья от Измаила до Керчи Россия получает настолькопротяженную прибрежную полосу, реально контролируемую неизвестно кем, что само ее существование в качестве нормального и самостоятельного государства ставится под сомнение. Черное море не заменяет собой выхода к «теплым морям» и его геополитическое значение резко падает за счет устойчивого атлантистского контроля над Босфором и Дарданеллами, но оно, по меньшей мере, дает возможность обезопасить центральные регионы от потенциальной экспансии турецкого влияния, являясь предельно удобной, надежной и недорогостоя щей границей. Поэтому появление на этих землях нового геополитического субъекта (который, к тому же стремится войти в атлантический союз) является абсолют ной аномалией, к которой могли привести только совершенно безответственные, с геополитической точки зрения, шаги.

Украина как самостоятельное государство с какими-то территориальными амбициями представляет собой огромную опасность для всей Евразии, и без решения украинской проблемы вообще говорить о континентальной геополитике бессмысленно. Это не значит, что культурно-языковая или экономическая автономия Украины должна быть ограничена, и что она должна стать чисто административным сектором русского централизирован ного государства (как, до некоторой степени, обстояли дела в царской империи или при СССР). Но стратегиче ски Украина должна быть строго проекцией Москвы на юге и западе (хотя подробнее о возможных моделях переструктурализации пойдет речь в главе о Западе).

Абсолютным императивом русской геополитики на черноморском побережье является тотальный и ничем не ограниченный контроль Москвы на всем его протяжении от украинских до абхазских территорий. Можно сколь угодно дробить всю эту зону по этнокультурному признаку, предоставляя этническую и конфессиональ ную автономию крымским малороссам, татарам, казакам, абхазцам, грузинам и т.д., но все это только при абсолютном контроле Москвы над военной и политической ситуацией. Эти сектора должны быть радикально оторваны от талассократического влияния как идущего с запада, так и из Турции (или даже Греции). Северный берег Черного моря должен быть исключительно евразийским и централизованно подчиняться Москве.

4.5 Между Черным морем и Каспием

Собственно Кавказ состоит из двух геополитических уровней: Северный Кавказ и территория трех кавказских республик Грузии, Армении, Азербайджана. Вплотную к этому сектору примыкает вся область русских земель от Таганрога до Астрахани, т.е. все русские земли, расположенные между Черным морем и Каспием, куда входит также клином пространство Калмыкии.

Весь этот регион представляет собой крайне важный стратегический узел, так как народы, его населяющие, обладают огромной социальной динамикой, древнейши ми геополитическими традициями, а сам он напрямую граничит с атлантистской Турцией, стратегически контролирующей, со своей стороны, приграничную зону, которая, с точки зрения рельефа, принадлежит единому пространству горного массива Кавказа.

Это одна из самых уязвимых точек русского геополитического пространства, и не случайно именно эти территории традиционно были ареной жестоких военных действий

между Россией-heartland'ом и странами rimland'а Турцией и Ираном. Контроль над Кавказом открывает, в первом приближении, выход к «теплым морям», и каждое (даже самое незначительно) передвижение границы к югу (или к северу) означает существенный выигрыш (или проигрыш) всей континентальной силы, теллурократии.

Три горизонтальных пласта всего этого региона русские земли, Северный Кавказ в составе России и собственно Кавказ имеют также свое потенциальное продолжение еще южнее. Этот дополнительный, чисто потенциальный пояс, находящийся за пределом не только России, но и СНГ, состоит из Южного Азербайджана (расположенного на территории Ирана) и северных районов Турции, которые в значительной степени заселены курдами и армянами. Весь этот регион представляет такую же этнокультурную проблему для Турции и Ирана, как кавказские этносы, входящие (или входившие) в состав России. Следовательно, для расширения континенталь ного влияния вглубь кавказского ареала есть все объективные предпосылки.

Итак, между Черным морем и Каспием выделяется четыре уровня или пласта, предполагающие дифферен цированный подход со стороны Центра.

Первый пласт, собственно русский, следует максималь но связывать по широтной ориентации, создав жесткую конструкцию Ростов-на-Дону Волгоград Астрахань. Это важнейшее звено русского пространства в целом, так как к северу оно упирается в Центральную часть России, а еще северней в Архангельск, важнейший северный порт и потенциальную столицу «северной трапеции». В силу относительно близких расстояний от центрально -европейской части и за счет демографически плотной заселенности и технической развитости треугольник Ростов-на-Дону Волгоград Астрахань представляет собой важнейший форпост России на Юге. Это своего рода замещение самого евразийского Центра, вторичный центр, связанный непрерывной территорией с глубинными пространствами. Именно поэтому данный регион должен стать геополитическим ядром всей кавказской стратегии Евразии, а для этого следует укреплять его техноло гически, стратегически и интеллектуально. Желательно создать здесь особую сплоченную русскую зону, интегри рованную административно и политически.

При этом некоторые проблемы возникают с северными районами Калмыкии, которые, однако, довольно слабо заселены. Имеет смысл включить эти северные степные регионы в общий интеграционный пояс, геополитически «растянув» их напрямую между Ростовом- на-Дону и Астраханью, чтобы замкнуть снизу треугольник с вершиной в Волгограде. Тем самым будут воспроизведены географически и геополитически границы древней Хазарии, контролировавшей весь этот регион в начале первого тысячелетия. Можно условно назвать это геополитическое образование «хазарским треугольником».

При переходе от чисто русской зоны «хазарского треугольника», которая должна следовать широтной (горизонтальной) логике, хотя и тесно связанной с севером и с самим Центром (Москвой), вектор интеграции радикально меняет свой характер. Весь Северный Кавказ и все, что лежит южнее его, должно подчиняться исключительно меридианальной ориентации. Стратегические центры «хазарского треугольника» должны развивать самостоятельные геополитические цепи, развертывающие ся строго на юг. От Ростова через Краснодар к Майкопу, Сухуми и Батуми. От Ставрополя к Кисловодску, Нальчику, Орджоникидзе, Цхинвал и Тбилиси. От Астрахани в Махачкалу.

Всякое широтное размежевание этнических регионов Закавказья следует поддерживать, а долготную интегра цию напротив, укреплять. Так, важно любыми средствами оторвать активную сепаратистскую Чечню от Дагестана (и Ингушетии), закрыв выход к Каспию.

Если оставить Чечне только лежащую на юге Грузию, то она будет геополитически контролироваться со всех сторон, и управлять ею можно будет и со стороны православной Грузии. К Грузии следует привязать также, отчасти, Дагестан и Ингушетию, что может привести к созданию автономной северо-кавказской зоны, развитой экономи чески, но стратегически полностью подконтрольной России и евразийски ориентированной. Общий передел Северного Кавказа мог бы решить и осетинскую проблему, так как новые этнические образования (например, объединенная Осетия) теряли бы смысл национально- госу дарственных образований, приобретая чисто этнический и культурный, лингвистический и религиозный смысл. Следуя той же меридианальной логике важно связать Абхазию напрямую с Россией.

Все эти шаги направлены к одной геополитической цели укреплению евразийского теллурократического комплекса и подготовка его планетарного триумфа в дуэли с атлантизмом. Поэтому можно назвать весь этот план «новым геополитическим порядком на Кавказе». Он предполагает отказ от традиционного подхода к существующим политическим образованиям как к «государствам-нациям», т.е. строго фиксированным административным образованиям с постоянными границами и законченной властной структурой. «Новый геополити ческий порядок на Кавказе» предполагает полный передел ныне существующих политических реальностей и переход от модели взаимоотношений государство-госу дарство или нация-нация к чисто геополитической системе Центр периферия, причем структура периферии должна определяться не политической, но этно- культур ной дифференциацией.

Это возможно осуществить через план создания «Кавказской Федерации», которая включала бы в себя как три кавказских республики СНГ, так и внутрироссий ские автономные образования. Центр при этом уступал бы всему этому району культурно- экономическую автаркию, но обеспечивал бы жесточайший стратегический централизм. Это привело бы к предельно гибкой системе, которая основывалась бы не на насилии, оккупации или униформизации кавказского многообразия, но на осознании единства и общности континентальной судьбы.

Особую геополитическую роль играет Армения, которая является традиционным и надежным союзником России на Кавказе. Армения служит важнейшей стратегической базой для предотвращения турецкой экспансии на север и восток в регионы среднеазиатского тюркского мира. И напротив, в наступательном геополити ческом аспекте она важна как этнокультурная общность, непрерывно продолжающаяся и к югу, на территорию Турции, где находится значительная часть древней Армении и ее главная святыня гора Арарат. Расовое и лингвистическое родство связывает армян и с курдами, другим важнейшим этническим фактором, который можно использовать для провокации геополитических потрясений внутри Турции. При этом крайне важно создать сухопутный коридор, пересекающий весь Кавказ и надежно связывающий Армению с «хазарским треуголь ником».

Армения важна и еще в одном смысле. Основываясь на исторической и этнической близости с Ираном, именно Армения могла бы служить одним из важнейших звеньев для распространения евразийского импульса от Центра к иранскому rimland'у. Это означает создание оси Москва Ереван Тегеран.

К Ирану (и ни в коем случае не к Турции) следовало бы привязать и Азербайджан, акцентируя шиизм, этническую близость с иранским Южным Азербайджаном и исторические связи. Таким образом, важнейший стратегический луч Москва Тегеран через Ереван дублировался бы лучом Москва Баку Тегеран, образуя ромб, во многом

симметричный балканскому ромбу. Вообще, между Балканами и Кавказом существует множество геополитических параллелей. И самое главное: именно здесь яснее всего проявляется действие важнейшего геополитического закона широтные процессы провоцируют страшные конфликты, долготные связи приводят к стабильности и устойчивости . Особенно выразительно это в Югославской войне и в армяно-азербай джанском конфликте по поводу Нагорного Карабаха. Сама же карабахская проблема в чем-то аналогична проблеме Македонии. И поэтому для стабилизации всего региона Москве следует налаживать с Карабахом самые прямые связи, чтобы сделать эту территорию точкой равновесия всей кавказской геополитической системы. Для этого карабахские переговоры оптимально должны иметь четыре стороны: Азербайджан, Армения, Россия и Иран с исключением всех атлантистских участников, чье политическое присутствие в регионе нецелесообразно по геополитическим соображениям.

4.6 Новый геополитический порядок в Средней Азии

Средней Азией принято считать огромный фрагмент евразийской суши, тянущийся от североказахских степей до побережья Аравийского моря. От бывших советских среднеазиатских республик эта зона через хребет Копетдаг и Памир простирается на юг к равнинному Ирану и на юго-восток в Афганистан. Средняя Азия является тем геополитическим пространством, которое скорее, чем все остальные, может вывести heartland к заветной цели к Индийскому океану. Если бы Москве удалось выиграть позиционную войну с талассократией на этом направлении, автоматически решалось бы множество параллельных вопросов интеграция в континентальный блок Индии, стратегическая поддержка Ирака против Турции, прямой коридор на Ближний Восток и т.д. Все это делает данную область центральной в вопросе геополитической реструктурализации евразийского Юга.

Заметим, что Средняя Азия делится грядой гор не только политически и геополитически, но и расово. Бывшая советская зона Средней Азии (за исключением Таджикистана) населена тюрками-суннитами, наследника ми Турана, многие из которых продолжают преимущест венно заниматься кочевничеством и животноводством. «Несоветская» Средняя Азия Иран, Афганистан (и даже этно-культурно родственный Пакистан) населена оседлыми индоевропейцами. Таким образом, геополитическое единство имеет четко выраженную расовую границу.

Вся эта зона делится на три части:

1) Центральный Казахстан (южнее 50-й параллели, так как севернее ее расположены земли, включаемые в «русский Восток»);

2) Пустынные Туркмения и Узбекистан и горная Киргизия

(это чисто туранские земли);

3) Иран Афганистан Пакистан Индия (это Иран в расширенном смысле «Ариана», «земля ариев»).

Новый евразийский порядок в Средней Азии основан на том, чтобы связать все эти земли с севера на юг жесткой геополитической и стратегической осью. При этом, как и всегда в подобных случаях, важно структуриро вать пространство исключительно в меридианальном направлении, способствуя долготному сближению отдельных областей.

Начиная с севера, речь идет о связи всего Казахстана с русскими Южным Уралом и Западной Сибирью. Эта связь должна служить несущей конструкцией всего среднеазиатского ареала. В последовательной и продуман ной интеграции Казахстана в общий континентальный блок с Россией лежит основа всей континентальной политики. При этом самым важным моментом изначаль но является задача жестко прервать всякое влияние Турции на этот регион, воспрепятствовать любым проектам «туранской» интеграции, исходящим из атлантистской Турции и предлагающим чисто широтное геополитиче ское развитие бывшей «советской» Средней Азии, противопоставленной индоевропейскому Северу (Россия) и индоевропейскому же Югу (Иран, Афганистан, Пакистан, Индия). Туранская интеграция является прямой антитезой геополитического евразийства и заключается в расщеплении теллурократических сил на три составляю щих западную (европейская Россия), восточную (русские Южная Сибирь и Дальний Восток) и южную (Иран, Афганистан, Пакистан). Подобный «туранизм» призван расколоть расовый и геополитический альянс Леса и Степи, давший начало как Русскому Государству, так и великорусскому этносу, а в отношении Ирана и Афганистана он разрывает на части религиозное единство исламского мира. Исходя из этого heartland должен объявить Турции и носителям «пантуранизма» жесткую позиционную геополитическую войну, в которой главным союзником России будет исламский арийский Иран. Средняя Азия должна быть «растянута» по вертикали между двумя глобальными индоевропейскими реальностями между русскими и персами. При этом следует всячески стремиться к тому, чтобы выделить во всем тюркском пространстве локальные автономистские культурные тенденции, поддержать регионалистские силы в автономных областях, усугубить трения между кланами, племенами, «улусами» и т.д. Повсюду в этой области следует стараться замкнуть территории, округа, промышленные комплексы, экономические циклы, стратегические объекты на территории, расположенные вне тюркского ареала, либо в строго меридианальном направлении. Так, к примеру, Каракалпакия на западе Узбекистана территориально должна интегрироваться не в восточном направлении (Бухара, Самарканд, Ташкент), а в северном (Казахстан) и южном (Туркмения). На том же принципе следует переструктурировать пограничные области между Узбекистаном и Таджикистаном Самарканд, Ферганская долина и исторически и этнически связаны с таджикскими территориями не меньше, чем с узбекски ми. То же самое справедливо и для южной Киргизии.

Геополитическим шарниром всей среднеазиатской геополитической стратегии теллурократии должен стать Таджикистан. Эта область совмещает в себе важнейшие аспекты всего русского «Drang nach Suden», «рывка на Юг». Таджики мусульмане индоевропейского происхождения, этнически близкие к иранцам и афганцам. Т.е. они представляют в этом регионе фрагмент «иранского» мира. Вместе с тем Таджикистан входил в состав России и СССР, т.е. был интегрирован в собственно континентальную, евразийскую геополитическую систему. Поэтому судьба этой маленькой высокогорной страны, древней Согдианы, символизирует собой успех (или провал) установления нового евразийского порядка в Средней Азии.

Фактическая граница между Таджикистаном и Афганистаном не должна восприниматься как строгая линия. Это не историческая данность, но геополитическое задание, так как в интересах heartland'а было бы вообще отменить здесь какие бы то ни было строгие ограничения, перенеся стратегический рубеж далеко на юг, а всю промежуточную область перестроив на основании этнокультурных, племенных и региональных границ. Афганистан не имеет традиции законченной централизиро ванной государственности. Он населен множеством кочевых и оседлых племен (пуштуны, таджики, узбеки и т.д.), связанных больше религией (ислам), чем государственностью и политикой. Поэтому геополитическое возвращение России в Афганистан неизбежно и предопреде лено самой

географией. Единственно, что необходимо опираться при этом не столько на военную мощь, сколько на продуманную геополитическую стратегию, на подготовку сознательного и добровольного с обеих сторон стратегического альянса, вызванного необходимостью общего противостояния талассократии, «силам Запада», «атлантизму», которая автоматически сближает русских и мусульман. Таджикистан в этом процессе играет роль основной базы, причем его территория становится геополитической лабораторией, в которой сходятся два разнонаправленных импульса исламский импульс индоевропейского евразийского Юга и русский геополитический импульс, идущий из heartland'а, с севера. Здесь, в Таджикистане, в Душанбе или в другом городе, должна вырабатываться совместная русско-исламская стратегия по реорганизации более северного «Турана». Эта земля призвана выработать эпохальное решение о создании Новой Евразии, в которой окончательно и бесповоротно был бы закреплен тезис о свершившемся синтезе между Степью и северным Лесом, с одной стороны, и между той же Степью (Тураном) и Ираном, с другой.

Таким образом, из евразийского Центра логично провести еще один луч: Москва Душанбе Кабул Тегеран, вдоль которого должна складываться небывалая геополитическая реальность.

Часть Таджикистана Горный Бадахшан расположен совсем недалеко от Пакистана и Индии, которые сходятся почти к одной точке вместе с Китаем (Синьцзян). Несмотря на то, что эти зоны почти не проходимы, так как расположены очень высоко в горах Памира, сама Горно-Бадахшанская область имеет глубокий геополитический смысл. Она населена исмаилитами, исламской еретической сектой, которая является выражением самого крайнего шиизма, т.е. наиболее индоевропейской (с духовной точки зрения) версии ислама. Бадахшан ские исмаилиты расселены рядом с регионами Пакиста на, а это государство (хотя и официально суннитское) в этническом отношении представляет собой индусов, обращенных в ислам. А это указывает на то, что им, безусловно, ближе индоевропейские тенденции в рамках этой религии, если не откровенно «шиитские», то
«криптоши итские». Не так далеко расположен индийский Кашмир, населенный также индусскими мусульманами и шиваистами. Мусульмане уйгуры населяют и Синьцзянс кую область в Китае. Поэтому религиозная специфика Бадахшана и его стратегическое положение дает возможность heartland'у активно участвовать в решении важнейших геополитических проблем, которые сходятся как раз в этой области пакистано-индийские войны, потенциальный уйгурский исламский сепаратизм в Китае, национально-освободительная борьба в Тибете, сикхское движение в несколько более южном Пенджабе и т.д. Все нити этого критического узла Азии сходятся в Таджикистане, а точнее, в Бадахшане. Отсюда само собой напрашивается дополнительная и самостоятельная ось Москва Хорог (столица Бадахшана). Более того, так как связь Бадахшан с остальным Таджикистаном не очень крепка (этно-религиозные и клановые противоре чия), Москва должна выделить данный регион в отдельную геополитическую реальность подобно Македонии или Карабаху, так как стратегическое значение Хорога центрально для гигантского региона, превосходящего масштабы не только Таджикистана, но и всей Средней Азии.

Всю эту сложную область следует переструктуриро вать при самом активном влиянии «географической оси истории» России на основе теллурократической модели, т.е. вопреки тем планам, которые имеют на этот счет талассократические атлантические элементы. Известно, что именно Англия поддерживала сепаратистское движение индийских мусульман, приведшее к отделению Пакистана. Индо-пакистанские конфликты также выгодны атлантистам, так как это позволяет им укреплять свое политическое и экономическое влияние в обоих регионах, пользуясь геополитическими противоречиями и

ставя весь регион в зависимость от военно-стратегиче ского присутствия американцев и англичан. В настоящий момент и Пакистан, и Индия, и Китай устойчиво входят в контролируемый талассократами rimland. Геополитическая роль Таджикистана и Бадахшана заключается в том, чтобы радикально изменить такое положение вещей и организовать на всем этом пространстве евразийскую систему континентальной интеграции. При этом в сфере идеологической крайне важно учитывать малейшие этно- религиозные и культурно-лингвистиче ские нюансы, а в сфере военно-стратегической необходи мо стремиться к жесткому и безальтернативному централизму.

В политическом смысле антиамериканизм фундамен талистского Ирана и строгий «нейтралитет» Индии дают для успеха евразийской стратегии серьезные основания. Остальное зависит от геополитической воли Москвы и, шире, России-Евразии.

4.7 The Fall of China

Китай является наиболее опасным геополитическим соседом России на Юге. В чем-то его роль аналогична Турции. Но если Турция является членом НАТО откровенно, и ее стратегический атлантизм очевиден, то с Китаем все обстоит сложнее.

Геополитика Китая изначально была двойственной. С одной стороны, он принадлежал к rimland, «береговой зоне» Тихого океана (с восточной стороны), а с другой никогда не становился талассократией и напротив, всегда ориентировался на континентальные архетипы. Поэтому существует устойчивая политическая традиция называть Китай «Срединной Империей», а этот термин характеризует как раз континентальные теллурократиче ские образования. При этом от Индийского океана Китай отделен Индокитайским полуостровом, на котором расположено соцветие государств с откровенной талассо кратической ориентацией.

В ходе освоения (колонизации) Западом Востока Китай постепенно превратился в полуколонию с марионе точным проанглийским правительством последние поколения императоров династии Цин. С начала XIX века вплоть до 1949 (победа КПК над Гоминданом) геополитика Китая следовала чисто атлантистским тенденциям (при этом Китай выступал не как самостоя тельная талассократия, а как евразийская береговая база Запада). Победа Компартии изменила положение дел, и Китай на короткое время (1949 1958) переориенти ровался на евразийскую прорусскую политику. Однако в силу исторических традиций евразийская линия была вскоре оставлена, и Китай предпочел «автаркию». Оставалось дождаться того момента, когда евразийская ориентация ослабнет настолько, что потенциальный атлантизм и геополитическая идентичность Китая как rimland'а станет очевидной. Это произошло в середине 70-х, когда Китай начал активные переговоры с представителями мондиалистской «Трехсторонней комиссии». Это означало новое вхождение Китая в структуру атлантистской геополитики.

Не отрицая возможности Китая при определенных обстоятельствах снова вступить на путь Евразийского Альянса, на это особо рассчитывать не следует. Чисто прагматически Китаю намного выгоднее контакты с Западом, нежели с Россией, которая не сможет способство вать технологическому развитию этой страны, и такой «дружбой» только свяжет свободу геополитических манипуляций Китая на Дальнем Востоке, в Монголии и Южной Сибири. Кроме того, демографический рост Китая ставит перед этой страной проблему «свободных территорий», и земли Казахстана и Сибири (почти не заселенные) представляются в этой перспективе в высшей степени привлекательными.

Китай опасен для России по двум причинам как геополитическая база атлантизма и сам по себе, как страна повышенной демографической плотности в поисках «ничейных пространств». И в том и в другом случае heartland имеет в данном случае позиционную угрозу, местонахождение которой в высшей степени опасно Китай занимает земли, расположенные южнее Lenaland.

Кроме того, Китай обладает замкнутой расово-куль турной спецификой, и в исторически обозримые периоды он никогда не участвовал в евразийском континенталь ном строительстве.

Все эти соображения независимо от политической конкретики делают Китай потенциальным геополитическим противником России на Юге и на Востоке. Это следует признать как геополитическую аксиому. Поэтому геополитическая задача России в отношении самого восточного сектора своего «внутреннего» южного пояса заключается в том, чтобы максимально расширить зону своего влияния к югу, создав как можно более широкую «пограничную зону». В перспективе Евразия должна распространить свое влияние вплоть до Индокитая, но достичь этого путем обоюдовыгодного союза практически невероятно. И в этом принципиальное отличие Китая от исламской Азии (за исключением Турции) и Индии. Если евразийский альянс с другими южными секторами Евразии должен основываться на учете взаимных интересов, т.е. быть следствием сознательного и добровольного союза, основанного на осознании общности геополитической миссии, то в случае Китая речь идет о силовом позиционном геополитическом давлении, о провокации территориальной дезинтеграции, дроблении, политико-административном переделе государства. Тот же самый подход касается и Турции. Китай и Турция потенциальные геополитические противники. Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан, Индия, Корея, Вьетнам и Япония потенциальные геополитические союзники. Это предполагает использование двух различных геополитических стратегий. В случае противников следует стремиться причинить вред, в случае союзников надо выявить общность геополитических целей.

Теперь легко вывести приоритеты «внутренней геополитики» России на пространстве от Бадахшана до Владивостока.

Основной моделью здесь является отрыв североки тайских территорий от более южных земель. Геополити ческий анализ сразу же дает для этого серьезные основания. Северо- запад Китая приходится на Синьцзян, древнейшую страну, имеющую долгую историю политической автономии. Здесь исторически существовали многочис ленные государства, сменявшие друг друга. Более того, в данный момент эти земли населены уйгурами тюркским этносом, исповедующим ислам. Китайцы поддерживают контроль в этих областях за счет прямого силового давления, прямой колонизации, угнетая местное население и подавляя все его попытки отстоять религиоз ную и этническую автономию. Идеи присоединения Синьцзяна к России существовали уже у русских императо ров в рамках проекта освоения Сибири. К этой линии следует вернуться. Южнее Синьцзяна простирается Кунь-Лунь и Тибет, где мы снова сталкиваемся с аналогичной ситуацией Тибет отдельная страна с особым населением, специфической религией, древнейшими политиче скими и этническими традициями. Власть Пекина здесь также искусственна и основана на прямом насилии, как и в Синьцзяне. Россия геополитически прямо заинтере сована в активной поддержке сепаратизма в этих сферах и начале антикитайской национально-освободительной борьбы во всей этой области. В перспективе все эти территории гармонично вписались бы в евразийскую континентальную федерацию, поскольку их с атлантизмом не связывает ни география, ни история. Синьцзян и Тибет должны войти в пояс теллурократии. Это будет самым позитивным геополитическим

решением и создаст для России надежную защиту даже в том случае, если Китай не откажется от антиевразийских геополитических проектов. Без Синьцзяна и Тибета потенциальный геополитический прорыв Китая в Казахстан и Западную Сибирь становится невозможным. При этом не только полное освобождение этих территорий от китайского контроля, но даже первые этапы дестабилизации обстановки в этих регионах уже будут стратегическим выигрышем России.

Восточнее идет сектор Монголии стратегического союзника России. Здесь важно действовать превентивно и не допускать самой возможности усиления прокитай ского фактора в монгольской политике. Монгольские степи и пустыни прекрасно защищают Южную Сибирь от Китая. При этом следует активизировать связи Монголии с Синьцзяном и Тибетом, чтобы создать предпосыл ки для новой конфигурации всего региона с ориентацией на постепенное вытеснение Китая и его геополитическо го влияния. Для этой цели можно выдвинуть проект Монголо-Тибетской федерации, куда могли бы войти также Бурятия, Тува, Хакассия и Алтайская Республика. Единство ламаистской традиции этих народов для Москвы является важным инструментом для антикитай ской геополитической стратегии.

Последней зоной южного пояса является Манчжурия территория, расположенная на северо-востоке Китая. И здесь мы сталкиваемся со слабым (для Китая) геополитическим звеном. На этой территории также существовали древние государства, имеющие традицию политической независимости. Уже в XX веке Япония снова воссоздала Маньчжурское государство со столицей в Харбине, которое было континентальным плацдармом для вторжения Японии в Китай. Для России существование в Манчжурии особого политического государства, не подконтрольного Китаю, в высшей степени желательно. Так как сама Япония входит в число потенциальных геополитических союзников Евразии, то в этом вопросе можно было бы соединить усилия.

Тибет Синьцзян Монголия Манчжурия составляют вместе пояс безопасности России. Основная задача в этом регионе сделать эти земли подконтрольны ми heartland'у, используя при этом потенциальных геополитических союзников России Индию и Японию, а также страдающее от Пекинского диктата местное население. Для самого Китая этот пояс является стратегиче ским плацдармом для потенциального «рывка на Север», в Казахстан и Сибирь. Это земли, вплотную примыкающие с юга к Lenaland, вокруг которой с неизбеж ностью будет разворачиваться позиционное геополити ческое противостояние ведущих мировых сил. Россия должна оторвать этот плацдарм от Китая, отбросить Китай к югу и предложить ему в качестве геополитической компенсации развитие по оси Север Юг в южном направлении Индокитай (кроме Вьетнама), Филиппины, Индонезия, Австралия.

4.8 От Балкан до Манчжурии

Евразия должна «давить» на Юг на всем пространст ве от Балканского полуострова до Северо-восточного Китая. Весь этот пояс является стратегически важной зоной безопасности России. Народы, населяющие разные сектора этого пространства различны этнически, религиозно, культурно. Но у всех без исключения существуют элементы, которые сближают их с геополитической формулой heartland'а. Для одних это Православие, для других историческая принадлежность к единому государству, для третьих этническая и расовая близость, для четвертых общность противника, для пятых прагматический расчет. Такое разнообразие Юга диктует необходимость крайне гибкой геополитики и чрезвычайно развитой аргументации, обосновывающей необходимость

связей, альянсов и т.д. Ни один из критериев не является здесь приоритетным нельзя опереться только на один из факторов этнос, религия, раса, история, выгода и т.д. В каждом конкретном случае следует поступать по-разному. Самым высшим критерием при этом остается геополитика и ее закономерности, которые должны подчинять себе все остальные соображения, а не становиться лишь инструментом внешней (или внутренней) политики, основывающейся на каких-то отдельных и самостоятельных принципах. Только в этом случае Евразия сможет достичь стабильности, а Россия надежно обеспечить свою континентальную безопасность и осуществ ление своей теллурократической миссии.

Глава 5. Угроза Запада

5.1 Два Запада

Проблема организации пространства на Западе Евразии является той темой, которая составляет основу всей геополитики как науки. Западная Европа это rimland Евразии, причем rimland наиболее законченный, однозначный и исторически идентифицируемый. В отношении самой России как heartland'а Запад в целом представляет собой главного планетарного противника тот сектор «береговой цивилизации», который полностью принял на себя функцию законченной талассократии и отождествил свою историческую судьбу с морем. В авангар де этого процесса была Англия, но все остальные европейские страны, принявшие эстафету индустриализации, технического развития и ценностные нормативы «торгового строя», также раньше или позже вошли в этот талассократический ансамбль.

В ходе исторического становления окончательной географической картины Запада первенство от острова Англия перешло к континенту Америка, особенно к США. Таким образом, максимальным воплощением талассо кратии в ее стратегическом, идеологическом, экономиче ском и культурном аспектах стали США и контроли руемый ими блок НАТО.

Такая окончательная геополитическая фиксация планетарных сил помещает полюс атлантизма и талассо кратии за Атлантику, на американский континент. Сама же Европа (даже Западная, в том числе сама Англия) из центра талассократии становится «буферной зоной», «береговым поясом», «стратегическим придатком» США. Такой перенос талассократической оси за океан несколько меняет геополитическую конфигурацию. Если столетие назад Европа (Англия и Франция) была основным противником России, то после Второй мировой войны этот регион утратил самостоятельное стратегическое значение, превратившись в стратегическую колонию США. Такая трансформация строго соответствует тому «взгляду с моря», который характеризует типично колониальное отношение к материку любой талассократии. Если раньше «береговая» природа Европы была потенциаль ной характеристикой, активируемой особым геополити ческим образованием «островом Англия», то сейчас это точно соответствует актуальной картине распределе ния сил. США, геополитическая реальность, вышедшая из Европы как ее почти искусственная проекция, стали совершенно самостоятельным полюсом, Западом в абсолютном смысле этого слова, превратив Европу из метрополии в колонию. Все это находится в полном соответствии с классической логикой талассократической геополитики.

Таким образом, в настоящее время геополитическая проблема планетарного Запада в самом широком смысле распадается для России на две составляющие Запад как Америка и Запада как Европа. С геополитичес кой точки зрения, эти две реальности имеют различный смысл. Запад как Америка является тотальным геополитическим противником России, полюсом прямо противоположной Евразии тенденции, штабом и центром атлантизма. Позиционная геополитическая война с Америкой составляла и составляет сущность всей евразий ской геополитики, начиная с середины XX века, когда роль США стала очевидной. В этом отношении позиция heartland'а ясна необходимо противодействовать атлантистской геополитики США на всех уровнях и во всех регионах земли, стараясь максимально ослабить, деморализовать, обмануть и, в конечном счете, победить противника. Особенно важно при этом внести геополитический беспорядок во

внутриамериканскую действи тельность, поощряя всяческий сепаратизм, разнообраз ные этнические, социальные и расовые конфликты, активно поддерживая все диссидентские движения экстремистские, расистские, сектантские группировки, дестабилизирующее внутриполитические процессы в США. При этом одновременно имеет смысл поддерживать изоляционистские тенденции в американской политике, тезисы тех (часто право-республиканских) кругов, которые считают, что США должны ограничиться своими внутренними проблемами. Такое положение дел России выгодно в высшей степени, даже если "изоляционизм" будет осуществляться в рамках изначальной редакции доктрины Монро т.е. если США ограничат свое влияние двумя Америками. Это отнюдь не означает, что Евразия должна при этом отказываться от дестабилизации латиноамериканского мира, стремясь вывести отдельные регионы из-под контроля США. Все уровни геополитиче ского давления на США должны быть задействованы одновременно, подобно тому, как антиевразийская политика атлантизма одновременно "спонсирует" процессы развала стратегического блока (Варшавский договор), государственного единства (СССР) и дальнейшего этно-тер риториального дробления, под видом регионализации России осуществляя ее прогрессирующий распад вплоть до полного уничтожения. Heartland вынужден платить Sea Power той же монетой. Эта симметрия логична и обоснована. Все это является центральной задачей "внешней геополитики" России относительно США, поэтому более детальный анализ выходит за рамки данной работы.

Вторая реальность, также обозначаемая термином «Запад», имеет иное значение. Это Европа, геополитиче ский смысл которой за последние десятилетия резко изменился. Будучи традиционно метрополией для других частей планеты, Европа впервые оказалась в ситуации колонии стратегической, культурной, экономической, политической и т.д. Американский колониализм отличается от более явных и жестких форм прошлого, но его смысл остается тем же. Европа на данный момент не имеет собственной геополитики и собственной географи ческой воли, ее функции ограничиваются тем, что она служит подсобной базой США в Евразии и местом наиболее вероятного конфликта с Евразией. Такое положение автоматически приводит к тому, что антиамерикан ская линия становится общей геополитической альтернативой европейских государств, объединяя их единым проектом, которого никогда не существовало ранее. Объединение Европы в Маастрихте есть первый сигнал появления Европы как целого и самостоятельного организма, претендующего на то, чтобы вернуть себе историческое значение и геополитический суверенитет. Европа не хочет быть ни русской, ни американской. После конца «холодной войны» эта воля проявилась во всем объеме.

Теперь встает вопрос: каково, в общих чертах, отношение Евразии к своему западному полуострову?

С чисто геополитической точки зрения, Евразия однозначно заинтересована в том, чтобы вывести Европу из-под контроля атлантизма, США. Это является приоритетной задачей. На Западе Россия должна иметь морские границы, это стратегический императив геополити ческого развития Евразии. Именно отсутствие таких границ, наличие вместо них сухопутной линии, пересекаю щей Европу посередине, искусственно и насильственно, привело, в конечном итоге, к геополитическому проигрышу СССР. Следовательно, задача не повторять ошибок и исправить положение. Евразия только тогда будет свободна от Sea Power, когда ее стратегическими границами на Севере, Востоке, Юге и Западе станут океаны так же, как и в случае Америки. Лишь тогда дуэль цивилизаций будет протекать на равных условиях.

Поэтому у России есть два выхода либо военная оккупация Европы, либо такая переорганизация европейского пространства, которая сделает этот геополити ческий сектор надежным стратегическим союзников Москвы, сохранив его суверенитет, автономию и автаркию. Первый вариант настолько нереален, что обсуждать его всерьез не следует. Второй вариант сложен, но осущест вим, так как полвека, проведенные Европой в положении американской колонии, оставили серьезный след в европейском сознании.

Дружественная Европа как стратегический союзник России может возникнуть только в том случае, если она будет единой. В противном случае атлантический противник найдет множество способов внести дробление и раскол в европейский блок, провоцируя конфликт, аналогичный двум мировым войнам. Поэтому Москва должна максимально способствовать европейскому объедине нию, особенно поддерживая центрально- европейские государства, в первую очередь, Германию. Альянс Германии с Францией, ось Париж Берлин (проект Де Голля), является тем позвоночником, вокруг которого логичнее всего строить тело Новой Европы. В Германии и Франции есть устойчивая антиатлантистская политическая традиция (как у правых, так и у левых политических течений). Будучи до поры до времени потенциальной и скрытой, она в определенный момент заявит о себе во весь голос. Москве же следует ориентироваться на эту линию уже сейчас, не дожидаясь окончательного развития событий.

Задача Москвы вырвать Европу из-под контроля США (НАТО), способствовать ее объединению, укреплять интеграционные связи с Центральной Европой под знаком основной внешнеполитической оси Москва Берлин. Евразии нужна союзная дружественная Европа. С военной точки зрения, она еще долго не будет представ лять сама по себе (без США) серьезной угрозы, а экономическая кооперация с нейтральной Европой сможет решить большинство технологических проблем России и Азии в обмен на ресурсы и стратегическое военное партнерство.

Исходя из этой внешнегеополитической задачи, следует анализировать и внутриполитическую ситуацию России в ее западных регионах.

5.2 Разрушить «санитарный кордон»

Основной формулой анализа геополитики «русского Запада» является принцип: «Европе европейское, России русское». Здесь, в целом, следует поступать так же, как и в случае с исламским миром новые границы неизбежны, некоторые регионы следует поделить заново, но во всех случаях главной остается задача создания на Западе дружественно- нейтральных образований, с максимальной этнокультурной, экономической и социальной свободой, но со стратегической зависимостью от Москвы. Задача максимум «финляндизация» всей Европы, но начинать надо с реорганизации пространств, вплотную прилегающих непосредственно к России.

Здесь сразу возникает сложная проблема: «санитар ный кордон». Атлантистские геополитики прекрасно осознают стратегическую опасность союза России с Европой (особенно Германией) и традиционно стремятся всячески помешать этому. Самым эффективным методом талассократии является «санитарный кордон», т.е. полоса из нескольких пограничных государств, враждебных как восточному, так и западному соседу, и напрямую связанных с атлантистским полюсом. В роли такого «санитар ного кордона» традиционно выступает Польша и восточно-европейские страны, расположенные южнее Чехословакия, Румыния и т.д. Идея такого «кордона» была выработана геополитиком Макиндером и весьма успешно воплощалась в жизнь в начале

века и перед Второй мировой войной. Причем в обоих случаях цель была достигнута в конце концов, между двумя континенталистскими державами Россией и Германией завязывался конфликт, в результате которого стратегические победы доставались атлантистам. Своим местом во главе Запада Америка обязана именно двум мировым войнам, которые обескровили Европу и особенно обессили ли Германию и Россию (главных соперников атлантиз ма).

Очевидно, что такой «санитарный кордон» возникнет и сейчас, созданный из малых, озлобленных, исторически безответственных народов и государств, с маниакальны ми претензиями и сервильной зависимостью от талассо кратического Запада.

Речь идет о появлении геополитической полосы между Балтикой и Черным морем, состоящей из государств, не могущих войти полноценным компонентом в Европу, но усиленно отталкивающихся от Москвы и Евразии. Претенденты на членов нового «санитарного кордона» таковы прибалтийские народы (литовцы, латыши, эстонцы), Польша (включая западную Пруссию), Белоруссия (эту идею лоббирует католическое антиевразийское меньшинство), Украина (особенно Западная униато-ка толическая), Венгрия, Румыния (также под влиянием униатов), Чехия и Словакия. При этом видно, что почти везде речь идет о католическом секторе Восточной Европы, который принадлежал традиционно к зоне влияния Запада. При этом мы имеем дело с теми же странами, которые уже не один раз в геополитической истории выступали как рычаги разрушения континентальных образований Российской империи, Австро-Венгерской империи, недавно СССР.

Задача Евразии в том, чтобы этого кордона не существовало. Это в интересах и Европы и России. Сами эти образования, если рассматривать их в качестве государственных, несостоятельны, этнически и конфессионально противоречивы, стратегически и экономически недоразвиты, лишены ресурсов. Иными словами, эти фиктивные государства имеют смысл только как стратегические зоны, искусственно поддерживаемые атлантизмом. Повсюду есть факторы, которые привязывают их к Евразии (либо православие, либо осознание славянского родства, либо наличие русского населения, либо историческая близость, либо несколько компонентов сразу и т.д.), но есть и противоположные факторы, сближающие их с Западом (католичество, униатство, этническая инаковость, политические традиции суверенитета и т.д.). Пока эти образования представляют собой нечто цельное, они не могут предпочесть ни одну из двух ориентаций, и именно поэтому становятся в полном смысле слова "санитар ным кордоном". Интеграции с Востоком препятствует одни элементы, интеграции с Западом другие. Отсюда постоянная внутренняя и внешняя нестабильность, провоцируемые этими странами, что играет на руку талассо кратии и является постоянным препятствием на пути евразийской геополитики и континентального блока.

Единственным путем устранения «санитарного кордона» является полный передел государственных новообразований на основании чисто геополитических факторов. Это не обязательно должно автоматически означать аннексию территорий к иным государствам. Речь может идти о создании на месте государств федераций или нескольких государств, чья геополитическая ориентация будет, однако, однозначной. Небольшим образова ниям, единым и этнически, и культурно и конфессио нально, будет легче интегрироваться в крупные геополитические блоки, а при наличии крепких союзнических отношений между Россией и Европой новые границы не будут означать подлинного порога, разрыва. Более того, только отсутствие «санитарного кордона» и может сделать эти общеевразийские отношения нормальными, превратить пространство от «Дублина до Владивостока» в зону евразийской кооперации, сотрудничества и стратегического партнерства.

5.3 Балтийская Федерация

Рассмотрим более подробно весь западный пояс, прилегающий к России. Все пространство делится на несколько секторов. Севернее всего лежит скандинавский пояс, идущий от Норвегии до Финляндии. В отношении Финляндии общий геополитический проект мы рассмот рели в главе, посвященной Северу. Здесь речь идет о создании карело- финского этно-территориального образования с максимальной культурной автономией, но стратегической интеграцией в евразийский блок. Норвегия и Швеция, а также Прибалтийские республики принадле жат иному геополитическому контексту, более широкому, нежели карело-финская проблематика.

Здесь мы сталкиваемся с более общей темой геополитика Балтики и Скандинавии. Самое удобное было бы в данном случае последовать за шведским геополитиком Рудольфом Челленом (изобретшим термин «геополитика») и рассмотреть весь балтийский регион как северное продолжение Средней Европы, структурирован ной вокруг Германии. Челлен считал, что скандинавская геополитика не может иметь никакого иного развития, кроме стратегического объединения с Германией, основанной на этнической, культурной и географической общности. Но связующим элементом всей конструкции должна быть Пруссия немецкое государство с доминацией протестантской конфессии, общей для скандинавов. Протестантско-скандинавский блок должен быть северным продолжением Пруссии, Берлина. Поэтому все это пространство, начав осознавать себя единым целым, не может обойтись без геополитического восстановления прусского единства. В настоящий момент Пруссии не существует, ее земли распределены между Германией, Польшей и Россией. Следовательно, самая главная предпосылка для создания «нейтральной» политически и дружественной Москве Балтийской Федерации отсутствует. Отсюда практическая невозможность организовать данный регион в соответствии с евразийскими принципами.

На чисто теоретическом уровне проблема решается в два этапа:

1) Воссоздается новое этно-конфессиональное пространство в пределах исторической Пруссии. Инициато рами выступают Москва и Берлин. Из этого вытекает лояльность названной осевой фигуры в отношении России, которая даст этому образованию жизнь, уступив часть прусских земель, приобретенных в ходе Второй мировой войны (Калининградскую область).

2) Вокруг Пруссии начинается процесс стратегическо го объединения балтийских государств в единый блок. В блок входят Норвегия, Швеция, Германия, Эстония, Финляндия-Карелия, Дания, возможно, Голландия. Особый статус делегируется Польше, Литве и Латвии. Обязатель ным условием является выход всех стран из НАТО и создание в Балтике демилитаризованной зоны. В перспективе стратегический контроль переходит к Москве и ВС «нейтральной» Европы, т.е. к евразийскому оборонному комплексу.

Единственным слабым элементом в этой системе оказываются Польша и Литва, где преобладающей конфессией является католичество. Эти земли были главным рычагом талассократической геополитики, направленной против Евразии и возможности создания континенталь ного блока. Более того, в истории существует прецедент значительной политической самостоятельности Польско-Литовского княжества, а некоторые историки (в частности, Шпенглер) даже говорили о существовании особой «балтийской цивилизации», географически совпадающей, в общих чертах, с историческими границами

Польши и Литвы. Лишь определенные исторические условия не позволили этой цивилизации развиться окончательно и сделали ее «абортивной» (термин Шпенглера). Надо признать, данная проблема вообще не имеет позитивного решения, так как формулируется она следующим образом: либо польско-литовское пространство будет существовать как самостоятельная геополитическая реальность (и тогда она станет непреодолимым препятствием на пути проевразийского Балтийского единства с осью в Пруссии), либо его фрагменты будут интегрированы в другие геополитические блоки, а само оно будет расчленено и задавлено в зародыше. Любая интеграция на католической основе в этом регионе будет создавать напряжение и в отношении Востока (Москва), и в отношении Севера (протестантский мир Скандинавии), и в отношении Запада (Германия). Следовательно, в Польше и Литве главным геополитическим партнером Евразии должны стать силы, настаивающие на некатолической ориентации политики этих стран сторонники светской «социал-демократии», «неоязычники», «этноцентристы», протестантские, православные религиозные круги, этнические меньшинства. Кроме того, этническая напряженность в польско-литовских отношениях является чрезвычайно ценным элементом, который следует использовать и, по возможности, усугублять.

Если воссоздание Пруссии решило бы, по большей части, проблемы с Польшей, которой в такой ситуации оставался бы только путь на юг (так как Балтийский регион был бы под германо-русским контролем), то с Литвой ситуация еще более сложная, так как она является самым северным фрагментом католического мира, имеет длинную береговую линию на Балтике и отделяет русское пространство от северной оконечности Средней Европы, не принадлежа ни к тому, ни к другому миру. Очевидно, что атлантистские геополитики не преминут воспользоваться этим обстоятельством и попытаются именно Литву сделать причиной раздора и основным препятствием для реорганизации Европы. Ограничить негативные следствия геополитического расположения Литвы для евразийского проекта можно только частично, укрепляя стратегическое единство всего этого ареала и стремясь замкнуть его с северо-запада через шведско-датское звено.

5.4 Католики-славяне входят в Среднюю Европу

Спускаясь южнее, мы попадаем в славяно-католиче ский или униатский регион, который простирается от Польши через Западную Белоруссию и Западную Украину, Волынь, Галицию, Словакию и Чехию до Хорватии и Словении на западе Балканского полуострова. К этому пространству геополитически примыкают Венгрия, Австрия и Бавария, населенные, соответственно, католиками венграми и немцами. Униатская церковь существует также и в православной Румынии. Это преимуществен но славянское пространство несмотря на свое этническое и расовое родство с Россией никогда не отождествляло себя с восточно-славянской государственностью, а в еще меньшей степени с евразийской империей Москвы. Этническое родство в данном случае не является достаточным основанием для геополитической интеграции. Двусмысленность этого фактора исторически порождала конфликты и войны России и Германии (шире Европы), препятствовала органичной и непротиворечивой организации геополитического ансамбля Центральной Европы.

Культурно славянские католические народы сложились в Австро-Венгерской империи, и этнические трения с ней, приведшие к распаду, возникли только тогда, когда сама Вена потеряла представление о своей наднациональ ной имперской геополитической миссии и стала все больше и больше отождествляться с этническим "германиз мом". Единственным исключением является лишь Богемия, Моравия и Босния, где славянство изначально осознавало свое духовное отличие от германо-католического начала, что выразилось в

гуситских войнах, реформаци онных брожениях и всплесках сектантства (в случае боснийских сербов-богомилов). С геополитической точки зрения все эти народы принадлежат Средней Европе и должны структурироваться вокруг среднеевропейского Центра, которым естественным образом является Германия. Прямое воздействие на эти области Москвы никогда не сможет стать приоритетным, так как этническая близость лишь подчеркивает культурно-исторические и духовно-конфессиональные различия.

Исходя из этих соображений России необходимо отказаться от прямого контроля над странами Восточной Европы, предоставив их германскому контролю. При этом Москва должна не просто пассивно ждать, пока это произойдет само собой, но активно способствовать органичным процессам в этой сфере, чтобы стать вместе с Берлином инициатором и реализатором всего процесса, приобретая тем самым геополитическую долю в решении всех деликатных проблем. При этом придется отказать ся от доминации над некоторыми регионами Западной Украины Галицией и Закарпатьем, компактно заселенных униатами и католиками. Это же касается некоторых регионов Белоруссии. Отказываясь от прямой политической доминации над некоторыми территориями, взамен Москва должна получать право стратегического присутствия на самых западных границах всего Среднеевропейского региона. В этом и заключается смысл всей реорганизации Восточной Европы. Москва должна пойти на предоставление всему католико-славянскому пространству возможности интеграции в Среднюю Европу под началом Берлина, т.е. замкнуть эту зону по принципу Север Юг. Единственно важно изъять из этого ансамбля Литву (по причинам, о которых мы уже говорили, чтобы вся среднеевропейская конструкция патронировалась строго двумя сторонами (Россией и Германи ей), при совершенном исключении Запада талассо кратии, так как в противном случае весь этот пояс приобретет противоположное значение, превратившись в "санитарный кордон" (хотя он создается как раз для того, чтобы не допустить возникновения такого "кордона").

5.5 Объединение Белоруссии и Великороссии

На карте, учитывающей конфессиональную структуру Восточной Европы, отчетливо видно, как по мере движения к югу православное население сдвигается все западнее, тесня католическое. Некоторые сербские земли доходят до Адриатического побережья, а кроме того, определенный процент православных есть и среди албанцев (основателем независимой Албании был православный священник Фан Ноли).

Эти территории, куда входят Белоруссия, центральная часть Украины, Молдавия, Румыния, Сербия и Болгария, имеют двойственную геополитическую природу географически они принадлежат к южному сектору Средней Европы, а культурно и конфессионально к России-Евра зии. Духовная идентичность этих народов складывалась из противостояния исламу на юге и католичеству на западе, их национальная идея неразделимо связана с православием. В такой ситуации Москва не может ни полностью делегировать геополитический контроль над регионом Германии, ни заявить о своем прямом политическом влиянии на эти страны. Тем более, что в русско-молдавских и русско-румынских отношениях (не говоря уже об Украине) не все гладко. Наиболее тесные исторические контакты у России с Сербией, но на них невозможно построить тактику интеграции всего региона, так как у Сербии со своими православными соседями также традиционно довольно натянутые отношения. Кроме того, общую картину геополитической стратегии России на Балканах мы осветили в главе, касающейся Юга. Здесь же следует более конкретно рассмотреть территории, которые занимают Белоруссия, Украина и Румыния (с Молдавией).

В отношении Белоруссии геополитическая картина довольно ясная. За исключением небольшой части полонизированных белорусов (католиков и униатов, а также поляков), подавляющее большинство населения однознач но принадлежит русскому пространству и должно быть рассмотрено как субъект центрального евразийского этноса, т.е. как «русские» в культурном, религиозном, этническом и геополитическом смыслах. Языковая специфика, некоторые этнические и культурные особенно сти не меняют общей картины. Поэтому с Белоруссией Москва должна интегрироваться самым тесным образом, не забывая при этом о том, что поощрение культурной и языковой самобытности белорусов является важным позитивным моментом во всей системе евразий ской интеграции. В отношении этносов, принадлежащих к единому государству, этот принцип следует соблюдать столь же строго, как и в отношении пограничных народов или соседей. Единственный болезненный шаг в Белоруссии, который необходимо предпринять для предупреждения центробежных и подрывных тенденций, это выделение в особую административную категорию некоторых областей, компактно заселенных католиками и униатами вплоть до предоставления им значительной автономии, достаточной для того, чтобы войти в Среднеевропейское пространство. Стремление любой ценой удержать Белоруссию всю целиком под прямым и жестким контролем Москвы приведет к тому, что и в ней самой и со стороны западных соседей Россия будет иметь тлеющие угли потенциального геополитического конфликта, который в данном случае (в отличие, например, от Литвы) может быть решен в интересах всех заинтересован ных сторон.

Белоруссию следует рассматривать как часть России, и поэтому интеграцию с ней надо проводить по оси Запад Восток, являющейся приоритетной во всех случаях внутренней организации этнически однородного пространства. Настоящая западная граница России должна пролегать намного западнее, поэтому в полноценной геополитической картине белорусские земли скорее относятся к центральной области, чем к западной окраине.

5.6 Геополитическая декомпозиция Украины

Вопрос Украины более сложен, хотя модель геополитического состава этого государства очень сходна. Здесь, правда, важную роль играет геополитический масштаб Украины, которой представляет собой гигантское территориальное образование, превышающее по объему многие крупные европейские державы. Несравнимо более активен на Украине и сепаратизм, и тенденции политиче ского суверенитета. Украина как государство не имеет никакого геополитического смысла. У нее нет ни особенной культурной вести универсального значения, ни географической уникальности, ни этнической исключительности. Исторический смысл Украины отражен в самом ее названии «Украина», т.е. «окраина», «пограничные территории». В эпоху Киевской Руси территории нынешней Украины были центром государственности восточных славян, для которых в то время Владимир (позже Москва) был восточной окраиной («украиной»), а Новгород северной. Но по мере превращения Руси из славянского государства в евразийскую империю геополитические функции крупнейших центров радикально поменяли свое значение. Столицей империи стала Москва, а Киев превратился во второстепенный центр, в котором сходились евразийское и среднеевро пейское влияния. Ни о каком синтезе культур не могло быть и речи. Скорее всего, более архаические, сугубо русские православные пласты подвергались динамическому более «модернистическому» воздействию Западной Европы особенно через Польшу на западе и Австро-Венгрию на юго-западе. Безусловно, украинские культура и язык своеобразны и уникальны, но какого бы то ни было универсального значения они лишены. Казаческие поселения, которые образовали, в значительной мере, украинский этнос, отличались независимостью, особым этическим, хозяйственным и социальным укладом. Но всех этих

элементов недостаточно для геополитической самостоятельности, а потамическая карта Украины, где главные реки (Днестр, Днепр и т.д.) текут параллельно друг другу, объясняет замедленное развитие украинской государственности.

По этой причине самостоятельное существование Украины (особенно в современных границах) может иметь смысл только в качестве «санитарного кордона», так как противоположные по геополитической ориентации элементы не позволят этой стране целиком присоединить ся ни к восточному, ни к западному блоку, т.е. ни к России- Евразии, ни к Центральной Европе. Все это обрекает Украину на марионеточное существование и геополитическую службу талассократической стратегии в Европе. В этом смысле роль Украины схожа с ролью Прибалтийских республик. На этом основании одно время всерьез обсуждался проект создания «черноморско-бал тийской федерации», т.е. типичного «санитарного кордона» подрывного геополитического образования, служащего для провокации нестабильности в Восточной Европе и предуготовления предпосылок для целой серии вооруженных конфликтов. Существование Украины в нынешних границах и с нынешних статусом «суверенного государства» тождественно нанесению чудовищного удара по геополитической безопасности России, равнознач но вторжению на ее территорию.

Дальнейшее существование унитарной Украины недопустимо. Эта территория должна быть поделена на несколько поясов, соответствующих гамме геополитических и этнокультурных реальностей.

1) Восточная Украина (все, что лежит восточнее Днепра от Чернигова до Азовского моря) представляет собой компактно заселенную территорию с преобладанием великоросского этноса и православным малороссийским населением. Вся эта территория безусловно близка к России, связана с ней культурно, исторически, этнически, религиозно. Это прекрасно освоенная, технически развитая область вполне может составлять самостоятельный геополитический регион, с широкой автономией, но в безусловном и крепчайшем союзе с Москвой. Здесь предпочтительней меридианальная интеграция, связь Харьковской области с более северными (Белгородская, Курская и Брянская области) собственно русскими территориями и распространение конструкции к югу.

2) Крым это особое геополитическое образование, традиционно отличающееся этнической мозаичностью. Малороссы, великороссы и крымские татары расселены в Крыму в очень сложной конфигурации и представляют собой три достаточно враждебных друг другу геополити ческим импульса. Великороссы ориентированы подчеркнуто промосковски (более агрессивно, чем на остальной Украине, даже Восточной). Малороссы, напротив, крайне националистичны. Крымские татары вообще ориентиро ваны больше на Турцию и довольно враждебны России. Об учете геополитической ориентации крымских татар вообще не может идти речи, так как Турция во всех отношениях является прямым геополитическим противником России. Но с наличием в Крыму татар не считаться также нельзя. Прямое присоединение Крыма к России вызовет крайне негативную реакцию малороссий ского населения и создаст проблемы интеграции этого полуострова в российскую систему через украинские территории, что вообще мало реально. Оставлять Крым «суверенной Украине» также невозможно, поскольку это создает прямую угрозу геополитической безопасности России и порождает этническую напряженность в самом Крыму. При учете всех этих соображений напрашивает ся вывод о необходимости придания Крыму особого статуса и обеспечения максимальной автономии при прямом стратегическом контроле Москвы, но с

учетом социально-экономических интересов Украины и этнокуль турных требований крымских татар.

3) Центральная часть Украины от Чернигова до Одессы, куда попадает и Киев, представляет собой другую законченную область, где этнически доминирует малороссий ский этнос и язык, но преобладающей конфессией является православие. Эта православная Малороссия представляет собой самостоятельную геополитическую реальность, культурно родственную Восточной Украине и безусловно входящую в евразийскую геополитическую систему.

4) Западная Украина неоднородна. На Севере это Волынь, отдельный регион, южнее Львовская область (Галиция), еще южнее Закарпатье (западный выступ), и наконец, восточная часть Бесарабии. Все эти регионы представляют собой довольно самостоятельные области. На Волыни преобладают униаты и католики, эта область культурно принадлежит католическому геополитическо му сектору Средней Европы. Почти такая же картина в Галиции и Закарпатье, хотя эти более южные земли представляют собой отдельную геополитическую реальность. Волынь исторически связана с Польшей, а Галиция и Закарпатье с Австро-венгерской империей. Бессараб ские земли Украины населены смешанным населением, где малороссы и великороссы перемежаются румынами и молдаванами. Этот регион практически целиком православный и представляет собой православный пояс, наискось уходящий от Великороссии на Балканы к Сербии. Весь сектор от Бесарабии до Одессы следует отнести к центрально-украинскому геополитическому пространст ву, поэтому его логичнее включать в меридиональный левобережный пояс Днепра, западная граница которого простирается от Ровно до Ивано-Франковска по оси Север Юг и далее по Днестру до Одессы на юге.

Таким образом, Западная Украина, в узком смысле этого понятия, состоит из трех областей Волыни и Галиции и Закарпатья. Будучи территориально близкими, они отличаются по рельефу (Закарпатье горный массив, как и Словакия), этническому составу и политическим традициям. Этим областям, которые сегодня активно влияют на общую политическую атмосферу Украины, активно проводя антимосковскую, прозападную геополитическую линию, следует предоставить значитель ную степень автономии (вплоть до политической), чтобы оторвать эти «подрывные» территории от православного и в целом прорусского общеукраинского пространства как центрального, так и восточного. Стратегическая граница России на этих параллелях не может зависеть от места прохождения украинско-польской, украинско -венгерской или украинско-словацкой границы. Эта стратегическая граница должна пролегать много западнее, по меньшей мере, на западной оконечности Средней Европы, а в лучшем случае по Атлантике. Именно исходя из такой перспективы предпринимается вся геополитическая переструктурализация этого региона, так как, выступая в роли инициатора геополитических преобразований в Восточной Европе и в качестве главного партнера Германии, Россия должна настаивать, в первую очередь, на условии выведения всей этой области из-под атлантистского контроля и создания на этом месте комплекса евразийской континентальной обороны, состоящей из военно-стратегической кооперации России с Европой в целом.

Волынь, Галиция и Закарпатье могут составить общую «западно-украинскую федерацию», степень интегрированности внутри которой может устанавливаться произвольно в зависимости от конкретных обстоятельств. Здесь важнее всего провести культурно-конфессиональ ную границу между Центральной Украиной (собственно

Киевской землей) и Западной Украиной, чтобы избежать дисгармоничного центрально-европейского католическо го или униатского влияния на православные территории.

Украинский фактор является наиболее уязвимым местом в западном поясе России. Если в других местах опасность разрушения геополитической состоятельности heartland'а является потенциальной, и позиционная борьба за евразийскую геополитическую систему ставит перед собой лишь превентивные цели, то факт существова ние «суверенной Украины» является на геополитическом уровне объявлением России геополитической войны (а это дело не столько самой Украины, сколько атлантизма и Sea Power). Речь идет не о том, что Украина сама сознательно выбирает роль атлантистского «санитарно го кордона», хотя в некоторых случаях это не может не быть осознанным шагом, но о том, что она на практике начинает выполнять данную роль, коль скоро она не включается активно в интеграционные процессы с Москвой или (по меньшей мере) не распадается на отдельные геополитические составляющие.

Украинская проблема главная и самая серьезная проблема, которая стоит перед Москвой. Если проблемы Севера и «полярной трапеции» связаны с далеким будущим России и Евразии, если освоение Сибири и битва за Lenaland имеет значение для близкого будущего, если, наконец, позиционная стратегия переустройства азиатского Юга имеет для России актуальное, но превентив ное значение геополитика Запада и центр этой геополитики «украинский вопрос» требует от Москвы немедленных ответных мер, поскольку речь идет о нанесении России уже в настоящем стратегического удара, не реагировать на который «географическая ось истории» просто не имеет права.

Учитывая то, что простая интеграция Москвы с Киевом невозможна и не даст устойчивой геополитической системы, даже если это произойдет вопреки всяким объективным препятствиям, Москва должна активно включаться в переустройство украинского пространства по единственно логичной и естественной геополитической модели.

5.7 Румыния и Молдавия интеграция под каким знаком?

Румыния и Молдавия представляют собой две части единого геополитического региона, населенного единым православным этносом потомками даков, говорящи ми на языке латинской группы и в значительной степени вобравшими культурные, языковые и расовые элементы славянского окружения. С геополитической точки зрения интеграция Румынии и Молдавии неизбежна, но при этом Москва должна стремиться провести это объединение в своих целях, чтобы включить это пространство в зону своего прямого стратегического контроля. Культура Румынии представляет собой в целом типичную православную модель, прямо связывающую эти земли с Евразией. Единственным препятствием для совершенной интеграции этих земель в Россию является языковый фактор и геополитическая близость к католическим регионам. Кроме того, на западе Румынии в Банате значителен процент венгров-католиков и румын-униатов.

Через Румынию, Молдавию и Центральную Украину проходит непрерывная полоса, населенная православны ми народами, связывающая земли России с Сербией, форпостом Евразии на Балканах. В интересах Евразии превратить всю эту область в единый стратегический и культурный регион фактически в одну страну. Это требует от Москвы, чтобы именно она выступила инициатором молдавско-румынской интеграции, знак которой должен быть изначально определен как православный и евразийский. При этом важно, чтобы румынский православ ный анклав с востока и с запада замыкали собственно славянские православные народы украинцы и сербы, обеспечивая таким образом

непрерывность территориальной интеграции, основанной не столько на этническом, сколько на конфессиональном признаке и культурном родстве. Вместе с тем такой "православный блок" от Днестра до Черногории, в центре которого должна находиться объединенная Румыния, должен складываться в сотрудничестве с Берлином, которому предоставляется более западная часть Средней Европы от Пруссии через Чехию и Словакию к Венгрии, и Австрии, а далее к Хорватии, т.е. к Адриатике. Если добавить к этому восточный выступ Польши и Восточной Пруссии, который достается Германии северней, то естественное продолжение России на запад в балканском регионе будет логичным и приемлемым, не нарушающим геополитического баланса Средней Европы, которая геополитически принадлежит сфере влияния Германии.

5.8 Условие: почва, а не кровь

Все эти действия вытекают из общей картины европейской геополитики, в которой четко выделяются регионы Средней Европы (под эгидой Германии) и Западной Европы в узком смысле. С Западной Европой у России нет точек прямого соприкосновения, поэтому проведение евразийской стратегии в этом регионе (ключевым элементом которого является Франция) зависит от построения общеевропейской конструкции вдоль оси Берлин Париж. Но евразийский фактор в Западной Европе не может быть прямо линией Москвы. Москва выступает здесь только через Берлин, а евразийские континенталистские и антиатлантистские тенденции здесь описываются одним термином «германофилия». Для французов нельзя требовать более отчетливого «евразий ства», нежели «германофилия», так как проблематику heartland'а Западная Европа постигает через германский континентализм. Россия же является в данном случае «геополитической абстракцией».

Однако это отнюдь не означает, что Россия должна быть безучастна к западноевропейским проблемам. В ее интересах вывести всю Европу из-под атлантистского влияния, а значит, Москва должна активно содейство вать равнению Западной Европы на Среднюю Европу, т.е. на Германию.

При этом самой Германии следует изначально выдвинуть основополагающее требование: все интеграци онные процессы в Средней Европе, где геополитическая доминация Берлина откровенна, а также все преобразо вания в Западной Европе, ставящие своей целью ориентировать европейские державы на Германию, должны исключать принцип этнического господства немцев в культурной, политической, конфессиональной или идеологи ческой области. Европа должна быть европейской, а Средняя Европа среднеевропейской, т.е. вся языковая, этническая и духовная самобытность народов Европы должна расцветать и поощряться Берлином, чей приоритет должен быть исключительно геополитическим и социальным, и ни в коем случае не расовым. За многие среднеевропейские этносы Москва отвечает и в силу расового с ними родства (славянство). Более того, именно этноцентризм и национальное, расовое высокомерие немцев не раз приводило к кровавым конфликтам в Европе. В течение всей геополитической реорганизации Европы Россия должна выступать гарантом того, что Берлин строго разделит геополитику и расу, «почву и кровь», чтобы заведомо исключить трагедии, подобные гитлеровской авантюре. Любые признаки немецкого национализма в вопросах геополитического переустройства Европы должны нещадно подавляться самим Берлином; все процессы должны проходить на основании строжайшего соблюдения «прав народов», полной автономии культур, вероисповеданий и языков.

Такие же требования Москва должна предъявлять и к себе самой, и к своим союзникам. Этническое начало должно поощряться и активно поддерживаться геополитическим центром только в позитивном аспекте, как утвердительная реальность, как национальная самоиден тификация. Конечно, нельзя ожидать полного исчезно вения межэтнических трений и проявления негативных сторон национального самоутверждения, но как раз в этом моменте должен активно вступать в действие принцип геополитического централизма как высший надэтнический арбитр, решающий внутренние проблемы, исходя из жизненных политических и стратегических интересов евразийского целого.

Этот принцип является универсальным для всех регионов, в которых должен установиться Новый Евразий ский Порядок как внутренних для России, так и внешних. Но в случае Запада, Европы, это особенно важно, так как этнические проблемы в этих пространствах лежат в основе всех самых ужасных конфликтов, потрясших XX век.

ЧАСТЬ VI ЕВРАЗИЙСКИЙ АНАЛИЗ

Глава 1. Геополитика Православия

1. 1 Восток и Запад христианской эйкумены

Самым существенным моментом при определении геополитической специфики Православия является то, что речь идет о Церкви Восточной . В границах христианско го мира, до открытия Америки, географически совпадав шего с северо-западом евразийского континента, Ближним Востоком и Северной Африкой, ясно прослеживает ся демаркационная линия между православным простран ством и пространством католическим. Это деление, безусловно, не является исторической случайностью. Православный мир духовно и качественно родственен Востоку, тогда как католицизм сугубо западное явление. А коль скоро это так, то и сами теологические формулировки, лежавшие в основе окончательного разделения церквей в 1054 году, должны нести в себе элементы геополитического характера.

Спор о "филиокве", т.е. об исхождении Святого Духа только от Отца или от Отца и Сына[77], в богословских терминах предвосхищает дальнейшее развитие двух типов христианских и постхристианских цивилизаций рационалистическо-индивидуалистической западной и мистико-коллективистской восточной. Принятие Западом поправки к Никейскому Символу Веры относитель но "филиокве" окончательно закрепило ориентацию на рационалистическую теологию т.н. "субординатизма", т.е. на введение в Божественную реальность иерархически соподчиненных отношений, принижающих таинственную и сверхразумную природу Троицы.

Параллельно с вопросом о "филиокве" важным пунктом разногласий стала идея верховенства Римского престола и наивысшего богословского авторитета Папы. Это также было одним из следствий католического "субординатизма", настаивающего на строгой прямолинейной иерархии даже в тех вопросах, которые находятся под знаком провиденциального действия Святого Духа по спасению мира. Такая позиция совершенно противоре чила идее языковой автономии поместных Церквей и вообще традиционной для Православия предельной свободе в области духовной реализации.

И наконец, последним важнейшим аспектом разделения церквей на Восточную и Западную было отвержение Римом святоотеческого учения об Империи, которая является не просто светским административным аппаратом, грубо подчиненным церковным властям, как хотели представить это Папы, но таинственным сотериоло гическим организмом, активно участвующим в эсхатологической драме как "препятствие приходу антихри ста", "катехон", "держащий", о чем говорится во Втором послании апостола Павла к Фессалоникийцам.

Сверхразумность Божественного действия (примат апофатической мистической теологии), духовная и языковая свобода поместных церквей (восходящая к глоссолалиям апостолов в день Пятидесятницы) и учение о сакральной роли Империи и императоров (теория православной симфонии) вот основные моменты, определяющие специфику

[77] Напомним, что православные считают, что Святой Дух исходит только от Отца (хотя и изводится Сыном), а католики утверждают, что и от Сына, filioque по-латыни означает "и от Сына".

Православия в отличие от католицизма, фактически отрицающего эти аспекты христиан ства.

Все эти различия заметны задолго до окончательного разрыва, но определенный баланс до 1054 года сохранять удавалось. С этого же момента геополитический дуализм христианской эйкумены определился полностью, и оба мира православный и католический пошли своими собственными путями.

Вплоть до 1453 (дата взятия Константинополя турками) Православная Церковь геополитически отождест влялась с судьбой Византийской империи. Мир католицизма охватывал Западную Европу. До этого времени Рим и Константинополь представляли собой два христианских "больших пространства" (если выражаться в геополитической терминологии) со своими геополитиче скими, политическими, экономическими и культурными интересами, а также с четко фиксируемой и недвусмыс ленной богословской спецификой, отражающей и предопределяющей различие церквей со всей интеллектуаль ной догматической однозначностью и логической взаимосвязью. Запад основывался на рационалистическом богословии Фомы Аквинского, Восток продолжал линию мистического богословия, апофатики и монашеского умного делания, ярчайшим образом воплотившихся в текстах великого афонского исихаста святого Григория Паламы.

Палама против Фомы Аквинского вот богослов ская формула, отражающая суть геополитического дуализма христианского Востока и христианского Запада. Мистическое созерцание фаворского света, симфония властей и литургическая глоссолалия поместных церквей (Православие) против рационалистической теологии, папского диктата в мирских делах европейских королей и доминации латыни как единственного священного литургического языка (католицизм). Налицо геополитиче ское противостояние двух миров, имеющих разнонаправ ленную культурную ориентацию, психологическую доминанту и различное, специфическое политическое устройство.

Такова самая общая схема основ православной геополитики. Очевидно, что в подобной ситуации главной задачей Византии и Православной Церкви было сохранить свою структуру, защитить пределы своего политического и духовного влияния, отстоять свою самостоя тельность. Причем Православие в такой ситуации имело двух основных геополитических противников:

1) нехристианский мир, чье давление проявлялось как в набегах варваров на окраины империи, так и в массивном давлении исламизированных турков;

2) христианский мир Запада, рассматривавшийся не просто как земли "латинской ереси", но и как мир апостасии, отступничества, как страна людей, познавших истину и спасение, но отказавшихся от них, предавших их.

В такой изначальной и полной картине геополитиче ского места Православия очень легко разглядеть все те геополитические проблемы, которые будут волновать Восточную Церковь и православные государства на протяжении долгих веков уже после распада Византии. Византийские императоры в определенный момент столкнулись с двойной угрозой "турецкий тюрбан или латинская митра". Учитывая особенность теологического отношения к Западу и Риму, легко понять тех православных, кто делал выбор в пользу "турецкого тюрбана" в тех случаях, когда третьего было не дано. Кстати, многие православные восприняли падение Константино поля как Божью кару за геополитический шаг Византии, попытавшейся сблизиться с Римом за счет принятия "филиокве" в т.н.

"Флорентийской унии" (хотя по возвращении послов в Константинополь это признание было денонсировано).

1.2 Поствизантийское Православие

После падения Константинополя вся геополитическая картина резко изменилась. Несмотря на то, что константинопольский Патриарх оставался главой Православ ной Церкви, стройность всей структуры нарушилась. Напомним, что одним из краеугольных камней Правосла вия было учение о сотериологической функции Империи, а так как Православной Империи (и, соответствен но, православного Императора, Василевса) больше не существовало, то Церковь вынуждена была вступить в новый, особый и достаточно парадоксальный, период своего существования. С этого момента весь православный мир делится на две части, имеющие глубокие различия не только с геополитической, но и с богословской точки зрения.

Первый сектор поствизантийского православного мира представляют собой те Церкви, которые оказались в зоне политического контроля неправославных государств, особенно в османской империи. Эти Церкви администра тивно входили вплоть до распада этой империи в т.н. православный "миллет", который включал православ ных греков, сербов, румын, албанцев, болгар и арабов. Верховной фигурой среди этих православных считался Патриарх Константинопольский, хотя наряду с ним существовали Патриарх Александрийский (архипастырь православных греков и арабов, проживающих в Египте) и Патриарх Антиохийский (глава православных арабов на территории современных СирииИракаЛивана). Особым статусом обладал небольшой Иерусалимский Патриархат, а также автокефальные Церкви Кипра и горы Синай. Константинопольский Патриархат считался духовно главенствующим во всем православном мире, хотя здесь не существует такой прямой иерархии, как в католичестве, и автокефальные церкви имели значительную долю самостоятельности[78]. Константинопольский Патриархат расположен в квартале Фанар, и от этого слова происходит собирательное название греческого клира, подчиненного этому Патриархату "фанариоты". Заметим, что начиная с 1453 года этот сектор православного мира пребывает в двусмысленном положении и на геополитическом и на богословском уровнях, так как отсутствие православной государственности прямо влияет на эсхатологическое видение православными политиче ской истории и означает пребывание Церкви в мире как в "море апостасии", где мистическому приходу "сына погибели" уже ничто не мешает. Неизбежный отказ от православной симфонии властей превращает греческую Православную Церковь (и другие, связанные с ней политической судьбой, церкви) в нечто иное, нежели то, чем она являлась изначально. Это значит, что ее богослов ские и геополитические ориентации меняются. Меняется и ее сакральная природа.

Ясное понимание взаимосвязи между богословием и политикой в полноценной православной доктрине заставило Россию встать на тот путь, которому она следует с XV века, и который теснейшим образом связан с теорией "Москвы Третьего Рима". Россия и Русская Православная Церковь это второй сектор поствизантийско го восточного христианства, имеющий совершенно иную геополитическую и даже духовную природу.

Установление на Руси Патриаршества и провозгла шение Москвы "Третьим Римом" имеет прямое отношение к мистической судьбе Православия как такового. Русь после падения

[78] Отдельно следует рассмотреть грузинскую Православ ную Церковь, сохранившую свою относительную независи мость от турков.

Константинополя остается единственным геополитическим "большим пространством", где существовала и православная политика и православная Церковь. Русь становится преемницей Византии и по богословским мотивам и на геополитическом уровне. Только здесь сохранились все три основных параметра, которые делали Православие тем, чем оно являлось, в отличие и от латинского Запада и от политического господства нехристианских режимов. Следовательно, вместе с мистическим статусом "преграды для прихода сына погибели" Москва наследовала и всю полноту геополитической проблематики Константинополя. Так же, как и Византия, Русь столкнулась с двумя враждебными геополитическими реалиями с той же "латинской митрой" и тем же "турецким тюрбаном". Но в данном случае вся полнота исторической ответственности падала на русских царей, русскую церковь и русский народ. Тот факт, что эта ответственность была передана Москве после падения Константинополя, наделял всю ситуацию особым эсхатологическим драматизмом, отразившимся не только на психологии русских в последние пять веков, но и на специфике геополитической ориентации русского государства и русской Церкви. Параллельно этому сформировалась концепция русского народа как "народа-бо гоносца".

Но одновременно появилась и новая проблема: отношения с православным миром за пределом Руси и статус Константинопольского Патриарха применительно к Патриарху Московскому. Дело в том, что нерусские православные оказались перед дилеммой: либо признать Русь "ковчегом спасения", новой "Святой землей", "катехо ном" и, соответственно, подчиниться духовному авторитету Москвы, либо, напротив, отрицать возможность существования "православного царства" как такового и отнестись к Москве как к нелегитимной узурпации византийской эсхатологической функции. Соответственно этому выбору должна была строить свои отношения с остальными церквями и Москва. Можно сказать, что, фактически, с этого момента православный мир разделился на две части, различающиеся и геополитически и теологически . Известно, что в Константинопольской сфере влияния победила антимосковская линия, а значит, клир фанариотов адаптировал православную доктрину к тем условиям, когда о политической проекции не могло ыть и речи. Иными словами, греческое Православие изменило свою природу, превратившись из интегрально го духовно-политического учения, в исключительно религиозную доктрину индивидуального спасения. И отныне соперничество Константинополя с Москвой являлось, по сути, противостоянием двух версий Правосла вия полноценного, в случае Москвы, и редуцирован ного, в случае Константинополя.

Более того, изменения качества греческого Правосла вия сблизило его, в некотором смысле, с линией Рима, так как один из трех основных пунктов догматических противоречий (вопрос о "катехоне") отпал сам собой. Духовное сближение фанариотов с Ватиканом сопровожда лось их политическим сближением с турецкой администрацией, в которой многие православные греки традиционно занимали высокие посты. Такое раздвоенное существование, сопряженное с соперничеством с Русской Церковью за влияние над православным миром, фактически, лишило греческое Православие самостоятельной геополитической миссии, сделало его лишь одним из второстепенных геополитических факторов в более общем неправославном контексте политических интриг Османских властей и папских легатов.

Как бы то ни было, с XV века термин "геополитика Православия" стал почти тождественным термину "геополитика России".

Вместе с тем, неверно было бы рассматривать весь нерусский православный мир как подконтрольный политике фанариотов. В различных его частях существо вали и

противоположные настроения, признававшие за Православной Русью богословское и эсхатологическое первенство. Особенно это касалось сербов, албанцев, румын и болгар, у которых русофильские и фанариотские геополитические тенденции традиционно конкурировали. Со всей силой это проявилось в XIX веке, когда православные народы, входившие в состав Османской империи, предприняли отчаянные попытки восстановить свою национальную и политическую независимость.

1.3 Петербургский период

Но между падением Константинополя и началом борьбы за независимость православных балканских народов произошло событие, которое имеет огромное значение для Православия в самом широком смысле. Речь идет о русском расколе и следующих непосредственно за ним реформах Петра Первого. В этот момент на Руси произошло качественное изменение статуса Православия, и отныне догматические основы Восточной Церкви, сохранявшиеся около 200 лет незыблемыми, пошатнулись. Дело в том, что перенос столицы из Москвы в Санкт-Петербург и упразднение Патриаршества вместе с учреждением Синода означали то, что Россия перестала быть догматически легитимной Православной Империей в богословском и эсхатологическом смысле. Фактически, был осуществлен переход от собственно православной геополитической модели к некоему подобию протестантского государства. Отныне Русское Православие также превратилось в некую двусмысленную реальность, лишь частично совпадающую на геополитическом уровне с Российским Государством. Но хотя догматическая подоплека была откровенно поколеблена, общая логика российской геополитики продолжала изначальную линию, хотя и на ином уровне, так как светские и чисто политические интересы стали однозначно главенствовать над религиозно-эсхатологической проблематикой. Параллель но, и на самом Западе традиционная католическая модель тоже уступила место укреплению чисто националь но-политических образований, государств-наций, так что и там теологическая проблематика стерлась и отошла на второй план перед лицом более практических, меркантильных и узко политических интересов. Однако, геополитический расклад, предопределенный догматиче ски в схизме церквей, остался суммарно прежним, если не считать появления протестантских стран.

Протестантизм геополитически делится строго на два сектора прусское лютеранство и англо-швейцаро-гол ландский кальвинизм. При внешней схожести и синхронности обоих всплесков протеста против Рима лютеранство и кальвинизм имеют почти полярно противопо ложное значение. Лютеранский лагерь, сконцентриро вавшийся в прусском государстве, был основан и догматически и мистически на критике Ватикана с точки зрения радикализации предпосылок "Нового Завета", и в общих чертах это воспроизводило традиционные для Православия претензии к католицизму. Лютеранская Пруссия и географически располагалась между православной Россией и католической Западной Европой. Кальвинизм же, ставший государственной религией Англии (а позже в огромной мере повлиявший на политическое устройст во США), основывался, напротив, на подчеркнуто ветхозаветном подходе и критике Рима с этих позиций. Не случайно, что и географически кальвинизм и вытекаю щие из него секты тяготели к крайнему Западу и в Европе, и по ту сторону Атлантики.

Послепетровская Россия Романовых была ближе к прусской модели, т.е. отходя от собственно православ ной догматики, она останавливалась на полпути к католицизму, который, к тому же, постепенно сдавал позиции государствам-нациям. При этом основное геополитическое напряжение концентрировалось между Россией, с одной стороны, и Австрийской Империей и Британской Империей, с другой. На религиозном уровне это

было противостоянием Православия католицизму (Австрия) и кальвинизму (Англия). Абсолютистская, а потом и революционная Франция играла во всем этом особую роль, стремясь распространить республиканские идеи и Просвещение. При этом важно отметить, что, если у России были с Австрией некоторые общие геополитиче ские интересы (в частности, противостояние Турции), то стратегия Англии была практически во всем противопо ложна стратегии России вплоть до поддержки англича нами османской империи.

Как бы то ни было, даже послепетровская Россия наследовала основные черты византийской геополити ки, хотя догматическая полнота концепции "Третьего Рима" была нарушена. Отныне можно было говорить только об инерциальном продолжении того, что некогда было полноценным и теологически обоснованным путем "народа-богоносца" в истории. Параллельно этой трансформации материальные и узко политические интересы начинали играть во внешней политике все большую роль, и сами религиозные факторы зачастую использовались как предлог для того или иного политического хода, ориентированного исключительно на благо государства в его светском аспекте.

1.4 Национальное освобождение православных народов

В XIX веке многие православные народы греки, сербы, болгары, албанцы, румыны и т.д. начали активно освобождаться от политического контроля турков. Религиозный фактор играл в этом значительную роль, превращаясь в один из основных мотивов национально-освободительной борьбы.

Появление новых православных государств и разрушение империи оттоманов было следствием нескольких геополитических и идеологических факторов:

1) Деградация политической власти турков позволила развиться национальному чувству греков и других балканских народов, чему, в свою очередь, способство вало распространение идей Просвещения; в этом важную роль играла Франция, колыбель "модернистических веяний".

2) Россия как геополитический противник Турции активно использовала ситуацию, чтобы подточить своего врага изнутри; русские агенты в Греции и на Балканах сосредоточили свои усилия на поддержке требований православных, что сопровождалось и внешним геополити ческим давлением России.

3) Начался своеобразный религиозный ренессанс православных народов, и идея борьбы за политическую и национальную независимость сопровождалась мессиан скими предчувствиями эсхатологического характера.

В этот период сформировались политико-идеологиче ские концепции Великой Греции (или Великой Идеи, Megale idea), Великой Болгарии, Великой Сербии ("начертанье"), Великой Румынии и т.д.

1.5 Megale Idea

Сторонники Великой Греции стремились к полному отвоевыванию греческих территорий у турков и воссозданию "Новой Византии", восстановлению царской власти и возврату Константинопольского Патриарха к его главенствующей роли во всем православном

мире. Вследствие ожесточенной борьбы и национального восстания греки смогли отвоевать себе в 1830 небольшое независи мое государство вокруг Пелопонеса и Мореи, которое после Балканских войн в 1913 года фактически удвоило свою территорию. При этом осуществление "Великой идеи" столкнулось с геополитическими интересами других православных народов, так как греки требовали присоединения Македонии, Фракии и иных территорий, на которые претендовали также болгары и сербы. Кульминацией этого плана было освобождение Константинопо ля (Стамбула) от турков. Но весь проект окончился катастрофой после поражения Греции в войне с Турцией Ататюрка, который разбил греков и заставил греческое население Анатолии массовым образом переселиться на греческие земли.

Очень важно отметить, что национально-освободи тельная борьба греков никак не приветствовалась и не вдохновлялась фанариотским духовенством и Констан тинопольским Патриархатом, которые были политиче ски солидарны скорее с османской империей, чем с российской геополитикой или балканскими народами, стремящимися к свободе. Более того, распад турецкой империи был катастрофой для духовного верховенства фанариотов в православном мире за пределами России. Поэтому греческий национализм и "Великая Идея", хотя и имевшие отчетливо православный характер, изначально продвигались некоторыми особыми тайными организа циями масонского типа, в которых важнейшую роль играли русские агенты влияния и вместе с тем сторонники французского Просвещения. Иными словами, православ ная идея в Греции в критический период ее освобожде ния от турецкого господства была достоянием некоей параллельной религиозной структуры, связанной с греческой диаспорой в России и в других Средиземномор ских регионах. Любопытно также, что греческая аристократия, генетически и политически связанная с фанариотами, уже после завоевания независимости, ориентировалась больше на Австрию и Германию, тогда как греческая буржуазия, в среде которой и созрела "Великая Идея", была яростной сторонницей союза с Россией. В этом снова отчетливо различима некоторая солидарность официального греческого поствизантийского Православия с линией Ватикана.

1.6 "Начертанье"

Идея Великой Сербии, основанная на историческом прецеденте огромного балканского государства, созданного в XIV веке сербской династией Неманичей, снова возродилась в ходе сербской освободительной борьбы. Вначале восставшие сербы освободили от оттоманского господства небольшую территорию, Шумадийя, а после этого начали борьбу за создание на Балканах независи мого славянского государства, с доминацией сербов и православной династии. Начиная с 1815 года сербы добились некоторой независимости, которая, однако, несла с собой две различные геополитические ориентации, воплотившиеся в двух сербских династиях Обренови чей и Карагеоргиевичей. Обреновичи, хотя и были православными, ориентировались на близкую Австрию, и не последнюю роль в этом вопросе сыграла активность некоторых политико-интеллектуальных кругов из Воеводины, территории, ближе всего лежащей к Австрии. Карагеоргиевичи, напротив, тяготели исключительно к России. В 1903 году не без участия русских спецслужб династия Обреновичей была свергнута, и Сербия обратилась к прорусской линии. К 1920 году при Карагеоргие вичах была создана Югославия, огромное балканское государство, объединившее под сербским началом многие балканские народы, в том числе католических хорватов и словенцев, православных македонцев, мусульман Боснии и албанцев. Кроме того на севере Югославии под сербский контроль попали католики-венгры. Однако эта геополитическая конструкция оказалась неустойчивой, так как неправославные народы Югославии (не без

помощи австрийских и турецких агентов влияния) стали противиться этнической доминации сербов и религиозному примату Православия. Особенного накала это противостояние достигло во время Второй мировой войны, когда прогерманские Хорватия и Босния фактически осуществляли геноцид православных сербов.

1.7 Великая Румыния

Проект Великой Румынии появился также в православной среде, причем речь шла не только о полном освобождении от турецкого контроля (хотя и Молдавия и Валахия никогда не входили официально в состав оттоманской империи), но и о противодействии политике фанариотов, стремившихся подчинить своему влиянию румынский клир. В этом течении антитурецкие и антифанариотские настроения поддерживала Россия, что облегчалось принадлежностью к русским территориям Бессарабии, населенной румынами. Вместе с тем в Румынии начиная с XVIII века активизировались униатские тенденции. Униатство это идея подчинения Православ ной Церкви Ватикану при сохранении православной обрядности, но, на самом деле, в таком подходе выигрыва ет геополитически исключительно Ватикан, а Правосла вие однозначно проигрывает. Не случайно поэтому, что униатство рассматривалось православными как тактический ход католицизма, стремящегося расширить свое миссионерское, политическое и духовное влияние на Восток за счет православных народов. И в самой Румынии униатство, распространенное особенно в Трансильвании, изначально сопровождалось культурными тенденциями латинизации, прославления романской сущности Румынии, латинских корней языка и т.д. Униатство в Румынии опиралось на католическую Австрию, а Правосла вие поддерживалось, естественно, Россией. Показатель но, что греческие православные, фанариоты, проводили в Румынии, фактически, протурецкую политику, противоречащую как австро-католическим, так и русско-пра вославным геополитическим интересам. Идея Великой Румынии имела однозначно православный подтекст, и под этим знаменем румыны боролись за национальную независимость. При этом важно, что румынский национализм имеет откровенно антигреческий характер, а в конфессиональной сфере униатство, сопряженное с ориентацией на латинскую культуру, тяготеет к Риму и Западной Европе, тогда как румынское Православие следует промосковской линии. Интересно, что после советизации Румынии в 1948 году формально атеистический коммунистический режим занял однозначно позицию румынского Православия, подчинив ему униатские конфессии и подвергнув католические меньшинства определенным репрессиям.

1.8 Великая Болгария

Начало движения православного и одновременно национального возрождения болгар можно датировать 1870 годом, когда под давлением и при поддержке России был создан болгарский экзархат, ставивший своей целью объединить православных, живущих на Балканах, в геополитический блок, политически враждебный османской империи и духовно противостоящий Константинополь скому Патриархату и доминации фанариотов.

Параллельно обретению геополитической самостоя тельности Болгария разработала националистический проект "Болгарии трех морей", что предполагало присоединение Македонии, Фракии и Константинополя. Традиционно будучи русофильским, болгарское Правосла вие в некоторые моменты истории отклонялось от этой линии ради достижения узко национальных целей, и так же, как униаты Румынии, династия Обреновичей в

Сербии, греческая аристократия и некоторые другие восточно-европейские силы, вставало на сторону Средней Европы, выступая союзником Австро-Венгрии против России.

Интересно, что по мере возникновения новых православных государств на Балканах их геополитическая ориентация постоянно колебалась между Россией и Австрией, т.е. между Русским Православием и Римским католичеством. Причем формальным поводом такого устойчивого дуализма были некоторые спорные, территории и в первую очередь Македония. Из-за Македонии постоянно возникали трения между Грецией, Болгарией и Сербией, и поддержка Россией той или иной стороны в этом конфликте автоматически бросала противополож ную сторону в объятия Австрии.

1.9 Православная Албания

По расселению албанцев проходила традиционная граница между византийским и католическим миром. В этом народе существует 4 конфессии албанцы-сунниты (отуреченные албанцы), албанцы-бекташи (члены суфийской организации, имеющей, как в некоторых исключитель ных случаях, родовой, а не только инициатический характер), албанцы-католики и албанцы-православные. Несмотря на то, что православные албанцы составляют меньшинство, именно эта группа стояла в центре национально- освободительной борьбы, и независимое государство Албания возникло благодаря православному епископу Фан Ноли, который и стал первым албанским правителем в 1918 году. Фан Ноли был однозначным сторонником России, и Русское Православие активно поддерживало его во всех начинаниях. Православные албанцы объединили под своим контролем всю нацию независимо от конфессии, но их главными противниками и соперниками были даже не столько католики, сколько греческий православный клир, традиционно укорененный в Албании! И снова на примере Албании мы сталкиваемся с геополитическим дуализмом в поствизантийском православном мире, где противостоят геополитические интересы Греческой и Русской Церквей.

Фан Ноли сохранил свою прорусскую ориентацию и после Октябрьской революции, за что и был свергнут Ахмедом Зогом, будущим королем Албании. Во время оккупации Албании фашистской Италией албанских православных преследовали прокатолические власти, но после "советизации" снова Православная Церковь получила государственную поддержку теперь уже от коммуни стических властей. Лишь в 1967 в ходе "культурной революции" и маоистского уклона советская Албания объявила себя "первым исключительно атеистическим государством в мире" и начала прямые преследования верующих любых конфессий.

1.10 Геополитические лобби в православ ных странах

Общий обзор геополитических тенденций балканских православных стран выявляет важнейшую закономер ность: в каждом таком государстве существуют, как минимум, два геополитических лобби, характер которых сопряжен с некоторыми религиозными особенностями.

Во-первых, повсюду наличествует пророссийское лобби, ориентирующееся на геополитику Русской Православной Церкви, которая, в свою очередь, наследует (хотя и с оговорками) линию "Москва Третий Рим". Это лобби ориентировано против Рима и любого сближения с ним (а значит, против Австрии, Венгрии и католиче ской Германии, т.е. против католического сектора Средней Европы), но одновременно, стоит на

антитурецких и анти-"фанариотских" позициях, противопоставляя себя в той или иной степени Константинопольскому Патриархату. В некоторых случаях (как, например, в самой Греции) это лобби включает в себя не только православ ные круги, но и некоторые секретные общества масонского типа.

Во-вторых, в этих же странах существует и противоположное лобби, которое, будучи или не будучи православным, сочувственно относится к сближению с Римом, к ориентации на Среднюю Европу, Австрию, в пределе на униатство или даже католичество.

В-третьих, везде остаются следы турецкого влияния, которое поддерживалось в этом регионе Англией, а это означает, что англосаксонская геополитика в данном случае имеет южную ориентацию и опирается на фанариот ские тенденции и в современном Православии в балканских странах, традиционно связанные с османской администрацией.

Распад Югославии дает нам пример геополитического расклада на Балканах. Русофильская линия воплощена в позиции Белграда и боснийских сербов. Хорватия и Словения ориентируются на Среднюю Европу, а англосаксы (США и Англия) активно поддерживают боснийских мусульман, наследников турков. При этом снова встает вопрос Македонии, о которой опять возникают споры между Сербией, Грецией и Болгарией. С новой силой дает о себе знать и албанская проблема в частности, в Косове. Приднестровская трагедия и антирос сийские настроения в нынешней Румынии и Молдавии снова заставляют обратить особое внимание на униатское и прокатолическое лобби, которое только и может быть носителем антимосковских настроений и латинских тенденций в этих областях.

1.11 Русская Православная Церковь и Советы

Соотношение между Православием и советским режимом вопрос крайне трудный. С одной стороны, существует точка зрения, что советский период, несмотря ни на что, унаследовал от дореволюционной России геополитическую линию, строго совпадающую в самых важных аспектах с геополитикой Русской Церкви. Можно условно определить это как "сергианство" по имени Патриарха Московского Сергия, сформулировавшего знаменитый тезис, ставший отправным пунктом внутрицер ковных споров, не утихших и в наши дни: "Ваши успехи наши успехи" (в обращении к атеистическому антихристианскому режиму И.Сталина). Эта "сергианская" формула далеко не так парадоксальна и чудовищна, как хотят ее представить православные консерваторы. Дело в том, что большевистская Революция повлекла за собой такие перемены в церковной жизни России, которые поражают своим символизмом. Синхронно было восстановлено Патриаршество, столица перенесена в Москву (символичное возвращение к идее "Москва Третий Рим"), чудесное обретение иконы "Державная" в Коломенском, московской резиденции русских царей, знаменовало возврат к мистической, сотериологической и эсхатологической функции царской власти, восстанавли ваемой в ее сверхъестественном измерении после двухсотлетнего Санкт-Петербургского периода. Вместе с этим большевики наследовали всю русскую геополитику, укрепили государство и расширили его границы. Параллельно шло и духовное обновление Церкви, через гонения и страдания восстановившей забытую огненность религиозного чувства, практику исповедничества, подвиг мученичества за Христа.

Вторая точка зрения рассматривает Советскую Россию как полную антитезу России Православной, а "сергианство" считает конформизмом с антихристом и отступничеством. Такой подход исключает возможность рассмотрения советского периода как продолжения

геополитики Православия. Носителем такой идеологии в ее самой отчетливой форме является Русская Православ ная Церковь за Рубежом и сектантская Истинная Православная Церковь, чьи позиции вытекают из эсхатоло гического отождествления большевизма с приходом антихриста. Любопытно, что такой подход отказывает Православию в политическом измерении и типологически совпадает с позицией "фанариотов", отрицающих необходимость соотнесенности Православной Церкви с политикой, что является основой полноценной православной доктрины. Одновременно, такой подход сочетается с симпатиями к "белому" движению, которое геополитически основывалось на поддержке Антанты, западноевропейс ких и, особенно, англосаксонских стран. И не случайно центр Русской Православной Церкви за Рубежом находится в США. Геополитически такой "православный" антисоветизм и "антисергианство" совпадают с традиционной для Запада атлантистской линией, направленной против России (советской, царской, патриархальной, модернистской, демократической и т.д.) независимо от ее идеологической системы.

1.12 Резюме

После падения Византийской Империи геополитика Православия лишена однозначной богословской и эсхатологической функции, которую она имела в эпоху "тысячелетнего царства" с V по XV века. Двести лет "Москвы Третьего Рима" примыкают к этому "святому" периоду, который для православного сознания тождестве нен периоду полноценной Традиции. После раскола и петровских реформ начинается более двусмысленный период, на всем протяжении которого Россия все же следует, в самых общих чертах, прежней геополитической линии, утрачивая при этом доктринальную строгость. Весь поствизантийский период характеризуется дуализмом в рамках самого Православия, где Русское Православие, напрямую связанное с геополитикой Русского Государства, противостоит греческо-фанариотской линии Константинопольского Патриархата, который воплощает в себе тип Православия, строго отделенного от политической реализации и выполняющего инструменталь ные функции в общей структуре османской системы.

Сама же Россия перенимает византийскую традицию конфронтации с "латинской митрой и турецким тюрбаном" и вынуждена в одиночку защищать интересы Православия на геополитическом и государственном уровнях. Эта линия заставляет участвовать Россию в балканской политике, где она сталкивается с целым рядом геополитически враждебных тенденций, включая постоянное "фанариотское" антироссийское влияние.

И наконец, в советский период геополитика, как это ни парадоксально, продолжает общую планетарную стратегию Русской Государственности, расширяя сферы влияния России за счет традиционно враждебных Правосла вию стран и народов. Конечно, здесь не может идти речи о догматической преемственности Советов по отношению к Русской Православной Церкви, но при этом не следует забывать, что догматическая очевидность безнадежно утрачена уже при Петре, а поколеблена в период раскола. И если встать на точку зрения "сергианства", можно рассмотреть геополитические успехи советской сверхдержавы, покорившей полмира, традиционно враждебного русским православным христианам и нашему государству, как успехи Русской Церкви и Православ ной геополитики. Этот последний тезис является, вне всяких сомнений, весьма спорным, но таким же спорным является, строго говоря, отождествление романовской послепетровской России с истинно православным государством. Хотя и в первом и во втором случае налицо явная геополитическая преемственность.

В наше время, когда нет ни царской, ни советской России, а есть издыхающая и искалеченная, разворованная и проданная Западу, нашему извечному врагу, страна, мы в состоянии осмыслить всю геополитическую историю Православия беспристрастно и объективно и выявить ее константы, которые следовало бы начертать на скрижалях новой государственности власти, желающей называться "русской".

Глава 2. Государство и территория

2.1 Три важнейшие геополитические категории

Большинство споров в отношении новой геополити ческой картины мира сосредоточено вокруг трех фундаментальных категорий:

1) "государство-нация" ("Etat-Nation"), т.е. традиционное исторически сложившееся централистское государство (такое, как Франция, Италия, Германия, Испания и т.д.);

2) регион, т.е. такое административное, этническое или культурное пространство, которое является частью одного или нескольких государств-наций (Etat-Nation), но при этом обладает значительной степенью культурно-экономической автономии (например, Бретань во Франции, Фландрия в Бельгии, Каталония, Галисия и страна басков в Испании и т.д.);

3) Большое Пространство , "содружество" или "сообщество", которое объединяет несколько государств-на ций ("Etat-Nation") в единый экономический или политический блок.

Многие "европеисты", как левые, так и правые, считают, что категория "государства- нации" (Etat-Nation), т.е. традиционного централистского государства вообще изжила себя, и что следует сделать акцент именно на двух других модальностях на регионализме и даже автономизме, с одной стороны, и на континентальном объединении регионов в единый блок, с другой стороны. Показательно, что здесь сходятся точки зрения полярных политических спектров: "новые левые" считают Etat-Nation слишком "правым", слишком "тоталитарным" и "репрессивным", слишком "консервативным" образова нием, от которого следует отказаться во имя прогресса, а "новые правые", напротив, это же государство-нацию (Etat-Nation) относят к слишком "модернистическому", слишком антитрадиционному этапу европейской истории, когда истинно традиционная европейская Империя была разрушена нигилистическим и светским французским абсолютизмом. Кроме того "новые правые" видят в регионализме возврат к этническим традициям и к принципу этнокультурной дифференциации, что является осью всей "новой правой" мысли.

С другой стороны, существует довольно широкая категория политиков, которая, напротив, отстаивает ценности "государства-нации" (Etat-Nation). И снова приверженность к государственному централизму может объединять и "правых" и "левых". Но, как правило, на этой позиции стоят не "новые", а "старые" правые и левые. Характерно, что во Франции противниками европейского объединения были три политические силы: Национальный Фронт Ле Пена (крайне правые), коммунисты Марше (крайне левые) и социалисты-центристы с национальными симпатиями Жан-Пьерра Шевенмана. Из этого следует, что в рамках одного и того же геополитического проекта могут сочетаться самые далекие друг от друга идеологические и политические симпатии.

И, тем не менее, у каждой политической силы есть свое собственное понимание трех фундаментальных версий геополитического устройства современного общества. Любопытно было бы построить схему того, как оценивают в перспективе своих собственных идеологий все три проекта разные силы. Для наглядности мы будем говорить

о крайних позициях, которые, естественно, обрастают нюансами и оттенками по мере приближения к политическому центру.

2.2 Регионализм правых и левых

Общий комплекс левых идеологий ориентируется на ослабление влияния государства, административных и политических структур на общественную жизнь. Это предполагает принцип децентрализации, постепенной эволюции от одного центра власти к нескольким и, в перспективе, к большому их числу. В свое время эту теорию разработал известный анархист Прудон. Левые стремятся к ослаблению и постепенной отмене тоталитар ных и авторитарных форм управления, а значит, их геополитическая ориентация направлена против сохране ния традиционного государства, с его границами, чиновничьим аппаратом, репрессивными органами и т.д. Все это вытекает из главной идеологической ориентации левых на "гуманизм", на ценность атомарного индивидуу ма, а не на какие-то сверхиндивидуальные структуры, ограничивающие его свободы. На этой идейной основе и развился современный европейский регионализм как довольно устойчивая тенденция к социально-экономиче ской децентрализации, к отказу от традиционного для Запада последних столетий принципа Государства-На ции.

Эта либеральная тенденция левых в пределе отрицает и само понятие "государства", и само понятие "нация" как исторический пережиток. Этим принципам противопоставляется "гуманистическая" идея "прав человека", которая давно уже перестала быть абстрактным филантропическим лозунгом и превратилась в довольно агрессивный идеологический комплекс, открыто направленный против традиционных форм коллективного существования людей как членов нации, народа, государства, расы и т.д. Отсюда логичный для левых акцент на регионализме, так как административная самостоятель ность территориальных частей государства, с их точки зрения, приближает ценностный эталон к индивидууму, снимает с широких общественных категорий ореол безусловного авторитета и функции контроля.

Очевидно, что данная тенденция левых противоречит национально-государственным идеологам, т.е. "этатистам" и "националистам", для которых именно историческое и политическое единство народа, воплощенное в Etat-Nation, представляется высшей ценностью. Противостоя ние государственников-националистов либералам-регио налистам представляет собой константу бурных полемик относительно основных геополитических проектов практически во всех странах, где политические процессы развиваются активно и динамично.

Но существует и "правый регионализм", тесно связанный с проблемой традиции и этноса. Такой региона лизм исходит из положения о том, что современное централистское государство является лишь инструментом культурного и идеологического нивелирования его членов, что оно давно утратило сакральные функции и превратилось в репрессивный аппарат, ориентированный против остатков подлинных культурных, этических и этнических традиций. "Правые регионалисты" видят в децентрализации возможность возродить отчасти обрядовую, культовую форму жизни народов, традиционные ремесла, восстановить такие формы правления, которые были свойственны традиционной цивилизации до наступления сугубо современного мира. Фактически, такой "правый регионализм" точно соответствует понятию "почвенничество". В принципе, правые подспудно имеют в виду и некоторый "природный" дифференциализм, свойственный жителям провинций, которые гораздо более остро и неприязненно реагируют на инородцев, чем жители крупных городов.

Таким образом, складывается вторая линия политического противостояния: "правые регионалисты", часто апеллирующие и к этнически-расовой чистоте, и "левые этатисты", считающие, что лучший способ внедрения "прогрессивных", "либеральных" ценностей в общество это государственный централизм, предохраняющий общество от возможной реставрации "преодоленных прогрессом" пережитков.

2.3 Новое Большое Пространство: мондиализм или Империя?

В отношении сверхгосударственной интеграции также существует довольно противоречивая политическая раскладка. С одной стороны, имеется "мондиалистский проект", предполагающий полную отмену традиционных государств и создание планетарного цивилизационного поля, управляемого из единого центра, который условно можно назвать "мировым правительством". В принципе, такой проект является логическим завершением либеральных тенденций, стремящихся разрушить все традиционные общественные структуры и искусственно создать единое "общечеловеческое" пространство, состоящее не из народов, а из "индивидуумов", не из государств, а из технократических ассоциаций и промышленных чернорабочих. Именно в таком свете виделись мондиали стам начала века "Соединенные Штаты Европы", о которых мечтали как капиталисты-либералы (Моне, Куденоф-Калегри и т.д.), так и коммунисты (Троцкий и т.д.). Позже эти же идеи вдохновили и конструкторов Маатстрихта, и идеологов "нового мирового порядка".

Но параллельно такой мондиалистской перспективе существует и альтернативный вариант, отстаиваемый нонконформистскими политическими силами. Речь идет о теоретиках Новой Империи, считающих современные государства-нации результатом трагического распада традиционных империй, которые только и могут в полной мере соответствовать истинно сакральной организации общества, основанной на качественной дифференциации, на духовной иерархии, на корпоративной и религиозной базе. Такое понимание "Нового Большого Пространст ва" вытекает не из чисто количественного подхода к интеграции (как у мондиалистов), но из некоего духовного и сверхнационального принципа, который был бы трансцендентен по отношению к существующим историческим формациям и мог бы объединить их в высшем сакральном синтезе. В зависимости от обстоятельств "имперский проект" берет за основу либо религиозный фактор (католические сторонники восстановления Австро-Вен герской Империи), либо расовый (идеологи Европейской Империи, объединенной единством происхождения индоевропейских народов, в частности, французские "новые правые"), либо геополитический (теории бельгийца Жана Тириара), либо культурный (проекты русских евразийцев).

Следовательно, и здесь существуют два противопо ложных политических полюса, которые видят схожие геополитические реальности, но в обратной перспекти ве.

ЛЕВЫЕ (демократы)		ПРАВЫЕ (консерваторы)
малое пространство	*регионализм, сепаратизм*	*этнизм, традиционализм, почвенничество*
среднее пространство	*просвященное централистское государство*	*государство-нация, "этатизм", национализм*
большое пространство	*мондиализм*	*Империя*

Итак, мы выделили в каждом из геополитических проектов по два радикально различных, противопо ложных подхода, что в совокупности предопределяет все основные возможности идеологической борьбы вокруг принципиальных вопросов. Благодаря такой схеме можно классифицировать различные политиче ские альянсы между довольно далекими друг от друга силами.

2.4 Геополитика России

Общая проблематика геополитического устройства современного мира имеет прямое отношение к России, где мы встречаемся с теми же основными геополитическими проектами. Три категории регионализм, государство -нация и Большое Пространство имеют прямые аналоги в нашей геополитической действительности.

Регионализм соответствует сепаратистским тенденци ям в пределах РФ как в случае национальных республик и округов, так и в случае претензий на полную автономию сугубо территориальных образований (проекты Сибирской, Уральской и др. республик).

Централистско-государственная модель отстаивается сторонниками геополитического проекта "Россия в рамках РФ".

Те, кто ратуют за восстановление СССР, воссоздание Российской Империи в рамках СССР или создание Евразийской Империи, относятся к категории идеологов Нового Большого Пространства.

Как и в общей схеме, сторонники того или иного проекта совершенно не обязательно придерживаются одинаковых политических убеждений. Более того, каждый проект может иметь два полярных знака, которые, условно, определяются как "правый" и "левый".

Попробуем обозначить позиции "правых" и "левых" в российской политической жизни в их отношении к трем геополитическим вариантам.

Сепаратистские тенденции на крайне "левом" фланге используются теми силами, которые стояли и за развалом СССР. Считая советское государство оплотом "реакционности" и "тоталитаризма", российские либералы уже давно выдвигали идеи "Руси в границах XIV века" и т.д., что предполагало дробление русских территорий на отдельные фрагменты как по этническому, так и по чисто географическому принципу. Для таких "левых" единство русской нации и могущество русского государства не только не представляют никакой исторической ценности, но, напротив, рассматриваются как помеха на пути к общечеловеческому "прогрессу". Данный регионалистский проект отстаивается некоторыми крайними либералами, откровенно желающими распада РФ.

Такой ультралиберальный вариант созвучен некоторым идеям определенной части противоположного, крайне националистического лагеря, которая считает, что русским необходимо создать компактное моноэтниче ское государство, основанное на принципах расовой чистоты и этнического изоляционизма. Такова идея создания "Русской Республики". Среди нерусских этносов, населяющих территорию РФ, существуют аналогичные по сути проекты создания независимых мононациональных государств.

"Левый" вариант национально-государственной программы в рамках РФ воплощало в себе постгорбачевское российское руководство, убежденное, что для проведения реформ выгоднее всего использовать именно централистские методы, подчинив все российские

регионы жесткой линии Москвы. Государственный централизм, по мысли этих сил, является наилучшим и скорейшим способом трансформировать социально-политическую реальность России таким образом, чтобы привести ее к "общечеловеческим", "прогрессивным", а, по сути, "западным" и "атлантистским" стандартам. В регионализме "левые" централисты закономерно видят опасность для осуществления своих целей, так как децентрализация и автономизация регионов могут способствовать созданию таких режимов, которые отвергли бы логику либераль ных реформ и предложили бы иные, альтернативные (условно "правые") социально-политические проекты. Имперская экспансия также неприемлема для этих сил, так как восстановление СССР может повлечь за собой соответствующие идеологические последствия.

Существует и активно набирает силу движение "правых" государственников. Это патриоты, смирившиеся с распадом СССР и считающие, что создание из РФ мощного централизованного российского государства послужит делу сплочения нации, организации мощного самостоятельного автаркийного пространства. "Правые" государственники отвергают и сепаратизм и империализм, считая, что дробление РФ означает потерю русскими принадлежащих им территорий, а имперская экспансия привнесет много инонациональных элементов и грозит национальной доминации русских.

Среди теоретиков воссоздания Империи также есть два полюса. "Левые" российские мондиалисты в основном ориентирующиеся на Горбачева и его лобби, считают необходимым скорейшее создание "единого демократического пространства" как на территории СНГ, так и шире, в рамках евразийского пространства.

"Правое" понимание Нового Большого Пространства воплотилось в политических программах оппозиции, непримиримой по отношению к режиму. Большинство представителей этой оппозиции как национал-коммуни сты, так и традиционал-империалисты считают, что Россия в рамках РФ является не только территориаль но недостаточным геополитическим образованием, но принципиально ложным решением в вопросе защиты стратегических интересов России как великой державы. "Правое" евразийство исходит из сугубо имперского понимания исторической миссии России, которая либо должна быть самостоятельным автаркийным "континен том", либо отклониться от своего исторического и геополитического предназначения.

Итак, мы можем свести все варианты геополитиче ских проектов относительно будущего российской государственности в одну схему, учитывающую идеологиче скую ориентацию тех или иных сил.

	Российские консерваторы, патриоты	Российские либералы, реформаторы
Российский регионализм	*"Русская Республика"*	*"этнические республики", сепаратизм в рамках РФ*
Российский централизм	*патриоты в рамках РФ*	*"либеральные реформы при авторитарном центре"*
Евразийское Большое Пространство	*"Евразийская Империя", "восстановление СССР"*	*"левый мондиализм", "единое демократическое пространство"*

Глава 3. Геополитические проблемы ближнего зарубежья

3.1 Законы Большого Пространства

Фундаментальным законом геополитики является принцип Большого Пространства , выделенный Макиндером и Хаусхофером и развитый Карлом Шмиттом. Согласно этому принципу, национальный суверенитет государства зависит не только от его военной силы, технологического развития и экономической базы, сколько от величины и географического месторасположения его земель и территорий. Классики геополитики исписали сотни томов, доказывая то, что проблема суверенитета прямым образом зависит от геополитической самостоя тельности, самодостаточности, автаркийности региона. Те народы и государства, которые действительно стремятся к суверенитету, должны в первую очередь решить проблему территориальной самодостаточности. В нашу эпоху такой самодостаточностью могут обладать только очень крупные государства, расположенные в регионах, стратегически защищенных от возможного нападения (военного, политического или экономического) других государственных образований.

В период противостояния капитализма и социализма необходимость блоков, Больших Пространств была очевидна. Никто не сомневался, что страна могла быть "неприсоединившейся" только ценой своего устранения из сферы планетарной геополитики за счет маргинализа ции и смещения на периферию. Кроме того, все "неприсоединившиеся" все равно делали выбор в пользу того или иного лагеря, хотя менее радикальный, нежели прямые сторонники социализма или капитализма. Разрушение одной сверхдержавы, безусловно, серьезно изменяет геополитическое пространство земли. Но при этом принцип Больших Пространств отнюдь не теряет своей силы. Напротив, сегодня все более распространенным становится геополитический проект "мондиализма", смысл которого сводится к превращению всей поверхно сти земли в Единое Большое Пространство, управляемое из американского центра.

3.2 Pax Americana и геополитика мондиализма

Проект проамериканского, "атлантистского" Большого Пространства, создание планетарного Pax Americana или установление "нового мирового порядка" с единым "мировым правительством" это, по сути, геополитиче ские синонимы. Именно такой план разрабатывается и реализуется сегодня в международной политике Запада, и в первую очередь, США. Очевидно, что мондиалист ская концепция Большого Пространства полностью исключает любые формы подлинного государственного и политического суверенитета каких бы то ни было народов и государств. Более того, двуполярный мир давал несравнимо больше степеней свободы (суверенитета) государствам, включенным в сферу влияния одного из двух Больших Пространств, чем это планируется в мондиалистском проекте, хотя бы уже потому, что планетарное противостояние заставляло не только подавлять государства-сателлиты, но и подкупать их. Единое планетарное Большое Пространство мондиалистских футурологов будет означать полное исчезновение даже слабой тени какого бы то ни было суверенитета, так как силовое (военное или экономическое) подавление раздроблен ных и атомизированных "малых пространств" станет единственным способом контроля (потребность в подкупе и обмане отпадет сама собой за отсутствием возможного геополитического конкурента).

Актуальная ситуация ставит перед каждым государством и каждым народом (и особенно перед государства ми и народами, входившими ранее в геополитический блок, противоположный атлантическому Западу) насущную альтернативу либо интеграция в единое Большое Пространство под руководством атлантистов, либо организация нового Большого Пространства, способного противостоять последней сверхдержаве . Вопрос о подлинном геополитическом суверенитете имеет к этой альтернативе прямое отношение, но при этом никакого полного суверенитета для отдельного народа или государства не может быть ни в одном из двух случаев. При принятии мондиалистской модели всякий суверенитет вообще заведомо исключается, так как "мировое правитель ство" становится безальтернативным и единственным центром власти, и суверенным является в таком случае только планетарная псевдоимперия "нового мирового порядка". Все ее части становятся при этом колониями. При организации нового Большого Пространства мы имеем дело с относительным суверенитетом в рамках большого геополитического образования, так как это возможное Большое Пространство будет относительно свободно при определении идеологической и мировоззренческой доминанты. Значит, народы и государства, которые войдут в этот блок, смогут рассчитывать, по меньшей мере, на этнокультурный суверенитет и на прямое участие в созидании и разработке новой макроидеологии, тогда как мондиалистский вариант "нового мирового порядка" уже является идеологически законченным и выработанным и предлагается всем народам земли как колониальный аналог либерально-рыночной американской модели.

3.3 Парадокс России

Особенность актуальной геополитической ситуации в том, что инициатива разрушения евразийского Большого Пространства, существовавшего до последнего времени в форме социалистического лагеря, исходила из самого центра этого лагеря, из столицы Евразии Москвы. Именно СССР в лице Горбачева стал инициатором включения евразийского блока в мондиалистский проект. Идеи "перестройки", "нового мышления" и т.д. на геополитическом уровне означали полное принятие модели единого Большого Пространства и сознательный переход от двуполярного мира к однополярному. Вначале был разрушен социалистический лагерь, урезан Восточный блок. Потом геополитическое самоликвидатор ство было продолжено и от России отбросили те регионы, которые принято называть сегодня "странами ближнего зарубежья".

Как бы то ни было, Россия как сердце Евразийского Острова, как Heartland, в актуальной геополитической ситуации лучше всех остальных регионов могла бы противостоять атлантистской геополитике и быть центром альтернативного Большого Пространства. Но факт ее геополитического самоликвидаторства вынудил ее на время (надеемся, на короткое) уйти с центральных ролей в геополитическом противостоянии. Поэтому следует разобрать иные возможности создания альтернативного Большого Пространства, чтобы государства и народы, отказывающиеся от мондиалистского проекта, смогли предпринимать некоторые самостоятельные шаги, не ожидая геополитического пробуждения России. (Кстати, эти шаги могли бы только ускорить такое пробужде ние).

3.4 Россия остается "Осью Истории"

Геополитический выбор антимондиалистской альтернативы вне временно парализованной России должен все равно учитывать ключевую стратегическую и географи ческую функцию именно русских земель и русского народа, а значит, противостояние современным мондиали стам, контролирующим до некоторой степени российское

политическое пространство, не должно переходить в общую русофобию. Более того, коренные геополитические интересы русских и культурно, и религиозно, и экономически, и стратегически совпадают с перспективой альтернативного антимондиалистского и антиатлантистского Большого Пространства. По этой причине националь ные тенденции политической оппозиции внутри России с необходимостью будут солидарны со всеми антимон диалистскими проектами геополитической интеграции вне России.

3.5 Mitteleuropa и Европейская Империя

Одной из возможных альтернатив нового Большого Пространства является Европа, которую определенные политические и идеологические круги противопоставля ют Западу англосаксонскому миру, и в первую очередь, США. Такая антизападная Европа не является чистой утопией, так как подобный проект неоднократно реализовывался в истории, хотя всякий раз с определен ными погрешностями или искажениями. Так, в XX веке страны Оси представляли собой остов именно такой Европы, хотя англофилия и франкофобия определенных кругов в германском руководстве (наряду с другими обстоятельствами) и помешали полному осуществлению этого проекта. После Второй мировой войны подобная попытка предпринималась Де Голлем, и этой политике Франция обязана тем, что она не является сегодня официально членом НАТО. Как бы то ни было, идея антизападной, традиционной, имперской Европы становится все более и более актуальной сегодня, когда присутствие американских войск на европейском континенте не оправдывается более наличием "советской угрозы" и приобретает характер открытой американской оккупации. Европа по уровню своего технического и экономического развития является серьезным противником Америки, и при усилении давления снизу естественных геополити ческих интересов европейцев мондиалистская и проамериканская верхушка европейских государств может отступить, и Европа начнет самостоятельную геополити ческую жизнь. Тенденции к политической эмансипации и к поиску идеологической альтернативы нарастают в Европе с каждым днем, параллельно с этим возрастают шансы создания независимого европейского Большого Пространства.

3.6 Германия сердце Европы

Европейское Большое Пространство должно складываться вокруг самой континентальной из европейских держав вокруг Германии, а еще точнее, вокруг Mitteleuropa, т.е. Средней Европы. Геополитические интересы Германии традиционно были противоположны атлантистским тенденциям Запада. Это касалось как собственно континентальных, так и колониальных аспектов геополитики. Германия всегда была противником англосаксонских колониальных завоеваний и стремилась к созданию сугубо сухопутной, континентальной, автаркийной цивилизации, основанной на традиционных, иерархических и почвенных ценностях. Mitteleuropa в лице Австро-Венгерской империи Габсбургов была последним европейским следом Великой Римской Империи, к которой и восходит корнями европейская цивилизация в ее государственно-социальном аспекте. Собственно говоря, Римская Империя и была Большим Пространством, объединявшим Западную и Среднюю Европу в единый геополитический организм. И сегодня идея Европейской Империи прямым образом связана с Германией и странами, входящими в зону германского влияния.

Из этих тезисов можно сразу сделать один важный геополитический вывод. Для всех западных стран "ближнего зарубежья" (как прибалтийских республик, так Украины и Молдавии) антимондиалистский геополитический союз возможен только при вхождении в

блок Средней Европы (если, конечно, ситуация в самой России не изменится) при ориентации на Германию . В таком случае, западные регионы СССР будут иметь шанс стать восточными пограничными районами европейско го Большого Пространства и смогут обладать некоторым подобием суверенитета (хотя намного меньшим, нежели в составе России или в возможном новом Евразий ском Блоке с центром в антимондиалистской России).

Европейская Империя сможет гарантировать этим регионам определенную культурную, лингвистическую и экономическую автономию и сберечь их от нивелирую щей мондиалистской Системы, уничтожающей в либерально-рыночной, плутократической структуре даже намеки на различие, автаркию и сохранение националь ной идентичности. Однако ни о какой политической и государственной независимости здесь не будет и речи. Более того, Европейская Империя с германским центром всегда будет находиться под угрозой вспышки немецкого национализма, хотя это и чревато ее распадом, как был чреват поражением "пангерманизм" Гитлера.

3.7 "Примкнуть к Европе"

Более всего эта перспектива близка Западной Украине и Эстонии, так как только эти области, действитель но, принадлежат исторически и религиозно к западной культуре и считают свои геополитические интересы тождественными интересам Средней Европы. Что же касается других "стран ближнего зарубежья", то Белоруссия и восточные и центральные районы Украины политиче ски и культурно принадлежат к зоне России- Евразии, и если в чем-то и существует культурное различие, то оно может быть сведено к частным деталям, отнюдь не предполагающим смену геополитического блока с Восточно го на Центральный (Средняя Европа) и могущим быть урегулированными в рамках этно- культурной (но не государственной!) автономии. Литва, со своей стороны, всегда играла особую роль в геополитике Восточной Европы, выполняя двойную функцию по отношению к России она выступала как носительница западной культуры, по отношению к Средней Европе она, напротив, вместе с Польшей проявляла себя как восточная сила, отстаивающая балто-западно-славянскую независимость от германского давления. С геополитической точки зрения, в последние столетия Литва становилась то немецкой, то русской, и единственно какой она уже давно не является (да и не может являться), так это литовской, так как у нее нет достаточных геополитических предпосылок для того, чтобы соответствовать условиям суверенитета, выдвигаемым современностью.

Отчасти то же самое можно сказать и о Латвии, хотя она в отличие от Литвы вообще никогда не играла никакой самостоятельной роли в геополитической истории, являясь периферией посторонних воздействий в Балтике.

Что касается Молдавии, то это территориальное образование также никогда не имело своей государствен ности, и какая бы то ни было самостоятельная политическая и государственная традиция у румын, как и у молдаван, полностью отсутствует. Однако исторически Румыния (включая некоторые земли Молдавии) входила в геополитический блок как России-Евразии, так и Средней Европы (в лице Австро-Венгрии), поэтому определенный прецедент альянса со Средней Европой у Румынии был. Хотя Православие подавляющего большин ства молдаван и румын больше сближает их все-таки с Востоком и Россией.

3.8 Границы "свободы" и утраченные преимущества

Перспектива вхождения западных стран "ближнего зарубежья" в Европейскую Империю и их примыкание к Средней Европе является возможным и исторически обоснованным, хотя почти во всех случаях (исключая Эстонию как колониальные земли Тевтонского Ордена, населенные потомками безмолвных и покорных автохтон ных угро-финских работников, и Западную Украину) Восточный блок России-Евразии, с чисто геополитической точки зрения, предпочтительней во много раз, так как культурно эти регионы больше связаны с Востоком, нежели со Средней Европой. Таким образом, союз западных "стран ближнего зарубежья" со Средней Европой может служить промежуточным вариантом антимондиа листской геополитической ориентации в том случае, если Россия будет продолжать отказываться от своей интеграционной миссии.

Надо заметить, что никакого политического суверенитета в случае вхождения в состав гипотетической "Европейской Империи", конечно, эти страны не получат, так как Большое Пространство, предоставляя геополитическую, экономическую и военную протекцию, требует от своих подданных, в свою очередь, отказа от политико- национальной самостоятельности, от права проводить собственную идеологическую или дипломатическую политику, идущую вразрез с интересами Империи. Как бы это ни затрагивало представителей "малого национа лизма", в нашей ситуации суверенными могут быть только сверхгосударства, континентальные Империи, взятые как единое целое.

3.9 "Санитарный кордон"

Геополитическая проблема западных "стран ближнего зарубежья" имеет и еще один аспект это атланти ческий фактор, действующий непосредственно и навязывающий этим странам политические ходы, выгодные мондиализму и американизму. В этом вопросе существует несколько уровней. Начнем по порядку.

США имеет перспективу реального мирового господства только в том случае, если никакого иного Большого Пространства на планете больше не будет. Отсюда следует вывод, что американская геополитика своей главной целью имеет разрушение потенциального геополитического сильного блока и создание препятствий для его образования. В истории мы имеем прецедент такой политики в лице Англии, всегда стремившейся к созданию на континенте "санитарного кордона" или "санитарных кордонов". "Санитарный кордон" представляет собой территорию государств и народов, которая располагается между двумя крупными геополитическими образованиями, чей союз или обоюдное вхождение в Большое Пространство могло бы составить опасную конкуренцию заинтересованной державе (ранее Англии, сегодня США). Страны "санитарного кордона" как правило являются одновременно причиной конфликтов двух континентальных держав, причем их геополитическая самостоятельность де факто невозможна, и поэтому они вынуждены искать экономической, политической и военной поддержки на стороне. Сущность политики третьей крупной геополитической силы в данной ситуации состоит в том, чтобы сделать из "санитарного кордона" зону напряженности между двумя близкими Большими Пространствами, провоцируя эскалацию конфликта через дипломатическое влияние на правительства "промежуточных" стран. Самым радикальным вариантом "санитарного кордона" является положение, при котором "промежуточная" страна стремится к полной независи мости от обоих континентальных соседей, что на практике означает превращение в колонию третьей "далекой" державы.

Самым знаменитым примером "санитарного кордона" были в начале века страны, расположенные между Россией и Германий и контролировавшиеся Англией. Они разбивали Большое Пространство Средней Европы и Большое Пространство России- Евразии, служа прямыми агентами и сатрапами стран европейского Запада. Тот же ход повторялся неоднократно и в других более локальных ситуациях. В наше время США в силу прямой геополитической необходимости вынуждены сделать "санитарный кордон" основным инструментом своей внешней политики. В докладе американского советника по делам безопасности Пола Вольфовица правительству США (март 1992) прямо говорилось о "необходимости не допустить возникновения на европейском и азиатском континентах стратегической силы, способной противосто ять США", и в этом смысле указывалось, что страны "санитарного кордона" (в частности, страны Прибалти ки) являются "важнейшими стратегическими территориями, покушение на которые со стороны русских должно повлечь за собой вооруженный отпор со стороны стран НАТО". Это идеальный пример геополитической логики третьей державы в зоне обоюдных интересов Германии и России.

3.10 Превращение из провинции в колонию

Политику "санитарного кордона" можно выразить в формуле "независимость от ближнего и зависимость от дальнего". При этом надо ясно понимать, что ни о какой подлинной независимости или суверенности здесь не может быть и речи, хотя близорукий "мелкий национа лизм" и может на уровне обывателя временно отождест вить такую "колониальную зависимость от третьей державы" с успехом "национально- освободительной борьбы". Следует напомнить также, что в случае малых государств в нашем прекрасно управляемом мире не может быть не только победы, но и полноценной, единодуш ной борьбы.

Страны "ближнего зарубежья", вышедшие из под контроля Москвы по воле различных геополитических обстоятельств, среди которых их внутренняя борьба за независимость играла ничтожно малую роль (если вообще таковая наличествовала), имеют все шансы стать "санитарным кордоном" мондиалистской политики США на континенте, а значит, потерять доверие своих соседей и навлечь на себя проклятие "двойного предательства". Более того, в этом случае они превратятся из провинций в колонии . Что произойдет в этом случае с их национальной культурой вообще страшно себе представить, так как мондиализм предложит вместо нее универсаль ный колониальный суррогат, культурную "кока-коло низацию". В качестве же правителей "санитарный кордон" будет иметь марионеточных надзирателей. Политической самостоятельности эти страны будут полностью лишены, а безопасность их населения постоянно будет под угрозой континентальный соседей, которые не преминут отомстить.

Таким образом, для стран "ближнего зарубежья" перспектива превращения в "санитарный кордон" означает потерю всякой геополитической независимости, так как за возможность "санитарной моськи" подразнить "континентального слона" сама "моська" заплатит полным политическим, культурным и экономическим рабством у заокеанских шефов "нового мирового порядка" (и плюс к тому, вполне закономерной реакцией "слона" в самом близком будущем).

Перспектива "санитарного кордона" в отношении западных стран "ближнего зарубежья" очевидна. Ее формула "ни Германия, ни Россия" (т.е. "ни Средняя Европа, ни Евразия"). Поскольку Германия как самостоятельная геополитическая сила сегодня является чистой потенцией, то справедливо предположить, что за понятием "независимости" ("суверенитета") западных стран "ближнего зарубежья" следует видеть как раз переход на

службу мондиализму и американизму. По меньшей мере, такова актуальная геополитическая картина. Иными словами, западные страны "ближнего зарубежья", действительно стремящиеся к "независимости" (а не "обреченные на независимость" предательской политикой Москвы), скорее всего, сознательно выбирают роль "санитарного кордона" на службе США. Особенно это характерно для тех "стран", у которых традиционно с Германией были довольно неприязненные отношения.

Страны "санитарного кордона" из "ближнего зарубежья" входят в альянс с Западом (с Западной Европой), минуя Среднюю Европу, и это является ярчайшим признаком их атлантистской, мондиалистской ориентации.

В принципе, то же самое верно и для восточных стран "ближнего зарубежья". Однако чтобы адекватно понять их геополитические перспективы, надо более подробно остановиться на геополитических силах Востока.

3.11 Азия перед выбором

На Востоке существуют следующие потенциальные геополитические силы, которые могут претендовать на то, чтобы стать Большими Пространствами: Китай, Иран, Турция и Арабский мир. Проанализируем кратко специфику каждого из этих Больших Пространств применительно к восточным странам "ближнего зарубежья".

Надо сказать, что геополитика Китая представляет собой особую тему, которую невозможно осветить в нескольких строках. Так как "ближнее зарубежье" Востока является регионом распространения ислама, то перспектива образования с Китаем единого Большого Пространства отходит на второй план перед возможностями исламских геополитических коалиций. По меньшей мере, так обстоит дело в настоящий момент, что не исключает, впрочем, резкой активизации китайского фактора как фактора интегрирующего в ближайшем будущем.

В рамках собственно исламского мира для восточных стран "ближнего зарубежья" актуальны три геополити ческих фактора, имеющие глобальные перспективы, причем каждый из этих факторов имеет свои ярко выраженные идеологические особенности. Это континенталь но-исламский, революционный Иран; светская, атлантистская, профанически-националистическая Турция; и арабский "саудовский" теократический вариант ислама. Конечно, в арабском мире есть и другие геополитические возможности (Ирак, Сирия, Ливия), но ни одна из них в настоящий момент не может претендовать на роль интегрирующего Большого Пространства по отношению к странам Средней Азии. Вообще говоря, ориентацию на Саудовскую Аравию можно условно и геополитически приравнять к ориентации на "арабский (несоциалисти ческий) ислам".

Восточные страны "ближнего зарубежья" имеют перспективу трех возможных геополитических интеграций в рамках азиатского блока.

3.12 Континентальные перспективы "ИсламскойРеволюции"

Иран является сегодня уникальной страной, которая выполняет в Азии роль Средней Европы на Западе. Характерно, что сами иранцы резко отличают себя как от Запада, так и от Востока, понимая под "Западом" "профаническую мондиалистскую цивилизацию Европы", а под "Востоком" "Индию, Китай и ... Россию".

Иранский ислам является динамической и мощной силой, которая имеет яркую антимондиалистскую направленность и претензии на глобальную Мировую Исламскую Революцию. В геополитическом смысле Иран является сугубо континентальной державой, имеющей и стратегически, и экономически, и идеологически все шансы стать ядром крупного евразийского блока.

Ориентация среднеазиатских республик на Иран (и в первую очередь, Азербайджана с его нефтью и гигантского ядерного Казахстана) вполне могла бы создать предпосылки для подлинного континентального суверените та. Проиранская коалиция была бы среднеазиатским аналогом Средней Европы (сравните: Средняя Азия Средняя Европа), так как и исторические прецеденты, и идеологические принципы, и культурно- религиозная однородность этих континентальных регионов служат достаточным основанием для прочности и эффективности такого союза.

Важно заметить, что проиранское Большое Простран ство потенциально включает в себя Афганистан и Пакистан, а это, в свою очередь, открывает полосу территориальной непрерывности с Таджикистаном и Узбекиста ном. С Туркменией же Иран имеет непосредственные границы.

3.13 Ловушка "пантюркизма"

Совершенно иной характер имеет ориентация на Турцию, часто сопровождающаяся "пантюркизмом" (так как среднеазиатские народы "ближнего зарубежья" являются по преимуществу "тюркскими").

Турция как государство возникло на месте Османской Империи не как ее продолжение, но как пародия на нее. Вместо полицентрической имперской многона циональной исламской структуры Кемаль Ататюрк создал восточный вариант французского Etat-Nation, Государства-Нации, со светским, атеистическим, профаниче ским и националистическим строем. Турция была первым государством Востока, которое резко порвало со своей духовной, религиозной и геополитической традицией. Фактически, Турция, будучи сегодня членом НАТО, является восточным форпостом атлантизма и мондиализ ма, "санитарным кордоном" между азиатским Востоком и арабским миром. Геополитическая модель, которую предлагает Турция, это интеграция в западный мир и атеистическую, мондиалистскую цивилизацию. Но так как сама Турция, стремящаяся войти в "Европу", пока остается лишь "политико-идеологической" колонией США, а не действительным членом европейского Большого Пространства (что могло бы теоретически предполагать участие Турции в блоке Средней Европы), то ориентация на Турцию означает для стран "ближнего зарубежья" интеграцию в мондиалистский проект на правах "санитарного кордона", в качестве "колониальной прокладки" между восточной континентальной массой Евразии (с Ираном, Китаем и Индией) и взрывоопасным арабским миром, постоянно стремящимся сбросить мондиалистское марионеточное руководство.

Путь Турции это путь служения атлантистской сверхдержаве и принятия мондиалистской модели планетарного Большого Пространства, подконтрольного "мировому правительству". Могут возразить, что карта "пантюркизма", разыгрываемая Турцией, имеет внешне традиционалистский характер. Это отчасти верно, и проекты "Великой Турции от Якутии до Сараево" действи тельно активно разрабатываются турецкой пропагандой. Надо при этом заметить, что серьезность этим проектам могла бы придать только радикальная смена политиче ского, идеологического и экономического курса

сегодняш ней Турции, а это предполагает ни больше ни меньше как Революцию и поворот геополитических интересов на 180 градусов. Не исключая такую возможность, надо отметить все же малую вероятность такого течения событий в ближайшем будущем. Но в то же время подобная перспектива, пропагандируемая в настоящем, может привести к весьма конкретному геополитическому результату к повороту восточных стран "ближнего зарубежья" от Ирана, к выбору светской, атеистической модели общества, к постепенной интеграции в проатлантистский "санитарный кордон". "Пантюркизм" столь же двусмыслен, как и "панславизм" или "пангерманизм", т.е. как все идеологии, ставящие национальный признак выше геополитических, пространственных и религиозных интересов народов и государств.

3.14 Нефтедоллары и мондиализм

Саудовская Аравия, оплот сугубо арабского ислама и исламской теократии, на идеологическом уровне представляет собой особую "ваххабитскую" модель авторитарного, моралистического и "пуристского" мусульман ства, типологически очень близкого протестантским формам христианства. Восточная азиатская созерцатель ность, аскетизм и религиозная пассионарность заменены здесь ритуализмом и доминацией почти секулярной этики. По замечанию исламского фундаменталиста Гейдара Джемаля, "Саудовская Аравия в ее актуальном состоянии представляет собой прямую противоположность миру "континентального ислама". Геополитически интересы ваххабитской Саудовской Аравии вполне совпадают с определенной версией мондиалистского проекта, так как экономическое и военное благополучие этой страны основано на поддержке США, которые защищают династические интересы саудовских королей в военной и экономической сферах. Пример военной поддержки война против Ирака. Экономическая "поддержка" состоит в следующем. Вся экономика Саудовской Аравии заключается в нефти. Вся арабская нефть традиционно поступает на мировой рынок через англо-американские руки. Разработка евразийских месторождений и их освоение теоретически могли бы составить конкуренцию саудовцам, обогатить евразийские государства и сделать Европу и Японию независимыми от США. Таким образом, США, управляющие экономикой Европы через контроль над арабской нефтью, и Саудовские короли, основывающие свою экономику на американских нефтедол ларах, имеют одни и те же интересы.

Саудовская ваххабитская теократия много раз выступала как препятствие для создания собственно арабского Большого Пространства, так как это противоречи ло и интересам династии, и интересам атлантистов. Еще больше оснований у саудовцев опасаться евразийского континентального исламского Большого Пространства. Революционный Иран вообще считается идеологическим врагом номер 1 саудитов. Таким образом, геополитиче ские интересы Саудовской Аравии в восточных странах "ближнего зарубежья" прямо противоположны возникновению азиатского исламского Большого Пространст ва. А значит, путь к арабско-исламской интеграции под "ваххабитским" знаменем для азиатских республик на деле окажется также включением в мондиалистский проект, но только не в светско-националистическом варианте "пантюркизма", а в морально-теократической версии. В некотором смысле, этот путь также есть не что иное, как включение в "санитарный кордон". Только в данном случае "соблазном" является не национализм, но религиозный фактор (и деньги).

Подытоживая все эти соображения, можно сказать, что восточные страны "ближнего зарубежья" имеют только один позитивный путь создания нового Большого Пространства это путь "Исламской Революции" с ориентацией на Тегеран. При этом могут быть решены

национальные конфликты и осуществлена реставрация религиозной традиции и религиозного строя. На геополити ческом же уровне это будет означать создание мощного континентального блока, вполне способного противосто ять мондиалистским проектам в этих регионах. Более того, даже первые шаги, сделанные в этом направлении, вызовут цепную реакцию в арабском мире, что грозит мондиалистам утратой контроля во всей исламской умме. Кроме того, такой геополитический союз с неизбеж ностью пробудит антимондиалистские силы Средней Европы (естественного и главного союзника Ирана на Западе) и России-Евразии.

3.15 Минимум два полюса или ... смерть

В современной геополитической ситуации вопрос стоит чрезвычайно остро: либо планетарный "новый мировой порядок" под руководством США, где все государст ва и народы будут безличными и послушными "винтиками" мондиалистской технократической, атеистически -торгашеской "дисней-лэндовской" космополитической модели либо немедленное создание геополитической оппозиции атлантизму и мондиализму и организация потенциально антимондиалистских, традиционных и почвенных народов и государств в альтернативный блок (или в несколько блоков). Сегодня ситуация является настоль ко критической, что почти неважно, каким образом и под каким знаком может возникнуть альтернативное Большое Пространство. Если оно возникнет, и если оно действительно будет противостоять мондиализму, то уже одного этого будет достаточно для того, чтобы расширить, диверсифицировать и умножить геополитические альтернативы, чтобы увеличить внутренние степени свободы в рамках антимондиалисткой оппозиции. Следует всегда помнить, что для США "главная задача не допустить возникновения геополитической альтернати вы" (какой бы то ни было альтернативы). Поэтому совершенно справедливо всем антимондиалистким силам выдвинуть прямо противоположный тезис: "главная задача создание геополитической альтернативы " (какой бы то ни было).

Ситуация сегодня настолько серьезна, что выбирать между "хорошим" и "лучшим" в ней не приходится. Если Россия сможет восстановить геополитическую самостоятельность и избавиться от атлантистского руководства прекрасно. У стран "ближнего зарубежья" появится в этом случае замечательная возможность снова войти в русскую Евразию, на этот раз лишенную идеологического негатива двусмысленного марксизма. Кроме того, добровольное и сознательное возвращение нынешнего "ближнего зарубежья" будет гарантом грядущей культурной, религиозной, языковой, экономической и даже, быть может, политической (но не государствен ной) автономии. Это было бы самым простым и самым лучшим вариантом. Причем обнажение истинных колониальных целей мондиалистов в этот катастрофический переходный период станет, безусловно, предпосылкой еще большего увеличения числа союзников и сателлитов России-Евразии (как на Востоке, так и на Западе).

Если этого не произойдет, то детонатором антимон диалистского геополитического проекта может стать иное Большое Пространство либо Средняя Европа под флагом Германии, либо объединенная Средняя Азия под знаком "Исламской Революции". В принципе, остается перспектива антимондиалистского восстания в арабском мире и в Латинской Америке, хотя в военном отношении эти потенциальные Большие Пространства недостаточно оснащены для того, чтобы составить конкуренцию Сверхдержаве.

Для стран "ближнего зарубежья" проблема Большого Пространства является центральной и жизненно важной. От выбора геополитической ориентации там зависит сегодня все будущее нации, религия, культура, свобода, благосостояние, безопасность. Вопрос стоит как нельзя остро. Сегодня все ответственные люди должны понимать, что принятие мондиалистской модели означает ни больше ни меньше, как полное и окончательное уничтожение самобытности, идентичности, исторического лица их государств и наций, конец их национальной истории.

Глава 4. Перспективы гражданской войны

4.1 Национальные интересы и мондиалистское лобби

Проблема возможной гражданской войны в России становится все более и более актуальной, и сегодня необходимо изучить этот страшный вопрос с аналитической точки зрения по ту сторону как алармистских эмоций, так и пацифистских увещеваний. Хуже всего (если гражданский конфликт в России все же разразится) оказаться совершенно неподготовленными к нему, растерявшись в сложном и противоречивом раскладе сил, способным ввести в заблуждение даже самых проницатель ных и идеологически последовательных патриотов.

В этом вопросе, как и во всех других важнейших аспектах политического бытия нации и государства, надо начать с напоминания принципиальных моментов, определяющих общие контуры современного состояния геополитической ситуации. Главным императивом существования государства и нации является принцип суверенности, независимости и политической свободы. И именно требования национальной суверенности являются синонимом национальных интересов. Россия и русский народ имеют в контексте политической истории мира свое уникальное место, свою миссию, свою роль, и свободное и полнокровное исполнение национально-го сударственного предназначения является главным смыслом самого существования народа как органической общности.

Но мы живем в особую эпоху, когда внутринацио нальная политика государства неразрывно связана с внешнеполитическим контекстом, и быть может, еще никогда в истории внешнее давление на национально -государственные образования не было столь сильным и настойчивым. Более того, чуть ли не самой главной доктриной в современном политическом истэблишменте Запада стала теория мондиализма, т.е. такой организации жизни людей во всем мире, при которой не должно существовать национально- государственных образований, никакой суверенности, национальных интересов. Во главе мондиалистского мирового сообщества призвана стоять космополитическая верхушка, управляющая не обществами, а математической суммой атомарных индивидуу мов. Следовательно, мондиалистский вектор изначаль но ориентирован против любых национально-государст венных формаций, и его главной задачей является отмена старого традиционного мира, поделенного на народы и страны, и устройство "нового мирового порядка", отрицающего все формы исторических и органических общественно- социальных образований.

Мондиалистский фактор направлен, естественно, не только против России (другие нации и государства также являются для него преградами), но именно Россия как мощнейшее геополитическое образование до последнего времени являлась основным бастионом, мешающим постепенному распространению мондиалистского контроля с Запада на весь мир. Конечно, советская система в определенных своих аспектах тоже обладала мондиали стскими чертами, и один из проектов западных мондиалистов заключался именно в постепенном, "эволюцион ном" включении СССР в общепланетарную систему "нового мирового порядка". Эта известная теория конвергенции, скорее всего, и была главным ориентиром тех сил, которые начали перестройку. Но мягкий вариант "мондиализации" России по тем или иным причинам не "сработал", и тогда мондиалистская политика в отношении к России приняла форму агрессивного давления и откровенно подрывной деятельности. Жесткий и сверхбыстрый распад СССР лишил сторонников "конверген

ции" рычагов управления, и мондиалистская политика перешла к откровенно агрессивным, русофобским формам.

Мондиалистский вектор является крайне важным моментом для понимания актуального положения России. Если раньше внешнее воздействие на нашу страну оказывалось со стороны иных национально-государствен ных образований, стремящихся ослабить мощь русского государства или склонить его на свою сторону в тех или иных международных конфликтах; если раньше потенциальными противниками России (явными и тайными) были геополитические силы, в целом сопоставимые по своей структуре с ней самой, то в настоящий момент главным внешним фактором стала особая форма давления, не имеющая никаких четких национально-государ ственных или геополитических очертаний и представ ляющая собой наднациональный, глобальный утопический социально- политический проект, за которым стоят невидимые манипуляторы, обладающие гигантским экономико-политическим могуществом. Конечно, традиционные внешнеполитические факторы тоже продолжают действовать (мондиалистский проект пока еще не получил полной реализации), но их значимость и весомость бледнеют в сравнении с тотальностью мондиалистского давления, отходят на второй план. К примеру, отношения России с Германией, Японией или Китаем являются сегодня делом не двух сторон, но, по меньшей мере, трех России, другого государства и мирового мондиалистского лобби, выступающих как прямо, так и через своих "агентов влияния" в политических образованиях, выясняющих между собой двусторонние проблемы. При этом именно "третья сила", мондиализм, чаще всего и оказывается определяющей, так как ее средства воздействия и структуры влияния несравнимо более отлажены и эффективны, нежели соответствующие механизмы "архаических" национально-государственных образований.

Таким образом, в России, как во внутренней так и во внешней политике, можно выделить два основополагаю щих элемента, стоящих за принятием тех или иных решений, за организацией тех или иных процессов, за определением тех или иных ориентаций русской политической и социально-экономической жизни: это мондиалистские "агенты влияний" и группы, руководствующиеся национально-государственными интересами. Исходя из всего вышесказанного, очевидно, что оба полюса являются противоположными друг другу в самом главном: одни стремятся минимализировать суверенность и самостоятельность, автаркийность России (вплоть до ее полной отмены в мондиалистском космополитическом контексте "нового мирового порядка"), другие, напротив, ориентированы на утверждение, усиление и расширение национально-государственной суверенности, на максимальное выведение нации из планетарной мондиали стской структуры, враждебной, по определению, существованию любого полноценного автаркийного общества. Конечно, в реальной политике эти два полюса почти никогда не встречаются в чистом виде, большинство властных структур представляют собой смешанные системы, где соприсутствуют обе тенденции, но, тем не менее, именно два этих полюса определяют основные силовые тенденции, которые находятся в постоянном и жестком противодействии, завуалированном компромисса ми, наивностью, недалекостью или коррумпированностью "непосвященных" статистов от политики.

Итак, мы выделили два полюса в актуальной политической картине России. Им соответствуют две различные точки зрения на возможность гражданской войны в России. И именно эти две силы, в конечном итоге, и будут являться основными субъектами потенциального конфликта, основными противниками, основными сторонами, хотя их противостояние и может быть скрыто под более частным и запутанным распределением ролей. Пример первой гражданской войны в России показыва ет, что в этом случае национальные и антинациональ ные силы выступали не под собственными знаменами, но

под сложной и противоречивой системой социальных, политических и идеологических ориентаций, скрывающих истинные геополитические мотивы и тенденции. Чтобы не повторять ошибок прошлого, надо объективно проанализировать страшную перспективу новой гражданской войны, по ту сторону политических или идеологических симпатий.

4.2 Варианты расстановки сил

Выделим основные сюжеты гражданской войны в России, определим действующие силы и непосредственные мотивации, наметим предположительные ее варианты.

1) Первый (и самый маловероятный) вариант гражданской войны мог бы развиваться по линии противостояния: *национально-государственные силы* против *мондиалистского лобби*.

Действительно, такое разделение ролей было бы весьма логичным, если учесть полную несовместимость главных ориентаций тех и других. Мондиалисты стремятся всячески ослабить суверенность России, подорвать ее экономико-политическую самостоятельность, сделать ее зависимой от космополитического мондиалистского истэблишмента, лишить ее возможности свободно выполнять национальную миссию. Националисты и государствен ники, напротив, хотят укрепить автаркию, добиться максимальной политической самостоятельности и экономи ко-социальной самодостаточности. Естественно, что мирно сочетать эти две тенденции невозможно, так как они противоречат друг другу во всем в общем и частном.

Однако, такой вариант гражданской войны ("космополиты против националистов") вообще не может стать общенародным и глобальным, так как мондиалистская идеология принципиально не способна привить массам фанатизм и поднять на защиту своих идеалов хоть сколько-нибудь значительную часть населения. В мирных условиях, конечно, инерциальность, безразличие и общая пассивность могут быть вспомогательными факторами для мондиалистов, но в случае кровавого конфликта, стрельбы и убийств необходима апелляция к более глубинным слоям человеческой психики, необходимы фанатизм и жертвенность. Националисты, напротив, легко могут рассчитывать на поддержку подавляющего большинства народа в случае открытого и широкого вооруженного противостояния с мондиалистами, если, конечно, конфликт приобретет общенациональный характер, а не будет локализован в особых жестко контролируе мых мондиалистами центрах.

Иными словами, гражданская война по сценарию "мондиалисты националисты" в любом случае не станет настоящей и тотальной гражданской войной, так как у мондиалистов в чистом виде нет и не будет прочной идеологически спаянной и политически активной основы, способной организовать массы для противостояния националистам. Если бы такой конфликт разгорелся, то его исход был бы скорым и однозначным: национально - государственные силы быстро расправились бы с антинациональным лобби, обозначенным в качестве такового и ставшим лицом к лицу с поднявшимся за патриотическую идею народом. В принципе, такая гражданская война была бы почти бескровной и очень краткой, и после уничтожения мондиалистов внутренний источник конфликтности был бы ликвидирован, а политиче ская и социальная жизнь государства развивалась бы строго в границах национальных интересов, как это и имеет место в традиционных государствах и нациях.

Но мондиалистское лобби вряд ли не понимает своего истинного положения и самоубийственности такого сценария, а значит, оно будет стараться избежать подобного поворота событий любой ценой. Именно поэтому данный вариант и является почти невероятным.

2) Второй вариант гражданской войны определяется формулой: *РФ против одной (или нескольких) из республик ближнего зарубежья* . Такая ситуация легко может сложиться из-за крайней нестабильности новых государственных образований на территории бывшего СССР. Эти государства, подавляющее большинство которых не имеет никакой более или менее устойчивой государственной и национальной традиции, созданные в рамках совершенно произвольных границ, не совпадаю щих ни с этническими, ни с социально-экономически ми, ни с религиозными территориями органических обществ, неминуемо будут ввержены в глубокий внутрен ний и внешний кризис. Они принципиально не смогут обрести никакой подлинной суверенности, так как их стратегические возможности не позволяют отстоять свою независимость, не прибегая при этом ко внешней помощи. Коллапс политической, социальной и экономиче ской систем в них неизбежен, и естественно, это не может не сказаться на их отношении как к русскому (или прорусски ориентированному) населению, так и к самой России.

В данном случае, скорее всего, именно с их стороны будет брошен России вызов, на что РФ будет вынуждена ответить с той или иной степенью агрессивности. Этот процесс скорее всего будет носить цепной характер, так как взрыв межэтнических или территориальных противоречий, затрагивающий Россию и русских, неминуемо отзовется в других бывших советскими республиках.

Очевидно, что национальные интересы русских и ориентация мондиалистского лобби внутри России (и внутри новых республик) в таком случае не столкнутся между собой непосредственно и открыто. Основным противником в такой войне будут для русских непосредствен ные соседи. При этом совершенно не обязательно, что мондиалистское лобби будет играть в данном случае на поражение РФ. Такой конфликт, называемый американ скими стратегами "войнами малой интенсивности" (или даже "средней(!) интенсивности"), вполне может удовлетворять интересам мондиалистского лобби, если он дестабилизирует стратегическую и геополитическую ситуацию в России и, шире, Евразии, став локальным, затяжным и двусмысленным. Русские национальные интересы в таком случае тоже не обязательно будут выполняться, даже если гражданская война будет проходить под патриотическими и националистическими лозунгами. Как в случае Афганистана, вооруженный конфликт России с соседними регионами приведет лишь к ослаблению русского влияния в этих государствах и подорвет притягательность интеграционного импульса соседей к объединению с Россией в единый геополитиче ский евразийский блок. При этом схожесть культурно -социального типа между населением РФ и бывших советских республик сделает данный конфликт братоубий ственным и воистину гражданским. В случае славянских республик (в первую очередь, Украины) это будет еще и внутринациональной трагедией.

Таким образом, данный вариант гражданской войны является противоречивым и двусмысленным. Русские национальные интересы, императив суверенности, совершенно необязательно будут укреплены в таком развитии событий, а мондиалистское, русофобское лобби, со своей стороны, может от этого даже выиграть, создав вокруг РФ пояс "войн малой интенсивности", дискреди тирующий русских на международном уровне и подрывающий и так шаткую социально-экономическую стабильность государства. Конечно, это не означает, что Россия не должна выступать защитником

русских и прорусски ориентированных народов в ближнем зарубежье. Но выполняя все это, она должна особенно печься о расширении своего геополитического и стратегического влияния. Даже если русским удастся отвоевать у соседей часть исконно русских земель, ценой за это может стать появление новых враждебных государств, которые будут отброшены в лагерь главных противников России, т.е. мондиалистов, и в таком случае новая имперская интеграция, необходимая России, будет отодвину та на неопределенный срок.

3) Третий вариант подобен первому по своей структу ре, только здесь гражданская война может начаться *в рамках самой РФ между представителями русского и нерусского этносов*[79]. Сценарий может быть схожим с предыдущим: русское население подвергается агрессии со стороны инородцев в каком-либо национальном округе или внутренней республике; этническая солидарность подталкивает других русских принять участие в конфликте; иные национальные нерусские регионы втягиваются в вооруженное противостояние на этнической почве; гражданская война принимает характер "войны малой интенсивности". В данном случае это еще опаснее для России, так как результатом может явиться нарушение территориальной целостности РФ или, по меньшей мере, провоцирование этнической враждебности к русским инородцев там, где их удастся "подавить". При этом неизбежно в конфликт против русских будут втянуты иные государственные и национальные образова ния, что может сделать его затяжным и долговремен ным. Такой конфликт переведет положение русских с национально-государственного на узко этнический, что еще больше сузит геополитическое качество России, которая с распадом Варшавского договора, а затем СССР, и так уже утратила свое имперское качество.

Данный вариант гражданской войны вообще противоречит национальным интересам русских, так как в нем, фактически, будет узаконен дальнейший распад русского пространства на этнические составляющие, что в перспективе сведет геополитическое качество некогда имперского народа до чисто этнического, почти "племенного" уровня. Для жесткого русофобского мондиализма, ориентированного на подрыв русской национально-госу дарственной автаркии, такой вариант был бы довольно привлекательным, так как он предполагает привитие русским не государственной, а узко этнической самоиденти фикации, что неизбежно сузит стратегический объем России. С другой стороны, и в этом случае есть определен ный риск для мондиалистов, так как взрыв этнического самосознания может ударить и по "агентуре влияния". Русским же патриотам такой конфликт невыгоден ни с какой стороны.

4) Четвертый вариант также является внутрироссий ским, но основан не на этнической розни, а *на региональных, административно-территориальных противоречиях*. Централистская политика Москвы в вопросах политико-экономических и социальных не может не вызывать мощного противостояния регионов, которые в общем процессе дезинтеграции стремятся получить максимум автономности. Здесь, как и в случае этнических трений, распад советской империи лишает централист скую и интеграционную идею ее легитимности, очевидности и привлекательности. Кроме того актуальная политика центра, переняв командный тоталитарный стиль прежней системы, фактически отказалась от второй половины отношений центр-регионы, заключавшейся в помощи и социально-административной поддержке.

[79] Отметим, что это текст был написан в декабре 1993 года, т.е. за год до начала Чеченской войны.

Центр так же хочет забирать и контролировать, как и раньше, но теперь он фактически ничего не дает взамен. Экономически регионы от этого только теряют, так как поле их возможностей сужается и зависит от центра. Но к этому прибавляется и политическая особость регионов, где антинациональный характер мондиалистских реформ ощущается намного более болезненно, чем в космополитических мегаполисах столиц.

Первые шаги в сторону сепаратизма регионами уже были сделаны, хотя эти попытки и были пресечены центром. Однако весьма вероятно, что в какой-то момент русские на юге России, в Сибири или где-то еще захотят создать "независимое государство", свободное от политической и экономической диктатуры Москвы. Это может быть основано на чисто экономической целесообраз ности продажа региональных ресурсов или товаров местного производства в обход Москвы в некоторых случаях способна резко улучшить локальную ситуации. С другой стороны, "региональная революция" может выдвинуть и политические задачи к примеру, отказ от крайней либеральной политики центра, сохранение социальных гарантий, усиление национального аспекта в идеологии. Все это делает возможность гражданского конфликта на этом уровне вполне реальной. В какой-то момент регионы могут всерьез настоять на своем, что, естественно, вызовет противодействие центра, не желающего терять контроль над территориями.

Такая версия гражданской войны не менее двусмыс ленна и противоречива, как две предыдущие. Действи тельно, с одной стороны, требования регионов, желающих обособиться от Москвы, центра реформ, имеют некоторые черты патриотизма и национализма, отвечают интересам народа; мондиалистские силы центра, выступив против регионов, будут при этом отстаивать не национальные, а антинациональные интересы, так как контроль либералов над всей полнотой российских территорий выгоден, в первую очередь, именно конструкторам "нового мирового порядка". Но, с другой стороны, региональный сепаратизм приведет к распаду русских государственных территорий, ослабит общенациональную мощь, уготовит линии разлома внутри единого русского народа. Мондиалисты могут сознательно пойти на провокацию такого конфликта в том случае, если их контроль над Россией ослабнет, и в таком случае, территориальный распад страны будет последним шагом в деле ослабления национально- государственной автаркии.

Национальные силы должны поступать в этом вопросе, исходя из прямо противоположной логики. Пока власть центра сильна, следует солидаризоваться с региональными требованиями, поддерживая их стремление к автономии от центра. Но при этом с самого начала следует подчеркивать необходимость стратегической и политической интеграции всех регионов на основе перспектив воссоздания империи. По мере ослабления мондиалистского лобби в центре патриотам следует плавно менять свою ориентацию, настаивать на недопустимо сти гражданского конфликта и призывать регионы к объединению.

Как бы то ни было, гражданская война на региональной основе никак не может соответствовать национальным интересам, равно как и два предыдущих сценария.

Следует оговорить особо следующий момент. Сам собой напрашивается и пятый вариант гражданской войны, в котором силы распределились бы не по идеологи ческому, национальному и территориальному, а по социально-экономическому признаку к примеру, "новые богатые" против "новых бедных". В принципе такой вариант не исключается, и в будущем для него могут сложиться все предпосылки. Но при нынешнем состоянии общества чисто экономический фактор очевидно не является доминирующим. Несмотря на страшные экономические катаклизмы, на повальное обнищание трудовых

слоев и гротескное обогащение "новых русских", русское общество пока не формулирует своих требований в экономических терминах. Геополитические, национальные, идеологические аспекты несравнимо более действенны и актуальны. Именно они способны вывести массы на площади и заставить их взяться за оружие. Экономический кризис служит прекрасным фоном для гражданского конфликта, он может послужить в определенных случаях толчком для катаклизмов, но основными силовыми линиями будут иные неэкономические тезисы. Апелляции к нации, этносу, патриотизму, свободе сегодня способны релятивизировать чисто материальную сторону жизни, сделать ее второстепенной. Но даже в том случае, где материальная сторона окажется главенствующей, она, в силу дискредитации марксист ских и социалистических доктрин, не сможет выразить свои требования в форме последовательной и зажигательной политической идеологии. Скорее всего, экономический фактор в возможных конфликтах будет сопутствующей, а не определяющей категорией.

4.3 Итоги анализа

Гражданская война в России, к сожалению, возможна. Фундаментальные противоречия между националь но-государственными интересами и планами мондиализ ма вряд ли можно будет разрешить мирно и полюбовно. Для того, чтобы всерьез можно было бы говорить о "консенсусе" или "перемирии" между этими силами, необходимо либо окончательно уничтожить носителей национально-государственных тенденций (а это возможно лишь вместе с уничтожением самого русского государства и русской нации), либо покончить с представителями мондиалистского лобби.

Именно поэтому, развязывание гражданской войны в России или создание на ее территории пояса "войн малой интенсивности" может в любой момент стать главным проектом мондиалистского лобби. При этом нет сомнений, что представители этого лобби постараются сделать все возможное, чтобы самим остаться в тени, выступая под каким-то иным знаменем (как сепаратистским, так и централистским).

Три варианта гражданской войны РФ против ближнего зарубежья, русское население РФ против инородцев, регионы против центра принципиально неприемлемы для всех тех, кто действительно озабочен национально-государственными интересами России и русского народа. Все эти три варианта чреваты дальнейшим расколом геополитического и стратегического пространства России, даже в том случае, если определенные территории перейдут под российский контроль. Следовательно, гражданскую войну по этим трем сценариям патриоты должны предотвратить любым способом. Не говоря уже о том, что с моральной точки зрения, она им и не выгодна . А коль скоро это так, то логично предположить, что к провокации такого рода конфликтов (если они начнут разгораться) приложат руку именно мондиалисты.

Для мондиалистского лобби нечто подобное гражданской войне в России может быть выгодно и еще по нескольким причинам. Начало военного конфликта с непосредственным участием русских позволило бы либералам из центра:

1) ввести политическую диктатуру под предлогом "спасения отечества" и насильственно избавиться от политических противников;

2) списать на войну экономический коллапс и заставить экономику функционировать под прямым контролем центра;

3) отвлечь общественное внимание от деятельности "реформаторов" , которая становится сегодня опасно очевидной;

4) заведомо пресечь возможный в будущем союз русских с соседними национально-государственными евразийскими и европейскими образованиями под знаком континентальной солидарности против атлантистской доминации Запада и мондиалистских проектов.

Все это заставляет полагать, что носители жесткого варианта мондиализма в России рано или поздно прибегнут к "гражданской войне", особенно если позиция либерального режима будет становиться все более и более шаткой. При этом важно отметить, что в таком случае с необходимостью произойдет "структурная перестрой ка" внутри самого мондиалистского лобби, и часть его выступит под патриотическими, и быть может, даже националистическими и шовинистическими лозунгами.

Трудно сказать, когда именно могут произойти первые взрывы. Это зависит от многих спонтанных и искусственных факторов. Но даже если некоторое время ничего подобного не произойдет, потенциальная угроза такого поворота событий будет более чем актуальной, коль скоро мондиалистское лобби не только существует в России, но и контролирует важнейшие рычаги государственно-политической власти.

Лишь первый вариант "гражданской войны" мондиалисты против националистов мог бы быть кратким, почти бескровным и выгодным для патриотов, для России. Более того, прямое столкновение нации с ее внутренними врагами неминуемо дало бы победу именно национальным силам. Фактически это была бы не "гражданская война" в полном смысле этого слова, но короткая вспышка активного противостояния, в результате которой возможность полноценной гражданской войны если не уничтожилась совсем, то отложилась бы на неопределенно далекий срок. Но для этого необходимо спровоцировать мондиалистское лобби выступить под своими собственными знаменами, и от имени ясно обозначенных и точно названных русских национально-го сударственных интересов должны были бы сплотиться и патриотические силы. Это сделать безусловно не просто(почти невозможно). С одной стороны, сами мондиалисты не настолько наивны, чтобы во всеуслышание говорить о ненависти к той стране, в которой они действу ют, и о своем стремлении ее разрушить, а с другой стороны, представители национально- государственных сил часто не способны вразумительно и последовательно, но в то же время кратко и убедительно, сформулировать основы своей идеологической позиции. Этому мешает приверженность отжившим советско-коммунистическим клише, повышенная эмоциональность, слабая способность к аналитическому мышлению, игнорирование основопо лагающих принципов геополитики и т.д.

Подлинный гражданский мир не может быть основан на компромиссе, если две стороны этого компромисса являются во всем прямыми противоположностями. Пока доминирующей является мондиалистская система ценностей, то все ее фланги правые, левые, центристы при всем различии не ставят под сомнение общей ориентации. Да, при такой ситуации "мир" возможен, но ценой гибели государства и радикального исключения национальных сил из диалога. Если же доминирующей станет национально- государственная система ценностей, то можно будет говорить о поиске компромисса между национал-капиталистами, национал-социалистами, национал-коммунистами, национал-монархистами или национал-теократами, но и в этом случае, антинациональ ные, мондиалистские, русофобские силы будут исключены из диалога, поставлены идеологически вне закона.

Наше общество чревато страшным гражданским конфликтом. Если у нас еще осталась способность влиять на ход событий, выбирать, то мы должны выбрать меньшее из зол.

Глава 5. Геополитика югославского конфликта

5.1 Символизм Югославии

Общеизвестно, что Югославия является той территорией в Европе, с которой начинаются самые серьезные и масштабные европейские конфликты. По меньшей мере, именно так обстояло дело в XX веке. Балканы это узел, в котором сходятся интересы всех главных европейских геополитических блоков, и именно поэтому судьба балканских народов символизирует собой судьбу всех европейских народов. Югославия это Европа в миниатюре. Среди населяющих ее народов можно найти точные аналоги крупнейших континентальных сил.

Сербы представляют на Балканах Православную Россию (= Евразию). Хорваты и словенцы Среднюю Европу (т.е. Германию, Австрию, Италию и т.д.). Мусульманские албанцы и боснийцы остатки Османской Империи, а значит, Турцию и даже исламский мир в целом. И наконец, македонцы смешанный сербо-бол гарский этнос, который являет собой символ Великой Православной Югославии (основанной на объединении Сербии и Болгарии), так и не сумевшей исторически сложиться, несмотря на существовавшие в начале века сербо-болгарские проекты.

5.2 Три европейские силы

В самых общих чертах можно сказать, что геополитическая карта Европы разделяется на три основополагающих ареала.

Первый ареал это Запад. Собственно континен тальный Запад, представлен, в первую очередь, Францией и Португалией. В более широком смысле, к нему относятся Англия и заатлантические внеевропейские США. Хотя между континентальным Западом (Францией), островным Западом (Англией) и заокеанским Западом (Америкой) могут существовать внутренние противоречия, по отношению к остальным европейским геополитическим образованиям Запад выступает чаще всего как единая геополитическая сила.

Вторым ареалом является Средняя Европа (Mitteleuropa). К нему относятся государства бывшей Священной Римской Империи Германских Наций, бывшие земли Австро- Венгрии, Германия, Италия и т.д. Для Средней Европы характерно геополитическое противостояние как с европейским Западом, так и с Востоком.

И наконец, *третьим* ареалом является Россия, которая выступает в Европе не только от своего имени, но и от имени всех евразийских народов Востока.

Вообще говоря, можно было бы выделить и четвертый исламский геополитический ареал от магрибских стран Северной Африки до Пакистана и Филиппин, но этот геополитический блок является внеевропейским, а кроме того в XX столетии его геополитическое влияние на Европу было не слишком значительным, хотя возможно, что в будущем исламский мир снова (как это было в Средневековье) станет важной составляющей европейской геополитики.

Три геополитических европейских образования создают на континенте постоянные зоны напряженности, которые проходят на условных и постоянно меняющих ся границах между европейским Западом и Средней Европой (Mitteleuropa), с одной стороны, и между Средней Европой и Россией-Евразией с другой.

Схематично можно выделить некоторое число геополитических союзов или, напротив, противостояний, которые составляют константы европейской международ ной политики.

Европейский Запад может противостоять Средней Европе как своему наиболее близкому соседу с Востока. Наиболее ясно эта геополитическая тенденция воплощена в противостоянии абсолютистской Франции (Etat-Nation) и имперской Австро-Венгрии. Позже это противоречие выразилось в многочисленных франко-герман ских конфликтах. С другой стороны, существует теоретическая возможность и франко-германского геополити ческого союза, идеи которого вдохновляли как Виши, так и де Голля. Показательно, что Запад может подчас в борьбе против Средней Европы вступать в союз с европейским Востоком (Россией-Евразией). В других же случаях именно Россия становится главным геополитиче ским противником как европейского Запада, так и Срединной Европы.

Срединная Европа (Германия) также в отношении своего восточного геополитического соседа может находиться как в состоянии противостояния (что всегда прямо или косвенно выгодно европейскому Западу), так и в состоянии союза (что всегда создает опасность для Запада).

И наконец, геополитические предпочтения России в европейской политике могут быть ориентированы как в антигерманском ключе (Франция, Англия и даже США логически становятся в таком случае союзниками), так и в антизападном (тогда неизбежен русско-немецкий союз).

Таковы, в самом грубом приближении, основные геополитические факторы европейской политики. Их совершенно необходимо учитывать при анализе балканской проблемы, так как все эти три тенденции сталкиваются между собой в югославском конфликте, создавая потенциальную угрозу новой большой европейской войны.

5.3 Правда хорватов

Хорваты (равно как и словенцы) традиционно входили в состав Австро-Венгрии, являлись этносом, полностью интегрированным в католический сектор германской Средней Европы. Их естественная геополитическая судьба связана именно с этим европейским блоком. Поэтому тяготение хорватов к Германии и Австрии отнюдь не случайный оппортунистический произвол, но следование логике исторического бытия этого народа. Крушение Австро-Венгрии и создание Югославии было результатом долгой борьбы европейского Запада против Средней Европы, и именно этим объясняется прагмати ческая поддержка сербов французами. (Вариант: Запад вместе с Востоком против Средней Европы). Те хорваты, которые приветствовали создание Югославии шли, в некотором смысле, против своей геополитической и религиозной традиции, и не случайно большинство из них через масонские институты ориентировались именно на "Великий Восток Франции" и его геополитические проекты, направленные на триумф в Европе сил Запада. При создании Югославии, как и во всей расстановке сил в период Первой мировой войны, прослеживается доминация именно западной тенденции, успешно использую щей силы Востока (как Сербию, так и большую Россию) против Срединной Европы.

Хорваты при создании Югославии и стали первыми жертвами такой политики, и не удивительно, что немцев они позже встречали как освободителей (как, впрочем, и украинские католики и униаты, всегда тяготев шие к зоне среднеевропейского влияния). Но поддержка силами Запада Францией сербов (кстати, эта поддержка так же осуществлялась, в первую очередь, через масонские каналы) была весьма двусмысленной, так как и сами сербы, в свою очередь, становились заложниками такого геополитического образования на Балканах, целостность которого могла быть сохранена только путем силового контроля.

При актуальном кризисе восточного блока (т.е. всей зоны влияния России-Евразии) в период перестройки, интеграционные силы в Югославии несколько ослабли, и хорваты (вместе со словенцами) не замедлили заявить о своей геополитической чужеродности по отношению к сербской Югославии, понимаемой двояко и как искусственное создание Запада, и как форпост Востока в Средней Европе.

Таким образом, хорваты на геополитическом уровне отстаивают тот принцип, чтобы Средняя Европа оставалась самой собой, т.е. независимым, самостоятельным и территориально объединенным европейским регионом. Хотя надо заметить, что идея превращения Хорватии в самостоятельное этнически однородное карликовое балканское Государство-Нацию (Etat-Nation) французского образца уже заведомо закладывает мину под геополити ческое единство среднеевропейского пространства, способного гармонично существовать лишь как гибкая, но целостная структура, а не как дробный конгломерат эгоистических микрогосударств. Иными словами, геополитическая тенденция хорватов будет полноценной лишь в случае ее сверхнациональной ориентированности, а это предполагает и мирное решение проблемы сербского меньшинства в Хорватии. Хорватский национализм, выходя из геополитической плоскости в плоскость сугубо этническую, теряет свою оправданность и меняет свой знак на противоположный.

5.4 Правда сербов

Геополитическая перспектива сербов имеет однознач но прорусский, евразийский характер. Через религиоз ный и этнический фактор Сербия прямо примыкает к России, являясь ее геополитическим продолжением на юге Европы. Судьба сербов и судьба русских на геополитическом уровне это одна и та же судьба. Поэтому для того, чтобы сербам вернуться к истокам своей европейской миссии, им необходимо обратиться к Востоку, к Евразии, понять смысл и цели русской геополитики. При этом не наивный и искусственный панславизм, несостоятельность которого прекрасно показал русский философ Константин Леонтьев, а именно проект Великой Евразии с осью России своего рода эйкуменически - континентальный православный неовизантизм должен быть путеводной звездой истинно сербской геополитики. Лишь в этом случае сербская тенденция вернется к своим собственным корням и перестанет играть роль марионетки в руках атлантистов, используемой лишь для борьбы против Средней Европы и германского мира.

В геополитической истории Европы можно проследить одну постоянную тенденцию, выяснение которой поможет понять то, что для Сербии является позитив ным решением. Эта тенденция такова: союз Востока и срединной Европы против Запада всегда выгоден и той и другой стороне. Равно как выгоден континентальному Западу (Франции), союз со Срединной Европой (Германией) против Запада островного и заокеанского (англосаксонский мир). Иными словами, приоритет, отдавае мый геополитическому

Востоку (даже Востоку относительному ведь Средняя Европа, к примеру, является Востоком по отношению к Франции) практически всегда выгоден не только самому Востоку, но и западному участнику этого союза. И наоборот, геополитический союз с приоритетом западной тенденции (Франция с Англией и США против Германии, Франция с Германией против России и т.д.) завязывает узлы все новых и новых европейских конфликтов и войн.

Учитывая эти соображения, мы можем сказать, что геополитическая ориентация сербов должна обратиться в качестве ориентира к болгарской геополитике, которая практически всегда сочетала в себе русофильство с германофильством, создавая в Южной Европе простран ство политической стабильности и гармонии, что постепенно могло открыть Средней Европе выход к мусульманскому югу, а значит, и положить конец доминации в этом регионе атлантистского Запада. Более того, Сербия должна осознать всю двусмысленность той поддержки, которую некогда оказывал ей Запад и цена которой хорошо видна в антисербских санкциях западных стран. Только геополитическое единение с другими православ ными восточноевропейскими народами (и, в первую очередь, с Болгарией) в единый прорусский и одновременно дружественный Средней Европе блок создаст на Балканах зону стабильности и выведет из употребления позорный термин "балканизация".

Так же, как и в случае хорватов, идея чисто сербского Государства-Нации также не решит никаких проблем в том случае, если это сербское государство восприем ствует у созданной масонами Югославии ее германофо бию и ориентацию на Запад.

5.5 Правда югославских мусульман

Югославские мусульмане Боснии и албанцы представ ляют собой исламский, "османский" геополитический фактор в Европе. Важно заметить, что Турция, влияние которой больше всего ощущается среди югославских мусульман, безусловно, является в Европе выразителем крайне-западных, атлантических тенденций. Если Запад, старавшийся использовать европейский Восток (Россию) против Средней Европы, все же не смог окончательно подавить самостоятельное геополитическое самопроявление этого континентального региона и часто сталкивался, напротив, с экспансией России-Евразии (либо через русско-германский союз, либо непосредственно через создание Варшавского блока), то светская псевдоис ламская Турция стала надежным инструментом в руках атлантистских политиков. И шире, атлантистское влияние на геополитику исламских стран чрезвычайно велико. Поэтому антисербские выступления югославских мусульман намечают собой несравнимо более глобальный континентальный конфликт Северной Евразии (России и ее геополитического ареала) с Югом. При этом важно отметить, что такой конфликт противоречит интересам самого Юга, поскольку он становится в данном случае таким же инструментом в руках атлантистского Запада, каким был Евразийский Восток (в лице сербов) против Средней Европы (в лице Австро-Венгрии и ее представи телей хорватов).

Единственным логичным выходом для югославских мусульман Боснии и албанцев было бы обращение к Ирану и преемственность его политики, так как только эта страна в настоящее время проводит геополитику, ориентированную на независимость, самостоятельность и континентальную гармонию, действуя в соответствии со своей собственной логикой независимо от интересов атланти стов в этом регионе. Обратясь к Ирану, югославские мусульмане смогут обрести должную геополитическую перспективу, так как радикально антизападный, континен тальный и традиционалистский Иран

является потенциальным союзником всех европейских блоков восточной ориентации от России-Евразии до Средней Европы. Более того, ориентация на Иран европейских восточных Больших Пространств могла бы резко изменить положение дел во всем исламском мире и резко ослабить там американское влияние, что было бы не только на руку европейцам, но и освободило бы исламские народы от экономического и военного диктата англосаксонских атлантистов.

Только при такой ориентации югославских мусульман их геополитическое присутствие в Европе могло бы стать гармоничным, логичным и бесконфликтным. Можно сказать, что данная проблема разделяется на три этапа. Первый этап: переориентация мусульман от Турции на Иран. Второй этап: укрепление геополитического союза Средней Европы с Ираном и исламским миром в целом. И третий этап: геополитический евразийский альянс Востока и Средней Европы. При этом данные этапы могут проходить параллельно, каждый на своем уровне. Здесь особенно важно понять, что проблема маленького балканского народа геополитически не может быть решена без самых серьезных и глобальных геополитических трансформаций. Никогда не следует забывать, что именно с небольших по размеру, но гигантских по символиче ской значимости локальных конфликтов начинаются все мировые войны.

5.6 Правда македонцев

Македонская проблема современной Югославии коренится именно в искусственности реально существовав шей "Югославии", которая являлась "государством южных славян" только по названию. Македонцы, представ ляющие собой этнос, промежуточный между сербами и болгарами и исповедующий Православие, должны были бы входить как естественный компонент в настоящую Югославию, состоящую из Сербии и Болгарии. Но существование двух славянских государств якобинского типа на Балканах вместо одного федерального, "имперского", славянского государства евразийской ориентации привело к тому, что маленький македонский народ очутился на границе между двумя политическими регионами с довольно различной политической спецификой.

В настоящий же момент дело еще усугубляется и тем, что в нынешней Болгарии растет якобинский национа лизм, уже не раз сталкивавший православные балканские державы между собой и препятствовавший обращению к единственно верной неовизантийской геополити ке. Изначально в этом процессе было активно замешано и атлантистское лобби (как католическое, так и английское), которое дает о себе знать и в современной Болгарии, хотя и в иных формах.

В сущности, западная тактика остается здесь той же самой, что и в начале века. Тогда, разрушив Австро-Венгрию, Запад не допустил создания крупной славянской общности, разыграв карту "балканских национа лизмов" греческого, болгарского, сербского, румынского и т.д. Сегодня те же геополитические силы Запада снова наносят двойной удар по Средней Европе и по югославянскому единству, провоцируя хорватский сепаратизм на Западе и македонский на Востоке.

В случае Македонии, как и во всех других балканских конфликтах, выход может быть найден только через глобальный интеграционный процесс организации европейских Больших Пространств, а не путем прямолинейного сепаратизма и создания карликовых псевдого сударств. Присоединение Македонии к Болгарии также никоим образом не решит проблему, но лишь подготовит новый, на сей раз действительно межгосударствен ный, межславянский конфликт.

5.7 Приоритеты югославской войны

Будучи глубоко символическим и крайне значимым, югославский конфликт требует от каждой страны, от каждой европейской политической и геополитической силы определиться и обозначить свои приоритеты в данном вопросе. Здесь речь идет не только о сентиментальной, конфессиональной, исторической, этнической или политической наклонности тех или иных людей, народов и государств. Речь идет о будущем Европы, о будущем Евразии.

Сторонники приоритета Средней Европы и германо филы изначально заняли прохорватскую позицию. Этот выбор основывался на геополитическом анализе причин создания Югославии, на отвержении масонской политики Франции в Средней Европе, на понимании необходи мости естественного воссоздания единого среднеевропей ского пространства после завершения "ялтинской эры", в течение которой Европа была искусственно разделена на два, а не на три геополитических лагеря. Именно этим объясняется присутствие среди хорватов многих европейских национал-революционеров.

Но логика предпочтения Срединной Европы не учитывала одного очень важного соображения. Дело в том, что помимо инструментальной роли геополитического Востока при исполнении планов Запада против Средней Европы существует и всегда существовала коренная, глубинная и почвенная собственно евразийская геополити ка этого Большого Пространства, геополитика Православной России, ориентирующейся на свои собственные континентальные интересы, а в далекой перспективе на новый Священный Союз. Когда в процессе жестокого внутреннего конфликта между сербами и хорватами сербское самосознание пробудилось вполне, когда кровь сербского народа снова вызвала из бессознательных глубин древнейшие геополитические, национальные и духовные архетипы, когда актуальной стала идея Великой Сербии, Духовной Сербии, инструментальная миссия Югославии закончилась, и на ее место вступила Великая Евразийская Идея, Идея Востока.

Пока сербы сражались со Средней Европой (в лице хорватов) атлантисты от Парижа до Нью-Йорка повсюду аплодировали Федеративной Югославии или, по меньшей мере, упрекали хорватов в "национализме" и "профашизме". Как только сербы перешли определенную черту, и их борьба приобрела характер борьбы с самой идеей Запада, с атлантизмом, тут же Сербия была объявлена главным препятствием для построения "Нового Мирового Порядка", и против нее последовали жесткие политические и экономические санкции.

Чтобы сделать окончательный выбор, необходимо снова обратиться к уже сформулированному нами выше геополитическому закону, согласно которому континентальная гармония реальна только при приоритете Востока, при выборе Евразии в качестве позитивной ориентации, так как даже позитивная сама по себе идея Срединной Европы при ее противопоставлении России-Евразии становится негативной и разрушительной, как это ясно обнаружилось в глубокой и трагической ошибке Гитлера, начавшего антивосточную, антирусскую экспансию, что, в конце концов, обернулось выгодой только для западного, атлантического блока, разрушило Германию и породило зародыши кризиса в России. Поэтому и в югославском конфликте геополитический приоритет должен быть отдан сербскому фактору, но, естественно, в той мере, в какой сербы следуют евразийской, прорусской геополитической тенденции, тяготеющей к созданию мощного и гибкого южнославянского блока, сознающего важность Срединной

Европы и способствующего установле нию германо-русского альянса против Запада. Сербская германофобия в сочетании с масонским франкофильст вом, какими бы благовидными предлогами они ни прикрывались, никогда не смогут дать основания для положительного решения югославской проблемы.

Иными словами, наибольшее предпочтение должно быть отдано сербам- традиционалистам, укорененным в православной вере, сознающим свое славянское духовное наследие и ориентированным на создание новой гармоничной прорусской геополитической структуры с однозначно антизападной и антиатлантической ориента цией.

С другой стороны, следует внимательно отнестись к требованиям хорватов и к их тяготению в регион Средней Европы. При наличии у них антиатлантических тенденций хорваты могут в перспективе стать позитивной внутриевропейской силой.

Боснийский фактор при переориентации югославских мусульман с Турции на Иран также необходимо принять в расчет, чтобы, "превратив яд в лекарство", на этой базе положить начало совершенно новой европейской политике в исламском мире, прямо противополож ной экономическому и военному империализму США в исламских странах.

И наконец, македонцы вместо того, чтобы быть яблоком раздора южных православных славян, должны стать зародышем сербско-болгарского объединения, первым шагом к созданию истинной Великой Югославии.

К таким выводам приводит беспристрастный геополитический анализ югославской проблемы. Конечно, в ужасе братоубийственной войны трудно сохранить здравый смысл, потоки крови будят в сердцах лишь ярость и желание мести. Но иногда, быть может, лишь холодный, разумный анализ, учитывающий исторические корни и геополитические закономерности, может предложить правильный выход из тупика братоубийственной войны, тогда как эмоциональная солидарность с теми или с другими лишь усугубит безысходность кровавого кошмара. Кроме того, такой анализ ясно показывает, что истинный враг, провоцирующий весь внутриславянский геноцид, остается в тени, за кадром, предпочитая издали наблюдать, как один славянский народ уничтожает другой, сея раздор, на долгие годы закрывая возможность союза и братского мира, руша Большие Пространства самого могущественного, но раздробленного ныне континента.

Истинным инициатором югославской бойни являются атлантистские силы Запада, руководствующиеся принципом "в стане врага надо натравливать одних на других и ни в коем случае не допускать единства, союза и братского единения". Это необходимо понять всем участникам сложной югославской войны за Европу, чтобы она не стала окончательно войной против Европы.

5.8 Сербия – это Россия

Важность югославских событий еще и в том, что на примере небольшой балканской страны как бы проигрывается сценарий гигантской континентальной войны, которая может вспыхнуть в России. Все геополитические силы, участвующие в балканском конфликте, имеют свои аналоги и в России, только в несравнимо большем пространственном объеме. Хорваты и словенцы, стремящие ся войти в Среднюю Европу, имеют своими геополитиче скими синонимами украинцев, хотя сродненность этих последних с Великороссией датируется не несколькими десятилетиями, а несколькими

столетиями, и конфессиональных трений, кроме униатов и украинских католиков, здесь не существует. Как бы то ни было, судя по определенным тенденциям, некоторые силы Киева начинают "тяготиться русским Востоком" и стремятся сблизиться с европейским пространством, экономически контролируемым Германией. Русские и другие нации, проживающие на Украине, могут стать заложниками "срединно-европейской" политики этих республик, и в этом случае их судьба будет подобна судьбе сербов в Хорватии.

Такое сопоставление, кроме всего прочего, показыва ет, что в геополитических и дипломатических отношениях с Украиной и Белоруссией Россия должна руководствоваться своим фундаментальным пониманием проблемы Средней Европы, т.е. в первую очередь, Германии. Чтобы быть реалистами в этом вопросе, следует исходить при его решении не из патетических лозунгов о "единстве кровных братьев славян" (каким бывает это "единство" можно убедиться на примере сербо-хор ватской резни), а из глубокого анализа логики русско-немецких отношений, так как и Украина, и даже Польша это не самостоятельные геополитические образования, но лишь пограничные регионы двух Больших Пространств Евразии-России и Средней Европы. Нельзя забывать и о том, что конфликт в этой пограничной зоне чрезвычайно выгоден и другой геополитической силе Западу. Ведь не случайно англосаксонская дипломатия всегда рассматривала все территории от Румынии до Прибалтики, как "санитарный пояс", предохраняю щий Запад (и особенно англосаксонский мир) от крайне нежелательного для него русско-германского союза.

Сербо-мусульманский конфликт является аналогом возможного русско-исламского противостояния в Средней Азии и на Кавказе, и важно заметить, что и в этом случае мусульманские республики, входившие в состав СССР, являются зоной конкурентного геополитического влияния Турции и Ирана. Как и в случае с югославски ми мусульманами, это сравнение показывает, что республики, ориентированные на Иран, имеют больше шансов прийти к геополитической гармонии с основным русским блоком евразийского континента. И напротив, геополитический фактор Турции, в настоящее время выполняющей роль проводника атлантистской политики в этом регионе, с необходимостью сопряжен с драматиче скими и конфликтными ситуациями.

На примере Югославии видно, что грозит России в случае аналогичного хода событий, а тот факт, что эти события действительно разворачиваются в одном и том же русле, сегодня ни у кого более не вызывает сомнения. Вся разница лишь в скорости, которая тем больше, чем меньше пространство и малочисленнее народы. Чтобы не допустить в России гигантской "Югославии", чудовищной по масштабам и последствиям кровавой бойни, надо заранее дать ответ на фундаментальные геополитические вопросы, определить русскую континенталь ную стратегию, которая должна руководствоваться знанием русской политической традиции и пониманием основных геополитических задач России- Евразии, "географической Оси Истории". При этом инерция, пассивное следование за фатальным ходом событий будут не только разрушительными для всей системы континенталь ной безопасности, но и чреватыми гибелью всего человечества.

Глава 6. От сакральной географии к геополитике

6.1 Геополитика - "промежуточная" наука

Геополитические концепции давно стали важнейши ми факторами современной политики. Они строятся на общих принципах, позволяющих легко проанализировать ситуацию любой отдельной страны и любого отдельного региона.

Геополитика в том виде, в котором она существует сегодня наука безусловно светская, "профаническая", секуляризированная. Но, быть может, именно она среди всех остальных современных наук сохранила в себе наибольшую связь с Традицией и с традиционными науками. Рене Генон говорил, что современная химия является результатом десакрализации традиционной науки алхимии, а современная физика магии. Точно так же можно сказать, что современная геополитика есть продукт секуляризации, десакрализации другой традицион ной науки сакральной географии. Но поскольку геополитика занимает особое место среди современных наук, и ее часто причисляют к "псевдонаукам", то ее профанизация не является столь же совершенной и необратимой, как в случае химии или физики. Связи с сакральной географией видны здесь довольно отчетливо. Поэтому можно сказать, что геополитика занимает промежуточное положение между традиционной наукой (сакральной географией) и наукой профанической.

6.2 Суша и море

Два изначальных понятия в геополитике суша и море. Именно эти две стихии Земля и Вода - лежат в основе качественного представления человека о земном пространстве. В переживании суши и моря, земли и воды человек входит в контакт с фундаментальными аспектами своего существования. Суша это стабиль ность, плотность, фиксированность, пространство как таковое. Вода это подвижность, мягкость, динамика, время.

Эти две стихии суть наиболее очевидные проявления вещественной природы мира. Они вне человека: все плотное и жидкое. Они и внутри его: тело и кровь. (То же и на клеточном уровне.)

Универсальность переживания земли и воды порождает традиционную концепцию Тверди Небесной, т.к. наличие Верхних Вод (источника дождя) на небе предполагает и наличие симметричного и обязательного элемента земли, суши, небесной твердыни. Как бы то ни было, Земля, Море, Океан суть главные категории земного существования, и человечество не может не видеть в них неких основных атрибутов мироздания. Как два основных термина геополитики они сохраняют свое значение и для цивилизаций традиционного типа, и для сугубо современных государств, народов и идеологиче ских блоков. На уровне глобальных геополитических феноменов Суша и Море породили термины: талассокра тия и теллурократия, т.е. "могущество посредством моря" и "могущество посредством суши".

Всякое государство, всякая империя основывает свою силу на предпочтительном развитии одной из этих категорий. Империи бывают либо "талассократическими", либо "теллурократическими". Первое предполагает наличие метрополии и колоний, второе столицу и провинции на "общей суше". В случае "талассократии" ее территории не объединены в одном пространстве суши, что создает фактор прерывистости. Море это и

сильное и слабое место "талассократического могущества". "Теллурократия", напротив, обладает качеством территори альной непрерывности.

Но географическая и космологическая логика сразу же усложняют вроде бы простую схему этого разделения: пара "земля море" при наложении друг на друга ее элементов дает идеи "морской земли" и "земной воды". Морская земля это остров, т.е. основа морской империи, полюс талассократии. Земная вода или вода суши это реки, которые предопределяют развитие империи сухопутной. Именно на реке располагаются города, а значит, и столица, полюс теллурократии. Эта симметрия является и символической и хозяйственно-эко номической и географической одновременно. Важно заметить, что статус Острова и Континента определяется не столько на основании их физической величины, сколько на основании специфики типичного сознания населения. Так, геополитика США носит островной характер, несмотря на размеры Северной Америки, а островная Япония геополитически представляет собой пример континентального менталитета и т.д.

Важна и еще одна деталь: исторически талассокра тия связана с Западом и Атлантическим океаном, а теллурократия с Востоком и евразийским континентом. (Приведенный выше пример Японии объясняется, таким образом, более сильным "притяжением", влиянием Евразии.)

Талассократия и атлантизм стали синонимами задолго до колониальной экспансии Великобритании или португало-испанских завоеваний. Еще до начала волны морских миграций народы Запада и их культуры начали движение на Восток из центров, расположенных в Атлантике. Средиземноморье также осваивалось от Гибралтара к Ближнему Востоку, а не наоборот. И напротив, раскопки в Восточной Сибири и Монголии показывают, что именно здесь существовали древнейшие очаги цивилизации, а значит, именно центральные земли континента были колыбелью евразийского человечества.

6.3 Символизм ландшафта

Помимо двух глобальных категорий Суша и Море геополитика оперирует и с более частными определе ниями. Среди талассократических реальностей разделяются морские и океанические образования. Так, цивилизация морей, например, Черного или Средиземного, весьма отличается по своему качеству от цивилизации океанов, т.е. островных держав и народов, населяющих берега открытых океанов. Более частным делением являются также речные и озерные цивилизации, связанные с континентами.

Теллурократия также имеет свои специфические формы. Так, можно различить цивилизацию Степи и цивилизацию Леса, цивилизацию Гор и цивилизацию Долин, цивилизацию Пустыни и цивилизацию Льда. Разновид ности ландшафта в сакральной географии понимаются как символические комплексы, связанные со спецификой государственной, религиозной и этической идеологии тех или иных народов. И даже в том случае, когда мы имеем дело с универсалистской эйкуменистической религией, все равно ее конкретное воплощение в том или ином народе, расе, государстве будет подвержено адаптации в соответствии с локальным сакрально-гео графическим контекстом.

Пустыни и степи являются геополитическим микрокосмом кочевников. Именно в пустынях и степях теллурократические тенденции достигают своего пика, поскольку фактор "воды" здесь сведен к минимуму. Именно империи Пустыни и Степи логически должны быть геополитическим плацдармом теллурократии.

Образцом империи Степи можно считать империю Чингисхана, а характерным примером империи Пустыни арабский халифат, возникший под непосредственным воздействием кочевников.

Горы и цивилизации гор чаще всего представляют собой архаические, фрагментарные образования. Горные страны не только не являются источниками экспансии, но наоборот, к ним стягиваются жертвы геополитиче ской экспансии других теллурократических сил. Ни одна империя не имеет своим центром горные районы. Отсюда столь часто повторяющийся мотив сакральной географии: "горы населены демонами". С другой стороны, идея сохранения в горах остатков древних рас и цивилизаций отражена в том, что именно в горах расположе ны сакральные центры традиции. Можно даже сказать, что в теллурократии горы соотносятся с некоей духовной властью.

Логическим сочетанием обеих концепций гор как образа жреческого и равнины как образа царственного стала символика холма, т.е. небольшой или средней возвышенности. Холм символ царской власти, возвышающейся над светским уровнем степи, но не выходящей за пределы державных интересов (как это имеет место в случае гор). Холм место пребывания короля, герцога, императора, но не жреца. Все столицы крупных теллурократических империй расположены на холме или на холмах (часто на семи по числу планет; на пяти по числу стихий, включая эфир и т.д.).

Лес в сакральной географии, в определенном смысле, близок к горам. Сама символика дерева родственна символике горы (и то, и другое обозначает ось мира). Поэтому лес в теллурократии также выполняет периферий ную функцию это также "место жрецов" (друиды, волхвы, отшельники), но одновременно и "место демонов", т.е. архаических остатков исчезнувшего прошлого. Лесная зона также не может быть центром сухопутной империи.

Тундра представляет собой северный аналог степи и пустыни, однако холодный климат делает ее гораздо менее значимой с геополитической точки зрения. Эта "периферийность" достигает своего апогея во льдах, которые, подобно горам, являются зонами глубокой архаики. Показательно, что шаманская традиция у эскимосов предполагает одинокое удаление во льды, где будущему шаману открывается потусторонний мир. Таким образом, льды зона жреческая, преддверие иного мира.

Учитывая эти первоначальные и самые общие характеристики геополитической карты, можно определить различные регионы планеты в соответствии с их сакральным качеством. Этот метод применим и к локальным особенностям ландшафта на уровне отдельной страны или даже отдельной местности. Можно также проследить сходство идеологий и традиций у самых, казалось бы, различных народов в том случае, если одинаков коренной ландшафт их обитания.

6.4 Восток и Запад в сакральной географии

Стороны Света в контексте сакральной географии имеют особую качественную характеристику. В различных традициях и в различные периоды этих традиций картина сакральной географии может меняться в соответст вии с циклическими фазами развития данной традиции. При этом часто варьируется и символическая функция Сторон Света. Не вдаваясь в подробности, можно сформулировать наиболее универсальный закон сакральной географии применительно к Востоку и Западу.

Восток в сакральной географии на основании "космического символизма" традиционно считается "землей Духа", землей рая, землей полноты, изобилия, "родиной" Сакрального в наиболее полном и совершенном виде. В частности, эта идея имеет свое отражение в тексте Библии, где речь идет о восточном расположении "Эдема". Точно такое понимание свойственно и другим авраами ческим традициям (исламу и иудаизму), а также многим неавраамическим традициям китайской, индуистской и иранской. "Восток это обитель богов", гласит сакральная формула древних египтян, и само слово "восток" (по-египетски "нетер") означало одновременно и "бога". С точки зрения природного символизма, Восток место, где восходит, "вос-текает" солнце, Свет Мира, материальный символ Божества и Духа.

Запад имеет прямо противоположный символический смысл. Это "страна смерти", "мир мертвых", "зеленая страна" (как называли ее древние египтяне). Запад "царство изгнания", "колодец отчуждения", по выражению исламских мистиков. Запад это "анти-Восток", страна "заката", упадка, деградации, перехода из проявлен ного в непроявленное, из жизни в смерть, от полноты к нищете и т.д. Запад место, где заходит солнце, где оно "за- падает".

В соответствии с данной логикой естественного космического символизма древние традиции организовыва ли свое "священное пространство", основывали свои культовые центры, погребения, храмы и постройки, осмысливали природные и "цивилизационные" особенности географических, культурных и государственных территорий планеты. Таким образом, сама структура миграций, войн, походов, демографических волн, импеpостроитель ства и т.д. определялась изначальной, парадигматиче ской логикой сакральной географии. По оси Восток-Запад выстраивались народы и цивилизации, обладавшие иерархическими характеристиками чем ближе к Востоку, тем ближе к Сакральному, к Традиции, к духовному изобилию. Чем ближе к Западу, тем больше упадок, деградация и омертвление Духа.

Конечно, эта логика не была абсолютной, но в то же время, не была она и второстепенной и относительной как ошибочно считают сегодня многие "профаниче ские" исследователи древних религий и традиций. На самом деле, сакральная логика и следование космиче скому символизму были намного более осознанными, осмысленными и действенными у древних народов, нежели это принято считать сегодня. И даже в нашем антисакральном мире, на уровне "бессознательного" почти всегда архетипы сакральной географии сохраняются в целостности и пробуждаются в самые важные и критические моменты социальных катаклизмов.

Итак, сакральная география утверждает однозначно закон "качественного пространства", в котором Восток представляет собой символический "онтологический плюс", а Запад "онтологический минус".

Согласно китайской традиции, Восток это ян, мужской, световой, солнечный принцип, а Запад это инь, женский, темный, лунный принцип.

6.5 Восток и Запад в современной геополитике

Теперь посмотрим, как эта сакрально-географическая логика отражается в геополитике, которая, будучи наукой сугубо современной, фиксирует лишь фактическое положение дел, оставляя за кадром сами сакральные принципы.

Геополитика в ее изначальной формулировке у Ратцеля, Челлена и Макиндера (а позже у Хаусхофера и русских евразийцев) отталкивалась как раз от особенно стей различных типов цивилизаций и государств в зависимости от их географического расположения. Геополитики зафиксировали факт фундаментальной разницы между "островными" и "континентальными" державами, между "западной", "прогрессивной" цивилизацией и "восточной", "деспотической" и "архаической" культурной формой. Поскольку вопрос о Духе в его метафизическом и сакральном понимании в современной науке вообще никогда не ставится, то геополитики оставляют его в стороне, предпочитая оценивать ситуацию в других, более современных терминах, нежели понятия "сакраль ного" и "профанического", "традиционного" и "антитра диционного" и т.д.

Геополитики фиксируют принципиальное различие государственного, культурного и индустриального развития регионов Востока и регионов Запада в последние века. Картина получается следующая. Запад является центром "материального" и "технологического" развития. На культурно-идеологическом уровне в нем преобладают "либерально-демократические" тенденции, индивидуали стическое и гуманистическое мировоззрение. На экономическом уровне приоритет отдается торговле и технической модернизации. Именно на Западе впервые появились теории "прогресса", "эволюции", "поступательного развития истории", совершенно чуждые традиционному миру Востока (и тем периодам истории Запада, когда и на нем существовала полноценная сакральная традиция, как, в частности, это имело место в Средневековье). Принуждение на социальном уровне на Западе приобретало чисто экономический характер, а Закон Идеи и Силы сменялся Законом Денег. Постепенно специфика "идеологии Запада" отлилась в универсальную формулу "идеологии прав человека", которая стала доминирующим принципом самого западного региона планеты Северной Америки, и в первую очередь, США. На индустри альном уровне этой идеологии соответствовала идея "развитых стран", а на экономическом уровне концепция "свободного рынка", "экономического либерализма". Вся совокупность этих характеристик с добавлением чисто военного, стратегического объединения разных секторов цивилизации Запада определяется сегодня понятием "атлантизм". В прошлом веке геополитики говорили об "англосаксонском типе цивилизации" или о "капиталисти ческой, буржуазной демократии". В этом "атлантистском" типе нашла свое наиболее чистое воплощение формула "геополитического Запада".

Геополитический Восток представляет собой прямую противоположность геополитическому Западу. Вместо модернизации экономики на нем преобладают традицион ные, архаические формы производства корпоративного, цехового типа ("развивающиеся страны"). Вместо экономического принуждения государство пользуется чаще всего "нравственным" или просто физическим принуждени ем (Закон Идеи и Закон Силы). Вместо "демократии" и "прав человека" Восток тяготеет к тоталитаризму, социализму и авторитаризму, т.е. к различным типам социальных режимов, единых лишь в том, что в центре их систем стоит не "индивидуум", "человек" со своими "правами" и своими сугубо "индивидуальными ценностями", но нечто внеиндивидуальное, внечеловеческое будь-то "общество", "нация", "народ", "идея", "мировоз зрение", "религия", "культ вождя" и т.д. Западной либеральной демократии Восток противопоставлял самые различные типы нелиберальных, неиндивидуалистиче ских обществ от авторитарных монархий до теократии или социализма. Причем, с чисто типологической, геополитической точки зрения, политическая специфика того или иного режима была вторичной по сравнению с качественным делением на "западный" (= "индивидуа листически-торговый") строй и на строй "восточный" (= "внеиндивидуалистически-силовой"). Типичными формами такой антизападной

цивилизации являлись СССР, коммунистический Китай, Япония до 1945-го года или Иран Хомейни.

Любопытно заметить, что Рудольф Челлен, автор, впервые употребивший сам термин "геополитика", так иллюстрировал различие между Западом и Востоком . "Типичная приговорка американца , писал Челлен, это "go ahead", что дословно означает "вперед". В этом отражается внутренний и естественный геополитический оптимизм и "прогрессизм" американской цивилизации, являющейся предельной формой западной модели. Русские же обычно повторяют слово "ничего" (по-русски в тексте Челлена А.Д.). В этом проявляются "пессимизм", "созерцательность", "фатализм" и "приверженность традиции", свойственные Востоку".

Если вернуться теперь к парадигме сакральной географии, то мы увидим прямое противоречие между приоритетами современной геополитики (такие понятия, как "прогресс", "либерализм", "права человека", "торговый строй" и т.д., стали сегодня для большинства положительными терминами) и приоритетами сакральной географии, оценивающей типы цивилизации с совершенно противоположной точки зрения (такие понятия, как "дух", "созерцание", "покорность сверхчеловеческой силе или сверхчеловеческой идее", "идеократия" и т.д. в сакральной цивилизации были сугубо позитивными и до сих пор остаются таковыми для народов Востока на уровне их "коллективного бессознательного"). Таким образом, современная геополитика (за исключением русских евразийцев, германских последователей Хаусхофера, исламских фундаменталистов и т.д.) оценивает картину мира прямо противоположным образом, нежели традиционная сакральная география. Но при этом обе науки сходятся в описании фундаментальных закономерностей географической картины цивилизации.

6.6 Сакральный Север и сакральный Юг

Помимо сакрально-географического детерминизма по оси Восток-Запад крайне важной является проблема другой, вертикальной, оси ориентаций оси Север-Юг. Здесь, как и во всех остальных случаях, принципы сакральной географии, символизм сторон света и соответствующих им континентов имеют прямой аналог в геополитической картине мира, которая или складывается естественно в ходе исторического процесса, или осознан но и искусственно конструируется в результате целенаправленных действий лидеров тех или иных геополити ческих образований. С точки зрения "интегрального традиционализма", разница между "искусственным" и "естественным" вообще весьма относительна, так как Традиция никогда не знала ничего похожего на картезиан ский или кантианский дуализм, строго разводящий между собой "субъективное" и "объективное" ("феноменаль ное" и "ноуменальное"). Поэтому сакральный детерминизм Севера или Юга не есть только физический, природный, ландшафтно-климатический фактор (т.е. нечто "объективное") или только "идея", "концепция", порожденная умами тех или иных индивидуумов (т.е. нечто "субъективное"), но нечто третье, превосходящее и объективный и субъективный полюс. Можно сказать, что сакральный Север, архетип Севера, в истории раздваивается на северный природный ландшафт, с одной стороны, и на идею Севера, "нордизм", с другой стороны.

Наиболее древний и изначальный пласт Традиции однозначно утверждает примат Севера над Югом. Символизм Севера имеет отношение к Истоку, к изначальному нордическому раю, откуда берет начало вся человече ская цивилизация. Древнеиранские и зороастрийские тексты говорят о северной стране "Арьяне Ваэджа" и ее столице "Вара", откуда древние арии были изгнаны оледенением, которое наслал на них Ахриман, дух Зла

и противник светлого Ормузда. Древние Веды тоже говорят о Северной стране как о прародине индусов, о Света-двипа, Белой Земле, лежащей на крайнем севере.

Древние греки говорили о Гиперборее, северном острове со столицей Туле. Эта земля считалась родиной светоносного бога Аполлона. И во многих других традициях можно обнаружить следы древнейшего, часто забытого и ставшего фрагментарным, нордического символизма. Основной идеей, традиционно связанной с Севером, является идея Центра, Неподвижного Полюса, точки Вечности, вокруг которой вращается не только простран ство, но и время, цикл. Север это земля, где солнце не заходит даже ночью, пространство вечного света. Всякая сакральная традиция почитает Центр, Середину, точку, где сходятся противоположности, символическое место, которое не подлежит законам космической энтропии. Этот Центр, символом которого является Свастика (подчеркивающая неподвижность и постоянство Центра и подвижность и изменчивость периферии), в каждой традиции именовался по-разному, но всегда он прямо или косвенно связывался с символизмом Севера. Поэтому можно сказать, что все сакральные традиции суть проекции Единой Северной Примордиальной Традиции, адаптированные к тем или иным историческим условиям. Север сторона Света, избранная изначальным Логосом для того, чтобы проявить себя в Истории, и всякое последующее его проявление лишь восстанавли вало изначальный полярно-райский символизм.

Сакральная география соотносит Север с духом, светом, чистотой, полнотой, единством, вечностью.

Юг символизирует нечто прямо противоположное материальность, тьму, смешение, лишенность, множественность, погруженность в поток времени и становле ния. Даже с природной точки зрения, в полярных областях существует один длинный полугодовой День и одна длинная полугодовая Ночь. Это День и Ночь богов и героев, ангелов. Даже деградировавшие традиции помнили об этой сакральной, духовной, сверхъесте ственной стороне Севера, считая северные регионы обителью "духов" и "потусторонних сил". На Юге День и Ночь богов раскалываются на множество человеческих суток, изначальный символизм Гипербореи утрачивает ся, и воспоминание о нем становится фактором "культуры", "предания". Юг вообще часто соотносится с культурой, т.е. с той сферой человеческой деятельности, где Невидимое и Чисто Духовное приобретает свои материальные, огрубленные, зримые очертания. Юг это царство материи, жизни, биологии и инстинктов. Юг разлагает северную чистоту Традиции, но сохраняет в материализованном виде ее следы.

Пара Север-Юг в сакральной географии не сводится к абстрактному противопоставлению Добра и Зла. Это, скорее, противостояние Духовной Идеи и ее огрубленного, материального воплощения. В нормальном случае при признанном Югом примате Севера между этими сторона ми света существуют гармоничные отношения Север "одухотворяет" Юг, нордические посланцы дают южанам Традицию, закладывают фундаменты сакральных цивилизаций. Если Юг отказывается от признания примата Севера, начинается сакральное противостояние, "война континентов", причем, с точки зрения традиции, именно Юг ответственен за этот конфликт своим преступлением священных норм. В "Рамаяне", к примеру, южный остров Ланка считается обителью демонов, похитивших жену Рамы, Ситу и объявивших войну континентальному Северу со столицей Айодхья.

При этом важно отметить, что ось Север-Юг в сакральной географии является более важной, нежели ось Восток-Запад. Но будучи более важной, она соотносится с наиболее древними этапами циклической истории. Великая война Севера и Юга, Гипербореи и

Гондваны (древнего палеоконтинента Юга) относится к "допотопным" временам. В последних фазах цикла она становится более скрытой, завуалированной. Исчезают и сами древние палеоконтиненты Севера и Юга. Эстафета противостояния переходит к Востоку и Западу.

Смена вертикальной оси Север-Юг на горизонталь ную Восток-Запад, характерная для последних этапов цикла, тем не менее, сохраняет логическую и символи ческую связь между двумя этими сакрально-географиче скими парами. Пара Север-Юг (т.е. Дух- Материя, Вечность-Время) проецируется на пару Восток-Запад (т.е. Традиция и Профанизм, Исток и Закат). Восток есть горизонтальная проекция Севера вниз. Запад горизонтальная проекция Юга вверх. Из такого переноса сакральных смыслов можно легко получить структуру континентального видения, свойственного Традиции.

6.7 Люди Севера

Сакральный Север определяет особый человеческий тип, который может иметь свое биологическое, расовое воплощение, но может и не иметь его. Сущность "нордизма" заключается в способности человека возводить каждый предмет физического, материального мира к его архетипу, к его Идее. Это качество не есть простое развитие рационального начала. Напротив, картезианский и кантианский "чистый рассудок" как раз и не способен естественным образом преодолеть тонкую грань между "феноменом" и "ноуменом", но именно эта способность лежит в основе "нордического" мышления. Человек Севера это не просто белый, "ариец" или индоевропеец по крови, языку и культуре. Человек Севера это специфический тип существа, наделенного прямой интуицией Священного. Для него космос это ткань из символов, каждый из которых указует на скрытый от глаз Духовный Первопринцип. Человек Севера это "солнечный человек", Sonnenmensch, не поглощающий энергию, как черное вещество, а выделяющий ее, изливаю щий из своей души потоки созидания, света, силы и мудрости.

Чисто нордическая цивилизация исчезла вместе с древней Гипербореей, но именно ее посланцы заложили основы всех существующих традиций. Именно эта нордическая "раса" Учителей стояла у истоков религий и культур народов всех континентов и цветов кожи. Следы гиперборейского культа можно найти и у индейцев Северной Америки, и у древних славян, и у основателей китайской цивилизации, и у тихоокеанских аборигенов, и у белокурых германцев, и у черных шаманов западной Африки, и у краснокожих ацтеков, и у скуластых монголов. Нет такого народа на планете, который не имел бы мифа о "солнечном человеке", Sonnenmensch. Истинный духовный, сверхрациональный Ум, божественный Логос, способность видеть сквозь мир его тайную Душу это определяющие качества Севера. Там, где есть Священная Чистота и Мудрость, там незримо присутствует Север, независимо от того, в какой временной или пространственной точке мы находимся.

6.8 Люди Юга

Человек Юга, гондванический тип это прямая противоположность "нордическому" типу. Человек Юга живет в окружении следствий, вторичных проявлений; он пребывает в космосе, который он почитает, но не понимает . Он поклоняется внешнему, но не внутреннему. Он бережно сохраняет следы духовности, ее воплощения в материальной среде, но не способен перейти от символи зирующего к символизируемому. Человек Юга живет страстями и порывами, он ставит душевное выше духовного (которого просто не знает) и почитает Жизнь как высшую инстанцию. Для человека Юга характерен культ

Великой Матери, материи, порождающей многообразие форм. Цивилизация Юга цивилизация Луны, получающей свой свет от Солнца (Севера), сохраняющей и передающей его некоторое время, но периодически теряющей с ним контакт (новолуние). Человек Юга Mondmensch.

Когда люди Юга пребывают в гармонии с людьми Севера, т.е. признают их авторитет и их типологиче ское (а не расовое) превосходство, царит цивилизацион ная гармония. Когда они претендуют на главенство своего архетипического отношения к реальности, возника ет искаженный культурный тип, который можно определить совокупно как идолопоклонничество , фетишизм или язычество (в негативном, уничижительном смысле этого термина).

Как и в случае с палеоконтинентами, чистые северные и южные типы существовали только в глубокой древности. Люди Севера и люди Юга противостояли друг другу в изначальные эпохи. Позже целые народы Севера проникали в южные земли, основывая подчас ярко выраженные "нордические" цивилизации древний Иран, Индия. С другой стороны, южане иногда заходили далеко на Север, неся свой культурный тип финны, эскимосы, чукчи и т.д. Постепенно изначальная ясность сакрально-географической панорамы замутнялась. Но несмотря ни на что типологический дуализм "людей Севера" и "людей Юга" сохранялся во все времена и во все эпохи, но не столько как внешний конфликт двух разных цивилизаций, а как внутренний конфликт в рамках одной и той же цивилизации. Тип Севера и тип Юга, начиная с некоторого момента сакральной истории, противостоят друг другу повсюду, независимо от конкретного места планеты.

6.9 Север и Юг на Востоке и на Западе

Тип людей Севера мог проецироваться и на Юг, и на Восток, и на Запад. На Юге Свет Севера порождал великие метафизические цивилизации , подобные индийской, иранской или китайской, которые в ситуации "консервативного" Юга надолго сохраняли вверенное им Откровение. Однако простота и ясность северного символизма превращалась здесь в сложные и разнообразные хитросплетения сакральных доктрин, ритуалов и обрядов. Однако, чем дальше к Югу, тем слабее следы Севера. И у жителей тихоокеанских островов и южной Африки "нордические" мотивы в мифологии и ритуалах сохраняются в предельно фрагментарной, рудиментарной и даже искаженной форме.

На Востоке Север проявляется как классическое традиционное общество , основанное на однозначном превосходстве сверхиндивидуального над индивидуальным, где "человеческое" и "рациональное" стирается перед лицом сверхчеловеческого и сверхрационального Принципа. Если Юг дает цивилизации характер "устойчивости", то Восток определяет ее сакральность и подлинность, главным гарантом которых является Свет Севера.

На Западе Север проявлялся в героических обществах , где свойственная Западу как таковому тенденция к дробности, индивидуализации и рационализации преодолевала саму себя, и индивидуум, становясь Героем, выходил за узкие рамки "человеческой- слишком-человече ской" личности. Север на Западе персонифицирован символической фигурой Геракла, который, с одной стороны, освобождает Прометея (чисто западная, богоборче ская, "гуманистическая" тенденция), а с другой помогает Зевсу и богам победить восставших на них гигантов (т.е. служит на благо сакральным нормам и духовному Порядку).

Юг, напротив, проецируется на все три ориентации прямо противоположным образом. На Севере он дает эффект "архаизма" и культурной стагнации . Даже сами северные, "нордические" традиции под воздействием южных, "палеоазиатских", "финских" или "эскимосских" элементов приобретают характер "идолопоклонничества" и "фетишизма". (Это, в частности, характерно, для германо-скандинавской цивилизации "эпохи скальдов".)

На Востоке силы Юга проявляются в деспотических обществах , где нормальное и справедливое восточное безразличие к индивидуальному переходит в отрицание великого Сверхчеловеческого Субъекта. Все формы тоталитаризма Востока и типологически и расово связаны с Югом.

И наконец, на Западе Юг проявляется в предельно грубых, материалистических формах индивидуализма , когда атомарные индивидуумы доходят до предела антигероического вырождения, поклоняясь лишь "золотому тельцу" комфорта и эгоистического гедонизма. Очевидно, что именно такое сочетание двух сакрально-геополи тических тенденций дает самый отрицательный тип цивилизации, так как в нем друг на друга накладываются две ориентации, уже сами по себе негативные Юг по вертикали и Запад по горизонтали.

6.10 От континентов к метаконтинентам

Если в перспективе сакральной географии символиче ский Север однозначно соответствует позитивным аспектам, а Юг негативным, то в сугубо современной геополитической картине мира все обстоит намного сложнее, и в некоторым образом, даже наоборот. Современ ная геополитика под термином "Север" и "Юг" понимает совершенные иные категории, нежели сакральная география.

Во-первых, палеоконтинент Севера, Гиперборея, уже много тысячелетий не существует на физическом уровне, оставаясь спиритуальной реальностью, на которую направлен духовный взгляд посвященных, взыскующих изначальной Традиции.

Во-вторых, древняя нордическая раса, раса "белых учителей", пришедших с полюса в примордиальную эпоху, отнюдь не совпадает с тем, что принято называть сегодня "белой расой", основываясь лишь на физических характеристиках, на цвете коже и т.д. Север Традиции и его изначальное население, "нордические автохтоны" давно уже не представляют собой конкретную историко-географическую реальность. Судя по всему, даже последние остатки этой примордиальной культуры исчезли из физической реальности уже несколько тысячелетий тому назад.

Таким образом, Север в Традиции это метаистори ческая и метагеографическая реальность. То же самое можно сказать и о "гиперборейской расе" она является "расой" не в биологическом, но в чисто спиритуаль ном, метафизическом смысле. (Тема "метафизических рас" была подробно развита в трудах Юлиуса Эволы).

Континент Юга и в целом Юг Традиции тоже давно уже не существует в чистом виде, равно как и его древнейшее население. В определенном смысле, "Югом" с некоторого момента стала практически вся планета, по мере того, как сужалось влияние на мир изначального полярного инициатического центра и его посланцев. Современные расы Юга представляют собой продукт многочисленных смешений с расами Севера, и цвет кожи давно уже перестал являться главным отличительным признаком принадлежности к той или иной "метафизи ческой расе".

Иными словами, современная геополитическая картина мира имеет очень мало общего с принципиальным видением мира в его сверх-историческом, надвременном срезе. Континенты и их население в нашу эпоху предельно удалились от тех архетипов, которые им соответствовали в примордиальные времена. Поэтому между реальными континентами и реальными расами (как реальностями современной геополитики), с одной стороны, и метаконтинентами и метарасами (как реальностя ми традиционной сакральной географии), с другой стороны, сегодня существует не просто различие, но почти обратное соответствие.

6.11 Иллюзия "богатого Севера"

Современная геополитика использует понятие "север" чаще всего с определением "богатый" "богатый Север", а также "развитый Север". Под этим понимается вся совокупность западной цивилизации, уделяющей основное внимание развитию материальной и экономиче ской стороны жизни. "Богатый Север" богат не потому, что он более умен, более интеллектуален или духовен, нежели "Юг", но потому, что он строит свою обществен ную систему на принципе максимализации материаль ной выгоды, которую можно извлечь из общественного и природного потенциала, из эксплуатации человеческих и естественных ресурсов. "Богатый Север" расовым образом связан с теми народами, которые имеют белый цвет кожи, и эта особенность лежит в основе разнообразных версий явного или скрытого "западного расизма" (в особенности англо- саксонского). Успехи "богатого Севера" в материальной сфере были возведены в политический и даже "расовый" принцип именно в тех странах, которые стояли в авангарде индустриального, технического и экономического развития т.е. Англии, Голландии, а позже Германии и США. В данном случае, материальное и количественное благосостояние было приравнено к качественному критерию, и на этой базе развились самые нелепые предрассудки о "варварстве", "примитивности", "недоразвитости" и "недочеловечности" южных (т.е. не принадлежащих к "богатому Северу") народов. Такой "экономический расизм" особенно наглядно проявился в англосаксонских колониальных завоеваниях, а позднее его приукрашенные версии вошли в наиболее грубые и противоречивые аспекты национал-социалистической идеологии. Причем часто нацистские идеологи просто смешивали смутные догадки о чисто "спиритуальном нордизме" и "духовной арийской расе" с вульгарным, меркантильным, биологически-торговым расизмом английского образца. (Кстати, именно эта подмена категорий сакральной географии категориями материально-техни ческого развития и была самой негативной стороной национал-социализма, приведшей его, в конце концов, к политическому, теоретическому и даже военному краху). Но и после поражения Третьего Райха этот тип расизма "богатого Севера" отнюдь не исчез из политиче ской жизни. Однако его носителями стали в первую очередь США и их атлантистские сотрудники в Западной Европе. Конечно, в новейших мондиалистских доктринах "богатого Севера" вопрос биологической и расовой чистоты не акцентируется, но, тем не менее, на практике в отношении к неразвитым и развивающимся странам Третьего мира "богатый Север" и сегодня проявляет чисто "расистское" высокомерие, характерное как для колониалистов-англичан, так и для немецких национал -социалистических ортодоксов линии Розенберга.

На самом деле, "богатый Север" геополитически означает те страны, в которых победили силы, прямо противоположные Традиции, силы количества, материализ ма, атеизма, духовной деградации и душевного вырождения. "Богатый Север" означает нечто радикально отличное от "духовного нордизма", от "гиперборейского духа". Сущность Севера в сакральной географии это примат духа над материей, окончательная и тотальная

победа Света, Справедливости и Чистоты над тьмой животной жизни, произволом индивидуальных пристрастий и грязью низкого эгоизма. "Богатый Север" мондиалист ской геополитики, напротив, означает сугубо материальное благополучие, гедонизм, общество потребления, беспроблемный и искусственный псевдорай тех, кого Ницше назвал "последними людьми". Материальный прогресс технической цивилизации сопровождался чудовищным духовным регрессом истинно сакральной культуры, и поэтому, с точки зрения Традиции, "богатство" современного "развитого" Севера не может служить критерием подлинного превосходства над материальной "бедностью" и технической отсталостью современного "примитивного Юга".

Более того, "бедность" Юга на материальном уровне очень часто обратным образом связана с сохранением в южных регионах подлинно сакральных форм цивилиза ции, а значит, за этой "бедностью" подчас скрывается духовное богатство. По меньшей мере, две сакральные цивилизации продолжают существовать в пространст вах Юга и до сегодняшнего дня, несмотря на все попытки "богатого (и агрессивного) Севера" навязать всем свои собственные мерки и пути развития. Это индуистская Индия и исламский мир. В отношении дальневосточной традиции существуют различные точки зрения, так как некоторые усматривают даже под покровом "марксист ской" и "маоистской" риторики некоторые традицион ные принципы, которые всегда были определяющими для китайской сакральной цивилизации. Как бы то ни было, даже те южные регионы, которые населены народами, сохраняющими приверженность очень древним и полузабытым сакральным традициям, все равно в сравнении с атеизированным и предельно материалистическим "богатым Севером" представляются "духовными", "полноценными" и "нормальными", тогда как сам "богатый Север", со спиритуальной точки зрения, совершенно "анормален" и "патологичен".

6.12 Парадокс "Третьего мира"

"Бедный Юг" в мондиалистских проектах является фактически синонимом "Третьего мира". "Третьим" этот мир был назван в период холодной войны, и само это понятие предполагало, что первые два "мира" развитый капиталистический и менее развитый советский являются более важными и значимыми для глобальной геополитики, нежели все остальные регионы. В принципе, выражение "Третий мир" носит уничижительный смысл, так как по самой логике утилитарного подхода "богатого Севера" подобное определение фактически приравнивает страны "Третьего мира" к "ничейным" базам природных и человеческих ресурсов, которые следует лишь подчинять, эксплуатировать и использовать в своих целях. При этом "богатый Север" умело играл на традиционных политико-идеологических и религиозных особенностях "бедного Юга", стараясь поставить на службу своим сугубо материалистическим и экономическим интересам те силы и структуры, которые по духовному потенциалу намного превышали спиритуальный уровень самого "Севера". Это ему почти всегда удавалось, так как сам циклический момент развития нашей цивилиза ции благоприятствует извращенным, анормальным и противоестественным тенденциям (согласно Традиции, мы находимся сейчас в самом последнем периоде "темного века", кали-юги). Индуизм, конфуцианство, ислам, автохтонные традиции "небелых" народов становились для материальных завоевателей "богатого Севера" лишь препятствиями для осуществления их целей, но одновременно часто они использовали отдельные аспекты Традиции для достижения меркантильных целей играя на противоречиях, религиозных особенностях или национальных проблемах. Такое утилитарное использование аспектов Традиции в сугубо антитрадиционных целях было еще большим злом, нежели прямое отрицание всей Традиции целиком, так как высшее извращение состоит в том, чтобы заставить великое служить ничтожному.

На самом деле "бедный Юг" является "бедным" на материальном уровне именно в силу своей сущностно духовной ориентации, отводящей материальным аспектам существования всегда второстепенное и маловажное место. Геополитический Юг в нашу эпоху сохранил в общих чертах сугубо традиционалистское отношение к объектам внешнего мира отношение спокойное, отстраненное и, в конце концов, безразличное в прямой противоположности к материальной одержимости "богатого Севера", вопреки его материалистической и гедонистической паранойе. Люди "бедного Юга" в нормальном случае, пребывая в Традиции, и до сих пор живут полнее, глубже и даже роскошнее , так как активное соучастие в сакральной Традиции наделяет все аспекты их личной жизни тем смыслом, той интенсивностью, той насыщенностью, которых давно лишены представители "богатого Севера", истерзанные неврозами, материаль ным страхом, внутренней опустошенностью, полной бесцельностью существования, представляющего собой лишь вялый калейдоскоп ярких, но бессодержательных картинок.

Можно было бы сказать, что соотношение между Севером и Югом в изначальные времена полярно противоположно соотношению между ними в нашу эпоху, так как именно Юг сегодня сохраняет еще связи с Традицией, тогда как Север их окончательно утратил. Но все же это утверждение не совсем покрывает полноту реальной картины, так как истинная Традиция не может допустить по отношению к себе такого унизительного обращения, какое практикует агрессивно-атеистический "богатый Север" с "Третьим миром". Дело в том, что Традиция сохраняется на Юге лишь инерциально , фрагмен тарно, частично. Она занимает пассивную позицию и сопротивляется, только защищаясь. Поэтому духовный Север не переходит в конце времен на Юг в полной мере, на Юге лишь скапливаются и сохраняются духовные импульсы, пришедшие некогда с сакрального Севера. С Юга принципиально не может исходить активной традиционной инициативы. И наоборот, мондиалистский "богатый Север" сумел так укрепить свое тлетворное влияние на планете благодаря самой специфике северных регионов, предрасположенных к активности. Север был и остается местом силы по преимуществу, поэтому истинной эффективностью обладают геополитические инициативы, идущие с Севера.

"Бедный Юг" сегодня имеет все духовные преимуще ства перед "богатым Севером", но он при этом не может служить серьезной альтернативой профанической агрессии "богатого Севера", не может предложить радикаль ного геополитической проекта, способного нарушить патологическую картину современного планетарного пространства.

6.13 Роль "Второго мира"

В двухполюсной геополитической картине "богатый Север" "бедный Юг" всегда существовал дополнитель ный компонент, имевший самостоятельное и очень важное значение. Это "второй мир". Под "вторым миром" принято понимать социалистический лагерь, интегриро ванный в советскую систему. Этот "второй мир" не был ни по- настоящему "богатым Севером", так как определенные духовные мотивы подспудно влияли на номинально материалистическую идеологию советского социализма, ни по- настоящему "Третьим миром", так как в целом ориентация на материальное развитие, "прогресс" и прочие чисто профанические принципы лежали в основе советской системы. Геополитически евразийский СССР также располагался как на территориях "бедной Азии", так и на землях довольно "цивилизованной" Европы. В период социализма планетарный пояс "богатого Севера" был разомкнут на востоке Евразии, усложняя ясность геополитических соотношений по оси Север-Юг.

Конец "Второго мира" как особой цивилизации предполагает для евразийских пространств бывшего СССР две альтернативы либо интегрироваться в "богатый Север" (представленный Западом и США), либо скатиться к "бедному Югу", т.е. превратиться в "Третий мир". Возможен и компромиссный вариант отхода части регионов к "Северу", а части к "Югу". Как всегда в последние столетия, инициатива по переделу геополитических пространств в этом процессе принадлежит "богатому Северу", который, цинично используя парадоксы самой концепции "Второго мира", проводит новые геополитиче ские границы и перераспределяет зоны влияний. Национальные, экономические и религиозные факторы служат мондиалистам лишь инструментами в их циничной и глубоко материалистически мотивированной деятельности. Не удивительно, что помимо лживой "гуманисти ческой" риторики все чаще используются и почти откровенно "расистские" доводы, призванные внушить русским комплекс "белого" высокомерия в отношении азиатских и кавказских южан. Коррелирован с этим и обратный процесс окончательное отбрасывание южных территорий бывшего "Второго мира" к "бедному Югу" сопровождается игрой на фундаменталистских тенденциях, на тяге людей к Традиции, к возрождению религии.

"Второй мир", распадаясь, разламывается по линии "традиционализм" (южного, инерциального, консервативного типа) "антитрадиционализм" (активно северного, модернистского и материалистического типа). Такой дуализм, который лишь намечается сегодня, но в ближайшее время станет доминирующим явлением евразий ской геополитики, предопределен экспансией мондиали стского понимания мира в терминах "богатый Север" "бедный Юг". Попытка спасти бывшее советское Большое Пространство, попытка просто сохранить "Второй мир" как нечто самостоятельное и балансирующее на грани между Севером и Югом (в сугубо современном понимании), не может увенчаться успехом, пока под сомнение не будет поставлена сама основополагающая концепция современной геополитики, понятая и осознан ная в ее реальном виде, по ту сторону всех обманчивых заявлений гуманитарного и экономического характера.

"Второй мир" исчезает. В современной геополитиче ской картине ему больше нет места. Одновременно возрастает давление "богатого Севера" на "бедный Юг", оставшийся один на один с агрессивной материальностью технократической цивилизации при отсутствии промежуточной инстанции, существовавшей до сих пор "Второго мира". Какая-то иная судьба, нежели тотальный раскол по правилам, диктуемым "богатым Севером", для "Второго мира" возможна только через радикаль ный отказ от планетарной логики дихотомной оси Север-Юг, взятой в мондиалистском ключе.

6.14 Проект "Воскрешение Севера"

"Богатый мондиалистский Север" глобализирует свою доминацию над планетой через раскол и уничтожение "Второго мира". Это в современной геополитике и называется "новым мировым порядком". Активные силы антитрадиции закрепляют свою победу над пассивным сопротивлением южных регионов, ценой экономической отсталости сохраняющих и защищающих Традицию в ее остаточных формах. Внутренние геополитические энергии "Второго мира" стоят перед выбором либо встроиться в систему "цивилизованного северного пояса" и окончательно оборвать связи с сакральной историей (проект левого мондиализма), либо превратиться в оккупированную территорию с дозволением частичной реставрации некоторых аспектов традиции (проект правого мондиализма). Именно в этом направлении разворачивают ся события сегодня и будут разворачиваться в ближайшем будущем.

В качестве альтернативного проекта можно теоретически сформулировать иной путь геополитических трансформаций, основанный на отвержении мондиалистской логики Север-Юг и на возвращении к духу подлинной сакральной географии насколько это возможно в конце темного века. Это проект "Великого Возвращения" или, в иной терминологии, "Великой Войны Континен тов".

В самых общих чертах суть этого проекта такова.

1) *"Богатому Северу" противопоставляется не "бедный Юг", но "бедный Север"*. "Бедный Север" это идеальный, сакральный идеал возврата к нордическим истокам цивилизации. "Бедным" такой Север является потому, что он основан на тотальном аскетизме, на радикальной преданности высшим ценностям Традиции, на полной жертвенности материального ради духовного. "Бедный Север" географически существует только на территориях России, которая, являясь, в сущности, "Вторым миром", социально-политически до последнего момента противилась окончательному принятию мондиалистской цивилизации в ее наиболее "прогрессивных" формах. Евразийские северные земли России это единственные планетарные территории, не освоенные до конца "богатым Севером", населенные традиционными народами и составлявшие terra incognita современного мира. Путь "Бедного Севера" для России означает отказ как от встраивания в мондиалистский пояс, так и от архаизации собственных традиций и от сведения их на фольклорный уровень этно-религиозной резервации. "Бедный Север" должен быть духовен, интеллектуален, активен и агрессивен. В других регионах "богатого Севера" тоже возможна потенциальная оппозиция "бедного Севера", что может проявиться в радикальном саботаже со стороны интеллектуальной западной элиты основопола гающего курса "торгашеской цивилизации", восстание против мира финансов за древние и вечные ценности Духа, справедливости, самопожертвования. "Бедный Север" начинает геополитическое и идеологическое сражение с "богатым Севером", отказываясь от его проектов, взрывая изнутри и извне его планы, подрывая его безупречную эффективность, срывая его социально-полити ческие махинации.

2) *"Бедный Юг", не способный самостоятельно противостоять "богатому Северу", вступает в радикальный альянс с "бедным (евразийским) Севером" и начинает освободительную борьбу против "северной" диктатуры.* Особенно важно нанести удар по представителям идеологии "богатого Юга", т.е. по тем силам, которые, работая на "богатый Север", ратуют за "развитие", "прогресс" и "модернизацию" традиционных стран, что на практике будет означать лишь все больший отход от остатков сакральной Традиции.

3) *"Бедный Север" евразийского Востока вместе с "бедным Югом", простирающимся по окружности всей планеты, концентрируют свои силы в борьбе против "богатого Севера" атлантистского Запада.* При этом идеологически навсегда кладется конец вульгарным версиям англосаксонского расизма, воспеванию "технической цивилизации белых народов" и сопровождающей мондиалистской пропаганде. (Ален де Бенуа выразил эту мысль в названии своей знаменитой книги "Третий мир и Европа: мы едины в борьбе" "L'Europe, Tiersmonde meme combat"; речь в ней идет, естественно, о "духовной Европе", о "Европе народов и традиций", а не о "маатстрихт ской Европе торгашей".) Интеллектуальность, активность и духовность подлинного сакрального Севера возвраща ет традиции Юга к нордическому Истоку и поднимает "южан" на планетарное восстание против единственного геополитического врага. Пассивное

сопротивление "южан" приобретает тем самым точку опоры в планетарном мессианизме "северян", радикально отвергающих порочную и антисакральную ветвь тех белых народов, которые стали на путь технического прогресса и материального развития. Вспыхивает планетарная надрасовая и наднацио нальная Геополитическая Революция, основанная на фундаментальной солидарности "Третьего мира" с той частью "Второго мира", который отвергает проект "богато го Севера".

ЧАСТЬ VII ТЕКСТЫ КЛАССИКОВ ГЕОПОЛИТИКИ

Хэлфорд Джордж Макиндер

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОСЬ ИСТОРИИ[80]

Когда в отдаленном будущем какой-нибудь историк захочет исследовать времена, которые мы сейчас переживаем, и представить их в резюмированной формуле, как это делаем мы сегодня в отношении династий древнего Египта, то очень может быть, что последние четыреста лет он назовет "эпохой Колумба" и скажет, что завершилась она вскоре после 1900 года. Сегодня стало прямо-таки общим местом говорить о географических исследованиях как о чем-то практически завершенном. Считается также, что географию следует свести исключительно к тщательному обзору и философскому синтезу. За четыреста лет объекты на географической карте мира получили достаточно верные и точные очертания и даже в районах обоих полюсов экспедиции Нансена и Скотта значительно сократили возможности новых и невероятных открытий. При этом начало двадцатого столетия квалифицируется как конец великой исторической эпохи, причем это касается не только ее достижений, как бы велики они ни были. Миссионер, завоеватель, фермер, шахтер и, наконец, инженер шли буквально по следам путешественников вот почему можно с уверенно стью сказать, что мир в своих самых отдаленных пределах был открыт уже до того, как мы стали говорить о его фактическом политическом освоении. В Европе, Северной и Южной Америке, Африке и Австралазии едва ли найдется такое место, где можно было бы вбить в землю колышки, предъявив на этот участок право собственности. Такое возможно разве что в ходе войны между цивилизованными и полуцивилизованными державами. Даже в Азии мы становимся, вероятно, зрителями последних актов пьесы, начатой конниками Ермака, казаками и мореходами Васко де Гамы. Для сравнения мы можем противопоставить эпоху Колумба предшест вующим векам, приведя в качестве ее характерной черты экспансию Европы, не встречавшей практически никакого сопротивления, тогда как средневековое христианство было загнано в рамки небольшого региона и находилось под угрозой внешнего нападения варваров. Начиная с сегодняшнего дня и впредь, в пост-колумбову эпоху, мы будем вынуждены иметь дело с закрытой политической системой, и вполне возможно, что система эта будет иметь мировые масштабы. Каждый взрыв общественных сил вместо того, чтобы рассеяться в окружающем неизведанном пространстве и хаосе варварства, отзовется громким эхом с противоположной стороны земного шара, так что в итоге все слабые элементы в политическом и экономическом организме Земли будут разрушены. Существует большая разница между тем, когда снаряд попадает в яму и когда он падает в закрытое пространство между жестких конструкций огромного здания или судна. Возможно, хотя бы частичное понимание этого факта отвлечет, наконец, внимание государст венных деятелей от территориальной экспансии и заставит их сосредоточиться на борьбе за согласованное созидание.

Вот почему мне кажется, что в настоящее десятиле тие мы впервые находимся в том положении, когда можно попытаться установить, с известной долей определен ности, связь между наиболее широкими географически ми и историческими обобщениями. Впервые мы можем нащупать некоторые реальные пропорции в соотношении событий, происходящих на мировой арене, и выяснить формулу, которая так или иначе выразит определенные аспекты географической обусловленности мировой истории. Если нам

80 Halford Mackinder "Geographical Pivot of History" in "Geograghical Journal", 1904.

посчастливится, то эта формула обретет и практическую ценность с ее помощью можно будет вычислить перспективу развития некоторых конкурирующих сил нынешней международной политической жизни. Известная фраза о том, что империя распространяется на запад, является лишь эмпирической попыткой подобного рода. Так что сегодня я хотел бы описать те характерные физические черты мира, которые, по- моему, очень тесно связаны с человеческой деятельностью, а также представить некоторые основные фазы истории, органически связанные с ними, причем даже тогда, когда они были еще неизвестны географии. Я вовсе не ставлю себе целью обсуждать влияние того или иного фактора или заниматься региональной географией, но скорее хочу показать историю человечества как часть жизни мирового организма. Я признаю, что могу достичь здесь лишь одного аспекта истины, и я отнюдь не испытываю желания предаваться чрезмерно материализму. Инициативу проявляет человек, не природа, но именно природа в большей мере осуществляет контроль. Мой интерес лежит скорее в области изучения всеобщего природного фактора, нежели в сфере изучения причин всеобщей истории. Совершенно ясно, что здесь можно надеяться только на первое приближение к истине, а потому я со смирением восприму все замечания моих критиков.

Покойный профессор Фримен говорил, что единствен ная история, которую следует принимать в расчет, есть история средиземноморской и европейской рас. В каком-то отношении это, конечно же, верно, ибо именно среди этих рас зародились идеи, приведшие к тому, что потомки греков и римлян стали господствовать во всем мире. Однако в другом и не менее важном отношении подобное ограничение значительно стесняет мысль. Идеи, формирующие нацию как противоположность простой толпе человеческих существ, обычно принимаются под давлением общего несчастья, либо же при общей необходимо сти сопротивляться внешней силе. Идея Англии была вколочена в государства Гептархии датскими и норманнскими завоевателями, идея Франции была навязана гуннами спорившим между собой франкам, готам и римлянам в битве при Шалоне и позднее, во время Столетней войны с Англией; идея христианства родилась из гонений в Римской империи и была доведена до логического завершения в эпоху крестовых походов. Идея Соединен ных Штатов была воспринята при участии местного патриотизма колонистов только во время длительной войны за независимость; идея Германской империи была принята, да и то неохотно, в Южной Германии после ее борьбы с Францией в союзе с Северной Германией. То, что я могу описать как литературную концепцию истории, возможно невольно опускает из вида изначальные движения, чье давление играло роль побуждающего импульса в атмосфере, в которой выращивались великие идеи. Какая-то вызывающая отвращение персона выполняет некую важную общественную функцию в объединении своих врагов, так что именно благодаря давлению внешних варваров Европа сумела создать свою цивилизацию. Вот почему я прошу вас взглянуть на Европу и европейскую историю как на явления, подчинен ные Азии и ее истории, ибо европейская цивилизация является в весьма большой степени результатом вековой борьбы против азиатских вторжений.

Наиболее важный контраст, заметный на политиче ской карте современной Европы это контраст, представляемый, с одной стороны, огромными пространства ми России, занимающей половину этого континента, и группой более мелких территорий, занимаемых западно европейскими странами с другой. С физической точки зрения здесь, конечно, тоже существует подобный контраст между нераспаханными низинами востока и богатствами гор и долин, островов и полуостровов, составляющих в совокупности остальную часть этого района земного шара. При первом взгляде вам может показать ся, что в этих знакомых фактах пред нами предстает столь очевидная связь между природной средой и политической организацией, что едва ли стоит об этом говорить, особенно если мы упомянем, что на Русской равнине холодной зиме противостоит жаркое лето, и

условия человеческого существования привносят таким образом в жизнь дополнительное единообразие. И тем не менее, несколько исторических карт, содержащихся, например, в Оксфордском атласе, покажут нам, что грубое совпадение европейской части России с восточно-евро пейской равниной не случайно, и это произошло не за последние сто лет, но и в более ранние времена здесь существовала совершенно иная тенденция в политиче ском объединении. Две группы государств обычно делили эту страну на северную и южную политическую системы. Дело в том, что орографические карты не выражают того особого физического своеобразия, которое до самых последних пор контролировало передвижение и расселение человека на территории России. Когда снежное покрывало постепенно отступает на север от этих широких равнин, его сменяют дожди, которые особенно сильны в мае и июне на побережье Черного моря, однако в районе Балтики и Белого моря они льют чаще в июле и августе. На юге царит долгое засушливое лето. Следствием подобного климатического режима является то, что северные и северо- западные районы покрыты лесами, чьи чащи изредка перемежаются озерами и болотами, в то время как юг и юго-восток представляют из себя бескрайние травянистые степи, где деревья можно увидеть лишь по берегам рек. Линия, разделяющая эти два региона, идет по диагонали на северо-восток, начинаясь у северной оконечности Карпат и заканчиваясь скорее у южных районов Урала, нежели в его северной части. За пределами России граница этих огромных лесов бежит на запад, проходя почти посередине европейского перешейка, чья ширина (то есть расстояние между Балтийским и Черным морями) равняется 800 милям. За ним, на остальной европейской территории, леса занимают долины Германии на севере, в то время как на юге степи формируют великий Трансильванский бастион у Карпат и простираются до Дуная, там, где теперь колышутся румынские нивы, и вплоть до Железных ворот. Отдельный степной район, известный среди местных жителей под названием "пушта" и ныне активно обрабатывае мый, занял Венгерскую равнину; его окаймляет цепь лесистых Карпатских и Альпийских гор. На западе же России, за исключением крайнего Севера, расчистка леса, осушение болот и подъем неосвоенных земель сравнительно недавно определили характер ландшафта, сглаживая в большой степени то различие, которое раньше было так заметно.

Россия и Польша возникли на лесных полянах. Вместе с тем, сюда через степи из отдаленных и неизвест ных уголков Азии направлялась в створ, образуемый Уральскими горами и Каспийским морем, начиная с V и по XVI столетие беспрерывная череда номадов-туранцев: гунны, авары, болгары, мадьяры, хазары, печенеги, куманы, монголы, калмыки. Во время правления Аттилы гунны утвердились в середине пушты, на самых отдаленных "дунайских" островках степи, и оттуда наносили удары на север, запад и юг по оседлому населению Европы. Большая часть современной истории может быть написана как комментарий на изменения, прямо или косвенно явившиеся последствием тех рейдов. Вполне возможно, что именно тогда англов и саксов заставили пересечь море и основать на Британских островах Англию. Впервые франки, готы и жители римских провинций оказались вынуждены встать плечом к плечу на поле битвы у Шалона, имея перед собой общую цель борьбы с азиатами; таким образом они непроизвольно составили современную Францию. В результате разрушения Аквилеи и Падуи была основана Венеция; и даже папство обязано своим огромным престижем успешному посредничеству папы Льва на встрече с Аттилой в Милане. Таков был результат, произведенный толпой безжалостных и не имевших никаких представлений о культуре всадников, затопивших неуправляемые равнины это был удар, свободно нанесенный азиатским молотом по незанятому пространству. За гуннами последовали авары. Именно в борьбе с ними была основана Австрия, а в результате походов Карла Великого была укреплена Вена. Затем пришли мадьяры и благодаря своим непрекращающимся набегам из степных лагерей, расположенных на территории Венгрии, еще больше увеличили значение австрийского аванпоста, переведя тем самым фокус с Германии на восток, к границе этого королевства.

Болгары стали правящей кастой на землях к югу от Дуная, оставив свое имя на карте мира, хотя их язык растворился в языке их славянских подданных. Вероятно, самым долговременным и эффективным в русских степях было расселение хазар, бывших современ никами великого движения сарацин: арабские географы знали Каспий или Хазарское море. Но, в конце концов, из Монголии прибыли новые орды и на протяжении двухсот лет русские земли, расположенные в лесах к северу от указанных территорий, платили дань монгольским ханам или "Степи", и таким образом развитие России было задержано и искажено именно в то время, когда остальная Европа быстро шагала вперед.

Следует также заметить, что реки, бегущие из этих лесов к Черному и Каспийскому морям, проходят поперек всего степного пути кочевников, и что время от времени вдоль течения этих рек происходили случайные движения навстречу перемещениям этих всадников. Так, миссионеры греческой церкви поднялись по Днепру до Киева подобно тому, как незадолго до этого северяне варяги спустились по той же самой реке на пути в Константинополь. Однако еще раньше германское племя готов появилось на короткое время на берегах Днестра, пройдя через Европу от берегов Балтики в том же юго- восточном направлении. Но все это проходящие эпизоды, которые, однако, не сводят на нет более широкие обобщения. На протяжении десяти веков несколько волн кочевников- всадников выходило из Азии через широкий проход между Уралом и Каспийским морем, пересекая открытые пространства Юга России и, обретя постоянное местожительство в Венгрии, попадали в самое сердце Европы, внося таким образом в историю соседних с ними народов момент непременного противостояния: так было в отношении русских, германцев, французов, итальянцев и византийских греков. То, что они стимулирова ли здоровую и мощную реакцию вместо разрушительной оппозиции при широко распространенном деспотизме, стало возможным благодаря тому, что мобильность их державы была обусловлена самой степью и неизбежно исчезала при появлении вокруг гор и лесов.

Подобная мобильность державы была свойственна и морякам-викингам. Спустившись из Скандинавии на южное и северное побережье Европы, они просочились вглубь ее территории, пользуясь для этого речными путями. Однако масштаб их действий был ограничен, поскольку, по справедливости говоря, их власть распространя лась лишь на территории, непосредственно примыкавшие к воде. Таким образом, оседлое население Европы оказалось зажатым в тисках между азиатами-кочевни ками с востока и давившими с трех сторон морскими разбойниками. Благодаря своей природе ни одна из этих сторон не могла превозмочь другую, так что обе они оказывали стимулирующее воздействие. Следует заметить, что формирующее влияние скандинавов стояло на втором месте после аналогичного влияния кочевников, ибо именно благодаря им Англия и Франция начали долгий путь к собственному объединению, в то время как единая Италия пала под их ударами. Когда-то давно Рим мог мобилизовывать свое население, используя для этого дороги, однако теперь римские дороги пришли в упадок и их не меняли до восемнадцатого столетия.

Похоже, что даже нашествие гуннов было отнюдь не первым в этой "азиатской" серии. Скифы из рассказов Гомера и Геродота, питавшиеся молоком кобылиц, скорее всего, вели такой же образ жизни и относились, вероятно, к той же самой расе, что и позднейшие обитатели степи. Кельтские элементы в названиях рек Дон, Донец, Днепр, Днестр и Дунай могли, вероятно, служить определением понятий у людей с похожими привычками, хотя и не из одной и той же расы, однако непохоже, чтобы кельты пришли из северных лесов, подобно готам и варягам последующих времен. Тем не менее, огромный клин населения, который антропологи называют брахикефалами, оттесненный на запад из брахокефальной Азии через Центральную Европу вплоть до Франции, вероятно, внедрился между

северной, западной и южной группами долихокефалического населения и, вполне возможно, он происходит из Азии.

Между тем, влияние Азии на Европу незаметно до того момента, когда мы начинаем говорить о монгольском вторжении пятнадцатого века, правда до того, как мы проанализируем факты, касающиеся всего этого, желательно изменить нашу "европейскую" точку зрения так, чтобы мы смогли представить Старый Свет во всей его целостности. Поскольку количество осадков зависит от моря, середина величайших земных массивов в климатическом отношении достаточно суха. Вот почему не стоит удивляться, что две трети мирового населения сосредоточены в относительно небольших районах, расположен ных по краям великих континентов в Европе около Атлантического океана, у Индийского и Тихого океанов в Индии и Китае. Через всю Северную Африку вплоть до Аравии тянется широкая полоса почти незаселенных в силу практического отсутствия дождей земель. Централь ная и Южная Африка большую часть своей истории были так же отделены от Европы и Азии, как и Америка с Австралией. В действительности южной границей Европы была и является скорее Сахара, нежели Средиземно морье, поскольку именно эта пустыня отделяет белых людей от черных. Огромные земли Евро-Азии, заключенные таким образом между океаном и пустыней, насчитывают 21 000 000 квадратных миль, то есть половину всех земель на земном шаре, если мы исключим из подсчетов пустыни Сахары и Аравии. Существует много отдаленных пустынных районов, разбросанных по всей территории Азии, от Сирии и Персии на северо-восток по направлению к Манчжурии, однако среди них нет таких пустынь, которые можно было бы сравнить с Сахарой. С другой стороны, Евро-Азия характеризуется весьма примечательным распределением стоков рек. На большей части севера и центра эти реки были практиче ски бесполезны для целей человеческого общения с внешним миром. Волга, Окс, Яксарт текут в соленые озера; Обь, Енисей и Лена в холодный северный океан. В мире существует шесть великих рек. В этих же районах есть много, хотя и меньших, но также значительных рек, таких как Тарим и Хельмунд, которые опять-таки не впадают в Океан. Таким образом, центр Евро-Азии, испещренный пятнышками пустыни, является в целом степной местностью, представляющей обширные, хотя и зачастую скудные, пастбища, где не так уж и мало питаемых реками оазисов, однако необходимо еще раз подчеркнуть, что вся ее территория все-таки не пронизана водными путями, идущими из океана. Другими словами, в этом большом ареале мы имеем все условия для поддержки редкого, но в совокупности весьма значитель ного населения кочевников, передвигающихся на лошадях и верблюдах. На севере их царство ограничено широкой полосой субарктических лесов и болот, где климат слишком суров, за исключением западных и восточных оконечностей, для развития сельскохозяйственных поселений. На востоке леса идут на юг до тихоокеанско го побережья вдоль Амура в Манчжурию. То же и на Западе; в доисторической Европе леса занимали основную территорию. Ограниченные, таким образом, на северо-востоке, севере и северо-западе, степи идут, не прерываясь, на протяжении 4 000 миль от венгерской пушты до Малой Гоби в Манчжурии, и, за исключением самой западной оконечности, их не пересекают реки, текущие в доступный им океан, так что мы можем не принимать во внимание недавние усилия по развитию торговли в устье Оби и Енисея. В Европе, Западной Сибири и Западном Туркестане степь лежит близко к уровню моря, местами даже ниже его. Далее на восток, в Монголии, они тянутся в виде плато; но переход с одного уровня на другой, над голыми, ровными и низкими районами засушливых центральных земель не представ ляет значительных трудностей.

Орды, которые, в конечном счете, обрушились на Европу в середине четырнадцатого века, собирали свои силы в 3 000 миль оттуда, в степях Верхней Монголии. Опустошения, совершаемые в течение нескольких лет в Польше, Силезии, Моравии, Венгрии, Хорватии

и Сербии, были, тем не менее, лишь самыми отдаленными и одновременно скоротечными результатами великого движения кочевников востока, ассоциируемого с именем Чингиз-хана. В то время как Золотая Орда заняла Кипчакскую степь от Аральского моря через проход между Уральским хребтом и Каспием до подножия Карпат, другая орда, спустившаяся на юго-запад между Каспийским морем и Гиндукушем в Персию, Месопотамию и даже Сирию, основала державу Ильхана. Позднее третья Орда ударила на Северный Китай, овладев Китаем. Индия и Манги или Южный Китай были на время прикрыты великолепным барьером Тибетских гор, с чьей эффектив ностью ничто в мире, пожалуй, сравниться не может, если, конечно, не принимать во внимание Сахару и полярные льды. Но в более позднее время, в дни Марко Поло в случае с Манги, в дни Тамерлана в случае с Индией это препятствие было обойдено. Случилось так, что в этом известном и хорошо описанном случае все населенные края Старого Света раньше или позже ощутили на себе экспансивную мощь мобильной державы, зародившейся на степных просторах. Россия, Персия, Индия или Китай либо платили дань, либо принимали монгольские династии. Даже зарождавшееся в Малой Азии государство турок терпело это иго на протяжении более полувека.

Подобно Европе, записи о более ранних вторжениях сохранялись и на других пограничных землях Евро-Азии. Неоднократно подчинялся завоевателям с севера Китай, а Индия завоевателям с северо-запада. По меньшей мере, одно вторжение на территорию Персии сыграло особую роль в истории всей западной цивилизации. За триста или четыреста лет до прихода монголов, турки-сельджуки, появившиеся из района Малой Азии, растеклись здесь по огромным пространствам, которые условно можно назвать регионом, расположенным между пятью морями Каспийским, Черным, Средиземным, Красным и Персидским заливом. Они утвердились в Кермане, Хадамане, Малой Азии, низвергли господство сарацин в Багдаде и Дамаске. Возникла необходимость покарать их за их обращение с паломниками, шедшими в Иерусалим, вот почему христианский мир и предпринял целую серию военных походов, известных под общим названием крестовых. И хотя европейцам не удалось достигнуть поставленных задач, эти события так взволновали и объединили Европу, что мы вполне можем считать их началом современной истории это был еще один пример продвижения Европы, стимулиро ванного необходимостью ответной реакции на давление, оказываемое на нее из самого центра Азии.

Понятие Евро-Азии, которое мы таким образом получаем, подразумевает под собой протяженные земли, опоясанные льдом на севере, пронизанные повсюду реками и насчитывающие по площади 21 000 000 квадратных миль, т.е. более чем в три раза превышающие Северную Америку, чьи центральные и северные районы насчиты вают 9 000 000 кв. миль, и более чем в два раза территорию Европы. Однако у нее нет удовлетворительных водных путей, ведущих в океан, хотя с другой стороны, за исключением субарктических лесов, она в целом пригодна для передвижения всякого рода кочевников. На запад, на юг и на восток от этой зоны находятся пограничные регионы, составляющие широкий полумесяц и доступные для мореплавания. В соответствии с физическим устройством число этих районов равняется четырем, причем отнюдь не маловажно то, что в принципе они совпадают, соответственно, со сферами распростра нения четырех великих религий буддизма, брахманизма, ислама и христианства. Первые две лежат в зоне муссонов, причем одна из них обращена к Тихому океану, другая к Индийскому. Четвертая, Европа, орошается дождями, идущими с Запада, из Атлантики. Эти три региона, насчитывающие в совокупности менее семи миллионов кв. миль, населяет более миллиарда человек, иначе говоря, две трети населения земного шара. Третья сфера, совпадающая с зоной пяти морей или, как ее чаще называют, район Ближнего Востока, в еще большей степени страдает от недостатка влажности благодаря

своей приближенности к Африке и, за исключением оазисов, заселена, соответственно, негусто. В некоторой степени она совмещает черты как пограничной зоны, так и центрального района Евро-Азии. Эта зона лишена лесов, поверхность ее испещрена пустынями, так что она вполне подходит для жизнедеятельности кочевников. Черты пограничного района прослеживаются в ней постольку, поскольку морские заливы и впадающие в океан реки делают ее доступной для морских держав, позволяя, впрочем, и им самим осуществлять свое господство на море. Вот почему здесь периодически возникали империи, относившиеся к "пограничному" разряду, основу которых составляло сельскохозяйственное население великих оазисов Египта и Вавилона. Кроме того, они были связаны водными путями с цивилизо ванным миром Средиземноморья и Индии. Но, как и следует ожидать, эти империи попадали в зону действия череды невиданных дотоле миграций, одни из которых осуществлялись скифами, турками и монголами, шедшими из Центральной Азии, другие же были результа том усилий народов Средиземноморья, желавших захватить наземные пути, ведшие от западного к восточному океану. Это место самое слабое звено для этих ранних цивилизаций, поскольку Суэцкий перешеек, разделивший морские державы на западные и восточные, и засушливые пустыни Персии, простирающиеся из Центральной Азии вплоть до Персидского залива, предоставляли постоянную возможность кочевым объединени ям добираться до берега океана, отделявшего, с одной стороны, Индию и Китай, а с другой стороны, их самих от Средиземноморского мира. Всякий раз, когда оазисы Египта, Сирии и Вавилона приходили в упадок, жители степей получали возможность использовать плоские равнины Ирана в качестве форпостов, откуда они могли наносить удары через Пенджаб прямо в Индию, через Сирию в Египет, а через разгромленный мост Босфора и Дарданелл на Венгрию. На магистральном пути во внутреннюю Европу стояла Вена, противостоявшая набегам кочевников, как тех, что приходили прямой дорогой из русских степей, так и проникавших извилистыми путями, пролегавшими к югу от Черного и Каспийского морей.

Итак, мы проиллюстрировали очевидную разницу между сарацинским и турецким контролем на Ближнем Востоке. Сарацины были ветвью семитской расы, людьми, населявшими долины Нила и Евфрата и небольшие оазисы на юге Азии. Воспользовавшись двумя возможностями, предоставленными им этой землей лошадьми и верблюдами, с одной стороны, и кораблями с другой они создали великую империю. В различные исторические периоды их флот контролировал Средизем ное море вплоть до Испании, а также Индийский океан до Малайских островов. С этой центральной, стратеги ческой точки зрения, позиции, находившейся между западным и восточным океанами, они пытались завоевать все пограничные районы Старого Света, повторяя в чем-то Александра Македонского и упреждая Наполеона. Они смогли даже угрожать степи. Но сарацинскую цивилизацию разрушили турки, полностью отделенные от Аравии, Европы, Индии и Китая язычники-туранцы, обитавшие в самом сердце Азии.

Передвижение по поверхности океана явилось естественным соперником передвижения на верблюдах и лошадях, наблюдаемого внутри континента. Именно на освоении океанических рек была основана потамическая стадия цивилизации: китайская на Янцзы, индийская на Ганге, вавилонская на Евфрате, египетская на Ниле. На базе освоения Средиземного моря основывалось то, что называют "морской" стадией цивилизации, цивилизации греков и римлян. Сарацины и викинги могли управлять побережьем океанов именно благодаря своей возможности плавать.

Важнейший результат обнаружения пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды состоял в том, что он должен был связать западное и восточное каботажное судоходство Евро- Азии, даже хотя бы таким окольным путем, и таким образом в некоторой степени

нейтрали зовать стратегическое преимущество центрального положения, занимаемого степняками, надавив на них с тыла. Революция, начатая великими мореходами поколения Колумба, наделила христианский мир необычайно широкой мобильностью, не достигшей, однако, заветно го уровня. Единый и протяженный океан, окружающий разделенные и островные земли, является, безусловно, тем географическим условием, которое обеспечило высшую степень концентрации командования на море и во всей теории современной военно-морской стратегии и политики, о чем подробно писали капитан Мэхэн и м-р Спенсер Уилкинсон. Политический результат всего этого заключался в изменении отношений между Европой и Азией. Не надо забывать того, что в средние века Европа была зажата между непроходимыми песками на юге, неизведанным океаном на западе, льдами или бескрай ними лесами на севере и северо-востоке, и на востоке и юго- востоке ей угрожала необычайная подвижность кочевников. И вот теперь она поднялась над миром, дотянувшись до тридцати восьми морей и других территорий и распространив свое влияние вокруг евроазиатских континентальных держав, которые до сих пор угрожали самому ее существованию. На свободных землях, открытых среди водных пространств, создавались новые Европы, и тем, чем были ранее для европейцев Британия и Скандинавия, теперь становятся Америка и Австралия и в некоторой степени даже транссахарская Африка, примыкающая теперь к Евро-Азии. Британия, Канада, Соединенные Штаты, Южная Африка, Австралия и Япония являют собой своеобразное кольцо, состоящее из островных баз, предназначенных для торговли и морских сил, недосягаемых для сухопутных держав Евро-Азии.

Тем не менее, последние продолжают существовать, и известные события еще раз подчеркнули их значимость. Пока "морские" народы Западной Европы покрывали поверхность океана своими судами, отправлялись в отдаленные земли и тем или иным образом облагали данью жителей океанического побережья Азии, Россия организовала казаков и, выйдя из своих северных лесов, взяла под контроль степь, выставив собственных кочевников против кочевников-татар. Эпоха Тюдоров, увидевшая экспансию Западной Европы на морских просторах, лицезрела и то, как Русское государство продвигалось от Москвы в сторону Сибири. Бросок всадников через всю Азию на восток был событием, в той же самой мере чреватый политическими последствиями, как и преодоление мыса Доброй Надежды, хотя оба эти события долгое время не соотносились друг с другом.

Возможно, самое впечатляющее совпадение в истории заключалось в том, что как морская, так и сухопут ная экспансия Европы продолжала, в известном смысле, древнее противостояние греков и римлян. Несколько неудач в этой области имели куда как более далеко идущие последствия, нежели неудачная попытка Рима латинизировать греков. Тевтоны были цивилизованы и приняли христианство от римлян, славяне же от греков. Именно романо-тевтонцы впоследствии плыли по морям; и именно греко-славяне скакали по степям, покоряя туранские народы. Так что современная сухопутная держава отличается от морской даже в источнике своих идеалов, а не в материальных условиях и мобильности[81].

Вслед за казаками на сцене появилась Россия, спокойно расставшаяся со своим одиночеством, в котором она пребывала в лесах Севера. Другим же изменением необычайной внутренней важности, произошедшим в Европе в прошлом столетии, была миграция русских крестьян на юг, так что, если раньше сельскохозяйствен ные поселения

[81] Это заявление подверглось критике в ходе дискуссии, последовавшей за прочтением доклада. Пересматривая этот параграф, я все-таки думаю, что в основе своей оно справедливо. Даже византийский грек был бы другим, подчини Рим себе всю древнюю Грецию. Без сомнения, идеалы, о которых идет речь, были скорее византийские, нежели эллинские, но римскими они не были, это уж точно. (прим.автора)

заканчивались на границе с лесами, то теперь центр населения всей Европейской России лежит к югу от этой границы, посреди пшеничных полей, сменивших расположенные там и западнее степи. Именно так возник необычайно важный город Одесса, развивав шийся с чисто американской скоростью.

Еще поколение назад казалось, что пароход и Суэцкий канал увеличили мобильность морских держав в сравнении с сухопутными. Железные дороги играли, главным образом, роль придатка океанской торговли. Но теперь трансконтинентальные железные дороги изменяют состояние сухопутных держав, и нигде они не работают с большей эффективностью, как в закрытых центральных районах Евро-Азии, на широких просторах которой нельзя встретить ни одного подходящего бревна или камня для их постройки. Железные дороги совершают в степи невиданные чудеса, потому что они непосредственно заменили лошадь и верблюда, так что необходимая стадия развития дорожная здесь была пропущена.

В ситуации с торговлей не следует забывать, что океанический способ, хотя и относительно дешевый, обычно прогоняет товар через четыре этапа фабрика-изгото витель, верфь отправителя, верфь получателя и склад розничной продажи, в то время как континентальная железная дорога ведет прямо от фабрики-производителя на склад импортера. Таким образом, промежуточная океанская торговля ведет, при прочих равных условиях, к формированию зоны проникновения вокруг континентов, чья внутренняя граница грубо обозначена линией, вдоль которой цена четырех операций, океанской перевозки и железнодорожной перевозки с соседнего побережья равна цене двух операций и перевозке по континентальной железной дороге.

Русские железные дороги бегут на протяжении 6 000 миль от Вербаллена на западе до Владивостока на востоке. Русская армия в Манчжурии являет собой замечательное свидетельство мобильной сухопутной мощи подобно тому, как Британия являет в Южной Африке пример морской державы. Конечно, Транссибирская магистраль по-прежнему остается единственной и далеко не безопасной линией связи, однако не закончится еще это столетие, как вся Азия покроется сетью железных дорог. Пространства на территории Российской империи и Монголии столь велики, а их потенциал в плане населения, зерна, хлопка, топлива и металлов столь высок, что здесь несомненно разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недосягае мый для океанской торговли.

Пробегая столь быстрым взглядом по основным тенденциям истории, не видим ли мы со всей очевидностью постоянства в плане географическом? Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии, недоступный судам, но доступный в древности кочевникам, который ныне должен быть покрыт сетью железных дорог? Здесь были и продолжают существовать условия, многообещающие (хотя и ограниченные определенным фактором) для развития военных и промышленных держав. Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившие из одного центра набеги степняков. В этом мире она занимает центральное стратеги ческое положение, которое в Европе принадлежит Германии. Она может наносить и одновременно получать удары со всех направлений, за исключением севера. Окончательное развитие ее мобильности, связанное с железными дорогами, является лишь вопросом времени. Да и никакая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования. Трезво понимая пределы своего могущества, правители России расстались с Аляской, ибо для русской политики является, фактически, правилом

не владеть никакими заморскими территориями, точно так же как для Британии править на океанских просторах.

За пределами этого осевого района существует большой внутренний полумесяц, составляемый Германией, Австрией, Турцией, Индией и Китаем, и внешний Британия, Южная Африка, Австралия, Соединенные Штаты, Канада и Япония. В настоящем состоянии баланса осевое государство, Россия, не равносильная периферийным государствам, и здесь в качестве противове са может выступить Франция. Только что восточной державой стали Соединенные Штаты. На баланс сил в Европе они влияют не непосредственно, а через Россию, и нет никаких сомнений в том, что они построят Панамский канал для того, чтобы сделать ресурсы Миссисипи и Атлантики доступными для перекачки в Тихий океан. С этой точки зрения линию реального разделения между
востоком и западом следует искать именно в Атлантике[82].

Нарушение баланса сил в пользу осевого государства, выражающееся в его экспансии на пограничные территории Евро-Азии, позволяет использовать необозримые континентальные ресурсы для постройки флота. Благодаря этому скоро перед нашим взором явится мировая империя. Это может случиться, если Германия захочет присоединиться к России в качестве союзника. Вот почему угроза подобного союза должна толкнуть Францию в объятия морских держав, и тогда Франция, Италия, Египет, Индия и Корея составит такое сильное объединение, в котором флот будет поддерживать армию, что в конечном итоге заставят союзников оси развертывать свои сухопутные силы, удерживая их от концентрации всей мощи на морях. Если привести более скромное сравнение, то это напоминает то, что совершал Веллингтон во время боевых действий с базы Торрес Вердас. И не сможет ли Индия, в конце концов, сыграть такую же роль в системе Британской империи? И не эта ли идея лежит в основании концепции мистера Амери, говорившего, что фронт боевых действий для Британии простирается от мыса Доброй Надежды через Индию вплоть до Японии?

На эту систему может оказать решающее влияние развитие огромных возможностей Южной Америки. С одной стороны, они смогут усилить позиции Соединенных Штатов, а с другой, если, конечно, Германия сможет бросить действенный вызов доктрине Монро, они в силах отъединить Берлин от того, что я описал как политику оси. Региональные комбинации держав здесь значения не имеют. Я утверждаю, что, с географической точки зрения они, совершают что-то вроде кругового вращения вокруг осевого государства, которое всегда так или иначе является великим, но имеющим ограничен ную мобильность по сравнению с окружающими пограничными и островными державами.

Я говорил обо всем этом как географ. Настоящий же баланс политического могущества в каждый конкретный момент является, безусловно, с одной стороны, результатом географических условий (а также экономиче ских и стратегических), и, с другой стороны, относительной численности, мужества, оснащенности и организации соревнующихся народов. Если аккуратно подсчитать количество всего этого, то мы сможем заранее предсказать результат соперничества, не прибегая к силе оружия. Географические показатели в подсчетах более употребительны и более постоянны, нежели человеческие. Вот почему мы надеемся найти формулу, приложимую в равной степени и к прошлой истории, и к сегодняшней политике. Социальные движения во все времена носили

---

[82] Этот тезис Макиндера был полностью опровергнут ближайшими десятилетиями. Уже в Первой мировой войне, то есть спустя лишь десять лет, Соединенные Штаты проявили себя как сугубо западная, атлантическая держава, противоположная восточному, евроазиатскому, континен тальному и тихоокеанскому вектору геополитики. Линия разделения Востока и Запада проходит строго по Тихому океану, а никак не по Атлантике (А.Д.).

примерно одни и те же физические черты, ибо я сомневаюсь в том, что постепенно возраставшая сухость климата, если это еще будет доказано, меняла в историческое время окружающую среду в Азии и Африке. Движение империи на запад кажется мне скорее кратковременным вращением пограничных держав вокруг юго-западного и западного углов осевого района. Проблемы, связанные с Ближним, Средним и Дальним Востоком, зависят от нестабильного равновесия между внутренними и внешними державами в тех частях погранич ного полумесяца, где местные государства почти не принимаются в расчет.

В заключение необходимо отметить, что замена контроля России каким-то новым видом внутриконтинен тального контроля не приведет к сокращению значимо сти этой осевой позиции. Если бы, например, китайцы с помощью Японии разгромили Российскую империю и завоевали ее территорию, они бы создали желтую опасность для мировой свободы тем, что добавили океаниче ские просторы к ресурсам великого континента, завоевав таким образом преимущество, до сих пор не полученное русским хозяином этого осевого региона.

Петр Савицкий

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСТВА[83]

Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай называться "Срединным государством" ("Чжун-го", по-китайски). И чем дальше будет идти время тем более будут выпячиваться эти основания. Европа для России есть не более чем полуостров Старого материка, лежащий к западу от ее границ. Сама Россия на этом материке занимает основное его пространство, его торс. При этом общая площадь европейских государств, вместе взятых, близка к 5 миллионам квадратных км. Площадь России, в переделах хотя бы современного СССР, существенно превосходит 20 млн. кв. км. (в особенности, если причислить к ней пространство Монгольской и Тувинской народных республик бывших "Внешней Монголии" и "Рянхойского края", фактически находящихся в настоящий момент на положении частей Советского Союза).

За редким исключением русские люди конца XIX начала XX вв. забывали о зауральских пространствах (один из тех, кто помнил о них, был гениальный русский химик Д.И.Менделеев). Ныне наступили иные времена. Весь "Уральско-Кузнецкий комбинат", с его домнами, угольными шахтами, новыми городами на сотню другую тысяч населения каждый строится за Уралом. Там же воздвигают "Турксиб". Нигде экспансия русской культуры не идет так широко и так стихийно, как в другой части Зауралья в т.н. "среднеазиатских республиках" (Туркмения, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия). Оживает весь торс русских земель "от стрелок Негорелого до станции Сучан". Евразийцы имеют свою долю заслуги в этом повороте событий. Но с тем вместе совершенно явственно вскрывается природа русского мира, как центрального мира Старого материка. Были моменты, когда казалось, что между западной его периферией Европой, к которой причислялось и Русское Доуралье ("Европейская Россия" старых географов) и Азией (Китаем, Индией, Ираном) лежит пустота. Евразийская установка русской современности заполняет эту пустоту биением живой жизни. Уже с конца XIX в. прямой путь из Европы в Китай и Японию лежит через Россию (Великая Сибирская железная дорога). География указывает с полной несомненностью, что не иначе должны пролегать дороги из Европы (во всяком случае, северной) в Персию, Индию и Индокитай. Эти возможности к настоящему времени еще не реализованы. Трансперсидская железная дорога, прорезывающая Персию в направлении с Северо-запада на Юго-восток и связанная с железнодорожной сетью как Британской Индии, так и Европы (через Закавказье, Крым и Украину), была близка к осуществлению накануне мировой войны. В настоящее время, в силу политических обстоятельств, она отошла в область беспочвенных проектов. Нет связи между железными дорогами русского Туркестана ("среднеазиатских республик") и Индии. Нет ориентации русской железнодорожной сети на транзитное европейско- индийское движение. Но рано или поздно такое движение станет фактом будь то в форме ж.-д. путей, автолюбительских линий или воздушных сообщений. Для этих последних кратчайшие расстояния, даваемые Россией, имеют особенно большое значение. Чем больший вес будут приобретать воздушные сообщения со свойственным этому роду сношений стремлением летать по прямой тем ясней будет становиться роль России- Евразии, как "срединного мира". Установление трансполярных линий может еще больше усилить эту роль. На дальнем севере Россия на огромном простран стве является соседом Америки. С открытием путей через полюс или вернее над полюсом она станет соединительным звеном между Азией и Северной Америкой .

[83] ГАРФ фонд П.Н.Савицкого № 5783 (ред.).

В последующих статьях говорится о стремлении евразийцев дать духовный синтез восточных и западных начал. Здесь важно указать на те соответствия, которые являет этому стремлению область геополитики . Россия Евразия есть центр Старого света. Устраните этот центр и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в "рассыпанную храмину". Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от "классической" Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все. Это очевидно в современности, это станет еще явствен ней в будущем. Связывающая и объединяющая роль "срединного мира" сказывалась и в истории. В течение ряда тысячелетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам . Заняв все пространст во от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией кочевники служили посредниками между разрозненными, в своем исходном состоянии, мирами оседлых культур. И, скажем, взаимодействия между Ираном и Китаем никогда в истории не были столь тесными, как в эпоху монгольского владычества (XII-XIV вв.). А за тринадцать-четырнадцать веков перед тем исключительно и только в кочевом евразийском мире пересекались лучи эллинской и китайской культур, как то показали новейшие раскопки в Монголии. Силой неустранимых фактов русский мир призван к объединяющей роли в пределах Старого Света. Только в той мере, в какой Россия - Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур Старого материка, снимается противоположение между Востоком и Западом. Это обстоятельство еще недостаточно осознано в наше время, но выраженные в нем соотношения лежат в природе вещей. Задачи объединения суть в первую очередь задачи культурного творчества . В лице русской культуры в центре Старого Света выросла к объединительной и примирительной роли новая и самостоятельная историческая сила. Разрешить свою задачу она может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада. В подобной обращен ности одновременно и равномерно к Востоку и Западу особенность русской культуры и геополитики. Для России это два равноправных ее фронта западный и юго-восточный. Поле зрения, охватывающее в одинаковой и полной степени весь Старый Свет может и должно быть русским, по преимуществу, полем зрения.

Возвращаемся, однако, к явлениям чисто географи ческого порядка. По сравнению с русским "торсом", Европа и Азия одинаково представляют собою окраину Старого Света. Причем Европой, с русско-евразийской точки зрения, является, по сказанному, все, что лежит к западу от русской границы, а Азией все то, что лежит к югу и юго-востоку от нее. Сама же Россия есть ни Азия, ни Европа таков основной геополитический тезис евразийцев. И потому нет "Европейской" и "Азиатской" России, а есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Урала, как есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Енисея и т.д. Евразийцы продолжают: Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир. Чем же этот мир отличается от Европы и Азии? Западные, южные и юго- восточные окраины старого материка отличаются как значительной изрезанностью своих побережий, так и разнообразием форм рельефа. Этого отнюдь нельзя сказать об основном его "торсе", составляющем, по сказанному, Россию-Евразию.

Он состоит в первую очередь из трех равнин (беломорско-кавказской, западносибирской и туркестанской), а затем из областей, лежащих к востоку от них (в том числе из невысоких горных стран к востоку от р. Енисей). Зональное сложение западных и южных окраин материка отмечено "мозаически-дробными" и весьма не простыми очертаниями. Лесные, в естественном состоянии, местности сменяются здесь в причудливой последовательности, с одной стороны, степными и пустынными областями, с другой

тундровыми районами (на высоких горах). Этой "мозаике" противостоит на срединных равнинах Старого Света сравнительно простое, "флагоподобное" расположение зон. Этим последним обозначе нием мы указываем на то обстоятельство, что при нанесении на карту оно напоминает очертания подразделен ного на горизонтальные полосы флага. В направлении с юга на север здесь сменяют друг друга пустыня, степь, лес и тундра. Каждая из этих зон образует сплошную широтную полосу. Общее широтное членение русского мира подчеркивается еще и преимущественно широтным простиранием горных хребтов, окаймляющих названные равнины с юга: Крымский хребет, Кавказский, Копетдаг, Парапамиз, Гиндукуш, основные хребты Тян-Шаня, хребты на северной окраине Тибета, Ин-Шань, в области Великой китайской стены. Последние из названных нами хребтов, располагаясь в той же линии, что и предыдущие, окаймляют с юга возвышенную равнину, занятую пустыней Гоби. Она связывается с туркестан ской равниной через посредство Джунгарских ворот.

В зональном строении материка Старого Света можно заметить черты своеобразной восточно-западной симметрии, сказывающейся в том, что обстояние явлений на восточной его окраине аналогично такому же обстоянию на западной окраине и отличается от характера явлений в срединной части материка. И восточная и западная окарины материка (и Дальний Восток, и Европа) в широтах между 35 и 60 град. северной широты в естественном состоянии являются областями лесными. Здесь бореальные леса непосредственно соприкаса ются и постепенно переходят в леса южных флор. Ничего подобного мы не наблюдаем в срединном мире. В нем леса южных флор имеются только в областях его горного окаймления (Крым, Кавказ, Туркестан). И они нигде не соприкасаются с лесами северных флор или бореальными, будучи отделены от них сплошною степно-пус тынною полосою. Срединный мир Старого Света можно определить, таким образом, как область степной и пустынной полосы, простирающейся непрерывною линией от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным ее обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от нее (лесная и тундровые зоны). Этот мир евразийцы и называют Евразией в точном смысле этого слова (Eurasia sensu stricto). Ее нужно отличать от старой "Евразии" А. фон Гумбольдта, охватывающей весь Старый материк (Eurasia sensu latiore).

Западная граница Евразии проходит по черноморско -балтийской перемычке, т.е. в области, где материк суживается (между Балтийским и Черным морями). По этой перемычке, в общем направлении с северо-запада на юго-восток, проходит ряд показательных ботанико - географических границ, например, восточная граница тиса, бука и плюща. Каждая из них, начинаясь на берегах Балтийского моря, выходит затем к берегам моря Черного. К западу от названных границ, т.е. там, где произрастают еще упомянутые породы, простирание лесной зоны на всем протяжении с севера на юг имеет непрерывный характер. К востоку от них начинается членение на лесную зону на севере и степную на юге. Этот рубеж и можно считать западной границей Евразии, т.е. ее граница с Азией на Дальнем Востоке переходит в долготах выклинивания сплошной степной полосы при ее приближении к Тихому Океану, т.е. в долготах Хингана.

Евразийский мир есть мир "периодической и в то же время симметрической системы зон". Границы основных евразийских зон со значительной точностью приурочены к пролеганию определенных климатических рубежей. Так, например, южная граница тундры отвечает линии, соединяющей пункты со средней годовой относительной влажностью в 1 час дня около 79,5%. (Относительная влажность в час дня имеет особенно большое значение для жизни растительности и почв). Южная граница лесной зоны пролегает по линии, соединяющей пункты с такой же относительной влажностью в 67,5%. Южной границе степи (на ее соприкосновении с пустыней) отвечает одинаковая

относительная влажность в 1 час дня в 55,5%. В пустыне она повсюду ниже этой величины. Здесь обращает на себя внимание равенство интервалов, охватывающих лесную и степную зоны. Такие совпадения и такое же ритмическое распределение интервалов можно установить и по другим признакам (см. нашу книгу "Географические особенности России", часть 1-я, Прага 1927). Это и дает основание говорить о "периоди ческой системе зон России-Евразии". Она является также системою симметрической, но уже не в смысле восточно-западных симметрий, о которых мы говорили в предыдущем, но в смысле симметрий юго-северных. Безлесию севера (тундра) здесь отвечает безлесие юга (степь). Содержание кальция и процент гумуса в почвах от срединных частей черноземной зоны симметрически уменьшаются к северу и к югу. Симметрическое распределение явлений замечается и по признаку окраски почв. Наибольшей интенсивности она достигает в тех же срединных частях горизонтальной зоны. И к северу, и к югу она ослабевает (переходя через коричневые оттенки к белесым). По пескам и каменистым субстратам от границы между лесной и степной зоной симметрически расходятся: степные острова к северу и "островные" леса к югу. Эти явления русская наука определяет как "экстразональные". Степные участки в лесной зоне можно характеризовать, как явление "югоносное", островные леса в степи суть явления "североносные". Югоносным формациям лесной зоны отвечают североносные формации степи.

Нигде в другом месте Старого света постепенность переходов в пределах зональной системы, ее "периодич ность" и в то же время "симметричность" не выражены столь ярко, как на равнинах России-Евразии.

Русский мир обладает предельно прозрачной географической структурой. В этой структуре Урал вовсе не играет той определяющей и разделяющей роли, которую ему приписывала (и продолжает приписывать) географическая "вампука". Урал, "благодаря своим орографи ческим и геологическим особенностям, не только не разъединяет, а наоборот теснейшим образом связывает "Доуральскую и Зауральскую Россию", лишний раз доказывая, что географически обе они в совокупности составляют один нераздельный континент Евразии". Тундра, как горизонтальная зона, залегает и к западу, и к востоку от Урала. Лес простирается и по одну и по другую его сторону. Не иначе обстоит дело относительно степи и пустыни (эта последняя окаймляет и с востока и с запада южное продолжение Урала Мугоджары). На рубеже Урала мы не наблюдаем существенного изменения географической обстановки. Гораздо существенней географический предел "междуморий", т.е. пространств между Черным и Балтийским морями, с одной стороны, Балтийским морем и побережьем северной Норвегии с другой.

Своеобразная, предельно четкая и в то же время простая географическая структура России-Евразии связыва ется с рядом важнейших геополитических обстоятельств.

Природа евразийского мира минимально благоприят на для разного рода "сепаратизмов" будь то политических, культурных или экономических. "Мозаически -дробное" строение Европы и Азии содействует возникно вению небольших замкнутых, обособленных мирков. Здесь есть материальные предпосылки для существова ния малых государств, особых для каждого города или провинции культурных укладов, экономических областей, обладающих большим хозяйственным разнообрази ем на узком пространстве. Совсем иное дело в Евразии. Широко выкроенная сфера "флагоподобного" расположения зон не содействует ничему подобному. Бесконеч ные равнины приучают к широте горизонта, к размаху геополитических комбинаций. В пределах степей, передвигаясь по суше, в пределах лесов по воде многочис ленных здесь рек и озер, человек находился тут в постоянной миграции, непрерывно меняя свое место обитания. Этнические и культурные

элементы пребывали в интенсивном взаимодействии, скрещивании и перемеши вании. В Европе и Азии временами бывало возможно жить только интересами своей колокольни. В Евразии, если это и удастся, то в историческом смысле на чрезвычайно короткий срок. На севере Евразии имеются сотни тысяч кв. км. лесов, среди которых нет ни одного гектара пашни. Как прожить обитателям этих пространств без соприкосновения с более южными областями? На юге на не меньших просторах расстилаются степи, пригодные для скотоводства, а отчасти и для земледелия, при том, однако, что на пространстве многих тысяч кв. км. здесь нет ни одного дерева. Как прожить населению этих областей без хозяйственного взаимодействия с севером? Природа Евразии в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического, культурного и экономического объединения, чем мы наблюдаем то в Европе и Азии. Недаром именно в рамках евразийских степей и пустынь существовал такой "унифицированный" во многих отношениях уклад, как быт кочевников на всем пространстве его бытования: от Венгрии до Манчжурии и на всем протяжении истории от скифов до современных монголов. Недаром в просторах Евразии рождались такие великие политические объединительные попытки, как скифская, гуннская, монгольская (XIII-XIV вв.) и др. Эти попытки охватывали не только степь и пустыню, но и лежащую к северу от них лесную зону и более южную область "горного окаймления" Евразии. Недаром над Евразией веет дух своеобразного "братства народов", имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-манчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это "братство народов" выражается в том, что здесь нет противоположения "высших" и "низших" рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается "воля к общему делу". История Евразии, от первых своих глав до последних, есть сплошное тому доказательство. Эти традиции и восприняла Россия, в своем основном историческом деле. В XIX и начале XX вв. они бывали по временам замутнены нарочитым "западничеством", которое требовало от русских, чтобы они ощущали себя "европейцами" (каковыми на самом деле они не были) и трактовали другие евразий ские народы, как "азиатов" и "низшую расу". Такая трактовка не приводила Россию ни к чему, кроме бедствий (например, русская дальневосточная авантюра начала XX в.). Нужно надеяться, что к настоящему времени эта концепция преодолена до конца в русском сознании и что последыши русского "европеизма", еще укрывающиеся в эмиграции, лишены всякого исторического значения. Только преодолением нарочитого "западничества" открывается путь к настоящему братству евразийских народов: славянских, финских, турецких, монгольских и прочих.

Евразия и раньше играла объединительную роль в Старом свете. Современная Россия, воспринимая эту традицию, должна решительно и бесповоротно отказаться от прежних методов объединения, принадлежащих изжитой и преодоленной эпохе методов насилия и войны. В современный период дело идет о путях культурно го творчества, о вдохновении, озарении, сотрудничестве. Обо всем этом и говорят евразийцы. Несмотря на все современные средства связи, народы Европы и Азии все еще, в значительной мере, сидят каждый в своей клетушке, живут интересами колокольни. Евразийское "месторазвитие", по основным свойствам своим, приучает к общему делу. Назначение евразийских народов своим примером увлечь на эти пути также другие народы мира. И тогда могут оказаться полезными для вселенского дела и те связи этнографического родства, которыми ряд евразийских народов сопряжен с некоторыми внеевразийскими нациями: индоевропейские связи русских, переднеазиатские и иранские отношения евразийских турок, те точки соприкосновения, которые имеются между евразийскими монголами и народами Восточной Азии. Все они могут пойти на пользу в деле строения новой, органической культуры, хотя и Старого, но все еще (верим) молодого, но чреватого большим будущим Света.

Жан Тириар

СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

(Письмо к немецкому читателю)[84]

Современная история будет далее оперировать понятием не территориального, а континентального государства. Уже в 1962-1963 гг. в своей книге "Европа империя с населением 400 миллионов человек" я довольно подробно описал пути создания Европы "от Дублина до Бухареста". Являясь свидетелем так называемо го "крестового похода" 1941-1945 гг., я уже в 1963 г. подчеркивал, что такая Европа должна будет любой ценой избегать конфликта с Востоком, более того, даже не питать антагонизма к нему.

Ускорение хода истории заставляет меня уже сегодня сказать, что теперь речь должна идти уже не о мирном сосуществовании между Западной Европой и СССР, а о создании единой Европы от Владивостока до Дублина. Нужно понять, что Россия относится к числу европейских стран, и что она является единственной европейской державой, независимой от мировой американской империи.

Наше историческое мышление должно отвлечься от типа идеологии нынешнего СССР. Марксистский коммунизм это не нечто ужасное, а нечто глупое. Эта идеология должна исчезнуть под давлением фактов. Она исчезнет, потому что в один прекрасный день, который, видимо, уже не за горами, советское руководство убедится в том, что эндемическая слабость экономики СССР обусловлена именно марксистскими догмами. Если советское руководство хочет удержаться у власти а это зависит от того, выживет ли Советский Союз, то ему придется сделать поворот в сторону "исторического образа мышления" и избавиться от ослабляющего его догматизма.

Рубеж, проходящий по линии Любек-София, продолжает оставаться исторической нелепостью. Он неотвратимо напоминает о разделе Германии середины XVII в. между протестантскими и католическими государства ми, который, начиная со времен Ришелье и Мазарини, позволил Франции на 250 лет отсрочить создание Второго Райха.

Как некогда Вестфальский договор дал возможность Франции вмешиваться в дела Германии, так Ялтинский договор позволил США вмешиваться в дела Европы. Некоторые немцы готовы сегодня беспрекословно подчиняться американцам. Это достойно лишь презрения. Вот уже 30 лет, как Бонн опорожняет ночной горшок Госдепартамента. Помимо этого, в нынешней Германии отмечаются две другие тенденции: тяга к нейтрализму, с одной стороны, и к национализму с другой.

Рассмотрим сначала вопрос о немецком национализ ме. Германия не была разбита в 1945 г. В драматиче ской ситуации ее мужество приобрело шекспировский характер. Ее военное умение неоспоримо. В июне 1940 г. французский правящий класс без оглядки бежал из Парижа. В апреле 1945 г. немецкое руководство гибло в боях на улицах Берлина. В 1945 г. Германия была не разбита, а раздавлена. Окончательно. Лишь в течение 12 лет Германия существовала как единое сформировав шееся государство, тогда как Англия, Франция, Испания были таковыми веками. Но если Германия и была раздавлена в 1945 г., то она сама к этому стремилась. Гитлер хотел создать германскую Европу. Идея "европейской" Европы была выше его понимания. Человек исключительный во многих

[84] Декабрь 1982 г. Текст этого письма передан А.Дугину непосредственно его автором в 1992 г. (ред.)

отношениях, он проявил полнейшую близорукость по этому вопросу. Будучи провинциалом, выходцем из Центральной Европы, он оказался неспособным оценить огромную важность Средиземного моря для геостратегии. Кроме того, он не мог подняться до мысли, что другие народы тоже могут обладать выдающимися качествами. Его презрение к русскому человеку, к славянину, явилось причиной недооценки им отваги русского солдата. Геббельсовская пропаганда изображала русских как сомнительную помесь татар, монгол и калмыков. Фотослужбы Отдела пропаганды и кинооператоры "РК" фронта старались перещеголять друг друга в этой области.

Сегодня я выписываю журнал "Revue militaire sovietique" (Советское военное обозрение). В противоположность публикациям геббельсовской пропаганды советские солдаты изображаются здесь "с симпатичными лицами, совсем как у наших ребят": высокие, со светлыми, коротко подстриженными волосами и "веселым взглядом". Доктор Геббельс не говорил нам, что они являются потомками варягов. Тех варягов, которые беспрепятственно могли вступать в войска "СС". Они полностью соответ ствовали расовым признакам, по которым отбирались кандидаты в эти отборные части Третьего Райха.

Лубочные картинки тоже меняются со сменой политического строя и исторической эпохи. Сегодня сводный тель-авивско-вашингтонский отдел пропаганды изображает советскую армию как армию, которая в Афганистане только и делает, что насилует, жжет и убивает исключительно детей, женщин и стариков.

В молодости я остро пережил неудачную попытку франко-германского сближения в 1940-1942 гг. Принимая адмирала Дарлана в Бертехсгадене 14 мая 1941 г., Гитлер еще находился под впечатлением побега Гесса в Англию (11 мая 1941 г.). Гитлер не был великодушен, он не был способен на то, чтобы франко-германский конфликт кончился без побежденного и Франция не была уничтожена. Та самая Франция, которая еще владела африканскими, особенно средиземноморскими колониями и абсолютно целым флотом. В союзе с Францией Гитлер мог бы, пройдя через Сирию, захватить Ирак, нанеся тем самым поражение Англии в Средиземномо рье. Английский флот был бы тогда вынужден уйти из Средиземного моря. "Все было возможно" уже на следующий день после Мерс-эль- Кебирской бойни 3 июля 1940 г., когда английский флот расправился с безоружными моряками адмирала Жансуля. В последовавшую за этим событием неделю Гитлер легко мог бы вовлечь Францию в свою войну против Англии. Но для этого нужно было обладать великодушием и мыслить по-европейски. Гитлер не был великим европейцем. Он был лишь великим немцем.

Я пережил и выстрадал все это. Я принимал активное участие в событиях, но не на стороне Германии, а на стороне национал-социализма. Многие из нас были тогда разочарованы, а некоторые чувствовали себя еще и одураченными. И все же мы до конца бились на стороне Райха. Многие мои товарищи заплатили за это своей жизнью: одни погибли на Восточном фронте, другие были расстреляны сразу же по окончании войны в мае 1945 г. Благодаря влиятельным адвокатам мне удалось легко отделаться тремя годами обычной тюрьмы, что было чуть ли не подарком. Из всей этой истории я сделал вывод, что национализм подчиняющий, эксплуатирующий и унижающий побежденного, приносит неисчислимый вред. Гитлер был неспособен подняться до объединяющего национализма.

Немецкий и французский национализмы принесли не мало бед и вреда. Поэтому сегодня нужно беспощадно подавлять во имя европейских интересов малейшее проявление немецкого национализма.

Германии нечего жаловаться на то, что ей нанесли поражение в 1945 г.

Она сама шла к этому, унижая поляков и русских и презирая французов.

Гитлеровская Германия ошиблась, выбрав в союзники Италию Муссолини. Этот союз стоил ей целого ряда глупостей и ошибок. Муссолини препятствовал малейшему сближению Франции с Германией. Именно поэтому Германия и, в частности, ряд видных нацистов-анг лофилов ошиблись и в выборе врага. Рудольф Гесс неудачно, слишком буквально, применил концепции генерала Хаусхофера, адъютантом которого он был во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. В 1940 г. беспощадным врагом Германии была не континентальная Франция, а морская держава Англия. Именно Англия в течение вот уже пяти веков является исконным и главным врагом Европы.

В 1945 г. Третий Райх потерпел полный крах. Но не только Германия проиграла эту войну. Мы все ее проиграли. Сначала голландцы были изгнаны из своих колоний. Затем Франция и Англия и, наконец, Бельгия. После постыдной потери Алжира в 1962 г. Франция окончательно перестала существовать как независимая держава. Мы все вместе проиграли эту войну. Уже с конца 1941 г. англичане начали вытеснять французов из стран Ближнего Востока (Сирия). В отместку французы помогли сионистам изгнать англичан из Палести ны. Еще до 1945 г. англичане и французы постарались лишить Италию ее африканских колоний. Наконец, в 1960 г. по приказу Вашингтона бельгийцы оставили Конго, самую богатую страну во всей Африке. Наши националистические распри привели к гибели всю Европу или, по крайней мере, многонациональную Европу. Теперь пришло время создавать мононациональную, единую континентальную Европу, великую Европу "от Владивостока до Дублина".

Соединяя ясные геополитические концепции Хаусхофера с мощью Советской армии, нужно попытаться, идя с востока на запад, осуществить то, что Гитлер не сумел проделать, идя с запада на восток. Нужно избавить коммунизм от его неэффективности, обусловленной марксистскими и ленинскими догмами. Коммунизм советского типа следует очистить от марксизма, усовершенствовать, подвергнуть мутации.

Необходимо осуществить синтез немарксистского коммунизма с нерасистским национал-социализмом . Я против неэффективного коммунизма, но за эффективный. Именно в этом состоит суть национал-коммунотаризма. Этот синтез должен отражать гениальное понимание сути империи Александром Великим и Цезарем: империя это интегрирующий, гибкий национализм. Побежденный становится партнером, помощником и, наконец, соотечественником. Я говорю об "имперском коммуниз ме", некоем Новом Риме или "Великой Пруссии", об империи, которая явится выражением идеи государства с более совершенной функциональной структурой, об империи, право присоединиться к которой будет даваться не каждому государству.

При этом не исключается опасность возникновения классического русского национализма, являвшегося способом подавления и эксплуатации других народов. Если СССР попытается навязать нам Европу русского типа, то эта попытка провалится еще быстрее, чем попытка гитлеровской Германии. Напротив, если СССР постарается применить принципы "советского" национализма имперского типа, национализма интегрирующего, у него будет гораздо больше шансов на успех. Понятия "Великая Русь" и "Советская империя" отражают две противоположные концепции, а именно, концепции подавляю щего и интегрирующего национализма. Подавляющий национализм порождает, усиливает и обостряет национализм соседних государств. Он сам плодит своих

противников, своих антагонистов. В случае неудачи проводимого им геноцида такой национализм обречен на провал в силу заложенного в нем внутреннего противоре чия.

Для подавляющего большинства людей смена концепции "территориального" (подавляющего) национализ ма на концепцию "континентального" имперского национализма является трудной, если не невозможной умственной операцией.

Подавляющий национализм напоминает эволюцион ный выбор, сделанный членистоногими. Он работает по жестко заданной программе. Он сам положил себе предел. В отличие от него интегрирующий национализм, отражающий "имперскую концепцию", напоминает позвоночных. Теоретически его территориальное расширение может быть беспредельным. Будь то на верхнем уровне концепции или на нижнем уровне идеологии, выбору членистоногих, как противоположности выбора позвоночных, можно найти аналогию в целом ряде областей: от религии до образования наций, включая разработку политических теорий. Так, иудейская религия, основан ная на расовом подходе, разделяет участь членистоно гих. С демографической точки зрения, она получила лишь весьма ограниченное распространение. Напротив, христианская и исламская религии, не ограниченные ни языковыми, ни расовыми критериями, получили широчайшее распространение.

Ограниченная расово-языковыми рамками экспансия гитлеровской Германии тоже пошла путем членистоно гих. Она закончилась роковым несварением желудка неспособностью переварить 200 миллионов славян. Вчерашних "Дерулед" и нынешних "Дебре", а также вздыхающих по каске с шишаком или по свастике, следует также зачислить в класс членистоногих. Все они стиснуты панцирем своих жестких идеологий. Что касается европейского национализма, то он служит аналогией эволюции позвоночных. Он является своего рода открытой системой. Он характеризуется гибкостью, интеграцион ной способностью. Для его понимания требуется уровень мышления, абсолютно недоступный большинству "обыкновенных националистов".

Здесь мы подходим к вопросу об извечной попытке нейтрализации, "финляндизации" Германии.

Жизнь безжалостна к слабым. То же самое можно сказать и об истории. Сегодняшняя Европа, раздирае мая на части узколобыми националистами (французски ми, немецкими, английскими и т.д.), является потенциальным "полем битвы". В этом она сходна с Германией середины XVII в. Как когда-то говорили о "Германиях -марионетках", дергаемых за веревочку Ришелье и Мазарини, так сегодня можно говорить о "Европах, которыми манипулирует Вашингтон".

Всех тех, кто рабски смиряются с американским господством в Европе (особенно в Западной Германии, где оно носит совершенно неприкрытый характер) и готовы пойти на "финляндизацию" Западной Германии, можно назвать мазохистами от истории. В 1840 г., когда лучшие представители Германии боролись за объединение Второго Райха, такие мазохисты превозносили добродетели Вестфальского мира (двухсотлетний план заключения договора). Так, некий Кристоф Гак прославлял историческое ничтожество Германии. Этот тип людишек, согласных купить мир ценой исторической кастрации, совсем не нов.

Сегодня нужно искать сближения с Советским Сою зом. Нужно вести переговоры сначала о сближении, затем об объединении и, наконец, о слиянии с ним. Речь идет о совершенно откровенных переговорах. Нам не нужен мир между кошкой и мышкой.

Западная Германия должна получить право на равенство и достоинство в рамках Западной Европы. Для этого нужно отбросить еврейско-американские тезисы "виновного народа" и первородного греха немцев. Это библейский бред. Образ бесчеловечной Германии тщательно культивируется с помощью всех средств массовой информации во Франции, Англии, Бельгии, Голландии, Италии. Эта пропаганда имеет своей целью разделить Западную Европу, воспрепятствовать ее объединению, бередя старые раны.

Вооруженные силы Западной Германии, Бундесвер, сведены сегодня до положения колониальной пехоты (вроде сенегальцев в войне 1914-1918 гг.) США.

Нынешняя Германия должна набраться мужества, чтобы изгнать из себя злых духов и сказать себе, что национал-социализм окончательно принадлежит прошлому. В любом случае Гитлер совершил не больше преступлений, чем те, кто обагрили свои руки кровью, разбомбив Гамбург или бесцельно разрушив Дрезден в 1945 г., не говоря уже о 1500 женщин, детей и стариков, невинно убитых недавно в Ливане. Каждый должен отвечать за свои проступки, но, в конце концов, наступает время, когда эти проступки должны стать предметом изучения не политиков, а историков. Это время пришло для Германии. Почти все уцелевшие участники войны 1939-1945 гг. уже умерли. Новое поколение немцев не должно взваливать на себя наследие Гитлера. С одной стороны, Германия не должна полностью снимать с себя ответственность за военные преступления, с другой сегодня она вправе требовать соблюдения принципа срока давности и по отношению к себе. Германия не должна больше мириться со своей ролью падчерицы Общего рынка или НАТО. Падчерицы, приемные родители которой "ужасны".

Западная Европа должна стремиться к вооруженному нейтралитету и избегать безоружного нейтралитета. Только мазохисты, наивные люди и скопцы могут ратовать за такой нейтралитет. Европа должна выставить вон 400 000 размещенных в ней американских солдат. Риск войны кроется в американском военном присутствии в Европе. Пентагон, подчиненный Госдепартаменту, который покровительствует государству Израиль, может сыграть в "атомный покер" в Европе в ответ на действия СССР в Средиземноморье или какой-нибудь другой части мира.

Если ядерное оружие будет находиться в руках европейцев (включая, конечно, западных немцев), то Советский Союз подвергается несравненно большему риску ядерного конфликта, чем если оно будет в руках у американцев, размещенных в Европе. Европа это извечное поле битвы, испытательный полигон. Здесь есть над чем задуматься. Мы познали ужасы войны как в России в 1941-1943 гг., так и у себя в 1943-1945 гг. Здесь знают, что такое война, и решаются на нее лишь в крайнем случае. В Вашингтоне, столице страны, у берегов которой вот уже почти два века не появлялась вражеская канонерка, не знают, что такое война.

Европа должна положить в основу своей политики заключение союза с Востоком, союза, обусловленного геополитическими соображениями. Европа, простирающая ся с запада на восток, не может остановиться на линии Любек-София. Одновременно, и великие Советы, идущие с востока на запад, не могут остановиться на этом искусственно установленном рубеже. Наше отдаленное будущее можно прочесть на географической карте. Граница, проходящая вдоль линии Любек-София, является линией обороны, чрезвычайно уязвимой в случае ведения маневренной войны. Наличие такой границы весьма опасно, с геостратегической точки зрения. Защищать ее очень трудно. Именно этим объясняется важность, которую СССР придает классическим вооружени ям. "Фланг" Любек-София является единственным слабым местом советской обороны на дальних подступах. Со всех

других сторон СССР хорошо защищен благода ря своему климату (на севере) и огромным расстояниям (на юге). Выражаясь в терминах классической военной науки, американскую армию, базирующуюся в Западной Германии, можно было бы сравнить с одной советской армией, стоящей в Канаде между Монреалем и Виннипе гом. В этом чисто гипотетическом случае основная часть американских сухопутных сил была бы расположена между Миннеаполисом и Бостоном.

"Естественными" берегами СССР (в противополож ность границам) являются Канарские острова, Азорские острова, Ирландия, Исландия. То же относится и к Западной Европе.

"Культурная" или "экономически развитая" нация немыслима без опоры на "политически сильную" нацию. С 1648 по 1870 г. Германия являлась примером "культур ной" нации, славилась своим фарфором и музыкантами. При этом она служила полем битвы для кого угодно. Без армии нет нации, а сегодня нет армии без ядерного оружия. Потеряв свои колонии, такие страны, как Англия и Франция, являются ныне лишь ПАРОДИЯМИ на великие державы. Отныне нации с численностью населения меньше 200-300 миллионов жителей не имеют никакого международного веса. История предлагает нам на выбор два варианта:

1) Советский Союз завоевывает Западную Европу или ему приходится это сделать в порядке превентивной войны;

2) войны удается избежать, и Западная Европа, избавленная от политических наймитов Вашингтона, идет на политический союз с Востоком.

Сотрудничество, партнерство, союз и, наконец, объединение. Германия, которая сегодня стоит одной ногой на Западе, а другой на Востоке, лучше всех может справиться с ролью посредника.

В Германии существует националистическое движение левацкого толка, возникшее в Западном Берлине в перерыве между хэппенингом и вечеринкой с приемом наркотиков. Отец Брандт уже обесчестил свою страну и свою расу. Ныне мы можем любоваться романтическими фантазмами его отпрыска Петера. Преобразование Бундесвера в "Национальную народную армию" по типу югославской это сущая потеха. Даже в случае воссоеди нения (я допускаю такую гипотезу) Германия стала бы лишь карликовой державой, такой, как Франция Миттерана или Англия Тэтчер, кичащиеся своей "независи мостью" от США, СССР и Китая. Жалкие молодые люди, тянущиеся к Петеру Брандту, хотят вернуть времена романтической Германии до 1848 г., Германии до Фихте. В 1982 г. речь идет уже не только о Германии - "поле битвы", а всей Европе - "поле битвы".

Религиозная война между "марксистским коммуниз мом" и "демократизмом" ослепляет большинство этих людей, и эта слепота мешает им осознать геополитиче скую реальность. Чтобы Европа не стала "полем битвы", нужно перевести направление возможного советского наступления на Гибралтар, Дублин и Касабланку. С Советским Союзом нужно искать согласия и уже сейчас закладывать основы эффективного сотрудничества. Местом затяжной войны должна стать часть Африки между 20 градусами северной широты и 20 градусами южной широты. Даже если эти зоны будут частично опустошены, это не слишком сильно отразится на будущем человечества.

Чтобы избежать разрушения Европы, мы должны сознательно идти на тесное сотрудничество с СССР, сотрудничество, а не надувательство, предложенное Гитлером французам в 1940-1942 гг. Западная Европа и СССР должны создать некое "сообщество судеб", диктуемое географией, брак по расчету, принудительный брак.

СССР и Западная Европа должны как можно скорее разработать вместе некий противовес доктрины Монро. Нашей доктриной Монро должен стать девиз "...ни одного солдата, ни одного американского солдата на Средиземном море". Европейские проблемы должны решаться самими европейцами. Русские такие же европейцы, как и немцы, французы, англичане и другие европейские народы.

Мы должны заставить американцев уйти из Европы не только по геополитическим причинам. Их присутст вие в Европе можно сравнить с завоеванием карфагеня нами Сицилии под боком у Римской республики. Оставаясь в Европе и увеличивая опасность возникновения войны, американцы не смогут справиться с кризисом своего общества, который лишь начинается. Мы рискуем заразиться от них. Этот кризис общества обусловлен распадом трех сфер:

1) технико-экономического строя,

2) политики, строящейся на убеждении, демагогии, словом, "демократизме",

3) помешавшейся культуре.

Технико-экономический строй является отражением материалистического мира, мира науки, рационализма, предвидения. Вторая сфера, сфера политики, не поддается никакому логическому анализу, никакому рационалистическому подходу. Здесь преобладает аргумента ция убеждения (в первой сфере преобладает логико-экс периментальная аргументация). Что касается культуры, то ее сегодня следует скорее относить к области психиатрии. По крайней мере, в США. Только тоталитарная система может привести в равновесие эти три сферы.

В политику уже давно пора ввести понятие рационализма. В моей следующей работе "Евро-советская империя" я посвящу целую главу вопросу, должна ли политика, метаполитика, строиться на силе или наслажде нии (удовольствии).

Северная Америка сделала свой окончательный выбор в пользу гедонизма, и вся ее политика направлена на "средства наслаждения". Такой выбор завел бы человечество в тупик. Остается заставить коммунистов поумнеть и объяснить им, в чем состояла бы метаполити ка, направленная на "средства действия" или, иначе говоря, на средства силы.

Уже Гоббс показал, что свобода покоится на силе. В нашу эпоху научно-технической революции к этому можно добавить, что сила служит знанию (космические исследования, фундаментальные исследования в области физики), а знание придает силы.

Если мы хотим создать homo novus, то нам придется сделать выбор между силой и удовольствием. Мечтой Маркса было дать каждому по потребности. Сегодня эту мечту можно легко осуществить. Достижение изобилия проблема планирования и воли. На ее решение потребовалось бы не более четверти века. Это изобилие привело бы либо к появлению общества гедонистского типа, обреченного на упадок (США), либо к превраще нию обычного человека в homo novus.

Хаксли и Оруэлл отметили лишь возможную отрицательную сторону "Прекрасного нового мира". Положительная же его сторона осталась неизвестной им.

Вспомните также пророчество Кестлера: "Тезис победители, антитезис побежденные, синтез победители и побежденные становятся сплоченными гражданами гигантской новой евразийской родины".

Я бы изменил его: "Тезис расистский национал -социализм, антитезис марксистский коммунизм, синтез великоевропейский национал-большевизм, иначе говоря, элитный имперский коммунизм, отвергший Маркса как идеолога и Гитлера как ограниченного близорукого националиста..."

Национал-социализм был великолепной школой эффективности, той самой эффективности, которой так не хватает марксистскому коммунизму.

Обыкновенному коммунизму нужно сделать ребенка, чтобы у него родился необыкновенный отпрыск, своего рода "одаренное чудовище", "сверхчеловеческий коммунизм".

Уже в 1941 г. Кестлер знал, кто должен стать его отцом.

Карл Шмитт

ПЛАНЕТАРНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗЕМЛИ И МОРЯ[85]

Противостояние Востока и Запада, совершенно очевидное сегодня, включает в себя противоречия различного рода: экономические интересы, качественное различие правящих элит и несовместимость основополагаю щих интеллектуальных установок. Все эти противоре чия возрастают, взаимно усиливая друг друга. Однако связь экономических, социологических и духовных напряжений проявлялась во всех великих войнах человеческой истории. Особенность современного антагонизма состоит в том, что эта напряженность стала глобальной и охватывает собой всю планету. Поэтому сегодня совершенно необходимо адекватно разобрать ту историче скую и геополитическую подоплеку, на которой основано это напряженное противостояние.

Мы ведем речь о противоположности Востока и Запада. При этом очевидно, что речь не может идти лишь о географических различиях. В ходе нашего исследования мы обстоятельно разберем, о каком виде противополож ности здесь идет речь, и покажем, что существует два различных типа напряженного противостояния: историко-диалектическое и статично-полярное.

Противоположность Востока и Запада не есть полярная противоположность. Земля имеет Северный и Южный полюса, но не имеет ни Восточного, ни Западного. В условиях нашей планеты географическая противопо ложность Запада и Востока не является чем-то фиксированным и статичным; это только динамическое отношение, связанное с суточным "убыванием света". В географическом смысле, Америка является Западом по отношению к Европе; по отношению к Америке Западом являются Китай и Россия; а по отношению к Китаю и России Запад это Европа. В чисто географическом смысле, четкие полюса отсутствуют, а следовательно, исходя только из географии совершенно невозможно понять реально существующую планетарную враждебную напряженность между Востоком и Западом и мыслить ее основополагающую структуру.

1.

Можно пойти по пути исследования исторической, культурной и моральной специфики нынешнего Востока и нынешнего Запада и таким образом вычленить целый ряд антитез, которые, без сомнения, имеют очень важное значение. Здесь я бы хотел употребить один термин, введенный в оборот географом Джоном Готтманом в его блестящей работе "La politique des Etats et leur geographie"[86]: понятие региональной иконографии (иконографии пространства) iconographie regionale. Различные картины мира и представления, возникшие как результат различных религий, традиций, разного исторического прошлого, разных социальных моделей образуют автоном ные пространства. В этом смысле к иконографии определенного пространства принадлежат не только картины и произведения пластического искусства, но также и все видимые формы общественной и частной жизни. На существенное значение искусства в данной связи указал недавно Луис Диес дель Корраль, в своей книге "Похищение Европы", которую можно назвать энциклопедией европейской иконографии. Различие между пониманием формы в тех или

[85] Carl Schmitt "Die planetarische Spannung zwischen Ost und West", 1959 in "Schmittiana-- III" von prof. Piet Tommissen, Brussel, 1991 (ред.).
[86] "Политика Государств и их география" (фр.)(ред.).

иных культурных регионах, и особенно в сфере структуры власти и государственного устройства, исследовал Карлос Ольеро. В понятие "иконогра фии пространства " мы можем включить помимо различных форм общественной жизни также и все прочие типические формы проявления человеческого бытия, системы характерных импликаций, аллюзий, символиче ский язык чувств и мыслей в том виде, в котором они характерны для определенных территорий с особой неповторимой культурой.

Сюда же относятся образы прошлого, мифы, саги и легенды, точно так же, как и все символы и табу, топографически локализованные в одном определенном пространстве и только в силу этого обретающие историче скую действительность. Готтман говорит в этой связи о "циркуляции иконографий ", т.е. о динамическом влиянии территориальных культур друг на друга в течение времени. Таким образом, на место знаменитой теории "циркуляции элит" Парето приходит не менее важная теория циркуляция иконографий.

Употребление слова (и понятия) "иконография" кажется мне в данном случае вполне уместным и плодотворным, прежде всего потому, что этот термин точнее всего вскрывает сущность противостояния Востока и Запада. Отношение к образу, иконе обнаруживает сущностные качества Востока и Запада в их наиболее глубинном измерении:

Восток традиционно выступает как противник зрительных изображений, картин и икон, Запад же, напротив, как оплот почитания иконописи и, шире, живописи.

Когда речь идет об иконоборчестве или запрете на изображение Бога, образованный европеец вспоминает события из истории Византии, о борьбе вокруг иконоборческой ереси времен короля Льва (717-741) и о признании иконописи Карлом Великим. На память приходит также запрет изображать Бога в Ветхом Завете и в исламе. Некоторые зашли так далеко, что обнаружива ют здесь изначальное противоречие между словесным и зрительным выражением, которое они, в свою очередь, возводят к еще более общему противоречию между слухом и зрением, акустикой и визуальностью, причем слово и слух однозначно отождествляются с Востоком, а изображение и зрение с Западом.

Употребление термина "иконография", в вышеназван ном всеобъемлющем смысле, должно уберечь нас от подобных упрощений. В действительности, не существует такого географического места, где отсутствовало бы визуальное измерение реальности, и образ, изображение, икона и иконография присутствуют повсюду. Поэтому только и возможна противоположная тенденция, отрицающая ценность визуального изображения, т.е. иконоборчество в самом широком смысле. Причем проблема иконоборчества не ограничивается отнюдь Византией или исламом. Запад также знает многочисленные и весьма агрессивные формы иконоборческого духа. Виклифиты и гуситы, сектанты баптисты и пуритане, религиозные модернисты и грубые рационалисты все эти иконоборче ские течения возникли и развились именно на Западе. Планетарного масштаба этот конфликт, этот основной спор всемирной истории достиг в эпоху великих географических открытий и колонизации Нового Света, и внешне он проявился в борьбе двух конфессиональных форм римского католицизма и северного протестантизма, линии иезуитов и кальвинистов. Попробуем рассмотреть иконографический аспект этого конфликта, что подведет нас к более глубокому пониманию его смысла.

Смысл Реконкисты заключался в отвоевании пространства на Иберийском полуострове для свободного почитания Образа Пречистой Божьей Матери. Однажды я написал, что испанские моряки и конквистадоры Нового Света видели символ своих исторических свершений в водружении повсюду образа Непорочной Девы Богородицы. Некоторые читатели поняли меня превратно. Один католический автор даже писал по этому поводу:

"Шмитт рассуждает о всяких христианских аксессуарах Конкисты, которые могут лишь ввести читателей в заблуждение ". Для меня икона Девы Марии это не "всякие христианские аксессуары". Более того, почитание иконы Пречистой имеет для меня огромное значение, что становится более понятным, если принять во внимание приведенные несколько выше рассуждения о связи зрительного образа, иконы с сущностью западной традиции. Я берусь утверждать, что все религиозные войны Европы XVI-XVII веков, включая Тридцатилетнюю войну на немецких землях, в действительности, были войнами за и против средневекового католического почитания иконы Девы Марии. Следует ли считать в этом контексте иконоборчество английских пуритан сугубо вос точным явлением, а иконопочитание баварских, испанских и польских католиков признаком их западной духовной природы? В византийских спорах вокруг иконоборческой ереси на богословском уровне затрагивалась христианская догма Троичности. Духовная проблема заключалась в сложности иконографического совмеще ния в Божестве Единства и Троичности. Но все же, было бы неверно строго отождествить догмат Троичности исключительно с Западом, а абстрактный монотеизм с Востоком. Конечно, в определенные моменты истории такое совпадение было почти полным. Монахи-франки дополнили христианский Символ Веры Запада формулой, согласно которой Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына, и возмущение греческих патриархов Filioque привело к великому расколу между Западной и Восточной Церквями[87]. Исходя из этого, можно было бы считать, что Filioque было выступлением Запада против Востока, но это опровергается, с одной стороны, особым учением о Троичности и Богородице сирийских Отцов Церкви, а с другой стороны, взглядами западных ариан, вообще отрицавших Божественную природу Христа. Таким образом, впечатляющее иконогра фическое различие между Востоком и Западом в вопросе Троичности становится не таким безусловным и абсолютным.

Традиционная иконография не статична, в нее вторгаются все новые факторы. К примеру, индустриальное вторжение техники. Современный психоанализ также вполне можно рассмотреть как проявление иконоборче ской тенденции. Испанский психоаналитик Хуан Хосе Лопес Ибор предпринял очень интересное исследование этой сферы, исходя из нашего иконографического подхода к проблеме. Кроме того, практически вся современ ная живопись и абстрактная, и сохранившая остатки предметности несет в себе разрушение традиционного понимания образа, визуального изображения, иконы. Все три явления связаны между собой техника, психоанализ и современная живопись. Если предпринять исследование такой взаимосвязи, сопоставив ее с актуаль ным противостоянием Востока и Запада, можно прийти к поразительным, сенсационным выводам. Единствен ной преградой на этом пути является невозможность строго отождествить Восток с иконоборчеством, а Запад с иконопочитанием. Чтобы до конца осознать структуру мирового дуализма Запад-Восток нам все же следует исходить из иных критериев.

2.

[87] Католик Шмитт считает, что Filioque только подчерки вает Троичность Божества и усиливает иконографическую ориентацию христианского догмата, тогда как отказ от этого нововведения в Православной Церкви представляется ему выражением иконоборческого, ветхозаветного духа. Это совершенно неверный тезис, опровергаемый даже таким историческим наблюдением, как повсеместное распростране ние и почитание икон у православных народов, и особенно на Руси, где икона до сих пор играет столь колоссальную роль в религиозной практике, какую она не играла даже в периоды расцвета католицизма в Европе. Более того, введение Filioque было как раз выражением того абстрактного монотеизма и рационалистической теологии, которые ниче го общего не имеют с утверждением полноты Троичности и примата Образа. Более подробно по этому поводу см. А.Дугин "Метафизика Благой Вести". (А.Д.)

История планетарной конфронтации Востока и Запада во всей своей полноте сводима к основополагающему дуализму элементов: Земли и Воды, Суши и Моря.

То, что мы сегодня называем Востоком, представляет собой единую массу твердой суши: Россия, Китай, Индия громадный кусок Суши, "Срединная Земля"[88], как назвал ее великий английский географ сэр Хэлфорд Макиндер. То, что мы именуем сегодня Западом, является одним из мировых Океанов, полушарием, в котором расположены Атлантический и Тихий океаны. Противостояние морского и континентального миров вот та глобальная истина, которая лежит в основе объясне ния цивилизационного дуализма, постоянно порождаю щего планетарное напряжение и стимулирующего весь процесс истории.

В кульминационные моменты мировой истории столкновения воюющих держав выливаются в войны между стихией Моря и стихией Суши. Это заметили уже летописцы войны Спарты и Афин, Рима и Карфагена. Однако до определенного времени все ограничивалось областью Средиземного моря. Люди еще не знали громадных пространств, великих океанов, планетарных конфликтов. Сразу заметим, что надо делать концептуальное различие между стихией Моря и стихией Океана. Конечно, частичные параллели существуют, и многие ссылаются в этом смысле на известный пассаж из первой филиппики Демосфена (38.41). Я сам не вполне разделяю язвительности Платона, который сказал о греках, что "те сидят на берегу Средиземного моря, подобно лягушкам".

Тем не менее, между морской цивилизацией, являющейся внутриматериковой, и океанической цивилизаци ей существует значительная разница. Та напряженность между Востоком и Западом, та планетарная постановка проблемы конфликта, которые характерны для нашего периода истории, не имеют аналогов в прошлом. Окончательного всемирно-исторического объема противостоя ние Суши и Моря (как Океана) достигает только тогда, когда человечество осваивает всю планету целиком.

Планетарный характер битвы между Сушей и Морем впервые обнаружился во времена войн Англии против революционной Франции и Наполеона. Правда, тогда деление на Сушу и Море, Восток и Запад не было еще столь четким, как сегодня. Наполеон был, в конце концов, разгромлен не Англией, но континентальными Россией, Австрией и Пруссией. "Номос" Земли[89] еще заключался тогда в равновесии между силами Суши и Моря; одно Море не могло добиться своими силами решительной победы. В 1812 году, когда столкновение достигло своего апогея, Соединенные Штаты объявили войну не Наполеону, а Англии. Тогда произошло сближение между Америкой и Россией, причем оба этих молодых государства стремились дистанцироваться как от Наполеона, так и от Англии. Противоречие между Землей и Морем, между Востоком и Западом еще не

---

[88] Вначале Макиндер использовал термин "Pivot area", "осевая область", позже "Heartland", "Земля Сердцевины". (А.Д.)

[89] «Номос» фундаментальная категория Карла Шмитта, ось его теории истории, права, геополитики. "Der Nomos der Erde" называется его главный труд. Номос в греческом verbum occasionalis от глагола nemein, означающем "брать, владеть, делить, распределять, обустраивать и т.д.". Этимологически ему соответствует немецкое nehmen и Nahme, т.е. "брать", "взятое". Родственно слову Nahme, т.е. "имя". В русском языке ближе всего эту идею отражает слово "иметь" и старославянское "имать" ("брать"), от которого "имя", "имущество", "имение", откуда "поднимать", "перенимать", "отнимать", и даже "понимать" (сравни фр. saisir хватать, схватывать, брать, понимать). В чем-то близко значению слов "делить", "надел", "доля" (в смысле "имущество" и "судьба"). Идея "номоса" идея упорядоченной структуры, свойственной специфически человеческой исторической организации общества, семьи, территории, права и т.д. Можно соотнести понятие "номоса" у Шмитта с понятием "структуры" у французских структуралистов, причем нельзя исключить в этом случае и прямого плагиата (естественно, со стороны французов). Известен тот факт, что Шмитт в значительной степени повлиял на крупнейшего европейского гегельянца Александра Кожева, бывшего, в свою очередь, учителем Маркузе. (А.Д.)

выкристалли зовалось тогда в чистое противостояние стихий, что произошло лишь в момент заключения Североатлантического союза в 1949 году.

Но уже во времена Наполеона довольно ясно проявилась закономерность политического конфликта, предопределенного различием цивилизационных стихий, т.е. такого конфликта, где надо было выбирать между Сушей и Морем. В июле 1812 года, когда Наполеон подступал к Москве, Гете сочинял панегирик якобы королеве Марии Луизе, но, на самом деле, ее супругу французскому императору:

"Там, где тысячи людей пребывают в замешательстве, там все решает один человек (Наполеон)."

Немецкий поэт продолжает, имея в виду глобальный аспект противостояния Суши и Моря:
"Там, где собираются сумерки столетий,

Он (Наполеон) рассеивает их светом духовного взора.

Все ничтожное исчезло,

Лишь Суша и Море имеют здесь значение".

("Worueber trueb Jahrhunderte gesonnen

Er uebersieht's im hellsten Geisteslicht.

Das Kleinliche ist alles weggeronnen,

Nur Meer und Erde haben hier Gewicht.")
Гете был на стороне Наполеона. Для него это была сторона Суши, Земли. Но Наполеон отождествлялся также с Западом. Запад был тогда еще Сушей и никак не Морем. Немецкий поэт искренне надеялся, что Запад так и останется воплощением сухопутной, континентальной силы, а Наполеон, как новый Александр, будет отвоевывать у сил Моря прибрежные территории, и тогда "Суша вступит в свои права."

Так Гете, типичный представитель Запада, летом 1812 года сделал выбор в пользу Суши, Земли против Моря. Конечно, в соответствии со своим мировоззрением, он понимал противостояние Земли и Моря как статичную, полярную напряженность, а не как диалектический неповторимый исторический момент. В данном случае, крайне важно то различие между статичной полярностью и исторической диалектикой, о котором мы говорили в самом начале статьи.

3.

Гете мыслил в терминах статичной полярности. Но полярная напряженность значительно отличается от напряженности историко-диалектической. Статика полярного напряжения предполагает синхронизм, постоянст во, при котором взаимодействие противоположных полюсов составляет фиксированную структуру, остающую ся сущностно одинаковой при всех внешних изменени ях, проистекающих из конкретных исторических ситуаций. Это своего рода вечное возвращение.

Конкретно-исторический подход исследует, напротив, цепь логической и исторической взаимосвязи между конкретикой определенного вопроса и данного на него ответа. Вопрос и ответ дают диалектику исторически конкретного и определяют структуру исторических ситуаций и эпох. Подобная диалектика не обязательно должна отождествляться с гегелевской логикой понятий или с фатально заданной закономерностью природного течения событий.

Нас здесь интересует, однако, исследование структу ры конкретно существующего в нашем мире планетар ного дуализма (а не общая теория исторического процесса). Историческое мышление есть мышление однократ ными, одноразовыми историческими ситуациями и, следовательно, одноразовыми истинами. Все исторические параллели служат лишь наилучшему распознанию этой единственности, в противном случае они становятся лишь мертвыми функциональными элементами абстрактной системы, которой в реальной жизни просто не существу ет. Абсурдно и нереалистично делать предположения такого рода: что случилось бы, если бы события приняли иной оборот, нежели они приняли в реальной истории. К примеру, а что, если бы сарацины победили в битве при Пуатье? Что, если бы Наполеон не проиграл сражения при Ватерлоо? Что, если бы зима 41/42 была не такой холодной? Такие нелепые предположения, которые можно встретить даже у знаменитых историков, абсурдны уже потому, что в них совершенно упускается из виду единственность и неповторимость любого исторического события. Структура полярной напряжен ности всегда актуальна, вечна, как вечное возвращение.

Историческая же истина, напротив, истинна лишь один раз. Она и не может быть истинной больше, чем один раз, так как именно в однократности заключается ее историчность. Одноразовость исторической истины является одним из секретов онтологии, как выразился Вальтер Варнах. Диалектическая структура вопроса и ответа, о которой мы здесь ведем речь, пытаясь объяснить суть истории, никоим образом не ослабляет и не упраздняет качества однократности исторического события. Напротив, она только усиливает ее, поскольку речь идет о неповторимом конкретном ответе на столь же неповторимый конкретный вопрос.

Если бы противостояние между Сушей и Морем, выраженное в современном планетарном дуализме, было исключительно статично полярным, т.е. включенным в цепь природного равновесия и вечного возвращения, то оно было бы лишь фрагментом чисто природного процесса. Стихии в природе разделяются и воссоединяются, смешиваются и расслаиваются. Они сменяют друг друга и переходят друг в друга в беспрестанном круговороте метаморфоз, который открывает все новые и новые образы и формы сущности всегда тождественного полярного напряжения. Если бы дело сводилось только к такому природному статическому дуализму, актуальное противостояние Востока и Запада было бы лишь особой формой выражения вечной циркуляции элит, проблемой иконографий. Вечное возвращение и вечное превраще ние не знает специфической правды, неповторимой ситуации, исторического момента. Статично-полярное противостояние исключает историческую неповторимость. Но в конкретной истории все иначе. В определенные эпохи появляются дееспособные и могущественные народы и группы, которые захватывают и делят землю в процессе дружественных договоров или войн, хозяйничают на своей территории, пасут скот и т.д. Из этого образуется Номос Земли. Он ограничен своим уникальным здесь и теперь, а напряженность между элементами, о которых мы рассуждаем, между Сушей и Морем, лишь порождает природный, объективный контекст, в котором данный Номос складывается.

Если взять Землю и Море (и населяющих их существ) как исключительно природные элементы, то очевидно, что сами по себе они не могут породить враждебного

противостояния, которое имело бы сугубо исторический событийный смысл. Обитатели Моря и обитатели Суши не могут быть по своей природе абсолютными врагами. Случается, что наземные животные пожирают морских, но нелепо в данном случае говорить о какой-то вражде. Сами рыбы сплошь и рядом пожирают друг друга, особенно крупные мелких. Да и обитатели Суши относятся друг к другу не намного лучше. Поэтому нельзя утверждать, что существует природная враждебность Суши и Моря. Скорее, в чисто природном состоянии эти две стихии существуют совершенно безотносительно и безразлично друг к другу, причем в такой степени, что говорить о таком специфическом и интенсивном соотношении как вражда здесь совершенно нелепо. Каждое живое существо пребывает в своей стихии, в своей среде. Медведь не враждует по своей природе с китом, а кит не объявляет войну медведю. Даже морские и сухопутные хищники твердо знают свои границы и пределы своего обитания. Медведь не посягает на владения льва или тигра; даже самые смелые звери знают свое место и стремятся избежать неприятных столкновений. Те, кто приводят в качестве примера природной вражды отношения кошек с собаками, лишь лишний раз доказыва ют, что такая природная вражда резко отличается от человеческой. Когда собака лает на кошку, а кошка шипит на собаку, их конфликт имеет совершенно иной смысл, нежели вражда людей. Самое главное отличие состоит в том, что люди по контрасту с животными способны отрицать наличие самого человеческого качества у своих противников, а животные нет. Бытие собаки духовно и морально не ставит под вопрос бытия кошки и наоборот.

Однако показательно, что именно басни из жизни животных особенно выпукло иллюстрируют специфически человеческие политические ситуации и отношения. Вообще говоря, с философской точки зрения, проблема басен о животных интересна сама по себе. Перенося на животный мир сугубо человеческие политические ситуации, мы демифологизируем, проясняем их, лишаем идеологических и риторических покрывал. Именно в силу того, что отношения среди животных имеют совершенно иной смысл, нежели отношения среди людей, такой аллегорический прием когда люди выступают как звери, а звери как люди позволяет обнаружить доселе сокрытое через сознательный отход от прямолинейного и одномерного анализа. Перевоплощение в зверя отчуждает человека от человеческого, но через такое отчуждение человеческое становится только более отчетливым и выпуклым. На этом основан политический смысл басен о животных (на чем мы не будем более здесь останавли ваться).

При переносе дуальности Суша-Море на человечест во, казалось бы, речь должна идти о морских конфликтах между людьми Моря и сухопутных конфликтах между людьми Суши. На самом деле, дело обстоит совершенно иначе, начиная с того момента, когда историче ское планетарное напряжение достигает определенного критического уровня. В отличие от животных люди и только люди способны вести войну между народами Суши и народами Моря. Когда вражда достигает своей высшей точки, военные действия захватывают все возможные области, и война с обоих сторон разворачивает ся как на Суше, так и на Море. Каждая из сторон вынуждена преследовать противника вглубь враждебной стихии. Когда осваивается и третья, воздушная стихия, конфликт переносится и на нее, а война становится воздушной войной. Но изначальные субъекты конфликта не утрачивают своего качества, поэтому мне представля ется вполне разумным говорить именно о противостоя нии элемента Земли и элемента Моря. Когда планетар но- историческое противостояние приближается к своему пику, обе стороны до предела напрягают все свои материальные, душевные и духовные силы. Тогда битва распространяется на все прилегающее к противоборствую щим сторонам пространства. И стихийное природное различие Суши и Моря в этом случае превращается в настоящую войну между этими элементами.

Вражда между людьми обладает особым напряжени ем, которое многократно превосходит напряжение, характерное для враждебности в царстве природы. В человеке все аспекты природы трансцендируются, обретают трансцендентное (или трансцендентальное, как угодно) измерение. Это дополнительное измерение можно назвать также "духовным" и вспомнить Рембо, который сказал: "Le combat spirituel est aussi brutal que la bataille des hommes"[90]. Как бы то ни было, вражда между людьми может достичь невероятной степени. Эта высшая степень вражды отчетливо проявляется в гражданских войнах, когда противник настолько криминализируется, морально, юридически и идеологически, что фактиче ски ставится вне всех человеческих законов. В этом дает о себе знать какой-то свойственный лишь человеку, сугубо сверхприродный элемент, трансцендентный по отношению к его природному измерению; этот элемент порождает невероятное напряжение и превращает природную полярность в конкретную историческую диалектику.

Слово "диалектика" выражает здесь то особое качество (свойственное лишь человечеству), которое кардиналь но отлично от всех природных форм полярности. Слово "диалектика" указывает на структуру "вопрос-ответ ", которая только и может адекватно описать историческую ситуацию или историческое событие. Историческая ситуация может быть понята только как брошенный человеку вызов и его ответ на этот вызов. Каждое историче ское действие есть ответ человека на вопрос, поставлен ный историей. Каждое человеческое слово это ответ. Каждый ответ обретает смысл через вопрос, на который он призван отвечать; для того, кто не знает вопроса, слово остается бессмысленным. А смысл вопроса, в свою очередь, лежит в той конкретной ситуации, в которой он был поставлен.

Все это напоминает "логику вопрос-ответ" (Question-Answer Logic) Р.Дж. Коллингвуда, и в самом деле, мы именно ее имеем в виду. Коллингвуд с помощью мышления в терминах "вопрос-ответ" стремился определить специфический смысл истории. Он сделал это с блистательной точностью, так как для него данное определение означало венец философского пути по преодолению собственного внеисторического естественнонаучного позитивизма. Замысел Коллингвуда был великолепен, но английский ученый был слишком глубоко затронут английским определением науки, свойственным XIX веку, чтобы суметь преодолеть психолого-индивидуалистиче ское толкование проблемы "вопрос-ответ". Только этот фактор и может объяснить его болезненные, закомплек сованные припадки германофобии, которые изрядно подпортили его последнее произведение "The New Leviathan"[91]. Но великая заслуга его "логики вопроса-ответа"

---

[90] «Духовная битва так же жестока, как человеческая война» (фр.).

[91] Сам Шмитт, в свою очередь, мог бы быть обвинен в русофобии, основанной на столь же несостоятельных (по большому счету) предрассудках, проистекающих, однако, из другого источника: из его конфессиональной привержен ности католицизму и геополитической абсолютизации Средней Европы. Армин Мелер в своей блистательной книге "Консервативная Революция в Германии 1918 1932" убедительно показал как геополитическое членение Европы на три зоны Западная Европа (Англия, Франция), Сред няя Европа (Германия, Австрия), Восточная Европа (Россия) проецируется на культурные оценки своих соседей обитателями этих трех зон. Для англичан и французов немцы варвары, только что вышедшие из лесов, "гунны", дикие потомки Аттилы. Для самих немцев такими варварами представляются русские. Но для русских немцы, кажущие ся варварами французам и англичанам, видятся как бездушные автоматы, носители сугубо западной цивилизации и культуры (т.е. как классические, утрированные европейцы). Сами же немцы в отсутствии жизненности и исторического воодушевления упрекают французов и англичан. Кстати, эта геополитическая типология европейских этносов предопределила концепцию "юных народов" (почерпнутую немецкими консервативными революционерами у Достоевского), признающую таковыми русских и немцев. Иными словами, упреки в варварстве могли быть истолко ваны и в позитивном ключе, как это имело место в русофильском (преимущественно, прусском, протестантском или языческом) лагере Консервативной Революции в Германии, к которому принадлежали Артур Мюллер ван ден Брук, Освальд Шпенглер и, особенно, Эрнст Никиш и национал-боль шевики. Но несмотря на свою русофобию, Шмитт

остается безусловной. Однако необходимо особо подчеркнуть, что вопрос здесь ставится не отдельным человеком или группой людей, и уж совсем не произвольно взятым историком, исследующим прошлое, но самой Историей, состоящей в своем качественном аспекте из вопросов и ответов. Вопрос это само по себе историческое событие, из которого произрастает через конкретный человеческий ответ следующее событие. Ровно в той степени, в какой люди принимают вызов и вопрос истории и в какой они стараются ответить на них своим отношением и своими поступками, в той степени они демонстрируют свою способность на рискованное участие в истории и, следовательно, подвергаются ее суду. Одним словом: они переходят из природного состояния в историческое.

Арнольд Тойнби развил "логику вопроса-ответа" (question-answer logic) до культурно-исторической концепции "структуры вызов-отзыв"[92] (challenge-response-structure). Концепцию "вопроса" Тойнби развил до понятия "вызова", а концепцию "ответа" до "отзыва". Это было важнейшим этапом в прояснении сущностной характеристики исторического, так как здесь явственно различимо не просто статично полярное, природное напряжение, разбиравшееся неисторическими индивидуально - психологическими естественнонаучными школами мысли, но напряжение, понятое диалектически. Тойнби вычленяет на основании своего метода более двадцати культур или высших цивилизаций, каждая из которых основана на конкретном историческом ответе, отзыве людей на поставленный историей вопрос, брошенный ею вызов. К примеру, в случае Египта вызов заключался в природной специфике долины Нила, в привязанности к реке и в постоянной угрозе вражеских нашествий. Освоение и организация пространства долины Нила, защита от внешних, варварских влияний и основанная на этом египетская цивилизация с ее культами богов, династиями, пирамидами и священным искусством все это было конкретным ответом на брошенный вызов.

Методология познания приобрела от такого подхода чрезвычайно много, так как отныне стало возможным изучать диалектическую структуру всякой исторической ситуации. Но и сам Тойнби не смог избежать характер ного заблуждения, значительно повредившего его концепции. Когда он начинает описывать механизм взаимодействия между собой выделенных им двадцати цивилизаций или культур, в его анализе пропадает самая существенная сторона исторического, структура самой истории уникальная одноразовость каждой конкретной ситуации и ее разрешения. Не существует никаких всеобщих законов мировой истории. Эта абстрактная попытка подчинить живую историю сухим

заслужи вает почитания и изучения со стороны русских, подобно тому, как сам он, будучи ярым немецким националистом, легко прощает ради интеллектуальных заслуг германофо бию англичанина Коллингвуда.(А.Д.)

[92] В русском языке не существует двух слов, которые соответствовали бы английским терминам "answer" и "response". Мы в данном месте переводим их как "ответ" и "отзыв". Оба термина означают "ответ". Кстати, нет такого различия и в немецком, так что Шмитт в тексте использует английский термин "response", всякий раз, когда ссылается на Тойнби и немецкое слово "Antwort", когда имплицитно имеет в виду Коллингвуда. В самом английском языке наличие двух терминов объясняется не четким семантиче ским разделением, но романским дублированием (response) германского слова (answer). Мы предпочли в русском переводе в дальнейшем оба слова переводить как "ответ", чтобы не перегружать текст терминологически (тем более, что мы показали искусственность такого различения). Response как ответ-отзыв, по мысли Шмитта, описывает человеческую реакцию на вызов истории в ключе, более отвлеченном от естественнонаучных представлений, от которых концепции Коллингвуда так никогда до конца и не освободились. Впрочем, по мере изложения сам Шмитт начинает употреблять оба термина как синонимы, выбирая тот или иной, скорее, по соображениям чисто стилистиче ского характера. То же самое можно сказать и о паре терминов "вопрос" и "вызов", question и challenge. В данном случае, Шмитт почти однозначно предпочитает слово "вызов", который он то переводит на немецкий Ruf, Anruf, то оставляет в изначальной английской форме challenge. В русской философской литературе принято этот термин всегда переводить как "вызов". (А.Д.)

закономерно стям или статистической вероятности внутри узко функциональной системы в корне неверна.

В реальности мы имеем дело лишь с одноразовыми конкретными ситуациями. И конкретная ситуация собственно нашей эпохи определяется тем, что в ней противостояние Востока и Запада приобрело характер планетарного дуализма, планетарной вражды. Когда мы пытаемся выяснить природу диалектического напряжения, порождаемого этим дуализмом, мы не стремимся вывести всеобщий закон или статистическую вероятность, не говоря уже о построении какой-то системы. Когда мы употребляем слово "диалектика", "диалектическое", мы подвергаемся риску быть неверно понятыми и причисленными к узко гегелевской школе. Это не совсем так. Историческая диалектика Гегеля, на самом деле, дает возможность осмыслить одноразовость и уникальность исторического события, что видно хотя бы из фразы Гегеля о том, что вочеловечивание Сына Божьего есть центральное событие всей человеческой истории. Из этого явствует, что история для Гегеля была не просто цепью объективных закономерностей, но обладала и субъективным измерением активного соучастия. Но во всеобщей гегелевской систематизации часто теряется историческая уникальность, и конкретное историческое событие растворяется в одномерном мыслительном процессе. Этого замечания достаточно для того, чтобы прояснить наше понимание термина "диалектика" и предупредить автоматическое зачисления в гегельянцы, что весьма свойственно для "технического", автоматического образа мысли наших современников.

Помимо неверного понимания сущности исторической диалектики, характерной для гегельянства в целом, следует также опасаться типичной для XIX столетия мании к формулировке закономерностей и открытию законов. Этой болезни подверглись практически все западные социологи и историки кроме Алексиса де Токвиля. Потребность выводить из каждой конкретной исторической ситуации всеобщий закон развития покрыла научные открытия даже самых прозорливых мыслите лей прошлого столетия почти непроницаемой пеленой туманных обобщений.

Возведение конкретно-исторического факта к какому-то общечеловеческому закону было той платой, которой XIX век компенсировал свой научно-естественный позитивизм. Ученые просто не могли представить себе какую-то истину вне всеобщей, точно высчитываемой и измеряемой функциональной закономерности. Так Огюст Конт историк современности, наделенный гениаль ной интуицией, правильно определил сущность своей эпохи, представив ее результатом развития, состоящего из трех этапов: от богословия через метафизику к позитивизму. Это было совершенно верное замечание, точно определяющее одноразовый, осуществленный в трех моментах шаг, который совершила западная мысль с XIII по XIX век. Но позитивист Огюст Конт смог сам поверить в истинность сформулированного им принципа только после того, как заявил, что закон трех стадий распространяется на все человечество и на всю его историю. Карл Маркс, в свою очередь, поставил очень точный диагноз тому положению дел, которое было характерно для второго этапа индустриальной революции в середине XIX века в Средней и Восточной Европе; но беда в том, что он возвел свои соображения в универсальную всемирно историческую доктрину и провозгласил упрощенный тезис о "классовой борьбе", тогда как, на самом деле, речь шла всего лишь о конкретном моменте техно-индустриальной революции, связанном с изобретением железных дорог, телеграфа и паровой машины. Уже в XX веке Освальд Шпенглер значительно ограничил значение своего открытия относительно глубинных исторических параллелей между настоящей эпохой и эпохой римской гражданской войны и периодом цезарей тем, что составил на этом основании всеобщую теорию культурных кругов, а следовательно, убил сугубо исторический нерв всей своей работы.

4.

Индустриализация и техническое развитие являются сегодня судьбой нашей земли. Итак, постараемся определить одноразовый исторический вопрос, великий вызов и конкретный ответ, порожденные индустриально -технической революцией прошлого столетия. Отбросим при этом все поверхностные заключения, вовлекающие нас в рискованные системы причинно-следственной обусловленности. Мы вычленили из общего понятия напряженности сугубо диалектическую напряженность, отличную от полярно- статической. Но эта концепция диалектической напряженности не должна пониматься как банальный продукт гегельянства, естественнонаучных воззрений или нормативистских конструкций. Формула Тойнби относительно "вызова-отзыва" также должна использоваться лишь в качестве инструмента, так как нам надо, в первую очередь, верно понять сугубо одноразо вую актуальную истину сегодняшнего планетарного дуализма Востока и Запада.

Здесь нам поможет текст Арнольда Тойнби 1953 года с выразительным названием: "The World and the West" ("Мир и Запад")[93]. Это произведение спровоцировало ожесточенную критику и полемику, которую мы предпочитаем обойти молчанием, так как нас интересует здесь лишь противостояние Земли и Суши. Тойнби говорит о нашей эпохе, выделяя в ней как отдельную категорию Запад, противопоставленный всему остальному миру.

Запад представляется ему агрессором, который в течение четырех с половиной столетий осуществлял экспансию своей индустриально-технической мощи на Восток в четырех основных направлениях: Россия, исламский мир, Индия и Восточная Азия. Для Тойнби представляется очень важным, что эта агрессия осуществля лась через освободившуюся от норм христианской традиции технику (entfesselte Technik). Тот факт, что сегодняшний Восток сам начал широко использовать технику, означает для Тойнби начало его активной самозащиты перед лицом Запада. Правда, в XVII веке иезуиты сделали попытку проповедовать христианскую религию индусам и китайцам не как религию Запада, но как религию универсальную, относящуюся равным образом ко всем людям. Тойнби считает, что эта попытка, к несчастью, провалилась из-за догматических разногла сий между различными католическими миссиями и централизованной проповеднической сетью иезуитов. Смысл Октябрьской коммунистической революции, согласно Тойнби, состоит в том, что Восток стал вооружаться освобожденной от христианской религии европейской техникой. Эту технику Тойнби называет "куском европейской культуры, отколовшимся от нее к концу XVI века". Заметим эту важнейшую, абсолютно точную формулировку.

Выясним теперь в свете "логики вопрос-ответ", что было тем вызовом и тем отзывом, которые исторически проявились в нашу эпоху через индустриально-техниче ский рывок.

Из чего происходит индустриальная революция? Ответом на какой вопрос она является? Каковы ее истоки и ее родина, ее начало и ее мотивация? Она происходит с острова Англия и датируется XVIII веком. Повторим всем известные даты 1735 (первая коксовая печь), 1740 (первая литая сталь), 1768 (первая паровая машина), 1769 (первая современная фабрика в Нотингэ ме), 1770 (первый прядильный станок), 1786 (первый механический ткацкий станок), 1825 (первый паровоз). Великая промышленная революция происходит с

[93] Эта формула "The World and the West" (и имплицитно содержащаяся в ней геополитическая концепция) явно перекликается с работой Самуила Хантингтона "Clash of civilisations", одна из главок которой называется аналогич но "The West and the Rest". Американский консерватор Хантингтон явно находится под влиянием Тойнби и, видимо, считает себя его продолжателем. (А.Д.)

острова Англия, ставшего начиная с XIX столетия главной промышленной страной мира. Этот исторический феномен, который мы постоянно должны иметь в виду, заметил уже первый немецкий социолог Лоренц фон Штайн в 1842 году.

Он писал по этому поводу:

"Удивительным образом и совершенно неожиданно, в то же самое время, когда во Франции распространяются идеи свободы и равенства, в Англии появляются первые машины. Вместе с ними открывается совершенно новая эпоха для всего мира в вопросах благосостояния, производства, потребления и торговли. Машины стали подлинно революционной силой в материальном мире, и из этого подчиненного ими материального мира они начали распространять свое могущест во вглубь, во все сферы мира духовного."

"Удивительным образом и совершенно неожиданно" причем именно "в Англии"! В этих словах слышится жадное к познанию удивление молодого немца, который начинает осознавать историческую ситуацию своего народа и в Париже Луи Филиппа понимает, что политиче ская революция, расползающаяся начиная с 1789 года по всему европейскому континенту, есть лишь бледный идеологический эпифеномен по сравнению с индустри альной революцией, распространяющейся из Англии и представляющей собой подлинно революционную силу. Так родилась только что приведенная нами замечатель ная фраза из главы под значительным названием "Пролетариат". В этом же тексте впервые в европейскую дискуссию вводится научное осмысление проблемы фундаментального различия между рабочей силой и собствен ностью.

Итак, индустриальная революция происходит из Англии XVIII столетия. Какова была историческая ситуация на этом острове в то время? Англия была островом, отделившимся начиная с XVI века от европейского континента и сделавшим первые шаги к чисто морскому существованию. Это, с исторической точки зрения, является для нас самым существенным. Все остальное лишь надстройка, суперструктура. Какое бы внешнее событие мы ни выбрали в качестве окончательного шага к чисто морскому существованию, захват Ямайки Кромвелем в 1655 году, окончательное изгнание Стюартов в 1688 году или европейский мир в Утрехте в 1713 году, главным является следующее: один европейский народ начиная с определенного момента перестал считать остров, на котором он жил, частью несколько удаленной европейской Суши и осознал его как базу для чисто морского существования и для морского господства над мировым океаном. Начиная с XVI века Англия вступила в эпоху великих географических открытий и принялась отвоевывать колонии у Португалии, Испании, Франции и Голландии. Она победила всех своих европейских соперников не в силу морального или силового превосходства, но лишь исключительно из-за того, что сделала решительный и бесповоротный шаг от твердой Суши к открытому Морю, и в такой ситуации отвоевывание сухопутных колоний обеспечивалось контролем над морскими пространствами.

Это был одноразовый, неповторимый, исторический ответ на столь же одноразовый, неповторимый исторический вызов, на великий вызов века европейских географических открытий. Впервые в известной нам истории человечества возник вызов, относящийся не только к конкретным рекам, берегам или внутриматериковым морям; впервые он имел планетарный, глобальный характер. Большинство европейских народов осознали этот вызов в континентальных, сухопутных терминах. Испанцы создали свою гигантскую заокеанскую империю; при этом она оставалась сущностно сухопутной и строилась на обширных материковых массах. Русские оторвались от Москвы и завоевали гигантскую

страну Сибирь. Португальцам, несмотря на их удивительные достижения в мореплавании, также не удалось перейти к чисто морскому существованию. Даже героический эпос эпохи португальских открытий, "Лузиады" Комоенса, говорят об Индийском океане по сути почти так же, как Эней Виргилия говорит о Средиземном море. Голландцы первыми пустились в глобальные морские авантюры и долго оставались в авангарде. Но база была слишком слабой, укоренность в политике сухопутных держав слишком глубокой, и после заключения мира в Утрехте в 1713 году Голландия окончательно была привязана к Суше. Французы вступили в двухсотлетнюю войну с Англией и, в конце концов, проиграли ее. Англию континент особенно не беспокоил (the least hampered by the continent), и она окончательно и успешно перешла к чисто морскому существованию. Это создало непосредст венные предпосылки для индустриальной революции.

Бывший некогда европейским остров отбросил традиционную, сухопутную картину мира и начал последова тельно рассматривать мир с позиции Моря. Суша как естественное жизненное пространство человека превратилось в нечто иное, в берег, простирающийся вглубь континентальных просторов, в backland. Еще в XV веке во времена Орлеанской девы английские рыцари, подобно рыцарям других стран, в честном бою добывали себе трофеи. Вплоть до XVI столетия англичане были овцеводами, продававшими шерсть во Фландрию, где из нее делали ткани. И этот народ превратился в нацию "пенителей морей" и основал не только морскую, но океаниче скую, мировую империю. Остров перестал быть отдельно расположенным фрагментом Суши и превратился в Корабль, лежащий на якоре вблизи континента. На место старого, сухопутного Номоса Земли вступил новый Номос, включающий в свою структуру освоенные простран ства открытого Моря, но при этом отрывающий открытое море от континентальной массы и противопостав ляющий пространство Моря пространству Суши, чтобы создать равновесие с помощью контроля над Сушей со стороны Моря.

То, что отпало от европейской культуры в XVI веке, было, вопреки Тойнби, не "техническим осколком ", но чем-то совсем иным. Европейский остров откололся от европейского континента, и новый, призванный островом мир Моря поднялся против традиционного мира континентальной Суши. Этот мир Моря породил противовес миру Суши, и мир (Frieden, peace) на земле стал подобен весам в его руках. Это было выражением конкретного ответа на вызов открывшегося Мирового Океана. И на этом острове Англия, принявшем вызов и сделавшем решительный шаг к морскому существованию, внезапно появились первые машины.

5.

Корабль основа морского существования людей, подобно тому, как Дом это основа их сухопутного существования. Корабль и Дом не являются антитезами в смысле статического полярного напряжения; они представляют собой различные ответы на различные вызовы истории. И Корабль и Дом создаются с помощью технических средств, но их основное различие состоит в том, что Корабль это абсолютно искусственное, техниче ское средство передвижения, основанное на тотальном господстве человека над природой. Море представляет собой разновидность природной среды, резко отличную от Суши. Море более отчужденно и враждебно. Согласно библейскому повествованию, человек получил свою среду обитания именно через отделение Земли от Моря. Море оставалось сопряженным с опасностью и злом. Здесь мы отсылаем читателей к комментариям на первую главу "Книги Бытия" в третьем томе "Церковной Догмати ки" Карла Барта. Подчеркнем лишь, что для преодоле ния древнего религиозного ужаса перед Морем человечество должно было предпринять значительное усилие. Техническое усилие, предпринятое для такого преодоления, сущностно разнится со всяким иным

техническим усилием. Человек, отваживающийся пуститься в морское путешествие, слово "пират" изначально означало того, кто способен на такой риск, должен иметь, по словам поэта, "тройную броню на груди" (aes triplex circa pectus). Преодоление человеком инерциального сопротивления природы, составляющее сущность культурной или цивилизаторской деятельности, резко отличается в случае кораблестроения и освоения Моря и в случае разведения скота и строительства жилищ на Суше.

Центр и зерно сухопутного существования, со всеми его конкретными нормативами жилище, собствен ность, брак, наследство и т.д. все это Дом. Все эти конкретные нормативы произрастают из специфики сухопутного существования и особенно из земледелия. Фундаментальный правовой институт, собственность Dominium получил свое название от Дома, Domus. Это очевидно и известно всем юристам. Но многие юристы, однако, не знают, что немецкое слово Bauer (paganus, крестьянин) происходит не непосредственно из слова "Ackerbau" (пахота), но от слова "Bau", "Gebaude", "aedificium", т.е. "здание", "постройка", "дом". Оно означало изначально человека, владевшего домом. Итак, в центре сухопутного существования стоит Дом. В центре морского существования плывет Корабль. Дом это покой, Корабль движение. Поэтому Корабль обладает иной средой и иным горизонтом. Люди, живущие на Корабле, находятся в совершенно иных отношениях как друг с другом, так и с окружающей средой. Их отношение к природе и животным совершенно отлично от людей Суши. Сухопутный человек приручает зверей слонов, верблюдов, лошадей, собак, кошек, ослов, коз и "все, что ему принадлежит" и делает из них домаш них животных. Рыб невозможно приручить, их можно только поймать и съесть. Они не могут стать домашни ми животными, так как сама идея Дома чужда морю.

Для того чтобы осознать бездонное различие между сухопутным и морским существованием, мы привели культурно-исторический пример. Сейчас мы стараемся найти ответ на вопрос, почему индустриальная революция со свойственным ей раскрепощением технического порыва (entfesselte Technik) зародилась в условиях морского существования. Сухопутное существование, центром которого является Дом, совершенно иначе относится к технике, нежели морское существование, центром которого является Корабль. Абсолютизация технического прогресса, отождествление любого прогресса исключительно с техническим прогрессом, короче, то, что понимается под выражением "раскрепощенный технический порыв", "раскрепощенная техника" все это могло зародиться, произрасти и развиться только на основании морского существования, в климате морского существования. Тем, что остров Англия принял вызов открывающегося мирового океана и довел до логическо го завершения переход к чисто морскому существова нию, он дал исторический ответ на вопрос, поставлен ный эпохой великих географических открытий. Одновременно это было и предпосылкой индустриальной революции и началом эпохи, чью проблематику пережива ем сегодня мы все.

Конкретно мы говорим о промышленной революции, которая является сегодня нашей общей судьбой. Эта революция не могла осуществиться нигде и никогда, кроме как в Англии XVIII века. Промышленная революция как раз и означает раскрепощение технического прогресса, а это раскрепощение становится понятным только исходя из специфики морского существования, при котором оно, до некоторой степени, разумно и необходимо. Технические открытия делались во все времена и во всех странах. Техническая одаренность англичан не превышает одаренности других народов. Речь идет лишь о том, каким образом использовать техническое открытие и в каких пределах; иными словами, в какую систему нормативов это открытие поместить. В условиях морского существования технические открытия совершают ся более легко и свободно, так

как они не обязательно должны встраиваться в фиксированную структуру нормативов, свойственных сухопутному существованию. Китайцы изобрели порох; они были нисколько не глупей европейцев, которые также изобрели его. Но в условиях чисто сухопутного, закрытого существования тогдашне го Китая, это повлекло его использование исключитель но для игр и фейерверков. В Европе же то же самое привело к открытиям Альфреда Нобеля и его последова телей. Англичане, совершившие в XVIII веке все свои знаменитые открытия, повлекшие за собой промышлен ную революцию, коксовые печи, сталелитейное производство, паровую машину, ткацкий станок и т.д., не были гениальнее других народов из других стран и других эпох, живших по сухопутным законам и сделавших аналогичные открытия независимо от англичан. Технические открытия не являются откровениями таинственного высшего духа. Они во многом диктуются временем. Но забываются или развиваются они это зависит от того человеческого контекста, в котором они были сделаны. Я выражусь определеннее: технические открытия, лежащие в основе промышленной революции, только там на самом деле приведут к индустриальной революции, где сделан решительный шаг к морскому существованию.

Переход к чисто морскому существованию уже несет в самом себе и в своих прямых следствиях раскрепоще ние техники как самостоятельной и самодовлеющей силы. Всякое развитие техники в предшествующих периодах сухопутного существования никогда не приводило к появлению такого принципа как Абсолютная Техника . При этом надо подчеркнуть, что береговые и связанные с внутренними морями формы культур еще не означают перехода к чисто морскому существованию. Только при освоении Океана Корабль становится настоящей антитезой Дома. Безусловная вера в прогресс (понятый как технический прогресс) является верным признаком того, что совершен переход к морскому существованию. В исторически, социально и морально бесконечном пространстве морского существования само собой возникает цепная реакция безбрежной череды открытий. Речь идет не о различии между кочевыми и оседлыми народами, а о противоречии между Сушей и Морем двумя противоположными стихиями человеческого существования. Поэтому неверно говорить о "морских кочевниках" в одном ряду с кочевниками на лошадях, верблюдах и т.д. Неправомочно переносить сухопутные условия на стихию Моря. Жизненное пространство человечества в его сверхприродном, историческом смысле радикально различается по всем параметрам внешним и внутренним в зависимости от того, идет ли речь о сухопутном или морском существовании. С какой бы позиции мы ни смотрели на это различие, с Моря на Сушу или с Суши на Море, оно проявляется в совершенно иначе структу рированном силовом цивилизационном и культурном поле; при этом надо заметить, что культура сама по себе в
большей степени относится к Суше, а цивилизация к Морю[94], морское мировоззрение ориентировано техноморфно, тогда как сухопутное социоморфно.

Два важнейших феномена XIX столетия могут быть освещены в новом свете при помощи теории специфики морского существования. Речь идет о классической политэкономии конца XVIII начала XIX века и о марксизме. По мере развития промышленной революции обнаруживающаяся безбрежность провоцировала все новые и новые шаги по пути раскрепощенного техническо го прогресса. Так называемая классическая политэконо мия была концептуальной суперструктурой, разработан ной на основании первой стадии промышленной революции. Марксизм, в свою очередь, основал свое учение уже на этой суперструктуре классической политэкономии. Он развил ее и разработал концептуальную суперструктуру для второй стадии промышленной революции. В этом качестве марксизм был взят на вооружение элитой русских профессиональных революционеров, которым

[94] Явная аллюзия на Освальда Шпенглера, противопос тавлявшего цивилизацию и культуру. (А.Д.)

удалось совершить в 1917 году революцию в Российской Империи и перенести двойную суперструктуру на условия своей аграрной страны. Во всем этом речь шла отнюдь не о практическом осуществлении чистого учения и о логичной реализации объективных законов исторического развития. Речь шла о том, что промышленно отсталая аграрная страна испытывала необходимость вооружиться современной промышленной техникой, так как в противном случае ей была обеспечена роль добычи для других более развитых промышленно крупных держав. Таким образом, марксизм из идеологической надстройки второй стадии промышленной революции превратился в практический инструмент для преодоления индустриаль но-технической незащищенности огромной страны, а также для смещения старой элиты, явно не справлявшейся с исполнением исторической задачи.

Но последовательное доведение до логического конца принципов классической политэкономии было лишь одним аспектом марксистского учения. Корни марксизма оставались гегельянскими. В одном месте гегелевских "Основ философии права" в параграфе 243 содержится смысл всей проблемы. Это знаменитое место. Этот параграф описывает диалектику буржуазного общества, беспрепятственно развивающегося по своим собственным законам, и подчеркивает, что "это общество неизбежно несет в себе прогрессирующий рост народонаселения и промышленности ". Гегель утверждает, что такое общество "при всем его богатстве никогда не будет достаточ но богатым, т.е. исходя только из своих внутренних возможностей никогда не сможет воспрепятствовать росту нищеты и увеличению числа неимущего населения". Гегель при этом откровенно ссылается в качестве примера на тогдашнюю Англию. В параграфе 246 он продолжа ет:

"Согласно этой диалектике, конкретное буржуазное общество вынуждено выходить за свои границы, чтобы искать среди других народов, отстающих либо по уровню развития промышленных средств, либо по техническим навыкам, потребителей своей продукции, а следовательно, средства для своего собственного существования."[95]

Таковы знаменитые параграфы 243 246 из гегелевских "Основ философии права", которые получили свое окончательное развитие в марксизме. Но, насколько мне известно, никто не обратил внимания на глубиннейший смысл параграфа 247, непосредственно следующего за только что процитированным. В нем утверждается фундаментальная противоположность между Сушей и Морем, и развертывание этого 247 параграфа могло бы быть не менее значительным и важным, чем развертывание параграфов 243 246 в марксизме. Здесь утверждается связь промышленного развития с морским существова нием. Этот 247-ой параграф содержит следующее решающее предложение:

"Подобно тому, как для супружества первым условием является твердая земля, Суша, так как для промышленности максимально оживляющей ее стихией является Море."

Здесь я прерываю свое изложение, и предоставляю внимательным читателям возможность увидеть в нем начало развертывания 247-го параграфа из "Основ философии права" Гегеля, подобное тому, как развертывание параграфов 243 246 создало марксизм.

---

[95] Из этого положения легко выводятся основные моменты ленинской теории "империализма как высшей стадии развития капитализма " и основополагающие принципы концепции "автаркии больших пространств " (и шире, "экономического национализма") Фридриха Листа. Любопытно, что немецкие консервативные революционеры извлекли из развития тезисов Листа практически те же выводы, что и Ленин из Гегеля и Маркса. В обоих случаях речь шла о планетарной антиимпериалистической борьбе за "права народов" против англосаксонского талассократического колониализма. Кстати, главным теоретиком "прав народов" был именно Карл Шмитт. Геополитическое применение и развитие этого принципа характерно для Хаусхофера. (А.Д.)

Наш разбор порождает новый вопрос и вместе с ним новую опасность. Само собой напрашивается желание поставить следующую проблему: каков актуальный вызов истории? И тут же возникает опасный соблазн ответить на этот вопрос старым способом, адекватным и правильным в предшествующую эпоху. Людям свойственно цепляться за то, что доказало когда-то ранее свою истинность и эффективность. Они категорически отказываются понимать, что со стороны человечества новый ответ на новый вопрос может быть только предположе нием, и чаще всего, как это было в случае путешествия Колумба, слепым предположением. У человека есть непреоборимая потребность относиться к последнему хронологически историческому опыту как к чему-то вечному. Когда мы, немцы, в 1914 году вторглись во Францию, нам казалось, что события будут отныне развиваться как в 1870-71 годах вплоть до нашей решитель ной победы. Когда в 1870-71 гг. осажденные французы совершили вылазку из Парижа, они были уверены, что все снова пойдет по сценарию победоносной революции 1792 г. Когда государственный секретарь США Стимсон в 1932 году провозгласил свою знаменитую доктрину, доктрину Стимсона, он считал, что в целом сложившая ся ситуация напоминает в увеличенном масштабе 1861 год и начало войны за независимость.

Чувство истории должно уберечь нас от подобных ошибок. Парадоксальным образом именно в тех странах, которые дальше других продвинулись по пути раскрепощенной техники, распространено мнение, что отныне с помощью технических средств начинается прорыв в новые бесконечные пространства космоса. По сравнению с этим прорывом в космос пятисотлетний прорыв эпохи великих географических и технических открытий покажется несущественным отрезком времени. Люди планируют атаку на стратосферу и полеты на Луну. Сама наша планета, Земля постепенно превращается в космиче ский корабль, плывущий в космическом пространстве.

Такое мнение представляется мне повторением старого ответа, развитием того ответа, который был дан некогда на вызов открывшегося мирового Океана. Люди рассматривают вызов сегодняшнего дня как масштабное повторение открытия Америки. Психологически, так сказать, это понятно. Тогда открывались новые континен ты и океаны земли. Сегодня я не вижу никакого открывающегося космоса, не слышу никакого космического вызова. Не будем говорить о летающих тарелках. Раскрепощенная техника может сколь угодно долго и яростно вгрызаться в космос, из этого не получится нового исторического вызова и тем более ответа на такой вызов. Конечно, раскрепощенная техника порождает чудовищный силовой импульс и стремление преодолеть его. Но этот импульс не то же самое, что вызов. Верно, что современная техника все время порождает искусствен ные потребности, но это значит лишь, что она способна в лучшем случае давать в высшей степени искусствен ный ответ на столь же искусственно поставленный ей самой вопрос.

Именно это ультрасовременное развитие старого ответа является, с точки зрения истории, неисторичным и анахроничным. Впрочем, вполне естественна ситуация, когда победивший в прошлую эпоху совершенно пропускает мимо внимания новый вызов истории. Да и как может победитель понять, что его победа является одноразовой истиной? Кто научит его этому? Я пришел к выводу: уже хорошо, если мы отказываемся давать старый ответ на новый вопрос. Уже много, если мы осмысляем новый мир не по той схеме "нового мира", которая существовала вчера. Лично я вижу новый вызов не по ту сторону стратосферы. Я замечаю, что раскрепощен ная техника скорее ограничивает людей, чем открывает им новые пространства. Современная техника нужна и полезна. Но сегодня она очень далека от того, чтобы служить ответом на какой бы то ни было вызов. Она лишь удовлетворяет новые, отчасти порожденные ей же самой, потребности. В остальном она сама ставится сегодня под вопрос, а значит, именно поэтому не может быть ответом. Все говорят о том, что современная техника сделала нашу землю до смешного

маленькой. Новые пространства, откуда появится новый вызов, должны поэтому находиться на нашей земле, а не вне ее в открытом космосе. Тот, кому первому удастся закрепостить раскрепощенную технику, скорее даст ответ на ныне существующий вызов, чем тот, кто с ее помощью попытается высадиться на Луне или на Марсе. Укрощение раскрепощенной техники это подвиг для нового Геракла. Из этой области слышится мне новый вызов, вызов Настоящего.

(перевод с немецкого А.Д.)

моей дочери

ЗЕМЛЯ и МОРЕ

созерцание всемирной истории

1

Человек — существо наземное, сухопутное.
Он стоит на земле, идет по земле, он передвигается по ее твердой неколебимой поверхности. Это его самостояние и его почва; благодаря ей он обретает и имеет свою точку зрения; это определяет его впечатления и самый способ восприятия мира. Не только свой кругозор, но даже форму своей походки и движений, свой образ и облик он обретает и сохраняет как существо на земле родившееся и живущее. Поэтому небесное тело, на котором он обитает, он именует “Земля”, хотя известно, что почти три четверти поверхности Земли составляет вода и только одну четверть собственно земля; при этом даже наибольшие участки суши являются всего лишь островами в океане воды. С тех пор, как мы знаем, что Земля имеет форму шара, мы говорим как о само собой разумеющемся о “Земном шаре”. Если бы тебе пришлось представить себе “морской шар” или “водный шар”, ты бы нашла это странным и необычным.
Все наше посюстороннее существование, радость и страдание, счастье и беда - есть для нас земная жизнь и, соответственно, рай на земле и земная юдоль скорби. Таким образом, вполне объяснимо то, что во множестве мифов и сказаний, в которых народы сохранили свой самый древний опыт и глубочайшие воспоминания, Земля выступает как великая матерь людей. Ее называют самым старшим среди всех божеств. Священные книги повествуют нам о том, что человек взят от земли и должен вновь соделаться прахом земным. Земля - это его материнское лоно, он сам, таким образом, сын земли. В своих ближних он видит земных собратьев, граждан Земли. Среди традиционных четырех стихий - Земли, Воды, Огня и Воздуха - стихия Земли более всего определяет человека и ему предопределена. Мысль о том, что из четырех стихий какая-то кроме земли может решающим образом формировать человеческое бытие, на первый взгляд выглядит лишь как фантастическая возможность. Человек - это не рыба и не птица, тем более не какое-то существо из огня, даже если предположить, что таковые могут существовать.
Следует ли из сказанного, что сущность человеческого бытия и самого существа человека чисто земная, и все остальные стихии являются лишь дополнительными элементами второго порядка? Дело обстоит не так просто. Ответ на вопрос о том, может ли что-то кроме земли составлять отличительный признак человеческого присутствия в мире, лежит ближе, чем мы думаем. Стоит тебе только выйти на берег моря и посмотреть в даль - и грандиозная морская гладь по всему горизонту захватит твой взор. Примечательно, что когда человек стоит на берегу, он естественным образом устремляет свой взор со стороны суши на море, а не наоборот, со стороны моря на сушу. В глубоких, часто бессознательных воспоминаниях людей вода и море являются тайной первопричиной всего сущего. В мифах и сказаниях большинства народов содержатся воспоминания не только о землей рожденных, но и о вышедших из моря богах и людях. Всюду повествуется о сынах и дочерях морей и вод. Афродита, богиня женской красоты, возникла из пены морских волн. Море породило и другие создания, и мы познакомимся впоследствии с “детьми моря“ и дикими “пленителями моря”, мало похожими на чарующую картину из пены рожденной женской красоты. Ты видишь здесь совершенно другой мир, непохожий на мир земной тверди и суши. Теперь ты можешь понять, почему поэты, натурфилософы и естествоиспытатели ищут начало всякой жизни в воде, а Гете провозглашает в торжественных стихах:

· Все возникло из воды,
· Все сохраняется водою,
· Океан, даруй нам
вечное твое покровительство!

Основателем учения о происхождении всего живого из водной стихии чаще всего называют греческого натурфилософа Фалеса из Милета (ок. 500 года до Р.Х.). Но это воззрение одновременно моложе и старше Фалеса. Оно вечно. В последнем 19 веке о происхождении людей и всего живого из моря учил крупный немецкий ученый Лоренц Окен. И в генеалогических схемах, сконструированных естествоиспытателями- дарвинистами, рыбы и наземные животные идут рядом и один за другим в различной последовательности. Обитатели моря фигурируют здесь как предки людей. Древнейшая и древняя история человечества, по всей видимости, подтверждают эту гипотезу о происхождении жизни. Авторитетные исследователи открыли, что наряду с "автохтонными", то есть родившимися на суше, существуют также "автоталассические", то есть исключительно морем определяемые народы, никогда не бывшие путешественниками по земле и не хотевшие ничего знать о твердой суше, которая являлась границей их чисто морского существования. На островах Тихого океана, у полинезийских мореплавателей, канаков и самоа еще можно обнаружить последние остатки такого рода людей-рыб. Все их бытие, мир представлений, язык складывались под определяющим воздействием моря. Все наши представления о пространстве и времени, сложившиеся в условиях твердой поверхности суши, казались им настолько же чуждыми и непонятными, насколько для нас, жителей суши, мир тех чисто морских людей означает едва постижимый иной мир.
В любом случае возникает вопрос: что есть наша стихия? Мы — дети земли или моря? На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Доисторические мифы, естественнонаучные гипотезы Нового времени и результаты исторического исследования эпохи первых письменных памятников оставляют обе возможности для ответа открытыми.

2

Слово "стихия" в любом случае требует небольшого дополнительного пояснения. Со времени вышеупомянутого философа Фалеса, начиная с эпохи ионийской философии, то есть примерно с 500 года до нашей эры у европейских народов принято говорить о четырех стихиях или элементах . С тех пор это представление о четверице элементов — Земле, Воде, Воздухе и Огне — осталось живо и неискоренимо и до сего дня, несмотря на всю научную критику. Современное естествознание упразднило эти четыре изначальные стихии; оно различает сегодня более девяноста совсем иначе структурированных "элементов" и понимает под этим словом каждый исходный материал, неразложимый и нерастворимый посредством методов сегодняшней химии. Таким образом, элементы, исследуемые сегодня естествознанием экспериментально и теоретически, имеют с теми четырьмя изначальными первоэлементами лишь общее название. Ни один физик или химик не решится сегодня утверждать, что какой-либо из четырех первоэлементов является единственной первопричиной, исходным материалом вселенной, как то говорил о воде Фалес Милетский, об огне — Гераклит Эфесский, о воздухе — Анаксимен Милетский, а Эмпедокл из Акраганта учил о соединении стихий, которые называл "корнями всех вещей". Один лишь вопрос о том, что, собственно, означают здесь слова первопричина, исходный материал, корни вещей — завел бы нас в обсуждение необозримого количества физических, естественнонаучных, метафизических и гносеологических проблем. Для нужд нашего исторического созерцания мы можем все же

ограничиться представлением об этой четверице элементов, или стихий. Ибо для нас эти стихии суть простые и наглядные имена. Это обобщающие значения, указывающие на различного рода фундаментальные возможности человеческого бытия в мире. Поэтому мы вправе еще и сегодня использовать их, в особенности когда ведем речь о господстве посредством моря и о господстве посредством суши, о морских и континентальных державах, имея в виду стихии воды и земли.
Таким образом, “элементы” Земля и Море, о которых идет речь ниже, не могут мыслиться лишь как естественнонаучные величины. В этом случае они бы немедленно распались на химические составляющие, то есть обратились бы в историческое ничто. Предопределяемые этими стихиями варианты исторического свершения, в особенности морские или земные формы существования также не развертываются с механической заданностью. Если бы человек был живым организмом, без остатка сводимым к воздействию окружающего мира, он представлял бы собою или животное, или рыбу, или птицу или фантастические смешения этих элементарных форм, сообразно воздействию природных стихий. Чистые типовые образцы, соответствующие четырем элементам, в особенности чисто морские или чисто земные люди имели бы между собой весьма мало общего, они противостояли бы друг другу совершенно изолированно, причем эта изоляция была бы тем безнадежней, чем меньше примесей содержал бы данный тип. Смешения давали бы удачные или неудачные типы и порождали бы приязнь или вражду, как химическое сродство или контраст. Бытие и судьба человека определялись бы чисто природным порядком, как это бывает в случае животного или растения. Можно было бы лишь констатировать, что одни пожирают других, в то время как остальные мирно сосуществуют в биологическом симбиозе. Не существовало бы никакой человеческой истории как человеческого поступка и человеческого решения.
Мы знаем, однако, что существо человека несводимо к чисто природному порядку. Он обладает даром овладевать собственным бытием и сознанием в процессе исторического свершения. Он знает не только рождение, но и возможность духовного возрождения. В беде и опасности, когда животное и растение беспомощно гибнут, он способен возродиться к новой жизни путем интеллектуального усилия, волевого решения, уверенного анализа ситуации и умозаключения. Он располагает свободным пространством для своей власти и своего исторического могущества. Ему дано выбирать, и в определенные моменты истории он способен выбрать ту стихию, к которой он прилепляется посредством собственного поступка и собственного усилия, как к новой форме своей исторической экзистенции, и в которой он обустраивается. В этом смысле он хорошо усвоил, как говорит поэт, “свободу выбирать путь, которого возжелал”.

3

Всемирная история - это история борьбы континентальных держав против морских держав и морских держав против континентальных держав. Адмирал Кастекс, французский специалист по военной науке, предпослал своей книге о стратегии обобщающий заголовок: Море против Земли, la Mer contie la Terre. Тем самым он пребывает в русле давней традиции. Изначальный антагонизм земли и моря был замечен с давних пор, и еще в конце 19 века имевшуюся тогда напряженность в отношениях между Россией и Англией любили изображать в виде битвы медведя с китом. Кит обозначает здесь огромную мифическую рыбу, Левиафана, о котором мы еще кое-что услышим, медведь же означает одного из многих представителей наземных животных. Согласно средневековым толкованиям так называемых каббалистов, всемирная история суть не что иное, как борьба между могущественным китом, Левиафаном, и столь же сильным наземным животным Бегемотом, которого представляли себе в виде быка или слона. Оба имени — Левиафан и Бегемот - заимствованы из книги Иова (главы 40 и 41). Итак, каббалисты утверждают, что

Бегемот старается разорвать Левиафана своими рогами и зубами, Левиафан же стремится зажать своими плавниками пасть и нос Бегемота, чтобы тот не смог есть и дышать. Это предельно наглядное, какое только и позволяет дать миф, изображение блокады континентальной державы морской державой, которая закрывает все морские подходы к суше, чтобы вызвать голод. Так обе воюющие державы убивают друг друга. Однако евреи, — говорят каббалисты дальше, — празднуют затем тысячелетний "пир Левиафана", о котором рассказывает в знаменитом стихотворении Генрих Гейне. Для того, чтобы дать историческое толкование этого пира Левиафана, чаще всего цитируют каббалиста Исаака Абраванеля. Он жил в 1437 — 1508 гг. во времена великих открытий, был казначеем сначала у короля Португалии, потом у короля Кастилии и умер уважаемым человеком в Венеции в 1508 году. Таким образом он познал белый свет и все богатства мира и знал, что говорил.

Бросим же беглый взгляд на некоторые события всемирной истории под углом зрения этой борьбы между землей и морем.

Мир греческой античности возник из путешествий и войн народов-мореплавателей, "недаром вскормил их бог моря". Господствовавшая на острове Крит морская держава изгнала персов из восточной части Средиземноморья и создала культуру, все необъяснимое очарование которой было явлено нам при раскопках Кносса. Тысячелетие спустя в морском сражении при Саламине (480 г. до Р.Х.) свободный город Афины оборонялся от своего врага — "всем повелевающих персов" — за деревянными стенами, то есть на кораблях, и спасся благодаря этой морской битве. Его собственное господство было побеждено в Пелопонесской войне континентальной Спартой; последняя, однако, именно в силу своего континентального характера оказалась не в состоянии объединить города Эллады и возглавить греческую империю. Рим, напротив, бывший с самого начала итальянской крестьянской республикой и чисто континентальным государством, превратился в настоящую империю в процессе борьбы с морским и торговым господством Карфагена. История Рима, как вся в совокупности, так особенно и в этот период долгой борьбы между Римом и Карфагеном, часто сравнивалась с другими историческими ситуациями и катаклизмами. Такие сравнения и параллели могут быть весьма поучительными, однако они часто приводят к странным противоречиям. Например, параллели всемирной английской империи находят то в Риме, то в Карфагене. Сравнения такого рода в большинстве случаев являются палкой о двух концах, которую можно взять и повернуть любой стороной. Из рук угасавшей Римской империи морское господство вырвали вандалы, сарацины, викинги и норманны. После множества неудачных попыток арабы покорили Карфаген (698 г.) и основали новую столицу Тунис. Тем самым началось их многовековое господство над западным Средиземноморьем. Восточноримская Византийская империя, управляющая из Константинополя, была береговой империей. В ее распоряжении был сильный флот и таинственное боевое средство — так называемый греческий огонь. Впрочем, все это служило исключительно оборонительным целям. Во всяком случае, в своем качестве морской державы она могла предпринимать нечто такое, чего не могла себе позволить империя Карла Великого — держава чисто континентальная; Византия была настоящим "удерживающим", "катехоном", несмотря на свою слабость, она "удерживала" ислам много веков, предотвращая тем самым возможность завоевания Италии арабами. В противном случае с Италией случилось бы тоже самое, что произошло тогда с Северной Африкой, — антично-христианская культура оказалась бы уничтоженной, и Италия была бы поглощена миром ислама. В христианско-европейском ареале впоследствии возникла новая морская держава, возвысившаяся благодаря крестовым походам: Венеция.

Тем самым в мировую историю вторгается новое мифическое имя. Почти половину тысячелетия республика Венеция считалась символом морского господства и богатства, выросшего на морской торговле. Она достигла блестящих результатов на поприще большой политики, ее называли "самым диковинным созданием в истории экономики

всех времен”. Все, что побуждало фанатичных англоманов восхищаться Англией в18-20 веках, прежде уже было причиной восхищения Венецией: огромные богатства; преимущество в дипломатическом искусстве, с помощью которого морская держава умеет вызывать осложнения во взаимоотношениях континентальных держав и вести свои войны чужими руками; аристократический основной закон, дававший видимость решения проблемы внутриполитического порядка; толерантность в отношении религиозных и философских взглядов; прибежище свободолюбивых идей и политической эмиграции. Сюда же относится очаровательное великолепие роскошных празднеств и красоты изящных искусств. Один из этих праздников особенно занимал человеческое воображение и способствовал прославлению Венеции в мире - это было овеянное легендами “Обручение с морем”, так называемая sposalizio del mare.

Ежегодно в день Вознесения Господня дож республики Венеция отправлялся в открытое море на роскошном государственном корабле, и бросал в волны кольцо в знак соединения с морем. Сами венецианцы, их соседи, а также народы, обитавшие вдалеке от Венеции, видели в этом убедительный символ посредством коего рожденная морем держава и рожденное морем богатство приобретали мифическое освящение. У нас, однако, еще будет возможность убедиться в том, как в действительности обстояло дело с этим прекрасным символом, когда мы вновь увидим его в его изначальном свете.

Эта сказочная царица моря сияла все ярче с 1000 по 1500 годы. В 1000 году тогдашний император Византии Никифор Фока мог еще с некоторым на то основанием утверждать о себе: “До сих пор вы были в брачном союзе с морем, отныне оно принадлежит мне.” Между этими двумя датами лежит эпоха венецианского морского господства над Адриатикой, Эгейским морем и восточной частью Средиземного моря. В эту эпоху возникла легенда, привлекшая в Венецию еще в 19-20 веках бесконечное множество путешественников и знаменитых романтиков всех европейских наций, поэтов и людей искусства — таких, как Байрон, Мюссе, Рихард Вагнер, Баррэ. Никто не сможет избежать очарования этой легенды, и меньше всего хотелось бы умерить сияние ее славы. Но если спросить, имеем ли мы здесь дело со случаем чисто морского существования и подлинного выбора в пользу морской стихии, то мы сразу же увидим, сколь стесненной оказывается морская держава, ограниченная Адриатикой и бассейном Средиземноморья, когда однажды открываются необозримые пространства мировых океанов.

4

Немецкий философ географии Эрнст Каш, ум которого был целиком во власти обширного мира идей Гегеля, классифицировал империи в зависимости от фактора воды в своей “Сравнительной географии” (1845). Он различает три стадии развития, три акта великой драмы. Мировая история начинается для него с “потанического” времени, то есть с культуры речных пойм ближнего и среднего Востока в двуречьи Евфрата и Тигра и на реке Нил, в ассирийском, вавилонском и египетском царствах Востока. Далее следует так называемый талассический период культуры внутриматериковых морей и бассейна Средиземного моря, которому принадлежат греческая и римская античность и средиземноморское Средневековье. С открытием Америки и началом кругосветных плаваний наступает последняя и высшая стадия, эпоха океанической культуры, носителями которой являются германские народы. Для прояснения существа дела мы, однако будем пользоваться трехчастной схемой, различающей реку, внутриматериковое море и океан. Тогда мы яснее увидим, почему морское господство Венеции оставалось целиком на второй, талассической ступени.

Как раз праздник, подобный вышеупомянутому “Обручению с морем”, позволяет сознать это различие. Такие символические действа соединения с морем встречаются и у других зависимых от моря народов. Например, индейские племена Центральной Америки, занимавшиеся рыбным промыслом и мореплаванием, приносили божествам моря жертвы

в виде колец и других драгоценностей, в виде животных и даже людей. Я, однако, не думаю, что подобные же обряды практиковали и настоящие “пленители моря”. Из этого не следует, что они были менее предрасположены к набожности или в меньшей степени чувствовали потребность в заклинании божественных сил. Но о церемонии обручения или бракосочетания с морем они не думали именно потому, что они были настоящими детьми моря. Они чувствовали себя идентичными стихии моря. Те же символические обручения или бракосочетания показывают, напротив, что приносящий жертву и божество, которому приносится жертва, суть различные, даже противоположные существа. С помощью такой жертвы должно умилостивить враждебную стихию. В случае Венеции церемония отчетливо позволяет понять, что смысл символического акта не является порождением изначального морского существования; в гораздо большей степени здесь присутствует особый стиль праздничных символов, созданный высокоразвитой береговой культурой и культурой лагун. Обычное мореплавание и культура, основывающаяся на использовании выгодного приморского месторасположения представляют собой все же нечто иное, нежели чем перемещение всего исторического бытия с земли в море, выбор моря как стихии существования. Господство Венеции в прибрежной зоне начинается в 100 году морским походом в Долмацию. Господство Венеции над хинтерландом, например над Хорватией и Венгрией всегда оставалось проблематичным, каким только и может быть господство флота над сушей. И в области техники кораблестроения республика Венеции не покидала Средиземного моря и Средневековья вплоть до своего упадка в 1797 году. Как и народы Средиземноморья, Венеция знала только гребное судно, галеру. Судоходство на больших памятниках пришло в Средиземное море из Атлантического океана. Венецианский флот был и остался флотом больших галер, движимых гребной силой. Парус использовался лишь в качестве дополнительного элемента при благоприятном попутном ветре, как это было уже в античную эпоху. Особенным навигационным достижением было усовершенствование компаса до его современной формы. Благодаря компасу “корабль приобрел нечто разумное, в силу чего человек вступает в общение и породняется с транспортным средством” (Капп). Только теперь самые отдаленные участки земли на всех океанах могут вступить в контакт, так что открывается круг земной. Но современный компас, появление которого в Средиземноморье относили раньше чаще всего к 1302 году и к итальянскому морскому городу Амальфи, в любом случае изобретен не в Венеции. Использование этого нового средства для океанических плаваний было венецианцам не свойственно.

Как я уже говорил и еще раз повторяю, мы не хотим преуменьшить сияние и славу Венеции. Но мы должны понять смысл происходящего, когда народ в совокупности всего своего исторического бытия делает выбор в пользу моря как чужой себе стихии. Способ ведения морских сражений того времени нагляднее всего демонстрирует то, о чем здесь идет речь, и в сколь малой степени можно говорить об элементарном переносе всей человеческой экзистенции с земли на море в тогдашнем Средиземноморье. В античном морском сражении гребные суда атакуют друг друга и пытаются протаранить и взять на абордаж один другого. Морской бой поэтому всегда представляет собою ближний бой. “Корабли хватают друг друга словно пары борющихся мужчин”. В битве при Милах римляне сперва брали вражеские суда на абордаж, перебрасывая настилы из досок и устанавливали таким образом мост, по которому могли вступить на вражеский корабль. Морской бой превращался тем самым в сухопутное сражение на кораблях. На корабельных досках рубились мечами словно на сцене. Так разыгрывались знаменитые морские сражения древности. Похожим образом, хотя и с помощью более примитивных ручных орудий, вели свои морские сражения малайские и индейские племена.

Последнее крупное морское сражение такого рода оказалось вместе с тем последним славным подвигом венецианской истории — то был морской бой при Лепанто (1571). Здесь испано-венецианский флот встретился с турецким и одержал самую убедительную победу на море из всех, когда-либо одержанных христианами над мусульманами. Битва

произошла в том же самом месте, у Акциума, где незадолго до начала нашей эры (30 г. до Р.Х.) вступили в бой флотилии Востока и Запада, Антония и Октавиана. Морская битва при Лепанто велась в основном теми же корабельно-техническими средствами, что и сражение у Акциума полтора тысячелетия назад. В ближнем бою на корабельных досках сражались отборные пешие части испанцев, знаменитые терции, с янычарами, элитарными войсками Османской империи.

Изменение способа ведения войны на море произошло лишь немногими годами позже битвы при Лепанто, — именно при разгроме испанской армады в проливе Ла-Манш. Маленькие парусники англичан обнаружили свое преимущество перед большими кораблями испанского флота. Однако ведущими в области техники кораблестроения были тогда не англичане, а голландцы. За время с 1450 по1600 годы голландцы изобрели новых типов кораблей больше, чем все остальные народы. Просто открытия новых частей света и океанов было недостаточно для того, чтобы заложить основы господства на мировых океанах и обеспечить выбор моря в качестве стихии существования.

5

Не благородные дожи на помпезных судах, но дикие искатели приключений и “пенители моря”, отважные, бороздящие океаны охотники на китов и смелые водители парусников суть первые герои новой морской экзистенции. В двух важнейших областях — китобойном промысле и кораблестроении — голландцы были сперва далеко впереди всех.

Здесь я обязан сперва воздать хвалу киту и охотнику на кита. Невозможно говорить о великой истории моря и о выборе человека в пользу морской стихии, не упоминая сказочного Левиафана и его столь же чудесного преследования. Конечно же, это огромная тема. Моя слабая похвала не достигает ни кита, ни охотника. Как я могу брать на себя смелость подобающим образом рассказать о двух морских чудесах — о могущественнейшем из всех живущих зверей и об отважнейшем из всех охотников человечества?

Я осмеливаюсь на это только потому, что могу опираться на авторитет двух великих глашатаев и провозвестников обеих этих морских чудес, — значительного французского историка Жюля Мишле и великого американского писателя Германа Мелвилла. В 1861 году француз опубликовал книгу о море — гимн красоте моря и миру его неоткрытых чудес, богатствам морского дна всех континентов, которыми еще не завладел и которые еще не использовал “свирепый король этого мира”, человек. Мелвилл же является для мировых океанов тем, чем для восточного Средиземноморья является Гомер. В захватывающей повести “Моби Дик” (1851) он описал историю великого кита , Моби Дика, и охотящегося за ним капитана Ахаба, сложив тем самым величайший эпос океанской стихии. Я, конечно, осознаю, что, когда я при случае употребляю здесь вместо слова “кит” словосочетание “рыба-кит” и вместо “охотник на кита” говорю иногда “охотник на китовых рыб”, это сочтут дилетантским и неточным словоупотреблением. Меня начнут поучать о зоологической природе кита, который, как это известно любому школьнику, представляет собой млекопитающее, но не рыбу. Уже в напечатанной в 1776 году “Системе природы” старого Линнея можно было прочитать о том, что рыба-кит — теплокровное, дышит легкими, а не жабрами, как обычная рыба; что самка кита рождает уже сильно развитого живого детеныша и почти целый год любовно заботится о нем и вскармливает его своим молоком. Я никоим образом не хочу спорить с учеными- специалистами в обширной науке о китах, с цетологами, но хочу только кратко, без всяких дискуссий, объяснить, почему я полностью не отвергаю старое имя “рыба-кит”. Само собой разумеется, кит не есть рыба, такая, как щука или селедка. Тем не менее, называя это странное чудовище рыбой, я обнажаю всю нелепость того, что такой теплокровный гигант предан стихии моря, хотя он и не предрасположен к этому своим

физиологическим строением. Только вообрази на минуту противоположный случай: громадное , дышащее жабрами существо бегает по суше! Самое крупное, самое сильное и самое мощное морское животное бороздит мировые океаны от северного до южного полюсов, дышит легкими и, будучи млекопитающим рожает живых детенышей в этот мир моря! Оно не является также амфибией, но является настоящим млекопитающим, и все- таки одновременно рыбой по своей стихии обитания. В рассматриваемый нами период, а именно с 16 по 19 века, охотники на эту огромную рыбу были подлинными Охотниками с большой буквы, а не просто какими-то банальными “китобоями” или “китоловами”. Это небезразлично для нашей темы.

Французский восхвалитель кита Мишле в своей книге о море описывает любовную и семейную жизнь китов с особой проникновенностью. Самец кит — проворный любовник самки-кита, нежнейший супруг, заботливейший отец. Он являет собой гуманнейшего из всех живых существ, он гуманнее человека, который истребляет китов с варварской жестокостью. Но насколько же невинны были методы ловли рыбы в те времена, в 1861 году, когда об этом писал Мишле! Впрочем, уже тогда пароходы и пушки нарушили равноправие кита и человека и низвели бедного кита до удобного объекта отстрела. И что бы сказал гуманный друг людей и любитель животных Мишле, увидев сегодняшнее промышленное изготовление китового жира и реализацию китовых туш! Ибо то, что сегодня, после Мировой войны 1914 — 1918 гг., образовалось и все больше усовершенствуется под названием “пелагической”, глубинной ловли, более невозможно именовать не только охотой, но даже и ловлей. Сегодня к Южному полюсу Земли в Полярное море отправляются огромные корабли водоизмещением до 30000 тонн, оснащенные электрическими приборами, пушками, минами, самолетами и радиоаппаратурой, подобные плавающим кастрюлям для пищи. Туда скрылся кит, и там мертвое животное перерабатывается промышленным способом прямо на судне. Так бедный Левиафан исчез бы вскоре с нашей планеты. В 1937-1938 гг. в Лондоне наконец- то было достигнуто международное соглашение, которое определяет известные правила китобойного промысла, устанавливает районы ловли, предусматривает прочие условия с тем, чтобы защитить хотя бы оставшихся в живых китов от дальнейшего внепланового истребления.

Охотники на кита, о которых здесь идет речь, были, напротив, истинными охотниками, а не банальными ловцами, и уж точно не забивали китов механическим способом. Они гнались за своей добычей из вод Северного моря или от атлантического побережья на парусниках и гребных судах через огромные пространства мировых океанов, а оружием, с помощью которого они вступали в битву с могучим и хитрым морским гигантом, являлся гарпун, бросаемый человеческой рукой. Это была опасная для жизни битва двух живых существ, причем оба они, не будучи рыбами в зоологическом смысле, передвигались в стихии моря. Все подручные средства, которые использовал в этой борьбе человек, тогда еще приводились в действие мускульной силой самого человека: парус, весло и гарпун, смертельное метательное копье. Кит был достаточно сильным для того, чтобы одним ударом своего хвоста разнести в щепки корабль и лодку. Человеческой хитрости он мог противопоставить тысячу собственных уловок. Герман Мелвилл, который сам много лет служил матросом на китобойном судне, описывает в своем “Моби Дике”, как между охотником и его жертвой возникают, можно сказать личная связь и интимные отношения дружбы-вражды. Здесь человек все более погружается в стихийную бездну морского существования, благодаря борьбе с другими обитателями моря. Эти охотники на кита плавали под парусами с севера на юг земного шара и от Атлантического до Тихого океана. Все время следуя таинственным путям кита, они открывали острова и континенты, не делая из этого большого шума. У Мелвилла один из этих мореплавателей, познакомившись с книгой первооткрывателя Австралии капитана Кука, произносит такие слова: этот Кук пишет книги о вещах, которые охотник на китов не стал бы даже заносить в свой судовой журнал. Мишле спрашивает : Кто показал людям океан ? Кто открыл

океанические зоны и проливы? Одним словом: Кто открыл земной шар? Кит и охотник на кита! И все это независимо от Колумба и от знаменитых золотоискателей, которые с большой шумихой ищут то, что уже найдено благородными рыбаками Севера, из Бретани и из страны Басков. Мишле говорит это и продолжает: эти охотники на кита являют собою величайшее проявление человеческого духа. Без кита рыболовы всегда оставались бы только на побережье. Рыба-кит заманила их в океаны и даровала независимость от берега. Благодаря киту были открыты морские течения и найден проход к Северу. Кит предводительствовал нами.

Тогда, в 16 столетии, на нашей планете два различных вида охотников одновременно находились во власти пробуждения стихий. На земле то были русские охотники на пушного зверя, которые, следуя за пушным зверем, покорили Сибирь и вышли по суше к восточноазиатскому побережью; на море северо- и западноевропейские охотники на кита, которые охотились на всех мировых океанах и, как справедливо указывает Мишле, сделали видимым глобус. Они — первенцы новой, стихийной экзистенции, первые настоящие “дети моря”.

6

На эту смену эпох приходится важнейшее событие в области техники. И здесь голландцы оказываются впереди всех. В 1600 году они были бесспорными мастерами кораблестроения. Они изобрели новые приемы парусной техники и новые типы парусных кораблей, которые упразднили весла и открыли возможности для навигации и судоходства, отвечающие размерам вновь открытых мировых океанов.

Около1595 года в Северной Голландии появляется новый тип корабля из западнофризского города Хоорн. Это была лодка с прямыми парусами, шедшая под парусом не только при попутном ветре, как старый парусник, но также и сбоку от ветра, умевшая использовать ветер совсем иначе, чем прежние суда. Корабельные снасти и искусство парусного мореплавания усовершенствуются отныне в небывалой степени. “ Судоходство Средневековья заканчивается катастрофическим образом”, - говорит по поводу этого события Бернхард Хагеборн, историк развития корабельных типов. Здесь находится подлинный поворотный момент в истории взаимоотношений Земли и Моря. Этим было достигнуто все, чего позволял достичь материал, из которого были сделаны тогда судно и такелаж. Новый поворот в технике кораблестроения наступил только в 19 веке. “ Подобным откровению, - говорит Хагеборн, - должен был казаться морякам момент, когда однажды они оставили большой парус и увидели, сколь богатые возможности открывает перед ними маленький парус”. Благодаря этому техническому достижению голландцы стали “извозчиками” всех европейских стран. Они унаследовали также торговлю немецкой Ганзы. Даже мировая держава Испания была вынуждена фрахтовать голландские суда для обеспечения своих трансатлантических перевозок.

В 16 веке кроме того появляется новый военный корабль, и этим открывается новая эра морской военной стратегии. Оснащенный орудиями, парусник с бортов обстреливают залпами противника. Тем самым морское сражение становится артиллерийским боем с дальнего расстояния, требующим большого искусства управления парусником. Только теперь можно по-настоящему говорить о морском сражении, ибо, сражение экипажей гребных галер, как мы видели, представляет собой только сухопутный бой на корабле. С этим связана совершенно новая тактика морского боя и ведения войны на море, новое искусство “эволюций”, необходимых до, во время и после морского сражения. Первая научная в современном смысле книга об этом новом искусстве вышла в Лионе в 1697 году под названием “L`art des armecs navales ou trait des evolutions navales”; ее автором был священник ордена иезуитов француз Поль Ост. В ней дан критический обзор морских сражений и морских маневров голландцев, англичан и французов во время войны Людовика 14 с голландцами. Впоследствии появились и другие французские

исследования этого вопроса. Только в 18 веке в 1782 году в ряд знаменитых теоретиков морской тактики входит англичанин в лице Клерка д`Эльдина.
Все западно- и центральноевропейские народы внесли свой вклад в общее достижение, заключавшееся в открытии новой земли и имевшее следствием всемирную европейскую гегемонию. Итальянцы усовершенствовали компас и создали навигационные карты; открытие Америки состоялось прежде всего благодаря силе познания и уму Тосканелли и Колумба. Португальцы и испанцы снарядили первые великие исследовательские экспедиции и совершили кругосветные плавания под парусами. В становление новой картины мира внесли свой вклад великие немецкие астрономы и замечательные географы; название "Америка" придумал в 1507 году немецкий космограф Вальтцемюллер, а предприятие иностранцев в Венесуэле явилось большим колониальным стартом, который, однако, не мог справиться с испанским сопротивлением. Голландцы были ведущими в китобойном промысле и в области техники кораблестроения. Франция располагала особенно широкими возможностями как благодаря своему географическому положению на трех побережьях — Средиземного моря, Атлантического океана и Ла-Манша — так и в силу своего экономического потенциала и из-за склонности к мореплаванию населения ее атлантического берега. Французский викинг Жан Флери в 1522 году нанес первый ощутимый удар по испанской мировой гегемонии и захватил два груженных драгоценностями корабля, которые Кортес направил из Америки в Испанию; французский первооткрыватель Жан Картье уже в 1540 году открыл Канаду, "новую Францию" и завладел ею для своего короля. Особо важную часть при пробуждении морских энергий той эпохи составляли гугенотские корсары, выходцы из Ла-Рошеля. Франция на много десятилетий превзошла Англию в области военного строительства парусных кораблей еще в 17 столетии, при гениальном морском министре Кольбере.
Достижения англичан в судоходстве, само собой разумеется, также весьма значительны. Но плавать южнее экватора английские моряки начинают только после 1570 года. Лишь в последней трети 16 века начинается великое пробуждение английских корсаров к плаванию за океан и в Америку.

7

Всевозможные "пленители моря", пираты, корсары, занимавшиеся морской торговлей авантюристы составляют, наряду с охотниками на кита и водителями парусников, ударную колонну того стихийного поворота к морю, который осуществляется на протяжении 16-17 веков. Здесь перед нами следующий отважный род "детей моря". Среди них есть известные имена, герои морских рассказов и сказаний о разбойниках, такие, как Франц Дрейк, Хеквинс, сэр Уолтер Рэлли или сэр Генри Морган, прославленные во множестве книг; судьба каждого из них в самом деле была достаточно богата приключениями. Они захватывали испанские флотилии с серебром, и одна эта тема сама по себе уже довольно интригующая. Существует обширная литература о пиратах вообще и о многих великих именах в частности, а на английском языке составлен даже словарь о них под забавным названием "The Pirate`s Who's Who", энциклопедия пиратов.
Целые категории этих отважных морских разбойников в самом деле снискали себе славу в истории, ибо нанесли первые удары по испанской гегемонии во всем мире и по испанской монополии в торговле. Так, гугенотские пираты во французской морской крепости Ла-Рошель заодно с голландскими морскими гезами сражались против Испании во времена королевы Елизаветы. Затем это были так называемые елизаветинские корсары, внесшие весомый вклад в разгром испанской армады (1588г.). За корсарами королевы Елизаветы последовали корсары короля Якова I, среди них был сэр Генри Мейнверинг, сперва один из самых отъявленных морских разбойников, затем помилованный королем в 1616 году и, наконец, победитель пиратов, награжденный должностями и почестями. Далее идут флибустьеры и дикие пираты, отправлявшиеся в свои далекие плавания с

Ямайки и из вод Карибского моря, французы, голландцы и англичане, среди них сэр Генри Морган, разграбивший в 1671 году Панаму, возведенный в рыцарское достоинство королем Карлом II и ставший королевским губернатором Ямайки. Их последним подвигом стало покорение испанской морской крепости Картахена в Колумбии, которую они совместно с французским королевским флотом взяли приступом в 1697 году и ужасающим образом разграбили после ухода французов.

В подобного рода "пленителях моря" проявляется морская стихия. Их героическая эпоха длилась приблизительно 150 лет, примерно с 1550 до 1713 года, то есть со времени начала борьбы протестантских государств против всемирного господства католической Испании и до момента заключения Утрехтского мира. Морские разбойники существовали во все времена и на всех морях и океанах, начиная с упоминавшихся выше пиратов, изгнанных критским государством из восточного Средиземноморья много тысячелетий тому назад и вплоть до китайских джунков, которые еще в 1920-1930 годах захватывали и грабили торговые суда в восточноазиатских водах. Но корсары 16 и 17 веков занимают в истории пиратства все же особое место. Их время кончилось только с заключением Утрехтского мира (1713), поскольку тогда произошла консолидация системы европейских государств. Военные флотилии морских держав могли теперь осуществлять эффективный контроль, а новая, на море воздвигнутая всемирная гегемония Англии впервые стала очевидной. Тем не менее еще и до 19 века существовали корсары, воевавшие частным образом, с разрешения своих правительств. Но прогрессировала организация мира, техника кораблестроения и навигация усовершенствовались, становились все более наукоемкими, а пиратство есть все же, как сказал один английский знаток военно-морского дела, "донаучная стадия ведения морских войн". Переставший надеяться на собственный кулак и собственные расчеты пират превратился отныне в жалкого преступника. Разумеется всегда имелись некоторые исключения. К таковым принадлежит французский капитан Миссон, попытавшийся в 1720 году создать на Мадагаскаре диковинное царство гуманности. Однако в целом после Утрехтского мира пират был вытеснен на обочину мировой истории. В 18 веке он всего лишь беспутный субъект, грубый криминальный тип, могущий еще служить персонажем увлекательных рассказов, наподобие "Таинственного острова" Стивенсона, но не играющий более никакой роли в истории.

Напротив, корсары 16-17 веков играют весьма значительную роль в истории. Во всемирном противоборстве Англии и Испании они являются активными воинами. У своих врагов испанцев они считались настоящими преступниками; их вешали, когда ловили. Так же и собственное правительство хладнокровно жертвовало ими, когда они становились неудобными или когда это диктовалось соображениями внешнеполитического порядка. Часто лишь случай решал, закончит ли такой корсар жизнь королевским вельможей, высокопоставленным сановником или приговоренным к повешенью пиратом. К тому же, различные наименования, как-то пират, корсар, Privateer, Merchant-Adventurer на практике трудно различимы и употребляются одно вместо другого. В собственном смысле слова, с юридической точки зрения, между пиратом и корсаром существует большая разница. Ибо, в отличие от пирата , корсар обладает документом, подтверждающим его права, полномочиями своего правительства, официальным каперным письмом своего короля. Он вправе ходить под флагом своей страны. Пират же , напротив, плавает без всяких законный оснований. Ему подходит лишь черное пиратское знамя. Но сколь бы четким и ясным ни казалось это различие в теории, на практике оно легко стирается. Корсары часто превышали свои права и плавали с фальшивыми каперскими свидетельствами, а иногда и с письменно заверенными доверенностями от несуществующих правительств.

Существеннее всех этих юридических вопросов нечто иное. Все эти Rochellois, морские гезы и флибустьеры, имели политического врага, а именно, Испанию, великую католическую державу. До тех пор, пока они остаются сами собой, они основательно грабят большей частью только корабли католиков и с чистой совестью рассматривают это как богоугодное, благословленное Господом дело. Таким образом, они входят в огромный

всемирно-исторический фронт, во фронт борьбы тогдашнего всемирного протестантизма против тогдашнего всемирного католицизма. То, что они убивают, грабят и разбойничают, не нуждается поэтому в оправдании. В общем контексте этой поворотной эпохи они в любом случае занимают определенную позицию и, тем самым, обретают свое историческое значение и свое место в истории.

8

Английские короли — как королева Елизавета, так и Стюарты Яков и Карл — и английские государственные люди этого времени не имели какого иного исторического сознания своей эпохи, по сравнению с большинством современников. Они проводили свою политику, пользовались предоставлявшимися преимуществами, получали прибыли и стремились удержать любую позицию. Они использовали право, если таковое было на их стороне, и возмущенно протестовали против несправедливости и беззакония, если право было на стороне их противников. Все это совершенно естественно. Их представления о Боге и мире, о справедливости и законности, их осознание пришедшего в движение исторического развития были — за такими гениальными исключениями, как Томас Мор, кардинал Вулси или Фрэнсис Бэкон — ничуть не более авангардными по сравнению с воззрениями большинства дипломатов и государственных мужей любой другой европейской страны, вовлеченной в мировую политику.

Королева Елизавета вполне заслуженно считается великой основательницей английского морского господства. Она вступила в борьбу с мировой гегемонией католической Испании. Во время ее правления была одержана победа над испанской армадой в проливе Ла-Манш (1588); она воодушевляла и чествовала таких героев моря, как Френсис Дрейк и Уолтер Рэлли; из ее рук в 1600 году получила торговые привилегии английская Ост- Индская торговая кампания, покорившая впоследствии под английское владычество всю Индию. За 45 лет ее правления (1558-1603) Англия стала богатой страной, какой прежде не являлась. Раньше англичане занимались овцеводством и продавали во Фландрию шерсть; теперь же со всех морей к английским островам устремились сказочные трофеи английских пиратов и корсаров. Королева радовалась этим сокровищам — они пополняли ее богатства. В этом отношении все время своего девичества она занималась тем же самым, чем занимались многочисленные английские дворяне и буржуа ее эпохи. Все они участвовали в большом деле добычи. Сотни тысяч англичан и англичанок стали тогда “корсар-капиталистами”, corsairs capitalists. Это также относится к тому стихийному повороту от земли к морю, о котором мы здесь ведем речь.

Прекрасный пример подобного расцвета раннего капитализма, выросшего на пиратской добыче, предоставляет нам семейство Киллигрю из Корнуэлла. Его воззрения и образ жизни дают нам картину господствовавших в то время сословий и настоящей “элиты” гораздо более жизненную и точную, чем множество служебных актов и официальных документов, обусловленных эпохой. Эти Киллигрю типичны для своего времени совсем в ином смысле, чем большинство дипломатов, юристов и увенчанных славой поэтов, причем в любом случае необходимо отметить, что и среди представителей этого рода имеются видные интеллектуалы, а фамилия Киллигрю еще и сегодня более десяти раз представлена в библиографическом национальном лексиконе Англии. Проведем же некоторое время в этом обществе избранных.

Семья Киллигрю жила в Арвенаке в Корнуолле (Юго-Восток Англии). Главой семьи во времена королевы Елизаветы был сер Джон Киллигрю, вице-адмирал Корнуолла и наследный королевский управляющий замка Пенденнис. Он работал в тесном взаимодействии с Уильямом Сесилом, лордом Берли, первым министром королевы. Уже отец и дядя вице-адмирала и управляющего были пиратами, и даже против его матери, как то достоверно сообщают нам английские летописцы, было возбуждено уголовное дело по обвинению в пиратстве. Одна часть семьи работала на берегах Англии , другая в

Ирландии. Многочисленные двоюродные братья и прочая родня на берегах Девона и Дорсета. К этому стоит добавить приятелей и собутыльников всякого рода. Они организовывали нападения и разбойничьи набеги, подстерегали в засаде приближавшиеся к их берегу корабли, следили за разделом добычи, и торговали долями в прибыли, постами и должностями. Большой дом, в котором проживала семья Киллигрю в Арвенаке, стоял в непосредственной близости от моря в безлюдной части порта Фальмут и имел тайный проход к морю. Единственным расположенным поблизости зданием был вышеупомянутый замок Пенденнис, резиденция королевского управляющего. Замок был оснащен сотней пушек и служил пиратам убежищем в случае крайней необходимости. К тому времени, как благородная леди Киллигрю стала трудолюбивой и умелой помощницей своему супругу, она уже помогала своему отцу, блестящему “gentleman pirate”. Она предоставляла в своем доме приют пиратам и была гостеприимной хозяйкой. Во всех местных портах были устроены укрытия и места для ночлега.
Королевские власти редко беспокоили семью Киллигрю или, тем более, препятствовали ей в ее занятиях. Лишь однажды, в 1582 году, дело дошло до подобного вмешательства, о котором я хотел бы вкратце рассказать. Ганзейское судно водоизмещением 144 тонны, принадлежащее двум испанцам, отнесло штормом в порт Фальмут. Поскольку Англия в тот момент не воевала с Испанией, испанцы безбоязненно встали на якорь, и как раз напротив дома в Арвенаке. Лэди Киллигрю заметила корабль из своего окна, и ее наметанный глаз тотчас же различил, что судно гружено драгоценным голландским сукном. В ночь на 7 января 1852 года вооруженные люди Киллигрю во главе с благородной леди атаковали несчастный корабль, перебили команду, побросали трупы в море вернулись в Арвенак с ценным голландским сукном и прочей добычей. Сам корабль непонятно как оказался в Ирландии. Обоих испанцев, владельцев судна, к их счастью не было на боту во время боя, поскольку они переночевали в маленькой гостинице на берегу. Они подали иск в местный английский суд в Корнуэлле. После некоторых изысканий суд пришел к выводу, что корабль вероятно украден неизвестными преступниками, прочие же обстоятельства дела не могут быть расследованы. Но поскольку испанцы обладали связями среди политиков, им удалось передать дело в более высокую инстанцию в Лондон, так что было назначено повторное предварительное следствие. Леди Киллигрю вместе со своими помощниками была привлечена к суду в другой местности. Ее признали виновной и приговорили к смертной казни. Двое из ее пособников были казнены, сама леди в последний момент была помилована.
Такова правдивая история леди Киллигрю. Еще и на четырнадцатый год правления королевы Елизаветы большая часть тоннажа английского флота была задействована в разбойничьих плаваниях или в незаконных торговых сделках, а совокупное водоизмещение судов, находившихся в легальных торговых предприятиях, составляло едва ли более 50000 тонн. Семейство Киллигрю — это прекрасный пример отечественного фронта великой эпохи морских разбойников, в которую сбылось старое английское пророчество 13 века: “Детеныши льва превратятся в морских рыб”. Итак, детеныши льва в конце средневековья разводили в основном овец, из шерсти которых во Фландрии получали сукно. Только в 16 и 17 веках этот народ овцеводов действительно превратился в народ “пленителей моря” и корсаров, в “детей моря”.

9

Англичане сравнительно поздно добиваются успехов в океанических плаваниях. Португальцы стали заниматься мореплаванием на сто лет раньше, однако плавали они в основном вдоль побережья. С 1492 года испанцы начинают великую Конкисту, покорение Америки. За ними быстро последовали французские мореплаватели, гугеноты и англичане. Но лишь в 1553 году с основанием Muscovy Company Англия начинает проводить трансатлантическую политику, с помощью которой ей удалось несколько

потеснить прочие великие колониальные державы. Как уже было сказано выше, только после 1570 года англичане стали плавать южнее экватора. Практически первым свидетельством того, что Англия начинает обретать новый английский всемирный кругозор, является книга Хэклейта "Принципы навигации"; она вышла в 1589 году. В китовой ловле и кораблестроении учителями англичан, равно как и других народов, также были голландцы.
Тем не менее, именно англичане были теми, кто в конце концов всех опередил, одолел всех соперников и достиг мирового господства над океанами. Англия стала наследницей. Она стала наследницей великих охотников и водителей парусников, исследователей и первооткрывателей всех остальных народов Европы. Британское владычество над землей посредством моря вобрало в себя все отважные подвиги и достижения в мореплавании, содеянные немецкими, голландскими, норвежскими и датскими моряками. Правда, великие колониальные империи других европейских народов продолжали существовать и в дальнейшем. Португалия и Испания сохранили огромные владения за океаном, но утратили морское господство и контроль за морскими коммуникациями. С высадкой и закреплением войск Кромвеля на Ямайке в 1655 году была решена общеполитическая всемирно-океаническая ориентация Англии и заокеанская победа над Испанией. Голландия, достигшая около 1600 года расцвета своего морского могущества, уже сто лет спустя, в 1700 году, стала в большей степени сухопутной, континентальной страной. Ей пришлось возводить сильные полевые укрепления и обороняться от Людовика XIV на суше; ее наместник Вильгельм III Оранский в 1689 году становится одновременно королем Англии; он переселился на острова и проводил теперь уже не собственно голландскую, но английскую политику. Франция не выдержала того великого исхода к морю, который был связан с гугенотским протестантизмом. Она все же принадлежала римской духовной традиции, и когда с переходом Генриха IV в католичество и благодаря Варфоломеевской ночи 1572 года дело решилось в пользу католицизма, то тем самым в конечном итоге был совершен окончательный выбор не в пользу моря, а в пользу суши, земли. Правда, Франция обладала очень крупным флотом и могла, как мы видели, справиться с Англией еще при Людовике XV. Но после того, как французский король отстранил от дел в 1672 году своего выдающегося министра торговли и военно-морских сил Кольбера отменить выбор в пользу суши уже было невозможно. Продолжительные колониальные войны 18 века только подтвердили это. Между тем, Германия потеряла всю свою мощь и силу в религиозных войнах и из-за политических неудач тогдашней империи. Так Англия стала наследницей, универсальной наследницей великого пробуждения европейских народов. Как это могло стать возможным? Это невозможно объяснить при помощи общеизвестных аналогий с предшествующими историческими примерами морского господства, ничего не дают и параллели с Афинами или Карфагеном, Римом, Византией или Венецией. Здесь перед нами случай единственный по самому своему существу. Его своеобразие, его несравненность состоит в том, что Англия осуществила превращение стихий в совсем иной момент истории, совсем иным образом, нежели прежние морские державы. Она действительно отделилась от земли и основала свое существование в стихии моря. Благодаря этому она выиграла не только многие морские сражения и войны, но одержала верх в чем-то совсем ином и бесконечно большем, — в революции, а именно, в уникальной революции, в планетарной революции пространства.

10

Что это такое революция пространства?
Человек обладает определенным представлением своего "пространства"; это представление изменяется под влиянием крупных исторических преобразований. Различным жизненным формам соответствуют столь же разнообразные пространства.

Уже внутри одной и той же эпохи повседневная картина окружающего мира отдельных людей разнится в зависимости от их профессии. Житель крупного города мыслит себе мир совершенно иначе, чем крестьянин; охотник на кита располагает совсем иным жизненным пространством, чем оперный певец, а летчику мир и жизнь предстают опять же не только в ином свете, но и в иных мерах, глубинах и горизонтах. Различия в представлениях о пространстве станут еще глубже и значительнее, если сравнить целые народы и разные эпохи истории человечества. Научные истории о пространстве могут значить здесь практически очень много и очень мало. На протяжении столетий ученых, уже тогда считавших Землю шаром, держали за душевнобольных и вредителей. В Новое время разные науки с растущей специализацией также выработали свои особые понятия пространства. Геометрия, физика, психология и биология следуют здесь особенными, далеко друг от друга разошедшимися путями. Если ты спросишь ученых, они ответят тебе, что математическое пространство представляет собой нечто совсем иное, чем пространство электромагнитного поля, последнее, в свою очередь, совершенно отлично от пространства в психологическом или биологическом смысле. Это дает полдюжины понятий пространства. Здесь отсутствует любая цельность и подстерегает опасность расчленения и забалтывания важной проблемы в изолированном сосуществования различных понятий. Философия и гносеология 19 столетия также не дают никакого всеохватывающего и простого ответа и практически оставляют нас в тупике.

Но государства и силы истории не дожидаются данных науки точно так же, как Христофор Колумб не дожидался Коперника. Каждый раз, когда в виду новой атаки исторических сил, через высвобождение новых энергий в поле зрения всего человечества попадают новые земли и океаны, изменяются также пространства исторической экзистенции. Тогда возникают новые масштабы и измерения политико-исторического действия, новые науки, новые устроения, новая жизнь новых или возродившихся народов. Это распространение может быть настолько интенсивным и поразительным, что меняются не только меры, масштабы и пропорции, не только внешний окоем человека, но и сама структура понятий пространства. Тогда уже можно говорить о революции пространства. Впрочем, уже с каждым историческим изменением в большинстве случаев связано видоизменение картины пространства. Это является истинной сущностью той всеобъемлющей политической, научной и культурной трансформации, которая тогда разворачивается.

Это общее положение мы сможем быстро прояснить для себя на трех исторических примерах: последствия завоевания Карла Великого, Римская империя в первом веке нашей эры и влияние крестовых походов на развитие Европы.

11

Во времена завоевательных походов Александра Великого грекам предстал новый огромный пространственный горизонт. Культура и искусство эллинизма являются его следствием. Великий философ Аристотель, современник этого изменения пространства, видел, что обитаемый людьми мир все более смыкается со стороны Востока и со стороны Запада. Аристарх Самосский, живший некоторое время спустя (310 — 230), уже предполагал, что солнце является неподвижной звездой и стоит в центре земной орбиты. Основанный Александром город Александрия на Ниле стал центром потрясающих открытий в технической, математической и физической областях. Здесь учил Евклид, основатель евклидовой геометрии; Хирон осуществил здесь удивительные технические изобретения. Здесь учился Архимед из Сиракуз, изобретатель больших боевых механизмов и первооткрыватель естественнонаучных законов, а заведующий Александрийской библиотеки Эратосфен (275 — 195) уже в то время правильно рассчитал местоположение экватора и научно доказал, что Земля имеет форму шара. Так было предвосхищено учение Коперника. И все же эллинистический мир был недостаточно

обширным для планетарной пространственной революции. Его знание осталось уделом ученых, ибо он еще не вобрал в свою экзистенциальную действительность мировой океан. Когда триста лет спустя Цезарь, выйдя из Рима покорил Галлию и Англию, взору предстал Северо-Запад и открылся выход к Атлантическому океану. Это было первым шагом к сегодняшнему понятию европейского пространства. В первом веке римской эпохи цезарей, особенно, конечно, во времена Нерона, сознание глубочайшей перемены стало столь мощным и ощутимым, что, по крайней мере, в господствовавшем умонастроении можно было уже говорить о почти революционных изменениях картины пространства. Этот исторический момент приходится на первое столетие нашей эры и потому заслуживает особого внимания. Видимый горизонт раздвинулся к Востоку и к Западу, к Северу и к Югу. Завоевательные и гражданские войны заняли собой пространство от Испании до Персии, от Англии до Египта. Далеко удаленные друг от друга области и народы вошли меж собой в соприкосновение и обрели единство общей политической судьбы. Солдаты из всех частей империи — из Германии и из Сирии, из Африки или из Иллирии — могли сделать своего генерала Римским императором. Был прорублен Коринфский перешеек, корабли обошли с юга Аравийский полуостров, Нерон послал научную экспедицию к истокам Нила. Письменными свидетельствами этого расширения пространства являются карта мира Агриппы и география Страбона. То, что Земля имеет форму шара, осознавалось уже не только отдельными астрономами или математиками. Знаменитый философ Сенека, учитель, воспитатель и: в конце концов, жертва Нерона, запечатлел тогда в чудных словах и стихотворных строках почти планетарное сознание той эпохи. Он указал со всей ясностью, что достаточно в течение не очень большого количества суток идти под парусом от крайнего берега Испании при собственном, попутном, то есть восточном ветре, чтобы на пути к Западу достичь расположенной на Востоке Индии. В другом месте, в трагедии “Медея” он изрекает в стихотворной форме поразительное пророчество:

Жаркий Инд и хладный Аракс соприкасаются
Персы пьют из Эльбы и Рейна.
Фетида явит взору новые миры (novos orbes),
А Туле не будет более крайним пределом Земли.

Я процитировал эти строки, поскольку они выражают то всеобъемлющее ощущение пространства, которое присутствовало в первом веке нашей эры. Ибо начало нашей эры было действительно рубежом эпох, с которым было связано не только сознание полноты времен, но и сознание заполненного земного пространства и планетарного горизонта. Но вместе с тем слова Сенеки перебрасывают таинственный мост в Новое время и в эпоху открытий; ибо они сохранились и дошли до нас сквозь столетиями длившиеся сумерки пространства и сквозь обмеление европейского Средневековья. Они передали думающим людям чувство большего пространства и вселенского простора, и даже способствовали открытию Америки. Как и множество его современников, Христофор Колумб знал слова Сенеки, они побудили его отправиться в отважное плавание к Новому Свету. Он намеревался , плывя под парусами к Западу, достичь Востока, и действительно достиг его. Выражение “Новый свет”, новый мир, novus orbus, которое использует Сенека, было тотчас же применено по отношению к только что открытой Америке.
Гибель Римской империи, распространение ислама, вторжения арабов и турок вызвали столетние пространственные сумерки и обмеление Европы. Изолированность от моря, отсутствие флота, полная континентальная замкнутость характерны для раннего Средневековья и его системы феодализма. За время с 500 по 1100 годы Европа стала феодально-аграрным континентальным массивом; европейский правящий слой, феодалы, доверили всю свою духовную культуру, в том числе чтение и письмо, Церкви и духовенству. Знаменитые властители и герои этой эпохи не умели ни читать, ни писать;

для этого у них был монах или капеллан. В морской империи правители, вероятно, не смогли бы столь долго оставаться неграмотными, как это было в таком чисто материальном массиве суши. Однако в результате крестовых походов французские, английские и немецкие рыцари познакомились со странами ближнего Востока. На Севере новые горизонты открылись благодаря расширению Немецкой Ганзы и распространению Немецкого рыцарского ордена, здесь возникла система транспортных и торговых коммуникаций, получившая название "всемирного хозяйства Средневековья".
Это пространственное расширение также являлось культурной трансформацией глубочайшего рода. Повсюду в Европе возникают новые формы политической жизни. Во Франции, Англии и на Сицилии создаются централизованные органы управления, в чем- то уже предвосхищающие современное государство. В верхней и центральной Италии происходит становление новой городской культуры. Развиваются университеты, в которых преподают теологию и до сих пор неизвестную юриспруденцию, а возрождение римского права создает новый образованный слой юристов, и подрывает монополию клира на образование, типичную для феодального Средневековья. В новом, готическом искусстве, в архитектуре, пластическом искусстве, в живописи мощный ритм движения сменяет статическое пространство предшествующего романского искусства и помещает на его место динамическое поле сил, пространство движения и жеста. Готический свод — это такое устройство, в котором части и элементы взаимно уравновешиваются их тяжестью и держат друг друга. В противоположность недвижным, тяжелым массам зданий романского стиля здесь присутствует совершенно новое пространственное чувство. Но и в сравнении с пространством античного храма и пространством последующей архитектуры Ренессанса в готическом искусстве обнаруживается только ему присущие сила и движение, преобразующие пространство.

12

Можно найти и другие исторические примеры , но все они меркнут перед лицом глубочайшего и самого богатого последствиями изменения планетарной картины мира во всей известной нам мировой истории. Это изменение происходит в 16 и 17 веках, в эпоху открытия Америки и первого кругосветного плавания. Теперь возникает в прямом смысле слова новый мир, Новый Свет, и в корне меняется всеобщее мировосприятие сначала западно- и центральноевропейских народов человечества. Это первая настоящая пространственная революция во всеобъемлющем смысле слова, охватившая всю землю, весь мир и все человечество.
Она несравнима ни с какой другой. Она была не просто всего лишь особенно обширным в количественном отношении распространением географического горизонта, которое само собой наступило вследствие открытия новых частей света и новых океанов. Гораздо большие изменения в совокупном восприятии человечества претерпела общая картина нашей планеты и тем самым общее астрономическое представление о всем мироздании. Впервые в своей истории человек мог держать настоящий, целый земной шар, словно мяч. Мысль о том. что Земля должна иметь форму шара, казалась человеку Средних веков и даже Мартину Лютеру забавной и несерьезной фантазией. Теперь шаровидный образ Земли стал осязаемым фактом, неопровержимым опытом и бесспорной научной истиной. Теперь столь неподвижная прежде Земля вращалась также вокруг Солнца. Но даже это еще не составляло грядущего подлинного, фундаментального преобразования пространства. Решающим был прорыв в космос и представление о бесконечном пустом пространстве.
Коперник первым доказал научно, что Земля вертится вокруг Солнца. Его труд о вращениях небесных орбит "De revolutionibus orbium coelestium" вышел в 1543 году. Хотя он и изменил тем самым всю картину нашей солнечной системы, но он все же еще твердо держался того мнения, что мироздание в целом, космос представляет собой ограниченное

пространство. Таким образом, еще не изменился мир в глобальном космическом смысле и с ним вместе не переменилась сама идея пространства. Несколько десятилетий спустя границы пали. В философском смысле Джордано Бруно предположил, чтонаша солнечная система (в которой планета Земля вращается вокруг Солнца) представляет собой лишь одну из множества солнечных систем бесконечного звездного неба. В результате научных экспериментов Галилея подобные философские умозрения приобрели статус математически доказуемой истины. Кеплер рассчитывал пути движения планет, хотя его самого и охватывал ужас при мысли о бесконечности такого рода пространств, где планетные системы движутся без какого-либо центра. С появлением учения Ньютона новое представление о пространстве прочно утвердилось во всей свободомыслящей Европе. В то время, как силы притяжения и отталкивания взаимно уравновешивают друг друга, скопление материи, небесные тела по законам гравитации движутся в бесконечном, пустом пространстве.
Таким образом, люди могут представить себе пустое пространство, что было ранее невозможно, пусть некоторые философы и рассуждали о “пустоте”. Раньше люди боялись пустоты ; они страдали так называемой horror vacui (боязнь пространства). Отныне люди позабыли свой страх и не находят более ничего особенного в том, что они сами и их вселенная существует в пустоте. Такое научно доказанное представление вселенной в бесконечном, пустом пространстве даже приводило писателей Просвещения 18 века, и прежде всего Вольтера, в состояние особой гордости. Но попробуй реально представить себе хоть раз действительно пустое пространство! Не только безвоздушное, но и лишенное всякой тонкой и одушевленной материи абсолютно пустое пространство! Попытайся хоть однажды действительно различить в твоем представлении пространство и материю, отделить их друг от друга и помыслить одно без другого! С тем же успехом ты можешь попытаться помыслить себе абсолютное Ничто. Деятели Просвещения очень забавлялись по поводу этой horror vacui. Но вероятно, это был всего лишь вполне объяснимый страх перед ничто и перед пустотой смерти, ужас перед лицом нигилистического образа мыслей и перед нигилизмом вообще.
Такого рода изменение, каковое присутствует в мысли о бесконечном, пустом пространстве, невозможно объяснить лишь следствием обыкновенного географического расширения ойкумены. Оно носит столь фундаментальный и революционный характер , что позволяет сказать также нечто прямо противоположное, а именно: что открытие новых континентов и совершение первых плаваний вокруг земли явились всего лишь внешними обнаружениями и следствиями более глубоких изменений. Только поэтому высадка на неизвестном острове и могла вызвать к жизни целую эпоху открытий. На берег американского континента нередко высаживались пришельца с Запада и с Востока. Как известно, викинги из Гренландии достигли берегов Америки уже около 1000 года, а индейцы, которых обнаружил Колумб, так же откуда-то переселились в Америку. Но “открыта” Америка была только в 1392 году Колумбом. “Доколумбовые” открытия не только не содействовали планетарной пространственной революции, но и не имели к ней ровным счетом никакого отношения. В ином случае ацтеки не оставались бы в Мексике, а инки — в Перу; однажды они явились бы в Европу с картой земного шара в руках, и не мы бы их открыли, но, напротив, они открыли бы нас. Для того, чтобы революция пространства состоялась, требуется нечто большее, чем простая высадка в неизвестной дотоле местности. Для ее свершения необходимо изменение представлений о пространстве, которое охватывало бы все уровни и области человеческого бытия. Что это значит, позволяет понять рассмотрение необычного рубежа эпох, имевшего место в 16-17 веках.
В эти столетия эпохальных перемен европейское человечество обретает новое понимание пространства во всех видах своего творческого духа. Живопись Ренессанса упраздняет пространство средневековой готической живописи; художники помещают теперь нарисованных ими людей и предметы внутрь такого пространства, которое дает в

перспективе пустую бездонность. Люди и вещи покоятся отныне и движутся отныне внутри пространства. В сравнении с пространством готической картины это в самом деле означает другой мир. То, что художники теперь иначе видят, что изменяется их зрение, для нас исполнено глубочайшего смысла. Ибо великие художники не просто изображают для кого-то нечто прекрасное. Искусство есть историческая ступень в осознании пространства, и настоящий художник — это человек, который лучше и правильнее других людей видит людей и предметы, правильнее, прежде всего, в смысле исторической правды своей собственной эпохи. Но не только в живописи возникает новое пространство. Архитектура Ренессанса творит свои всецело отличные от готического пространства здания с классически геометрической планировкой; ее пластика свободно размещает в пространстве изваяния человеческих фигур, в то время как скульптуры Средневековья расположены у колонн и в углах зданий. Архитектура Барокко находится снова в динамике движения, устремления и потому сохраняет некоторую связь с готикой, но все же она остается накрепко закованной в новом, современном пространстве, возникшем в результате пространственной революции и испытавшим решающее воздействие самого барочного стиля. Музыка извлекает свои мелодии и гармонии из старых тональностей и помещает их в звуковое пространство нашей так называемой тональной системы. Театр и опера предоставляют своим персонажам передвигаться в пустой глубине сценического пространства, которое отделяется занавесом от пространства зрительного зала. Таким образом, все без исключения духовные течения двух этих столетий - Ренессанс, Гуманизм, Реформация, Контрреформация и Барокко — по-своему участвовали в тотальности этой пространственной революции.
Не будет большим преувеличением сказать, что новым пониманием пространства охвачены все области человеческой жизни, все формы бытия, все виды творческих способностей человека, искусство, наука, техника. Огромные перемены в географическом облике Земли составляют всего лишь внешний аспект глубокого преобразования, означенного таким многообещающим и чреватым многими последствиями словосочетанием, как “пространственная революция”. Отныне неотвратимо наступает то, что называли рациональным превосходством европейца, духом европеизма и “рационализма Оккама”. Он проявляется у народов Западной и Центральной Европы, разрушает средневековые формы человеческого общежития, образует новые государства, флоты и армии, изобретает новые машины и механизмы, порабощает неевропейские народы и ставит их перед дилеммой: или принять европейскую цивилизацию или опуститься до уровня простого народа колонии.

13

Всякое привычное упорядочивание представляет собой упорядочение пространства. О составлении, конституировании страны или части света говорят как о его основном, первичном упорядочивании, его номосе[96].
Итак, действительное, истинное первичное упорядочивание основано в своей важнейшей сущности на определенных пространственных границах и ограничениях, на определенных мерах и определенном разделе земли. В начале каждой великой эпохи происходит поэтому великий захват земель. В особенности любое значительное изменение и

[96] Греческое имя существительное Nomos происходит от греческого глагола Nemein ; как и этот глагол, оно имеет три значения. Во-первых, Nemein значит “брать”. Поэтому Nomos означает, во-первых, “взятие”, “захват”. Точно так же, как греческому Legein-Logos соответствует немецкое Sprechen-Sprache, так и греческому Nemein-Nomos соответствует немецкое брать-взятие, захват. Захват является вначале захватом земель, позднее также захватом моря, покорением моря, о чем много сказано в нашем созерцании мировой истории, а в области индустрии это значит захват индустрии, то есть захват индустриальных средств производства.

смещение в облике Земли связано с переменами в мировой политике и с новым переделом мира, новым захватом земель.
Столь поразительная, беспрецедентная пространственная революция, какая имело место в 16-17 веках, должна была привести к столь же неслыханному, не имеющему аналогий захвату земель. Европейские народы, которым открылись тогда новые, казавшиеся бесконечными пространства и которые устремились в даль этих просторов, обходились с открытыми ими неевропейскими и нехристианскими народами как с бесхозным добром, которое становилось собственностью первого попавшегося европейского захватчика. Все завоеватели, будь-то католики или протестанты, ссылались при этом на свою миссию распространения христианства среди нехристианских народов. Впрочем, такую миссию можно было бы попытаться осуществить и без завоеваний и грабежа. Никакого другого обоснования и оправдания не находилось. Некоторые монахи, как например испанский теолог Франческо де Витория в своей лекции об индейцах (De Indis 1532), доказывали, что право народов на их территорию не зависит от их вероисповедания и с удивительной откровенностью защищали права индейцев. Это ничего не меняет в общей исторической картине европейских колониальных захватов. Позднее, в 18 и 19 веках задача христианской миссии превратилась в задачу распространения европейской цивилизации среди нецивилизованных народов. Из таких оправданий возникло христианско-европейское международное право, то есть противопоставленное всему остальному миру сообщество христианских народов Европы. Они образовали "сообщество наций", межгосударственный порядок. Международное право было основано на различении христианских и нехристианских народов или, столетием позже, цивилизованных (в христианско-европейском смысле) и нецивилизованных народов. Нецивилизованный в этом смысле народ не мог стать членом этого международно-правового сообщества; он не был субъектом. а только объектом этого международного права, то есть он принадлежал одному из цивилизованных народов на правах колонии или колониального протектората. Разумеется , тебе не следует представлять "сообщество христианско-европейских народов" как некое стадо мирных овечек. Между собой они вели кровавые войны. Но все же это не упраздняет исторического факта существования христианско-европейского цивилизационного единства и порядка. Мировая история представляет собой историю колониальных захватов, а при каждом захвате земель захватчики не только договаривались, но и спорили, часто даже посредством кровавых гражданских войн. Это справедливо и в отношении большинства колониальных захватов. Причем войны ведутся с тем большей интенсивностью, чем большую ценность представляет собой объект завоевания. Здесь речь шла о захвате нового мира, Нового Света. Испанцы и французы на протяжении 16 века годами вырезали коренное население самым жестоким образом, например во Флориде, причем не щадили ни женщин, ни детей. Испанцы и англичане вели между собой столетнюю изнурительную войну, в которой насилия и зверства, на которые люди способны по отношению друг к другу, достигли, казалось, высшей возможной степени. Причем они также не испытывали никаких угрызений совести от того, что использовали неевропейцев, индейцев или мусульман в качестве явных или тайных помощников или даже союзников. Вспышки ненависти необычайны; друг друга называли убийцами, ворами, насильниками и пиратами. Отсутствует только одно единственное обвинение, которое обычно охотно выдвигали против индейцев; европейцы- христиане не обвиняли друг друга в людоедстве. В остальном же для обозначения злейшей, смертельной вражды привлекается все богатство языка. И все же это утрачивает всякое значение ввиду всепокоряющей действительности совместной европейской колонизации нового мира, Нового Света. Смысл и сущность христианско-европейского международного права, его исходное упорядочивание состояло именно в разделе и распределении ранее неизвестной земли. Между собой европейские народы были, не рассуждая, едины в том, что они рассматривали неевропейскую территорию земли как колониальную территорию, то есть как объект своего захвата и использования. Этот

аспект исторического развития столь важен, что эпоху открытий можно с тем же успехом, и, вероятно, еще точнее обозначить как эпоху колониальных захватов, покорения новых земель. Война, — говорит Гераклит, — соединяет, а правда — это ссора.

Во-вторых, Neimen означает: деление и распределение захваченного (того, что взято). Таким образом, второе значение Nomos: основной раздел и распределение земли, территории и покоящийся на этом порядок прав собственности.
Третье значение таково: эксплуатация, то есть использование, обработка и реализация полученной при разделе территории, производство и потребление. Захват — Распределение — Использование являются в этой последовательности тремя основными понятиями каждого конкретного упорядочения. Подробнее о значении Nomos см. в книге Der Nomos der Erde. Koln. 1950 (L. Auflage. Berlin. 1974)

14

Португальцы, испанцы, французы, голландцы и англичане боролись между собой за раздел новой земли. Борьба велась не только силой оружия; она протекала также в форме дипломатического и юридического спора за получение более выгодного права собственности. В этом вопросе, в противоположность коренным жителям, можно было, конечно, проявить исключительную щедрость и великодушие. Высаживались на берег, воздвигали крест или вырезали на дереве герб короля, устанавливали привезенный с собою столб с изображением герба или помещали гербовую грамоту в дыру между древесных корней. Испанцы любили со всей торжественностью возвещать толпе сбежавшихся туземцев, что эта страна принадлежит отныне короне Кастилии. Такого рода символические вступления во владение должны были обеспечить приобретение законных прав собственности на огромные острова и целые континенты. Ни одно правительство, будь-то португальское, не соблюдало права туземцев и коренного населения на их собственной территории. Другой вопрос - это спор европейских народов-колонизаторов между собою. Здесь каждый ссылался на любой правовой документ, который был у него в этот момент в руках и, если это оказывалось выгодно, то и на договоры с туземцами и их вождями.
До тех пор, пока Португалия и Испания, две католические державы, определяли положение дел в мире, Папа Римский мог выступать в качестве творца правовых актов, инициатора новых колониальных захватов и арбитра в споре колониальных держав. Уже в 1493 году, то есть по прошествии почти года после открытия Америки, испанцам удалось добиться издания тогдашним Папой Александром VI эдикта, в котором Папа, силою своего апостольского авторитета, даровал королю Кастилии и Леона и его наследникам только что открытые вест-индийские страны в качестве мирских ленных владений Церкви. В этом эдикте была определенная линия, проходившая через Атлантический океан в ста милях к Западу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса. Испания получала от Папы все земли, открытые западнее этой линии, в ленное владение. В следующем году Испания и Португалия условились в договоре у Тордесильяс о том, что все земли восточнее линии должны принадлежать Португалии. Так немедленно с огромным размахом начинается раздел Нового Света, хотя Колумб открыл к тому времени всего лишь несколько островов и прибрежных областей. В то время еще никто не мог представить себе реальную картину всей Земли, однако передел Земли начал осуществляться в полной мере и по всем правилам. Папская разделительная линия 1493 года оказалась в начале борьбы за новое исходное упорядочение, за новый номос Земли.
Более ста лет испанцы и португальцы ссылались на папские разрешения, (в своем стремлении) отклонить все притязания следовавших за ним французов, голландцев и англичан. Бразилия, открытая Кабралем в 1300 году, стала, естественным образом, собственностью Португалии, ибо эта выступающая часть западного побережья Америки

попала в восточное, португальское полушарие вследствие позднейшего переноса разделительной линии к Западу. Однако другие державы-колонизаторы не чувствовали себя связанными условиями соглашения между Португалией и Испанией, а авторитета Римского Папы не хватало для того, чтобы внушить им уважение к колониальной монополии обеих католических держав. Благодаря Реформации народы, принявшие протестантизм, открыто порвали с любой зависимостью от римского престола. Так борьба за колонизацию новой земли превратилась в борьбу между Реформацией и Контрреформацией, между всемирным католицизмом испанцев и всемирным протестантизмом гугенотов, голландцев и англичан.

15

В противоположность коренным жителям недавно открытых стран, христианские колонизаторы не составляли друг с другом единого фронта, ибо в данном случае отсутствовал общий боеспособный противник. Тем более ожесточенной, но и более значимой в историческом смысле, более ярко выраженной и оформленной была развивавшаяся теперь религиозная война между христианскими народами- колонизаторами, всемирная битва между католицизмом и протестантизмом. Таким образом обрисованная и с этими участниками она предстает как религиозная война, и таковой она в действительности тоже являлась. Но этим еще не все сказано. В своем истинном свете она целиком предстает нам лишь тогда, когда мы и в данном случае обратим внимание на противоположность стихий и на начинающееся в то время отделение мира открытого моря от мира земной тверди.
Некоторые участники этой великой религиозной борьбы служили для великих писателей прототипами сценических персонажей. Излюбленной темой драматургов стало противоборство испанского короля Филиппа Второго и английской королевы Елизаветы. Оба этих персонажа порознь встречаются в различных трагедиях Шиллера; их прямая конфронтация неоднократно описывается в рамках одной и той же пьесы. Это служит прекрасным материалом для эффектных театральных сцен. Но подобным образом невозможно уловить глубинные противоречия, изначальные ситуации дружбы-вражды, последние элементарные силы и противоборства стихий. В Германии того времени нет для этого сценичных героев. Лишь один единственный немец этой столь бедной деяниями эпохи в жизни Германии (1550-1618) стал героем значительной трагедии : король Рудольф Второй. Ты, вероятно, немного слышала о нем и действительно, нельзя сказать, что он продолжает жить в исторической памяти немецкого народа. Тем не менее, его имя принадлежит данному контексту и крупный немецкий драматург Франц Грильпарцер с полным на то основанием помещает его в центр действия своей трагедии “Братоубийство в Габсбурге”. Но вся проблематика и все величие как самой трагедии Грильпарцера, так и его героев состоит именно в том, что Рудольф Второй не был активным героем, но своего рода задержателем, замедлителем. В нем было нечто от “катехона”, понятия. уже упоминавшегося нами однажды в ином контексте. Но что вообще может предпринять Рудольф в том положении, в котором оказалась тогда Германия ? Одно то, что он осознал отсутствие внешнеполитической угрозы в отношении Германии, было уже очень много, и целым достижением явилось только то, что он в самом деле задержал начало Тридцатилетней войны на десятилетия.
Своеобразие положения Германии тех времен состояло именно в том, что она не определилась в выборе союзников и никак не могла принять какую-то сторону в этой религиозной войне. Она заключала в самой себе противостояние католицизма и протестантизма, однако это внутринемецкое противоречие было чем-то иным, нежели всемирное, решающее для колонизации Нового Света противостояние католичества и протестантства. Германия была все же родиной Лютера и страной возникновения Реформации. Но борьба колониальных держав давно преодолела изначальную

противоположность католичества и протестантства и, миновав внутринемецкую проблематику, достигла гораздо более точного и глубокого противопоставления учения иезуитов и кальвинизма. Теперь это было различение друга и врага, служащее мерилом для всей мировой политики.

Лютеранские немецкие князья и сословия, прежде всего протестантский правитель империи курфюрст Саксонский, пытались сохранять верность и католическому королю. Когда под натиском кальвинистов возник военный союз евангелических немецких сословий, так называемый Унион, а католические сословия образовали встречный фронт, так называемую Лигу, курфюрст Саксонский, лютеранин по вероисповеданию, не знал, к какой стороне ему примкнуть. Еще в 1612 году велись переговоры о его вступлении в католическую Лигу. Ненависть лютеран к кальвинистам была не меньшей, чем их ненависть к папистам, и не меньшей, чем ненависть католиков к кальвинистам. Это объясняется не только тем, что лютеране на практике в общем и целом больше следовали принципу подчинения власти, чем гораздо более активные кальвинисты. Подлинная причина состоит в том, что Германия была в то время отстранена от участия в европейской колонизации Нового Света и насильственно втянута внешними силами в мировое столкновение западно-европейских колониальных держав. В то же время на Юго- Востоке ей угрожали наступавшие турки. Иезуиты и кальвинисты Испании, Голландии и Англии поставили Германию перед альтернативами, совершенно чуждыми собственно немецкому развитию. Неиезуиты-католики и некальвинисты-лютеране, каковыми являлись немецкие князья и сословия, пытались избежать участия во внутренне им чуждом споре. Но это требовало решительности и огромных собственных сил. За неимением таковых они оказались в ситуации, которая точнее всего обозначалась как “пассивный нейтралитет”. Следствием этого было то, что Германия оказалась полем сражения внутренне чуждых ей трансатлантических сил за колонии без реального участия в этой войне. Кальвинизм был новой воинственной религией; пробуждение стихии моря захватило его как соразмерная ему вера. Он стал верой французских гугенотов, голландских борцов за свободу и английских пуритан. Он был также вероисповеданием великого курфюрста Бранденбургского, одного из немногих немецких властителей, знавших толк в морских сражениях и колониях. Внутриматериковые кальвинистические общины в Швейцарии, в Венгрии и в других странах не играли роли в мировой политике, если они не были связаны с указанными морскими энергиями.

Все некальвинисты приходили в ужас от кальвинистического вероучения, и прежде всего, от суровой веры в избранность людей от вечности, в “предопределение ко спасению”. Но выражаясь светским языком, вера в предопределение есть всего лишь предельно усилившееся сознание принадлежности к иному миру, чем этот — приговоренный к гибели и развращенный. Говоря на языке современной социологии, это высшая степень самосознания элиты, уверенной в своем положении, уверенной в том, что ее час пробил. Говоря проще, человечнее, это уверенность в том, что ты спасен, а спасение есть все же определяющий любую идею смысл всей мировой истории. Преисполненные этой уверенности, распевали свою прелестную песнь нидерландские гезы:

“Земля станет морем, земля станет морем, но будет свободной”.

Когда в 16 столетии произошло пробуждение стихийных энергий моря, то их действие было столь сильным, что они быстро стали определять политическую историю мира. В этот момент они должны были заговорить духовным языком своего времени. Они не могли больше оставаться просто охотниками на китов, рыбаками и “пленителями моря”. Они должны были найти себе духовного союзника, союзника самого радикального и отважного, того, кто по-настоящему покончил бы с образами прежней эпохи. Им не могло быть немецкое лютеранство того времени. Последнее развивалось с тенденцией к территориальности и всеобщему обмелению. В любом случае, упадок Ганзы и конец немецкого господства на Балтике столь же четко совпадает в Германии с эпохой Лютера, как рост мирового могущества Голландии и великое решение Кромвеля — с эпохой

кальвинизма. И еще нечто приходит на ум. Большинство прежних исторических изысканий все еще находится под влиянием методов изучения суши. Они имеют в виду всегда только твердую землю и развитие государств, в Германии даже только территориально-государственное развитие, при этом часто еще ограничиваются в своем предмете исследования малыми государствами и малыми пространствами. Но стоит нам обратить взор к морю, и мы тотчас же увидим встречу, совпадение по времени, или, если мне позволено будет так выразиться, всемирно-историческое братство, связующее политический кальвинизм с пробуждающимися морскими энергиями Европы. Религиозные войны и теологические лозунги этой эпохи также содержат в своем существе столкновение стихийных сил, повлиявших на перенос всемирно-исторической экзистенции с земли на море.

16

В то время как на береговой стороне исторического свершения с большим размахом шел процесс захвата новых земель, на море завершилась другая, не менее важная часть нового предела нашей планеты. Это происходило посредством английского покорения моря. На море то было результатом общеевропейского пробуждения этих столетий. Им определена основная линия первого планетарного упорядочения пространства, сущность которого состоит в отделении земли от моря. Земная твердь принадлежит теперь дюжине суверенных государств, море принадлежит всем или, наконец, в действительности лишь одному государству : Англии. Устроение земной тверди, суши состоит в том, что она поделена на территории государств; открытое море, напротив, свободно, это значит свободно от государственных образований и не подчинено никакому территориальному верховенству. Таковы решающие факты устроения пространства, на основании которых развивалось христианское европейское международное право трех последних столетий. Это был основной закон, номос земли этой эпохи.

Только в свете этого изначального факта британского покорения моря и отделения моря от земли многие знаменитые и часто цитируемые слова и выражения обретают свой подлинный смысл. Таково, например, высказывание сэра Уолтера Рэлли: “Тот, кто господствует на море, господствует в мировой торговле, а тому, кто господствует в мировой торговле, принадлежат все богатства мира и фактически сам мир.” Или: “Всякая торговля суть мировая торговля; всякая мировая торговля суть морская торговля.” Сюда же относятся слова о свободе, сказанные в период расцвета английского морского и мирового могущества: “Всякая мировая торговля есть свободная торговля.” Нельзя сказать, чтобы все это было так уж неверно, однако все это относится к известной эпохе и к определенному международному положению и становится несправедливым тогда, когда из этого пытаются сделать абсолютные и вечные истины. Но прежде всего распря земли и моря раскрывается в сопоставлении морских и сухопутных войн. Конечно, война на суше и война на море всегда отличалась друг от друга в стратегическом и тактическом отношении. Однако их противоположность становится отныне выражением различных миров и противоположных правовых норм.

Начиная с 16 века государства европейского материка выработали определенные способы ведения сухопутной войны, в основе которых лежит представление о войне как о взаимоотношении государств. По обеим сторонам линии фронта находится государственно структурированная, военная власть, и армии борются между собой в открытом полевом сражении. В качестве врагов противостоят друг другу лишь участвующие в битве войска, при том, что мирное гражданское население не участвует в боевых действиях. Оно не враг и его не считают врагом до тех пор, пока оно не участвует в войне. Война на море, напротив, предполагает уничтожение торговли и экономики противника. Врагом в такой войне является не только воюющий противник, но и любой подданный враждебного государства и, наконец, даже нейтральная страна, ведущая

торговлю с неприятелем и имеющая с ним экономические отношения. Наземная война имеет тенденцию к решающему открытому полевому сражению. Конечно, и во время войны на море дело может дойти до морского сражения, но ее типичными средствами и методами является обстрел и блокада берегов неприятеля и захват вражеских и нейтральных торговых судов согласно призовому праву. По самому своему существу эти типичные для морской войны средства направлены как против военных лиц, так и против мирного населения. В особенности продовольственная блокада, которая обрекает на голод все население блокированной области одинаково, не различая военных и гражданских, мужчин и женщин, стариков и детей.
Это в действительности не только две стороны международно-правого порядка, но два совершенно разных мира. Но со времени британского покорения моря англичане и народы, бывшие во власти английских идей, привыкли к такому положению дел. Представление о том, что континентальная держава сможет осуществлять мировое господство на всем земном шаре, было для их мировосприятия неслыханным и невыносимым. Другое дело — мировое господство, основанное на отделившейся от суши мировой экзистенции и охватывающее собою мировые океаны. Маленький остров на северо-западной стороне Европы стал центром всемирной империи благодаря тому, что оторвался от земли и сделал решающий выбор в пользу моря. В чисто морском существовании он обрел средство мирового господства, простирающегося во все концы Земли. После того, как отделение земли от моря и раздор обеих стихий стали однажды основным законом планеты, на этом фундаменте был возведен огромный каркас ученых мнений, аргументов и научных систем, посредством которых люди обосновывали мудрость и разумность этого положения дел, упуская из виду первичный факт британского покорения моря и временную обусловленность этого факта. Подобные системы были разработаны великими учеными, специалистами в области политической экономии, юристами и философами, и большинству наших прадедов все это казалось совершенно очевидным. Они были больше не в состоянии представить себе какую-то иную экономическую науку и иное международное право. Здесь ты имеешь возможность убедиться в том, что огромный Левиафан обладает властью также и над умами и душами людей. И это самое удивительное в его могуществе.

17

Англия - это остров. Но лишь став носителем и средоточием стихийного исхода из мира земной тверди в мир открытого моря и лишь в качестве наследника всех высвободившихся в то время морских энергий она превратилась в тот остров, который имеется в виду, когда снова и снова подчеркивается, что Англия является островом. И только став островом в новом, неведомом дотоле смысле слова, Англия осуществила захват мировых океанов и выиграла на том первом этапе планетарной революции пространства.
Само собой разумеется, Англия — это остров. Но одним установлением этого географического факта сказано еще очень мало. Есть много островов, политические судьбы которых совершенно различны. Сицилия также остров, как и Ирландия, Куба, Мадагаскар, Япония. Сколь много противоречивых тенденций всемирной истории соединяются уже в этих немногих именах, каждое из которых именует остров! В определенном смысле все континенты, в том числе самые крупные, являются всего лишь островами, а вся обитаемая земля омывается океаном, о чем знали уже древние греки. Англия сама всегда была островом в неизменном географическом смысле при всех превратностях исторических судеб, с тех пор, как она много тысячелетий тому назад - вероятно 18000 лет до нашей эры - отделилась от материка. Она была островом, когда ее заселили кельты и когда она была завоевана для Рима Юлием Цезарем, при норманнском

завоевании (1066) и во времена Орлеанской девы (1431), когда англичане удерживали за собой большую часть Франции.
Жители этого острова обладали чувством островной защищенности. Из эпохи Средневековья до нас дошли чудные выражения и стихотворные строки, в которой Англию сравнивают с укрепленным замком, омываемым морем, словно оборонительным рвом. В стихах Шекспира это островное самоощущение нашло свое самое прекрасное и знаменитое выражение :

“Этот второй Эдем, этот коронованный остров, почти что рай,
Этот бастион, возведенный самой природой,
Эта жемчужина в оправе морского серебра,
Которая служит стеною и рвом, оберегая дом.”

Понятно, что англичане часто цитируют подобные строки, и что особенно выражение “эта жемчужина в оправе морского серебра” могло стать крылатым..
Но такого рода выражения английского островного сознания относятся к старому острову. Остров все еще рассматривается в качестве участка суши, отделившегося от земной тверди и омываемого морем. Островное сознание все еще остается чисто земным, сухопутным и территориальным.. Представляется даже, что островное чувство проявляется как особо ярко выраженное территориальное чувство земли. Было бы заблуждением считать любого островного жителя, любого англичанина еще и сегодня прирожденным “пленителем моря”. Мы уже видели, какое изменение состояло в том, что народ овцеводов превратился в 16 веке в народ детей моря. Это было фундаментальным преобразованием политико-исторической сущности самого острова. Оно состояло в том, что земля стала рассматриваться теперь лишь с точки зрения моря, остров же из отделившегося участка суши стал частью моря, кораблем или, еще точнее, рыбой.
Наблюдателю, находящемуся на континенте, трудно представить себе последовательно морской взгляд на вещи, чисто морское восприятие земли. Наш повседневный язык при образовании своих значений имеет своим исходным пунктом естественным образом землю. Это мы видели уже в самом начале нашего созерцания. Образ нашей планеты — это образ земли; мы забываем, что он может быть и образом моря. В связи с морем мы говорим о мореходных путях, хотя здесь не существует никаких путей или дорог, как на земле, но лишь линии коммуникации. Корабль в открытом море мы представляем себе в виде куска суши, который плывет по морю, в виде “плавающего участка государственной территории”, как это называется на языке международного права. Военное судно представляется нам плавающей крепостью, а остров, такой как Англия — замком, окруженным морем словно рвом. Морские люди считают все это совершенно ложными толкованиями, плодом фантазии сухопутных крыс. Корабль столь же мало похож на кусок суши, сколь рыба - на плавающую собаку. На взгляд, определяемый исключительно морем, земная твердь, суша есть всего лишь берег, прибрежная полоса плюс “хинтерланд” (незахваченная территория). Даже вся земля, рассматриваемая лишь с точки зрения открытого моря, исходя из чисто морского существования предстает простым скопищем предметов, выброшенных морем к берегу, извержением моря. Типичным примером такого образа мыслей, поразительного для нас, но типичного для людей моря, является высказывание Эдмунда Бергса: “Испания есть ничто иное, как выброшенный на берег Европы кит”. Все существенные отношения с остальным миром, и в особенности с государствами европейского материка должны были измениться от того, что Англия перешла к чисто морскому существованию. Все меры и пропорции английской политики стали отныне несравнимы и несовместимы с таковыми же прочих европейских стран. Англия стала владычицей морей и воздвигла простирающуюся во все концы света британскую всемирную империю, основанную на английском морском господстве над всей землей. Английский мир мыслил морскими базами и линиями коммуникаций. То, что

было для других народов почвой и родиной, казалось этому миру простым хинтерландом, незахваченной территорией. Слово континентальный приобрело дополнительное значение отсталости, а население континента стало “backward people”, отсталым народом. Но и сам остров, метрополия такой всемирной империи, основанной на чисто морском существовании, лишается тем самым корней, отрывается от почвы. ОН оказывается способным плыть в другую часть земли, словно корабль или рыба, ибо он все же только транспортабельный центр всемирной империи, разбросанной по всем континентам. Дизраэли, ведущий английский политик времен царствования королевы Виктории, сказал применительно к Индии, что Британская империя это государство скорее азиатское, чем европейское. Он был так же тем, кто в 1847 году в своем романе “Танкред” выдвинул предложение о том, что английская королева должна поселиться в Индии. “Королева должна снарядить большой флот, отправиться в путь со своей свитой и всем правящим сословием и перенести свою имперскую резиденцию из Лондона в Дели. Там она найдет огромную готовую империю, первоклассную армию и большие постоянные доходы.” Дизраэли был Абраванелем (ср. выше) 19 века. Кое-что из сказанного им об иудаизме и христианстве и о расе как о ключе ко всей мировой истории было усердно распропагандировано неевреями и нехристианами. Так что он знал, о чем говорил, когда выдвигал подобные предложения. Он чувствовал, что остров более не является частью Европы. Судьба острова не была отныне с необходимостью связана с европейской судьбой. Он мог отправиться в путь и изменить место своего пребывания в качестве метрополии всемирной морской империи. Корабль мог сняться с якоря и бросить якорь в другой части света. Огромная рыба, Левиафан, могла прийти в движение и пуститься исследовать другие океаны.

18

После битвы при Ватерлоо, когда Наполеон был побежден в результате 20-летней войны, настала эпоха бесспорного морского владычества Англии. Эта эпоха продолжалась весь 19 век. Своей кульминации она достигла в середине века, после Крымской войны, окончившейся Парижской конфедерацией 1856 года. Эпоха свободной торговли была также временем свободного расцвета английского индустриального и экономического превосходства. Свободные морские просторы и свободная мировая торговля, свободный рынок соединились в представлении о свободе, олицетворением и стражем которой могла быть только Англия. В эту эпоху своего апогея достигает также восхищение и подражание английскому примеру во всем мире.
Внутреннее измерение коснулось элементарной сущности громадного Левиафана.
Впрочем, тогда еще это осталось незамеченным. Совсем напротив вследствие наступившего потрясающего подъема мировой экономики, позитивистская, ослепленная быстро растущим богатством эпоха верила, что это богатство будет все время и далее возрастать и окончится тысячелетним раем на земле. Однако перемена, коснувшаяся существа Левиафана, была как раз следствием промышленной революции. Последняя началась в Англии в 18 веке с изобретением машин. Первая коксовальная доменная печь (1735 г.), первая литая сталь (1740 г.), паровая машина (1768 г.), прядильная машина (1770 г.), механический ткацкий станок (1786 г.), все это сначала в Англии — таковы некоторые примеры, проясняющие, насколько велико было промышленное превосходство Англии над всеми другими народами. Изобретения парохода и железной дороги последовали в 19 веке. Англия и здесь была впереди всех. Огромная морская держава стала одновременно огромной машинной державой. Ее господство над миром казалось теперь окончательным. Выше мы уже видели, насколько значительным был прогресс в развитии морского дела за короткий период начиная с битвы на галерах при Лепанто (1571) и до уничтожения испанской армады в Ла-Манше (1588). Столь же значительный шаг вперед был сделан в период между Крымской войной, когда Англия, Франция и Сардиния сражались против

России в 1854-1856 гг. и гражданской войной в Америке в 1861-1863 гг., в которой северные индустриальные штаты покорили аграрный Юг страны. В Крымскую войну воевали еще с помощью парусников, война за отделение Юга велась уже при помощи бронированных пароходов. Тем самым открылась эпоха современных промышленных и экономических войн. Англия и здесь была впереди и почти до конца 19 века удерживала за собой огромное превосходство. Но прогресс в эту эпоху означал вместе с тем новую стадию в элементарных взаимоотношениях земли и моря.
Ибо Левиафан превратился теперь из огромной рыбы в машину. На деле то было сущностное превращение, неслыханное в своем роде. Машина изменила отношение человека к морю. Отважный тип личностей, определявший до сих пор размеры морской державы, утратил свой старый смысл. Смелые подвиги моряков парусных кораблей, высокое искусство навигации, суровое воспитание и отбор определенной породы людей
— все это утратило всякое значение ввиду надежности современного технизированного морского сообщения. Море все еще сохраняло свою силу. Но ослабевало и постепенно окончилось действие того мощного импульса, который превратил народ овцеводов в пиратов. Между стихией моря и человеческой экзистенцией встал аппарат машины. Морское господство, основанное на индустрии машин, очевидно представляет собою нечто иное, чем морская держава, ежедневно возрастающая в ожесточенной и непосредственной борьбе со стихией. Парусник, требующий только мускульной силы человека и корабль, движимый паровыми колесами, представляют собой уже два различных способа связи со стихией моря. Промышленная революция превратила детей моря в изготовителей и слуг машины. Перемену почувствовали все. Одни сетовали по поводу конца старой эпохи героев и находили прибежище в романтике пиратских историй. Другие возликовали по поводу технического прогресса и кинулись сочинять утопии сконструированного людьми рая. Со всей очевидностью мы устанавливаем здесь факт сущностного повреждения чисто морской экзистенции, тайны британского мирового господства. Но люди 19 века не видели этого. Ибо будучи рыбой или машиной, Левиафан в любом случае становился все сильнее и могущественнее, и его царству, казалось, не будет конца.

19

В конце 19 - начале 20 века американский адмирал Мэхан предпринял замечательную попытку продлить и в эру машины прежнюю ситуацию британского господства над морем. Мэхан является значительным историком, автором “Влияния морской державы в истории”. Так он озаглавил свой главный труд, вышедший также на немецком языке и получивший признание в кругах немецкого военно-морского флота, в особенности, у его основателя гроссадмирала фон Тирпица.
В одной своей работе, датированной июлем 1904 года, Мэхан ведет речь о возможностях воссоединения Англии с Соединенными Штатами Америки. Глубочайшую основу для подобного воссоединения он усматривает не в общей расе, языке или культуре. Он никоем образом не недооценивает эти соображения, столь часто приводившиеся другими писателями. Но для него они — всего лишь желанные дополнительные обстоятельства. Решающей для него является необходимость сохранения англо-саксонского господства на мировых океанах, а это может произойти лишь на островной основе, путем соединения англо-американских государств. Сама Англия стала слишком мала в результате современного развития, так что не является более островом в прежнем смысле. Напротив, Соединенные Штаты Америки представляют собой истинный остров в современном смысле. Из-за их протяженности — говорит Мэхан — это до сих пор не осознано. Но это отвечает сегодняшним масштабам и соотношениям величин. Островной характер Соединенных Штатов должен способствовать тому, чтобы морское господство могло быть сохранено и продолжено на более широкой основе. Америка — это тот самый

большой остров, на базе которого британское покорение моря должно быть увековечено и в еще больших масштабах продолжено в качестве англо-американского господства над миром.
В то время, как такой политик ,как Дизраэли хотел перенести всемирную британскую империю в Азию, американский адмирал вынашивал мысль об отправке в Америку. Это было свойственно типу мышления, естественного для англо-саксонского моряка 19 века. Адмирал чувствовал эпохальные перемены, видел громадные изменения мер и размеров, которые неизбежно наступали с развитием индустрии. Но он не видел того, что промышленная революция как раз важнейший момент — элементарную связь человека с морем. Таким образом выходит, что он продолжает мыслить в старом русле. Его более крупный остров должен был сохранить, законсервировать, унаследованную, устаревшую традицию в полностью новой ситуации. Старый, слишком маленький остров и весь комплекс воздвигнутого на его основе морского и мирового господства должен быть взят на буксир новым островом, словно спасательным судном.
Сколь бы значительной ни была личность Мэхана и сколь бы впечатляющей ни была его конструкция большего острова, но она не постигает подлинного смысла нового упорядочения пространства. Она не является порождением духа старых мореплавателей. Она исходит из консервативной потребности в геополитической безопасности, в ней не осталось более ничего от тех энергий пробуждения стихий, которые сделали возможным всемирно-исторический союз между отважным мореплаванием и кальвинистской верой в предопределение в 16 и 17 веках.

20

Промышленное развитие и новая техника не могли оставаться на уровне 19 века. Прогресс не закончился с изобретением парохода и железной дороги. Мир изменился быстрее, чем того ожидали пророки машинной веры, и вступил в эпоху электротехники и электродинамики. Электротехника, авиация и радио вызвали такой переворот во всех представлениях о пространстве, что явно началась новая стадия первой планетарной пространственной революции, если даже не вторая, новая революция пространства.
За короткий период времени с 1890 по 1914 год Германия, государство европейского материка, догнала и даже перегнала Англию в важнейших областях деятельности, в машиностроении, кораблестроении и локомотивостроении, — после того, как Крупп уже в 1868 году продемонстрировал свое преимущество перед англичанами на поприще производства вооружений. Уже Мировая война 1914 года проходила под знаком нового. Конечно, народы и их правительства вступили в нее, не обладая сознанием революционной для пространства эпохи, так, как будто бы речь шла об одной из прошлых войн 19 века, в которых они участвовали. В высоко индустриализованной Германии господствовали еще английские идеалы законодательства, и английские идеи считались непререкаемыми, в то время как огромная аграрная страна, какой была царская Россия, вступила в 1914 году в первую мировую и сырьевую войну, не располагая на своей обширной территории собственным современным моторостроительным заводом. В действительности продвижение от парового судна до современного военного корабля было не меньшим, чем шаг от гребных галер до парусника. Отношение человека к стихии моря вновь глубочайшим образом изменилось.
Когда появился самолет, было покорено новое, третье измерение, добавившееся к земле и к морю. Теперь человек поднялся над поверхностями земли и моря и приобрел совершенно новое средство передвижения и столь же новое оружие. Меры и соразмерности вновь изменились, а возможности человеческого господства над природой и над другими людьми расширились до необозримых пределов. Понятно, почему именно военно-воздушные силы получили наименование “ пространственного оружия”. Ибо

производимые ими революционные изменения пространства суть особенно сильные, непосредственные и наглядные.
Но если кроме того представить себе, что воздушное пространство над землей и морем не только бороздят самолеты, радиоволны станций всех стран со скоростью секунды беспрепятственно пронизывают атмосферное пространство вокруг земного шара, то есть все основания поверить в то, что теперь не просто достигнуто новое, третье измерение, но прибавился даже третий элемент, воздух в качестве новой стихии человеческой экзистенции. Тогда к обеим мифическим животным — Левиафану и Бегемоту — стоило бы добавить и третье: большую Птицу. Но мы не должны столь опрометчиво делать столь многообещающие утверждения. Ибо если поразмыслить о том, с помощью каких технико-механических средств и энергий осуществляется господство человека в воздушном пространстве и представить себе двигатели внутреннего сгорания, которыми приводятся в действие самолеты, то скорее Огонь покажется всякому дополнительным, собственно новым элементом человеческой активности в мире.
Здесь не место разрешать вопрос о двух новых стихиях, прибавившихся к земле и к морю. Здесь еще слишком сильно переплетены серьезные соображения и спекулятивные рассуждения, гипотезы и домыслы, для них все еще существует необозримое поле возможностей. Ведь и согласно одному учению времен античности, вся история человечества есть только путь через четверицу стихий. Если же мы постараемся трезво следовать нашей теме, то сможем со всей очевидностью и достоверностью констатировать две вещи. Первая затрагивает то изменение идеи пространства, которое наступило в новый период пространственной революции. Это преобразование происходит с глубиной ничуть не меньшей, чем уже знакомое нам изменение 16-17 веков. Тогда люди поместили мир и вселенную в пустое пространство. Сегодня мы уже не представляем себе пространство как просто лишенную всякого мыслимого содержания бездонную протяженность. Пространство стало для нас силовым полем человеческой энергии, действия и результата. Только сегодня для нас становится возможной мысль, невероятная в любую другую эпоху; ее высказал немецкий философ современности: ”Не мир находится внутри пространства, но пространство находится внутри мира”.
Наше второе установление касается изначального соотношения земли и моря. Сегодня море более не является стихией, как это было в эпоху охотников на кита и корсаров. Сегодняшняя техника транспортных средств и средства массовой информации сделали из него пространство в современном смысле слова. Сегодня любой владелец судна может в любой день и час знать, в какой точке океана находится его судно. Тем самым в противоположность эпохе парусников, мир моря коренным образом изменился для человека. Но если это так, то тогда приходит и то разделение моря и земли, на котором основывалась прежняя связь морского мирового господства. Исчезает сама основа британского покорения моря и вместе с нею прежний номос земли.
Вместо него безудержно и непреодолимо образуется новый номос нашей планеты. Его вызывают новые отнесенности человека к старым и новым стихиям, и изменившиеся меры и отношения человеческой экзистенции форсируют его становление. Многие увидят в этом лишь смерть и разрушение. Некоторые решат, что присутствуют при конце света. В действительности мы переживаем лишь конец прежних отношений земли и моря. Однако человеческий страх перед новым часто столь же велик, как боязнь пустоты, даже если новое преодолевает пустоту. Многие видят лишь бессмысленный хаос там, где в действительности новый смысл прокладывает путь соразмерному себе порядку. Старый номос, конечно, уходит, и вместе с ним вся система унаследованных размеров, норм и отношений. Но грядущее все же не является только отсутствием меры или враждебным номосу ничто. И в жестоких схватках старых и новых сил возникают должные меры и составляются осмысленные пропорции.
И здесь присутствуют и властвуют боги, Мера
их велика.

Лейпциг, 1942 год.
Перевод с немецкого Ю.Коринец

ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНА

Промежуточное замечание по поводу понятия Политического

Посвящается Эрнсту Форстхоффу к 60-летнему юбилею 13 сентября 1962 года

Предисловие

Данное сочинение о Теории партизана возникло из двух лекций, которые я прочитал весной 1962 года - 15 марта в Памплоне, по приглашению Estudio General de Navarra, и
17 марта в университете Сарагосы, в рамках мероприятий Catedra Palafox, по приглашению ее директора, профессора Луиса Гарсия Ариас. Лекция напечатана в публикациях Catedra в конце 1962 года.
Подзаголовок Промежуточное замечание по поводу понятия Политического можно объяснить исходя из конкретного мгновения публикации. Издательство в настоящее время готовится вновь опубликовать мой текст 1932 года. В последние десятилетия появились многочисленные следствия на данную тему. Данное сочинение не является таким следствием; это самостоятельный, пусть и эскизный труд, тема которого неизбежно выливается в проблему различения друга и врага. Таким образом, я хотел лишь представить эту разработку моих лекций весны 1962 года в непритязательной форме промежуточного замечания и тем самым сделать их доступными для всех тех, кто до сих пор внимательно следил за сложной дискуссией о понятии политического.

Февраль 1963 года
Карл Шмитт

Введение. Взгляд на исходное положение 1808/13

Исходным положением для наших размышлений о проблеме партизана является герилья, которую испанский народ вел в 1808 – 1813 годах против войска чужого завоевателя. В этой войне народ – добуржуазный,доиндустриальный,доконвенциональный народ – впервые столкнулся с современной,вышедшей из опыта Французской революции,хорошо организованной,регулярной армией. Благодаря этому открылись новые пространства войны,образовались новые понятия ведения войны, и возникло новое учение о войне и политике.
Партизан сражается нерегулярным образом. Но различие между регулярной и нерегулярной борьбой зависит от точности регулярного и обретает свою конкретную противоположность и тем самым также свое понятие только в современных организационных формах,которые возникают из войн Французской революции. Во все времена человечество вело войны и битвы; во все времена имелись правила ведения войны и правила ведения боя, и вследствие этого также нарушение правил и небрежение правилами. В особенности во все времена разложения, к примеру, во время Тридцатилетней войны на немецкой земле (1618-48),далее во всех гражданских войнах и во всех колониальных войнах мировой истории снова и снова обнаруживаются явления, которые можно назвать партизанскими. Только при этом следует иметь ввиду, что, для теории партизана в целом, сила и значение его нерегулярности определяется силой и значением партизаном под вопрос поставленного регулярного. Именно это Регулярное государства как и Регулярное армии обретает как во французском государстве, так и во французской армии благодаря Наполеону новую, точную определенность. Бесчисленные войны белых завоевателей против американских индейцев с 17 по 19 века, впрочем, как и

методы Riflemen (стрелков) во время американской войны за независимость против регулярной английской армии (1774-83) и гражданская война в Вандее между шуанами и якобинцами (1793-96) относятся все без исключения еще к до-наполеоновской стадии. Новое военное искусство регулярных армий Наполеона возникло из нового, революционного способа ведения боевых действий. Одному прусскому офицеру того времени вся кампания Наполеона 1806 года против Пруссии представлялось лишь как
«Одно большое политиканство1».

Партизан испанской герильи 1808 года был первым, кто отважился нерегулярно бороться против первых современных регулярных армий. Наполеон осенью 1808 года разгромил регулярную испанскую армию; собственно испанская герилья началась только после этого поражения регулярной армии. Еще нет полной, документированной истории испанской партизанской войны.2 Она, как говорит Fernando Solano Costa (в своем цитированном в примечании сочинении Los Guerrilleros) необходима, но и очень трудна, поскольку общая испанская герилья складывалась из приблизительно 200 региональных маленьких войн в Астурии, Арагонии, Каталании, Наварре, Кастилии и т.д., под руководством многочисленных борцов, чьи имена окутаны множеством мифов и легенд, среди них Juan Martin Diez, который как Empecinado стал ужасом для французов и сделал дорогу из Мадрида в Сарагоссу ненадежной.3 Эта партизанская война велась обеими сторонами с самой ужасной жестокостью, и не вызывает удивления то, что много текстов друзей французов напечатаны как труды сторонников герильи. Однако как бы ни соотносились миф и легенда, с одной стороны, и документированная история, с другой, - линии нашего исходного положения в любом случае ясны. Согласно Клаузевитцу часто половина общей французской военной силы находилась в Испании и половина ее, а именно 250-260 000 человек, были втянуты в герилью; их число оценивается Gomez de Arteche в 50 000, другие предлагают гораздо меньшие цифры.

Ситуация испанского партизана 1808 года характеризуется прежде всего тем, что он отваживался на борьбу на своей небольшой родной почве, в то время как его король и семья короля еще точно не знали, кто же был настоящим врагом. В этом отношении легитимная власть вела себя тогда в Испании не иначе чем в Германии. Кроме того, высшее духовенство и буржуазия повсюду были afrancesados (друзья французов), то есть ситуация в Испании характеризуется тем, что образованные слои аристократии, симпатизировали чужому завоевателю. И в этом отношении выявляются параллели с Германией, где великий немецкий поэт Гете создавал гимны во славу Наполеона, и где немецкое образование никогда окончательно не уяснило для себя, на чьей же оно стороне. В Испании Guerrillero осмеливался на безнадежную борьбу, бедняга, первый типичный случай нерегулярного пушечного мяса конфликтов, имеющих политическое значение для всего мира. Все это в качестве увертюры принадлежит теории партизана.

В то время искра попала из Испании на север. Она не раздула там такой же пожар, который обеспечил испанской герилье ее всемирно-историческое значение. Но она оказала там такое воздействие, чье развитие сегодня, во второй половине 20 века, изменяет облик Земли и человечества. Она вызвала к жизни теорию войны и вражды, которая последовательно достигает апогея в теории партизана.

Сначала, в 1809 году, во время краткой войны, которую вела австрийская монархия против Наполеона, была сделана планомерная попытка подражать испанскому примеру. Австрийское правительство в Вене инсценировало с помощью знаменитых публицистов, среди которых были Фридрих Гентц и Фридрих Шлегель, национальную пропаганду против Наполеона. Были переведены на немецкий язык и распространялись испанские труды.4 Генрих фон Клейст поспешил сюда и продолжил после этой австрийской войны 1809 года антифранцузскую пропаганду в Берлине. В эти годы, вплоть до своей смерти в ноябре 1811 года, он стал собственно поэтом национального сопротивления чужому завоевателю. Его драма «Тевтобургская битва» ("Die Hermannsschlacht") - это самое великое партизанское творение всех времен. Он также сочинил стихотворение Палафоксу

(An Palafox), поставив защитника Сарагосы в один ряд с Леонидом, Арминием и Вильгельмом Теллем.5 То, что реформаторы в прусском генеральном штабе, прежде всего Гнейзенау и Шарнхорст, были глубоко потрясены испанским примером и старались в своих реорганизациях иметь его в виду, известно и ниже будет еще разбираться. В мире идей этих прусских офицеров генерального штаба 1808-1813 годов заключены также ростки книги О войне, благодаря которой имя Клаузевиц получило почти мифическое звучание. Его формула о войне как продолжении политики содержит уже в сжатом виде теорию партизана, чья логика доведена до конца Лениным и Мао Цзэ-дуном, как будет нами показано ниже.
До настоящей герильи-народной войны, которая должна быть упомянута в связи с нашей проблемой партизана, дошло дело только в Тироле, где действовали Андреас Хофер, Шпекбахер и капуцинский священник Хаспингер. Тирольцы стали мощным факелом, как выразился Клаузевиц.6 Впрочем, эта эпоха 1809 года быстро окончилась. И в остальных областях Германии дело не дошло до партизанской войны против французов. Сильный национальный импульс, обнаруживающийся в отдельных мятежах и партизанских отрядах, очень быстро и без остатка вылился в пути регулярной войны. Битвы весны и лета 1813 года происходили на поле сражения, а исход реализовался в битве лицом к лицу в октябре 1813 года под Лейпцигом.
Венский конгресс 1814-1815 годов вновь восстановил, в рамках всеобщей реставрации, понятия европейского права войны.7 Это была одна из самых поразительных реставраций в мировой истории. Она имела огромный успех, так что это право войны оберегаемой континентальной войны на суше еще в первую мировую войну 1914-18 годов определяло европейскую практику ведения войны на суше. Еще сегодня это право именуется классическим правом войны, и оно заслуживает этого имени. Ибо оно знает ясные различения, прежде всего, различения войны и мира, участников войны от неучастников войны, врага и преступника. Война ведется между государствами как война регулярных, государственных армий, между суверенными носителями jus belli, которые и в войне рассматривают себя как враги и не подвергают друг друга дискриминации как преступников, так что заключение мира возможно и даже остается нормальным, само собой разумеющимся концом войны. Перед лицом такой классической правильности – пока она имеет настоящую действенную силу – партизан мог быть только периферийным явлением, каким он фактически и являлся еще во время всей первой мировой войны (1914-18).

Горизонт нашего рассмотрения

Когда я при случае говорю о современных теориях партизана, я должен подчеркнуть для выяснения темы то, что старых теорий партизана в противоположность современным теориям собственно вообще не существует. В классическом праве войны прежнего европейского международного права нет места партизану в современном смысле. Он или – как в войне по династическим причинам 18 века – вид легкого, особенно подвижного, но регулярного отряда, или он как особенно отвратительный преступник стоит просто вне права и hors la loi. До тех пор, пока в войне сохранялось еще нечто от представления о дуэли и от рыцарства, по другому и быть не могло.
С введением всеобщей воинской повинности конечно все войны становятся по идее народными войнами, и тогда скоро создаются ситуации, которые для классического права войны являются трудными и часто даже неразрешимыми, как например ситуация более или менее импровизированного levee en masse, или добровольческий корпус или «вольные стрелки». Об этом речь впереди. В любом случае, война остается принципиально оберегаемой (gehegt), и партизан – вне этого оберегания (Hegung). Теперь даже его сущностью и его экзистенцией становится то, что он находится вне любого оберегания.

Современный партизан не ожидает от врага ни справедливости, ни пощады. Он отвернулся от традиционной вражды прирученной и оберегаемой войны и перешел в область иной, настоящей вражды, которая возрастает путем террора и анти-террора до истребления.
Два рода войны особенно важны в контексте явления партизана и в известном смысле даже родственны с этим явлением: гражданская война и колониальная война. В явлении партизана современности эта взаимосвязь прямо-таки специфична. Классическое европейское международное право вытесняло эти две опасных формы проявления войны и вражды на периферию. Война jus publicum Europaeum была межгосударственной войной, которую вела одна регулярная государственная армия с другой. Открытая гражданская война считалась вооруженным восстанием, которое подавлялось с помощью осадного положения полицией и отрядами регулярной армии. Колониальная война не ускользнула от внимания военной науки европейских стран – таких, как Англия, Франция и Испания. Но все это не ставило под вопрос регулярную войну государства как классическую модель.8
Особо необходимо упомянуть здесь Россию. Русская армия в течение всего 19 века вела многие войны с азиатскими горцами и никогда не ограничивалась исключительно регулярной войной армий, как это делала прусско-немецкая армия. Кроме того, русская история знает автохтонную партизанскую борьбу против наполеоновской армии. Летом 1812 года русские партизаны под военным руководством мешали французской армии в ее продвижении к Москве; осенью и зимой того же года русские крестьяне убивали обратившихся в бегство, замерзших и голодных французов. Все это продолжалось немногим более полугода, но этого оказалось достаточно, чтобы стать историческим событием, имевшим огромное воздействие, правда, больше ввиду политического мифа и его различных толкований, чем из-за его парадигматического воздействия для научной теории войны. Мы должны упомянуть здесь, по меньшей мере, два разных, даже противоположных толкования этой русской партизанской войны 1812 года: одно анархистское, обоснованное Бакуниным и Кропоткиным и ставшее всемирно известным благодаря описаниям в романе Толстого «Война и мир», и большевистское использование в сталинской тактике и стратегии революционной войны.
Толстой не был анархистом типа Бакунина или Кропоткина, но тем большим было его воздействие. Его эпопея «Война и мир» содержит мифообразующей силы больше, чем любая политическая доктрина или любая документированная история. Толстой возвышает русского партизана 1812 года до носителя стихийных сил русской земли, которая сбрасывает с себя знаменитого императора Наполеона вместе с его блестящей армией как надоедливое вредное насекомое. Необразованный, неграмотный мужик у Толстого не только сильнее, но и интеллигентнее, чем все стратеги и тактики, прежде всего интеллигентнее самого великого полководца Наполеона, который становится марионеткой в руках исторического свершения. Сталин подхватил этот миф коренной национальной партизанской борьбы во время Второй мировой войны с Германией и весьма конкретно поставил его на службу своей коммунистической мировой политике. Это означает существенно новую стадию явления партизана, в начале которой стоит имя Мао Цзэ-дуна.
Уже тридцать лет на обширных территориях Земли происходят ожесточенные партизанские битвы. Они начались уже в 1927 году, перед второй мировой войной, в Китае и в других азиатских странах, которые позже защищались от японского вторжения 1932-1945 годов. Во время второй мировой войны ареной такого рода войн стали Россия, Польша, Балканы, Франция, Албания, Греция и другие территории. После Второй мировой войны партизанская борьба продолжилась в Индокитае, где она была особенно продуктивно организована против французской колониальной армии вьетнамским коммунистическим вождем Хо Ши Мином и победителем Dien Bien Phu, генералом Vo Nguyen Giap, далее в Малайе, на Филиппинах и в Алжире, на Кипре полковником Griwas,

и на Кубе Фиделем Кастро и Че Геварой. В настоящее время, в 1962 году, индокитайские страны Лаос и Вьетнам являются территориями партизанской войны, которая ежедневно развивает новые методы победы над врагом и обмана врага. Современная техника поставляет все более мощные вооружения и средства уничтожения, все более совершенные средства передвижения и методы передачи информации, как для партизан, так и для регулярного войска, которое с партизанами борется. В дьявольском круге террора и анти-террора подавление партизана часто является только отражением самой партизанской борьбы, и все снова и снова оказывается правильным старый тезис, который большей частью цитируется как приказ Наполеона генералу Лефевру от 12 сентября 1813 года: с партизаном должно бороться партизанскими методами; il faut operer en partisan partout ou il y a des partisans.
Ниже необходимо будет остановиться на некоторых особых вопросах международно-правового юридического нормирования. Основное и так ясно; применение к конкретным ситуациям бурного развития спорно. В последние годы появился впечатляющий документ воли к тотальному сопротивлению, не только воли, но и детального руководства для конкретного исполнения: швейцарское руководство по ведению небольших войн для каждого (Kleinkriegsanleitung fur jedermann), изданное швейцарским союзом унтер- офицеров под названием Тотальное сопротивление и составленное капитаном H. von Dach (2 изд.,Biel, 1958). На более чем 180 страницах этот труд дает руководство по активному и пассивному сопротивлению чужому вторжению, с точными указаниями по саботажу, жизни в подполье, о том, как прятать оружие, по организации путчей, уходу от слежки и т. д. Тщательно использованы опыты последних десятилетий. Это современное руководство по ведению войн для каждого содержит указание, что его «сопротивление в высшей степени» придерживается Гаагской конвенции о законах и обычаях войны на суше и четырех Гаагских соглашений 1949 года. Это ясно само собой. Также нетрудно вычислить, как будет реагировать нормальная регулярная армия на практическое использование той инструкции по ведению локальной войны (например, стр.43: бесшумное убийство часового топором), пока она не чувствует себя побежденной.

Слово и понятие партизан

Краткое перечисление некоторых известных имен и событий, которым мы начали первое описание горизонта нашего рассмотрения, позволяет выявить безмерное богатство материала и проблематики. Поэтому необходимо уточнить некоторые признаки и критерии, чтобы обсуждение не стало абстрактным и безграничным. Один такой признак мы назвали в начале нашего изложения, когда исходили из того, что партизан является нерегулярным бойцом. Регулярный характер явления выражается в униформе солдата, которая является чем-то большим, чем профессиональное одеяние, поскольку она демонстрирует господство публичности; наряду с униформой солдат открыто и демонстративно носит оружие. Враждебный солдат в униформе – это настоящая мишень современного партизана.
В качестве следующего признака напрашивается сегодня интенсивная политическая ангажированность, которая характеризует партизана в отличие от других борцов. На интенсивно политический характер партизана нужно указать уже потому, что его необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение. Этот понятийный критерий политического характера имеет (в точной инверсии) ту же структуру, что и у пирата перед лицом международно- правовых норм ведения войны на море. Понятие пират включает неполитический характер скверного образа жизни, включающего разбой и личную выгоду. Пират обладает, как говорят юристы, animus furandi. Партизан воюет на политическом фронте, и именно политический характер его образа жизни снова возрождает первоначальный

смысл слова партизан. Это слово происходит от слова партия и указывает на связь с каким-то образом борющейся, воюющей или политически действующей партией или группой. Такого рода связи с партией особенно сильно проявляются в революционные эпохи.

Революционная война предполагает принадлежность к революционной партии и тотальный охват. Иные группы и союзы, в особенности современное государство уже не могут столь тотально интегрировать своих членов и подданных как революционно борющаяся партия охватывает своих активных борцов. В обширной дискуссии о так называемом тотальном государстве еще не стало окончательно ясно, что сегодня не государство как таковое, но революционная партия как таковая представляет собой настоящую и по сути дела единственную тоталитарную организацию.9 С точки зрения чисто организационной, в смысле строгого функционирования приказа и подчинения необходимо даже сказать, что иная революционная организация в этом отношении превосходит иное регулярное войско и что в международном праве войны должна возникнуть известная путаница, когда организацию как таковую делают критерием регулярности, как это произошло в Женевских конвенциях от 12 августа 1949 года.

Партизан по-немецки именуется Parteiganger (партиец), тот, кто идет с партией, а что это значит конкретно, в разные времена различается, как в отношении партии или фронта, с которым кто-то идет, так и в отношении его сопровождения(Mitgehens), примыкания(Mitlaufens), боевого товарищества(Mitkampfens), и, возможно, товарищества по заключению(Mitgefangenwerdens). Существуют партии, ведущие войну, но есть и партии судебного процесса, партии парламентской демократии, партии мнений и партии акций и т.д. В романских языках слово можно употребить как существительное и как прилагательное: на французском языке говорят даже о партизане какого-то мнения; короче говоря, из общего, многозначного обозначения вдруг получается слово большой политической важности. Напрашивается лингвистическая параллель с таким общим словом, как status, которое вдруг может означать государство (Staat). В эпохи разложения, как в 17 веке во время Тридцатилетней войны, нерегулярный солдат сближается с разбойниками и бродягами; он воюет на свой страх и риск и становится персонажем плутовского романа, как испанский Picaro Estebanillo Гонсалеса, который участвовал в битве при Нёрдлингене (1635) и рассказывает об этом в стиле солдата Швейка. Об этом можно прочитать и у Гриммельсхаузена в Симплициусе Симплициссимусе, это можно увидеть на гравюрах и офортах Жака Калло. В 18 веке “Parteiganger” принадлежал к пандурам и гусарам и другим видам легких войск, которые как подвижные войска «по отдельности сражаются» и ведут так называемую малую войну, в противоположность медленной большой войне линейных войск. Здесь различие регулярного и нерегулярного мыслится чисто военно-технически и ни в коем случае не равнозначно оппозиции легальный-нелегальный в юридическом смысле международного права и государственного права. В случае современного партизана обе пары противоположностей (регулярно-нерегулярно, легально-нелегально) большей частью стираются и пересекаются.

Подвижность, быстрота и ошеломляющее чередование нападения и отступления, одним словом: повышенная мобильность еще и сегодня – отличительная черта партизана, и этот признак даже еще усиливается благодаря внедрению техники и моторизации. Однако обе противоположности ликвидируются революционной войной, и возникают многочисленные полу- и пара-регулярные группы и формирования. Борющийся с оружием в руках партизан всегда остаётся зависимым от сотрудничества с регулярной организацией. Очень настойчиво подчеркивает это боевой соратник Фиделя Кастро на Кубе, Эрнесто Че Гевара.10 Вследствие этого уже благодаря взаимодействию регулярного и нерегулярного получаются некоторые промежуточные ступени. Это происходит и в тех случаях, когда никоим образом не революционное правительство призывает к защите национальной территории от чужого завоевателя. Народная война и

малая война здесь переплетаются. В регламенте для подобных войск уже с 16 века существует обозначение партизан.11 Мы еще познакомимся с двумя важными примерами формального регламентирования народной войны и ландштурма, которые пытаются регламентировать герилью. С другой стороны и чужой завоеватель публикует инструкции о подавлении вражеских партизан. Все нормирования такого рода стоят перед сложной проблемой международно-правового, т.е. законного для обеих сторон регулирования нерегулярного, в отношении признания партизана участником войны и его рассмотрения в качестве военнопленного, и, с другой стороны, соблюдения прав военных оккупационных властей. Мы уже дали понять, что здесь возникают некоторые юридические разногласия. Мы ещё вернёмся к спору о «вольных стрелках» германо-французской войны 1870-1871 годов, после того, как окинем взором международно-правовое положение (ниже с.).
Тенденция изменения или же упразднения унаследованных понятий – классических понятий, как любят говорить сегодня – всеобща и перед лицом стремительного изменения мира тем более постижима.12 Не осталось в стороне от этой тенденции и «классическое» (если его можно так назвать) понятие партизана. В очень важной для нашей темы книге
«Партизан» Рольфа Шроерса, вышедшей в 1961 году, нелегальный боец движения Сопротивления и активист подполья становится собственно типом партизана.13 Это такое преобразование понятия, которое ориентировано главным образом на определённые внутринемецкие ситуации гитлеровской эпохи и именно как таковое заслуживает внимания. Нерегулярность заменена нелегальностью, военная борьба – сопротивлением. Это означает, как мне кажется, далеко идущее перетолкование партизана национальных войн за независимость и недооценку того факта, что и революционизация войны поддерживает военную связь регулярной армии и нерегулярного бойца.
В некоторых случаях перетолкование доходит до всеобщего символа и упразднения понятия. Тогда любой индивидуалист или нонконформист может быть назван партизаном, независимо от того, думает ли он вообще о том, чтобы взять в руки оружие.14 Как метафора это вполне допустимо; я сам пользовался ею для характеристики духовно- исторических фигур и ситуаций.15 В переносном смысле «быть человеком – значит быть борцом», и последовательный индивидуалист борется самостоятельно и на свой страх и риск. Тогда он становится сам себе партией. Такого рода упразднения понятий являются заслуживающими внимания знаками времени, которые требуют отдельного исследования.16 Но для той теории партизана, каковая здесь имеется в виду, должны иметься некоторые критерии, чтобы тема не рассеялась в абстрактной универсальности. Таковыми критериями являются: нерегулярность, повышенная мобильность активного боя и повышенная, усиленная интенсивность политической ангажированности.
Я хотел бы придерживаться ещё одного, четвёртого признака настоящего партизана, признака, который Jover Zamora обозначил как теллурический характер. Это, несмотря на всю тактическую подвижность и маневренность, важно для принципиально оборонительной ситуации партизана, который изменяет свою сущность, если он отождествляет себя с абсолютной агрессивностью идеологии мировой революции или техницистской идеологии. Вполне совпадают с этим критерием две особенно интересных для нас трактовки темы, книга Рольфа Шроерса (прим.13) и диссертация Jurg.H.Schmid о международно-правовом положении партизана (с.). Его обоснование теллурического характера такого явления, как партизан кажется мне необходимым, чтобы в смысле положения в пространстве сделать очевидным оборону, т.е. ограничение вражды и предостеречь от абсолютного требования абстрактной справедливости.
В отношении партизан, которые в 1808/13 годах сражались в Испании, Тироле и в России, это и так ясно. Но и партизанские сражения Второй мировой войны и последующих годов в Индокитае и других странах, связанные с именами Мао Дзэ-дуна, Хо Ши Мина и Фиделя Кастро, дают понимание того факта, что связь с почвой, с автохтонным населением и с географическим своеобразием страны – горы, лес, джунгли или пустыня – остаётся вполне актуальной. Партизан остаётся отделённым не только от

пирата, но и от корсара в такой же мере, в какой остаются разделены земля и море как различные элементарные пространства человеческой работы и военного столкновения между народами. Земля и море имеют не только различные способы ведения войны и не только различного рода театры военных действий, но и развили разные понятия о войне, враге и трофеях.17 Партизан будет представлять специфически земной, сухопутный тип активного борца по крайней мере так долго, сколько будут возможны антиколониальные войны на нашей планете.18 Теллурический характер партизана ниже будет более отчётливо очерчен в сравнении с фигурами типично морскими в правовом отношении (с.) и в разборе пространственного аспекта (с.).

Но и автохтонный партизан аграрного происхождения вовлекается в силовое поле неотразимого, технически-индустриального прогресса. Его мобильность настолько повышается благодаря моторизации, что он оказывается подвержен опасности полностью лишиться какой-либо почвы. Во времена холодной войны он становится техником невидимой борьбы, саботажником и шпионом. Уже во время Второй мировой войны имелись отряды диверсантов с партизанской выучкой. Такой моторизованный партизан утрачивает свой теллурический характер и является только транспортабельным и заменяемым орудием мощного центра, творящего мировую политику, который вводит его в действие для явной или невидимой войны и, сообразно обстоятельствам, снова отключает. Эта возможность также принадлежит его сегодняшней экзистенции и не должна остаться без внимания в теории партизана.

Этими четырмя критериями – нерегулярность, повышенная мобильность, интенсивность политической ангажированности, теллурический характер – и со ссылкой на возможные последствия продолжающегося технизирования, индустриализирования и утраты аграрного характера мы, с понятийной точки зрения, описали горизонт нашего рассмотрения. Он простирается от Guerrillero наполеоновской эпохи до хорошо вооружённого партизана современности, от Empecinado через Мао Дзэ-дуна и Хо Ши Мина к Фиделю Кастро. Это большая область, постоянно растущий материал по историографии и военной науке. Мы используем его, насколько он нам доступен, и попробуем получить некоторые научные выводы для теории партизана.

Взгляд на международно-правовое положение

Партизан воюет нерегулярным образом. Но некоторые категории нерегулярных бойцов уравниваются с регулярными вооружёнными силами и пользуются правами и преимуществами регулярных участников войны. Это означает: их боевые действия не являются противозаконными, и когда они попадают в плен к врагам, то имеют право требовать особого обращения как военнопленные и раненые. Правовой статус нашёл в Гаагском уставе сухопутной войны от 18 октября 1907 года обобщение, которое сегодня признано общепринятым. После Второй мировой войны эта материя получила развитие в четырёх Женевских конвенциях от 12 августа 1949 года, из коих вторая регламентирует участь раненых и больных в сухопутной войне и в морской войне, третья – обращение с военнопленными, а четвёртая – защиту гражданских лиц во время войны. Их ратифицировали многие страны западного мира и восточного блока; с их формулировками согласован и новый американский военный справочник по праву сухопутной войны от 18 июля 1956 года.

Гаагский устав сухопутной войны от 18 октября 1907 года при определённых условиях уравнял милицию, добровольческие корпуса и боевых товарищей спонтанных народных возмущений с регулярными вооружёнными силами. Позже, при разборе прусских разногласий с партизанством, мы будем упоминать о некоторых трудностях и неясностях этого регулирования. Развитие, приведшее к Женевским конвенциям 1949 года, характеризуется тем, что оно признаёт всё дальше заходящие ослабления до сих пор чисто

государственного, европейского международного права. Всё новые категории участников боевых действий считаются теперь участниками войны. И гражданские лица занятой войсками врага области – то есть, собственного района боевых действий партизана, борющегося в тылу вражеских армий, – пользуются теперь большей правовой защитой, чем согласно уставу сухопутной войны 1907 года. Много боевых товарищей, которые до сих пор считались партизанами, теперь уравниваются с регулярными бойцами и имеют их права и преимущества. Они, собственно говоря, не могут больше именоваться партизанами. Однако понятия ещё неясны и колеблются.

Формулировки Женевских конвенций учитывают европейский опыт, но не учитывают партизанские войны Мао Дзэ-дуна и позднейшее развитие современной партизанской войны. В первые годы после даты 1945 ещё не стало ясно то, что осознал и сформулировал такой знаток дела, как Hermann Foertsch: что военные акции после 1945 года приняли партизанский характер, поскольку обладатели атомной бомбы избегали её применения из гуманитарных соображений, а не обладающие ей могли рассчитывать на эти опасения – неожиданное влияние как атомной бомбы, так и гуманитарных соображений. Важные для проблемы партизана понятия Женевских нормирований абстрагированы от определённых ситуаций. Они являются (как говорится в авторитетном и крайне важном, составленным под руководством Jean S. Pictet комментарии Internationalen Roten Kreuzes, Bd.111,1958,S.65) точной ссылкой une reference precise на движения сопротивления Второй мировой войны 1939/45.

Здесь не было намерения фундаментально изменить Гаагский устав сухопутной войны 1907 года. Здесь даже принципиально придерживаются четырёх классических условий для уравнивания с регулярными войсками (ответственные начальники, постоянный твёрдый видимый знак отличия, открытое ношение оружия, соблюдение правил и обычаев права войны). Конвенция о защите гражданского населения должна, правда, иметь силу не только для межгосударственных войн, но и для всех интернациональных вооружённых конфликтов, итак, и для гражданских войн, восстаний и т.д. Но тем самым нужно создать лишь правовое основание для гуманитарных интервенций Интернационального Комитета Красного Креста (и других непартийных организаций). Inter arma caritas. В ст.3 абзац 4 конвенции настоятельно подчёркивается, что правовое положение, le statut juridique, конфликтующих партий этим не затрагивается (Pictet, a.a.O., 111, 1955, S.39/40). В межгосударственной войне оккупационные власти занятой войсками области по прежнему сохраняют за собой право давать указание местной полиции этой области поддерживать порядок и подавлять нерегулярные боевые действия, таким образом, преследовать и партизан, «независимо от того, какие идеи их вдохновляют» (Pictet 1V, 1956,S.330).

Таким образом, отличие партизана – в смысле нерегулярного, не приравненного к регулярным войскам борца – и сегодня принципиально сохраняется. Партизан в этом смысле не имеет прав и преимуществ участников войны; он преступник согласно общему праву и может быть обезврежен суммарными наказаниями и репрессивными мерами. Это было принципиально признано и на судебных процессах по делам военных преступников после Второй мировой войны, главным образом в приговорах Нюрнбергского процесса против немецких генералов (Jodl, Leeb, List), причём само собой разумеется, что все выходящие за пределы необходимого подавления партизан жестокости, террор, коллективные наказания или даже участие в геноциде, остаются военными преступлениями.

Женевские конвенции расширяют круг лиц, приравненных к регулярным борцам прежде всего тем, что они уравнивают членов «организованного движения сопротивления» и сотрудников милиции и членов добровольческих корпусов и таким образом присваивают им права и преимущества регулярных участников войны. При этом не единожды военная организация недвусмысленно делается условием (ст.13 конвенции о раненых, ст.4 конвенции о военнопленных). Конвенция о защите гражданского населения

приравнивает «интернациональные конфликты», которые решаются силой оружия к межгосударственным войнам классического европейского международного права, и затрагивает тем самым ядро типичного для прежнего права войны правового института, occupatio bellica. К таким расширениям и ослаблениям, которые здесь могут быть приведены лишь в качестве примеров, прибавляются важные превращения и изменения, которые сами собою следуют из развития современной военной техники и со ссылкой на партизанскую борьбу действуют ещё более интенсивно. Что означает, например, положение об «открытом ношении» оружия для борца сопротивления, которого наставляет выше цитированное «руководство по ведению партизанской войны» швейцарского союза унтер-офицеров (с.33): «Передвигайся только по ночам и скрывайся днём в лесах!» Или что означает требование повсюду видимого знака отличия в ночном сражении или в сражении с применением дальнобойных орудий современной военной техники? Встаёт много подобных вопросов, когда рассмотрение ведётся с точки зрения проблемы партизана и когда не упускаются из виду ниже (с.) выявленные аспекты изменения пространства и технически-индустриального развития.

Защита гражданского населения в занятой военными области многообразна. Оккупационные власти заинтересованы в том, чтобы в занятой их военными области царил покой и порядок. Придерживаются того, что население занятой области обязывается не то чтобы быть верным, но, пожалуй, обязано повиноваться допустимым по праву войны распоряжениям оккупационных властей. Даже служащие – и сама полиция – должны корректно продолжать работать и соответственно этому с ними должны обращаться оккупационные власти. Всё это – с большим трудом уравновешенный, трудный компромисс между интересами оккупационных властей и интересами их военного противника. Партизан опасным образом нарушает этот вид порядка в занятой области. Не только потому, что его настоящий район боевых действий есть область в тылу вражеского фронта, где он выводит из строя транспорт и снабжение, но и, кроме того, если население этой области более или менее поддерживает и прячет его. «Население твой самый большой друг» – значится в только что цитированном «Руководстве по ведению партизанской войны для каждого» (с.28). Тогда защита такого населения потенциально является и защитой партизана. Так становится ясно то, почему в истории развития права войны при обсуждениях Гаагского устава сухопутной войны и его дальнейшего развития всё время происходило типичное группирование, расстановка сил: большие военные державы, то есть потенциальные оккупационные власти, требовали строгого обеспечения порядка в занятой войсками области, в то время, как меньшие государства, опасавшиеся военной оккупации – Бельгия, Швейцария, Люксембург – пытались добиться возможно более полной защиты борцов сопротивления и гражданского населения. И в этом отношении развитие со времен Второй мировой войны привело к новым научным выводам, и ниже (с.) выявленный аспект разрушения социальных структур настоятельно предполагает вопрос о том, могут ли иметься и такие случаи, при которых население испытывает нужду в защите от партизана.

Благодаря Женевским конвенциям 1949 года внутри классического, точно урегулированного и регламентированного правового института occupatio bellica произошли изменения, последствия которых во многом остаются непредвиденными. Борцы сопротивления, которых раньше трактовали как партизан, уравниваются с регулярными бойцами, если только они организованы. В противоположность интересам оккупационных властей интересы населения занятой области так сильно подчёркиваются, что – по крайней мере, в теории – стало возможным рассматривать любое сопротивление оккупационным властям, в том числе, партизанское сопротивление, если только оно возникает из достойных уважения мотивов, как не иллегальное. С другой стороны, оккупационные власти должны по-прежнему иметь право на репрессивные меры. Партизан в этой ситуации не будет действовать по-настоящему легально, но и не будет

действовать по-настоящему нелегально, но будет действовать на свой страх и риск и в этом смысле будет действовать рискованно.
Когда употребляют слово риск и рискованно во всеобщем, не уточнённом смысле, тогда необходимо установить, что в занятой военными врага и насыщенной партизанами области рискованно живёт ни в коем случае не только партизан. Во всеобщем смысле ненадёжности и опасности всё население такой области подвергается большому риску. Служащих, которые соответственно Гаагскому уставу сухопутной войны желают корректно продолжать работать, настигает дополнительный риск в смысле действий и бездействий, и в особенности служащий полиции оказывается в точке пересечения опасных, друг другу противоречащих требований: вражеские оккупационные власти требуют от него повиновения при поддержании безопасности и порядка, которые нарушаются как раз партизаном; собственное национальное государство требует от него верности и после войны привлечёт его к ответственности; население, к коему он принадлежит, ожидает лояльности и солидарности, которая, имея в виду деятельность полицейского служащего, может привести к совершенно противоположным практическим выводам, если полицейский служащий не решится на то, чтобы самому стать партизаном; и, наконец, партизан и оккупант быстро зачислят его в дьявольский круг их репрессий и анти-репрессий. Говоря абстрактно, рискованные действия (или бездействие) не является специфическим признаком партизана.
Слово рискованно приобретает уточнённый смысл благодаря тому, что рискованно действующий [субъект] действует на свой страх и риск и осознанно смиряется со скверными последствиями своего действия или бездействия, так что он не может жаловаться на несправедливость, если его настигают скверные результаты. С другой стороны он имеет возможность – насколько речь не идёт о противозаконных действиях – компенсировать риск тем, что он заключает договор страхования. Юридической родиной понятия риск, его научно-правовым топосом остаётся страховое право. Человек живёт среди разнообразных опасностей, а дать опасности с юридическим сознанием название риск означает сделать её и затронутого ей застрахованным. В случае партизана это, вероятно, привело бы к провалу нерегулярности и нелегальности его действий, даже если бы были готовы к тому, чтобы в технико-страховочном смысле защитить его от слишком большого риска зачислением в наивысший класс опасности.
Размышление над понятием риска необходимо для таких ситуаций, как война и вражда. У нас это слово введено в международно-правовое учение о войне в книге Josef L. Kunz “Kriegsrecht und Neutralitatsrecht” (1935, S.146, 274). Но там это слово не относится к войне на суше и совсем не относится к партизану. Эти вещи вообще не упоминаются в книге. Если мы не будем вспоминать о страховом праве как о юридической родине понятия риск и забудем неточные и нечёткие употребления этого слова – напр., сравнение с убежавшим пленным, который «рискует» быть застреленным – то обнаружится, что специфически плодотворное в смысле права войны употребление понятия «рискованно» у J. Kunz имеет в виду только морское право войны и типичные для него фигуры и ситуации. Война на море в большой мере экономическая война; в противоположность войне на суше у неё своё собственное пространство и свои собственные понятия о враге и трофеях. Даже улучшение участи раненых в Женевском регулировании августа 1949 года привело к двум, раздельным для земли и моря, конвенциям.
Рискованно в таком специфическом смысле действуют два участника войны на море: нейтральный нарушитель блокады и нейтральный провозчик контрабанды. Со ссылкой на них слово рискованно является чётким и точным. Оба рода участников войны пускаются на «весьма выгодное, но рискованное коммерческое приключение» (J. Kunz a.a.O., S. 277): они рискуют судном и грузом в случае захвата. При этом они не имеют врага, даже если они сами рассматриваются как враг в смысле международно-правовых норм ведения войны на море. Их социальный идеал – это хороший гешефт. Их поле деятельности – это свободное море. Они не думают о том, чтобы защищать дом, очаг и родину от чужого

захватчика, что относится к прообразу автохтонного партизана. Они заключают также договоры страхования, чтобы компенсировать свой риск, причём тарифы опасности соответственно высоки и приспосабливаются к меняющимся факторам риска, напр., к затоплению подводной лодкой: очень рискованно, но надёжно и дорого застраховано.
Не должно изымать такое удачное слово как рискованно из понятийного поля морского права войны и растворять его в стирающем все чёткие очертания общем понятии. Для нас, настаивающих на теллурическом характере партизана, это особенно важно. Если раньше я однажды назвал мародёров и пенителей моря начала капитализма «партизанами моря» (Der Nomos der Erde, S.145), то сегодня я бы исправил это как терминологическую неточность. Партизан имеет врага и «рискует» совсем в ином смысле, чем нарушитель блокады и провозчик контрабанды. Он рискует не только своей жизнью, как любой регулярный участник войны. Он знает, и не останавливается перед тем, что враг ставит его вне права, вне закона и вне понятия чести.
Это, конечно, делает и революционный борец, который объявляет врага преступником и все понятия врага о праве, законе и чести объявляет идеологическим обманом. Вопреки всем, характерным для Второй мировой войны и послевоенного времени вплоть до сегодняшнего дня соединениям и смешениям обоих видов партизана – оборонительно- автохтонного защитника родины и агрессивного в мировом масштабе, революционного активиста – противоположность сохраняется. Она покоится, как мы увидим, на фундаментально различных понятиях о войне и вражде, которые реализуются в различных видах партизан. Там, где война ведётся с обеих сторон как не- дискриминационная война одного государства с другим, партизан является периферийной фигурой, которая не взрывает границы войны и не изменяет общую структуру политического процесса. Однако если война ведётся с криминализациями военного противника в целом, если война ведётся, например, как гражданская война классового врага с классовым врагом, если её главная цель – свержение правительства враждебного государства, тогда революционное действие взрыва криминализации врага сказывается таким образом, что партизан становится истинным героем войны. Он приводит в исполнение смертный приговор преступнику и со своей стороны рискует тем, что его будут рассматривать как преступника или вредителя. Это логика войны justa causa без признания justus hostis. Благодаря ней революционный партизан становится подлинной центральной фигурой войны.
Однако проблема партизана становится лучшим пробным камнем. Различные виды партизанской войны могут так смешиваться и сливаться в практике сегодняшнего ведения войны, они остаются настолько различными в своих фундаментальных предпосылках, что применительно к ним оправдывает себя критерий группирования на друзей и врагов. Ранее мы напомнили о типичном группировании, которое явствовало при подготовке Гаагского устава сухопутной войны: большие военные державы против маленьких нейтральных стран. При обсуждениях Женевских конвенций 1949 года с большим трудом была достигнута компромиссная формула, уравнивающая организованное движение сопротивления и добровольческий корпус. И здесь повторилось типичное группирование, когда речь шла о том, чтобы закрепить опыт Второй мировой войны в международно- правовых нормах. И в этот раз большие военные державы, потенциальные оккупанты, противостояли маленьким, опасающимся оккупации государствам; однако в этот раз со столь же необычной, сколь и симптоматичной модификацией: самая большая сухопутная, континентальная держава мира, самый сильный потенциальный оккупант, Советский Союз, был теперь на стороне маленьких государств.
Богатая материалами и хорошо обоснованная документами работа Jurg H. Schmid “Die volkerrechtliche Stellung der Partisanen im Kriege” (Zurcher Studien zum Internationalen Recht Nr.23, Polygraphischer Verlag AG. Zurich, 1956) хочет поставить «под вывеску права» «Ведение герильи гражданскими лицами» – при этом имеются в виду конкретно партизаны Сталина (S.97,157). В этом Schmid видит «квинтэссенцию проблемы

партизана» и правовое творческое достижение Женевских конвенций. Schmid хотел бы устранить «определённые раздумья права оккупации», ещё оставшиеся от прежнего понимания оккупационной власти, в особенности, как он говорит, «воспетую обязанность выполнять приказ». Для этой цели он использует учение о легальных, но рискованных военных действиях, которые он по-новому акцентирует как рискованные, но не- иллегальные военные действия. Так он уменьшает риск партизана, которому он за счёт оккупационных властей присуждает возможно больше прав и привилегий. Как он думает избежать логики террора и анти-террора, я не вижу; дело обстоит так, что он просто криминализирует военного врага партизана. Всё это в целом – в высшей степени интересное пересечение двух различных statuts juridiques, именно участника войны и гражданского лица, с двумя различными видами современной войны, именно открытой и холодной войны между населением и оккупационными властями, в которой партизан Schmid`a (следуя Мао) принимает участие a deux mains. Удивительно только, и здесь заключается истинная поломка оси понятия, что эта де-иллегализация сталинского партизана за счёт классического международного права одновременно связывается с возвратом к чистой войне государств Portalis-доктрины Руссо, о которой Schmid утверждает, что она только «в своей детской обувке» запрещала гражданскому лицу совершение военных действий (S.157). Так партизан становится застрахованным.

Четыре Женевских конвенции от 12 августа 1949 года являются плодом гуманного образа мыслей и гуманного развития, которое заслуживает восхищения. Присваивая и врагу не только человечность, но даже законность в смысле признания, они остаются на основе классического международного права и в русле его традиции, причём такое произведение гуманности не является невероятным. Их базисом остаётся государственное ведение войны и построенное на этом оберегание войны, с его ясными различениями войны и мира, военных и гражданских лиц, врага и преступника, войны государств и гражданской войны. Однако давая ослабеть этим существенным различениям или даже ставя их под вопрос, они открывают дверь для такого рода войны, которая осознанно разрушает те ясные отделения одного от другого. Тогда иное осторожно стилизованное компромиссное нормирование предстаёт лишь тонким мостиком над бездной, которая скрывает в себе чреватое большими последствиями преобразование понятий о войне, о враге и о партизане.

Развитие теории/ Прусские разногласия с партизанством

В Пруссии, ведущей военной державе Германии, восстание против Наполеона весной 1813 года было преисполнено сильного национального чувства. Великое мгновение быстро миновало; однако в истории партизанства оно столь существенно, что мы должны будем позже особенно обсудить его.

Сначала нам необходимо обратить внимание на бесспорный исторический факт: прусская и ведомая Пруссией немецкая армия с 1813 года вплоть до окончания Второй мировой войны представляет классический пример организации войска, которая радикально вытеснила идею партизанства. Тридцать лет немецкого колониального господства в Африке (1885-1915) были в военном смысле недостаточно важны, чтобы серьёзно познакомить с проблемой блестящих теоретиков прусского генерального штаба. Австрийско-венгерская армия знала партизанскую войну на Балканах и имела регламент для малой войны. Напротив, прусско-немецкая армия вторглась во время Второй мировой войны 22 июня 1941 года в Россию, не думая о партизанской войне. Свою кампанию против Сталина она начала с максимы: воинская часть подавляет врага; мародёры обезвреживаются полицией. Лишь в октябре 1941 года последовали первые специальные инструкции по подавлению партизан; в мае 1944 года, за год до окончания четырёхлетней

войны, вышел первый полный регламент верховного главнокомандования вооружённых сил.19

Прусско-немецкая армия стала в 19 веке самой знаменитой, образцовой военной организацией тогдашнего, европоцентристского мира. Но она была обязана этой славой исключительно военным победам над другими регулярными европейскими армиями, в особенности над армиями Франции и Швейцарии. С нерегулярной войной она встретилась только во время немецко-французской войны 1870-1871 годов во Франции, в образе так называемых франтирёров, которых по-немецки именовали партизанами (Heckenschutzen) и безжалостно обращались с ними в соответствии с правом войны, как это, впрочем, делала и любая регулярная армия. Чем строже дисциплина в регулярной армии, чем корректнее она различает военных и гражданских лиц и рассматривает только одетого в униформу противника в качестве врага, тем более чувствительной и нервозной она становится, если на другой стороне в борьбе принимает участие и не одетое в униформу гражданское население. Военные реагируют тогда жёсткими репрессиями, расстрелами, взятием заложников и разрушением населённых пунктов и считают это справедливой самообороной против коварства и вероломства. Чем с большим уважением относятся к регулярному, одетому в униформу противнику как к врагу и не путают его даже в самой кровавой борьбе с преступником, тем злее обходятся с нерегулярным борцом как с преступником. Всё это само собой следует из логики классического европейского права войны, которое различает военных и гражданских лиц, участников войны и мирное население, и которое мобилизует редкую моральную силу – не объявлять врага как такового преступником.

Немецкий солдат узнал о франтирёре во Франции, осенью 1870 года и следующей зимой 1870/71, после важной победы, которую он одержал над регулярной армией императора Наполеона111 в битве у Седана 2 сентября. Если бы всё шло по правилам классической, регулярной войны армий, то нужно было бы ожидать, что после такой победы война будет окончена и что будет заключён мир. Вместо этого побеждённое правительство императора было смещено. Новое республиканское правительство под руководством Леона Гамбетта провозгласило национальное восстание против чужого захватчика, “Krieg a outrance”. Оно весьма спешно набирало всё новые армии и бросало всё новые массы плохо обученных солдат на поля сражений. В ноябре 1870 года оно даже достигло военного успеха у Loire. Так как не рассчитывали на длительное ведение войны, положение немецких армий стало угрожающим, и было поставлено под угрозу внешнеполитическое положение Германии. Население Франции пришло в состояние патриотического волнения и в самых разных формах стало участвовать в борьбе против немцев. Немцы арестовывали уважаемых лиц и так называемую знать (Notable) в качестве заложников, расстреливали франтирёров, которые попадались им с оружием в руках, и оказывали на население давление путём всякого рода репрессий. Это была исходная ситуация для более чем полувекового спора юристов в области международного права и официальной пропаганды обеих сторон за и против франтирёра. Разногласия снова вспыхнули в первую мировую войну как бельгийско-немецкий спор о франтирёрах. Об этом вопросе написаны целые библиотеки, и ещё в последние 1958-1960 годы коллегия уважаемых немецких и бельгийских историков попыталась прояснить и разрешить по крайней мере один спорный пункт из этого комплекса [вопросов] - бельгийский спор о франтирёрах 1914 года.20

Всё это показательно для проблемы партизана, поскольку это показывает, что нормативное регулирование – если оно должно, следуя фактам, осмыслить положение вещей и если оно должно не только выдавать глиссандо суждений о цене и об общих ограничительных условиях – юридически невозможно. Традиционное европейское оберегание межгосударственной войны исходит с 18 века из определённых понятий, которые хотя и были приостановлены Французской революцией, но тем более действенно были подтверждены реставрацией Венского конгресса. Эти восходящие к эпохе монархии

представления об оберегаемой войне и о законном враге могут быть легализованы между государствами лишь в том случае, если ведущие войну государства обеих сторон придерживаются их как во внутренней, так и в межгосударственной политике одинаковым образом, то есть если их внутренние и межгосударственные понятия о регулярности и нерегулярности, легальности и нелегальности содержательно совпадают или же, по крайней мере, некоторым образом гомогенны по своей структуре. В противном случае межгосударственное нормирование, вместо содействия достижению мира, станет только поставлять предлоги и лозунги для взаимных обвинений. Эта простая истина со времени первой мировой войны стала постепенно понятна. Но фасад унаследованного понятийного инвентаря идеологически ещё очень силён. По практическим причинам государства заинтересованы в использовании так называемых классических понятий, даже если эти последние в иных случаях отбрасываются в сторону как старомодные и реакционные. Кроме того, юристы европейского международного права упорно вытесняли из своего сознания различимую с 1900 года картину новой действительности.21

Если всё это в общем смысле имеет силу для различия между европейской войной государств старого стиля и демократической народной войной, тогда тем более это относится к импровизированной национальной народной войне a outrance , как её провозгласил Гамбетта в сентябре 1870 года. Гаагский устав сухопутной войны 1907 года
– не иначе чем все его предшественники в 19 веке – не пытался достичь компромисса, имея в виду франтирёра. Он требует известных условий для того, чтобы признать импровизированного воина, одетого в импровизированную униформу, участником войны в международно-правовом смысле: ответственные начальники, постоянный, далеко видимый знак отличия и, прежде всего, открытое ношение оружия. Неясность понятий Гаагского регулирования и Женевских конвенций велика и запутывает проблему.22 Партизан всё же именно тот, кто избегает открыто носить оружие, кто борется из-за угла, кто использует как униформу врага, так и устойчивый или свободный знак отличия и любой род гражданской одежды как маскировку. Скрытность и темнота – его сильнейшие орудия, от которых он честно не может отказаться без того, чтобы не утратить пространство нерегулярности, это значит: без того, чтобы не перестать быть партизаном.

Военная концепция регулярной прусской армии ни в коем случае не была основана на недостатке образования или на незнании значения герильи. Это видно по интересной книге типичного прусского офицера генерального штаба, который знал войну с франтирёрами 1870-71 годов и который обнародовал своё мнение в 1877 году под заголовком «Леон Гамбетта и его армии». Автор, барон Colmar von der Goltz умер во время первой мировой войны командиром турецкой армии как паша Goltz. Со всей объективностью и с большой точностью юный прусский офицер обнаруживает решающую ошибку республиканского ведения войны и констатирует: «Гамбетта хотел вести большую войну, и он её вёл, к своему несчастью; ибо для немецких армий во Франции того времени гораздо опаснее была бы малая война, герилья».23

Прусско-немецкое руководство сухопутными войсками, пусть поздно, но, наконец, постигло партизанскую войну. Верховное главнокомандование немецких вооружённых сил 6 мая 1944 года опубликовало уже упоминавшиеся общие директивы по борьбе с партизанами. Так немецкая армия перед своим концом всё же успела правильно познать партизана. Между тем директивы мая 1944 года признаны отличным регулированием и врагом Германии. Английский бригадир Dixon, опубликовавший после Второй мировой войны вместе с Otto Heilbrunn содержательную книгу о партизане, in extenso перепечатывает немецкие директивы как показательный пример правильной борьбы с партизанами, а английский генерал сэр Reginald F. S. Denning замечает в своём предисловии к Dixon-Heilbrunn, что ценность немецких инструкций по борьбе с партизанами 1944 года не уменьшается от того, что здесь речь идёт о директивах немецкой армии для борьбы против русских партизан.24

Два явления немецкого конца войны 1944-45 годов не нужно приписывать немецкому вермахту; их скорее можно объяснить противоречием с ним: немецкий Volkssturm и так называемый вервольф. Volkssturm был призван указом от 25 сентября 1944 года, как территориальное народное ополчение для обороны страны; принадлежащие к нему люди, начиная действовать, становились солдатами в смысле закона о воинской повинности и участниками войны в смысле Гаагского устава сухопутной войны. Об их организации, вооружении, применении, боевом духе и потерях информирует недавно вышедшая работа генерал-майора Ганса Кисселя, который был шефом главного штаба Deutscher Volkssturm с ноября 1944 года. Киссель сообщает, что Volkssturm на Западе был признан союзниками как воюющий отряд (воинская часть), в то время как русские рассматривали его как партизанскую организацию и пленных расстреливали. В отличие от этого территориального народного ополчения вервольф был задуман как партизанская организация юношества. О результате сообщает книга Dixon и Heilbrunn: «Некоторые немногие начинающие вервольфы были схвачены союзниками, и этим дело исчерпалось». Вервольф характеризовали как «попытку выпустить на свободу войну детей-партизан» (Kinderheckenschutzenkrieg).24` В любом случае, нам нет нужды останавливаться здесь на этом подробно.
После первой мировой войны тогдашние победители ликвидировали немецкий генеральный штаб и запретили его восстановление в любой форме в статье 160 Версальского договора от 28 июня 1919 года. Историческая и международно-правовая логика заключена в том, что победители во Второй мировой войне, которые тем временем объявили вне закона Duellkrieg классического европейского международного права, прежде всего США и Советский Союз, после их общей победы над Германией также поставили прусское государство вне закона и уничтожили его. Закон № 46 Контрольного совета союзников от 25 февраля 1947 года постановлял:
Прусское государство, которое с давних пор было в Германии носителем милитаризма и реакции, de facto прекратило существовать. Руководимый идеей сохранения мира и безопасности народов и желая восстановления политической жизни в Германии на демократической основе, Контрольный совет предписывает следующее:
Статья 1. Прусское государство со своим правительством и всеми своими органами управления ликвидировано.

Партизан как прусский идеал 1813 года и поворот к теории

Не прусский солдат и не стремящийся к реформам кадровый офицер прусского генерального штаба, а прусский премьер-министр Бисмарк был тем, кто в 1866 году против Габсбургской монархии и бонапартистской Франции «хотел взяться за любое оружие, которое нам могло предложить выпущенное на свободу(entfesselte) национальное движение не только в Германии, но и в Венгрии и в Богемии», чтобы не понести поражение. Бисмарк был полон решимости привести в движение Ахеронт. Он охотно употреблял классическую цитату Acheronta movere, но он приписывал это конечно с большей охотой своим внутриполитическим противникам. Как прусский король Вильгельм 1, так и шеф прусского генерального штаба Мольтке были далеки от ахеронтских планов; нечто подобное должно было казаться им жутким и также непрусским. И для слабых попыток немецкого правительства и генерального штаба подготовить революцию во время первой мировой войны слово acherontisch было бы чересчур сильным. Конечно, и ленинская поездка из Швейцарии в Россию в 1917 году принадлежит этому контексту. Но всё, что могли тогда, при организации путешествия Ленина, задумывать и планировать немцы, благодаря историческим последствиям этой подготовки к революции так чудовищно превзошло и перевернуло планы, что наш тезис о

прусских разногласиях с партизанством тем самым скорее подтверждается, чем опровергается.25
Тем не менее, прусское государство солдат (Soldatenstaat) однажды имело в своей истории ахеронтское мгновение. Это было зимой и весной 1812-13 годов, когда элита офицеров генерального штаба пыталась высвободить и прибрать к рукам силы национальной вражды к Наполеону. Немецкая война против Наполеона не была партизанской войной. Едва ли можно назвать её народной войной; последней её делает, как точно говорит Эрнст Форстхоф, только «легенда с политической подоплёкой».26 Быстро удалось направить те стихийные силы в твёрдые рамки государственного порядка и регулярной борьбы против французских армий. Тем не менее, это краткое, революционное мгновение сохраняет непреходящее значение для теории партизана.
Здесь сразу вспомнят о знаменитом шедевре военной науки – книге О войне прусского генерала фон Клаузевица. Вспомнят вполне обоснованно. Но Клаузевиц был тогда юным другом своих учителей и наставников Шарнхорста и Гнейзенау, и его книга была опубликована только после его смерти, после 1832 года. Зато есть другой манифест вражды к Наполеону, восходящий непосредственно к весне 1813 года; он принадлежит к самым удивительным документам всей истории партизанства: прусский эдикт о ландштурме от 21 апреля 1813 года. Речь идёт о подписанном королём Пруссии эдикте, который был с соблюдением всех правил опубликован в прусском своде законов. Несомненно то, что образцом для этого эдикта послужили испанский Reglamento de Partidas y Cuadrillas от 28 декабря 1808 года и известный под названием Corso Terrestre декрет от 17 апреля 1809 года. Но эти документы не были подписаны монархом лично.27 Поражаешься, когда видишь имя легитимного короля под подобного рода призывом к партизанской войне. Эти десять страниц Прусского Свода законов 1813 года (с.79-89) определённо принадлежат к самым необычным страницам всех изданных законов мира.
Каждый гражданин государства, так значится в королевском прусском эдикте апреля 1813 года, обязан сопротивляться вторгшемуся врагу всеми видами оружия. Настоятельно рекомендуются (в # 43) топоры, вилы, косы и дробовые винтовки. Каждый пруссак обязан не повиноваться никакому распоряжению врага, но обязан вредить ему всеми доступными средствами. Также если враг желает восстановить общественный порядок, никто не должен повиноваться ему, поскольку тем самым врагу облегчается проведение военных операций. Недвусмысленно говорится, что менее вреден «разгул необузданного сброда», чем состояние, когда враг свободно может распоряжаться всеми своими войсками. Репрессии и террор для защиты партизана обещаются, этим грозят врагу. Короче говоря, здесь налицо род Magna Carta партизанства. В трёх местах – во введении и в ## 8 и 52 - недвусмысленно ссылаются на Испанию и герилью как на «образец и пример». Борьба оправдывается как борьба в пределах самообороны, которая «освящает все средства» (#7), также и высвобождение тотального беспорядка.
Я уже говорил, что дело не дошло до немецкой партизанской войны против Наполеона. Сам эдикт о ландштурме уже три месяца спустя, 17 июля 1813 года, был изменён и очищен от всякой партизанской опасности, от всякой ахеронтской динамики. Всё последующее развёртывалось в боях регулярных армий, если даже динамика национального импульса и проникла в регулярный отряд. Наполеон мог похвастаться тем, что за многие годы французской оккупации на немецкой земле ни одно немецкое гражданское лицо не сделало ни одного выстрела во французский мундир.
Итак, в чём же состоит особенное значение того недолго существовавшего прусского распоряжения 1813 года? В том, что оно является официальным документом легитимации партизана национальной обороны, а именно особой легитимации, вышедшей из духа и из философии, которые царили в тогдашней прусской столицы Берлине. Испанская герилья против Наполеона, тирольское восстание 1809 года и русская партизанская война 1812 года были стихийными, автохтонными движениями набожного, католического или православного народа, чья религиозная традиция не была затронута философским духом

революционной Франции и была в этом отношении слаборазвита. В особенности испанцев Наполеон называл в возмущённом письме к своему гамбургскому генерал- губернатору Davout (2 декабря 1811 года) убивающим из-за угла, суеверным народом, который обманывают 300 000 монахов, - этот народ нельзя сравнивать с прилежными, трудолюбивыми и разумными немцами. Напротив, Берлин 1808-1813 годов был создан и отчеканен духом, которому была абсолютно поверена философия французского Просвещения, так поверена, что он мог чувствовать себя взросшим на ней, если не превосходящим её.

Иоганн Готлиб Фихте, великий философ; такие высокообразованные и гениальные военные, как Шарнхорст, Гнейзенау и Клаузевиц; такой поэт, как прежде упомянутый, в ноябре 1811 года умерший Генрих фон Клейст, - они характеризуют огромный духовный потенциал готовой тогда в критическое мгновение к действию прусской интеллигенции. Национализм этой берлинской интеллигентской прослойки был уделом образованных людей, а не простого или вовсе неграмотного народа. В такой атмосфере, когда объединились возбуждённое национальное чувство с философским образованием, был философски открыт партизан и его теория стала исторически возможна. То, что к этому союзу относится и учение о войне, показывает письмо, написанное Клаузевицом как «анонимным военным» в 1809 году из Кёнигсберга Фихте как «создателю сочинения о Макиавелли». В этом письме прусский офицер со всем возможным почтением наставляет знаменитого философа в том, что учение о войне Макиавелли слишком зависимо от античности и что сегодня «бесконечно больше выигрывают оживлением индивидуальных сил, чем искусственной формой». Новые орудия и массы, говорит в этом письме Клаузевиц, вполне соответствуют этому принципу, и, в конце концов, решает мужество одиночки вступить в ближний бой, «особенно в самой прекрасной из всех войн, которую народ ведёт на своей собственной земле за свободу и независимость».

Молодой Клаузевиц знал партизана из прусских планов восстания 1808/13 годов. В 1810-1811 годах Клаузевиц читал в Берлинском военном училище лекции о малой войне и был не только одним из самых значительных военных знатоков малой войны в специальном смысле использования лёгких, мобильных отрядов. Герилья стала для него, как и для других реформаторов его круга «прежде всего в высшем смысле политическим делом прямо-таки революционного характера. Выступление в защиту вооружения народа, восстания, революционной войны, сопротивления и мятежа против существующего порядка, даже если оно олицетворяется чужым оккупационным режимом – это для Пруссии новое явление, нечто “опасное” – то, что как бы выпадает из сферы правового государства». Этими словами Werner Hahlweg схватывает важную для нас суть. Но тут же он добавляет: «Правда, революционной войны против Наполеона, как она представлялась прусским реформаторам, не велось. Дело дошло лишь до «полу-мятежной (halb- insurrektionellen) войны», как сказал Фридрих Энгельс. Тем не менее, знаменитый меморандум февраля 1812 года остаётся важным для «внутренних побуждений» (Rothfels) реформаторов; Клаузевиц сочинил его при помощи Гнейзенау и Boyen перед тем, как перейти к русским. Он является «документом трезвого политического и сделанного в соответствии со стандартами генерального штаба анализа», ссылается на опыты испанской народной войны и желает спокойно довести дело до того, чтобы «ответить на жестокость жестокостью, на насилие – насилием». Здесь уже ясно узнаётся прусский эдикт о ландштурме апреля 1813 года.28

Клаузевица должно было тяжело разочаровать то, что всё, чего он ожидал от восстания, «не состоялось».29 Народную войну и партизан – «партийцев» как говорит Клаузевиц – он осознал как существенную часть «сил, взрывающихся на войне» и вставил в систему своего учения о войне. Особенно в 6 книге своего учения о войне (объём средств обороны) и в знаменитой главе 6 b восьмой книги (война – инструмент политики) он также признал новую «потенцию». Кроме того, у него можно найти удивительные, глубокие отдельные замечания, как, например, место о гражданской войне в Вандее: что

иногда некоторое малое количество отдельных партизан могут даже «претендовать на название армия».30 И тем не менее в общем он остаётся реформаторски настроенным кадровым офицером регулярной армии своей эпохи, который не мог сам до последней последовательности дать расцвести тем росткам, которые здесь становятся видимы. Это, как мы увидим, произошло гораздо позже, и для этого потребовался активный профессиональный революционер. Клаузевиц сам мыслил ещё слишком в классических категориях, когда он в «странной тройственности войны» присваивал народу только «слепой инстинкт» ненависти и вражды, полководцу и его войску – «мужество и талант» как свободное действие души, а правительству – чисто рассудочное манипулирование войной как инструментом политики.

В том недолго существовавшем прусском эдикте о ландштурме апреля 1813 года концентрируется мгновение, в которое партизан впервые выступил в новой, решающей роли, как новая, прежде не признававшаяся фигура мирового духа. Не воля к восстанию храброго, воинственного народа, но образование и интеллигенция открыли партизану эту дверь и сообщили ему легитимность, основанную на философском базисе. Здесь он стал, если мне будет позволено так высказаться, философски аккредитован и получил доступ ко двору. Прежде этого не было. В 17 веке он опустился до уровня персонажа плутовского романа; в 18 веке, во время Марии Терезии и Фридриха Великого, он был пандуром и гусаром. Но теперь, в Берлине 1808-1813 годов, его открыли и оценили не только в военно-техническом, но и в философском смысле. По крайней мере на одно мгновение он обрёл историческое положение и духовное посвящение. Это было событием, которое он не смог опять забыть. Это является решающим для нашей темы. Мы говорим о теории партизана. Что ж, политическая, превышающая специально военные классификации, теория партизана стала, собственно говоря, возможна только благодаря этой аккредитации в Берлине. Искра, попавшая в 1808 году из Испании на север, нашла в Берлине теоретическую форму, которая дала возможность сохранить её горение и передать её дальше в другие руки.

Правда, вначале тогда и в Берлине традиционное благочестие народа также не было под угрозой, как и политическое единство короля и народа. Оно, казалось, даже скорее усилилось, чем подверглось опасности, благодаря подтверждению присягой и прославлению партизана. Ахеронт, которого высвободили, сразу возвратился в каналы государственного порядка. После войн за освобождение Германии 1813-1815гг. в Пруссии доминировала философия Гегеля. Она пыталась создать посредничество между революцией и традицией.31 Она могла считаться консервативной и была таковой в самом деле. Но она законсервировала и революционную искру и благодаря своей философии истории предоставила развивающейся дальше революции опасное идеологическое оружие, более опасное, чем философия Руссо в руках якобинцев. Это историко- философское оружие попало в руки Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Однако оба немецких революционера были в большей степени мыслителями, чем активистами революционной войны. Только благодаря русскому профессиональному революционеру – Ленину – марксизм как доктрина стал всемирно-исторической властью (Macht), которую он сегодня собой представляет.

От Клаузевица к Ленину

Ганс Шомерус, которого мы уже цитировали как специалиста в области партизанства, дал одному разделу своих (ставших мне доступными в манускрипте) рассуждений название: От Empecinado к Будённому. Это значит: от партизана испанской герильи против Наполеона к организатору советской кавалерии, вождю конницы большевистской войны 1920 года. В таком названии просвечивает интересная военно-научная линия развития. Однако для нас, имеющих ввиду теорию партизана, оно слишком сильно

обращает внимание на военно-технические вопросы тактики и стратегии гибкой (beweglichen) войны. Мы должны не упускать из виду развитие понятия политического, которое как раз здесь совершает радикальный поворот. Классическое, зафиксированное в 18/19 веках понятие политического было основано на государстве европейского международного права и сделало войну классического международного права оберегаемой в международно-правовом смысле, чистой войной государств. С 20 века эта война государств с её обереганиями устраняется и заменяется революционной войной партий. По этой причине мы озаглавили нижеследующее изложение От Клаузевица к Ленину. Правда здесь – по сравнению с военно-специально-научным сужением [темы] – заключена в известном смысле противоположная опасность, что мы увлечёмся историко- философскими дедукциями и запутаемся в ветвях генеалогического древа.
Партизан здесь – надёжная точка наводки оружия, поскольку он может уберечь от таких всеобщих философско-исторических генеалогий и способен привести назад в действительность революционного развития. Карл Маркс и Фридрих Энгельс уже осознали, что революционная война сегодня не является баррикадной войной старого стиля. Особенно это вновь и вновь подчёркивал Энгельс – автор многих военно-научных сочинений. Но он считал возможным, что буржуазная демократия с помощью всеобщего избирательного права предоставит пролетариату большинство в парламенте и таким образом легально переведёт буржуазный общественный строй в бесклассовое общество. Вследствие этого и совершенно непартизанский ревизионизм мог апеллировать к Марксу и Энгельсу.
Напротив, Ленин был тем, кто осознал неизбежность насилия и кровавых революционных гражданских войн и войн государств и потому одобрил и партизанскую войну как необходимую составную часть общего революционного процесса. Ленин был первым, кто вполне осознанно постиг партизана как важную фигуру национальной и интернациональной гражданской войны и пытался превратить его в действенный инструмент центрального коммунистического партийного руководства. Насколько я могу судить, впервые это произошло в статье Партизанская битва, вышедшей 30 сентября/13 октября 1906 года в русском журнале «Пролетарий».32 Это ясное продолжение познания о враге и вражде, которое начинается в 1902 году в сочинении «Что делать?» прежде всего с поворотом против объективизма Струве. С этого «последовательно начался профессиональный революционер».33
Ленинская статья о партизане касается тактики социалистической гражданской войны и обращена против распространённого в то время среди социал-демократов мнения, что пролетарская революция сама собой достигнет своей цели как массовое движение в парламентских странах, так что методы прямого применения силы якобы устарели. Для Ленина партизанская война относится к методу гражданской войны и касается, как и всё остальное, чисто тактического или стратегического вопроса конкретной ситуации. Партизанская война – это, как говорит Ленин, «неизбежная форма борьбы», которую используют без догматизма или заранее намеченных принципов так же, как должно пользоваться другими, легальными или нелегальными, мирными или насильственными, регулярными или нерегулярными средствами и методами, судя по ситуации. Цель – коммунистическая революция во всех странах мира; то, что служит этой цели, хорошо и справедливо. Вследствие этого очень просто решается проблема партизана: руководимые коммунистическим центром партизаны являются борцами за мир и доблестными героями; партизаны, которые уклоняются от этого руководства, являются анархическим сбродом и врагами человечества.
Ленин был большим знатоком и поклонником Клаузевица. Он интенсивно штудировал книгу О войне во время первой мировой войны в 1915 году и заносил в свою Тетрадку выписки из неё на немецком языке, заметки на полях на русском, с подчёркиваниями и восклицательными знаками. Таким образом он создал один из самых грандиозных документов мировой истории и истории духа. Из основательного рассмотрения этих

выписок, заметок на полях, подчёркиваний и восклицательных знаков можно развить новую теорию об абсолютной войне и абсолютной вражде, которая определяет эпоху революционной войны и методы современной холодной войны.34 То, чему Ленин мог научиться у Клаузевица и что он основательно выучил, - это не только знаменитая формула о войне как о продолжении политики. Это дальнейшее познание, что различение друга и врага в эпоху революции является первичным и первенствующим и определяет как войну, так и политику. Для Ленина только революционная война является подлинной войной, поскольку она происходит из абсолютной вражды. Всё остальное – условная игра. Различие между Krieg (война) и Spiel (игра) Ленин сам особенно подчёркивает в заметке на полях к одному месту 23 главы книги 11 (“Schlussel des Landes”). В логике этого различия совершается решающий шаг, который ломает те оберегания, которые удалось сделать войне государств континентального европейского международного права в 18 веке, которые настолько успешно реставрировал Венский конгресс 1814/15 годов, что они сохранились до конца первой мировой войны и об устранении которых и Клаузевиц ещё по-настоящему не думал. По сравнению с войной абсолютной вражды проистекающая согласно признанным правилам, оберегаемая война классического европейского международного права - уже не больше чем дуэль между имеющими право искать удовлетворения кавалерами. Такому воодушевлённому абсолютной враждой коммунисту как Ленин подобный род войны должен был представляться только игрой, в которой он, судя по положению дела, участвовал, чтобы ввести врага в заблуждение, но которую он по существу презирал и находил смешной.35

Война абсолютной вражды не знает никакого оберегания. Последовательное осуществление абсолютной вражды придаёт войне её смысл и её справедливость. Итак, вопрос только в том: имеется ли абсолютный враг и кто это in concreto? Ленин ни минуты не сомневался в ответе, и его преимущество перед всеми остальными социалистами и марксистами состояло в том, что он всерьёз принимал абсолютную вражду. Его конкретный абсолютный враг был классовый враг, буржуа, западный капиталист и его общественный строй в каждой стране, где он господствовал. Знание врага было тайной чудовищной ударной силы Ленина. Его понимание партизана покоилось на том, что современный партизан стал подлинно нерегулярным явлением и, тем самым, сильнейшим отрицанием наличествующего капиталистического порядка и на том, что он был призван как подлинный исполнитель вражды.

Нерегулярность партизана сегодня относится не только к военной «линии», как тогда, в 18 веке, когда партизан был только «лёгким, подвижным отрядом», и она также больше не относится к гордо выставленной напоказ униформе регулярного отряда. Нерегулярность классовой борьбы ставит под вопрос не только линию, но и всё здание политического и социального порядка. В лице русского профессионального революционера Ленина эта новая действительность осмыслила себя до философского осознания. Союз философии с партизаном, который заключил Ленин, высвободил неожиданно новые, взрывные силы. Этот союз вызвал, по меньшей мере, подрыв всего европо-центристского мира, который надеялся спасти Наполеон и который надеялся реставрировать Венский конгресс.

Оберегание межгосударственной регулярной войны и укрощение внутригосударственной гражданской войны стали настолько само собою разумеющимися для европейского 18 века, что и умные люди старого режима (Ancien Regime) не могли представить себе разрушение этого рода регулярности, даже после опытов французской революции 1789 и 1793 годов. Для этого они находили только язык всеобщего ужаса и недостаточные, по сути дела детские сравнения. Великий, смелый мыслитель старого режима (Ancien Regime), Жозеф де Местр, прозорливо предвидел, о чём шла речь. В письме, написанном летом 1811 года,36 он считал Россию созревшей для революции, но он надеялся, что это будет, как он говорит, естественная революция, но не просвещенчески-европейская, наподобие французской. Чего он более всего опасался, так это образованного Пугачёва. Так он выразился, чтобы образно показать, что он правильно

познал как собственно Опасное, именно союз философии со стихийными силами восстания. Кем был Пугачёв? Вождём крестьянского и казацкого восстания против Екатерины 11, который был казнён в Москве в 1775 году и который выдавал себя за умершего мужа царицы. Образованный Пугачёв был бы тот русский, кто «начал бы революцию на европейский лад». Это дало бы целый ряд ужасных войн, и если бы дело зашло так далеко, «то у меня нет слов, чтобы сказать Вам, чего бы тогда следовало опасаться».

Видение умного аристократа удивительно, как в том, что оно видит, именно возможность и опасность соединения западного ума с русским бунтом, так и в том, чего оно не видит. Со своей временной датой и местом – Санкт-Петербург лета 1811 года – оно находится неподалёку от прусских военных реформаторов. Но оно ничего не замечает в отношении своей собственной близости к стремящимся к реформам кадровым офицерам прусского генерального штаба, чьи контакты с царским двором в Санкт-Петербурге были все же достаточно интенсивны. Оно ничего не подозревает о Шарнхорсте, Гнейзенау и Клаузевице. Если скомбинировать их имена с именем Пугачёва, то суть дела фатальным образом была бы упущена. Глубокомыслие значительного видения пропадает, и остаётся только острое словцо в стиле Вольтера или, если угодно, Rivalor. Если ещё подумать о союзе гегелевской философии истории с высвобожденными силами масс, как его осознанно осуществил марксистский профессиональный революционер Ленин, тогда формулировка гениального де Местра рассеивается до маленького разговорного эффекта передних Ancien Regime. Язык и мир понятий оберегаемой войны и дозированной вражды уже не могли соответствовать наступлению абсолютной вражды.

От Ленина к Мао Цзэ-дуну

Во время Второй мировой войны русские партизаны после оценки экспертов отвлекли на себя примерно двадцать немецких дивизий и тем самым внесли существенный вклад в исход войны. Официальная советская историография – как, например, книга Бориса Семёновича Тельпуховского о Великой Отечественной войне 1941/45 годов – описывает доблестного партизана, который разрушает тыл вражеских армий. На огромных пространствах России и при бесконечно длинных фронтах, растянувшихся на тысячи километров, каждая дивизия была для немецкого военного командования незаменима. Основная точка зрения Сталина относительно партизана сводилась к тому, что партизан всегда должен сражаться в тылу врага, согласно известной максиме: в тылу партизаны, на фронте братство.

Сталину удалось связать сильный потенциал национального и отечественного сопротивления – итак существенно оборонительную, теллурическую силу патриотической самозащиты от чужого завоевателя – с агрессивностью интернациональной коммунистической мировой революции. Соединение этих двух гетерогенных величин господствует в сегодняшней партизанской борьбе на всей планете. При этом коммунистический элемент до сих пор был большей частью в выигрыше уже благодаря своей целеустремлённости и своей опоре на Москву или Пекин. Сталин жестоко пожертвовал польскими партизанами, сражавшимися во время Второй мировой войны против немцев. Партизанские сражения в Югославии в 1941/45 годах были не только общей национальной защитой от чужого завоевателя, но являлись так же весьма брутальными внутренними сражениями между коммунистическими и монархическими партизанами. В этой братоубийственной борьбе коммунистический вождь партизан Тито победил и уничтожил с помощью Сталина и Англии своего внутри-югославского врага, поддерживаемого англичанами генерала Михайловича.

Величайший практик революционной войны современности стал одновременно её самым знаменитым теоретиком: Мао Дзэ-дун. Некоторые из его трудов являются «сегодня

обязательной литературой для чтения в западных военных училищах» (Hans Henle). Он уже с 1927 года собирал опыты коммунистического действия и потом использовал японское вторжение 1932 года для того, чтобы систематически развить все современные методы одновременно национальной и интернациональной гражданской войны. «Долгий марш», от южного Китая до монгольской границы, начавшийся в ноябре 1934 года, 12000 километров с огромными потерями, был рядом партизанских достижений и партизанских опытов, в результате которых коммунистическая партия Китая сплотилась в крестьянскую и солдатскую партию, с партизаном как центром. Многозначительное совпадение заключается в том, что Мао Дзэ-дун создал свои важнейшие труды в 1936-38 годы, итак в те же самые годы, когда Испания в национальной освободительной войне сопротивлялась интернациональному коммунистическому охвату. В этой испанской гражданской войне партизан не играл никакой значительной роли. Напротив, Мао Дзэ-дун обязан победой над своим национальным противником, Kuo-min-tang и генералом Чан Кай-ши, исключительно опытам китайской партизанской войны против японцев и Kuo-min-tang.

Важнейшие для нашей темы формулировки Мао Дзэ-дуна находятся в работе 1938 года «Стратегия партизанской войны против японского вторжения». Но необходимо привлечь и другие работы Мао, чтобы полно представить себе картину учения о войне этого нового Клаузевица.37 Речь на деле идёт о последовательном и систематически-осознанном продолжении и развитии понятий прусского офицера генерального штаба. Только Клаузевиц, современник Наполеона 1, ещё не мог предвидеть степень тотальности, которая сегодня само собой разумеется для китайца-коммуниста в отношении революционной войны. Характерный образ Мао Дзэ-дуна явствует из следующего сравнения: «В нашей войне вооружённое население и малую войну партизан, с одной стороны, и Красную армию, с другой стороны, можно сравнить с обеими руками одного человека; или, выражаясь более практично: мораль населения является моралью вооружённой нации. А этого враг боится».

«Вооружённая нация»: это, как известно, было также девизом кадровых офицеров прусского генерального штаба, которые организовывали войну против Наполеона. К ним принадлежал Клаузевиц. Мы видели, что тогда сильные национальные энергии определённого образованного слоя населения были подхвачены регулярной армией. И самые радикальные военные мыслители того времени различают между войной и миром и рассматривают войну как ясно отграниченное от мира чрезвычайное положение. И Клаузевиц не мог исходя из своего существования в качестве кадрового офицера регулярной армии так систематически до конца довести логику партизанства, как это удалось сделать Ленину и Мао исходя из своего существования в качестве профессиональных революционеров. Но у Мао в отношении партизанства добавляется ещё конкретный момент, благодаря чему он ближе подходит к внутреннейшей сути дела, чем Ленин и благодаря чему он обретает возможность крайнего идейного совершенства. Одним словом: революция Мао в большей степени теллурически фундирована, чем революция Ленина. Большевистский авангард, который под руководством Ленина захватил власть в России в октябре 1917 года, обнаруживает большие различия с китайскими коммунистами, которые после больше чем двадцатилетней войны в 1949 году получили в руки Китай. Эти различия проявляются как во внутренней групповой структуре, так и в отношении к стране и народу, которые они захватили. Идеологический спорный вопрос о том, учит ли Мао настоящему марксизму или ленинизму, становится перед лицом ужасающей действительности, определяемой теллурическим партизанством, почти так же второстепенен, как и вопрос о том, не выражали ли старые китайские философы уже нечто похожее на маоизм. Речь идёт о конкретной «красной элите», отчеканенной и созданной партизанской борьбой. Ruth Fischer прояснила существенное – она указывает на то, что русские большевики 1917 года были национальным меньшинством «ведомым группой теоретиков, большинство которой состояло из эмигрантов»; китайские коммунисты 1949 года под руководством Мао и его друзей в

течение двадцати лет боролись на собственной, национальной почве с национальным противником, Kuo-min-tang, на базисе ужасающей партизанской войны. Может быть, что по своему происхождению они были городским пролетариатом, как и русские большевики родом из Петербурга и Москвы; но когда они пришли к власти, они принесли с собой отчеканенные опыты тяжелейших поражений и организаторскую способность «высадить» свои принципы «в крестьянской среде и развить их там дальше на новый, непредвиденный лад».38 Здесь налицо глубочайший росток «идеологических» разногласий между советско-русским и китайским коммунизмом. Но здесь обнаруживается и внутреннее противоречие в ситуации самого Мао, совмещающее в себе лишённого пространства, глобально-универсального, абсолютного всемирного врага, марксистского классового врага, с территориально могущим быть ограниченным, настоящим врагом китайско- азиатской обороны от капиталистического колониализма. Это противоречие One World, политического единства земли и человечества, против большинства больших пространств, которые разумно уравновешены внутри самих себя и между собою. Плюралистическое представление о новом номосе Земли Мао высказал в стихотворении Kunlun, (немецкий перевод Rolf Schneider):

Если бы небо было местом обитания военных, тогда я обнажил бы мой меч
И разрубил бы тебя на три части:
Одну – как подарок Европе,
Одну – для Америки,
Но одну часть оставил бы для Китая,
И мир воцарился бы на Земле.

В конкретном положении Мао встречаются различные виды вражды, которые усиливаются до вражды абсолютной. Расовая вражда против белого, колониального эксплуататора; классовая вражда против капиталистической буржуазии; национальная вражда против японского интервента той же расы; растущая в долгих, ожесточённых гражданских войнах вражда против собственного, национального брата – всё это не парализовало и не ставило под сомнение друг друга, как можно было бы думать, но подтверждалось и интенсифицировалось в конкретном положении дел. Сталину во время Второй мировой войны удалось соединить теллурическое партизанство национальной родной земли с классовой враждой интернационального коммунизма. Мао опередил в этом Сталина. Мао и в своём теоретическом сознании продолжил формулу о войне как о продолжении политики, минуя Ленина.

Мыслительная операция, основная у Мао, является точно так же простой, как и боеспособной. Смысл войны – это вражда. Поскольку война есть продолжение политики, то и политика всегда обретает, по крайней мере, как возможность, элемент вражды; и поскольку мир содержит в себе возможность вражды – что к сожалению является опытно подтверждённым фактом – то и он содержит момент потенциальной вражды. Вопрос лишь в том, может ли вражда быть оберегаема и регламентируема, то есть является ли она относительной или абсолютной враждой. Это может решить на свой страх и риск только сама воюющая сторона. Для Мао, думающего по-партизански, сегодняшний мир является только формой проявления настоящей вражды. Она не прекращается и во время так называемой холодной войны. Последняя, следовательно, не является наполовину войной и наполовину миром, но является приспособленным к положению вещей участием настоящей вражды с другими открыто насильственными средствами. В этом могут обманываться только слабовольные люди и мечтатели.

Практически отсюда вытекает вопрос, в каком количественном отношении стоит бой регулярной армии в открытой войне к иным методам классовой борьбы, которые не являются открыто военными. На этот вопрос Мао отвечает ясными цифрами: революционная война на девять десятых не-открытая, не-регулярная война, и на одну

десятую открытая война военных. Немецкий генерал, Helmut Staedke, на этом основании вывел определение партизана: партизан – это борец указанных девяти десятых ведения войны, которое предоставляет лишь последнюю десятую часть регулярным вооружённым силам. 39 Мао Цзэ-дун ничуть не упускает из виду, что эта последняя десятая часть является решающей для конца войны. Однако европейцу, принадлежащему старой традиции нужно именно здесь уберечься от того, чтобы использовать общепринятые классические понятия о войне и мире, которые, если говорят о войне и мире, подчинены европейской оберегаемой войне 19 века и, следовательно, не абсолютной, но лишь относительной и поддающейся обереганию вражде.
Регулярная Красная Армия появляется только тогда, когда ситуация созрела для коммунистического режима. Только тогда страна открыто бывает занята военными. Это конечно не относится к заключению мира в смысле классического международного права. Практическое значение подобного рода доктрины с 1945 года очень убедительно демонстрируется всему миру благодаря разделу Германии. 8 мая 1945 года война военных против покорённой Германии прекратилась; Германия тогда безоговорочно капитулировала. До сих пор (1963 год) ещё не заключён мир между союзниками- победителями с Германией; но до сегодняшнего дня граница протекает между Востоком и Западом точно по тем линиям, по которым 18 лет назад американские и советские регулярные воинские части разграничили свои оккупационные зоны.
Как отношение (выраженное в цифрах 9:1) холодной войны и открытой войны военных, так и более глубокая, всемирно-политическая симптоматика раздела Германии с 1945 года являются для нас только примерами, чтобы разъяснить политическую теорию Мао. Её сердцевина заключена в партизанстве, чей основной признак сегодня – это настоящая вражда. Большевистская теория Ленина познала и признала партизана. По сравнению с конкретной теллурической действительностью китайского партизана у Ленина в определении врага есть нечто абстрактно-интеллектуальное. Идеологический конфликт между Москвой и Пекином, который всё сильнее проявлялся с 1962 года, имеет свой глубочайший источник в этой конкретно-различной действительности истинного партизанства. Теория партизана оказывается и здесь ключом к познанию политической действительности.

От Мао Цзэ-дуна к Раулю Салану

Славу Мао Цзэ-дуна как самого современного учителя ведения войны французские кадровые офицеры принесли из Азии в Европу. В Индокитае колониальная война старого стиля соприкоснулась с революционной войной современности. Там они узнали на собственной шкуре ударную силу хорошо продуманных методов разрушающего ведения войны, психологического массового террора и их связь с партизанской войной. Исходя из своих опытов, они разработали доктрину психологической, разрушающей и повстанческой войны, о которой уже имеется обширная литература.40
Хотели увидеть в этом типичный продукт образа мыслей кадровых офицеров, а именно полковников, Colonels. Об этом прикомандировании к Colonel здесь не нужно далее спорить, хотя, быть может, было бы интересно поставить вопрос, не соответствует ли и такая фигура как Клаузевиц в целом скорее духовному типу полковника, а не генерала. Для нас речь идёт о теории партизана и её последовательном развитии, а последнее воплощается в сенсационном конкретном случае последних лет скорее в генерале, чем в полковнике, а именно в судьбе генерала Рауля Салана. Он (больше, чем другие генералы Jouhaud, Challe или Zeller) является важнейшей для нас фигурой этого контекста. В откомандированной позиции генерала раскрылся решающий для познания проблемы партизана экзистенциальный конфликт, который должен наступить, когда регулярно сражающийся солдат не только при случае, но длительное время в надолго рассчитанной

войне должен выдерживать бой с принципиально революционно и нерегулярно сражающимся врагом.
Салан уже будучи молодым офицером узнал колониальную войну в Индокитае. Во время мировой войны 1940/44 годов он был прикомандирован к генеральному штабу колоний и оставался в этом качестве в Африке. В 1948 году он как комендант французских воинских частей прибыл в Индокитай; в 1951 году он стал высшим комиссаром Французской Республики в Северном Вьетнаме; он руководил исследованием поражения Dien-Bien-Phu в 1954 году. В ноябре 1958 года он был назначен высшим комендантом французских вооружённых сил в Алжире. До сих пор политически его можно было причислить к левым, и ещё в январе 1957 года одна тёмная организация, которую по-немецки можно назвать, вероятно, «фемгерихт» (Fehme), совершила на него опасное покушение. Но уроки войны в Индокитае и опыты алжирской партизанской войны повлияли на то, что он познал неумолимую логику партизанской войны. Шеф тогдашнего парижского правительства, Pflimlin, дал ему все полномочия. Однако 15 мая 1958 года он в решающий момент способствовал приходу к власти генерала de Gaulle. Во время публичного мероприятия в Алжире он крикнул Vive de Gaulle! Но вскоре он горько разочаровался в своём ожидании, что de Gaulle будет безусловно защищать гарантированный в конституции, территориальный суверенитет Франции над Алжиром. В 1960 году началась открытая вражда с de Gaulle. В январе 1961 года некоторые из друзей Салана основали OAS (Organisation d`Armee Secrete), чьим декларированным шефом стал Салан, и он 23 апреля поспешил в Алжир принять участие в офицерском путче. Когда этот путч уже 25 апреля 1961 года окончился провалом, OAS пробовало предпринять планомерные террористические акции, как против алжирского врага, так и против гражданского населения в Алжире и населения в самой Франции; планомерные в смысле методов так называемого психологического ведения войны современного массового террора. Террористическое предприятие претерпело решающую потерю в апреле 1962 года, с арестом Салана французской полицией. Слушание дела Высшим военным судом в Париже началось 15 мая и закончилось 23 мая 1962 года. Обвинение касалось попытки насильственного свержения легального режима и террористических актов OAS, и охватывало только период времени с апреля 1961 года до апреля 1962 года. Его приговорили не к смертной казни, но к пожизненному заключению (detention criminelle a perpetuite), поскольку суд признал за обвиняемым смягчающие вину обстоятельства.
Я кратко напомнил немецкому читателю некоторые даты. Ещё не существует истории Салана и OAS, и нам не следует вмешиваться со своими оценками и суждениями в такой глубокий, внутренний конфликт французской нации. Мы можем здесь лишь установить некоторые линии из материала, насколько он опубликован41, чтобы прояснить наш важный вопрос. Здесь напрашиваются многие параллели, касающиеся партизанства. Мы ещё возвратимся к одной из них, из чисто эвристических причин и со всей необходимой осторожностью. Аналогия между впечатлёнными испанской герильей прусскими офицерами генерального штаба 1808/13 годов и французскими генштабистами 1950/60 годов, которые опытно познали современную партизанскую войну в Индокитае и в Алжире, является ошеломляющей. Большие различия также очевидны и не требуют длинного изложения. Существует сродство в главной ситуации и во многих отдельных судьбах. Но это не должно абстрактно утрировать в том смысле, что можно отождествить все теории и конструкции побеждённых военных в мировой истории. Это было бы чепухой. И в случае с прусским генералом Людендорфом ситуация во многих существенных пунктах иная, чем в случае с лево-республиканцем Саланом. Для нас важно только прояснение теории партизана.
Во время слушания дела Высшим военным судом Салан молчал. Вначале слушания он сделал длинное объяснение, первые слова которого звучали так: Je suis le chef de l`OAS. Ma respontabilite est donc entiere. В объяснении он возражал против того, что свидетели, которых он представил – в том числе президент de Gaulle – не были допрошены, и что

материал процесса ограничили временем с апреля 1961 года (офицерский путч в Алжире) по апрель 1962 года (арест Салана), благодаря чему его собственные мотивы были затушёваны и важные исторические процессы были изолированы, были отгорожены и редуцированы к типам и фактам нормального уголовного кодекса. Акты насилия OAS он называл просто ответом на ненавистнейший из всех актов насилия, который заключён в том, что люди, которые не хотят потерять свою нацию, эту нацию оберегают. Объяснение закончилось словами: «Я должен дать отчёт только тем, кто страдают и умирают за то, что они верили в нарушенное слово и в преданный долг. Теперь я буду молчать».
Салан сохранял своё молчание действительно во время всего слушания, наперекор многим, резко настойчивым вопросам обвинителя, который считал это молчание просто тактикой. Председатель Высшего военного суда после краткого указания на «нелогичность» подобного молчания рассматривал поведение обвиняемого в конце концов если не с уважением, то терпимо и не как contempt of court. В конце слушания Салан ответил на вопрос председателя о том, не желает ли он добавить что-нибудь в свою защиту: «Я открою рот только для того, чтобы крикнуть Vive la France!, а представителю обвинения я отвечу просто: que Dieu me garde!”42
Первая часть этого заключительного замечания Салана обращена к председателю Высшего военного суда и имеет в виду ситуацию приведения в исполнения приговора о смертной казни. В этой ситуации, в момент смертной казни, Салан бы крикнул: Vive la France! Вторая часть обращена к представителю общественного обвинения и звучит несколько таинственно, как слова оракула. Однако дело проясняет то, что обвинитель – таким образом, какой для прокурора всё же ещё антиклерикального государства не является заурядным – стал вдруг религиозным. Он не только объявил молчание Салана высокомерием и отсутствием покаяния, чтобы выступить перед судом против признания смягчающих вину обстоятельств; он вдруг стал говорить, как он категорически выразился, как «христианин христианину», un chretien qui s`adresse a un chretien, и упрекал подсудимого в том, что тот благодаря отсутствию покаяния по собственной вине лишился милости милосердного христианского Бога и навлёк на себя вечное проклятие. На это Салан сказал: que Dieu me garde! Видны бездны, над которыми разыгрываются остроумие и риторика политического процесса. Однако для нас речь не идёт о проблеме политической юстиции.43 Нас интересует только прояснение комплекса вопросов, которые благодаря таким девизам как тотальная война, психологическая война, подрывная война, повстанческая война, невидимая война пришли в замешательство и изменяют проблему современного партизанства.
Война в Индокитае 1946/56 годов была «образцом широко развёрнутой современной революционной войны» (Th. Arnold, a. a. O., S. 186). Салан узнал современную партизанскую войну в лесах, джунглях и на рисовых полях Индокитая. Он узнал на собственном опыте, что индокитайские возделыватели риса могли обратить в бегство батальон первоклассных французских солдат. Он видел бедствие беженцев и узнал организованную Хо Ши Мином подпольную организацию, которая перекрывала и переигрывала легальное французское правление. С пунктуальностью и точностью генштабиста он принялся за наблюдение и исследование нового, более или менее террористического ведения войны. При этом он сразу же столкнулся с тем, что он и его товарищи называли «психологическим» ведением войны, которое наряду с военно- техническим действием свойственно современной войне. Здесь Салан мог сразу перенять систему мыслей Мао; но известно, что он также углубился в литературу об испанской герилье против Наполеона. В Алжире он находился в центре ситуации, когда 400 000 хорошо вооружённых солдат боролись против 20 000 алжирских партизан, с тем результатом, что Франция отказалась от своего суверенитета над Алжиром. Потери в человеческих жизнях у всего алжирского населения были в десять – двадцать раз больше, чем у французов, но материальные затраты французов были в десять-двадцать раз выше, чем у алжирцев. Короче говоря, Салан действительно находился со всей своей

экзистенцией как француз и солдат перед лицом etrange paradoxe, в логике безумия (Irrsinnslogik), которая могла ожесточить и привести к попытке контрудара мужественного и интеллигентного человека.44

Аспекты и понятия последней стадии

Мы пытаемся различить в подобной, типичной для современной партизанской войны ситуации четыре разных аспекта, чтобы приобрести некоторые ясные понятия: аспект пространства, потом разрушение социальных структур, далее переплетение во всемирно-политических контекстах, и, наконец, технически-индустриальный аспект. Эта последовательность относительна и её можно изменить. Само собой понятно, что в конкретной действительности представлены не четыре друг от друга независимых области, которые можно изолировать, но только их интенсивные взаимодействия, их взаимные функциональные зависимости выявляют общую картину, так что любой разбор одного аспекта одновременно всегда содержит ссылки и импликации трёх других аспектов и наконец все они выливаются в силовое поле технически-индустриального развития.

Аспект пространства

Совершенно независимо от доброй или злой воли людей, от мирных или воинственных надобностей и целей, каждое возрастание человеческой техники продуцирует новые пространства и необозримые изменения унаследованных структур пространства. Это действительно не только для внешних, бросающихся в глаза увеличений пространства космонавтики, но и для наших старых земных пространств обитания, работы, культа и пространства свободы действий. Тезис «жилище неприкосновенно» вызывает сегодня, в эпоху электрического освещения, газопроводов, телефона, радио и телевидения, совершенно иной тип оберегания чем во времена King John (короля Иоанна Безземельного) и Magna Charta (Великой хартии вольностей) 1215 года, когда хозяин замка мог поднять подъёмный мост. О техническое возрастание человеческой эффективности ломаются целые системы норм как, например, морское право войны 19 века. Из не имеющего владельца морского дна всплывает пространство, которое находится у побережья, так называемый континентальный шельф, как новое пространство действия человека. В не имеющих владельца глубинах Тихого океана возникают бункеры для радиоактивных отходов. Индустриально-технический прогресс вместе со структурами пространства изменяет и порядки пространства. Ибо право есть единство порядка и местоположения, а проблема партизана есть проблема отношения регулярной и нерегулярной борьбы.
Современный солдат может быть настроен относительно своей личности прогрессивно-оптимистически или –пессимистически. Для нашей проблемы это не так важно. В военно-техническом отношении любой генштабист мыслит непосредственно практически и осмысленно-рационально. По сравнению с этим, исходя из войны, аспект пространства близок ему и теоретически. Структурное различие так называемого театра военных действий в сухопутной войне и в войне на море – старая тема. Воздушное пространство добавилось как новое измерение со времён Первой мировой войны, благодаря чему вместе с тем изменились прежние места действия (Schauplatze) земли и моря в их структуре пространства.45 В партизанской борьбе возникает сложно структурированное новое пространство действия, поскольку партизан борется не на открытом поле сражения и не в той же плоскости открытой войны фронтов. Он скорее заставляет вступить своего врага в другое пространство. Так он добавляет к поверхности регулярного, обычного театра

военных действий другое, более тёмное измерение, измерение глубины46, в котором носимая на показ униформа становится смертельно опасной. Таким образом он поставляет в области земного неожиданную, но поэтому не менее эффективную аналогию с подводной лодкой, которая точно также добавляла неожиданное измерение глубины к поверхности моря, на которой разыгрывалась морская война старого стиля. Он из подполья мешает обычной, регулярной игре на открытой сцене. Он, исходя из своей нерегулярности, изменяет измерения не только тактических, но и стратегических операций регулярных армий. Относительно малые группы партизан могут, благодаря использованию почвенных условий, связывать большие массы регулярных войск. Ранее мы упоминали "Paradox" на примере Алжира. Это уже ясно познал и точно описал Клаузевиц в уже цитированном (выше прим. 30) высказывании, когда он говорит, что малое количество партизан, в чьей власти некоторое пространство, могут претендовать на
«название армии».

Конкретной ясности понятия служит то, что мы придерживаемся теллурически-земного характера партизана и не называем (и даже не определяем) его в качестве корсара земли. Нерегулярность пирата никак не связана ни с какой регулярностью. Напротив, корсар добывает на море военные трофеи и снабжён «письмом» правительства государства; его тип нерегулярности как-то связан с регулярностью, и так он мог быть юридически признанной фигурой европейского международного права до Парижского мира 1856 года. В этом отношении обоих, корсара морской войны и партизана сухопутной войны, можно сравнивать. Сильная похожесть и даже тождественность проявляется прежде всего в том, что тезис «С партизанами борются только партизанским способом» и другой тезис a corsaire corsaire et demi в основе означают одно и то же. Однако сегодняшний партизан – это нечто иное, чем корсар сухопутной войны. Для этого элементарная противоположность земли и моря остаётся слишком большой. Может быть, что унаследованные различия войны, врага и трофеев, которые доныне основывали международно-правовую противоположность земли и моря, однажды просто расплавятся в тигеле индустриально-технического прогресса. Пока что партизан означает всё ещё часть настоящей почвы; он является одним из последних постов земли как ещё не полностью уничтоженной всемирно-исторической стихии.

Уже испанская герилья против Наполеона полностью раскрывается только в важном аспекте пространства этой противоположности земли и моря. Англия поддерживала испанских партизан. Морская держава пользовалась для своих больших военных предприятий нерегулярным борцом сухопутной войны, чтобы победить континентального врага. В конце концов Наполеона заставила сложить оружие не Англия, но сухопутные державы Испания, Россия, Пруссия и Австрия. Нерегулярный, типично теллурический вид партизанской борьбы поступил на службу типично морской мировой политики, которая со своей стороны безжалостно дисквалифицировала и криминализировала любую нерегулярность на море в области права морской войны. В противоположности земли и моря конкретизируются различные виды нерегулярности, и только если мы имеем в виду конкретную особенность, обозначенные словами земля и море аспекты пространства в специфических формах их образования как понятий, только тогда аналогии позволены и плодотворны. Это действительно в первую очередь для аналогии, которая важна для нас здесь для познания аспекта пространства. А именно: аналогичным образом, как морская держава Англия в своей войне против континентальной Франции пользовалась коренным испанским партизаном, который изменял место действия сухопутной войны благодаря нерегулярному пространству; позже, во время Первой мировой войны, сухопутная держава Германия пользовалась в своей войне с морской державой Англией подводной лодкой как таким оружием, которое добавляло к прежнему пространству ведения войны на море неожиданное другое пространство. Тогдашние хозяева поверхности моря сразу же попытались дискриминировать новый вид борьбы как нерегулярное, даже преступное и пиратское средство борьбы. Сегодня, в эпоху подводных лодок с атомными ракетами

каждый видит, что и то, и другое – возмущение Наполеона испанским Guerrillero и возмущение Англии по поводу немецкой подводной лодки – лежало в одной и той же плоскости, а именно в плоскости возмущения малоценного мнения перед лицом непросчитываемых изменений пространства.

Разрушение социальных структур

Чудовищный пример разрушения социальных структур пережили французы в 1946- 1956 годах в Индокитае, когда их тамошнее колониальное господство окончилось крахом. Мы уже упоминали организацию партизанской борьбы Хо Ши Мином во Вьетнаме и Лаосе. Здесь коммунисты поставили себе на службу и неполитическое гражданское население. Они руководили даже домашними слугами французских офицеров и служащих и подсобными рабочими французской службы тыла. Они взыскивали с гражданского населения налоги и совершали всякого вида террористические акты, чтобы побудить французов к анти-террору против местного населения, благодаря чему его ненависть к французам ещё более возбуждалась. Короче говоря, современная форма революционной войны ведёт ко многим новым нетрадиционным средствам и методам, чьё описание по отдельности взорвало бы рамки нашего изображения. Общество существует как res publica, как общественность, и оно ставится под вопрос, если в нём образуется пространство не-общественности, которое действенно дезавуирует эту общественность. Быть может, этого указания будет достаточно, чтобы осознать, что партизан, которого оттеснило профессионально военное сознание 19 века, вдруг оказался в центре нового вида ведения войны, чей смысл и чья цель была в разрушении наличного социального порядка.
В изменившейся практике взятия заложников это становится осязаемо видимым. В немецко-французской войне 1870/71 годов немецкие войска, в целях своей защиты от франтирёров, брали знать населённого пункта в качестве заложников: бургомистр, священник, врачи и нотариусы. Почтение к таким уважаемым людям и к знати могло быть использовано для того, чтобы оказывать давление на всё население, поскольку социальный авторитет подобных типично буржуазных слоёв общества был практически вне сомнения. Именно этот буржуазный класс становится в революционной гражданской войне коммунизма подлинным врагом. Тот, кто использует таких уважаемых людей в качестве заложников, работает, судя по ситуации, на коммунистическую сторону. Для коммуниста подобного рода взятия заложников могут быть настолько целесообразны, что он их, если нужно, провоцирует – или для уничтожения определённого буржуазного слоя общества, или для привлечения его на коммунистическую сторону. В уже названной книге о партизане эта новая действительность хорошо познана. В партизанской войне, говорится там, действенное взятие заложников возможно только по отношению к самим партизанам или к их ближайшим соратникам. Иначе будут создавать только новых партизан. Наоборот, для партизан каждый солдат регулярной армии, каждый носитель униформы является заложником. «Каждый человек в униформе, - говорит Рольф Шроерс,
- должен чувствовать угрозу, и тем самым под угрозой должно быть всё, что униформа представляет как девиз».47
Нужно лишь до конца продумать эту логику террора и анти-террора и потом перенести её на любой вид гражданской войны, чтобы увидеть разрушение социальных структур, которое сегодня в действии. Достаточно небольшого числа террористов, чтобы оказывать давление на большие массы людей. К узкому пространству открытого террора прибавляются дальнейшие пространства ненадёжности, страха и всеобщего недоверия,
«ландшафт измены», которое представила Margret Boveri в ряде из четырёх захватывающих книг.48 Все народы европейского континента – с парой маленьких

исключений – испытали это на собственной шкуре в течение двух мировых войн и двух послевоенных эпох как новую действительность.

Всемирно-политический контекст

Точно так же наш третий аспект, переплетение во всемирно-политических фронтах и контекстах, давно овладел всеобщим сознанием. Автохтонные защитники родной почвы, которые умирали pro aris et focis, национальные и патриотические герои, уходившие в лес, всё, что было реакцией стихийной, теллурической силы против чужого вторжения, между тем попало под интернациональное и наднациональное центральное управление, которое помогает и поддерживает, но только в интересах совершенно иного рода всемирно-агрессивных целей, и которое, сообразно с обстоятельствами, защищает или бросает на произвол судьбы. Тогда партизан утрачивает свой существенно оборонительный характер. Он становится манипулируемым орудием всемирно-революционной агрессивности. Он просто приносится в жертву и обманом лишается всего того, за что он поднимался на борьбу и в чём был укоренён теллурический характер, легитимность его партизанской нерегулярности.

Каким-то образом партизан как нерегулярный боец всегда зависим от помощи регулярного могущества. Этот аспект дела всегда наличествует и также осознаётся. Испанский Guerrillero обретал свою легитимность в своей обороне и в своём согласии с королевской властью и с нацией; он защищал родную почву от чужого завоевателя. Но Веллингтон также относится к испанской герилье, и борьба против Наполеона велась при помощи Англии. Полный ярости, Наполеон часто вспоминал о том, что Англия была настоящим подстрекателем и собственно тем, кто извлекал пользу из испанской партизанской войны. Сегодня связь осознаётся ещё более отчётливо, поскольку непрерывное усиление технических боевых средств делает партизана зависимым от постоянной помощи союзника, который обладает технически-индустриальными ресурсами, чтобы развивать и обеспечивать партизана новейшим оружием и новейшими машинами.

Если многие заинтересованные третьи лица конкурируют друг с другом, партизан обладает свободным пространством для собственной политики. Таково было положение Тито в последние годы мировой войны. В партизанских битвах, которые разыгрывались во Вьетнаме и Лаосе, ситуация осложняется тем, что внутри самого коммунизма стало актуальным противоречие русской и китайской политики. При поддержке Пекина можно было забросить больше партизан через Лаос в Северный Вьетнам; это было бы более сильной помощью вьетнамскому коммунизму, чем поддержка Москвы. Вождь освободительной войны против Франции, Хо Ши Мин, был сторонником Москвы. Более сильная помощь решит исход дела, будь-то выбор между Москвой и Пекином или другие альтернативы в создавшемся положении.

Для подобных интенсивно-политических связей выше цитированная книга о партизане Рольфа Шроерса находит меткую формулу; там говорится о заинтересованном третьем лице. Это удачное выражение. Ибо это заинтересованное третье лицо здесь не какая-то банальная фигура, как третий смеющийся из поговорки. Оно скорее существенно относится к ситуации партизана и поэтому и к теории партизана. Могущественный третий поставляет не только оружие и боеприпасы, деньги, материальную помощь и всякого рода медикаменты, он создаёт и род политического признания, в котором нуждается нерегулярно борющийся партизан, чтобы не опуститься, как разбойник и как пират, в Неполитическое, это значит здесь: в криминальное. С расчётом на далёкое будущее нерегулярное должно получить легитимность в регулярном; а для этого у нерегулярного есть только две возможности: признание наличествующего регулярного, или осуществление новой регулярности собственными силами. Это жестокая альтернатива.

В той мере, в какой партизан моторизируется, он теряет свою почву и растёт его зависимость от технически-индустриальных средств, в которых он нуждается для своей борьбы. Тем самым растёт также власть заинтересованного третьего, так что она в конце концов достигает планетарного масштаба. Все аспекты, в которых мы до сих пор рассматривали сегодняшнее партизанство, кажется тем самым растворяются во всё покоряющем техническом аспекте.

Технический аспект

И партизан не остаётся в стороне от развития, прогресса, от современной техники и свойственной ей науке. Старый партизан, в руки которому прусский эдикт о ландштурме 1813 года хотел вложить вилы для сена, сегодня кажется смешным. Современный партизан сражается при помощи автоматов, ручных гранат, пластиковых бомб, и, вероятно, скоро с помощью тактического атомного оружия. Он моторизован и связан с информационной сетью, оснащён тайными радиопередатчиками и радарами. Он снабжается самолётами оружием и продовольствием. Но его, как сегодня, в 1962 году, во Вьетнаме, подавляют вертолётами и блокируют. Как он сам, так и его враги не отстают от стремительного развития современной техники и свойственного ей вида науки.
Один английский специалист в области военно-морских сил назвал пиратство «донаучной стадией» войны на море. В этом же духе он должен был бы определить партизана как донаучную стадию ведения войны на суше, и объявить это единственно научной дефиницией. Но и это его определение сразу опять научно устаревает, ибо различие между войной на море и войной на суше само попадает в вихрь технического прогресса и сегодня представляется техникам уже как нечто донаучное, то есть исчерпанное. Мертвецы скачут быстро, а если они моторизованы, они движутся ещё быстрее. Партизан, чьего теллурического характера мы придерживаемся, в любом случае становится скандалом для каждого преследующего рациональные цели и ценностно-рационально мыслящего человека. Партизан провоцирует прямо-таки технократический аффект. Парадоксальность его существования раскрывает несоответствие: индустриально-техническое придание вооружению современной регулярной армии вида совершенства и доиндустриальная аграрная примитивность успешно борющихся партизан. Это уже вызывало припадки бешенства у Наполеона в связи с испанским Guerillero и должно было ещё соответственно усилиться с поступательным развитием индустриальной техники.
Пока партизан был только «лёгким отрядом», тактически особенно мобильным гусаром или стрелком, его теория была делом военно-научной специальности. Только революционная война сделала его ключевой фигурой мировой истории. Но что получится из него в эпоху атомных средств уничтожения? В технически насквозь организованном мире исчезают старые, феодально-аграрные формы и представления о борьбе, о войне и о вражде. Это очевидно. Исчезают ли поэтому вообще и борьба, война и вражда и умаляются ли они до социальных конфликтов? Когда без остатка осуществлена внутренняя, по оптимистическому мнению имманентная рациональность и регулярность технически насквозь организованного мира, тогда партизан, быть может, уже не является нарушителем спокойствия. Тогда он просто исчезает сам собою в бесперебойном выполнении технически-функциональных процессов, не иначе, чем исчезает собака с автострады. Для технически настроенной фантазии он тогда едва ли ещё является полицейски-транспортной проблемой, и впрочем не является ни философской, ни моральной или юридической проблемой.
Это был бы один, а именно технико-оптимистический аспект чисто технического рассмотрения. Он ожидает Нового Мира с Новым Человеком. С подобными ожиданиями, как известно, выступило уже раннее христианство, а два тысячелетия позже, в 19 веке,

социализм выступил как Новое христианство. У обоих явлений отсутствовало всё уничтожающее efficiency современных технических средств. Но из чистой техники проистекает, как всегда у таких чисто технических рефлексий, не теория партизана, а только оптимистический или пессимистический ряд плюровалентных полаганий ценности или отсутствия ценности. Ценность, как метко говорит Эрнст Форстхоф, имеет «свою собственную логику».49 Это именно логика отсутствия ценности и уничтожения носителя этого отсутствия ценности.

Что касается прогнозов широко распространённого техницистского оптимизма, то он не лезет в карман за словом, то есть за ему очевидным полаганием ценности и отсутствия ценности. Он верит в то, что неудержимое, индустриально-техническое развитие человечества само собою переведёт на полностью новый уровень все проблемы, все прежние вопросы и ответы, все прежние типы и ситуации. На этом уровне старые вопросы, типы и ситуации будут практически столь же неважны, как вопросы, типы и ситуации каменного века после перехода к более высокой культуре. Тогда партизаны вымрут, как вымерли охотники каменного века, если им не удастся выжить и ассимилироваться. В любом случае они стали безвредными и неважными.

Но как удастся человеческому типу, который прежде поставлял партизана, приспособиться к технико-индустриальному окружающему миру, воспользоваться новыми средствами и развить новый, приспособленный вид партизан, скажем индустриальных партизан? Есть ли гарантия того, что современные средства уничтожения всегда будут попадать в верные руки и что нерегулярная борьба будет невообразимой? В противоположность тому оптимизму прогресса у пессимизма прогресса и у его технических фантазий остаётся большее, чем сегодня обычно думают, поле возможностей. В тени сегодняшнего атомного равновесия мировых держав, под стеклянным колпаком, так сказать, их громадных средств уничтожения, могло бы выделиться свободное пространство ограниченной и оберегаемой войны, с обычным оружием и даже со средствами уничтожения, о дозировании которых мировые державы могли бы открыто или тайно договориться. Это бы могло дать в итоге войну, контролируемую одной из этих мировых держав и было бы чем-то подобным dogfight.50 Это было бы по-видимости невинной игрой точно контролируемой нерегулярности и «идеального беспорядка», идеального в той мере, в какой им могли бы манипулировать мировые державы.

Наряду с этим существует, однако, и радикально-пессимистическое tabula-rasa-решение технической фантазии. В обработанной современными средствами уничтожения области конечно всё будет убито, друг и враг, регулярный солдат и нерегулярное население. Тем не менее, технически можно помыслить, что некоторые люди переживут ночь бомб и ракет. Перед лицом этой возможности было бы практически и даже рационально целесообразно, вместе запланировать ситуацию после бомбёжек и уже сегодня подготовить людей, которые в бомбами разорённой зоне сразу же займут воронки от бомб и оккупируют разрушенную область. Тогда новый вид партизана мог бы добавить к мировой истории новую главу с новым видом взятия пространства.

Так наша проблема расширяется до планетарных размеров. Она даже вырастает до над-планетарного. Технический прогресс делает возможным полёт в пространства космоса, и тем самым попутно открываются неизмеримые, новые вызовы для политических завоеваний. Ибо новые пространства могут и должны быть взяты людьми. За взятиями суши и моря старого стиля, как их знает прежняя история человечества, последуют взятия пространства нового стиля. Однако за взятием следуют деление и использование. В этом отношении, несмотря на весь прочий прогресс, всё остаётся по-старому. Технический прогресс вызовет лишь новую интенсивность нового взятия, деления и использования и только ещё усилит старые вопросы.

При сегодняшнем противоречии Востока и Запада, и особенно в гигантском состязании за неизмеримо большие новые пространства, прежде всего речь идет о политической

власти на нашей планете, как бы мала она между тем не показалась. Только тот, кто владеет ставшей будто бы такой крошечной Землёй, будет брать и использовать новые пространства. Вследствие этого и эти неизмеримые области являются ничем иным как потенциальными пространствами борьбы, а именно борьбы за господство на этой Земле. Знаменитые астронавты или космонавты, которые до сих пор были назначаемы только пропагандистскими звёздными величинами масс-медиа, прессы, радио и телевидения, тогда будут иметь шанс превратиться в космопиратов и, быть может, даже и в космопартизан.

Легальность и легитимность

В развитии партизанства нам встретилась фигура генерала Салана как показательное, симптоматическое явление последней стадии. В этой фигуре встречаются и пересекаются опыты и воздействия войны регулярных армий, колониальной войны, гражданской войны и партизанской борьбы. Салан до конца продумал все эти опыты, следуя неизбежной логике старого тезиса, что партизана можно побороть только партизанским образом. Это он последовательно делал, не только с мужеством солдата, но и с точностью офицера генерального штаба и пунктуальностью технократа. Результатом было то, что он сам превратился в партизана и, в конце концов, провозгласил гражданскую войну своим собственным верховным главнокомандующим и своим правительством.

Что является внутренним средоточием такой судьбы? Главный защитник Салана, Maitre Tixier-Vignancourt, в своей большой заключительной речи перед судом от 23 мая 1962 года нашёл формулировку, в которой содержится ответ на наш вопрос. Он замечает о деятельности Салана как шефа OAS: я должен констатировать, что старый воинствующий коммунист, если бы он вместо главного военного шефа стоял во главе организации, предпринял бы иные действия, чем генерал Салан (S. 530 отчёта о процессе). Тем самым угадан решающий пункт: профессиональный революционер делал бы это иначе. Он занимал бы иную позицию, чем Салан не только применительно к заинтересованному третьему лицу. Развитие теории партизана от Клаузевица через Ленина к Мао двигалось вперёд путём диалектики регулярного и нерегулярного, кадрового офицера и профессионального революционера. Посредством доктрины психологической войны, которую французские офицеры – участники войны в Индокитае - переняли от Мао, развитие не возвращалось в роде ricorso к началу и к истокам. Здесь нет никакого возврата к началу. Партизан может надеть униформу и превратиться в хорошего регулярного бойца, даже в особенно храброго регулярного бойца, быть может, подобно тому, как о браконьере говорят, что он представляет собой особенно умелого лесного сторожа. Но всё это помыслено абстрактно. Переработка учения Мао теми французскими кадровыми офицерами на деле содержит в себе нечто абстрактное и, как это однажды было сказано в ходе процесса над Саланом, имеет нечто от esprit geometrique.

Партизан способен легко превратиться в хорошего носителя униформы; напротив, для хорошего кадрового офицера униформа - это нечто большее, чем костюм. Регулярное может стать институциональной профессией, нерегулярное не может. Кадровый офицер способен превратиться в великого основателя ордена, как святой Игнатий Лойола. Превращение в до- или субтрадиционное означает нечто иное. В темноте можно исчезнуть, но превратить темноту в район боевых действий, исходя из которого прежняя арена империи разрушается и вынимается из сети большая сцена официальной публичности, - этого не организуешь с технократической интеллигенцией. Ахеронт невозможно просчитать заранее и он следует не каждому заклинанию, пусть оно исходит от такой умной головы и пусть она находится в такой отчаянной ситуации.

В нашу задачу не входит высчитывать, что вычисляли интеллигентные и опытные военные времён путча в Алжире апреля 1961 года и организаторы OAS со ссылкой на некоторые для них весьма естественные конкретные вопросы, особенно относительно действия террористических актов против цивилизованного европейского населения или относительно выше упоминавшегося заинтересованного третьего. Уже этот последний вопрос достаточно многозначителен как вопрос. Мы напомнили о том, что партизан нуждается в легитимации, если он хочет держаться в сфере политического и не хочет упасть в сферу криминального. Вопрос не исчерпывается некоторыми ставшими сегодня обычными дешёвыми и несерьёзными антитезами легальности и легитимности. Ибо легальность оказывается именно в этом случае самой сильной законностью – тем, чем она первоначально собственно была для республиканца, а именно рациональной, прогрессивной, единственно современной, одним словом: высшей формой самой легитимности.
Я не хотел бы повторять то, что я уже больше тридцати лет назад сказал на эту всё ещё актуальную тему. Ссылка на это принадлежит к познанию ситуации республиканского генерала Салана в 1958/61 годах. Французская республика это режим господства закона; это её фундамент, когда её невозможно разрушить противопоставлением права и закона и отличием права как более высокой инстанции. Как юстиция, так и армия стоят выше закона. Имеется республиканская легальность, и именно это является в республике единственной формой легитимности. Всё остальное является для настоящего республиканца враждебным республике софизмом. Представитель общественного обвинения на процессе Салана соответственно этому имел простую и ясную позицию; он всё снова и снова ссылался на «суверенитет закона», который остаётся превосходящим любую другую мыслимую инстанцию или норму. По сравнению с этим суверенитетом закона не существует суверенитета права. Он превращает нерегулярность партизана в смертельную нелегальность. Салан вопреки этому не имел другого аргумента чем указание на то, что и он сам 15 мая 1958 года способствовал генералу de Gaulle в достижении власти [и в борьбе] против тогдашнего легального правительства, что он тогда был обязан перед своей совестью, своим Pairs, своим отечеством и перед Богом и теперь, в 1962 году, видит себя обманутым во всём том, что в мае 1958 года было провозглашено и обещано как святое (отчёт о процессе, S. 85). Он ссылался на нацию в противоположность государству, на более высокий вид легитимности в противоположность легальности. И генерал de Gaulle раньше часто говорил о традиционной и национальной легитимности и противопоставлял их республиканской легальности. Это изменилось с наступлением мая 1958 года. И тот факт, что его собственная легальность стала несомненной только со времени референдума сентября 1958 года, ничего не изменила в том, что он самое позднее с того сентября 1958 года имел на своей стороне республиканскую легальность и Салан видел себя вынужденным, занимать сомнительную для солдата позицию, ссылаться вопреки регулярности на нерегулярность и превращать регулярную армию в партизанскую организацию.
Однако нерегулярность сама по себе ничего не конституирует. Она становится просто нелегальностью. Впрочем сегодня бесспорен кризис закона и тем самым кризис легальности. Классическое понятие закона, одно сохранение которого способно держать республиканскую легальность, ставится под вопрос планом и мероприятием. В Германии ссылка на право в противоположность закону и у самих юристов стала само собой разумеющимся делом, которое едва ли ещё обращает на себя внимание. И не-юристы сегодня говорят всегда просто легитимно (а не легально), если они хотят сказать, что они правы. Однако случай Салана показывает, что в современном государстве даже сама подвергнутая сомнению легальность сильнее чем любой иной вид права. Это объясняется децизионистской силой государства и его превращением права в закон. Здесь нам нет нужды углубляться в этот вопрос.51 Быть может всё это совершенно изменится, когда

государство однажды «отомрёт». Пока что легальность является неотразимым функциональным модусом каждой современной, государственной армии. Легальное правительство решает, кто является врагом, против которого должна бороться армия. Тот, кто берётся определять то, кто враг, притязает на собственную, новую легальность, если он не желает присоединяться к определению врага прежним легальным правлением.

Настоящий враг

Объявление войны всегда есть объявление врага; это само собой разумеется; а при объявлении гражданской войны это тем более подразумевается. Когда Салан объявил гражданскую войну, он в действительности провозглашал двух врагов: в отношении алжирского фронта продолжение регулярной и нерегулярной войны; в отношении французского правительства начало нелегальной и нерегулярной гражданской войны. Ничто иное не проясняет безвыходность ситуации Салана так отчётливо, как рассмотрение этого двойного объявления врага. Каждая война на два фронта вызывает вопрос, кто же на деле является настоящим врагом. Не знак ли это внутреннего раздвоения – иметь больше одного единственного настоящего врага? Враг – это наш собственный вопрос как гештальт. Если собственный гештальт однозначно определён, откуда тогда берётся удвоение врага? Враг – это не нечто такое, что по какой-либо причине должно быть устранено и из-за своей малоценности уничтожено. Враг находится в моей собственной сфере. По этой причине я должен столкнуться с ним в борьбе для того, чтобы обрести собственную меру, собственные границы, собственный образ и облик.
Салан считал алжирского партизана абсолютным врагом. Внезапно в его тылу возник гораздо более скверный для него, более интенсивный враг – собственное правительство, собственный начальник, собственный брат. В своих вчерашних собратьях он внезапно увидел нового врага. Это суть случая Салана. Вчерашний брат раскрылся как более опасный враг. В самом понятии врага должна заключаться путаница, которая тесно связана с учением о войне и прояснением которой мы займёмся теперь, в конце нашего изложения.
Историк найдёт для всех исторических ситуаций примеры и параллели в мировой истории. Мы уже обозначили параллели с процессами 1812/13 годов прусской истории. Мы также показали, как в идеях и планах прусской реформы армии 1808/13 годов партизан обрёл свою философскую легитимацию, а в прусском эдикте о ландштурме апреля 1813 года - свой исторический аккредитив. Так что теперь не должно показаться странным, как было бы на первый взгляд, если мы для лучшей разработки главного вопроса привлечём в качестве примера ситуацию прусского генерала Йорка зимы 1812- 1813 годов. Вначале в глаза конечно бросаются громадные противоположности: Салан, француз левореспубликанского происхождения и современно-технократической чеканки, против генерала императорской прусской армии 1812 года, который определённо не мог прийти к мысли объявить своему императору и высшему военачальнику гражданскую войну. Перед лицом таких различий эпох и типов представляется второстепенным и даже случайным, что и Йорк воевал офицером в колониях Ост-Индии. Впрочем, именно бросающиеся в глаза противоположности тем более отчётливо проясняют то, что главный вопрос тот же самый. Ибо в обоих случаях речь шла о том, чтобы решить, кто был настоящий враг.
Децизионистская точность господствует в функционировании каждой современной организации, в особенности в функционировании каждой современной, регулярной государственной армии. При этом главный вопрос для ситуации сегодняшнего генерала весьма точно предстаёт как абсолютное Или-или. Резкая альтернатива легальности и легитимности – это лишь следствие французской революции и её столкновения с

реставрацией легитимной монархии 1815 года. В такой дореволюционной легитимной монархии, как тогдашняя королевская Пруссия многие феодальные элементы сохраняли связь начальства и подчинения. Верность ещё не стала чем-то «иррациональным» и ещё не растворилась в простом, исчислимом функционализме. Пруссия уже тогда была чётко выраженным государством; её армия не могла отречься от фридерицианского происхождения; прусские реформаторы армии хотели модернизировать, а не возвращаться к каким-либо формам феодализма. Тем не менее обстановка и среда легитимной прусской монархии того времени может показаться сегодняшнему наблюдателю и в конфликтном случае менее острой и резкой, менее децизионистско- государственной. Об этом сейчас не требуется спорить. Дело заключается только в том, что впечатления различных одеяний эпох не стирают главный вопрос, именно вопрос о настоящем враге.

Йорк в 1812 году командовал прусским вспомогательным корпусом, который как союзный Наполеону отряд принадлежал к армии французского генерала Макдональда. В декабре 1812 года Йорк перешёл на сторону врага, на сторону русских, и заключил с русским генералом фон Дибичем известную Таурогенскую конвенцию. Во время переговоров и при заключении конвенции с русской стороны в качестве посредника принимал участие подполковник фон Клаузевиц. Письмо, которое Йорк 3 января 1813 года направил своему королю и верховному главнокомандующему, стало знаменитым историческим документом. Это справедливо. Прусский генерал с большим почтением пишет, что он ожидает от короля суждения о том, может ли он, Йорк, сражаться «против настоящего врага», или же король осуждает поступок своего генерала. Он преданно ожидает ответа, готовый, в случае порицания, «ждать пули на поле битвы».
Слова о «настоящем враге» достойны Клаузевица и схватывают суть. То, что генерал готов «ждать пули на поле битвы», относится к солдату, который отвечает за свой поступок, не иначе чем генерал Салан был готов крикнуть Vive la France! в окопах Vincennes перед расстрелом. Однако то, что Йорк, при всём почтении к королю, оставляет за собой право решать, кто является «настоящим врагом», - придаёт его словам подлинный, трагический и бунтарский смысл. Йорк не был партизаном и, пожалуй, никогда бы им не стал. Но в горизонте смысла и понятия настоящего врага шаг в партизанство не был бы ни абсурдным, ни непоследовательным.
Конечно это только эвристическая фикция, допустимая на краткое мгновение, когда прусские офицеры возвысили партизана до идеи, то есть только на это поворотное время, которое привело к эдикту о ландштурме 13 апреля 1813 года. Уже спустя несколько месяцев мысль, что прусский генерал мог бы стать партизаном, стала бы даже как эвристическая фикция гротескна и абсурдна и оставалась бы такою навсегда, покуда существовала прусская армия. Как было возможно то, что партизан, который в 17 веке опустился до Picaro (плута) и в 18 веке принадлежал лёгкому, подвижному отряду, в канун 1813 года на краткое мгновение предстал героической фигурой, чтобы затем в наше время, более ста лет спустя, стать даже ключевой фигурой в международных событиях?
Ответ на этот вопрос явствует из того, что нерегулярность партизана остаётся зависимой от смысла и содержания конкретно регулярного. После разложения и распада в Германии 17 века, в 18 веке развилась регулярность войн по династическим причинам. Эта регулярность придала войне настолько сильные оберегания, что война могла рассматриваться как игра, в которой нерегулярно участвовал лёгкий, подвижный отряд и враг как просто конвенциональный враг стал партнёром в военной игре. Испанская герилья началась, когда Наполеон осенью 1808 года разгромил регулярную испанскую армию. Здесь имелось различие с Пруссией 1806-1807 годов, которая после поражения своей регулярной армии тотчас же заключила унизительный мир. Испанский партизан снова восстановил серьёзность войны, а именно в противоположность Наполеону, соответственно на стороне обороны старых европейских континентальных государств, чья

старая, ставшая конвенцией и игрой регулярность показала себя не на высоте новой, революционно заряженной, наполеоновской регулярности. Враг тем самым вновь стал настоящим врагом, война – снова настоящей войной. Партизан, защищающий национальную почву от чужого завоевателя, стал героем, который по-настоящему боролся против настоящего врага. Это был в самом деле важный процесс, который привёл Клаузевица к его теории и к учению о войне. Когда потом сто лет спустя теория войны такого профессионального революционера, как Ленин слепо разрушила все унаследованные оберегания войны, война стала абсолютной войной и партизан стал носителем абсолютной вражды против абсолютного врага.

От настоящего врага к врагу абсолютному

В теории войны всё время идёт речь о различении вражды, которая даёт войне её смысл и её характер. Каждая попытка оберегания или ограничения войны должна быть исполнена сознания, что – в отношении к понятию войны – вражда является первичным понятием, и что различению разных видов войны предшествует различение разных видов вражды. Иначе все старания оберегания или ограничения войны – это лишь игра, которая оказывается несостоятельной перед взрывами настоящей вражды. После наполеоновских войн нерегулярная война была вытеснена из всеобщего сознания европейских теологов, философов и юристов. Действительно имелись сторонники мира, которые усматривали в отмене и ликвидации конвенциональной войны Гаагского устава сухопутной войны конец войны вообще; и имелись юристы, которые каждое учение о справедливой войне считали чем-то eo ipso справедливым, поскольку уже святой Фома Аквинский учил о чём-то подобном. Никто не подозревал, что означало раскрепощение, высвобождение нерегулярной войны. Никто не думал, какие следствия будет иметь победа гражданских над солдатом, когда однажды гражданин наденет униформу, в то время как партизан её снимет, чтобы продолжать борьбу без униформы.

Только этот дефицит конкретного мышления завершил разрушительную работу профессиональных революционеров. Это было большим несчастьем, ибо с теми обереганиями войны европейскому человечеству удалось достичь чего-то редкого: отказа от криминализации противника в войне, итак релятивизации вражды, отрицания абсолютной вражды. Это в самом деле нечто редкое, даже невероятно гуманное – привести людей к тому, что они отказываются от дискриминации и диффамации своих врагов.

Именно это, как представляется, снова поставлено под вопрос партизаном. К его критериям принадлежит крайняя интенсивность политической ангажированности. Когда Че Гевара говорит: «Партизан – это иезуит войны», то он имеет в виду безусловность политического применения. Биография каждого знаменитого партизана, начиная с Empecinado, подтверждает это. Во вражде незаконно сделанное ищет своё право. В ней оно находит смысл дела и смысл права, когда рушится скорлупа защиты и повиновения, где оно до сих пор обитало, или разрывает ткань норм легальности, от которой оно до сих пор могло ожидать права и правовой защиты. Тогда прекращается конвенциональная, традиционная игра. Но это прекращение правовой защиты не обязательно является партизанством. Михаэль Колхас (Michael Kohlhaas), которого чувство права сделало разбойником и убийцей, не был партизаном, поскольку он не стал политически ангажированным и боролся исключительно за своё собственное нарушенное частное право, не против чужого завоевателя и не за революционное дело. В таких случаях нерегулярность является неполитической и становится чисто криминальной, так как теряет позитивную связь с где-нибудь имеющейся регулярностью. Этим партизан отличается от – благородного или неблагородного – предводителя разбойников.

При разборе всемирно-политического контекста (выше с.) мы подчёркивали, что заинтересованный третий берёт на себя существенную функцию, когда он вступает в отношение к регулярному, которое необходимо нерегулярности партизана для того, чтобы оставаться в области политического. Ядро, сущность Политического – это не просто вражда, но различение друга и врага, Политическое предполагает обоих, друга и врага. Заинтересованный в партизане могущественный третий может эгоистически думать и действовать; со своим интересом политически он находится на стороне партизана. Это имеет следствием политическую дружбу и является видом политического признания, даже если дело не доходит до гласных и официальных признаний как воюющей партии или как правительства. Empecinado был признан своим народом, регулярной армией и великой английской державой как политическая величина. Он не был Михаэлем Колхасом и не был Шиндерханнесом (прозвище главаря разбойников, умершего в 1808 году), чьим заинтересованным третьим были покрыватели преступников. Напротив, политическая ситуация Салана была окрашена полным отчаяния трагизмом, ибо он внутриполитически, на своей родине, стал нелегальным, а снаружи, в мировой политике, не только не нашёл никакого заинтересованного третьего, но, напротив, натолкнулся на твёрдый вражеский фронт антиколониализма.
Итак, враг партизана – настоящий враг, но не абсолютный враг. Это следует из политического характера партизана. Другая граница вражды явствует из теллурического характера партизана. Он защищает участок земли, с которым он автохтонно связан. Его основная позиция остаётся оборонительной, несмотря на усилившуюся подвижность его тактики. Он ведёт себя точно так же, как святая Иоанна Орлеанская перед церковным судом. Она не была партизанкой и регулярным образом боролась против англичан. Когда церковный судья задал ей вопрос – теологический вопрос-ловушку – не будет ли она утверждать, что Бог ненавидит англичан, она ответила: «О том, любит ли Бог англичан или же ненавидит их, я не знаю; я знаю только, что они должны быть изгнаны из Франции». Такой ответ дал бы каждый нормальный партизан – защитник национальной почвы. С таким оборонительным характером дано и принципиальное ограничение вражды. Настоящий враг не объявляется абсолютным врагом, и не провозглашается последним врагом человечества вообще.52
Ленин перенёс понятийный центр тяжести с войны на политику, то есть на различение друга и врага. Это было рационально и после Клаузевица являлось последовательным продолжением мысли о войне как продолжении политики. Только Ленин как профессиональный революционер, охваченный идеей всемирной гражданской войны, пошёл дальше и сделал из настоящего врага абсолютного врага. Клаузевиц говорил об абсолютной войне, но всё ещё предполагал как условие регулярность наличной государственности. Он вообще ещё не мог представить себе государство как инструмент партии и партию, которая приказывает государству. С абсолютным полаганием партии и партизан стал абсолютным и возвысился до носителя абсолютной вражды. Сегодня нетрудно увидеть идейный искусный приём, вызвавший это изменение понятия врага. Напротив сегодня гораздо сложнее оспорить иной вид абсолютного полагания врага, поскольку этот вид полагания представляется имманентным наличной действительности атомной эпохи.
Ибо технически-индустриальное развитие усилило вооружения людей до чистых средств уничтожения. Тем самым создаётся вызывающая несоразмерность защиты и повиновения: одна половина человечества становится заложником для другой половины повелителей, вооружённых атомными средствами уничтожения. Такие абсолютные средства уничтожения требуют абсолютного врага, если они не должны быть абсолютно нечеловеческими. Ведь уничтожают не средства уничтожения сами по себе, но люди уничтожают этими средствами других людей. Английский философ Томас Гоббс схватил суть процесса уже в 17 веке (de homine 1X, 3) и сформулировал её со всей точностью, хотя тогда (1659) вооружения были ещё сравнительно безобидными. Гоббс говорит: человек

так же гораздо более опасен для других людей, которые, как ему кажется, ему угрожают, чем любое животное, как вооружения человека опаснее, чем так называемые естественные орудия зверя, к примеру: зубы, лапы, рога или яд. А немецкий философ Гегель добавляет: оружие есть сущность самого борца.

Конкретно говоря, это значит: супраконвенциональное оружие предполагает супраконвенционального человека. Оно не только предполагает его как постулат далёкого будущего; оно скорее допускает его как уже наличную действительность. Итак, последняя опасность заключается не в наличии средств уничтожения и не в дорациональном зле человека. Она состоит в неизбежности морального принуждения, насилия. Люди, применяющие те средства против других людей, принуждены и морально уничтожать этих других людей, то есть своих жертв и свои объекты. Они должны объявить противную сторону в целом преступной и нечеловеческой, тотальной малоценностью. Иначе они сами являются преступниками и чудовищами, нелюдьми. Логика ценности и малоценности развёртывает всю свою уничтожающую последовательность и вынуждает всё новые, всё более глубокие дискриминации, криминализации и обесценения вплоть до уничтожения всякой не имеющей ценности жизни.

В мире, в котором партнёры таким образом взаимно врываются в бездну тотального обесценения, перед тем как они физически уничтожат друг друга, должны возникнуть новые виды абсолютной вражды. Вражда станет настолько страшной, что, вероятно, нельзя будет больше говорить о враге или вражде и обе эти вещи даже с соблюдением всех правил прежде будут запрещены и прокляты до того как сможет начаться дело уничтожения. Уничтожение будет тогда совершенно абстрактным и совершенно абсолютным. Оно более вообще не направлено против врага, но служит только так называемому объективному осуществлению высших ценностей, для которых, как известно никакая цена не является слишком высокой. Лишь отрицание настоящей вражды открывает свободный путь для дела уничтожения абсолютной вражды.

В 1914 году народы и правительства Европы без абсолютной вражды нетвёрдо стоя на ногах, с закружившейся головой вступили в Первую мировую войну. Настоящая вражда возникла только из самой войны, которая началась как традиционная война государств европейского международного права и окончилась всемирной гражданской войной революционной классовой вражды. Кто предотвратит то, что аналогичным, но ещё бесконечно усилившимся образом неожиданно возникнут новые виды вражды, чьё осуществление вызовет нежданные формы проявления нового партизанства?

Теоретик не может делать больше того, чтобы хранить понятия и называть вещи своими именами. Теория партизана выливается в понятие политического, в вопрос о настоящем враге и о новом номосе Земли.

Перевод с немецкого Ю.Ю. Коринца

Карл Хаусхофер

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ БЛОК: БЕРЛИН-МОСКВА-ТОКИО

Нет сомнения, что наиболее грандиозным и важным событием в современной мировой политике является перспектива образования могущественного континентального блока, который объединил бы Европу с Севером и Востоком Азии.
Но проекты такого масштаба не рождаются лишь в голове у того или иного государственного деятеля, будь он столь же велик, как обладавшая способностью перевоплощаться знаменитая греческая богиня войны. Осведомленные люди знают, что такие планы готовятся в течение долгого времени. И именно в силу этого обстоятельства я охотно принимаю предложение нашей географической школы, избравшей именно меня из представителей старшего поколения в науке для того, чтобы привести свидетельства формирования континентальной евроазиатской политики — ведь уже много лет, начиная с первых рискованных попыток установления дружеских, а впоследствии и союзных отношений, я предпринимаю систематические исследования этого вопроса, позволявшие мне постоянно следить (подчас непосредственно присутствуя при образовании этих политических объединений) за кузницей судьбы, а иногда и вносить в нее свой скромный вклад.
Прежде всего необходимо усвоить один из принципов геополитики, который был впервые сформулирован еще в далекие времена зарождения римского государства и с тех пор не утративший своей актуальности: «Fas est ab hoste doceri» («Учиться у противника — священный долг»).
Вскоре после рождения важных политических образований у потенциального противника появляется инстинкт близкой угрозы, то самое симптоматическое чувство, которое замечательный японский социолог Г.Е.Вишара приписывает всему своему народу и которое позволяет японцам издалека видеть приближение какой-либо опасности. Такая национальная характеристика, вне сомнения, весьма драгоценна. Как бы то ни было. первыми едва появившуюся на горизонте возможность создания евроазиатского континентального блока, чреватого угрозой мировому англосаксонскому господству, увидели как раз английские и американские руководители, в то время, как мы во Втором Райхе не составили себе никакого представления о том, что можно извлечь из соединения Центральной Европы и могущественного потенциала Восточной Азии через необъятную Евразию. Лорд Пальмерстон, один из наиболее жестких и удачливых империалистических политиков, первым сказал премьер-министру, отстранившему его от должности во время правительственного кризиса: «Наши отношения с Францией теперь могут стать несколько натянутыми, но мы должны их сохранить любой ценой, ибо на заднем плане нам угрожает Россия, которая может соединить Европу и Восточную Азию, и одни мы не сможем этому противостоять». Эта фраза была произнесена в 1851 году — в эпоху, когда во всем своем блеске находилась победоносная Англия, когда пережившие ряд тяжелых внутренних кризисов Соединенные Штаты впервые применили жесткую формулу, которую нам следует навсегда начертать на наших скрижалях — формулу «политики анаконды». Гигантская змея, которая душит свою жертву, сжимая вокруг нее свои кольца до тех пор, пока не будут раздроблены все кости и не прекратится дыхание — образ не из приятных. Попытавшись представить себе эту угрозу, нависающую над политическими пространствами Старого Света, можно понять, какими бы стали величина и могущество этих пространств в случае неудачи «политики анаконды». Кроме того, еще в период процветания победоносной мировой империи раздалось предостережение и другого империалиста — Гомера Ли, написавшего знаменитую книгу о закате англосаксов. В этой книге, принадлежащей эпохе очевидного апогея мировой Британской империи, можно

прочитать, что роковой день, закат богов может настать для мировой англоязычной империи в тот день, когда Германия, Россия и Япония станут союзниками Друг друга.

Все время, пока процветает мировая британская империя, существует это мрачное опасение относительно единственного альянса, заставляющего предчувствовать, что рано или поздно силы окружения — этого столь блистательно и умело разработанного искусства, мастером применения которого в Средние века была Венеция — могут потерпеть крах. В наше время самые проницательные предостережения сделал сэр Х.Макиндер, написавший в 1904 году эссе о географической оси истории. Ось — это великая империя степей, центр Старого Света, кем бы она ни управлялась — персами, монголами, тюрками, белыми или красными царями. В 1919 году Макиндер делает новое предостережение и предлагает раз и навсегда разделить немцев и русских, переселив жителей Восточной Пруссии на левый берег Вислы. Далее, в последние дни перед началом блицкрига против Польши «Нью Стэйтсман» обвинил узкий круг геополитиков, в том числе и нас, в поиске наиболее эффективных способов борьбы с британской империей и британским империализмом их собственными средствами. Мы были бы счастливы, если бы смогли действительно использовать эти средства в целях нашей обороны, в особенности в те моменты, когда оказываемся лицом к лицу с агрессивными действиями.

Наконец, можно вспомнить и мою беседу со старшим Чемберленом[97], который предвидел опасность того, что Англия в конце концов может бросить в объятия друг друга Германию, Россию и Японию в их безнадежной борьбе за обеспечение необходимых жизненных условий: вот почему он предлагал сотрудничество между Англией, Германией и Японией. Страх перед германо-русским сотрудничеством даже в 1919 году, когда мы были разоружены и производили совершенно безобидное впечатление, был настолько силен, что родилось предложение ценой грандиозного переселения жителей Восточной Пруссии на Запад ограничить пределы Германии западным берегом Вислы, — в сущности, лишь для того, чтобы Германия и Россия больше не имели общих границ. Рапалльский договор явился грандиозным разочарованием для Макиндера и его школы. Таким образом, страх перед возможными потенциальными последствиями континентальной политики Старого Света для мировой Британской Империи проходит через всю ее историю. Ощутимый с самого начала, этот страх становился все более и более ясным впоследствии, по мере того, как правители британской империи утрачивали свою былую способность к видению ситуации в целом и некогда присущее им искусство смотреть фактам в лицо. А как известно, «страх и ненависть — плохие советчики».

Можно заметить подобное предчувствие и в Соединенных Штатах. Так, Брук Адамс, один из наиболее замечательных и прозорливых специалистов в области экономической политики, еще задолго до приобретения Киао-Чао указывал на то, до какой степени будет поставлена под угрозу возрастающая англицизация мира, если через проведение обширной железнодорожной трансконтинентальной линии с конечными пунктами в Порт- Артуре и Циндао будет достигнуто грандиозное германо-русско-восточно-азиатское объединение — единственное объединение, против которого окажутся бессильными какие бы то ни было попытки английской, американской или даже объединенной блокады. Итак, не кто иной. как наш противник придает нам уверенность в том, что прочный континентальный блок одержит верх над «политикой анаконды» в экономическом, военном, морском и стратегическом плане — ту уверенность, которую мы с радостью отметили при второй попытке удушения Старого Света.

Посмотрим на перспективу образования континентального блока глазами «победителей». которым уже при приобретении Киао-Чао приписывали столь обширные планы. К нашему стыду, следует признать, что уже на рубеже века в России и Японии было гораздо больше мыслящих голов, предвидевших и исследовавших возможность создания

[97] В 1899 Хаусхофер провел личную беседу с Джозефом Чемберленом — английским министром колоний и выразителем крайне правых, империалистских тенденций в английском обществе. Речь шло о возможностях образования межконтинентального геополитического союза Британская Империя-США-Япония-Германия.

континентального блока, нежели в Центральной Европе. Так, можно вспомнить, что во время подготовки англо-японского союза 1902 года, из которого Англия извлекла гораздо большую выгоду, чем Япония, у дальневосточной островной империи было ощущение, что ее вовлекают в кабальный договор. Это соглашение беспокоило Японию, так как ей надо было бы обеспечить равное участие в соглашении Германии, которая явилась бы вторым противовесом могуществу британского флота. Переговоры тянулись два года, на протяжении которых предпринимались неоднократные попытки полноправного включения Германии в игру. Японцам казалось, что в одиночку Япония не сможет остаться на одном уровне с британским морским могуществом того времени, а подписанный договор окажется кабальным.

«Если бы германский и японский флоты сотрудничали с русской сухопутной армией, океанское соглашение перестало бы быть кабальной по отношению к Англии сделкой, превратившись в равный договор,» — такой была позиция прозорливых японцев, с которыми я беседовал на эту тему, и на этой позиции они явно стояли и гораздо раньше. Грандиозный шанс для изучения дипломатической истории этого вопроса предоставили японский посол в Лондоне, Аяши, опубликовавший свои мемуары, и Джон Гамильтон, издавший свои воспоминания о русско-японской войне. И если первые тома еще были выпущены без вмешательства «организованного давления», то вторые тома обоих авторов не могли не подвергнуться цензуре, а оба дипломата — угрозе опалы. Можно сказать, что первые тома Аяши и Гамильтона предстали в глазах мирового общественного мнения ретивыми рысаками, в то время как второй том оказался похожим на послушного мерина. Во всяком случае, первые тома покончили со всеми тайнами политики, и поэтому осведомленный человек мог прочитать их между строк. Так, например, когда японский маркиз Ито, пытаясь поставить на ноги японо-русско-германский союз, отправился через Санкт-Петербург в Германию, с целью нейтрализации его континентальных планов была предпринята нечистоплотная акция по изменению шифра поступавших из Японии депеш. Японские визитеры собирались противопоставить ответные хитрости англо-японскому союзу во Фридрихсруэ, сельском поместье Бисмарка — государственного мужа, которому особенно поклонялся маркиз Ито. Уже в 1901 -1902 годах у них было ясное представление о возможности создания континентального союза, и эта возможность углубленно изучалась в Японии. Довольно откровенно говорили о ней и в 1909 и 1910 годах. В то время мы располагали прекрасным посредником для установления контакта с самыми высокими японскими сферами — с маркизом Ито. с его самым умным последователем графом Гото, с Кацурой, который был тогда председателем совета министров, с наиболее влиятельными личностями в кругу пожилых государственных деятелей. Дело в том, что огромную роль здесь играл личный врач японской императорской семьи, блистательный знаток Дальнего Востока вюртембержец Эльвин фон Баэльц. Но когда этот человек, располагавший уникальным доверием самых высоких японских сфер, захотел сделать доклад о психических и физических характеристиках японцев на конгрессе германских медиков, председатель конгресса заявил ему, что такая тема не представляет интереса. Нет сомнения, что Англия вела бы себя совершенно иначе с этим человеком, принадлежавшим к интимному кругу советников микадо. Но для нас такие заявления всегда отчетливо показывали, что германский императорский дом, к несчастью, испытывает непреодолимое отвращение к сотрудничеству с Дальним Востоком. Лозунгом все еще была формула Вильгельма II: «Европейцы, ставьте свое благо превыше всего!». Но молодая раса угрожала свободе и равенству прав европейцев в гораздо меньшей степени, чем казавшиеся нам более близкими представители белой расы.

Важным звеном в этой грандиозной политике была Россия. Там основным защитником мысли о необходимости образования континентального блока был немец по происхождению Витте, создатель транссибирской железной магистрали и один из наиболее важных русских финансистов. Во время войны он разрабатывал заключение сепаратного мира с Германией и в 1915 году умер при странных обстоятельствах. В

России всегда существовало течение, осознававшее выгоды и возможности, которые заключало в себе германо-русско-японское сотрудничество; и когда после войны один из наших наиболее выдающихся государственных деятелей — обладавший железным характером Брокдорф-Рантцау — захотел с моей помощью восстановить нить контактов, два русских государственных деятеля контролировали этот процесс и стремились благоприятствовать его ходу. По правде говоря, следовало соглашаться на асе, что угодно, для достижения цели объединить ради высшего политического интереса японцев и русских, чтобы они смогли обоснованно урегулировать границы, защитив тем самым свои тылы и получив возможность для развертывания политической активности в других направлениях. Каждый участник этой игры должен был выдерживать ночи напролет в прогулках, после которых газоны были полностью покрыты окурками и пролитым чаем, и в атмосфере предельно странных дискуссий, проводимых с древней утонченностью, придававшей пикантность каждой из этих бесед. Когда после двух или трех часов казалось, что вопрос в целом можно прояснить, диалектика заставляла вновь начинать с самого начала, и вновь три часа дискуссии и утомленные и раздраженные соперники.

У нас во Втором Райхе было слишком лояльное отношение к британской колониальной политике, чтобы воспользоваться жесткими и трезвыми геополитическими возможностями континентального союза, способного долго приносить хорошие плоды. Второй Райх отказался от этой перспективы, хотя использование этих возможностей предполагало вероятность двойного давления на противника. И именно в этом отказе таилась большая опасность.

Сегодня мы знаем: можно построить довольно дерзкие стальные конструкции, но лишь в том случае, если имеется твердый и прочный фундамент, если из по-настоящему крепкой и упругой стали сделаны основные несущие опоры, если структура сооружения настолько прочна, что намертво спаяны и камень и стальное сочленение. Но особую прочность и устойчивость к мировым бурям такая стальная конструкция получает тогда, когда в само ее основание введены, как в наших новых мостах, прочные каменные укрепления пространственного блока, простирающегося от Балтийского и Черного морей до Тихого Океана.

Подчеркнем, что на возможность участия Германии в такой континентальной политике мы смотрим совершенно хладнокровно. Эта возможность не была реализована князем Ито и Бисмарком. Аналогичные попытки предпринимал, обращаясь к Тирпицу, адмирал Като. начальник штаба флота в Цусиме, в том же самом направлении были направлены и мои скромные усилия. Для всех нас. работавших над этим великим соглашением ради спасения всего Старого Света, предварительным условием было германо-японское объединение.

Японский государственный деятель Гото говорил мне: «Вспомните русскую тройную упряжку — «тройку». Там применяется особый способ запрягать: в центре идет самая норовистая и самая сильная лошадь; а справа и слева, поддерживая среднюю, бегут две более покладистых. Обладая такой упряжкой, можно сильно выиграть в скорости и мощи». Взглянув на карту Старого Света, мы констатируем, что такой тройной упряжке подобны три пограничных моря: во-первых, ставшее в последнее время довольно политически близким нам Балтийское море с прибалтийским пространством: во-вторых, намного менее освоенное своими прибрежными жителями, чем Балтика — нами.

Японское море: и в-третьих, находящаяся под итальянским господством и недавно замкнутая с юга Адриатика с примыкающим к ней Восточным Средиземноморьем[98]. Все эти пограничные моря расположены в районах наиболее важных выходов России к свободному океану, если не учитывать свободный Северный ледовитый океан, использование которого зависит от капризов его обогрева атлантическими водами Гольф- Стрима.

[98] Хаусхофер имеет в виду произошедшую в апреле 1939 года аннексию Италией Албании.

Японцы, подчиняясь своему прочному инстинкту и следуя тактике контроля моря, в основном замкнули зону, окружающую русский выход к свободному океану в районе Владивостока, поступив намного более логично, чем германцы поступили с колыбелью своей расы в балтийском пространстве.
Еще в 1935 году мы нанесли себе в Швеции бесконечный урон, убедив социал-демократическое правительство Стокгольма, а затем и Осло, отказаться от уверенности в защите со стороны Лиги Наций и предпринять самостоятельные меры по защите своего обширного пространства: мы заявили, что такие меры нашли бы у нас самое полное понимание. Но, как известно, обещанного три года ждут. Предложенные пакты о ненападении так и не были приняты, и пространство Балтийского моря стало, таким образом, выглядеть для нас гораздо менее отрадно, нежели пространство Японского моря
— для японцев. В этом следует винить прежде всего отсутствие четкого инстинкта жестких геополитических реалий, характеризующее по преимуществу социал- демократическую идеологию северных правительств.
Правда, в Швеции только меньшинстве понимало те опасности и те возможности которые сулило будущее. Поняв, что в компетентных правительственных кругах Швеции Норвегии она не найдет необходимого пони мания, Германия решила однозначно следовать основным линиям континентальной поли тики, не учитывая интересы тех, чье дружелюбие выражалось лишь в громких фразах. Мы ?? могли из-за нескольких геополитических аутсайдеров ставить под удар ту тройку, которая только и могла вырвать Старый Свет из объятий анаконды.
Впрочем не новость и попытки русско-японского объединения, являющегося еще одним необходимым условием для проведения полноценной континентальной политики. Откровенно говоря, эти попытки начались уже в 1901-1902 годах. Затем они вновь предпринимались после русско-японской войны, в 1909 и 1910 году, когда я был в Японии— в то время глашатаем такой политики стал Ито. Тогда Соединенные Штаты сделали оригинальное предложение устранить основные трудности между Китаем, Японией и Россией, выкупив все железные дороги в Манчжурии и передав их в руки американских капиталистов; так они против своей воли заставили сблизиться русских и японцев.
Затем, свои усилия к образованию континентального блока начала прилагать и Италия. Там этим занимался Рикарди, вдохновивший Муссолини на создание института Среднего и Дальнего Востока. Благодаря этому институту появилось желание осторожно впрячь в политико-культурную упряжь драгоценные культурные элементы японского и китайского происхождения. На это не жертвовались большие суммы, но зато были предоставлены помещения одного из величественных дворцов, наполненных блистательной культурой Ренессанса. Рим обладает яркой силой, которой можно было доверять. Институтом Среднего и Дальнего Востока управляют сенатор Джентиле, эрцгерцог Туччи, герцог Аварнский, сын бывшего посла при императорском дворе в Вене. Они прекрасно справились со своими обязанностями, так как, судя по всему, не оставались погруженными всецело в мир филологии, проводя с большой гибкостью и чуткостью (довольно отчетливо ощущая действие психологии народов) активную культурную политику, жизненно важную и близкую народу.
Что касается последних инициатив, то огромную роль в подготовке континентального союза следует отвести и хорошо известным графу Мушакои и барону Ошима. Как нам известно, что на протяжении всей войны в Китае Япония сражалась лишь левой рукой, поскольку правая рука с резервной военной силой была всегда наготове в Манчжурии. Там были сосредоточены такие силы, о которых мы даже не предполагали. Теперь вопрос о границе отчасти урегулирован, причем в крайне искусной форме. К примеру, был заключен договор в отношении Монголии, где в течение пяти месяцев русские и японцы вели серьезные бои, повлекшие за собой многочисленные смерти и ранения. Тогда одновременно от обоих враждующих сторон, из Москвы и из Токио, поступили

предложения положить конец этой борьбе. Вскоре это и было сделано, причем заключению мира сопутствовала величественная картина проведения в чисто японской манере на бывшей спорной территории общей похоронной церемонии для душ погибших воинов. Несмотря на религиозный характер этой церемонии, а также на то, что само участие в ней было довольно непростым по идеологическим соображениям делом, на церемонии присутствовал генерал Потапов. Такие церемонии, как эта, имеют важное психологическое значение. Во главе марширующих с развернутыми знаменами войск старый генерал приближается к алтарю мертвых. Каждый японец твердо верит в то, что души воинов действительно находятся перед этим алтарем, чтобы получить послание императора. Само безукоризненное поведение советского генерала и его офицеров на этой довольно длительной церемонии делает честь их замечательной способности к культурной адаптации. Поскольку поворачиваться спиной к духам нельзя, все участники церемонии медленно издали подходят к алтарю и отходят назад. Повернуться спиной к духам предков, которые рассматриваются как живые, будет кощунством. Эта пронизанная абсолютной религиозностью церемония является весьма интересной и весьма убедительной с точки зрения этнопсихологии; она оказывала глубокое впечатление даже на умудренных полученным по всему миру опытом людей, которым позволялось на ней присутствовать. После церемонии они могли сказать себе: здесь весь народ твердо верит в переселение душ. Он верит, что во время краткого земного существования можно путем похвальных действий на благо Родины завоевать себе возвышенное место в потустороннем существовании, в противном случае же за гробом ждет бесчестье. Ощущение, что весь народ, за исключением нескольких скептиков-вольнодумцев, горячо воодушевлен этой идеей, придает этому народу силу, сплоченность и готовность к исключительной жертвенности.

Наконец-то геополитика благодаря тем необычайно выгодным, с политико-пространственной точки зрения, возможностям, которые удалось благодаря ей реализовать (и еще предстоит реализовать), преодолела идеологические препоны в деле континентального объединения для осуществления мировой политики — и большой вклад в это внесла сама двойная игра британской политики, подтолкнувшая этот процесс. Очевидно все бессилие лорда Галифакса, пытающегося проводить политику европейского сотрудничества; гораздо более сильное течение, руководимое противниками Чемберлена.
готовилось к войне и колебалось лишь для видимости, пока не закончился процесс перевооружения[99].

Возможность объективного и непредвзятого изучения геополитической силы евразийского пакта представилась 7 декабря, когда в Чите началась конференция по поводу заключения торгового договора между Японией и Россией. Итак, на востоке от нас простирается Союз Советских Социалистических Республик с политико- пространственной массой в 21 352 571 кв.км. (без учета последних аннексий), с 13 000 км. береговых линий и 182 миллионами жителей. Далее располагается Япония, площадь которой составляет около 2 миллионов кв. км. (без учета территорий, расположенных вне ее непосредственных границ, а также территорий ее мощных союзников) с весьма продолжительной береговой линией и со 140 млн. человек населения.

Разумеется, из этого числа лишь 73 млн. жителей империи являются в прямом смысле ее политической и военной опорой, но рабочая сила числом 140 млн. человек вполне

[99] Здесь речь идет о двух течениях среди представителей английской внешней политики а годы, предшествовавшие началу Второй мировой войны. Одно из них, (т.н.»клайвденское»), возглавляемое ставшим в мое 1937 г. премьер-министром консерватором Невилем Чемберленом и его заместителем Галифаксом, стремилось «умиротворить» Германию, рассматриваемую как бастион против большевизма, и предлагало заключение соглашения Англия-Германия-Франция-Италия, что, в частности, отразилось но подписании 30 сентября 1938 г. «мюнхенского пакта» о разделе Чехословакии. Другое направление, возглавляемое оппозиционными деятелями Консервативной партии Уинстоном Черчиллем и Антони Иденом (они вошли в правительство уже после начало войны) и одержавшее верх, настаивало на необходимости борьбы с Германией.

доступна. Перед лицом такого положения дел на Востоке, мы хотя и трудимся, интенсифицируя наши культурные и экономические связи на западном фланге блока, но все-таки, с политико-пространственной точки зрения, не действуем в том объеме, как другие партнеры. В нашем распоряжении находится миллион кв. км. (а также право еще на три миллиона кв.км. в колониях) и от 87 до 100 млн. человек. Промежуточное положение в силу наличия как океанических, так и континентальных условий существования занимает Италия, обладающая 250 тыс. километрами побережий (что влечет за собой их уязвимость и необходимость прилагать основные усилия к развитию флота и авиации) и от 57 до 60 млн. человеческого резерва. Если мы сравним эти цифры с теми, на которых основывались центральные державы во время мировой войны, то, исходя из геополитических данных, увидим заметную разницу между положением дел тогда и теперь. И если нам удастся консолидироваться и поддерживать эту отважную и грандиозную евроазиатскую континентальную политику вплоть до достижения ее последних великих последствий, проявятся ее огромные возможности, при которых, к примеру, автономия и независимость Индии будут являться просто одним из сопутствующих такой политике феноменов. Дело в том, что иногда я встречал у молодых и не очень молодых людей мнение, что Индия старается добиться лишь статуса доминиона, оставшись под защитой британских войск. Все усилия тех политических деятелей и простых индийцев, с которыми я лично встречался, доказывают обратное: их окончательной и самой твердой целью является независимость. Они всегда сохраняли веру в то, что мы всерьез воспринимаем все возрастающую помощь, которую оказываем им в их борьбе за независимость.

С первых минут после обнародования советско-германского пакта о ненападении мы наблюдаем чрезвычайный переворот в индийском общественном мнении. До этого англоиндийские газеты были наполнены фразеологией на тему укрепления демократии во всем мире; и именно ради этого должна была существовать Индия. Но стоило только возникнуть грандиозному призраку европейской континентальной политики, как это мнение, подобно резкому изменению погоды, полностью переменилось. Теперь индийцы полагают, что Советский Союз, безусловно, мог бы причинить англичанам значительные неприятности в Индии — для этого ему будет достаточно вмешаться и переправить свои армии через перевалы.

Грандиозное и столь ослепительное во всей полноте эффектов зрелище евроазиатской континентальной политики подготавливалось по отдельности многими людьми. Оно было не случайным броском в неизвестность, но сознательным исполнением великой необходимости.

(перевод А.Карагодин)

*первая часть статьи, написанной в 1940 г.

Фрагменты второй части той же статьи (в целом посвященной более узким практическим вопросам):

“Германию обвиняют в том, что мы проводим в жизнь план по натравливанию цветных народов но их "законных" господ в Индии и Индокитае, поощряя их стремление к самоопределению. Мы же но сомом деле, основываясь на роботе англичанина Макиндера, пропагандируем во всем мире идею того, что только прочная связь государств по оси Германия-Россия-Япония позволит нам всем подняться и стать неуязвимыми перед методами анаконды англосаксонского мира. Когда через 4 месяца после начала войны знаменитый английский журналист выдвинул мне такую претензию, я ответил ему, что, если вас атакуют в согласии с тактикой анаконды, примененной в глобальном масштабе, причем атакуют державы, которые со времен американской войны за независимость постоянно твердят об этой практике анаконды, то вы имеете полное право всячески

противиться этой политике противника, стремящегося отхватить все новые и новые куски влияния. Только идея Евразии, воплощаясь политически в пространстве, даст нам возможность для долговременного расширения нашего жизненного пространства.”
“Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных ее народа —немцы и русские — всячески стремятся избежать междоусобного конфликта, подобного Крымской войне или 1914 году: это аксиома европейской политики.”

“Последний час англосаксонской политики пробьет тогда, когда немцы, русские и японцы соединятся. Так говорил Гомер Ли.”

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА МЕРИДИАНОВ И ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Существует геополитический термин: Большие Пространства (Grossraum). Он возник еще в античном мире, предопределенный спецификой средиземноморья, южных пустынь и горных хребтов. Термин как бы повторял тенденции развития, ориентированные на географические сектора как вдоль параллелей, так и на ось Восток-Запад. Это касалось умеренных, тропических и субтропических поясов. Исключения составляли государства, расположенные вдоль русла больших рек, текущих по линии Север — Юг. Речные геополитические образования в силу особенного расположения своих жизненных артерий, испытывали на себе давление т.н. “вращательного момента”, порождаемого экспансией вдоль параллелей. Это и составляло собственно геополитическую историю “речных государств”, пока она не была окончательно подавлена динамикой широтной экспансии империй передней Азии и, восточнее, ахаменидским Ираном.

Начиная с некоторого момента истории, последовали сменяющие друг друга волны “широтной экспансии” — финикийцы, эллины, римляне, арабы, степные народы, франки, иберийцы и т.д. Это породило глобальную тенденцию геополитического развития, идущую от романского Средиземноморья до Средиземноморья карибского. Эта тенденция исчерпалась после достижения португальцами и испанцами границ первого Большого Пространства, стремившегося к меридианальному развитию. Этим пространством было Китайское Царство, часто менявшее свою внешнюю форму, но остававшееся при этом удивительно постоянным в культурно-рассовом смысле. Итак, восточно-азиатскую — китайскую и японскую — геополитическую структуру, развивающуюся по линии Север — Юг, прорезала испанская колониальная Империя, первое геополитическое “широтное Царство”. Однако, испанцы сохраняли свою монополию недолго — около 70 лет. По их следам пошли конкуренты, унаследовавшие “широтную стратегию”, стремившиеся ограбить своих предшественников и унаследовать их завоевания. Британцы были сильнейшими среди них. Им удалось построить свою Первую и Вторую империи, которые в целом следовали “широтной” ориентации. Англия была предопределена к этому и своим присутствием в Средиземноморье, и необходимостью охранять индийские владения.

На северной половине континента к Востоку постоянно расширялась Империя сначала белых, а потом красных царей. Между северной широтной Империей и югом лежали буферные зоны. И только в 40-х годах XX столетия два геополитических макрообразования, ориентированные по линии меридиана — восточно-азиатский блок и панамериканский блок, — почти одновременно вторглись в геополитическое поле широтной динамики, образовав “рамку” вокруг традиционной раскладки планетарных сил.

Это последнее геополитическое событие обладает воистину гигантским значением, так как оно предопределяет полное изменение “силового поля” земной поверхности. Именно оно придает реальность Евро-Африканскому проекту, попыткам Советского Союза перейти от своей “широтной стратегии” к “стратегии теплых морей” и планам Индии по динамизации своей политики в отношении тихоокеанских островов. Заново образующееся геополитическое поле разительно отличается от картины, обрисованной в 1904 г. Хэлфордом Макиндером, который определил в качестве “географической оси истории” центр Старого Света, хотя в 1904 году концепции Макиндера были вполне адекватными реальному положению дел.

Следует уточнить, что Большое Пространство Восточной Азии тяготеет к самоограничению своими континентальными границами. Иначе обстоит дело с США, которые, завершив свои планы геополитического панамериканизма, считают свой контроль надо всем американским континентом лишь первым шагом к достижению мирового господства и уже активизируют усилия в тропической Африке, Иране, Индии и

Австралии. США снова ориентируют свою геополитическую экспансию по линии Запад-Восток, стремясь сделать "широтную динамику" основой своего грядущего мирового могущества. Это даст им возможность уже в ближайшем будущем угрожать своим потенциальным противникам возможностью Третьей мировой войны. Таким образом, именно геополитическая экспансия по меридиану, по своему завершению создает основу для самой серьезной угрозы для мира, так как она несет в себе возможность порабощения Совединенными Штатами всей планеты.
Для отстаивания своей геополитической независимости Восточная Азия уже сегодня вынуждена укреплять собственную культурную и политическую форму и создавать на периферии своего влияния буферные зоны безопасности. Через одно поколение и Европе потребуются такие же буферные зоны, подобно тем, что императоры Ито, Гото и др. стремились создать против экспансии русских царей.Особенно явно тенденции широтного и долготного развития в Африке проявляются в исламских геополитических образованиях и в процессе освобождения азиатских стран от английского владычества. Южная тенденция геополитической экспансии Восточной Азии по естественному пути морских и воздушных сообщений приходится как раз на ненаселенные районы Австралии, расположенные между думя секторами сосредоточения англоязычного населения. В этом случае для колоний "внешнего полумесяца" Макиндера существует вполне реальная возможность "быть смытыми в море". Европа, таким образом, мгновенно теряет свою прочную связь с Африкой, и ключевой пункт потенциального противостояния "властителям широт" перемещается на юго-восток.
Советам, этой стране, которая всегда была "географической осью истории", и странам Оси, контролирующим "Внутренний Полумесяц", останется только наблюдать за происходящим на юго-востоке. Каким бы важным для культурного бытия Европы не было обильно смешанное с солдатской кровью военно-стратегическое пространство Черного и Каспийского морей, для будущего нового передела геополитического пространства оно будет второстепенным. Ибо начинается процесс создания новых "меридианальных" Больших Пространств, которые и приобретут решающее стратегическое значение.

* * *

Геополитическое будущее планеты зависит от того, сумеет ли англо-американская тенденция экспансии вдоль параллелей прорвать сопротивление восточно-азиатской тенденции экспансии вдоль меридианов. Чем бы это противостояние не закончилось, США считают, что в любом случае они будут надежно защищены остатками бывшей английской колониальной империи, даже если от нее останутся только тропические африканские колонии. И уж во всяком случае США могут рассчитывать на контролируемую ими тропическую Америку. Но посчитают ли они островную Индию, являющуюся третьей по запасам полезных ископаемых территорией, а также Иран и Индию, достойными того, чтобы проливать за них кровь и тратить деньги на военную экспедицию? Сочтут ли они необходимым тратить силы для того, чтобы оторвать от азиатского Большого Пространства этот кусок? В настоящий момент это самый важный и болезненный вопрос для расточителей денег и чужой крови: ведь дело идет об очень большой добыче.

* * *

Между Нанциньским и Чжунциньским Китаем сегодня, как и прежде, возможны самые невероятные, самые безумные компромиссы. Дальнейшее динамическое развитие вдоль меридиана Восточной Азии становится все более и более возможным, скрытые энергии зреют с каждым днем. Эти энергии пришли в действие и стали очевидными в правой части Восточной Азии — в Японии, и особенно, в Китае. В левой, западной части этого

Большого Пространства они пока проявились недостаточно. Можно предположить в этом регионе новую войну длительностью от 10 до 50 лет. В Китае гражданская война идет уже 32 года. У Японии за плечами 12 лет сухопутных боев, и то, насколько воинственно она настроена по отношению к тихоокеанскому региону, Япония доказала в полной мере.
Противостояние геополитической экспансии по меридиану и экспансии по параллели требует от обеих сторон запастись терпением, так как эта проблема будет решаться в течение достаточно большого отрезка времени и на огромных территориях. Примером этому могут служить геополитические процессы, протекающие в последние десятилетия по обе стороны Тихого океана.

(“Газета Геополитики”, № 8, 1943, Германия)

Генерал Генрих Йордис фон Лохаузен

ВЕНА И БЕЛГРАД КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АНТИПОДЫ

Юго-восточная Европа трёх видов

Если посмотреть на географическую карту Европы, то юго-восточная Европа вырисовывается как очевидное единство. На севере и на северо-востоке прикрытая Карпатами, на северо-западе — Альпами, на юге она окружена шестью чередующимися морями. Единственная протекающая диагонально большая река — это Дунай.

Вена и Константинополь точно так же расположенные по диагонали друг к другу, обозначают входные ворота. В центре расположен Белград, естественный центр тяжести (ключевой пункт) всего пространства юго-восточной Европы. Это пространство распадается на три чётко различающихся области, по одной западнее и восточнее Железных Ворот и одну средиземноморскую область:

Одну область образует паннонская впадина. В её середине расположена пересекаемая Дунаем венгерская низменность. Эта впадина — местность, удалённая от моря, сопровождённая на юго-западе, по ту сторону гор, далматинским побережьем.

Карпаты отделяют эту впадину от второй области, от береговых ландшафтов нижнего Дуная, от Валахии, Молдавии (область в Румынии), северной Болгарии и от дельты Дуная. Подобно восточно-эльбскому ответвлению сарматской низменности, эти четыре местности не имеют общего названия.

Балканские горы южнее этих четырёх областей опять же отделяют их от третьей области, от омываемого морем юга. Несмотря на природно данное единство и эти южные четыре классические местности — Фракия, Македония, Эллада и Иллирия — не имеют общего названия. Точно так же такое общее название отсутствует у иллирийских гор, тянущихся на юге от Карпат до Альп. Гряды гор отделяют окружённый берегом юг от паннонской местности, удалённой от моря.

Ключевая во многих отношениях позиция Белграда

Внутри этих трёх областей и разделяющих их гор Белград расположен не только в их геометрическом центре. Он расположен также близко к их стыку, затем близко к прорыву Дуная, но одновременно и в паннонском ключевом пункте на месте слияния пяти рек Дуная, Савы, Дравы, Тисы и Муреша.

Ключевой пункт — не всегда является вместе с тем центральным пунктом; смотри Париж — геометрически точный центральный пункт расположен далеко от столицы Bourges — смотри также Москву, смотри Лиссабон или Лондон. Все они расположены в естественных ключевых пунктах их сфер влияния, но не в центральных пунктах территорий в геометрическом смысле. В юго-восточной Европе центральный пункт и естественный ключевой пункт случайно — именно в Белграде — совпадают. Здесь также разветвляются все идущие с севера пути, будь то пути к Софии и Константинополю или к Салоникам и Афинам, к Бухаресту и к устьям Дуная.

Пространство тринадцати народов

То, что Белград несмотря на это никогда не достиг равного политического значения, не говоря уже о культурном значении Вены или Константинополя, и даже Будапешта, имеет таким образом не географические причины — их это не может иметь- но этнографические причины. Юго-восточная Европа — это не пространство больших народов. А именно в отличие от всех остальных природно данных ландшафтов европейского полуострова, например, от Испании, Италии или от франкского большого пространства, в отличие также от Британии или от Скандинавии юго-восточная Европа заключает в себе не так как все они соответственно только один, но большой народ и наряду с ним в крайнем случае один или два меньших народа. Напротив, этот юго-восток Европы содержит в себе одновременно десять народов, а именно десять исключительно родом из этого пространства народов, плюс лишь частично выдающиеся по окраине ещё три народа — немцы, украинцы и турки.
Благодаря такому раздроблению здесь внутри не могла возникнуть великая держава. Для этого базис всех этих десяти народов был слишком узким. Никто здесь не был когда-либо в таком положении, чтобы овладеть этим обширным пространством. Ни одному из них не удалось достигнуть того значения больших западно-европейских народов, каким обладали немцы, французы, испанцы или итальянцы — ни политически, ни культурно — как в своё время было в случае греков и византийцев. Пожалуй, венгры из середины паннонской впадины могли подчинить себе на долгое время большую часть её окраинных областей, время от времени даже распространить своё влияние до далматинского побережья, но такое состояние никогда не оставалось долгим.

Пассаровицкий (Пожаревацкий) мир

Великая держава могла развиваться здесь только извне как пришедшие из Малой Азии турки или выросшая из Германии Австрия. Соответственно, с 16 века на юго-востоке Европы имелись две великие державы; расположенная обширно за Веной Германская империя и Османская империя, развернувшаяся у входа в большой бассейн Дуная и после выходов из него со своими армиями за Белградом. Венгрия была между ними в качестве буфера.
И хотя потом эмблема власти султана всё же два раза была донесена до врат Вены, то штандарты императора напротив — вопреки многим далеко идущим планам принца Евгения Савойского — никогда не достигали территории после Ниша (Nissa), это всего 200 километров по ту сторону Белграда. Всё-таки блестящие победы принца в 1718 году согласно Пассаровицкому миру принесли Австрии три трамплина в направлении Стамбула: на западе весь северный край Боснии, на востоке Малую Валахию, в середине наряду с Белградом ещё 160 километров сербской земли по направлению к Салоникам.
Пусть это было немного, но притязания Австрии тем самым всё же были явлены: в приобретённой боснийской области притязание на остаток этой земли; в Малой Валахии притязание на Большую Валахию, следовательно, на низовье и на устье Дуная; в Белграде и его хинтерланде притязание на остальную Сербию и на прорыв к Эгейскому морю; во всех трёх — претензия на освобождение христианских балканских народов от объятий турков.

Три двуглавых орла и полумесяц

При этом можно было ожидать долгого спора обоих двуглавых орлов, немецкого и русского, за наследство третьего, также двуглавого орла Византии. Однако ещё были в союзе с Россией и этот союз продолжался ещё в течение 130 лет. Итак, при известных

условиях, пока турок ещё был противником, предлагалось разделение: Чёрное море, то есть сначала Болгария, — русским, Эгейское море и, прежде всего Сербия — Австрии.
Однако во всех вариантах будущего русские обладали преимуществом. Они, пожалуй, вовсе не нуждались в разделе, ибо с самого начала у них были два козыря: 1) родственный язык сербов и болгар; 2) идентичность веры и ритуала — все Балканы были ортодоксально православными.
Но турок был ещё врагом. Мелкая ревность церквей ещё не играла роли. Пусть великодушие турецкого правления в вопросах веры и призывало к осторожности, пусть из лучших побуждений евангельские христиане Венгрии предпочитали турецкое господство габсбургскому, но России представился удобный случай разыграть карту ортодоксии и после неё карту панславизма в следующем 19 веке. Пока же, в 18 веке, сербский патриарх Ипека и болгарский митрополит Охриды выразили кайзеровскому генералу своё желание стать наподобие немецких архиепископов мирскими господами их обширных епархий и в качестве таковых присоединиться к Священной Римской империи германской нации, пока что кайзеру открывалась перспектива принимать сербских и болгарских архиепископов в Вене как своих вассалов! Ветер дул тогда ещё после 1718 года в знамёна Австрии и это было южнее Дуная в то время, когда русские ещё должны были бороться за их собственный южный берег, северный берег Чёрного моря.
Однако потом — принц Евгений Савойский тем временем умер — всё пошло иначе. Уже 1738 год принёс с собой катастрофу, а 1739 год завершил её; катастрофа была вызвана ничем иным, как ужасной неспособностью и бездарностью. Её причины были — где же ещё? — в Вене и она перекинулась ещё и на фронт. Её никогда так и не удалось исправить и она предстаёт ретроспективно во всём своём значении сравнимой, пожалуй, только с Hradec Kralove (чешский город).

1739 и 1866

Здесь на карту было поставлено господство в Германии, господство на Балканах и вдоль Дуная. Различие: немецкая Австрия и после Hradec Kralove осталась немецкой, напротив, потерянное в 1739 году на юго-востоке больше никогда не стало опять австрийским. Далее: в 1866 году вся Германия, даже вся Европа знала, о чём шла речь, в 1739 году в Вене едва пожали плечами по поводу перенесённой утраты. Будет день, будет и пища, утро вечера мудренее. Но утро не пришло никогда. То, что пришло, была смерть кайзера, полный отказ от Прагматической санкции, собственная война за порядок наследования, силезские войны — Вена имела теперь иные заботы.
И ещё одно отличие: в 1866 году выиграла судьбою предрешённая для этого Пруссия, в 1739 году, напротив, исторически находящаяся, собственно говоря, уже в упадке Турция, но не благодаря каким либо образом примечательному командованию или вооружению, нет, никоим образом не блестящая победа с одной стороны, никак не героическое поражение с другой стороны; нет героя как Бенедек, и нет такого противника, как Мольтке. Ничего в этом событии не имело и слабого оттенка величия. Кроме того, решение 1866 года сто тридцать лет было неминуемо, но решением 1739 года был опрометчиво брошен вызов по отношению к русским.
Едва ли есть более выдающаяся противоположность к обсуждаемому первенству политики перед ведением войны. Ответственные за фронт очутились на Шпильберге и на укреплении Граца, а в Вене — остались в своих креслах. Через французское посредничество — читай вмешательство — все санкционированные графом Найппбергом великому визирю уступки были ещё раз торжественно подтверждены в снова турецком Белграде. Россия не потерпела никакого ущерба, Франция стала покровителем всех христиан, живущих в турецкой сфере власти.

Значение сербов

Однако потерянный Белград остался остриём, направленным как на север, так и на юг. Турки знали, почему именно здесь они соорудили свою ставку, также и венгры знали, почему они раньше воевали за этот город несколько раз, и принц Евгений Савойский точно знал, почему он должен овладеть этим городом — любой ценой. Впрочем, с расчётом на далёкое будущее речь шла не только о Белграде, не только о его конфронтации с Веной, о его неповторимом местоположении между Балканами и венгерской низменностью, с расчётом на далёкое будущее речь шла и о сербах как о народе. Тот, кто хочет покорить юго-восток Европы, должен их поддержать и не должен иметь их в качестве своих противников. Он должен вовлечь их в свою империю в качестве друзей.
Подобно немцам в общеевропейских рамках в своей области сербы также являются срединным народом. Они граничат с шестью из выше названных десяти народов, со всеми кроме словенцев и словаков и отделены от греков только спорной Македонией.

Венгрия — подрывная шашка в середине Дунайской впадины

Лишь ещё один народ в этом пространстве граничит с таким же количеством чужых народов: мадьяры; а вместе с сербами они граничат со всеми одиннадцатью прочими народами юго-восточной Европы. Мадьяры занимают середину низменности. Нигде кроме как на севере их закрытый район поселения не достигает отрогов окружающих паннонскую впадину гор. Их сила происходит из равнины, того западного ответвления северно-евразийской степи, откуда гунны и авары предпринимали свои разбойничьи набеги.
Прежде турок, но после болгар — турки покорили выдвинувшийся в юго-восточную Европу и здесь единственный в Дунайской впадине ставший оседлым тюркский народ. Завоеватели и покорители более слабых окраинных народов — таких, как румыны, жители Трансильвании, словаки и хорваты, они использовали своё срединное положение1 вплоть до 1918 года. Важность их срединного положения они дали почувствовать прежде в личной унии, когда Австрия после 1866 года, лишённая своей немецкой позиции, без Венгрии уже не была великой державой. В 1867 году с достижением ими соглашения они уничтожают необходимую перестройку Дунайской монархии. Благодаря их упорному отказу во всяком самоопределении находящимся в их подчинении славянам, румынам и немцам представляющие только 40% венгерского и только 16% австрийско-венгерского населения мадьяры становятся легальной подрывной шашкой в середине габсбургскогой многонациональной империи.
Будапешт был их геометрическим центром и данной ключевой позицией, Вена как таковая была хотя и расположена между Брюсселем и Белградом, соответственно также между Франкфуртом и Белградом, но уже не между Пассау и Белградом. Свободная от своего западного влияния, для востока она стала обременительной как запад и тем самым в противоположность Будапешту оказалась в невыгодном положении. С позиции тогда ещё более двух третей Дунайской впадины контролировавших мадьяр (сегодня это едва ли пятая часть) Австрия была более или менее окраинной областью, просто изъяном в великой венгерской структуре ландшафта. Её бреши зияли на западе и на юге, перед Веной и Белградом, перед началом и концом Дуная. Немцы и сербы стерегли вход. Если Сербия принадлежала туркам, они обладали свободой выхода на север. Если она была австрийской, австриякам открывался выход к югу.
Сербия сохраняла ключ как к тому, так и к этому направлению. Белград был важнее Будапешта, помощь сербов была необходимой для каждого устроителя Дунайского пространства, неотменимым противовесом против оппозиционной мадьярской срединной

земли. В дотурецкое время несмотря на повторявшиеся попытки венгры никогда не смогли обосноваться в Сербии — народ всадников против народа гор. Вторжение турок отбросило оба народа назад, сербов, однако, несравнимо жёстче и на более продолжительное время чем венгров. Сербская главенствующая роль была сыграна, чего нельзя сказать о мадьярах. Не в последнюю очередь отсюда, именно из их истории, объяснимо и актуальное поведение сербов.

Трагедия сербов

Проникание зафиксированных позже славян племён на весь балканский полуостров начинается вследствие раскрепощённого гуннами переселения народов уже при императоре Юстиниане. Его первые волны движутся от германцев, поперёк пересекающих юго-восток Европы на юг, главным образом это готы, но и аланы и гепиды. Позже они аварами, на севере до Богемии, и здесь до Иллирии частью распространились, частью ушли в другие края. Уже в 6 веке хорваты освобождают — под именем Hervaren возможно германского происхождения — таких уже достигших берега Далмации славян из рук аварской власти. Так же добровольно, как и славяне под защитой степного народа заступившие на место болгар в низовье Дуная и сербы с их переселением в горы Иллирии оказываются под верховенством восточно-римской императорской власти (на время и хорваты, но только те, кто обосновался на берегу).
Сербы только весьма редко объединялись племенным вождём, как это было на краткое время в 9 веке. Они создали своё первое настоящее государство в конце 11 века; оно охватывало части Боснии, после двух периодов — сначала двадцатилетнего, потом семидесятилетнего болгарского господства. Это произошло, несмотря на повторявшиеся нападения теперь мадьяр и несмотря на сильное византийское противодействие. Правитель Зеты получает корону из рук папского легата. Столица королевства — далеко от Венгрии, Болгарии или Византии — это сегодня албанский город Скутари.
Однако же стойкое единство приносит сербам только двенадцатый век при династии Неманья, только без Боснии, которая в 1204 году после недолгой свободы оказалась опять под властью Венгрии. И её первый король получает своё королевское достоинство от римской курии, от Византии и как контрмеру признание впредь самостоятельной, сербской православной церкви. Тем самым принято церковное решение и с одной стороны Балканы от Чёрного до Ионического моря наконец становятся православными2, но с другой стороны хорваты так же окончательно выпадают из этого балканского контекста. Как Венгрия и Польша, и их страна становится предпольем, зоной нападения Запада, гласисом Запада. Это отделение от сербов, говорящих на одинаковом с ними языке, позже углубляется мощным вторжением турок.
Но прежде 13 век и начинающийся 14 век становятся золотым веком сербской истории. При доме Неманья Сербия становится господствующим на Балканах государством. Византийский суверенитет поколеблен. Немандьиды сами стремятся получить трон императора. Последовательно покоряются Македония, позже Тессалия, также половина Албании, Болгария принуждена вступить в союз. Скопье становится королевским городом. Республика Рагуза подпадает под сербскую защиту.
Перенос политического центра тяжести в Серес, в наполовину греческий юг, сопровождается расцветом собственного, выросшего на византийских образцах церковного искусства и культуры двора. Право упорядочивается. Издаются законы, обеспечивающие каждому жителю империи независимо от происхождения или веры свободу, жизнь и имущество, и эти законы также действительно неподкупно исполняются. Стефан Душан, предпоследний из рода Неманьидов, уже именует себя «императором расков и ромеев», он уже предлагает — ещё своевременно — императору Карлу 1V и папе Иннокентию V1 совместную войну с турками с собою во главе, то есть себя он

предлагает как верховного главнокомандующего. Блеск его двора становится ярче блеска двора василевса на Босфоре, но потом, спустя почти шестнадцать лет после его смерти, за крутым взлётом следует стремительное падение: грандиозная победа турок. Уже в 1371 году объединённые войска у Matiza — это место ещё сегодня называется «гибель сербов» — потерпели тяжёлый ущерб, потом 15 июня 1389 года в решающей битве на Amselfeld ещё раз, но в этот раз они потерпели сокрушительное поражение и пожертвовали всем сербским дворянством.

Турки сначала довольствовались достигнутым. Их войско настоятельно нуждается в том, чтобы дойти до персидской границы. Сербы без вождя, обязанные впредь повиноваться и платить дань, более не представляют никакой опасности. То, что Венгрия, ставшая отныне прифронтовым государством, поддерживает отпавших от турок сербов, албанцев и валахов, не может спасти их страны. Этого не может сделать ни венгерский национальный герой Janos Hunyadi, ни Skanderbeg, герой Албании. Когда в 1448 году дело доходит до битвы на Amselfeld, турки оказываются победителями. Судьба сербов решена. В 1453 году Сербия окончательно оккупирована. С этого момента её история закончена на 400 лет. Её развитие превано, её будущее — быть под турками.3

Богомилы

Десять лет спустя та же участь постигла Боснию. Несмотря на затеваемые папой крестовые походы, богомилы воевали против Венгрии, Хорватии, против сербов и против республики Венеция за свою свободную государственность. Это было при Stefan Trcko. Он именует себя «королём сербов и Боснии», позже «королём Боснии и Далмации». Во время одновременного упадка византийской, болгарской и сербской власти эта держава последней в юго-восточной Европе достигает своего расцвета. Она распростёрлась вдоль берега до города Каттаро (ныне Котор), но пришла в упадок со смертью Stefan Trcko. Враги богомилов ещё раз завоёвывают страну, однако уже в 1463 году и их сметают турки.

Но преследуемые богомилы — всё равно состоявшие в духовном родстве с суфиями, как на Западе с альбигойцами и в Боснии с арианскими вестготами — переходят в ислам и избегают по отношению к себе большей вражды. Таким образом, здесь сохраняется постоянный правящий слой, когда, к примеру, в Румынии этот слой был замещён фанариотами, это значит византийцами, поставленными турками для задач управления.

Пробуждение и ложный путь

В Сербии же, напротив, кроме турок и местных православных священников имелись только крестьяне. Дворянство было уничтожено. Однако именно среди этих сербских крестьян, как ни у кого из прочих балканских народов, воспоминание об утраченной свободе осталось стойким и живым. В своих далеко разбросанных горных селениях они на протяжении 400 лет несвободы воспевали своё гордое прошлое в песнях и сагах и передавали его от отца к сыну и от сына к внуку. Наконец, в конце 19 века с постепенным обретением государственной независимости отныне собственная сербская армия и быстро образующаяся каста политиков зашли под влиянием чуждых пространству образцов уже в 1918 году в тупик называющего себя «Югославия» ошибочного развития, в непрочную в долгосрочной перспективе тюрьму народов, построить которую вновь в 1945 году стоило огромных человеческих жертв. Больших жертв стоила так же начавшаяся в 1991 году упрямая попытка спасти то, что нельзя было спасти.

Две столицы

Очень поздно, незадолго перед 1 Мировой войной, после сперва выбранного для пребывания независимого сербского правительства Ниса, в конце концов сербской столицей стал Белград, город, на протяжении долгого времени едва ли бывший в самом деле сербским. Этот город под именем Сингидунум некогда служил римлянам как опорный пункт. Это название осталось позже в Византии. В 583 году он был покорён аварами, позже он принадлежал то Византии, то Венгрии. В 1456 году Hunyadi освобождает войско крестоносцев запертых в городе турками. Для сербов Белград был тогда ещё городом на внешней границе их области проживания. Впрочем, и Австрия возникла не в Вене.

Оба города с нетерпением ожидали власть, благодаря которой они смогли бы стать трамплином. Столетиями Вена была одновременно немецким пограничным городом и городом кайзера. В этом причина её повышенной опасности и её претензии на обладание Венгрией. Наоборот, перенос столицы маленькой Сербии на Дунай был недвусмысленным вызовом Австрии.

Местопребывание столицы может быть выражением отступления, как в 1917 году замена Петербурга Москвой или как в 1922 году замена Стамбула Анкарой, однако в приграничных столицах часто бывает выражением ожидаемого распространения территории, как в случае Вены и позже Белграда, впрочем также в своё время Берлина. Его изначальное местоположение на крайнем западе Пруссии предупредило её позднейшее продвижение на Маас и Мозель уже в 17 веке.

Но если мы спросим, возвращаясь к Вене и Белграду, об их самом бросающемся в глаза геополитическом различии, то мы заметим, что Белград находится сразу дважды в центре тяжести большого пространства, а Вена — между двумя, собственно говоря, между почти тремя большими пространствами, именно между франкским или западно-европейским и юго-востоком Европы, в то же время — через Моравию — граничит ещё с северо- востоком Европы. Её отличительный признак — это соединяющее, ищущее связь, но не покой в собственном весе, в собственном центре тяжести большого ландшафта. Ибо её ближайшее окружение — Моравия и восточная Нижняя Австрия — это опять же лишь малый промежуточный ландшафт между теми тремя большими пространствами и, следовательно, отсутствие собственного веса.

В этом отношении Вена представляется в невыгодном положении не только в сравнении с центрами тех больших ландшафтов, как, например, в сравнении с Парижем или Берлином или же с Белградом, но и в сравнении с такими центрами как Прага или Мюнхен. Перед 1866 годом этого не осознавали. И если вокруг Вены и строилось немецкое большое пространство, то это было не соответствующее ландшафту членение, но этническая гарантия. Однако именно этот фактор отсутствует в случае Белграда, отсутствует у сербов. Для них одних паннонское пространство слишком велико, как и весь юго-восток Европы. Они составляют в этих пространствах меньшинство среди многих народов.

И тем не менее, их незаменимое, геополитическое положение при малой численности сделало их — их и страну, их и Белград — предпочтительным рычагом чуждых этому пространству держав, который Франция и Россия прежде всего, но, конечно, и Англия использовали всегда против Вены, против Германии. Сербы оказались удобны для разжигания 1 Мировой войны.

Разрушенный эллипс

С отступлением турок немцы и сербы являются природными партнёрами в паннонском пространстве, но Вена и Белград как и прежде являются центрами эллипса. Превратить этот эллипс в политическое единство — таково было геополитическое требование. Это

требование исходило от Австрии, принц Евгений Савойский, казалось, исполнил его. Но что же произошло, едва он умер?
Совершенно неподготовлено объявили войну, которая собственно говоря была войной русских. Принц Евгений Савойский настоятельно советовал своему кайзеру оставить Марии Терезии сильное, в любое время готовое к битве войско. Но Карл V1 уверенно — но, как мы знаем напрасно — вложил все деньги в Прагматическую санкцию 1713 года. Войско, его оснащение и вооружение пришли в упадок.
40000 человек стояли в Венгрии, но три корпуса были посланы в трёх различных направлениях — в Боснию, Сербию, Валахию — против врага; с 20000 восставшими сербами и албанцами не объединились; последние были разбиты турками. Ошибочно посланные в бой отряды кайзера в конце концов должны были вернуться со всех трёх фронтов.
Следующий год приносит бесславное окончание. Новый, требующий явно слишком многого от своего поражения главнокомандующий из-за незначительного проигрыша сразу же отступает за Дунай, просто бросает на произвол судьбы храбро защищавшийся Белград и посылает графа Найпперга в лагерь великого визиря для того, чтобы заключить мир. Мир даруется ему за уступки всех достигнутых Австрией в Пассаровицком мире областей. Одним росчерком пера была подарена Сербия.
«Надежда сербов вести под австрийским скипетром достойную жизнь, больше не имела места». Так говорится в V11 томе изданной Шпамерсом в 1894 году в Лейпциге мировой истории. Продолжение гласит: «Если бы австрийцы стали оспаривать принадлежность Сербии, то Австрия стала бы господствующей на севере Балкан державой и немецкой культуре открылось бы там необозримое поле возможностей. Отныне все эти грандиозные перспективы были утрачены». Пьемонт по эту сторону Дуная
Эти перспективы всё же были не совсем утрачены, поскольку пятьдесят лет спустя, в 1789 году — во время Французской революции — Белград в теперь успешной в военном отношении войне был опять взят под начальством Лаудона, но в 1790 году согласно мирному договору между Австрией и Турцией в Систово Леопольд 11 восстановил status quo ante bellum, в этот раз будто бы под английским и прусским нажимом. С этого времени больше никто не продолжил дело принца Евгения Савойского. Однажды утраченное осталось утраченным, осталось таковым и в 1878 году. Тогда, во время занятия Боснии и Герцеговины Австрией, Мольтке, победитель Hradec Kralove, но теперь союзник, заметил, что победа будет неполной без принятия и всех прочих сербских областей. Он отчётливо понял, что сербы были для Австрии важнее, чем какой-либо народ их монархии кроме немцев.
Удовлетворить это ясное требование и подготовить его исполнение — этот путь ещё оставался, но не обязательно он был военным. Завоёвывают не только посредством меча. Возможность создали ещё 17 и 18 столетия. С того времени вследствие массового заселения беженцев в Банате и в Сирмии имелось значительное сербское меньшинство и по эту сторону Дуная.4 К сожалению, это меньшинство так и не испытало соразмерного своей важности обхождения. Впрочем, уже Иосиф I в 1706 году и Карл VI в 1713 году подтвердили их старые, восходящие к 1690 году особые права. Поскольку сербское самоуправление всё же всегда было у ревнивой Венгрии бельмом на глазу, Карл VI вскоре снова отменил его, так как он зависел от признания Прагматической санкции венгерским рейхстагом.
Прагматическая санкция оказалась гигантским ошибочным инвестированием. Однако сербы требовали своих гарантированных прав. Сербский национальный конгресс выразил протест и уже в 1735 году дело дошло до крестьянского восстания, которое было подавлено в 1736 году. Габсбурги снова сделали ошибочный ход. Речь шла о том, чтобы сделать из сербов по эту сторону Дуная сербский Пьемонт.
Пожалуй, подобного рода ходы мысли были сначала чужды 18 веку, но в 1790 году, когда Леопольд II основал «Иллирийскую канцелярию при дворе», уже не могли иметь места.

Достижение сербов на военной границе, безусловная надёжность этих «пограничников» и их потомков до 1914 года оправдали попытку сделать их передовым отрядом сербской свободы. Зачем, собственно говоря, отправились на фронт принц Евгений Савойский и Лаудон? Для чего же иного создали предпосылки их победы?
Однако вместо того, чтобы причинять неудобства туркам или венграм, в Вене стали рыть яму для России. Полумерами ничего не достичь, ни по отношению к Богу, ни на земле.

Перевод с немецкого Ю.Ю. Коринца

ВОЙНА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ — ВОЙНА ПРОТИВ ЕВРОПЫ

Австрийский генерал Йордис фон Лохаузен — крупнейший современный геополитик, прямой продолжатель геополитической школы Карла Хаусхофера. Наиболее известны его работы "Мужество властвовать" и "Стратегия выживания", где он излагает основы своего понимания истории Европы, ее интересов, ее будущего. Лохаузен является радикальным противником атлантистских геополитических концепций и открыто выступает с конца 60-ых годов за освобождение Европы от американской оккупации. Лохаузен является сторонником концепции "Европейской Империи", впервые сформулированной бельгийцем Жаном Тириаром.

Достаточно взглянуть на карту мира, чтобы увидеть континенты нашей планеты как три пояса, охватывающие ее с севера на юг. Первый, от Аляски до Огненной земли, образует Новый Свет, Америку. Второй, от Северного мыса до мыса Доброй Надежды представляет собой континентальную часть Старого Света, Евро-Африку. Третий пояс проходит от Камчатки до Тасмании через Китай, Юго-восточную Азию и Индонезию и образует собой восточную часть, Австрало-Азию.

В центре центра

Между Евро-Африкой и Австрало-Азией (ближе к последней) находится на севере русско-сибирский пласт, а на юге — Ближний Восток. Он образует центр Старого Света, центр, в сердце которого располагается регион Персидского залива. Этот регион — ахиллесова пята Старого Света, место где на плечо Зигфрида упал липовый лист. И вопрос не только в нефти. Нигде больше океаны так глубоко не вдаются в афро-евразийский континент: Индийский океан через Красное море и Персидский залив, Атлантический океан через Средиземное и Черное моря. Между двумя океанами, равно удаленный от Африки и Азии, в устье Тигра и Евфрата находится древний город Ур. Это и есть "центр центра", о котором мы будем говорить, — во всех отношениях самое уязвимое место Старого Света. Все отрясения, происходящие на планете, отражаются здесь. С насильственного открытия японских портов во время войны 1854 года, политика Соединенных Штатов заключается в установлении плацдармов на берегах Старого Света, а также в создании потенциальных "островных трамплинов". Таким образом, американцы еще в 1898 г. обосновались на Филиппинах и в 1945 г. в Японии. Лишь после этого они направились в Южную Корею и Вьетнам. Этому предшествовали, соответственно, высадка в Нормандии, размещение войск в Германии и фактическое подчинение Западной Европы. Характерно, что эти плацдармы располагаются на территориях с высоким уровнем развития и на границах Атлантического или Тихого океанов, т.е. океанов, омывающих двойной афро-евразийский континент, а не, скажем, на таком хрупком южном фасаде, как Индийский океан.

Район Персидского залива находится именно в этой уязвимой зоне, в точке пересечения крупных силовых линий, связывающих Дальний Восток с Африкой и Европу с Индией. Здесь, на подступах к заливу, исламский мир разделяется на арабскую и персидскую части. Всякий, кто обосновался в этом районе, может создать защиту или угрозу по всем направлениям на флангах или тылах не только Среднего Востока, но и Европы, Индии и Африки. Кроме этого, такое расположение предполагает попытку создания третьего фронта против русской военной державы, все еще непокоренной. Позиция в заливе укрепляет также тылы Турции — союзника против России — и создает давление на Египет, Сирию и Иран, а также на Европу, и все это, главным образом, благодаря нефти.

Последнее, кстати, важно и для Японии.

Война против Европы?

Была ли война в заливе войной против Европы? Ответ на этот вопрос был дан замечательным образом в католическом журнале “Трента джорни” профессором политических наук Миланского университета. Он заявляет: “Соединенные Штаты поняли, что, если они не хотят пережить тот же закат, что и Советский Союз, они должны противостоять своим завтрашним противникам, то есть Японии и объединенной Европе, центром которой является экономическая мощь Германии. Никто не позволит развенчать себя за здорово живешь. Америка не может мириться с Европой, которая в настоящее время, несмотря на слабую мобилизацию, опережает ее экономически и технически. Осознав, что в один прекрасный день они уже не смогут влиять на Европу, Соединенные Штаты сделали ставку на Средний Восток и на контроль над саудовским нефтяным краном, от которого Германия и Япония будут зависеть еще десятилетия, если им не удастся использовать сибирские резервы. Только тогда Средний Восток и воздействие, которое можно на него оказывать, утратят свое значение” (его стратегическая позиция по- прежнему остается главной). Для американцев окончательный случай представился в 1991 году, благодаря политическому устранению Советского Союза.Эти обстоятельства были заложены решением Рейгана истощить Москву гонкой вооружения; спровоцированы, как написано в сценарии, Саддамом Хусейном; воплощены, по тому же сценарию, Джорджем Бушем. На самом же деле этот план восходит к Киссинджеру, и был разработан под его покровительством. В 1975 году план был опубликован в журнале “Комментари”, позднее он появился в “Харперс мэгазин” под заголовком “Завладеть нефтью”.

Настоящие побежденные — союзники

Только поверхностное изучение вооруженных конфликтов может составить мнение, что противник — это только тот, с кем ведут войну. Часто, страны, победоносно участвовавшие в конфликте, могут констатировать, что основы их независимости или процветания подорваны (нередко и то и другое одновременно). Способ превращения своих собственных союзников в вассалов с помощью войны, осуществляемой совместно, стар как мир. Американцы являются подражателями своих далеких учителей римлян. Такими они показали себя в двух мировых войнах, в которых участвовали с большой выгодой для себя. В обоих случаях предлогом было разрушение немецкого могущества, тогда как цель простиралась намного дальше. Союзники Америки всегда брали на себя расходы в этом альянсе. Список, подтверждающий это, длинный: от Польши до Тайваня и Южного Вьетнама, вместе с колониальными европейскими империями, существовавшими после 1918 года во главе с Великобританией. После общей победы Америка становилась наследницей их могущества, или их доходных мест.

Тот, кто имеет власть над арабо-персидской нефтью, имеет ее и над Западной Европой и Японией, которые стали рабами не только нефти, но и, следовательно, державы ее контролирующей.

В американской имперской политике было бы непростительной небрежностью по возвращении из Персидского залива не натянуть сильнее вожжи Европейскому Сообществу, все более строптивому, и индустриально опасной Японии. Как обычно, мало рискуя при вмешательстве в сферу исламского влияния, Вашингтон должен был посчитать забавным удивительное усердие своих союзников, особенно немцев, преданных и лучших учеников в “атлантическом” классе, которые любезно согласились финансировать войну, способствующую их ослаблению.

Большая иллюзия беспомощных

Война в заливе пришлась кстати Америке. Ведь нужно, чтобы миллиарды, вложенные в вооружение на протяжении десятилетий, наконец стали рентабельными, а ожидаемые заказы на обновление военного машины быстро стимулировали бы нуждающуюся в этом экономику. Но особенно, чтобы мелкие, безызвестные, не имеющие званий, разбитые враги Второй мировой войны или обескровленные союзники не были готовы обогнать Америку в сфере экономики. Но прежде чем развеять их иллюзии, можно позволить им "поиграть во дворе со старшими", а война поможет поставить их на место. Война, направленная не прямо против них, а скорее, имеющая целью один из источников их процветания.
Контроль над месторождениями полезных ископаемых усиливает превосходство хорошо вооруженной экономической державы над другими, менее сильными. Можно также считать, что заведомым преимуществом и подстраховкой для США является нахождение на ее собственной территории важнейших ресурсов для ее выживания и военных возможностей. В случае необходимости, страны, богатые полезными ископаемыми, но строптивые будут вынуждены раскаиваться, или — под воздействием пропаганды, проводимой в мировом масштабе и поддерживаемой террористическими группами (подпольными или зарубежными), или под давлением экономического бойкота, как это было в течение многих лет с Южной Африкой. Борьба против апартеида — идеологическое прикрытие этой кампании — была как нельзя кстати. Целью в Южной Африке была руда, необходимая в военной промышленности, а точнее, прекращение ее естественной монополии. Экономика Западной Европы, которая стала развиваться после 1945 года, не может больше процветать без некоторых металлов, имеющихся только в Южной Африке, а также без арабской нефти. Падение черной власти в Южной Африке беспрепятственно приведет вышеупомянутые месторождения в руки влиятельных американских групп.
Результат, достигнутый в Персидском заливе, а именно возрастающий разрыв связей между Европой и мысом Доброй Надежды — несомненный успех американской политики, и что бы ни говорили, поражение, нанесенное европейцам. Такова цена за отказ от могущества в угоду потреблению. Теперь, более чем когда-либо, необходимыми полезными ископаемыми можно обладать только воспользовавшись услугами посредника, американского, разумеется.

Упущенные возможности

Однако после двух мировых войн в большей степени географические факторы, нежели исторические, способствовали экономическому союзу под европейским началом (по принципу самоопределения народов, а не по американскому принципу "национального строительства"), Африки и Европы, ставших естественным дополнением друг друга. Установление на восточной части Старого Света "азиатской сферы совместного процветания", предполагаемого японцами, также потерпело поражение больше из-за нетерпимости последних к соседним народам, чем по причине американской победы на Тихом океане. Из-за мелких дрязг своих лидеров и арабские страны не могут расширить круг своих совместных
действий. Подтверждение этому — Средний Восток, где вслед за американским вторжением можно ожидать консолидацию границ или повторяющийся отказ на право самоопределения народов, угнетенных религией, в первом ряду которых фигурируют курды. В этом есть и вина европейцев, как французов, так и англичан, отказавшихся от своего господства над арабским пространством, хотя после первой мировой войны оно было признано за ними. Таким образом, именно они оставили после себя незаконченное

дело чреватое осложнениями как уже не раз бывало. Примеры тому — трудное рождение Югославии и уход англичан и французов из Африки после 1945 года.
Так что во всем происшедшем европейцы должны винить только самих себя.

перевод Л.Гоголевой

Жан Парвулеско

ГЕОПОЛИТИКА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

“Индия с давних пор претендует на тотальную политическую гегемонию в Южной Азии.” Дзян Дземин

Вместе с пятью ядерными испытаниями, проведенными Пакистаном в Белуджинстане в ответ на пять таких испытаний, осуществленных Индией, Южная Азия внезапно ворвалась в “большую историю”: отныне планетарное политико-историческое существование наций будет определяться лишь их способностью к эффективному метастратегическому ядерному сдерживанию. Вплоть до последнего времени единственной азиатской ядерной державой был Китай. И именно в сопоставлении с Китаем, а не с Пакистаном, как это может показаться на первый взгляд, следует оценивать метастратегическое вступление Индии в сферу активной континентальной геополитики. В настоящее время континентальная ядерная конфронтация протекает именно между Индией и Китаем, а Пакистан, несмотря на все претензии и усилия, играет здесь вспомогательную роль, призванную усилить антииндийский лагерь Китая, к которому в дальнейшем могут примкнуть и другие страны.
Тотальная геополитика Великого евразийского Континента, революционная, авангардная геополитика, утверждающая финальную имперскую концепцию интеграции в рамках общего изначального метаисторического предназначения — Западной Европы, Восточной Европы, России, Великой Сибири, Индии и Японии — явно исключает Китай из активного определения велико-континентального евразийского объединения. В некотором смысле, прогрессирующая потенциальная унификация Великого Континента направлена именно против Китая, и Индия в этом отношении явно поддерживается метастратегическим континентальным потенциалом России и Франции. Процесс велико- континентальной интеграции — вещь диалектическая.
В то же время индийско-китайская ядерная конфронтация на Юго-востоке Азии требует от Японии немедленного решения, необратимого стратегического выбора, который — как только он будет осуществлен — заставит ее примкнуть к велико-континентальному лагерю, чьим региональным полюсом на Юго-востоке является Индия. Это решение должно быть принято несмотря на вполне понятную ядерную психопатологию японцев.
Все идет к тому, что евразийская история ближайшего будущего будет состоять в ядерном окружении Китая (включая его стратегических сателлитов) ансамблем велико-континентальных имперских держав, входящих в политическую линию оси Париж- Берлин-Москва-Нью-Дели-Токио.
Отношение к этому демаршу со стороны США заведомо вписано в модель основных геополитических соответствий , так как финальная и решающая схватка — начало которой уже можно считать положенным — между Великим Континентом и Соединенными Штатами, соответствует основной силовой линии фундаментального онтологического антагонизма между “континентальными” и “островными” могуществами, а также не вызывает никаких сомнений тот факт, что появление политически единой Европы (как бы ни препятствовали ему активно работающие против этого проекта теневые, закулисные силы) создаст в определенный момент непреодолимую преграду для окончательной реализации “большого плана” США по установлению планетарной гегемонии. Силовое появление Великой Европы в диалектической игре по утверждению имперского

планетарного могущества снова вернет США к статусу второстепенной державы, и тем самым окончательно разрушит пресловутый “американский миф”.

По этой причине США объединят усилия по нейтрализации Великой Европы со стремлениями Китая противостоять его континентальному окружению. Это явно приведет к большому союзу Пекин-Вашингтон, при котором Китай предложит США гигантский плацдарм на Востоке Евразии, а США обеспечат Китаю выход на рыночные просторы, контролируемые этой океанической силой.

В то же время агрессивная антиконтинентальная перманентная геополитика США обретает сегодня внутри велико-континентального пространства новый огромный резервуар подрывных и конспирологических могуществ, сосредоточенных в сфере проатлантистских версий фундаменталистского ислама (особенно ваххабитского или талибского типа), которые на всей протяженности южного берега Евразии присоединятся к активности геополитической крепости Китая, негативное излучение которого внутренне дестабилизирует и блокирует дальневосточное звено велико-континентальной интеграции, которым должна стать Япония.

В недавно вышедшей книге высокопоставленного французского чиновника Александра Дельваля “Исламизм и США, альянс против Европы”, сказано все необходимое относительно проблемы наступательного метастратегического использования США определенного фундаменталистского (ваххабитского) ислама в их борьбе против велико-континентального европейского возрождения, которое в данный момент переживает стадию решительного утверждения и революционного имперского самоопределения.

В условии таких планетарных конвергенций особая миссия Франции (или, точнее, велико-континентального каролингского полюса утвержденной генералом Де Голлем оси Франция-Германия) заключается в идеологической поляризации и в объединении на почве осознания общности судьбы всего ансамбля элементов евразийского Великого Континента перед лицом агрессивного вызова США и Китая, а также перед лицом подрывной миссии, которую США определяют атлантистским разновидностям ислама, ведущим борьбу с велико-континентальным проектом.

Планетарному полюсу евразийского Великого Континента, чьей конечной и тайной целью является выбор духовной перспективы, противостоит материалистический блок оси Вашингтон-Пекин, находящийся под явным или все еще скрытым началом мондиалистской группировки в США, которая под маской установления планетарной экономической гегемонии стремится положить конец онтологической цивилизации Бытия

— нашей цивилизации, вплоть до изменения самого статуса человека, который в нашем мире основан на инерциальном продолжении традиционных европейских, индуистских и японских концепций, верных мистерии “света бытия”.

Из этого следует также, что в ответ на активное политико-экономическое проникновение США в Африку Европа должна немедленно предпринять наступательную контр-интервенцию в Латинскую Америку, которая в геополитическом смысле является для США тем же, чем Африка для Европы — континентом-дублем, связанным с основным материком цепочкой прямых геополитических реверберации.

Европейские элементы глубокого политико-революционного внедрения в настоящее время заметны в Аргентине и Чили, отталкиваясь от которых должна быть развернута масштабная наступательная революционная интеграция всего Южно-Американского континента.

В определенном смысле, проблема ближайшей планетарной идентификации мировой истории сводится к готовности Франции исполнить свое тайное, глубинное, бездонное предназначение, которое требует от нее новой (финальной) инициативы по метаисторической велико-континентальной интеграции, и именно Франция должна добиться того, чтобы эта интеграция увенчалась своим последним имперским триумфом.

По этой причине совершенно необходимо, чтобы во Франции пробудилась новая, неожиданная воля, способная утвердить открыто глубинные основы провиденциального

предназначения Франции, революционным образом мобилизовать их, становясь полюсом тотальной наступательной стратегии — и это будет новым началом французской истории, истории Европы и евразийского Великого Континента в целом. Иными словами, тайная Франция, параллельная Франция должна — как по волшебству — обнаружить себя из-под того жалкого, ничтожного состояния, куда она ниспала сегодня, исторгнуть из себя спасительное дыхание нового восхождения к бытию, чтобы "все снова вступило в зону высшего внимания". Именно это с незапамятных времен ждут и готовят "наши" — приход Тайной Франции к финальной политико-исторической власти.

Китайский президент Дзян Дземин недавно заявил, что "Индия с давних пор претендует на тотальную политическую гегемонию в Южной Азии". Китайский президент Дзян Дземин нисколько не ошибся. Действительно, Индия с давних пор претендует на тотальную политическую гегемонию в Южной Азии, но только не от своего собственного имени, но в пользу имперского велико-континентального единства, пламя которого хранит Тайная Франция.

Известно, что Россия отказывается от настоящего политического диалога с Францией, взятой в отдельности. Точно так же она поступает и с Германией. Но вместе с тем Россия полностью предрасположена к тому, чтобы развивать и укреплять решающий политический диалог с франко-германской осью, взятой целиком. Таково же и отношение Индии к Западной Европе, так как на конфиденциальном уровне Индия давно готова безусловно поддержать Россию в ее велико-континентальном диалоге с Францией и Германией.

Перемещение критического центра тяжести современной велико-континентальной геополитики с Запада на Восток является знаком фундаментальной метастратегической эволюции актуальной ситуации, чье содержание может показаться на первый взгляд двусмысленным.

Всякое перемещение центра тяжести к Востоку подразумевает, провозглашает и основывает начало нового исторического цикла. Сегодняшнее членение России вследствие неудавшейся марксистской авантюры пройдет как только закончится нынешнее тысячелетие, и мы увидим великий знак рождения Новой России, которое скажется напрямую на успешном осуществлении политико-исторического велико- континентального проекта. Именно Россия станет тогда геополитическим спасительным "мостом из Европы в Индию".

Велико-континентальная ангажированность каролингского франко-германского полюса в пользу Индии и Японии реализуется через Россию, через Новую Россию, чье тотальное евразийское развитие обнаружит во всем его фундаментальном значении heartland — "высшую и финальную сердцевинную землю" Великого Континента.

На двух противоположных концах евразийского Великого Континента Индия и Франция притягиваются двумя океанами — Тихим на Востоке и Атлантическим на Западе. Особым значением в случае Франции обладает притяжение к южной Атлантике — к Южной Америке и Антарктике. Поскольку именно в Антарктике, как кое-кто из наших уже знает, будет решаться высочайшая судьба евразийского Великого Континента. Это последний секрет трансцендентальной геополитики, секрет, который нам отныне надо постоянно учитывать.

Для Франции наступает момент отбросить банальность собственной ничтожной современной истории и открыться для своего последнего, тайного, высочайшего предназначения.

Мировая история приближается сейчас к решительному повороту, к точке завершения и нового начала, третье тысячелетие символизирует возврат к истокам. В первый раз за десять тысяч лет народы евразийского Великого Континента, от Европы до Индии, захватив бразды политико-исторического становления всего евразийского ансамбля в свои руки, окажутся в состоянии восстановить то праединство изначального бытия, высокого сознания и общей судьбы, которое предшествовало их историческому разделению.

Великий метаисторический цикл завершается, замыкаясь сам на себя, его конец сливается с его началом. Конец одного мира возвещает о начале мира иного.
По ту сторону внешних политических обстоятельств, которые на самом деле представляют собой обманчивые миражи полной и неизлечимой катастрофы, будущее воссоединение евразийского Великого Континента трансцендентально вписано в логику исторического становления, и никто и ничто не сможет этому воспрепятствовать. Получив контроль над полюсами, над Арктикой и Антарктикой, евразийский Великий Континент обретет решительное и тотальное планетарное владычество, перейдя в состояние Imperium Ultimum, абсолютную власть над финальной историей этого мира. Это будет онтологическая доминация над историей и над тем,. что трансцендентно находится по ту сторону истории, являясь "последней целью". И все это уже заложено в форме зародыша в новой конвергенции активной планетарной геополитики, развитие которой мы должны контролировать и направлять. Нет ничего, кроме воли. Нет ничего, кроме предназначения. Все становится день ото дня более рискованным. В июне 1998 года Билл Клинтон провел "девять дней в Китае", заложив тем самым безотзывным и откровенным образом стратегическую базу финального американо-китайского наступления на велико- континентальный евразийский фронт, на его решающие геополитические позиции.
Сюда же относятся и объявленные совместные американо-китайские морские маневры — знак принятого решения о политико-стратегических позициях, прикрытием которым служит видимость экономических проектов, и в жертву которым легко приносятся элементы демократической доктрины, связанные с соблюдением (или несоблюдением) "прав человека". Все это было окончательно утверждено в момент июньского визита Клинтона в Пекин.
Теперь ясно, что откровенный антиконтинентальный заговор Китая и США заставляет нас обнаружить глубинную решимость дать этому отпор в метастратегическом ключе велико-континентальной линии со стороны действующих лиц евразийского проекта — в первую очередь, со стороны Франции и Индии. Решимость Франции, представляющий крайний Запад Евразии, и Индии, представляющий ее крайний Восток, должна повлиять на Россию в вопросе радикального и необратимого выбора ею будущего пути.
Итак, геополитические силовые линии будущих планетарных вспышек третьего тысячелетия обозначены. Остальное зависит от нашей воли к выживанию, от полноты нашего осознания и освоения бездн нашей собственной судьбы.

Эмрик Шопрад

БОЛЬШАЯ ИГРА

Окончание идеологического противостояния в рамках биполярной системы привело многих аналитиков к заключению о том, что началась эра всеобщего мира под знаком "либерализма" и "демократии". Но в таком подходе почему-то не учитывается такой факт: большинство этих конфликтов основано не на идеологических, но на национальных противоречиях, что в них решающим фактором является именно геополитика. Мир и после окончания "холодной войны" не только сотрясается от малых региональных конфликтов на почве утверждения различными народами своей национальной и культурной идентичности, но — и это самое важное — все такие конфликты прекрасно вписываются в противостояние мирового масштаба между великим державами. Эта борьба наглядно проявляется в отказе таких великих держав как Россия и Китай признавать диктат американского империализма.

В Восточной Европе и в Средней Азии Вашингтон и его союзники ведут игру против России, урезанное территориально. Повсюду и в Восточной Европе, куда продвигается НАТО, и в гигантской битве за сферы влияния. которая разворачивается в Средней Азии, на Кавказе, на

Украине Вашингтон со своими сателлитами — Германией, Турцией, Пакистаном — стремится подорвать российское влияние. Войны в Грузии, в Азербайджане, в Таджикистане и в Афганистане являются элементами новой Большой Игры, которая развертывается между Россией и американской империей. Узбекистан представляет собой разновидность терминала, — в самом сердце Средней Азии, — где заканчивается свободный для США путь от Индийского океана в глубь континента. При этом Туркменистан все больше отдаляется от Москвы в сторону Турции и США.

В Европе новая Югославия, состоящая из Сербии и Черногории все более сближается с Россией, с Грецией, с Румынией и Кипром, образуя эскиз православного блока, противопоставленного неформализованному альянсу США и Германии в этой зоне. Этот атлантистский альянс включает в себя и турецкое крыло, включая Боснию. Косовский конфликт, разворачивающийся в самом центре того, что составляет полюс идентичности для исторического самосознания сербов, и раздуваемый албанцами при явной опеке ЦРУ является другим проявлением Большой Игры.

На Ближнем и Среднем Востоке стратегия американского империализма и его верного союзника Израиля привела к возникновению союза, еще недавно казавшегося невозможным — к сближению дамаска, Багдада и Тегерана, хотя между этими тремя географически близкими государствами существует множество серьезнейших региональных противоречий.

Оправляясь после первого потрясения распада коммунистических режимов на своей традиционной периферии, Россия понемногу поднимает голову. Постепенная нормализация русско-украинских отношений и инициативы Москвы в вопросе Ирака явно об этом свидетельствуют. напомним, что Борис Ельцин упомянул о возможности начала третьей мировой войны именно в связи с Иракским конфликтом...

Другая великая держава все меньше и меньше готова признавать диктат американского империализма. Это Китай. Мы окончательно вышли из эпохи русско-китайского конфликта, который в период биполярности объяснялся стремлением к идеологическому лидерству в социалистическом лагере. Ось Москва-Пекин противостоит отныне оси Вашингтон-Токио. Новый Китай стремится обрести в Азии те же самые позиции, которые он занимал до прихода европейцев в XIX веке. Морские претензии Китая уже однозначно проявлены в Китайском море и Индийском океане, что подводит вплотную к началу китайско-индийского конфликта. Новый фактор — чтобы усилить свои позиции против Японии, Пекин пытается сблизиться с Ханоем.

Большая Игра в мировом масштабе постепенно все более приводит к оппозиции между проамериканскому империализму “либеральных демократий” и “клубом проклятых”: Китая, Ирана, Северной Кореи (которая активно сотрудничает в сфере ракетостроения с Тегераном), Кубы и Ирака...

Мировые конфликты возникают только тогда, когда налицо конкуренция интересов в мировом масштабе. Комментарии средств массовой информации внушают нам ложную идею, будто региональные конфликты являются частными аномалиями, независящими от глобального контекста и проистекают из провинциального невежества местного населения. На самом деле геополитику следует уподобить движению тектонических платформ. Гигантские платформы скользят и сталкиваются друг с другом. В некоторых точках удары настолько сильны, что они порождают землетрясения. Но сам факт землетрясения не самостоятелен — в нем находят свое выражение невидимые подземные масштабные процессы...

(перевод с французского А.Д.)

Александр Дугин

The Rest Against The West

1. Два типа мондиализма

В современном осмыслении стратегической позиции Запада со стороны безусловных приверженцев западной цивилизации существует две магистральных линии, которые по разному видят положение вещей в современном мире и предлагают два противоположных проекта. Важно отметить, что обе линии едины в том, что во главу угла здесь ставятся интересы Запада, понятого как наивысшая и безусловная цивилизационная ценность. Можно назвать условно эти два интеллектуальных лагеря среди западников "левым мондиализмом" и "правым мондиализмом".

Термин "мондиализм" означает, в самом широком смысле, концепцию интеграции планеты под началом Запада, создание в далекой перспективе единого Мирового Государства с единым Мировым Правительством. Однако на достижение этой цели существует два противоположных взгляда: условно "левый" и "правый".

"Левый мондиализм" исходит из предпосылки, что условия планетарной интеграции в целом уже налицо, и что общим знаменателем для такой интеграции служат повсеместные тенденции к победе либерально-демократических тенденций в самых различных обществах, установление повсюду рыночных режимов и распространение идеологии "прав человека". "Левый мондиализм" имеет тенденцию пренебрегать "пережитками" традиционных обществ, такими как религия, этническая и расовая принадлежность, социальные иерархии, этические нормы и т. д., считая, что они сами по себе скоро сойдут на нет в однородном технотронно-информационном планетарном обществе без границ и наций.

Ярчайшим выразителем такого "левого мондиализма" (или иначе "оптимистического мондиализма") является американец Фрэнсис Фукуяма, озаглавивший свою программную работу "Конец истории". Он утверждает, что до появления однородного планетарного либерально-демократического общества, сверстанного по образцу западной цивилизации и управляемого западной "элитой", остались считанные годы. Развал советской системы Фукуяма однозначно отождествил с наступлением "Конца истории", понятым как тотальное утверждение либерально-капиталистического порядка с его логикой, его управляемостью, его системой. Фукуяма высказывал концентрированно позицию, в целом свойственную американским демократам. В Европе аналогичные проекты развивал советник бывшего президента Франции Франсуа Миттерана Жак Аттали (см. "Элементы" N2), при этом рассматривая "конец истории" в мистической, иудео-мессианской перспективе (которая формально отсутствует у Фукуямы). (A propos, недавно Аттали издал новое произведение "Он придет", в котором актуальные социально-политические катаклизмы трактуются в перспективе каббалистической эсхатологии; здесь смысл моидиалистского понимания "конца истории" проявляется еще более откровенно и отчетливо, чем раньше.)

Вторая линия мондиализма, т.н. "правый мондиализм", напротив, рассматривает актуальную ситуацию довольно пессимистично, считая, что Верховенство Запада и планетарная интеграция под его началом всех народов земли наталкивается на множество

серьезнейших преград, которые и не думают исчезать, как этого хотелось бы мондиалистам. "Правые мондиалисты" указывают на тот факт, что крах главного врага Запада — советского блока — привел не к подлинной либерализации и демократизации бывшего советского мира, но к появлению на его месте разнообразных религиозных и национальных образований, не имеющих никакого желания снова отказываться от своей политической и культурной самобытности. Таким образом, предпосылки для "конца истории" еще совершенно не созрели, и прежде, чем такой конец действительно наступит, миру предстоит пройти через сложный этап цивилизационных конфликтов на основе вновь образовавшихся пространственно-политических и культурных единиц. В такой перспективе, "правые мондиалисты" считают, что на данном этапе необходимо укреплять западный мир, превращать его в надежно защищенную крепость, которая должна пережить период "войны цивилизаций" (clash of civilisations) и лишь потом приступить к реальной интеграции планеты и созданию Мирового Правительства.

Самым известным представителем этой "правой" линии мондиализма является Самуэл Хантингтон, изложение программной статьи которого мы привели выше. Хантингтон является выразителем мнения консервативных кругов США, и особенно Республиканской партии. Его полемика с Фукуямой отражает гораздо более глобальные реальности, нежели расхождения во взглядах двух конкретных аналитиков. Это столкновение двух базовых тенденций мондиализма, а следовательно, оба автора выражают позиции, которые жизненно отражаются на судьбах всех народов земли, поскольку в любом случае степень влияния Запада на цивилизационные процессы современного мира огромна. А от того, чья линия будут принята Западом к руководству — Фукуямы или Хантингтона — будет во многом зависеть будущее человечества.

Условно на основании главнейших теоретических текстов Фукуямы и Хантингтона можно обозначить два мондиалистских проекта ("левый" и "правый") как "Конец истории" (The End of History) и "Война цивилизаций" (Clash of Civilisations).

2. Антимондиализм и два проекта

Мондиалисты рассматривают актуальное положение вещей, естественно, исходя из своих интересов и взвешивая плюсы и минусы со своих позиций. Для последовательных и сознательных противников Запада и его модели, для всех антимондиалистских сил, от чего бы они ни отталкивались — православие, ислам, конфуцианство, социализм, национализм, традиция и т.д. — вполне логично рассматривать нынешнюю картину мира в обратной перспективе, беря с минусом то, что мондиалисты берут с плюсом, и наоборот. Следовательно, все тенденции отмеченные мондиалистами как позитивные, должны рассматриваться как негативные, и наоборот.

В качестве абсолютно негативной ценности, совершенной антиутопии, следует взять Фукуяму и его "идеал", который представляет для антимондиалистов самое страшное, что только может случиться. Таким образом, тезис о либеральном Конце Истории должен быть рассмотрен как радикально враждебная концепция, как принцип "общего врага", перед лицом которого должны сплотиться все антимондиалистские силы и тенденции, независимо от своих внутренних различий. Фигура Фукуямы и его тезисы должны быть взяты в радикально манихейской перспективе как Абсолютное Зло, как учение "детей тьмы". Сами левые мондиалисты также довольно ясно отдают себе отчет в том, что наступление конца истории требует отмены, т.е. уничтожения того, что составляло сущность истории — религий, наций, рас, традиций, культур. Поэтому здесь речь идет о действительном дуализме, так как осуществление фукуямовского проекта и сохранение

традиционных ценностей несовместимы. В этом смысле Запад становится для антимондиалистов синонимом чистого Зла, что возвращает нас к буквальному смыслу ритуала православного крещения, когда крещаемый трижды "отрицается сатаны", повернувшись лицом на Запад, к символическому "месту ада", противоположному Востоку, символическому "месту рая".

Таким образом, левый мондиализм является абсолютно негативной концепцией; вся ее ценность лишь в том, что она настолько отрицательна, что представляет собой очень удобную модель для консолидации всех сил, органически несовместимых с теорией мирового либерально-демократического режима, тотального космополитизма, One World. По Фукуяме, как по лакмусовой бумажке, следует определять стратегических союзников и стратегических противников: если Фукуяма вызывает одобрение, мы имеем дело с абсолютными врагами традиционного общества, с "детьми тьмы". Здесь все очевидно. Но с "правым мондиализмом", с теорией "войны цивилизаций", с концепцией Хантингтона дело обстоит сложнее.

Хантингтон, на самом деле, не является противником Фукуямы, его идеологическим оппонентом. Он также, как и Фукуяма, согласен признать высшей ценностью западную цивилизацию и озабочен ее доминацией над миром. Но в отличие от оптимизма Фукуямы Хантингтон сосредоточивает свое внимание не на описании мондиалистской либеральной утопии, а на выделении тех факторов, которые препятствуют в настоящее время и будут препятствовать в будущем ее реализации. Иными словами, если Фукуяма склонен не обращать внимания на остаточные аспекты традиционного уклада в жизни народов и государств, считая, что они сами собой нивелируются в общепланетарной рыночной мондиалистской структуре, то Хантингтон, напротив, внимательно анализирует антимондиалистские, т.е. антизападные тенденции и предсказывает, что им еще суждено сыграть важную роль битве с Западом.

В этом смысле Хантингтон реалистичнее и объективнее Фукуямы. Но это ничего не меняет в той системе приоритетов, которыми он сам и стоящие за ним круги руководствуются.

Для антимондиалистов анализ Хантингтона очень важен, поскольку он выделяет несколько конкретных факторов, которые препятствуют реализации "Конца истории". Следовательно, именно эти факторы должны особенно внимательно изучаться и использоваться теми силами, которые стремятся сорвать мондиалистские планы. Но при этом важно ясно осознать, что те "уступки" традиционному обществу, которые делает Хантингтон в своем пессимистическом (для мондиалистов) прогнозе, он сам рассматривает как временные препятствия. непреодолимые в настоящий момент, но обреченные на поражение перед лицом универсальной и интеграционной миссии Запада. Поэтому истинный антимондиализм должен выдвинуть свой собственный третий проект, который был бы полной противоположностью Фукуяме, но при этом радикализовал бы антимондиалистские элементы, которые допускаются в проекте "войны цивилизаций" Хантингтона. Это требует внесения некоторых изменений в тот анализ ситуации, который Хантингтон предлагает со своей стороны.

3. Третий проект

Во-первых, надо сразу заметить, что выделяемые Хантингтоном цивилизации не являются равнозначными системами, соотносящимися друг с другом схожим образом. Среди них есть несколько цивилизаций, которые явно обладают универсалистскими претензиями и

совершенно особо понимают историческую телеологию, т.е. смысл и цель истории человечества. Другие же цивилизации, несмотря на свою развитость, древность и духовную полноценность обладают все же локальным характером, эсхатологически не заострены и не претендуют на универсальную миссию в планетарном масштабе. Это соображение привносит первое важнейшее деление в перечисленные Хантингтоном цивилизационные круги.

Так, западная, исламская и славяно-православная цивилизации явно обладают своей собственной универсалистской идеей, полагая, что только им принадлежит последнее слово в истории человечества. Тогда как конфуцианская, японская, индуистская, латино-американская и потенциальная африканская цивилизации никакой глобальной теологической миссией сами себя не наделяют, либо, если некоторые попытки все же имеются, речь идет о довольно искусственных и маргинальных теориях. Таким образом, потенциальные войны между цивилизациями изначально приобретают совершенно различную семантическую нагрузку.

Конфликт между цивилизациями с претензиями на универсальность — это один случай, теоретически предполагающий глобальность в самой своей основе.

Конфликт между цивилизациями без мессианских тенденций имеет совершенно иное значение, ограниченное региональными аспектами.

И наконец, можно рассмотреть третий случай, когда речь идет о потенциальном столкновении мессианской и немессианской цивилизаций. Это явно имеет новое, третье значение.

Иными словами, можно сказать, что три мессиански ориентированные цивилизации скорее всего будут динамически провоцировать конфликты на планетарной шкале, т.е. действовать не просто как рядовые цивилизационные субъекты, но как носители интегральной планетарной идеологии. Следовательно, эти цивилизации — западную, исламскую и православную — следует с самого начала рассматривать как главных участников идеологической войны относительно смысла истории, в которую они постараются втянуть остальные локальные цивилизации.

Тут следует сделать еще одно различие. Среди трех мессианских цивилизаций, одна находится в исключительном, привилегированном положении. Это западная цивилизация. Именно ей принадлежит ведущее место в контроле над планетарной реальностью и именно ей подчиняются все существующие международные институты. Таким образом, если мессианство православного и исламского мира являются потенциальными тенденциями, то западный мир, фактически, стоит на пороге полной реализации своих универсалистских претензий, т.е. ему почти что удалось утвердить свое понимание истории и ее конца.

Такой "избранности" и "привилегированности" Запада соответствует и еще одно важнейшее обстоятельство. Если все остальные цивилизации, как мессианские, так и немессианские, в целом являются традиционными, продолжающими, хотя и в современной форме, линии развития, предшествующие Новому Времени, то Запад основывает свое могущество как раз на отрицании Традиции, на опровержении всех аспектов традиционного общества, которое оно признает "отсталым", "архаичным", "неразвитым", "консервативным" и т.д.

Отсюда следует последнее соображение: западная мессианская антитрадиционная универсалистская цивилизация одна противостоит как альтернативным мессианским цивилизациям исламу и православию, так и всем остальным немессианским традиционным цивилизациям. Следовательно, главной и основополагающей линией "войны цивилизаций" однозначно является линия "Запад против всех остальных", the West against the Rest. А с позиции противников мондиализма закономерно напрашивается обратная формулировка "the Rest against the West", "все остальные против Запада".

Если войне цивилизаций суждено произойти, то ее главным и центральным фронтом будет борьба против Запада и его цивилизации всех остальных стран. Причем в этой борьбе роль исламского и православного миров заведомо представляется центральной и активной. возможно даже агрессивной и наступательной, тогда как остальным цивилизациям отводится роль пассивная и оборонительная, на уровне национально- освободительной борьбы против западного влияния.

Все эти соображения показывают, что третий проект, антимондиалистский проект должен иметь следующую форму.

В планетарной борьбе цивилизаций правильной желательной конфигурацией было бы всеобщее объединение всех стран и народов в геополитическом крестовом походе против Запада. В основе этого похода должен стоять православно-исламский альянс, так как именно для исламской и славяно-православной цивилизаций западная версия мессианства представляет собой ярко выраженную манихейскую противоположность их собственным эсхатологическим и телеологическим устремлениям. Если мы внимательнее приглядимся к интеллектуальному климату исламского и православного миров, мы увидим, что такое мессианское сознание продолжает жить у представителей обоих цивилизаций несмотря на все исторические перипетии, выпавшие на их долю: антиамериканизм и антизападничество — общее место современного ислама и современного православия.

Славяно-православный мир вместе с исламским миром представляют собой авангард противостояния "всего остального" (the Rest) Западу. Именно от активности такого альянса зависит эффективность антизападной стратегии в планетарном масштабе. При этом важно подчеркнуть, что, конечно, православный и исламский эсхатологизм представляют собой различные и не сводимые к единой доктрине тенденции, но по сравнению с антитрадиционной линией Запада между исламом и православием больше сходства, чем различий. И уже на совершенно прагматическом уровне, очевидно, что всерьез эсхатологический спор между исламом и православием может состояться только при условии исключенного третьего, т.е. только после вынесения за скобки западной цивилизации (а до этого еще так далеко, что даже думать об этом утопично). С другой стороны, все актуальные трения между исламом и славяно-православной цивилизацией, вне всякого сомнения, выгодны исключительно Западу, так как в результате напряженности Запад отвлекает силы своих самых главных и опасных исторических и геополитических противников. Православно-исламский конфликт в высшей степени выгоден Западу, и уже по этой причине легко понять, что он в такой же мере невыгоден исламу и православию. Поэтому антимондиалистская стратегия должна брать в качестве отправной точки безусловный и как можно более прочный и долговременный православно-исламский союз.

Далее, антизападная линия должна активно проводиться православно-исламским авангардом в другие, менее динамичные цивилизации. В этом смысле, указанные Хантингтоном конфуцианско-исламские связи следует только приветствовать. Более того, всякое геополитическое и стратегическое сотрудничество России и исламских стран с

другими цивилизациями имеет колоссальное значение в общей антимондиалистской стратегии. При этом тактически следует разумно распределять роли и сосредоточивать усилия России там, где ислам наталкивается на определенные проблемы, и наоборот.

Так, к примеру, в Индии, Латинской Америке и неисламской Африке разумнее всего интенсифицировать антизападную линию через Россию, в то время, как Китай, Япония и исламская Африка предпочтительней пойдут на контакты с исламскими странами. Если при этом духовная элита православной и исламской цивилизаций будет осознавать в общих чертах императив цивилизационного стратегического сотрудничества перед лицом тотального врага, то в перспективе можно будет говорить о тонкой координации всех подобных усилий в планетарном масштабе. И основной целью такой координации будет перенесение цивилизационных трений в русло единого универсального противостояния по линии the Rest against the West. Общий враг минимализирует противоречия внутри разнообразных компонентов "остального мира".

И наконец, последним важнейшим моментом антизападной стратегии является уязвимость тезиса Хантингтона о единстве западной цивилизации, куда он включает Западную Европу и США. Если США действительно и абсолютно являются синонимом Запада, как в геополитическом, так и в историческом, культурном смысле — эта страна изначально основывалась на отрицании традиций, на искусственном воплощении в жизнь абстрактных гуманистически-утопических либеральных принципов, то остальные европейские страны помимо очевидного западного компонента имеют и еще одно потенциальное традиционное измерение. Особенно это относится к странам Средней Европы и Испании, но определенные аспекты сохранились даже в либеральной и антитрадиционной Франции. Некоторые европейские интеллектуалы антиамериканского и традиционалистского направления говорят о различии и даже о противоположности концептов "Запада" и "Европы". "Европа", по их мнению, это нечто традиционное, связанное с религиозностью, этикой, этническими и национальными нормативами, тогда как "Запад" есть чистое отрицание всей Традиции и искусственная цивилизация, родившаяся в период глубочайшего европейского кризиса, в период "Заката Европы" не как продолжение европейской истории, а как ее отрицание, ее вырождение. Следовательно, потенциально можно включить в антимондиалистский планетарный фронт антиамериканские и традиционалистские течения в самой Европе, что позволило бы расколоть еще больше неустойчивое единство Запада.

По крайней мере теоретически имеет смысл включить Европу, противопоставленную США, в общий фронт планетарного антимондиализма, а это на практике означает необходимость геополитического давления на Европу со стороны России и исламского мира и выработку разнообразных геополитических проектов с общей тенденцией причинить максимальный вред безраздельному господству США в мире. И в данном случае ключевой страной является, безусловно, Германия. Идеальным же случаем будет организация франко-германского сотрудничества и параллельное превращение Европы в независимый от США самостоятельный геополитический сектор как пространство самостоятельной и отличной от Запада цивилизации. Такая европейская (романо- германская) цивилизация в перспективе могла бы играть самостоятельную роль в эсхатологической развязке истории, но для этого вначале необходимо покончить с Фукуямой и той суммой цивилизационных тенденций, которые воплотились в его проекте "Конца истории".

4. Конкретные рекомендации (Анти-Хантингтон)

Исходя из главной цели — борьбы с Западом и мондиализмом — и основываясь на тезисах Хантингтона, нетрудно сформулировать ряд рекомендаций, которые будут прямой противоположностью тому, что сам Хантингтон советует властителям Запада. По пунктам:

— Необходимо всемерно расшатывать американо-европейские отношения, поощрять дисгармонию и конфликты в этой сфере; следует всемерно акцентировать то, что разделяет Старый Свет и Новый, и всемерно затушевывать то, что их объединяет. В этом смысле полезно обратиться к европейской геополитической традиции т.н. "континентализма" (Хаусхофер, Никиш, Шмитт, Курт фон Бекманн, Лео Фробениус и т.д.), где было подробно разработана антизападная линия. В более актуализированной форме сходные темы легко найти и современных европейских "новых правых" (и некоторых "новых левых");

— Важно максимально мешать процессу интеграции в западную цивилизацию тех стран Латинской Америки, Восточной Европы и Востока, которые к этому стремятся. С этой целью имеет смысл разработка геополитических проектов, в которых эти страны могли бы получить определенные выгоды от сотрудничество с представителями незападных цивилизаций;

— Сделать все возможное, чтобы предельно обострить и испортить отношения с США России и Японии, прибегая для этого к любым политическим и экономическим методам. Охлаждение американо-российских и американо-японских отношений заставит объективно доже самое проамериканское правительство в этих странах следовать национальным курсом;

— Постараться перевести локальные конфликты между цивилизациями в единую общепланетарную конфронтацию с Западом, в кокой бы суровой форме это ни выразилось.

— Всемерно поощрять военную мощь православных, исламских и конфуцианских государств а целях дестабилизировать западную экономику, вынужденную конкурировать сразу с несколькими потенциальными противниками. России имеет смысл продавать оружие, в том числе ядерное, исламским странам — особенно Ирану и Ираку, а также Ливии. Ядерному атеизму Запада должны противостоять ядерное православие и ядерный ислам;

— Всячески поощрять пацифистские движения в США, используя при этом важный фактор неорелигиозности и неомистицизма. Имеет смысл сохранять и наращивать стратегическое вооружение России но Дальнем Востоке и по возможности подключить к этому Японию (в обмен на высокие технологии и финансовую поддержку). Японию следует рассматривать как главного стратегического союзника России в тихоокеанской области против США в самом ближайшем будущем. Имеет смысл также поддержать политическую экспансию Китая в южном направлении;

— Устранять и сглаживать трудности в контактах православных. исламских, конфуцианских и других стран, принадлежащих к незападным цивилизациям, стараться идти на компромиссы, чтобы не допустить возгорания внутренних конфликтов внутри потенциального антимондиалистского блока;

— Выявлять и по возможности подавлять и подвергать гонениям группы, которые являются проводниками западного влияния, особенно в тех странах, чей геополитический

статус является неопределенным. Кроме того, следует по возможности притеснять и маргинализировать те социальные прослойки, которые объективно препятствуют созданию планетарного антизападного блока и провоцируют конфликты среди незападных цивилизаций. Особенно это относится к антирусским и антиправославным тенденциям в исламе и антиисламским тенденциям среди русских и православных.

— Саботировать, разлагать и дискредитировать деятельность международных институтов, проводящих в жизнь интересы западной цивилизации, провоцировать или инспирировать выход из них максимально большого количества стран, о в перспективе их роспуск или, по меньшей мере, их перерождение из универсальных в региональные и локальные.

К сожалению, в настоящее время реализуются практически исключительно тезисы Хантингтона, а противоположная, антимондиалистская стратегия до сего времени даже не была никем сформулирована, не говоря уже о ее реализации. Югославский конфликт (см. "Элементы" N2) является мондиалистской провокацией Запада по отработке столкновения между собой его цивилизационных противников. Сходный сценарий планируется осуществить и на территории бывшего СССР, где исламский фактор последовательно противопоставляется православно-славянскому, а западно-славянский (проевропейский) великоросскому. В интересах же и ислама. и православия, и этносов, тяготеющих к Европе, было бы, напротив, заключение стратегического альянса и теснейшее взаимодействие в общем евразийском континентальном блоке.

Центр Специальных Метастратегических Исследований

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (ЧАСТЬ VIII)

АПОКАЛИПСИС СТИХИЙ

(От геополитики к философии истории размышления о теории элементов Карла Шмитта)

1.1 Цивилизационных стихий только две

Связь цивилизационной структуры с доминацией той или иной стихии Суши и Моря является осью концепции Карла Шмитта и ее наиболее сильной и впечатляющей стороной. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не просто об абстрактном приложении сакральной теории 4 элементов к культурно-историческому анализу, но о вычленении фундаментального исторического (а не только природного) дуализма двух стихий Суши и Моря, Земли и Воды, причем этот дуализм становится действительно историческим фактором лишь тогда, когда он осознается и интеллектуально переживается человеческим обществом. Чтобы пояснить, что, собствен но, мы имеем в виду, укажем на отсутствие упоминания об огненной стихии и ее философского, культурного и цивилизационного анализа у Шмитта (об этом речь пойдет ниже). А относительно воздушной стихии, связанной с эпохой воздухоплавания, Шмитт утверждает, что она не породила собственного "номоса", собственного цивилизационного типа, будучи техническим продолжени ем исторической траектории, утвержденной цивилиза цией Моря. Аэрократия и еще более актуальная эфирократия, т.е. воздухоплавательные и космические стадии развития техники не спровоцировали таких глобальных перемен в ходе человеческой истории, какие принесли с собой открытие Мирового Океана и его вызов.

Гениальная интуиция Шмитта совершенно верно подсказывала ему, что космос не несет в себе ни настоящего вызова, ни исторического ответа, а космические исследования в условиях "эфирократии" лишь демонстриру ют агонию закабаляющей, но не освобождающей технократической цивилизации. На первый взгляд, кажется, что такой подход к исторической диалектике стихий у Шмитта, если учесть его имплицитно антиталассокра тические симпатии, должен стать базой сугубо консервативной доктрины с подчеркнуто экологической подоплекой. Возникает соблазн именно так понять заключительные слова из его статьи о "Планетарном напряжении между Востоком и Западом":

"Новые пространства, откуда появится новый вызов, должны находиться на нашей земле, а не вне ее в открытом космосе".

Так чаще всего и поступают последователи Шмитта, учитывая при этом и его консервативные взгляды в политике. Но, на наш взгляд, это было бы слишком просто. Если новый вызов есть не что иное, как возврат к сухопутной ориентации после революционной эпохи доминации "раскрепощенной техники" и океанической цивилизации, даже из-за страха перед технологической или экологической катастрофой, тогда духовное напряжение исторической диалектики теряет свое драматическое измерение, становится почти природным циклизмом, отождествляется с тем статично- полярным напряжением, на преодолении которого, согласно самому Шмитту, основана вся сугубо человеческая духовная история. Цивилизационный дуализм Суша-Море должен разрешиться как-то иначе.

Шмитт склонен считать переход к аэрократии и далее, к эфирократии, лишь естественным развитием стратегии Моря, а не знаками новых революционных эпох. Таким образом, можно сказать, что стихия Воды в своей универсалистской экспансии, осуществляющейся как раз за счет Суши и пространств, ей традиционно подчиненных, ставит на службу себе две другие стихии воздух и эфир (вакуум), которые, с физической точки зрения, суть не что иное, как все более разряженные состояния материи. Иными словами, водная стихия моря проявляет себя через подчиненные стихии воздуха и эфира, продолжая свою цивилизационную тенденцию к "разжижению"; при этом напомним, что именно эта тенденция и породила историческую диалектику "морского существования" и связанные с ним раскрепощение техники и этапы промышленной революции.

Как объяснить в таком случае успехи в воздухопла вательной и космической сферах такой сухопутной сверхдержавы, как СССР последнего по времени планетар ного выражения геополитического Бегемота, сил континентальных масс и сухопутного Номоса? Точно так же, как гениально объяснил сам Шмитт историческую функцию марксизма в России: это было концептуальное вооружение доктриной второй промышленной революции альтернативной элиты, сумевшей волевым и сознатель ным образом превратить архаическую сухопутную страну в гигантский индустриально-технический бастион, способный 70 лет успешно противостоять многоплановому напору океанической цивилизации. Использование аэрократии и эфирократии Восточным блоком было продолжением марксистской стратегии промышленной революции для сопротивления буржуазной цивилизации Запада.

Итак, один член исторического дуализма Море включил в себя в процессе своего планетарного утверждения другие стихии. Если во времена написания Шмиттом статьи "Планетарная напряженность" 1959 год этот процесс был в зародыше, то к 80-м годам он стал прозрачным и очевидным для всех. Море освоило Воздух и Космос.

Тут мы подходим к важнейшей точке новейшей истории, которая является пробным камнем для подавляю щего большинства идеологий и социально-политических доктрин, считавшихся вполне приемлемыми вплоть до самого последнего времени.

Мы имеем в виду крах Восточного блока и перестройку.

1.2 Конкретность вселенского потопа

Это событие является ключевым для проверки адекватности взглядов Карла Шмитта. Рассуждая в его терминах, можно описать это событие следующим образом.

Конец Восточного блока, воплощавшего в наш век планетарную тенденцию Суши, противостоящей Морю, означает конец того исторического этапа, в котором было возможно эффективное использование концептуаль ной структуры, резюмирующей вторую стадию промышленной революции для глобальной конкуренции с цивилизацией Моря, с Западом и миром, отождествившим свою судьбу с неограниченным развитием раскрепощен ной техники. Иными словами, это был конец адекват ности марксизма. Силы Суши утратили оборонную концептуальность, бывшую действенной, пока условия того ответа, который дал Маркс на современный ему вызов европейской истории, не изменились окончательно и бесповоротно.

Одним из объяснений краха Советского блока является его отставание в сфере технологической конкуренции, причем главным моментом в этом отставании была невозможность адекватно ответить на американскую программу СОИ. Иными словами, Море выиграло техноло гическую дуэль у Суши в сфере эфирократии высоких технологий, связанных со стратегическими изобретения ми в космической области.

Что это означает, с точки зрения диалектики истории?

Первое: Море, породившее импульс технического рывка и в дальнейшем техническую цивилизацию, победило все-таки Сушу, хотя та и заимствовала своевременно и эффективно новейшую (для своего времени) концепту альную технологию у самого Моря. Этот процесс строго совпал по времени с окончанием второго этапа промышленной революции. На теоретическом уровне это стало проясняться с начала 70-х годов параллельно быстрому вырождению коммунизма и социализма в Европе. На практике точка была поставлена в перестройку. Третий этап промышленной революции нуждался, по меньшей мере, в новом Марксе и новом марксизме. Им мог бы стать европейский фашизм, но эта попытка оказалась абортивной как на теоретическом уровне, так и на физическом плане Германия потерпела поражение от более цивилизационно последовательной сухопутной державы (СССР), поддержанной в этом случае Морем (как бывало уже много раз в истории от Наполеона до Первой и Второй мировых войн). Нового Маркса не было, видимо, не могло и не должно было быть.

Второе: Крах Восточного блока означает реальную глобализацию Моря, которое от роли судьи и контролера переходит к роли автократора (самодержца). Это мондиализм, цивилизационная интеграция планеты под эгидой Запада. В религиозном языке для этого события есть только одно название Всемирный Потоп, конец номоса Земли и универсальная доминация номоса Моря. Вспомним также апокалиптического зверя, выходящего именно из Моря[100]. Это влечет за собой окончательный переход от эры противостояния двух стихий к эре покорения одной стихией другой, враждебной ей.
Можно сказать, что это начало "универсального мира". Левиафан побеждает Бегемота, Кит Медведя. Триумф Моби Дика над Русским Медведем.

Третье: Морю отныне подчинены остальные стихии покоренная Суша (побежденный враг, Hostis), Воздух и Эфир (естественные союзники, солидарные с водной диалектикой, Amicus) служат идеовариациями Моря, подручными стихиями планетарного Корабля, Мирового Острова (World Island, в терминах Спикмена, а не Макиндера). Это эра One World, постиндустриальное общество, эпоха глобальной информатизации и автоматизации. На языке самых авангардных интуиций Маркса это называется "реальной доминацией капитала"[101]. Время исчезновения идеологий, время постмодернизма и "конца истории".

Вызов открывшегося Океана, принятый англосакса ми, давшими ответ, который воплотился в техно-инду стриальном рывке, отлился в современную западную

[100] Любопытно исследовать геополитический смысл символизма "лжепророка" или "другого зверя". О нем в "Апокалипсисе" говорится следующее: "И увидел я другого зверя, выходящего из земли"(Ап. 13, 11). Т.е. этот "другой зверь" принадлежит Суше. Но там же подчеркивается, что "он действует перед ним со всею властью первого зверя" (Ап. 13, 12). Иными словами, речь идет о "духе Суши", перешедшем на сторону стихии Моря, на сторону Левиафана. Как сам "зверь, выходящий из моря", есть представитель сатаны-дра кона, его субститут (т.е. атлантизм есть историческое выражение мирового зла), так "другой зверь" или "лжепророк" есть в свою очередь уже представитель "зверя из моря", т.е. его субститут. Атлантистское лобби в державах Суши выполняет именно эту функцию.

[101] См. Жан-Марк Вивенза «От формальной доминации капитала к его реальной доминации», «Элементы» № 7.

цивилизацию, подчинил весь мир и обрел окончательную форму в глобальной автократии Америки, того самого континента, с обнаружения которого Колумбом и начался "современный мир". Этот вызов завершил свое историческое проявление в крахе Восточного блока, в перестройке и распаде СССР. Раскрепощенная техника (entfesselte Technik) преодолела все внешние преграды. Власть Моря отныне абсолютна. Она воплощена в гегемонии технократического Запада, стратегическом первенстве США, доминации текучего капитала, полной размытости традиционных ценностных структур. Собствен ность, наследство, брак, жилище все это утратило то значение, которое имело в эпоху сухопутного существо вания, в эпоху номоса Земли.

1.3 Упущенный из виду элемент

Хотя Шмитт говорит об одноразовости подлинно исторических событий, предпочитая избегать любые формы детерминизма и систематизации, все же, будучи христианином, он вряд ли мог отрицать наличие у истории Конца и, следовательно, некоторой телеологии. Его отказ от телеологии Гегеля или Маркса не означает отказа от телеологии вообще. Как абсолютно честный мыслитель (и в этом смысле он схож с Хайдеггером) он не хочет ограничивать ни у себя, ни у других свободную интуиции истины, считая, что в этом и состоит высшее человеческое достоинство и интеллектуальная свобода, проецирующиеся, в конце концов, в Политику (das Politische) и в Решение (die Entscheidung). Во всех рассуждениях Шмитта имплицитно присутствует нормальный для христианина эсхатологизм: он подчерки вает уникальность Нового Времени, заключающуюся в его глобализме, и в его отношении к "раскрепощенной технике" и морскому существованию легко угадываются апокалиптические нотки.

Очевидно, что Шмитт осознал параллелизм между библейским повествованием о творении Суши как результате отхода Вод и актуальной ситуацией, представляющей собой нечто обратное наступление морского существования на сухопутное, т.е. символическое захлестывание Земли Водой. При этом важно, что перманентная в истории талассократическая тенденция лишь в настоящее время вступает в свою океаническую фазу, обретает максимально возможный масштаб. Излучение океанической талассократии в стратосферу и космос лишь иллюстрирует собой предельность ее победы.

Но возникает закономерный ретроспективный вопрос: почему именно номос Земли, Суши стал матрицей человеческого существования в тысячелетия Традиции? И далее, почему столь устойчивая сухопутная структура традиционного номоса (не опрокинутая ни потамически ми (речными), ни ограниченно талассократическими, ни кочевническими отступлениями) пала в конце концов жертвой хаотической стихии Океана?

Книга Бытия, утверждая существование Вод прежде Суши, намекает на некоторую первичность Хаоса по сравнению с порядком, и индоевропейская мифология во множестве сюжетов подтверждает это. В некотором смысле можно предположить(как это имеет место в герметиче ской традиции), что Земля это сгущенная Вода, а в терминах географии, что Суша это дно Океана, освобожденное от Воды. Но эта отвоеванная у хаоса территория, номос, Суша, Континент, Heartland Макиндера, Митгард древних германцев, крепость Порядка, исторический Полис есть не причина традиционного номоса, но результат какого-то трансцендентного воздействия, зафиксированный в природе след Сверхприродного, отпечаток того, что можно было бы назвать истоком Истории. Русское слово, обозначающее твердую землю, das feste Land, die Erde, позволит нам приблизиться к этой таинственной силе. Это слово Суша. В нем этимологиче ски содержится указание на качество сухости, отсутст вующее в других языках. А это качество, в свою очередь,

вызывает ассоциацию с теплом, жаром и Огнем, тем последним забытым элементом, пятой стихией, которая привычна для античных классификаций, но почему-то отсутствует в цивилизационном и историческом анализе Шмитта.

И тут же мы вспоминаем о Гераклите, который вопреки Фалесу Милетскому и другим философам-талассо кратам утвердил революционную теорию происхождения Вселенной из Огня. Огонь безусловно, элемент трансцендентный по отношению к стихиям земной среды. Если Земля, Вода и Воздух являются внутренними по отношению к нашей планете и ее обитателям, и даже космический вакуум, окружающий стратосферу может быть рассмотрен как внутренняя по отношению к среде квинтэссенция (эфир), то Огонь, Тепло, Свет приходят к нам извне, от сияющей жертвенной звезды, Великого Солнца. Обычные элементы это стихии людей. Огонь стихия Богов, субстанция духовных Небес. И полярность Огня по отношению ко всем остальным элементам не вписывается в ту статическую, сугубо природную, схему, которую справедливо вычленил Шмитт, говоря о природной напряженности между Сушей и Морем, и которую он совершенно правильно отделил от напряженно сти, свойственной диалектике человеческой истории. На самом деле, напряжение, провоцируемое Огнем, и есть сущность диалектики, и если относительно происхожде ния Природы можно согласиться с Фалесом, то относительно происхождения Истории прав только Гераклит. Дар титана Прометея людям, божественный Огонь, сведенный на землю, и есть главный таинственный субъект исторической диалектики, agent invisible алхимиков, философский ребенок того же Гераклита, разворачиваю щий сквозь века и циклы содержание своего солнечного духа, небесного гнозиса.

Трансцендентный Огонь разгоняет изначальные Воды, чтобы возникла Суша. Трансцендентный Огонь почитается как главный Принцип людьми Земли они ставят его в центре своего Дома (священный очаг), в центре своего Храма (священный алтарь), в центре своего тела (почитание сердца), в центре своего мира (солнце, дающее ориентации пространства и измерение времени). Сухопутный номос Земли следствие субтильного влияния Огня. Сухопутным порядком человечество ответило на вызов Трансцендентного, и тем самым вступило в Историю, поднялось над природой и стало самим собой. Дом это ответ на Солнце. Суша и ее цивилиза ция это продукт интеллектуально осмысленного Огня.

Пока связь между Огнем и Землей осознавалась, океанического вызова не существовало. Талассократия уравновешивалась теллурократией, и римская Веста победоносно крушила рождающийся из пены Карфаген, всякий раз, когда тот посягал на универсализацию своего культурного и цивилизационного послания. Когда священный огонь угас в домах людей, в сердцах людей, в их храмах, раздался апокалиптический рев Ливиафана. И Суша, потерявшая свой смысл, свой центр, свою мощь, отныне была обречена на то, чтобы проиграть эсхатоло гическую дуэль Морю.

Перестройка и заклание Бегемота стали неизбежны уже в тот момент, когда Традиция стала консерватив ной, когда ответ, данный на вызов трансцендентного Огня, окончательно заслонил собой вопрос, когда номос Земли перестал сверять свои нормы с номосом Неба. В конечном счете, вся человеческая история не что иное, как интерлюдия между Первовспышкой волшебной звезды и вселенским потопом.

1.4 Икона и Суша

Очень интересны замечания Шмитта относительно иконографии и его обобщения о связи Образа с Западом. Это имеет прямое отношение к стихии Огня, так как зрительная способность элемент светового измерения реальности, которое, в свою очередь, является одним из аспектов Огня (наряду с жаром). Если принять генетическую связь Суши с Солнцем, вскрытую нами, то станет понятным и связь Иконы, сакрального зрительного изображения с номосом Земли. Естественно, простран ственная неподвижность, фиксированность, упорядочен ность среды сами собой тяготеют к выражению в образе символе, иероглифе, картине. Огонь как бы выхваты вает у текучей реальности некий фрагмент, преображаю щийся в Образ, в Икону, в нечто постоянное. В этом как бы повторяется таинство происхождения изначаль ной Суши из массы водного хаоса. Номос земли через Икону постоянно напоминает о своем истоке. В этом смысле поклонение иконам и вообще использование живописи, действительно, является ярким признаком традиционного, земного, континентального существования.

Это соображение помогает развить те замечания, которые Шмитт высказал относительно исторической миссии Испании. Католическая Испания, водрузившая на всех завоеванных землях лик Пречистой Девы, выполняла невероятно важную миссию нейтрализации Океана (и его вызова) посредством Огня. В чем-то эта планетар ная операция была аналогична исторической функции марксизма в России: в обоих случаях вызов Моря был принят с тем, чтобы по возможности нейтрализовать его пагубные для номоса Земли последствия и постараться превратить яд в лекарство. Проигрыш Испанией морской битвы с английскими пиратами был чреват страшными планетарными последствиями: на заатлантиче ском острове англосаксы посеяли семена той апокалип тической цивилизации, которой было суждено воплотить Левиафана во всей его эсхатологической, финальной мощи. Из пены возник Континент-Корабль, превосходящий по всем параметрам свой европейский прототип. Этому чудовищу было на роду написано погасить священный огонь, разбить Образ, установить на планете свой "новый мировой порядок". Естественно, доминирующим мировоззрением новорожденного монстра были идеи крайних протестантских сект, баптистов, пуритан, мормонов и т.д., отличающихся предельной степенью иконоклазма, церковного модернизма и светоне навистничества. Обреченная латино-американская герилья, основанная на смеси марксизма (sic!) и католиче ской теологии освобождения (sic!!) вот все, что осталось сегодня от амбициозного планетарного демарша испанцев-конквистадоров по срыву вселенского потопа.

Но тут возникает одна теоретическая трудность, не до конца разобранная Шмиттом. Дело в том, что он упоминает о привычке отождествлять зрительный Образ и иконопочитание с Западом, а его отрицание, иконоклазм с Востоком. Сам же Шмитт приводит несколько примеров, опровергающих однозначную правоту такого отождествления. Разберемся с этим несколько подробнее. Тем более, что это вплотную затрагивает важнейшую для нас проблему исторический смысл России и ее миссии.

1.5 Абсолютные Amicus et Hostis портреты во времени и пространстве

Здесь мы имеем дело с проблемой, метафизический смысл которой разбирался в другой нашей книге ("Мистерии Евразии", глава "Подсознание Евразии"). Речь идет о типичном для европейских мыслителей отождествле нии своей Традиции с Западом. При этом часто речь идет не просто о Западе, но о Северо-западе. И более того, иногда сливаются даже три географических понятия Запад, Северо-запад и Север. Этому противопос тавляется Юг, Юго-восток и Восток, чаще всего, также сливающиеся в одну цивилизационную картину, представленную семитическим культурным ландшафтом Ближнего Востока,

наиболее знакомого Европе исторически. При этом такой взгляд иногда выводится из римского, а иногда и из христианского наследия.

Но речь идет, на самом деле, об оптической иллюзии, которой европейцы обязаны географии. Только самые глубокие умы и в первую очередь, Рене Генон смогли отстраниться от этого смешения и посмотреть на вещи с иной, более адекватной позиции. Так, Рене Генон совершенно справедливо указывал, что, с точки зрения реальной (и сакральной) географии, континент-Евразия представляет собой огромную массу Суши, где Европа является лишь западным мысом, полуостровом, устремленным в Атлантику. Индоевропейские народы же живут на всем материке от Индостана через Иран и Россию до самой Европы. Арийская Индия хранит память о наиболее древних мифах и интеллектуальных воззрениях белой расы, а православное христианство распространяется далеко за Урал вплоть до Тихого океана, занимая пространства, по объему превосходящие Европу. Впрочем, историческая узость и привитые клише вообще не позволяют европейцам относиться к православ ной культуре России как к совершенно аутентичной христианской традиции, причем вверенной белому индоевропейскому народу. Очень показательно в нашем контексте, что именно в православной России применитель но к священному образу сохранилось греческое название "икона", и более того, именно православная, русская икона сегодня в полной мере поддерживает подлинно христианскую традицию, практически затухшую на Западе.

Рене Генон, рецензируя книгу немецкого профессора Германа Вирта "Происхождение человечества"[102], указал, что следует различать такие понятия, как североат лантический (северо-западный), гиперборейский (северный) и атлантический (западный) регионы.

На самом деле, почитание Огня и сухопутный номос Земли, старательно изучавшийся Шмиттом, это отличительное качество индоевропейских белых народов в целом, которые спустились в Евразию с Севера, расселив шись по всему ее пространству с Запада на Восток и с Востока на Запад. Там, где есть индоевропейцы, там есть Икона, священная живопись, поклонение Огню и Свету, солярные мифы, традиционная иерархия и память о Гиперборее. Священными образами изобилует Индия. В Иране даже после исламизации а ислам строжайшим образом запрещает изображения людей и животных процветала миниатюра и самая настоящая живопись. В русской православной Церкви почитались не только иконы, но и иконописцы, а православный исихазм, доктрина Нетварного Света, была централь ной жизненной линией Русской Церкви. Икона неотъемлемый атрибут индоевропейцев и должна быть отождествлена именно с Севером, с Гипербореей, древнейшей прародиной нормального и традиционного сухопут ного номоса Земли.

Неприязнь к изображению, иконоклазм, свойственен также не столько Востоку, сколько Югу. Это вполне нормальная географическая симметрия, если принять во внимание гиперборейские истоки индоевропейцев. Если раса Севера поклоняется огню и изображению, то противостоящая ей раса Юга должна поклоняться антитезе Огня (например, Воде) и антитезе иконы (например, звуку). Любопытно, что сам Генон соотносит этот культурный дуализм с оседлостью и кочевничеством: оседлость сопрягается им с фигурой библейского Каина, зрительным образом и временем, тогда как кочевничество с Авелем, вербальностью и пространством[103]. Это прекрасно вписывается в дуальность элементов, разбираемую Шмиттом. Морское существование (хотя и строго разделенное с кочевничеством) представляет собой такое экстремальное развитие номадизма, которое переходит в новое качество в тот момент, когда заканчивается путь от

[102] См. ж-л "Милый Ангел" N 1, Москва, 1991.
[103] См. Рене Генон "Царство количества и знаки времени", Москва, 1994.

су хопутного кочевничества через плавание по материко вым морям и вплоть до решительного выхода в открытый Океан.

Крайне любопытна и еще одна деталь: Генон утверждает, что семитская традиция является традицией отнюдь не восточной, но атлантической, западной и одновременно кочевнической. Отсюда, согласно ему, и позитивное отношение к скотоводу-Авелю в библейском повествовании. Более того, Генон указывает на тот факт, что для строительства храма Соломонова великий архитектор был приглашен из числа чужеземцев, и доказывает, что речь шла о представителе индоевропейской традиции, так как для нее было характерно культивирова ние сакральной архитектуры, т.е. строительства того Дома, который, по Шмитту, лежит в основе номоса Земли, а сами семиты-кочевники имели иную социально - сакральную структуру.

И наконец, относительно Востока Генон утверждал, что эта сторона света более всех остальных сопряжена с Традицией, с постоянством сакральных архетипов, с верностью истокам. В книге "Восток и Запад" он подробно развил аргументацию в подтверждение этого тезиса. Можно сказать, что Генон однозначно связывает Восток с Севером, считая его историческим приемником изначальной нордической Традиции. Кстати, относительно тождества концепции Света Севера и Света Востока блестящие пассажи можно найти у Анри Корбена, лучшего современного специалиста по иранской традиции и переводчика великого Сохраварди.

Итак, подведем итог нашим замечаниям. Север отождествляется с индоевропейской традицией, оседлостью, почитанием Огня и Образа. Кроме того, Север сакрально связан также с Востоком. Именно эти две ориента ции следует взять в качестве изначальных в вопросе об истории развития номоса Земли и его центральных силовых линиях. Защита иконопочитания в истории, таким образом, является отнюдь не западной, но северной или восточной тенденцией. Эта линия характерна для всей Евразии от Индии до Ирландии. Она совпадает с исторической траекторией Света Севера, Nordlicht, и с народами и культурами, выступающими в качестве носителей этого Света. Это дорическая Спарта, имперский Рим, зороастрийский Иран, ведическая Индия, Византия, православная Русь, католические Ирландия и Испания. Это лагерь номоса Земли.

На противоположном полюсе истории, соответствен но, находятся Юг вместе с Западом(!), кочевники-семи ты, иконокласты, зародыши талассократии, торговой цивилизации и "технологического рывка". Генон назвал бы этот лагерь "предпосылками антитрадиционной цивилизации" и "строителями Великой Пародии". Следует также напомнить изложенную Геноном в "Царстве количества" идею относительно эсхатологического растворения Яйца Мира, "диссолюции", что точно и хронологически и типологически совпадает с триумфом Моря, разобранным Шмиттом. Генон так же, как и Шмитт, связывает это растворение с техническим прогрессом, либеральной идеологией и западной цивилизацией Нового Времени. Англосаксонский мир весь в целом вызывал у него чувство глубокой неприязни и настороженности.

И наконец, роль семитского фактора западного и кочевнического, по Генону; южного, если оценивать распространение семитов с позиций Евразии; сопряженного с торговлей и свободным обменом, свойственным всем талассократиям (Карфаген против Рима); стоявшего у истоков капитализма (критикуемого как Марксом, так и Зомбартом); иконоборческого и враждебного всему индоевропейскому в религиозных вопросах (иудаизм и ислам); солидарного с протестантским движением в его кальвинистской версии (распространение кальвинизма в Голландии, Англии, а позже в Америке океанских державах по преимуществу); наконец, особо активного в деле разрушения традиционного

для Европы номоса Земли (о чем неоднократно писал сам Шмитт) ставит последнюю точку в цепи соответствий.

Север + Восток, Икона, индоевропейцы, Огонь, Дом, оседлость, Традиция и Суша. Это силы номоса Земли. Сторонники культуры и порядка, ответившие на вызов трансцендентного Огня веером арийских традиций вплоть до христианства.

Юг + Запад, иконоклазм, семитские народы, Вода, Корабль, кочевничество, модернизм и Море. Это силы отрицания Земли, носители растворения, апокалипти ческие энергии рационального хаоса, номоса Моря. Они ответили на вызов Океана тем, что стали на его сторону против Земли и против древнейшего, почти забытого огненного прометеического вопроса, который предшество вал номосу Земли и всей человеческой Истории.

1.6 Номос Огня

Конец Восточного блока означает полную победу номоса Моря. Все попытки противостоять его логике и его структуре с помощью его же технических средств оказались несостоятельными. Баталия на кораблях была проиграна Испанией; экономико-индустриальное, стратегическое и доктринальное сопротивление номосу Моря национал-социалистической Германии (1933 1945), вдохновленной отчасти евразийским проектом Хаусхофера, было подавлено силой и хитростью Запада, использовавшего для этих целей СССР; технологическое соперничество, с учетом уроков марксизма, длившееся дольше всех, было проиграно в 60-е 80-е странами Варшавского договора параллельно окончанию второго этапа промышленной революции и переходу к постиндустриальному обществу. Цикл человеческой истории, пройдя насквозь статические полярности природы, завершил ся, о чем нас известил один американец с японской фамилией.

Мы можем констатировать абсолютный проигрыш Суши, Бегемота, Евразии, номоса Земли. Конечно, сам номос Земли был лишь следом решения человечеством поставленной перед ним открытой проблемы Бытия, но не его сущностью. Внешней формой Ответа, но не огненной стихией, породившей гиперборейский Ответ. Земля не может больше ответить на вызов номоса Моря, ставшего глобальным и единственным. Она затоплена Водами, ее Порядок растворен через щели в Мировом Яйце. Окончание промышленной революции развенчало иллюзии того, что с раскрепощенной техникой (entfesselte Technik) можно соревноваться на ее же уровне. Эфирократиче ская стадия абсолютной талассократии, взгляд, брошенный на Землю из космоса, делает все существа, кишащие на ней, принципиально одинаковыми их ценность строго прагматична и равна их полезности. Жизнь исчислена в финансовом эквиваленте реально доминирующего Капитала. Генная инженерия выводит цыплят и людей-клонов, так же, как вчера изобретали паровую машину или ткацкий станок. Техника вторглась в человечество, достигнув его центра. В 1959 году у Шмитта могла быть еще искра надежды, что нечто внезапно может измениться. К концу столетия таких надежд нет.

Триумф Воды апокалиптически вобрал в себя все стихии и все исторические формы, которые смог не просто уничтожить, но трансмутировать в своей цивилизацион ной геополитической пародийной алхимии. Золото (деньги), универсальный растворитель и техническая изобретательность сил Моря превратили человечество в контролируемую биомассу. Но осталось нечто, что не подвержено этому глобальному процессу.

Огонь.

Именно он очищенный от своих природных, культурных и социально-политических наслоений, приобретенных за время путешествия по истории находится сейчас в привилегированном положении по сравнению с тем компромиссным состоянием, в котором он находил ся, оставаясь лишь номосом Земли, порядком Суши. Только сейчас проясняется структура его изначального вызова, так как только сейчас проявляется во всем историческом объеме то, чему этот вызов был брошен. Под вопросом стоит ни больше ни меньше как Человек. В какой степени он оказался историчен? В какой природен? В какой мере поддался стихиям, составляющим его естественную ткань (вплоть до общевидовой рациональности)? В какой смог сохранить верность неочевид ному трансцендентному измерению? Сколько в нем, в конце концов, оказалось Огня? Или весь он только Вода?

ГЛОССАРИЙ

(основные понятия и термины геополитики)

Анаконды стратегия геополитическая линия атлантизма, направленная на отторжение от Евразии максимально большого объема береговых территорий для сдерживания ее геополитической экспансии.

Атлантизм (родственно терминам ***Вода, Море, талассократия , Sea Power***) сложное геополитическое понятие; соединяет в себе : исторически западный сектор человеческой цивилизации, стратегически союз западных стран, в которых главенствует либерал-демократическая идеология, военно-стратегически страны-участницы НАТО, социально ориентацию на ***«торговый строй»*** и ***«рыночные ценности»*** (модель США). Противоположно евразийству.

Аэрократия греч. «власть посредством воздуха». Силовой компонент стратегии, основанной на освоении воздушного пространства и его использовании в целях ***геополитической экспансии***. Развитие авиации, в отличие от развития мореплавания, своего собственного номоса не породило, став лишь развитием талассократи ческого принципа.

Бегемот др. евр. «зверь», «сухопутное чудовище» (в Библии). Термин Шмитта. То же, что ***континент, континентализм, евразийство***.

Берлин естественная стратегическая столица Средней Европы.

Биполярный мир (биполяризм или двухполярность) естественная геополитическая конструкция, отражающая в планетарном масштабе основной геополитический дуализм ***талассократия*** против ***теллурократии***.

Блок объединение нескольких государств, значительно изменяющее их стратегическое и геополитиче ское качество, выводящее их на более высокий уровень планетарной деятельности. По закону ***«пространственной прогрессии»*** образование блоков неизбежный процесс.

Богатый Север то же, что атлантизм, Запад и либерал-демократический мир.

Большое Пространство (Grossraum) термин Шмитта. Объединение нескольких держав в единое стратегическое образование. Возникновение Больших Пространств обусловлено теорией ***«пространственной прогрессии»***.

Внешний полумесяц (или ***островной полумесяц***) термин Макиндера, обозначающий совокупность территорий, входящих в зону ***талассократического*** влияния. Части

континентов и острова, тяготеющие к ***«морскому существованию»***. Так же зона, целиком подконтрольная стратегически ***атлантизму***.

Внутренне море (mare internum лат.) термин, обозначающий водное пространство, заключенное внутри сухопутного теллурократического объема, а поэтому не являющееся стратегической или культурной границей.

Внутренний океан термин означающий то же, что и ***«внутреннее море»***, только в планетарном масштабе. Также ***Срединный океан***. ***Внутренний полумесяц*** (или ***континентальный полумесяц*** или ***rimland***) термин Макиндера, обозначаю щий береговые территории Евразии, расположенные между ***«внешним полумесяцем »*** и ***«осевым ареалом»***.

Внутренняя ось качество геополитической связи центра с периферией внутри единого стратегического (или политического) пространства. См. также геополитиче ский луч и геополитический отрезок.

Вода (или Море) специальный термин, обозначающий «талассократию». Особенно разработан у Шмитта (das Meer) и у Мэхэна (Sea, Sea Power).

Восток то же, что Второй мир.

Враг (hostis лат.) термин Шмитта. Чисто политическое понятие, обозначающее совокупность внешних государственных, социальных, этнических или религиозных образований, стоящих на позициях, противоположных позициям стратегической столицы. Не имеет моральной нагрузки и может динамически переноситься на различные образования. Подвижная категория. См. друг.

Второй мир название социалистического лагеря в период «холодной войны». После конца «холодной войны» означает Евразию.

Географическая ось истории (или ***осевой ареал*** или ***heartland***) термин Макиндера, обозначающий внутриконтинентальные евразийские территории, вокруг которых происходит пространственная динамика исторического развития. Совпадает с территорией России.

Геополитика наука, основные положения которой изложены в данной книге.

Геополитический дуализм основной принцип геополитики, утверждающий в качестве двигателя исторического процесса противостояние талассократии и теллурократии.

Геополитический луч вектор силового (экономического, стратегического, культурного, хозяйственно го, административного и т.д.) воздействия геополитиче ского полюса на периферийные регионы. Реальная политическая картина мира в статическом состоянии оперирует с геополитическими отрезками. В геополитике принято говорить о лучах, как об открытом динамиче ском процессе постоянно длящегося импульса.

Геополитический отрезок совокупность отношений стратегической столицы (или геополитического полюса) с периферийными регионами, рассмотренная в конкретный исторический момент без учета общей динамики политических процессов. См. также геополитиче ский луч.

Геостратегия военные аспекты геополитическо го анализа.

Геоэкономика ответвление атлантистской геополитики. Рассматривает пространство в утилитарно-эко номическом смысле. Одна из приоритетных дисциплин «талассократического» анализа.

Государство-Нация светское государство с ярко выраженным централизмом. Политическое образование, в котором государственные формы приводят к рождению этноса и его культуры. Отличается от этнического образования (община, народ) и от Империи.

Граница в геополитике существует два вида границ: граница-линия и граница-полоса. Граница-линия представляет собой морскую границу. Граница-полоса сухопутную. Задача геополитического блока, претендую щего на действия в планетарном масштабе, сделать границы-линии максимальными для себя и минимальными для соперника, и наоборот.

Демополитика термин Челлена. Влияние демографических параметров на структуру государства. Широкого распространения не получил.

Дисконтинуальный пояс термин Коэна. Разорванные береговые зоны с неопределенной, вариабель ной ориентацией , могущие повернуться как к теллурократическому континенту, так и к талассократическому морю.

Друг (amicus лат.) термин Шмитта. Чисто политическое понятие. обозначающее совокупность внешних государственных, социальных, этнических или религиозных образований, стоящих на позициях совпадающих с позициями стратегической столицы. Не имеет моральной нагрузки и может динамически переносить ся на различные образования. Подвижная категория. См. враг.

Евразийство сложное геополитическое понятие; соединяет в себе: исторически восточный сектор человеческой цивилизации, стратегически актуальный или потенциальный блок государств и наций, отказывающихся признавать императив либерально-демокра тической идеологии, стратегически актуальное или потенциальное объединение в военный альянс восточных, ***«теллурократических»*** стран, социально ориентация на ***«идеократию»***, социальное государство, некапиталистический экономический строй.

Евразия то же что ***континент, heartland, Суша, Земля, теллурократия***. В более ограниченном смысле означает геополитическую Россию.

Единый Мир (One World - англ.) см. мондиализм.

Жизненное пространство термин Хаусхофера. Минимальный территориальный объем, позволяющий народу достичь реализации своих исторических и политических стремлений.

Запад синоним ***талассократии, атлантизма***.

Земля (или ***Суша***) в геополитике специальный термин, обозначающий «теллурократию». Особенно подробно теория «Земли», das Land, развита у Карла Шмитта.

Идеократия гр. «власть идей, идеалов». Термин русских евразийцев (Н. Трубецкой, П. Савицкий). Противопоставляется «власти материи», «рыночной системе», ***«торговому строю»***. При идеократии иерархия в обществе и стимуляция труда исходят из неэкономиче ских принципов.

Империя сверхгосударственное образование, объединяющее несколько народов и стран под

эгидой универсальной идеи религиозного, этического или идеологического характера. ***Интеграция*** в геополитике означает многообраз ные формы объединения нескольких пространственных секторов. Интеграция может осуществляться как на основе военной экспансии, так и мирным путем. Существуют несколько путей геополитической интеграции экономический, культурный, языковый, стратегический, политический, религиозный и т.д. Все они могут привести к одинаковому конечному результату увеличению стратегического и пространственного объема блока.

Колония территория, подконтрольная силе, отделенной водным пространством. Рассматривается как временная и внешняя база, отчужденная от общего геополитического пространства метрополии. Противоположна ***провинции***.

Конец Истории термин Фукуямы. Мондиалистский тезис о тотальной победе талассократии и либерально-демократической модели на всей планете. См. ***мондиализм, Единый Мир***.

Континент Евразия, Суша, теллурократический принцип.

Континентализм синоним ***евразийства*** в узко стратегическом аспекте. Понятие близко к понятию ***Суша, Земля***. Континенталистская школа геополитики является единственной в России, преобладающей в Германии, наличествующей во Франции и невозможной для англосаксонских стран. Противоположность ***атлантизму***.

Кратополитика термин Челлена. Рассмотрение государства с точки зрения его силового потенциала. Широкого распространения не получил.

Левиафан др.евр. «морское чудовище» (в Библии). Термин Шмитта. То же, что ***атлантизм, Море*** и т.д.

Либерализм мировоззрение, сочетающее в себе левые (минималистический гуманизм, индивидуализм, этнический и культурный эгалитаризм) компоненты в области политики и правые (рынок, приватизация, частная собственность, капитализм) в области экономики. Правящая идеология атлантистского лагеря. Политическим выражением либерализма является ***либерал-демократия***.

Меридианальная экспансия (экспансия по оси Север-Юг) расширение сферы влияния (военного, стратегического, культурного или экономического) вдоль меридиана, также ***долготная экспансия***); основное условие территориальной и стратегической стабильности государства.

Меридианальная интеграция (интеграция по оси Север-Юг) связывание отдельных пространственных секторов в единое целое по меридиану (также долготная ***интеграция***). Позитивна в случае уверенного контроля над северными и центральными областями. Негативна в случае нахождения на севере или в центре геополитических образований, чья лояльность ***стратегической столице*** сомнительна или слаба.

Месторазвитие термин Савицкого. То же что качественное пространство или просто ***пространство*** (в геополитическом смысле).

Минимальная геополитика прикладная дисциплина, заимствующая от подлинной геополитики некоторые термины и методику, но оставляющая в стороне базовый геополитический дуализм.

Мировой Остров термин Макиндера. Макиндер называл им ***Евразию*** и географическую ось истории. У Спикмена это понятие радикально поменяло свой смысл и стало обозначать совокупность ***талассократических*** зон (***зоны внешнего полумесяца***). В связи с таким разночте нием термин лучше не употреблять широко во избежание двусмысленности.

Многополярный мир на современном этапе чисто теоретическая концепция, предполагающее сосущест вование нескольких ***Больших Пространств***. Возможен только после преодоления ***однополярного мира***.

Мондиализм от фр. monde «мир» (в смысле «world», а не «peace»). Особая идеология, предпола гающая слияние всех государств и народов в единое планетарное образование с установлением Мирового Правительства, уничтожением расовых, религиозных, этнических, национальных и культурных границ. Существует «правый» мондиализм и «левый». Правый представляет собой глобализацию ***атлантизма***. Левый считает необходимым включить в Единое Государство и ***евразийский*** сектор (на том или ином основании).

Море то же, что и ***талассократия, Вода***.

Москва естественная стратегическая столица ***Евразии***. Основа осей всякой ***континентальной интеграции***. См. ***Евразия***

Неоатлантизм современная версия атлантизма, отвергающая мондиализм (даже правого толка) как преждевременный и невыполнимый в данных условиях проект. Считает, что вместо ***Единого Мира*** произойдет ***столкновение цивилизаций***.

Новый порядок проект масштабной геополити ческой реорганизации.

Новый мировой порядок то же, что мондиализм и проекты по созданию Мирового Правительства.

Номос термин Карла Шмитта. Базовый принцип организации любого пространства (географического, социального, политического, экономического, культурно го и т.д.). Синонимичен понятию «порядок», «закон», «уклад». Номос Суши = ***теллурократия***. Номос Воды (или Моря) = ***талассократия***.

Общество результат распада общинных образований. В отличие от общины принципиально делимо на атомарных членов (индивидуумов).

Община естественная форма существования людей, связанных органическими узами. Противостоит ***обществу***, в котором вместо органических связей главенствуют нормативы формализованного договора между индивидуумами. Общество регулируется Традицией.

Огонь элемент, символизирующий чистый дух. Трансцендентный принцип.

Однополярный мир геополитическая модель, сложившаяся после поражения СССР в «холодной войне». Единственным доминирующим полюсом является атлантизм и США.

Ось геополитический союз двух или нескольких ***геополитических столиц***.

Партизан термин Шмитта, символическая фигура защитника «номоса» Суши в ситуации триумфа противоположной геополитической силы.

Пассионарность термин Гумилева. Внутренняя энергетика этноса, движущая сила культурного, политического и геополитического созидания.

Периферия пространства и земли, не имеющие самостоятельной геополитической ориентации, удаленные от ***стратегической столицы***, от лица которой принимаются основные геополитические решения.

Политическая география термин Ратцеля, обозначавший то, что после Челлена стало называться собственно "геополитикой".

Поссибилизм от фр. possible, «возможный». Термин Видаля де ля Блаша. Призван нюансировать географический детерминизм, отчасти свойственный геополитике. Теория поссибилизма утверждает, что ***пространство*** не предопределяет историю, но лишь предрасполагает к тому или иному ее течению.

Прикладная геополитика термин Лакоста. Использование геополитического инструментария применительно к микропроблемам регионального уровня без учета основополагающих принципов. Также ***минимальная геополитика***.

Провинция периферийные территории, входящие в состав основного геополитического образования и рассматриваемые как неотъемлемая часть органического целого. Противоположна ***колонии***.

Пространство основное понятие геополитики. Является не количественной, но качественной категори ей. Структура пространства предопределяет структуру истории (в первую очередь, политической истории) таков основной тезис геополитики как науки.

Пространственной прогрессии закон сформулирован Жаном Тириаром. Звучит так «от государств -городов через государства-территории к государствам континентам». Географическая динамика политической истории неумолимо ведет к увеличению масштабов минимальных социальных образований. См. также ***«жизненное пространство»***.

Пространственный смысл термин Ратцеля. Заложенная в качественном пространстве система исторических предопределений. См. ***пространство***.

Регионализм ориентация на автономность ***периферийных пространств***. Имеет несколько форм экономическую, культурную, политическую и стратегическую.

Сакральная география совокупность представ лений о качественном пространстве у древних. Современная геополитика руководствуется типологически сходным понимаем ***пространства***, только выражает это в рациональной естественнонаучной форме.

Санитарный кордон искусственные геополити ческие образования, служащие для дестабилизации двух крупных соседних государств, способных составить серьезный блок, который, в свою очередь, явится опасным для третьей стороны. Классический ход в стратегии атлантистов в их противостоянии континентальной интеграции Евразии.

Север в сакральной географии (и у Дойблера) символ духа и идеального порядка. В современной геополитике синонимичен понятию ***богатый север***, что представ ляет собой нечто прямо противоположное т.е. атлантизм и либерализм.

Социополитика термин Челлена. Изучение социальных аспектов государства.

Срединный океан (Midland Ocean) термин Спикмена. Атлантический океан, если рассматривать Северную Америку и Европу как единое геополитическое пространство.

Средняя Европа пространство, промежуточное между Россией и атлантическим побережьем Европы. Традиционно рассматривается как зона преимуществен но германского влияния.

Столкновение цивилизаций термин Хантингтона. Теория перманентности и неснимаемости геополитических конфликтов на цивилизационном уровне.

Стратегическая столица (***геополитический полюс*** или ***источник геополитического луча***) центр геополитической ***интеграции*** и активный деятель масштабного геополитического процесса. Связи между стратегически ми столицами образуют геополитические ***оси***.

Суша см. ***Земля***

Теллурократия греч. «власть посредством земли» или «сухопутное могущество». Характеристика держав с явной сухопутной геополитической ориентацией. См. Евразия, Heartland, идеократия.

Талассократия - греч. «власть посредством моря» или «морское могущество». Характеристика государств и наций с доминированием мореплавания.

Токио естественная стратегическая столица Тихоокеанского пространства.

Торговый строй тип общества, в котором иерархия и стимуляция труда исходят из экономических принципов. Рыночная, либерально-демократическая система. Противоположен ***идеократии***.

Третий мир общее название слаборазвитых стран, принадлежащих преимущественно регионам геополити ческого Юга.

Туран северо-восточные области евразийского континента, степные просторы Евразии.

Широтная интеграция (интеграция по параллелям) наиболее уязвимый и сложный момент связывания подконтрольных центру геополитических пространств. Должна осуществляться максимально мирными и дипломатическими средствами. Основана на постепенном присоединении разнородных регионов к центральной части через пространственную иерархию наиболее лояльных центру секторов.

Широтная экспансия (экспансия по параллелям) агрессивная геополитическая тенденция, неизменно порождающая конфликтные ситуации, геополитическая стратегия наступательного характера. Почти всегда чревата военными конфликтами. осуществляется только после завершения меридианальной экспансии.

Экополитика термин Челлена. Рассмотрение государства как экономической силы. Широкого применения не получил.

Эфирократия греч. «власть посредством надатмосферных пластов». Доминация космического оружия. Развитие талассократических и аэрократических тенденций.

Юг в сакральной географии регионы беспорядка, смешения и вырождения. В современной геополитике Третий мир, слаборазвитые страны, где не утвердились либерально- демократические принципы.

Heartland англ. «сердцевинная земля»; см. ***географическая ось истории***. Термин Макиндера.

Hinterland нем. «задняя земля». Территории, простирающиеся вглубь континента от береговых линий. Термин, характерный для ***талассократического*** анализа пространства.

Jus Publicum Europeum лат. «Общий Европейский Закон». Исторический свод юридических уложений, регламентировавших межгосударственные отношения в Европе.

Jus Publicum Euroasiaticum лат. «Общий Евразийский Закон». Проект международного закона, который мог бы регулировать отношения между евразийскими странами и народами на основании признания приоритета континентальных ***теллурократических*** ценностей.

Lenaland англ. «земля, прилегающая к бассейну реки Лена». Термин Макиндера. Обозначает все северно-евразийские территории, лежащие к востоку от реки Енисей вплоть до побережья Тихого океана. В своих поздних работах Макиндер уделял этой области особое внимание, считая, что эти земли принадлежат не ***теллурократическим*** , но ***талассократическим*** зонам влияния.

Linkage термин Киссинджера. ***Атлантистская*** стратегия по соединению ***дисконтинуального пояса*** Евразии в сплошную территорию, подконтрольную Западу.

Mitteleuropa нем. то же, что ***Срединная Европа***.

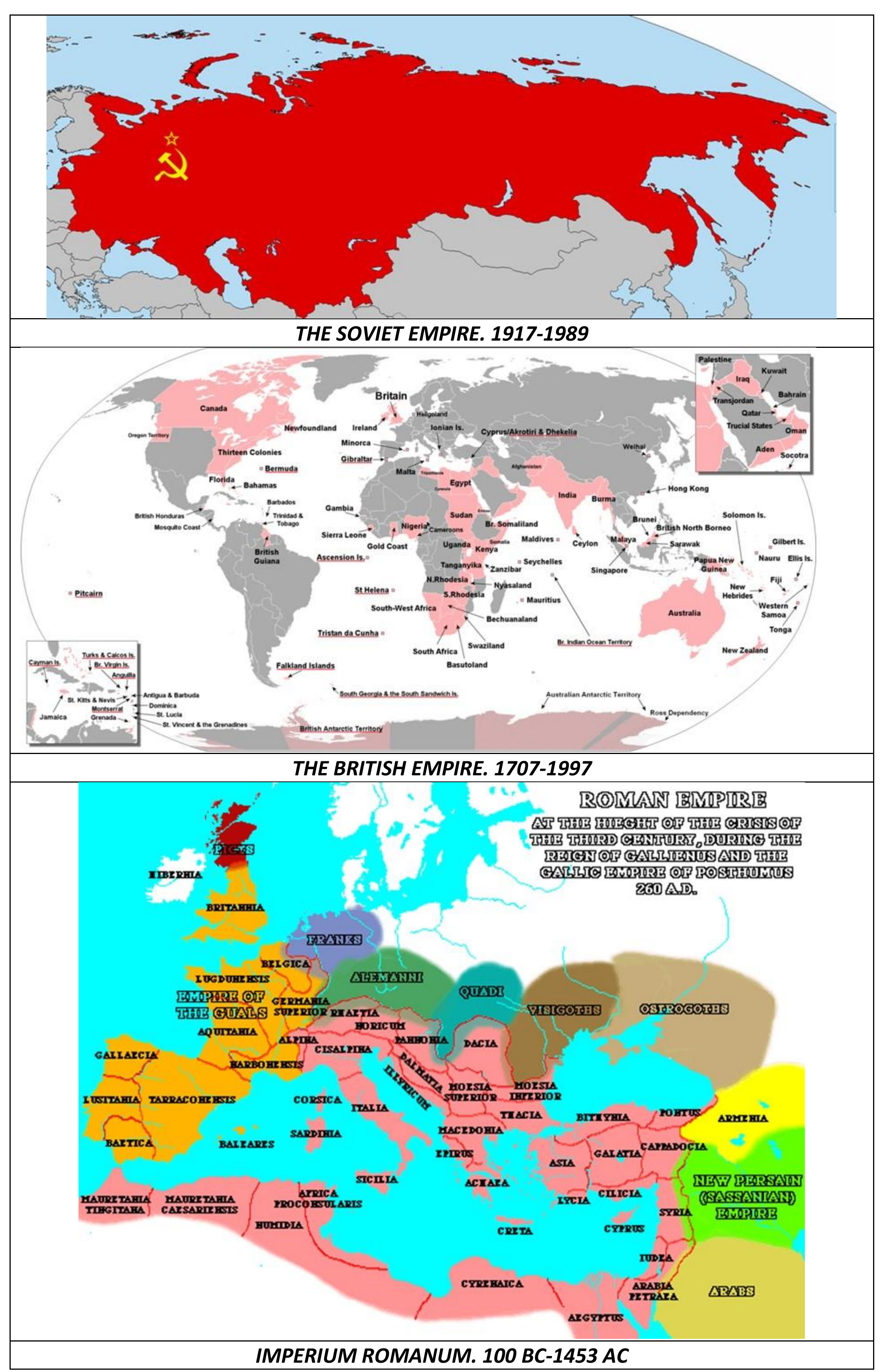
One World мондиалистская концепция Единого Мира. См. также Конец Истории.

Pax Americana лат. «Мир по-американски». То же, что ***атлантизм***.

Pax Euroasiatica лат. «Мир по-евразийски». То же, что ***евразийство***.

Pax Persica лат. «Мир по-персидски». Проект геополитической реорганизации пространства Средней Азии под эгидой Ирана в союзе с Россией.

Rimland англ. «береговые земли»; см. ***«внутренний полумесяц»***. Термин Макиндера.

THE SOVIET EMPIRE. 1917-1989

THE BRITISH EMPIRE. 1707-1997

IMPERIUM ROMANUM. 100 BC-1453 AC

FINIS OPERIS. FUNDAMENTA GEOPOLITICAE ALEXANDER DUGIN AUCTORE